

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

[Начать просмотр](#)

Могилев
Могилевский институт МВД
2024

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

**Учреждение образования
«Могилевский институт Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»**

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА
В СОВРЕМЕННОМ
ОБЩЕСТВЕ**

Сборник научных статей

Научное электронное сетевое текстовое издание

Могилев
Могилевский институт МВД
2024

ISBN 978-985-589-099-8 (CD)
ISBN 978-985-589-100-1 (on-line)

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
(on-line), 2024

© Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
(CD), 2024

[Перейти к сведениям об издании 1](#) [2](#) [3](#)

[Перейти к статьям](#)

УДК 340.1

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Научное электронное сетевое текстовое издание

*Рекомендовано к изданию научно-методическим советом
учреждения образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»*

Правовая культура в современном обществе [Электронный ресурс] : сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. — Могилев : Могилев. институт МВД, 2024. — Режим доступа: https://elib.institutemvd.by/jspui/handle/MVD_NAM/8086. — Загл. с экрана.

ISBN 978-985-589-100-1.

В сборник вошли научные статьи, представленные на VII Международную научно-практическую конференцию «Правовая культура в современном обществе» (17 мая 2024 года), организованную кафедрой правовых дисциплин Могилевского института МВД.

Тематика статей затрагивает актуальные направления развития теоретического юридического знания, проблемные аспекты реализации правовых норм в правоохранительной сфере, зарубежный опыт правового регулирования и правоприменительной практики, вопросы правового воспитания и правового образования в формировании правовой культуры; характеристики современного общества с позиции юридического, политологического, социологического и исторического знания.

В сборнике сохранена авторская редакция и подходы к решению заявленных проблем. Язык публикаций — русский и белорусский.

Сборник адресован ученым, преподавателям, докторантам, аспирантам, сотрудникам государственных органов, а также всем, кто интересуется проблематикой правовой культуры.

Ул. Крупской, 67, Могилев
тел. +375 222 72 41 58
e-mail: oonmid@institutemvd.by
<https://www.institutemvd.by>

- © Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
(on-line), 2024
- © Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
(CD), 2024

Научное электронное сетевое текстовое издание

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Основу данного издания составляет электронное текстовое издание локального доступа:

Правовая культура в современном обществе [Электронный ресурс] : сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. — Могилев : Могилев. институт МВД, 2024. — 1 электрон. опт. диск (CD-R). — Загл. с экрана.

ISBN 978-985-589-099-8.

Редакционная коллегия:

И. А. Демидова (ответственный редактор), профессор кафедры правовых дисциплин Могилевского института МВД, кандидат юридических наук, доцент;

Ю. П. Шкаплеров, первый заместитель начальника Могилевского института МВД, кандидат юридических наук, доцент;

Т. И. Вишневская, начальник кафедры правовых дисциплин Могилевского института МВД, кандидат юридических наук;

А. А. Дыжова, профессор кафедры правовых дисциплин Могилевского института МВД, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент;

Н. В. Пушко, доцент кафедры правовых дисциплин Могилевского института МВД, кандидат экономических наук, доцент;

С. Н. Чайкин, временно исполняющий обязанности по должности начальника кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилевского института МВД, кандидат исторических наук

[Перейти к сведениям об издании 1 3](#)

[Перейти к статьям](#)

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Рецензенты:

доцент кафедры теории и истории государства и права
учреждения образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
кандидат юридических наук, доцент *А. В. Григорьев*;
ведущий научный сотрудник отдела исследований
в области правоохранительной деятельности и осуществления правосудия
Института правовых исследований Национального центра
законодательства и правовых исследований Республики Беларусь
кандидат юридических наук, доцент *Е. С. Бородулькина*

Сведения о программном обеспечении:

современные программы просмотра веб-страниц (браузеры) Opera, Mozilla Firefox, Google Chrome и другие. Такие браузеры не нуждаются в дополнительных настройках и осуществляют открытие pdf-файла при нажатии на соответствующую ссылку.

Редактор технический *Е. И. Дзен*
Корректоры: *Т. Ю. Лухтанова, Н. П. Ковалькова*

Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Ул. Крупской, 67, 212011, Могилев, тел. +375 222 72 41 58.
www.institutemvd.by

Дата подписания к использованию: 16.05.2024.
Объем 5,36 Мб. Заказ № 5.

[Перейти к сведениям об издании 1](#) [2](#)

[Перейти к статьям](#)

РАЗВИТИЕ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

УДК 343.01

О ВЛИЯНИИ НОРМ УГОЛОВНОГО ПРАВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Т. П. Афонченко

Белорусский торгово-экономический университет
потребительской кооперации,
доцент кафедры права и экономических теорий,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** Подлинная правовая культура предполагает осознанное и добровольное следование велению норм действующего законодательства, что в полной мере не достижимо без использования рычагов уголовно-правового воздействия и социального контроля, реализуемого на основе режима судимости.*

***Ключевые слова:** судимость, социальный уголовно-правовой контроль, правовая культура.*

***Annotation.** A true legal culture presupposes conscious and voluntary adherence to the dictates of the current legislation, which is not fully achievable without the use of criminal law leverage and social control implemented on the basis of a criminal record regime.*

***Keywords:** criminal record, social criminal legal control, legal culture.*

Гармоничное взаимодействие в обществе предполагает соблюдение определенных норм — тех стандартов поведения, которые выступают в качестве общепринятых и общепризнанных на протяжении определенного периода времени в социальной группе. В общеизвестном понимании культура раскрывается как все те достижения, которые созданы человечеством на протяжении истории его существования. Более того, культура — это квинтэссенция наиболее эффективного с точки зрения обеспечения качества жизни и преемственности поколений формата существования, проверенного временем. Формирование стандартов правопослушного поведения является сложным по своему характеру, комплексным по содержанию многоаспектным и отнюдь не самопроизвольным процессом, требующим участия различных социальных институтов, ввиду чего вполне обоснованным представляется отнести к сегменту созданных и накопленных культурных ценностей и такую разновидность социальных норм, как правовые.

По умолчанию каждый законопослушный индивид, гражданин государства, будучи осведомленным о своих правах и обязанностях в процессе формирования правовой культуры, функционирует в правовой системе координат, соблюдая правовой статус окружающих его субъектов и ожидая аналогичного поведения по отношению к себе. Подобные внутренние ожидания, имманентно присущие высокому уровню правовой культуры в обществе, проистекают из гарантированных Конституцией Республики Беларусь прав и свобод. Так, ст. 2 Конституции Республики Беларусь устанавливает, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Кроме того, государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности. Далее, в ст. 21 снова подчеркивается, что обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства [1]. В то же время декларируемый на уровне Основного Закона приоритет обеспечения прав и свобод личности не может гарантировать абсолютное отсутствие нарушения последних со стороны иных субъектов. Идея о полном одобрении правового обеспечения социального устройства утопична, и абсолют правопослушания недостижим. Вариации девиантного нарушающего поведения так или иначе характерны для любого государственного устройства в силу содержательных характеристик механизма государства, одним из признаков которого является принуждение. В подобном случае следование установленным нормам поведения в обществе обеспечивается с помощью принудительного инструментария, одним из проявлений которого являются уголовно-правовые нормы. Иными словами, феномен уголовно-правового воздействия проявляется в том, что с одной стороны, уголовно-правовые нормы выступают как часть культурного наследия и правовой культуры, а с другой стороны, нацелены на обеспечение исполнения наиболее значимых стандартов поведения, фактически являющихся частью культурного кода нации. Значимость указанных стандартов подтверждается в том числе и тем, что на легальном уровне установлена потенциальная возможность масштабного ограничения прав и свобод нарушителя в качестве санкции за отклоняющееся поведение.

Обеспечение должного уровня правового менталитета как сегмента социальной культуры выступает актуальным вектором функционирования общества не только в контексте задач уголовного законодательства, где в ст. 2 Уголовного кодекса Республики Беларусь названы охрана мира и безопасности человека, человека, его прав и свобод, собственности, прав юридических лиц, природной среды, общественных и государственных интересов, конституционного строя Республики Беларусь, а также установленного правопорядка от преступных посягательств; предупреждение преступных посягательств, воспитание

граждан в духе соблюдения законодательства Республики Беларусь [2]. Противодействие общественно опасным посягательствам, предотвращение различного рода вредных воздействий на охраняемые интересы общества и государства актуально на фоне количественных и качественных показателей, характеризующих уровень, динамику и структуру преступности в Республике Беларусь. Так, согласно информации Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2022 г. в республике зарегистрировано 88 555 преступлений, что несколько превышает аналогичный показатель 2021 г., составляющий 87 696 преступных деяний, при этом из них убийств и покушений на убийство — 250 случаев в 2022 г. по сравнению с 297 в 2021 г. Снизилось также количество зарегистрированных тяжких телесных повреждений с 718 в 2021 г. до 678 в 2022 г. Обращает на себя внимание также снижение количества хулиганств с 3 974 в 2021 г. до 3 610 в 2022 г. Показатель уровня преступности в расчете на 100 000 человек населения также имеет тенденцию к снижению по сравнению с предшествующим годом и составляет 943 случая в 2022 г. по сравнению с 1018 в 2021 г. В течение 2021 г. всего в Республике Беларусь было осуждено 36 356 лиц, в течение 2022 г. данный показатель составил 38 206 человек. В свою очередь, возросло также количество потерпевших с 67 632 человек в 2021 г. до 74 128 в 2022 г. [3]. Очевидно, что социум, претендующий на решение амбициозной задачи формирования стандарта высокой культуры, в первую очередь должен быть ориентирован на контроль уровня преступности, что невозможно вне рычагов уголовно-правового воздействия.

При этом следует отметить, что в дискурсе целей уголовной ответственности и задач действующего уголовного законодательства значимое место отводится профилактической сфере воздействия. Иными словами, социальный уголовно-правовой контроль призван воздействовать не только на лиц, которые уже допустили уголовно наказуемые нарушения, но и тех, в отношении кого актуализированная угроза привлечения к уголовной ответственности еще не приобрела непосредственного характера. Программные нормативные правовые акты императивно включают в числе стратегических направлений положения, касающиеся превентивного воздействия, а также влияние на уровень правового менталитета.

В частности, в числе задач Стратегии борьбы с коррупцией названы совершенствование работы по формированию ценностных основ функционирования государства и развития общества, обусловленных идеологией нетерпимости к любым проявлениям коррупции. Кроме того, прямо названо повышение уровня правовой культуры и активности граждан, организаций, в том числе общественных объединений, в борьбе с коррупцией [4]. Комплексный план по борьбе с преступностью и коррупцией на 2023–2025 гг. мероприятия,

охватывающие профилактическое воздействие, включает в качестве самостоятельного раздела [5].

Профилактический пласт уголовно-правового воздействия служит не только обеспечению охраны уже накопленных культурных ценностей, но и рачительно задает направление перспективного развития социума, объективируя коллективные ожидания на предмет уровня безопасности, выражая критерии социально одобряемого и социально порицаемого варианта поведения индивида. Собственно, в этом и состоит содержательное предназначение социального контроля — четко устанавливать понятные каждому лишенные двусмысленности ориентиры должного либо, наоборот, настолько нежелательного, что подкрепляется уголовно-правовой репрессией.

В дискурсе сказанного представляется целесообразным дополнить ст. 2 Уголовного кодекса Республики Беларусь, изложив ее в следующей редакции: «Уголовный кодекс Республики Беларусь имеет задачей охрану мира и безопасности человечества, человека, его прав и свобод, собственности, прав юридических лиц, природной среды, общественных и государственных интересов, конституционного строя Республики Беларусь, а также установленного правопорядка от преступных посягательств; предупреждение преступных посягательств, воспитание граждан в духе соблюдения законодательства Республики Беларусь и формирование должного уровня правовой культуры».

---

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2022 г. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск, 2022. 374 с. [Вернуться к статье](#)

4. Стратегия борьбы с коррупцией [Электронный ресурс] : утв. на 25-м заседании Респ. координац. совещания 22 дек. 2022 г. // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/activity/borba-s-korrupsiey/strategiya-borby-s-korrupsiey/> (дата обращения: 16.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Комплекс мер по борьбе с преступностью и коррупцией на 2023–2025 годы готовится в Беларуси [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2022/august/71020/> (дата обращения: 16.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА:
ГРАНИ СОПРЯЖЕНИЯ****А. Л. Бредихин**

Санкт-Петербургский университет МВД России,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук

***Аннотация.** В настоящей статье автор исследует понятия правосознания и правовой культуры, приводит наиболее типичные подходы и ставит проблему соотношения этих категорий, которая решается неоднозначно. Автор предлагает критерии разграничения правосознания и правовой культуры и приходит к выводу, что они практически не пересекаются. Точка соприкосновения возникает лишь тогда, когда мы правосознанию придаем массовидность, то есть говорим об «общественном правосознании», которое и выступает формой представления правовой культуры; либо, если мы придаем индивидуальность правовой культуре, предлагая понятие правовой культуры личности, которое и выступает вариантом правосознания. Соответственно, если признать, что правосознание касается только личности, а правовая культура — атрибут общества, то противоречия во многом снимаются.*

***Ключевые слова:** правосознание, правовая культура, право, общество, культура, идеология.*

***Annotation.** In this article the author explores the concepts of legal consciousness and legal culture, presents the most typical approaches and poses the problem of the relationship between these categories, which is solved ambiguously. The author proposes criteria for distinguishing between legal consciousness and legal culture and comes to the conclusion that they practically do not overlap. A point of contact arises only when we give legal consciousness a mass form, that is, we talk about «public legal consciousness», which acts as a form of representation of legal culture; or, if we give individuality to legal culture, proposing the concept of legal culture of the individual, which acts as a variant of legal consciousness. Accordingly, if we recognize that legal consciousness concerns only the individual, and legal culture is an attribute of society, then the contradictions are largely removed.*

***Keywords:** legal consciousness, legal culture, law, society, culture, ideology.*

Среди важнейших правовых категорий теоретико-правовой науки традиционно называют правосознание и правовую культуру. Причем чаще всего понятия употребляются в связке и образуют единую тему. В этой связи представляется важным разграничить эти категории, определить их грани соотношения.

По мнению А. В. Мелехина, правосознание — это совокупность идей, представлений, чувств, переживаний, выражающих отношение людей к правовым явлениям общественной жизни (законам, законности, правомерному и

неправомерному поведению, правам, обязанностям, правосудию). Правосознание — одна из специфических форм общественного сознания. Оно состоит из трех элементов: правовой идеологии, т. е. систематизированного научного выражения правовых идей, взглядов, принципов, требований общества и населения; правовой психологии — совокупности правовых чувств, ценностных отношений, настроений, желаний, переживаний, характерных для всего общества и населения; поведенческих элементов (привычки, установки, готовность к деятельности) [1, с. 473].

Правовую культуру он видит как «качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне совершенства правовых актов, правовой и правоприменительной деятельности, правосознания и правового развития личности, положительно влияющее на общественное развитие и поддержание самих условий существования государства и общества» [1, с. 477]. То есть можно предположить, что правосознание вытекает из правовой культуры.

Примерно такое же видение дает В. Н. Хропанюк, определяя правосознание как результат отражения правовой жизни, но не употребляет термина «правовая культура». В структуре правосознания он предлагает выделять 2 элемента: научное правосознание (правовая идеология) и обыденное правосознание (правовая психология) [2, с. 157].

А. В. Поляков определяет правосознание как «осознание правовой действительности», т. е. ее восприятие в чувственных и мыслительных образах» [3, с. 263]. Правовую культуру он определяет как правовую среду обитания людей, в которую включаются все правовые ценности (духовные и материальные), способы и типы восприятия этих ценностей, а также деятельность по их созданию, пользованию и реализации [3, с. 311]. Впрочем, часто эти понятия смешиваются, четкой грани ученый не проводит.

Л. И. Спиридонов, не употребляя термина «правовая культура», но указывая на соотношение культуры и права, дает следующее определение общественного правосознания: «Отражение в коллективном сознании юридической действительности, воспринимаемой сквозь призму должного, отражение, опосредованное нормами культуры, экономическим, политическим, нравственным и другими формами общественного сознания» [4, с. 49]. Определение неоднозначное, но и здесь правосознание проистекает из правовой культуры как результат отражения, опосредованного нормами культуры.

В советской юриспруденции вопросы правосознания и правовой культуры также поднимались, но исследовались неоднозначно. Так, название научной статьи в сборнике научных трудов обозначено как «Правосознание как элемент правовой культуры» [5, с. 39]. Здесь же под правовой культурой предлагается

понимать «систему овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права и их отражению в сознании и поведении людей», а правосознание входит в ее состав. Само правосознание предстает как система духовного отражения всей правовой действительности [4, с. 43].

В учебнике по теории государства и права под редакцией А. М. Васильева нет понятия правовой культуры, но дано определение социалистического правосознания — «это обусловленная общественным бытием совокупность сложившихся в социалистическом обществе идей и взглядов, выражающих оценку существа, характера, принципов, задач и целей всех существующих и желательных в обществе правовых явлений» [6, с. 295–296]. Он также отмечает, что правосознание — категория идеологическая, но имеет связь с правовой психологией.

Взглядов и подходов к пониманию правосознания и правовой культуры, а также их соотношению неисчислимо множество, и приводить их не имеет смысла.

Следует предположить, что имеющаяся неоднозначность имеет свои объективные причины. Правосознание и правовая культура — это попытка юридикации неправовых изначально категорий: сознание и культура. Сознание — философская категория, понимаемая как форма отражения объективной действительности, способ его отношения к миру и самому себе. То есть это представление человека об объектах и явлениях. С точки зрения отношения человека к праву сознание предстает правосознанием и в некотором роде правовой идеологией. Связь сознания с психологией очевидна, но оно с ней не сливается. Таким образом, включение в состав правосознания правовой психологии нецелесообразно, так как это нарушает научную логику. Не может сознание права с точки зрения юриспруденции стать философско-психологической категорией лишь по факту перехода в сферу юридической науки. Тем более что сознание более-менее устойчиво, а чувства и эмоции изменчивы, поэтому могут исказить сознание (и правосознание), но не сформировать его.

Культура не менее многоаспектное понятие и означает некий результат человеческой деятельности и достигнутый уровень умений и мастерства. Культуру можно рассматривать и в духовном плане как ряд прогрессивных идей и взглядов общества в целом, воплощенных в конкретной форме. В определенном смысле мы можем говорить о правовой культуре, которая показывает уровень развития права как сферы жизни (правовое образование, правовые акты, законодательный процесс, юридическая техника и т. д.). Тем не менее культура — это предмет культурологии в большей степени, а не правоведения.

Таким образом, философский термин «сознание» (правосознание) мы вынуждены соотносить с культурологическим термином «правовая культура», но

в рамках правопедания с использованием правовых средств. Результат исследования может быть сомнительным.

На основании изложенного, считаем, что правосознание и правовая культура — обособленные друг от друга категории, практически не пересекающиеся. Точка соприкосновения возникает лишь, когда мы правосознанию придаем массовидность, то есть говорим об «общественном правосознании», которое и выступает формой представления правовой культуры; либо, если мы придаем индивидуальность правовой культуре, предлагая понятие «правовой культуры личности», которое и выступает вариантом правосознания. Соответственно, если признать, что правосознание касается только личности, а правовая культура — атрибут общества, то противоречия во многом снимаются.

В этом случае вполне разумной выглядит мысль, что правосознание предопределено (наряду с другими факторами) и правовой культурой конкретного общества.

-
1. Мелехин А. В. Теория государства и права : учеб. М. : Маркет ДС, 2007. [Вернуться к статье](#)
  2. Хропанюк В. Н. Теория государства и права : учеб. пособие для высш. учеб. заведений / под ред. В. Г. Стрекозова. М. : ИПП «Отечество», 1993. [Вернуться к статье](#)
  3. Поляков А. В. Общая теория права : курс лекций. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 642 с. [Вернуться к статье](#)
  4. Теория государства и права : учеб. / под общ. ред. В. П. Сальникова. С.-Петербург. ун-т МВД России; Акад. права, экономики и безопасности жизнедеятельности. СПб. : Фонд «Университет», 2004. С. 49. [Вернуться к статье](#)
  5. Каминская В. И., Ратинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания : сб. науч. тр. М., 1974. С. 39. [Вернуться к статье](#)
  6. Теория государства и права : учеб. / под ред. А. М. Васильева. М. : Юрид. лит., 1977. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЯ
К СОБСТВЕННОСТИ****И. Л. Вершок**

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** Исследуются теоретико-правовые аспекты отношения к собственности и праву собственности. Обосновывается существование феномена хозяйственного правового сознания.*

***Ключевые слова:** собственность, право собственности, хозяйственное правовое сознание.*

***Annotation.** The theoretical and legal aspects of attitudes towards property and property rights are explored. The existence of the phenomenon of economic legal consciousness is substantiated.*

***Keywords:** property, property rights, economic legal consciousness.*

В настоящее время происходит быстрая трансформация многих классических институтов права (частной собственности, частной хозяйственной и частной предпринимательской деятельности), а также появление новых правовых образований [1, с. 13]. В этой связи научное переосмысление сущности, понятия, форм и видов собственности, а также изучение проблем правового регулирования отношений собственности приобретает особенно высокую актуальность. Процессы трансформации феномена собственности и права собственности относятся к проблемам наиболее глобального статуса и значения, имеют сложнейшую антропологическую, психическую, социетальную, экономическую, юридическую, политическую и аксиологическую детерминированность.

При этом наиболее часто в своей исследовательской работе ученые делают основной акцент на вопросах динамики феномена собственности либо на аспектах юридического оформления и практической реализации права собственности. Само отношение к собственности и к соответствующему субъективному праву на нее полностью выпадает из поля зрения научных исследований либо изучается, но вскользь, опосредованно, на фоне иных проблем политологии, экономической теории, юриспруденции или социологии. Требуется предметно-научное, комплексное теоретико-правовое осмысление отношения к собственности и к праву собственности как сложного, динамического социально-психического юридического феномена. Иными словами, необходима детальная теоретическая проработка процессов восприятия, отражения,

осмысления информации о принадлежности конкретного объекта собственности и интерпретации содержания субъективного права собственности на данный объект. Характерно, что уже С. С. Алексеев признавал реальность существования так называемого чувства собственности. Указанный автор обоснованно утверждал, что человек при формировании отношения к собственности стремится не просто присваивать себе вещь — он, будучи мыслящим и творческим существом, таким образом продолжает себя во внешнем мире, и тем самым для него открывается возможность сознательно (интеллектуально, творчески и, в конце концов, физически) осваивать окружающую его действительность [2, с. 17].

Специфическая разновидность правового сознания как процесса восприятия, отражения, осмысления информации о принадлежности конкретного объекта собственности и интерпретации содержания субъективного права собственности на данный объект характеризуется рядом особенных признаков. Ему присуща особая интенциональная направленность на объект права собственности, а в ряде случаев — еще и на правовые нормы, опосредующие владение, пользование и распоряжение данным объектом. Кроме того, правовому сознанию в отношении к собственности свойственна специфическая напряженность и темпоральность, обусловленные наличием или отсутствием факта принадлежности объекта права собственности к данному субъекту-носителю правового сознания. Однако, несмотря на важнейшую, системообразующую для правовой и политической систем роль правового сознания в отношении к собственности, до сих пор отсутствуют научные исследования, посвященные проблемам его определения, дифференциации и характеристики отличительных признаков. Не имеется комплексных научных разработок, направленных на формирование терминологического аппарата и собственной методологии исследований правового сознания как восприятия, отражения, осмысления информации о собственности и интерпретации содержания субъективного права собственности.

Отметим, что среди близких (но не синонимичных) по значению слов, обозначающих данный вид правового сознания, можно привести несколько терминов. Так, возможно использовать словосочетание «экономическое правовое сознание», подразумевая при этом правовое сознание, трансформирующееся в условиях (вос-)производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг. Еще одним из вариантов сигнификации феномена правового сознания в отношении к собственности следует признать выделение «ресурсного правового сознания», предполагая его интенциональную направленность на источники, средства реализации различных субъективных прав носителей данного правового сознания. Добавим к уже перечисленным формулировкам

название «предпринимательское правовое сознание», для носителей которого предполагается обязательность формализованного, легального закрепления в качестве субъектов предпринимательской деятельности. Однако наиболее точным и универсальным словосочетанием, обозначающим социально-психические рациональные суждения, а также чувственные переживания по поводу принадлежности собственности и интерпретации права собственности, следует признать термин «хозяйственное правовое сознание».

Формулировка правового сознания в качестве хозяйственного подчеркивает специфику сферы его трансформации — общественных отношений или правового поведения в хозяйственной правовой реальности. Названные общественные отношения и поведение имеют сложный и комплексный характер, поскольку «регулируются одновременно нормами различной отраслевой принадлежности, предполагают значительную степень патернализма со стороны государства и находятся в органической связи с такими экономическими категориями, как товар, рынок, прибыль, конкуренция и пр.» [3, с. 84]. Термин «хозяйственное правовое сознание» в своем семантическом значении охватывает психические процессы, связанные не только с непосредственной реализацией прав собственника, владельца ресурсов или предпринимателя, но и с различными формами управления либо обеспечения реализации этого права со стороны других субъектов (контрагентов в правоотношении и (или) официальной инстанции, осуществляющей правотворчество или правоприменение). При этом обратим внимание на то, что хозяйственная деятельность (и обуславливающее ее правовое сознание) может осуществляться как с целью получения прибыли либо дохода, так и без таковой; она может вестись и для собственных нужд субъекта, в целях обеспечения его потребностей без выхода на рынок [4, с. 51].

Отметим, что с учетом ранее обоснованной классификации общего правового сознания [5, с. 79–81] хозяйственное правовое сознание также предполагает дальнейшее деление на две разновидности: частноправовое (автономное) и публично-правовое (гетерономное). Рассмотрим подробнее эти проявления хозяйственного правового сознания, взяв за основу разграничения два признака: один — основной, а второй — дополнительный. В качестве основного критерия дифференциации хозяйственного правового сознания будем использовать степень индивидуализации его носителя и конкретизации данных о нем; дополнительный признак классификации состоит в том, каковы условия экстерииоризации (выражения) хозяйственного правового сознания.

Автономное (частное) хозяйственное правовое сознание характерно для субъекта правового взаимодействия, когда процессы его восприятия, отражения и осмысления информации о собственности, а также интерпретации

о наличии или отсутствии у него субъективного права собственности конфиденциальны, скрыты от внешних глаз (privacy) и имеют индивидуальное значение. В таком случае результаты хозяйственного правового сознания доступны лишь этому субъекту (в крайнем случае — его контрагенту), а индивидуализация субъекта приобретает особое значение при реализации субъективного права. Автономное хозяйственное правовое сознание при реализации субъективного права обуславливает необходимость инициативы, творчества, ответственного поведения. Здесь важным регулятивным потенциалом обладает социальная ответственность, которая получила свое легальное закрепление в ч. 3 ст. 21 обновленной Конституции Республики Беларусь [6].

В этой связи совершенно справедливо звучит утверждение о психологии частного собственника, который, как правило, более эффективно использует собственность, способствуя повышению производительности труда и экономическому процветанию [7, с. 111], тем самым проявляя автономный тип хозяйственного правового сознания.

Результаты публичного правового сознания (в терминологии Л. И. Петражицкого — гетерономного, зависящего от внешних авторитетов [8, с. 56]) представляют актуальность и доступны для других, в том числе — для официальной инстанции (субъекта правотворчества и (или) правоприменения). Индивидуализация и персонификация самих носителей хозяйственного правового сознания для инстанции не очень принципиальна. Важнее массовость и типичность правовых форм экстерииоризации хозяйственного правового сознания, которое оценивается в рамках определенной социальной группы или коллектива (собственников, инвесторов, индивидуальных предпринимателей, налогоплательщиков и т. д.). Основной регулятивный потенциал для хозяйственного правового сознания гетерономного вида состоит в мерах различных видов негативной юридической ответственности.

Так, рассматривая проблемы ограничения и обременения права собственности, Н. Л. Бондаренко обоснованно отмечает, что ограничения имеют преимущественно публично-правовую природу, а обременения — частноправовую, но и те, и другие ставят собственника в определенные рамки и обязывают уважать общественные интересы [7, с. 111]. Придерживаясь указанной позиции и продолжая ее, отметим, что данные ограничения и обременения обладают публично-правовой или частноправовой природой не сами по себе: информация о них будет недействующей (лишь написанной на бумаге) до тех пор, пока не произойдет восприятие, отражение, осмысление и интерпретация ее теми субъектами, которым она адресована. Частноправовая или публично-правовая характеристика здесь в большей степени будет касаться именно правового

сознания субъектов, которые возлагают и на которых накладываются соответствующие ограничения или обременения в хозяйственной сфере.

Трансформация автономного хозяйственного правового сознания является объективным основанием расширения границ самоорганизации, построения горизонтальных связей в хозяйственной сфере. Здесь отношения собственности могут проявляться в качестве нефокусированных взаимодействий. Нефокусированные взаимодействия происходят всякий раз, «когда мы, сопредельствуя с другими людьми, не вовлечены с ними в личный контакт» [9, с. 214]. Носитель автономного хозяйственного правового сознания, признавая принадлежность объекта собственности и соответствующее субъективное право, может даже глубоко не задумываться о наличии сопутствующих этому юридическим предписаний и о возможной ответственности за их нарушение. При изучении хозяйственного правового сознания автономного вида наибольший научный интерес представляют единичные, нетипичные случаи экстерииоризации правового сознания субъектов хозяйственно-правовой реальности.

В свою очередь, доминирование гетерономного правового сознания обуславливает необходимость большей централизации в принятии правовых решений и увеличения роли инстанции. Это фокусированное взаимодействие, при котором интенциональность хозяйственного правового сознания направлена на осмысление юридических оснований принадлежности собственности и обеспечение права на нее, вплоть до применения к нарушителю прав собственности мер юридического воздействия. Реализовывать свое хозяйственное правовое сознание в таком случае будет не только сам носитель субъективного права, но и контрагенты (социальные группы, коллективы людей), а также представители официальной инстанции, действующие в публичных интересах на основании предоставленных им полномочий по управлению, юридическому и организационно-правовому обеспечению движения объектов собственности в хозяйственном обороте. Причем наибольший эвристический потенциал заключен в научном изучении типичных и массовых проявлений хозяйственного правового сознания гетерономного вида не только путем содержательного анализа, но и посредством принятия во внимание факта низкой или полностью отсутствующей активности субъектов по отношению к конкретному юридическому факту (например, низкой активности по уплате налога).

---

1. Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г., Шут О. Дискуссия о системе права и ее значение для цивилистической науки // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2022. № 4. С. 11–28. [Вернуться к статье](#)

2. Алексеев С. С. Право собственности. Проблемы теории. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2010. 240 с. [Вернуться к статье](#)

3. Бондаренко Н. Л., Хватик Ю. А. Современная методологическая модель преподавания дисциплины «хозяйственное право» в Республике Беларусь // Право и образование. 2019. № 1. С. 83–91. [Вернуться к статье](#)
4. Ершова И. В. Экономическая деятельность: понятие и соотношение со смежными категориями // Lex Russica. 2016. № 9 (118). С. 46–61. [Вернуться к статье](#)
5. Вершок И. Л. Актуальные проблемы понятия правового сознания. Минск : БГУ, 2024. 183 с. [Вернуться к статье](#)
6. Конституция Республики Беларусь 1994 г. [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
7. Бондаренко Н. Л. Социальная функция права собственности в контексте конституционного принципа ее неприкосновенности // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2018. № 28. С. 106–116. [Вернуться к статье](#)
8. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. : Лань, 2000. 608 с. [Вернуться к статье](#)
9. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко ; под науч. ред. С. Гавриленко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2018. 336 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

СОСТОЯНИЕ ПРАВОПОРЯДКА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Т. И. Вишневская

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
начальник кафедры правовых дисциплин,
кандидат юридических наук

А. В. Григорьев

Академия МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** В современный период развития информационно-техногенной цивилизации проблема обеспечения стабильности правопорядка в мироустройстве становится наиболее актуальной. Высокий уровень правосознания и правовой культуры общества неразрывно связан с обеспечением режима законности, который, в свою очередь, определяет состояние правопорядка в государстве.*

***Ключевые слова:** законность, правопорядок, правовая культура, правосознание, стабильность, государство, общество, личность.*

***Annotation.** In the modern period of development of information-technogenic civilization the problem of ensuring the stability of law and order in the world order becomes the most urgent. The high level of legal consciousness and legal culture of society is inseparably connected with ensuring the regime of legality, which in turn determines the state of law and order in the state.*

***Keywords:** legality, law and order, legal culture, legal consciousness, stability, state, society, personality.*

Государственно-организованное общество априори стремится к благополучию, что возможно только при условии обеспечения законности и правопорядка. Это связано с тем, что в условиях стабильного правопорядка эффективно функционирует экономика, достигается гармония в действиях законодательной, исполнительной и судебной властей, активно осуществляется деятельность различных общественных и частных организаций, реально гарантируется свободное развитие человека, максимально удовлетворяются его материальные и духовные потребности.

Проблема укрепления правопорядка становится наиболее актуальной в современный период развития общественных отношений, который характеризуется наличием таких современных вызовов, как цифровизация, глобализация, модификация ценностных ориентиров, наблюдается разобщенность социальной системы, увеличивается дистанцированность в отношениях между людьми и

государством, возникают новые негативные девиации. Преодоление указанных тенденций возможно путем активного правомерного поведения граждан, которое неразрывно связано с правосознанием и правовой культурой.

В теоретической юридической литературе правовая культура определяется как качественное состояние правовой организации общества, реального функционирования его правовой системы, отражающее достигнутый уровень развития в сфере правового регулирования социальных отношений.

Правовая культура общества проявляется в многообразных показателях. К наиболее важным из них относят:

- уровень правосознания, отношение общества, государства, индивидов к праву;
- совершенство и демократизм правотворческого процесса (подготовки, принятия, опубликования, систематизации нормативных правовых актов);
- качество законодательства, степень сбалансированного отражения в нем интересов индивидов, социальных групп, общества в целом;
- состояние в сфере реализации права, уровень работы правоохранительной системы;
- правовое закрепление и реальное обеспечение прав и свобод личности;
- профессионализм и высокий общественный статус юридических кадров и учреждений, позитивная правовая активность всех субъектов права, уважение надлежащих юридических процедур;
- состояние правовой науки и юридического образования;
- состояние законности и правопорядка.

Правопорядок представляет собой такое состояние регулируемых правом общественных отношений, при котором они соответствуют правовым предписаниям вследствие строгого и неукоснительного их исполнения. Правопорядок, следовательно, является результатом законности. Это по существу реализованная законность, проявляющаяся в системе урегулированных правом отношений. Государственная стратегия по противодействию преступности в Республике Беларусь направлена на обеспечение высокого уровня законности и устойчивого правопорядка в нашей стране. Правопорядок заключается в максимальной упорядоченности правом общественных отношений, складывается вследствие законности — соблюдения всеми субъектами права предписаний нормативных правовых актов [1, с. 374].

Правовой порядок можно рассматривать как цель правового регулирования, каковой является создание с помощью права и правовых средств такого порядка и такой урегулированности общественных отношений, которые служат сохранению и упрочнению существующего строя. Но правопорядок есть не

только цель, но и итог правового опосредствования — реально существующая фактическая урегулированность общественных отношений [2, с. 36].

Особенность правопорядка заключается в том, что он складывается только на основе норм прав и гарантируется государством. Специфика правопорядка определяется тем, что он охватывает не все общественные отношения. Очевидно, что большая часть общественных отношений не нуждается в правовом регулировании. Социальными регуляторами в таком случае будут выступать нормы морали, традиции, нормы религии и др.

Очевидно, что сегодня обеспечение режима законности и устойчивого правового порядка в стране неразделимо связано с комплексным использованием правовых, технических и организационных предупредительных мер по противодействию киберпреступности, иным современным негативным девиациям, формированием инновационных перспективных программ по их противодействию с учетом специфики цифрового социума и технологий будущего.

Масштабная вовлеченность людей в мир новых кибервозможностей, которые открыты человеку благодаря технологической революции, бесспорно считаются величайшим прогрессом. Вместе с тем, философский закон единства и борьбы противоположностей предполагает, что все существующее в нашем бытии находится в постоянном противоречии. Поэтому кроме блага, негативным следствием развития высокотехнологичной киберсреды становится кибердевиантность. Согласимся с Ю. Ю. Комлевым, который определяет кибердевиантность как «множество различных проявлений девиантного поведения в киберпространстве интернета, состоящих в нарушении социальных норм с использованием компьютеров, цифровых технологий, обращенных против компьютерных систем, социальных сетей, их конечных пользователей» [3, с. 184]. К одной из общественно опасных форм кибердевиантности относится киберпреступность, высокодоходная и малорискованная разновидность криминала, приобретающая экспонентный рост в современных реалиях. Опасность киберпреступности связана с тем, что она носит организованный и транснациональный характер, обладает высокой латентностью, угрожает общественному порядку и стабильному функционированию страны.

Можно утверждать, что состояние правопорядка зависит от уровня профессионализма работы правоохранительных органов. Высококвалифицированное разрешение ими различных юридических вопросов демонстрирует эффективность правового регулирования общественных отношений, формирует доверие и почтение со стороны населения к представителям государственной власти. Так, по данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь, в январе – декабре 2023 г. в стране зарегистрировано 85,3 тыс. преступлений, или 96,4 % к уровню января – декабря 2022 г. [4].

Важное значение в сфере обеспечения правопорядка имеет совершенство и демократизм правотворчества, формирование качественного законодательства. В настоящее время для реализации данного направления в государстве принята Концепция правовой политики Республики Беларусь [5]. Для формирования высокого уровня правовой культуры необходимо повышение юридической грамотности населения, которое осуществляется при помощи правового воспитания, юридического образования, правового просвещения и пропаганды. Оно включает формирование знаний права, его понимания и уважения на макроуровне общества, микроуровне определенных групп, уровне конкретной личности.

-
1. Вишневский А. Ф., Горбатов Н. А., Кучинский В. А. Общая теория государства и права : учеб. для вузов / под ред. В. А. Кучинского ; учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». 3-е изд., пересмотр. Минск : Акад. МВД, 2017. 478 с. [Вернуться к статье](#)
  2. Юнусов А. А. Правопорядок, общественный порядок и права человека // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. Право. 2007. № 4. С. 36–40. [Вернуться к статье](#)
  3. Комлев Ю. Ю. Противодействие кибердевиантности миллениалов в контексте формирования основ цифрового общества и цифрового гражданства // Ученые зап. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2021. Т. 6. 2 (12). С. 183–193. [Вернуться к статье](#)
  4. Статистика [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. URL: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/statistika> (дата обращения: 10.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
  5. О Концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 23 июня 2023 г., № 196. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 340.143

РОЛЬ НАУЧНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

С. А. Ворошкевич

Белорусский торгово-экономический университет
потребительской кооперации,
преподаватель предметной (цикловой) комиссии правоведения

***Аннотация.** В статье представлены национальный и зарубежный опыт применения института научной экспертизы в нормотворческой деятельности. Обосновывается вывод и предлагаются направления совершенствования данного института в Республике Беларусь.*

***Ключевые слова:** научная экспертиза, нормотворчество, проект НПА, цифровизация, экспертиза.*

***Annotation.** The article presents national and foreign experience in using the institute of scientific expertise in rule-making activities. The conclusion is substantiated and directions for improving this institute in the Republic of Belarus are proposed.*

***Keywords:** scientific examination, rule-making, draft legal acts, digitalization, examination.*

Нормотворческая деятельность во все времена была сложным и многогранным процессом, требующим тщательного и сбалансированного подхода к его организации. Упорядочение общественных отношений посредством создания правовых норм, их последовательная регламентация и глубокая проработка — одна из центральных функций государства. В настоящее время в правовой науке и практике осуществляется поиск оптимальных инструментов оценки качества законодательства, преодоления коллизий правовых норм и устранения нормотворческих ошибок. Важнейшим инструментом обеспечения качества действующего законодательства и проектов нормативных правовых актов (далее — НПА) является экспертиза.

В Республике Беларусь, как и во многих зарубежных государствах, проводятся различные виды экспертиз проектов НПА. Одним из таких видов является научная экспертиза. Научная экспертиза проектов НПА осуществляется, как правило, в сочетании с иными видами экспертиз, не противопоставляется им и проводится преимущественно по наиболее сложным проектам, требующим высокого уровня профессиональных знаний и компетенций в процессе решения комплексных проблемных аспектов соответствующих общественных отношений. В качестве таковой экспертизы целесообразно рассматривать направление проекта НПА для обсуждения

на заседаниях ученых советов учреждений высшего образования, научно-практических секций, экспертных советов нормотворческих органов.

Упоминание о проведении научной экспертизы содержится в Законе Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 159-З «О Национальной академии наук Беларуси» [1], Указе Президента Республики Беларусь от 3 февраля 2003 г. № 56 «О некоторых вопросах Национальной академии наук Беларуси» [2], Указе Президента Республики Беларусь от 27 мая 2019 г. № 197 «О научной, научно-технической и инновационной деятельности» [3].

Согласно положениям указанных правовых актов, функции по проведению научной экспертизы проектов важнейших НПА возложены на Национальную академию наук Беларуси.

Как отмечает представитель НАН Беларуси Ю. В. Кочурко-Станиславчик, «научная экспертиза проводится в целях оценки соответствия положений проектов НПА современным достижениям соответствующей отрасли науки, возможности применения результатов научных исследований на практике. Однако порядок ее проведения на законодательном уровне не регламентирован. Субъект нормотворческой деятельности самостоятельно определяет случаи, когда необходимо проведение такой экспертизы» [4].

Вместе с тем каждому важнейшему проекту НПА в Республике Беларусь уделяется особое внимание научным сообществом, что подтверждается наличием в п. 7 ст. 6 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее — Закон об НПА) принципа научности нормотворческой деятельности. Данный принцип обеспечивается применением результатов научных исследований, привлечением ученых к разработке проектов НПА, в том числе при проведении различных экспертиз проектов НПА [5].

Велика роль представителей научного и экспертного сообщества в процессе публичного обсуждения проектов НПА. В соответствии с ч. 2 п. 4 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 28 января 2019 г. № 56 «О публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов», публичное обсуждение проектов НПА может осуществляться посредством проведения заседаний научных, консультативных общественных советов при государственных органах [6].

Актуальность вопросов развития института научной экспертизы проектов НПА также обозначена в НПА стран СНГ. Проведем краткий обзор на примере Республики Казахстан, Республики Узбекистан и Российской Федерации.

Экспертную деятельность в сфере нормотворчества в Республике Казахстан осуществляют «специализированные подразделения нормотворческих и других государственных органов, высшие учебные

заведения, научно-исследовательские институты, общественные объединения и некоммерческие организации, в которых работают специалисты в сфере экспертной деятельности, а также сотрудники, имеющие признанный корпоративным сообществом авторитет в своей профессиональной сфере» [7].

Представляет интерес опыт Республики Казахстан в части применения института научной правовой экспертизы, законодательное регулирование которого произошло в 2021 г. В рамках совершенствования института научной правовой экспертизы Законом Республики Казахстан от 12 марта 2021 г. № 15-VII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования нормотворчества» впервые определен термин «научная правовая экспертиза» [8]. Согласно подпункту 1-1 пункта 1 статьи 1 Закона Республики Казахстан от 6 апреля 2016 г. № 480-V «О правовых актах» (далее — Закон № 480-V) научная правовая экспертиза — «независимый профессиональный экспертный анализ объектов научной правовой экспертизы в части оценки их качества, обоснованности, научной проработанности проекта, определения возможных негативных социальных и правовых последствий его принятия, соответствия предлагаемых норм системе права и системе законодательства» [9].

Вместе с тем Закон № 480-V содержит специальную 6 главу, посвященную научным экспертизам проектов НПА. Статья 30 указанного Закона включает важную оговорку о том, что по проектам НПА, вносимым на рассмотрение Парламента Республики Казахстан, проведение научной экспертизы в зависимости от регулируемых ими общественных отношений является обязательным, за исключением случаев внесения проектов законодательных актов в порядке законодательной инициативы Президента Республики Казахстан, когда научная экспертиза может не проводиться [9].

Проведение экспертизы и согласование проекта НПА в Республике Узбекистан установлено главой 4 Закона Республики Узбекистан от 20 апреля 2021 г. № ЗРУ-682 «О нормативно-правовых актах». Согласно статье 25 приведенного Закона, проект НПА по решению разработчика или органа, обладающего правом принятия НПА, может быть подвергнут экономической, финансовой, научной, лингвистической, экологической, а также иным видам экспертиз. При этом в качестве экспертов привлекаются организации и (или) лица, не принимавшие непосредственного участия в подготовке проекта НПА. Для проведения экспертизы могут быть привлечены ученые и специалисты, в том числе из других государств и международных организаций [10].

В Российской Федерации научная экспертиза осуществляется научными учреждениями и высшими учебными заведениями соответствующего профиля,

экспертами из числа ведущих ученых и специалистов в зависимости от содержания рассматриваемых проектов.

В соответствии со статьей 112 постановления Государственной думы Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II, «по решению ответственного комитета законопроект с сопроводительным письмом за подписью председателя комитета Государственной Думы может быть направлен в государственные органы, другие организации для подготовки отзывов, предложений и замечаний, а также для проведения научной экспертизы» [11].

Таким образом, зарубежный опыт свидетельствует о том, что научная экспертиза проектов НПА играет важнейшую роль в нормотворческом процессе. Наблюдается положительная тенденция привлечения независимых экспертов, ученых, уполномоченных органов, государственных и коммерческих институтов, учреждений высшего образования и иных экспертных организаций, не принимавших участия в разработке законопроектов. Такой подход комплексно отражает смысл научной экспертизы.

В целях повышения эффективности научной экспертизы законопроектов в Республике Беларусь следует обратить внимание, по нашему мнению, на 3 важных направления:

1. *Принятие мер, направленных на усиление нормативного правового регулирования института научной экспертизы проектов НПА (при необходимости).* В рамках реализации обозначенного направления, на наш взгляд, видится логичным проведение комплексного анализа правоприменительной практики с целью выявления проблемных аспектов правового регулирования научной экспертизы проектов НПА. В случае высокого уровня востребованности правового регулирования выявленных проблем следует детализировать институт научной экспертизы проектов НПА в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах».

2. *Изучение фактического состояния дел.* Как было отмечено ранее, уполномоченной организацией по проведению научной экспертизы проектов важнейших НПА на законодательном уровне определена Национальная академия наук Беларуси. При этом фактически система научной правовой экспертизы проектов НПА обеспечивает вовлеченность всего научного сообщества в процесс разработки законопроектов: представителей Национальной академии наук, ученых-юристов из профильных научно-практических центров, профессорско-преподавательского состава учреждений высшего образования, экспертов по различным отраслям права. В этой связи важно обратить внимание на расширение круга субъектов, уполномоченных проводить рассматриваемый вид экспертизы.

3. *Развитие магистрального направления цифровизации нормотворчества.* В настоящее время Национальный центр правовой информации Республики Беларусь решает ответственную задачу по переводу всей нормотворческой деятельности в цифровой формат взаимодействия посредством создания автоматизированной информационной системы «Нормотворчество» (АИС «Нормотворчество»). Данная система обеспечит комплексное цифровое взаимодействие нормотворческих органов на всех стадиях нормотворческой деятельности в отношении всех видов НПА. В этой связи считаем целесообразным согласиться с мнением П. В. Соловьева о том, что «в целях организационного упорядочивания и дальнейшего развития взаимодействия науки и нормотворчества видится разумным создание открытого банка данных нормотворческих предложений ученых, который будет системно (по отраслям законодательства и (или) в привязке к конкретному НПА) аккумулировать в себе проекты НПА или мотивированные нормотворческие предложения, подготовленные учеными и направленные в нормотворческие органы для рассмотрения» [12, с. 134]. Полагаем, что создание указанного открытого банка данных в рамках функционирования АИС «Нормотворчество» станет успешным драйвером на пути объединения усилий научного сообщества в подготовке НПА.

---

1. О Национальной академии наук Беларуси [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 мая 1998 г., № 159-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2021 г. № 74-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. О некоторых вопросах Национальной академии наук Беларуси [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 3 февр. 2003 г., № 56 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 07.05.2020 г. № 156. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. О научной, научно-технической и инновационной деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 27 мая 2019 г., № 197 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 07.05.2020 г. № 156. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Кочурко-Станиславчик Ю. В. Место и роль научной экспертизы в прогнозировании последствий принятия нормативных правовых актов [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г. № 130-З : в ред. от 17.07.2023 г. № 292-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. О публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 янв. 2019 г., № 56. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. Тлембаева Ж. У. Правовая экспертиза НПА как средство обеспечения эффективности законодательства [Электронный ресурс] // Право и государство. 2012. № 1 (54). URL: <https://km.kazguu.kz/uploads/files/7%20%D0%A2%D0%BB%D0%B5%>

D0%BC%D0%B1%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B0%2041-45.pdf (дата обращения: 01.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования нормотворчества [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 12 марта 2021 г., № 15-VII. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34740730&pos=1;-8#pos=1;-8 (дата обращения: 01.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

9. О правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 6 апр. 2016 г., № 480-V : с изм. и доп. по сост. на 01.07.2023 г. // Zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37312788&pos=3;-106#pos=3;-106 (дата обращения: 01.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

10. О нормативно-правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Узбекистан, 20 апр. 2021 г., № ЗРУ-682. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5378968> (дата обращения: 02.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

11. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Гос. Думы Рос. Федерации, 22 янв. 1998 г., № 2134-II ГД : в ред. постановления Гос. Думы Рос. Федерации от 15.02.2022. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=418095> (дата обращения: 01.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

12. Соловьев П. В. Нормотворческий принцип научности: конституционно-правовое содержание и реализация в Республике Беларусь // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Эконом. и юрид. науки. 2022. № 12. С. 129–135. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.11

**ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ И ДОВЕРИЕ:
СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ****Е. П. Голод**Санкт-Петербургский университет МВД России,
адъюнкт

Аннотация. Научная новизна рассматриваемой темы обусловлена потребностью в соотношении понятий «правовое сознание» и «доверие». В ходе исследования были выделены основные подходы к пониманию данных терминов, обозначены критерии их сравнения, а также сформулирован вывод об их взаимодополняемости — правовое сознание представляет собой идеальную модель доверительных отношений.

Ключевые слова: доверие, социоюридический феномен, правовое сознание, правовая культура, правовая коммуникация.

Annotation. The scientific novelty of the topic under consideration is due to the need to correlate the concepts of «legal consciousness» and «trust». During the study, the main approaches to understanding these terms were identified, criteria for their comparison were outlined, and a conclusion was formulated about their complementarity, since legal consciousness is an ideal model of trust relationships.

Keywords: trust, socio-legal phenomenon, legal consciousness, legal culture, legal communication.

Одной из актуальных проблем теоретико-правовой науки в настоящее время является проблема соотношения понятий «правовое сознание» и «доверие». Становление, функционирование и развитие любого современного правового государства неразрывно связано с поддержанием высокого уровня правового сознания и доверия граждан.

Свой вклад в решение вопросов о соотношении данных понятий помогает внести аксиологический подход, который основан на восприятии права как определенной ценности правовой действительности [1, с. 2]. Ценность права заключается в том, что оно представляет собой должное поведение каждого человека, выступает регулятором общественных отношений и ключевым элементом общественного прогресса. Развитие правосознания граждан является определенным фундаментом в восприятии ими ценностей права. Доверие как социоюридический феномен основано на принципах права, являющихся квинт-эссенцией социальных ценностей, которые впоследствии приобрели правовой характер [2, с. 116]. Отсюда следует, что данные понятия выступают важнейшими элементами эффективного применения права, обладающего социальной ценностью.

Прежде чем говорить о соотношении понятий «правовое сознание» и «доверие», следует рассмотреть их терминологию, выделить характерные черты приведенных понятий.

С термином «правовое сознание» можно ознакомиться в словарях русского языка, юридической и иной литературе, где авторы предлагают свое понимание. В словаре русского языка А. П. Евгеньевой правосознание представлено как совокупность взглядов, идей, выражающих отношение людей к праву, законности, правосудию, их представление о том, что является правомерным или неправомерным [3, с. 592]. Современные ученые-теоретики в области юриспруденции отражают понятие «правосознание» как совокупность идей, взглядов, навыков, умений, чувств, эмоций, традиций, переживаний, которые выражают отношение людей к правовым явлениям общественной жизни [4, с. 53]. С точки зрения Т. В. Болтовской, правосознание выражается в отношении людей к праву, которое основано на знаниях о праве и чувствах, т. е. это субъективное восприятие правовых явлений [5, с. 26]. Исходя из того, что сознание представляет собой отражение действительности путем знаний, правовое сознание следует транслировать как то, что человечество отражает в праве, его отношение к праву.

Термин «доверие» также находит свое отражение в различных источниках, рассмотрим некоторые из них. В. И. Даль под доверием понимает чувство или убеждение, что такому-то лицу, обстоятельству или надежде можно доверять, верить; вера в надежность кого, чего [6, с. 156]. В словаре синонимов русского языка «доверять» автор отождествляет с «верить», «полагаться», «надеяться» [7, с. 293]. В своей книге «Доверие: основа общества» представитель социологической мысли П. Штомпка утверждает, что «доверие наблюдается часто и повсеместно в каждодневной общественной жизни» [8, с. 27]. Доверие рассматривают в различных науках, однако в юриспруденции нет четкого закрепления данного термина, подход к феномену доверия весьма разносторонний.

Соотнести понятия «правовое сознание» и «доверие» становится возможным при использовании следующих критериев:

- 1) единство (сходство) наблюдаемых явлений;
- 2) различие наблюдаемых явлений;
- 3) взаимообусловленность наблюдаемых явлений, их влияние друг на друга.

Опираясь на первый критерий, отметим, что правовое сознание и доверие отражают субъективное отношение человека к праву, влияют на его восприятие права как регулятора общественных отношений. Оба явления имеют абстрактный характер, измерить уровень правосознания, как и уровень доверия,

без определенной степени погрешности невозможно. Правовое сознание, равно как и доверие, представляют собой субъективное отношение индивида к правовой реальности. В формировании правового сознания и доверия существенную роль играют различные информационные источники.

Говоря о различиях наблюдаемых явлений, стоит указать следующее. Во-первых, правовое сознание имеет классификацию, например, по уровню правового сознания (обыденное, профессиональное, научное). Следовательно, круг носителей правосознания весьма дифференцирован. К примеру, уровень правосознания действующих юристов, обладающих юридическим образованием, практикующих в сфере оказания юридической помощи и регулярно изучающих изменения в законодательстве, значительно отличается от уровня правосознания человека, образование и профессиональная направленность которого не связаны с подробным изучением и применением права. Классифицировать доверие по подобным критериям невозможно. Во-вторых, правовое сознание является элементом правовой культуры, которая, в свою очередь, включает в себя правовые отношения. Правовое сознание выражено в знаниях и убеждениях человека о праве, оно не затрагивает сферу взаимодействия. Доверие же выступает ключевым элементом в правовом взаимодействии как одном из видов социального взаимодействия.

Взаимообусловленность наблюдаемых явлений строится на том, что доверие к государству и праву является предпосылкой к формированию правосознания человека. Низкая степень доверия является признаком деформации правосознания личности. Также феномен доверия выступает одним из основных факторов легитимности государственной власти, от которого зависит эффективность взаимодействия государства и граждан, поддержание высокого уровня правопорядка и социальная стабильность. В правосознании индивида легитимность является обоснованием справедливости права и государственной власти.

Помимо этого, правовое сознание и доверие в совокупности способствуют достижению единой цели, а именно, формированию адекватного восприятия права как необходимого регулятора общественных отношений, а не как ограничителя свободы. В подтверждение данного тезиса обратимся к историческим фактам. В первой половине XX века было издано Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Данный нормативный правовой акт предусматривал высшую меру наказания с конфискацией имущества или лишение свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией имущества за хищение колхозной собственности. На сельскохозяйственных объектах были установлены часовые

вышки, за происходящим на объекте следили часовые с винтовками. Особенностью применения упомянутого закона стало то, что к ответственности привлекали в том числе лиц, которые совместно унесли несколько колосков с колхозного поля. Все это отражает уровень правосознания граждан того времени, государственная власть стремилась решать стоящие перед ней и обществом проблемы быстро и радикально, общество принимало данные меры, опираясь на примитивное понимание механизма решения социальных проблем. К институту права относились с недоверием, поскольку не знали, как его можно применять в защиту своих интересов. Все это имеет негативную окраску существования и применения права того времени. Современные источники права базируются на принципах гуманизма, справедливости, законности и иных. Граждане воспринимают закон как основной способ защиты своих прав и интересов, что обусловлено повышением их уровня правосознания и доверия к институту права. Отсюда следует, что взаимное доверие между обществом и государством, доверие граждан к институту права, а также высокий уровень правового сознания способствуют развитию и в дальнейшем восприятию права как основного механизма защиты прав и свобод личности, обладающего гуманной направленностью и действительно работающего на практике. Отсутствие доверия и низкий уровень правового сознания граждан, смирение с радикальным влиянием государственной власти на общественные отношения при помощи права не позволяют достичь основной цели права, что приводит к действию закона силы.

Это позволяет сделать вывод, что понятия «правовое сознание» и «доверие» не тождественны, но взаимосвязаны, они имеют непосредственное влияние друг на друга. Правовая культура, одним из элементов которой выступает правовое сознание, и высокий уровень доверия к законодательству способствуют восприятию права как действительного регулятора общественных отношений, обладающего высокой ценностью для общества. Доверие представляет собой сущностную основу права, оказывающую влияние на поведение как отдельно взятых индивидов, так и общественных групп, институтов. Правовое сознание представляет собой идеальную модель доверительных отношений.

---

1. Мельникова Т. В. Формы существования права: аксиологический подход // Междунар. науч.-исследоват. журн. 2023. № 7 (133). С. 1–4. [Вернуться к статье](#)

2. Щербик Д. В. Принципы права и преемственность в праве // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Эконом. и юрид. науки. 2013. № 13. С. 113–117. [Вернуться к статье](#)

3. Евгеньева А. П. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исслед. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. 702 с. [Вернуться к статье](#)

4. Чертова Н. А., Ершова И. В. Теория государства и права / Сев. (Аркт.) федер. ун-т. Архангельск : САФУ, 2021. 151 с. [Вернуться к статье](#)
5. Болтовская Т. В. Правосознание и правовая культура: соотношение и взаимосвязь // Актуальные исследования. 2022. № 27 (106). С. 25–28. [Вернуться к статье](#)
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : избр. ст. / совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ ; [науч. ред. Л. В. Беловинский]. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. 700 с. [Вернуться к статье](#)
7. Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / РАН, Ин-т лингвист. исслед. ; под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Астрель : АСТ, 2003. 681 с. [Вернуться к статье](#)
8. Штомпка П. Доверие — основа общества / [пер. с пол. Н. В. Морозовой]. М. : Логос, 2012. 445 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА:
К ВОПРОСУ СООТНОШЕНИЯ (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)****И. А. Демидова**

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена исследованию соотношения категорий правовой культуры и правовой жизни общества с позиций общеправовой теории. Обозначены базовые положения в отношении понимания правовой культуры и правовой жизни в правоведе-нии. Дана содержательная характеристика признаков, принципов формирования и функционирования данных социально-правовых явлений в проекции организации общественного устройства в условиях современности.

Ключевые слова: право, правовая культура, правовая жизнь, социально-правовая практика, современность.

Annotation. The article is devoted to the study of the correlation between the categories of legal culture and legal life of society from the standpoint of general legal theory. The basic provisions regarding the understanding of legal culture and legal life in jurisprudence are outlined. The substantive characteristic of signs, principles of formation and functioning of these socio-legal phenomena in the projection of the organisation of social structure in the conditions of modernity is given.

Keywords: law, legal culture, legal life, socio-legal practice, modernity.

Глубокая научная проработка проблематики правовой культуры с позиций теоретического юридического знания предполагает установление существенных характеристик правовой культуры как социально-правового феномена современности, что связано, во-первых, с выделением базовых признаков правовой культуры на понятийном уровне в рамках различных методологических подходов к ее исследованию, во-вторых, с обозначением принципов формирования и функционирования правовой сферы, что определяет правовую жизнь общества, в-третьих, с возможностью проектирования аналитической модели на социальную практику с целью определения и оценки параметров «правовой развитости» общества — уровня правовой культуры общества и, соответственно, качества его правовой жизни.

Интеграция научного знания в соответствии с различными основаниями в трактовке правовой культуры в рамках философского осмысления культуры в целом, а также в контексте сложившихся в правоведе-нии аксиологического, деятельностного, информационно-семиотического, социологического и ряда других методологических подходов к ее исследованию способствует максимально полной оценке содержания данной правовой категории

[1, с. 78–98]. При этом тот или иной понятийный логический ряд, определяющий содержание категории «правовая культура», устанавливается не только спецификой выбранного методологического основания, что обуславливает определенный ракурс представления и оценки феномена правовой культуры, но и логикой проведения конкретного исследования.

Следует исходить из того, что многоформатность правовой культуры не позволяет сформировать оконченное (завершенное) знание о правовой культуре как социальном феномене. Постклассический тип рациональности исходит из потенциальной неисчерпаемости любого сложного социального явления или процесса как с точки зрения обозначения его структуры, так и установления взаимосвязей и отношений. Данное обстоятельство определяет специфику правовой культуры в качестве объекта изучения. Одновременно любая теоретическая аналитическая модель должна иметь четкие понятийные рамки, посредством чего фиксируется достигнутый уровень понимания и степень постижения сущности исследуемого явления.

Так, аксиологический (ценностный) подход в исследовании правовой культуры фиксируется посредством такого понятийного ряда, как цивилизация, ценности, правовые ценности, правовые идеалы и правовые цели. В данном случае рассмотрение правовой культуры общества происходит сквозь призму цивилизационного развития, как цивилизационно-стадийного, так и цивилизационно-регионального и цивилизационно-локального, что позволяет выстроить общую логическую схему понимания посредством выделения типов правовой культуры. В соответствии с этим правовая культура современного белорусского общества может быть представлена в контексте общецивилизационных ценностей восточноевропейской цивилизации (локальный срез), на стыке ценностей западной и восточной цивилизаций (региональный срез), в соответствии с ценностями техногенной цивилизации (стадийный срез). При этом ценности в рамках той или иной цивилизации и стадии ее развития, а также общие правовые ценности (законность, справедливость, порядок и др.) будут иметь универсальный характер, равно как и правовые идеалы — всеобщего равенства, в то время как правовые общественные цели могут отличаться в исторической проекции исходя из специфики правового менталитета, сформированности правовых традиций, степени обозначенности национальной правовой идеи и особенностей ее фиксации посредством государственной идеологии и по ряду других оснований. Обозначенный подход позволяет представить проект цивилизационного правового развития конкретного общества, транслирующий правовой опыт и задающий вектор общественного правового развития.

Если в исторической проекции уникальные черты правового развития социума находят отражение в национальной правовой культурной традиции, изучение которой представляет собой важнейшую научную задачу, то в современный срез функционирования права в научных работах фиксируется посредством категории «правовая жизнь», которая содержательно включает в себя «совокупность всех форм юридического бытия общества, выражающихся как в позитивных, так и в негативных проявлениях правовой действительности, которые отражают особенности (специфику) и уровень юридического бытия, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов» [2, с. 13]. В данном случае логический понятийный ряд может выстраиваться следующим образом: правовое пространство, правовое поле, правовые зоны (базовые основания) как отражение эволюции, фиксации, функционирования и перемещения правовой информации, а также правовой субъект, правовая деятельность (их логическое продолжение) как сложившаяся правовая реальность. В этом случае применимы информационно-семиотический, деятельностный подходы в исследовании правовой культуры.

В свою очередь, социологический подход к представлению правовой культуры связан с признанием культуры фактором организации и образования жизни какого-либо общества в соответствии с культурными ценностями [1, с. 90]. Логический понятийный ряд категории «правовая жизнь» выстраивается посредством понятий «правовые ценности», «правовые нормы», «правовой опыт» (может транслироваться как в целом на общество, так и на отдельных его членов).

Сущностное понимание правовой жизни значимо в научном плане для обозначения факторов, порождающих и корректирующих действие права как социального регулятора общественных отношений. Одновременно идеальное моделирование правовой жизни призвано рефлексии сложившейся социальной практики, а также оценке правовой действительности в соответствии с выделенными критериями и параметрами оценки регулятивных свойств права, что ориентировано на выстраивание эффективной правовой политики.

Так, разнообразие правовой жизни современного общества должно находить отражение в нормативных правовых предписаниях, реализуемых в правомерном поведении участников правовых отношений. Использование при изучении правовой действительности категории «правовая жизнь» позволяет не только оценить воздействие права на общественные отношения, но и характеризовать право как объективную реальность в силу его специфики как социального регулятора, тем самым оценить уровень правового развития общества исходя из отношения субъектов к праву и в соответствии с эффективностью

функций права (регулятивной, как статической, так и динамической, а также охранительной и воспитательной).

Важно признать, что исследованию подлежит не только сама правовая жизнь и ее формы, но и факторы, которые определяют позитивные и негативные проявления в правовой сфере. В числе социальных детерминант правовой жизни называются экономический фактор, социально-психологический, социально-культурный, конфессиональный, этнологический (социобиологический), лингвистический и ряд других [2, с. 34–43]. В совокупности обозначенные факторы формируют социальные детерминанты, обуславливающие правовую жизнь общества. При этом позитивные тенденции правовой жизни общества связываются прежде всего с развитием нормативной правовой базы, качество которой определяется адекватностью отражения происходящих в обществе процессов, возможностью прогнозирования направлений правового развития. Особое значение признается за фиксацией правовых обычаев, что позволяет вести речь об издании их неофициальных сборников [2, с. 71].

Как и всякая жизнь, общественная правовая жизнь есть реальность, в данном случае правовая. Структурными элементами правовой жизни, ее составляющими выступают народ (этнос) и правовая личность, что обуславливается их включенностью в общественные правовые процессы.

Обозначение параметров определения уровня правового культурного развития служит оценке общественной «правовой развитости». В их числе могут быть названы следующие параметры: совершенство нормативного правового регулирования общественных отношений (отсутствие пробелов в правовом регулировании, минимизация коллизий в праве и правовой системе, правовое прогнозирование последствий принятия нормативных правовых актов, планирование принятия и изменения нормативных правовых актов субъектами правотворчества, эффективная систематизация нормативного материала и др.); формализованность (безликость) юридических процедур; правовая компетентность юридического корпуса, в целом уполномоченных на принятие правовых решений субъектов; состояние и развитие юридической науки, прежде всего теоретического блока; системность правового образования, в том числе качество юридического образования и др. Оценка обозначенных факторов позволяет выстраивать концепцию правовой политики и корректировать ее проведение на практике.

Установлено, что в теоретическом плане понятие эффективности правовой политики определяется учеными по-разному: «как функционально-целевая категория, как научная категория, отражающая качественное состояние процесса правового регулирования, как способность правового средства содействовать достижению целей, как оценка результатов применения закона, как

комплексный показатель качества нормы, как осуществимость, как одна из характеристик правовой деятельности» [3, с. 118–119]. Выделяются критерии эффективности правовой политики посредством оценки эффективности права в целом, отдельной правовой нормы, а также рассмотрения элементов управленческого процесса с позиций его эффективности как в статике, так и в динамике [3, с. 111]. К примеру, в отношении правовых норм указывается экономичность, оптимальность и полезность их действия, в отношении права в целом — достижение поставленных целей, согласование социальных интересов.

Таким образом, проведенный теоретико-правовой анализ категорий «правовая культура» и «правовая жизнь» позволяет выстроить логические понятийные ряды составляющих их понятий, обозначить зависимость социальных явлений, которые они фиксируют. Правовая культура и правовая жизнь взаимосвязаны и взаимообусловлены. В условиях современности правовая жизнь представляет собой способ существования субъектов права в правовом пространстве. В условиях правовой организации общественного устройства для правовой личности как субъекта права и участника правовых отношений объективно необходимо наличие правовых знаний, а также сформированность правового мышления, что определяет возможность оценки правовых явлений. Обладание правовыми знаниями, наличие правовых переживаний и правовых ожиданий замыкается на правовой культуре личности в качестве составляющей правовой культуры общества. В этой связи важнейшим направлением правовой политики может считаться правовое воспитание и образование членов социума. Для юридических лиц важное значение имеет реализация правосубъектности, закрепленной правовыми нормами, для государства — конституционно провозглашенное устройство государственной и общественной жизни, что определяет правовой характер их организации и функционирования.

---

1. Демидова И. А. Правовая культура современного белорусского общества: методология исследования, вопросы понимания и совершенствования. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2021. 396 с. [Вернуться к статье](#)

2. Малько А. В. Правовая жизнь современного общества: социально-факторный анализ : моногр. М. : Юрлитинформ, 2015. 152 с. [Вернуться к статье](#)

3. Нырков В. В., Пысина Е. П. Эффективность правовой политики: понятие и критерии // Правовая политика. Право. Правовая система : моногр. / под ред. А. В. Малько. М. : Юрлитинформ, 2013. С. 110–129. [Вернуться к статье](#)

УДК 342

ФЕНОМЕН ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ю. П. Денисов

Сибирский юридический университет,
доцент кафедры конституционного и административного права,
кандидат политических наук

Аннотация. Исследование посвящено анализу ценностных ориентиров российской политики идентичности, нашедших публично-правовое закрепление в Российской Федерации. В результате теоретико-правового анализа Конституции Российской Федерации и ряда других нормативных правовых актов автор выявляет и подвергает научному осмыслению структуру комплекса ценностных ориентиров российской политики идентичности.

Ключевые слова: ценности, общегражданская идентичность, публичное право, правовая культура, государственность.

Annotation. The research is devoted to the analysis of the value orientations of the Russian identity policy, which have found public legal consolidation in the Russian Federation. As a result of a theoretical and legal analysis of the Constitution of the Russian Federation and a number of other normative legal acts, the author identifies and scientifically interprets the structure of the complex of value orientations of Russian identity policy.

Keywords: values, civil identity, public law, legal culture, statehood.

В условиях острой геостратегической и военно-политической напряженности в сочетании с динамичным технологическим развитием и нарастающей цифровизацией всего спектра общественных отношений перед публично-правовыми науками все острее встают проблемы политико-правового регулирования политики идентичности. Под политикой идентичности в данном случае понимается система мер, направленная на сохранение, укрепление, развитие и продвижение определенной коллективной идентичности посредством языковой политики, политики памяти, культурной и символической политики. Она, в частности, «применяется для интеграции граждан определенной страны путем формирования представлений о титульной нации и интерпретации истории национальной государственности, ее культурных и даже цивилизационных оснований» [1, с. 28].

Культурные и цивилизационные основания государственности базируются на общих ценностях. Вместе с тем ценностные основы коллективной идентичности не являются абсолютной константой. Необходимым условием их релевантного существования является их развитие. Однако в процессе развития

они оказываются подвержены как хаотическим, так и целенаправленным воздействиям разнородных факторов и субъектов политических процессов. В современном мире «именно культура, духовно-нравственный авторитет нации являются обязательным условием для эффективного применения “мягкой силы”» [2, с. 202]. А современные технологии воздействия на массовое сознание несут в себе не только созидательный, но и колоссальный разрушительный потенциал. В этих условиях публично-правовое закрепление ценностных ориентиров политики идентичности становится жизненно важным для государства.

Основополагающие, ключевые ценностные ориентиры политики идентичности в Российской Федерации заложены в Конституции Российской Федерации. Важнейший базовый ценностный ориентир российского государства и общества сформулирован в статье 2 Конституции. Она гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» [3]. Данная конституционная норма закрепляет безусловную ценность каждого человека как личности. Она перекликается с мыслями Н. А. Бердяева, который отмечал: «Человек есть загадка не как животное и не как существо социальное, не как часть природы и общества, а как личность, именно как личность. Весь мир ничто по сравнению с человеческой личностью, с единственным лицом человека, с единственной его судьбой» [4, с. 11].

Как видится из приведенной выше конституционной нормы, высшую ценность представляет собой не только человек, но и его права и свободы. Права и свободы как ценностный ориентир достаточно глубоко укоренены в российской идентичности. На их значение для отечественного коллективного сознания обращал внимание В. С. Соловьев. С одной стороны, он отмечал отличие, имеющееся между западным и российским правосознанием. По его мнению, правосознание западного человека выражается в формулировке: «Я имею право потребовать». Содержание русского же правосознания выражает формулировка: «Я должен». С другой стороны, сам В. С. Соловьев предложил формулу: «*Право есть свобода, обусловленная равенством*». В этой дефиниции права индивидуалистическое начало свободы оказывается в неразрывной взаимосвязи с общественным началом равенства. В итоге право осмысливается как «*синтез свободы и равенства*». *А свобода каждого из нас оказывается невозможной без признания равного права всех других* [5, с. 531–532].

Еще одним важным ценностным ориентиром политики идентичности является ценность семьи. В части 1 статьи 38 Конституции Российской Федерации закреплено, что «материнство и детство, семья находятся под защитой государства». При этом в соответствии с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года, статья 72 Конституции

Российской Федерации относит к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации не только защиту семьи, материнства и детства, но и защиту отцовства. Также данной конституционной нормой закреплено создание условий для достойного воспитания детей в семье. Важно понимание и того, что, в соответствии со статьей 72 Конституции Российской Федерации, под защитой государства находится институт брака как союза мужчины и женщины. Кроме того, данная конституционная норма фактически закрепляет за совершеннолетними детьми обязанность заботиться о родителях. А согласно части 1 статьи 67.1 Конституции, важнейшим приоритетом государственной политики России являются дети. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения [3].

Ценность семьи жизненно важна для коллективной идентичности любой социальной общности, что обусловлено ролью семьи как социального института и как агента социализации. Именно семья обеспечивает физическое и духовное воспроизводство общества, реализуя детородную функцию и функцию передачи из поколения в поколение традиционных ценностей. Неслучайно, что эти две функции семьи фактически выделил Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем послании Федеральному Собранию, отметив: «Ценности любви, взаимной поддержки и доверия передаются в семье из поколения в поколение, так же как культура, традиции, история, нравственные устои. И конечно, главное предназначение семьи — это рождение детей, продолжение рода человеческого, воспитание детей, а значит, и продолжение всего нашего многонационального народа» [6].

Еще одним важным ценностным ориентиром, закрепленным в Конституции Российской Федерации, является историческая память. Как отмечал Дж. Тош, «если отдельный человек не может существовать без памяти, то не может и общество, и это в равной мере относится и к большим технически передовым обществам» [7, с. 13]. Наибольшим консолидирующим потенциалом для коллективной идентичности обладают образы прошлого, которые сопряжены с историей большинства семей, образующих социальную общность. К числу таких образов прошлого России, как и Беларуси, безусловно, относится образ Великой Отечественной войны. Однако такие образы прошлого обладают высоким манипулятивным потенциалом и являются притягательными объектами для фальсификаций. На противодействие такого рода деструктивным для коллективной идентичности явлениям направлена часть 3 статьи 67.1

Конституции Российской Федерации. Она гласит, что Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается. Часть 2 той же статьи Конституции связывает признание исторически сложившегося государственного единства Российской Федерации, которое также является важнейшей традиционной ценностью, с тысячелетней историей России, сохранением памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога и преемственностью в развитии Российского государства [4].

Наряду с Конституцией ценностные ориентиры политики идентичности в Российской Федерации закреплены и детализированы в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [8] и Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [9]. Оба названных документа утверждены указами Президента Российской Федерации. Фактически из данных указов следует, что объектом государственной идентичности в первую очередь является общероссийская гражданская идентичность.

Основа общероссийской гражданской идентичности в нашей стране также определена на нормативно-правовом уровне, в уже упомянутых выше Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Она представляет собой «исторически сложившуюся систему российских духовно-нравственных ценностей, объединяющую самобытные культуры многонационального народа Российской Федерации». Нравственными ориентирами, лежащими в основе общероссийской гражданской идентичности, являются традиционные ценности. К ним отнесен широкий спектр ценностей, имеющих позитивный характер: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [8]. Нормативные правовые документы, ориентированные на воспитание молодежи, содержат еще более обширный круг ценностей, которые могут быть объединены в «матрицу идентичности», обнимающую собой множественные характеристики социально-индивидуального сознания и поведения человека [10, с. 54].

В заключении мы можем констатировать, что сегодня в Российской Федерации мы наблюдаем феномен закрепления на нормативном правовом уровне целого комплекса ценностных ориентиров российской государственной политики идентичности. Ядро этого комплекса нашло публично-правовое

закрепление в конституционных нормах. Его образуют жизнь человека, его права и свободы, крепкая семья, историческая память, государственное единство Российской Федерации. Фактически данные категории составляют аксиологическую основу политики идентичности Российского государства. Однако ими отнюдь не исчерпывается весь массив огромной ценностной системы, служащей фундаментом общероссийской гражданской идентичности, который нашел свое закрепление в правовых актах Президента Российской Федерации.

---

1. Антанович Н. А., Слуцкая Л. В., Побережная О. Е. Научное изучение идентичности и возможности его применения в формировании политики идентичности // Весці БДПУ. Сер. 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2021. № 3 (109). С. 25–30. [Вернуться к статье](#)

2. Панищев А. Л. «Мягкая сила» и ее перспективы в условиях кризиса государства как формы и способа бытия человека // Государство и право. 2023. № 11. С. 201–206. [Вернуться к статье](#)

3. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики. М. : Республика, 1995. 375 с. [Вернуться к статье](#)

5. Соловьев В. С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики // Собрание сочинений. Т. 8. СПб. : Просвещение, 1914. 516 с. [Вернуться к статье](#)

6. Послание Президента Федеральному Собранию. 29 февраля 2024 года [Электронный ресурс] // Администрация Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 24.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / пер. с англ. М. : Весь Мир, 2000. 296 с. [Вернуться к статье](#)

8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 2 июля 2021 г., № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

9. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 9 нояб. 2022 г., № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

10. Полежаев Д. В. Содержательно-смысловые особенности «матрицы идентичности»: Родина, гражданственность, патриотизм // Ценности и смыслы педагогической профессии : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), посвящ. 80-летию Победы в Сталинградской битве, Году педагога и наставника в Рос. Федерации, 200-летию со дня рождения К. Д. Ушинского. Волгоград : ГАУ ДПО «ВГАПО», 2023. С. 50–55. [Вернуться к статье](#)

УДК 340(02)

ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Е. С. Зайцева

Санкт-Петербургский университет МВД России,
докторант научно-исследовательского отдела,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье ставится проблема влияния правотворческой культуры на выявление и установление пределов сферы правового регулирования. Делается вывод, что познание пределов сферы правового регулирования зависит как от уровня правосознания субъектов правотворчества, так и от наличия и эффективной реализации правотворческих технологий, сопровождающих правотворческую деятельность, которые в совокупности являются содержательными компонентами и показателями уровня правотворческой культуры.

Ключевые слова: правотворческая культура, пределы сферы правового регулирования, пределы предмета правового регулирования, правотворческие технологии.

Annotation. The article raises the problem of the influence of law-making culture on identifying and establishing the limits of the scope of legal regulation. It is concluded that knowledge of the limits of the sphere of legal regulation depends both on the level of legal awareness of law-making subjects and on the availability and effective implementation of law-making technologies accompanying law-making activities, which together are, on the one hand, substantive components, and on the other hand, indicators of the level of law-making culture.

Keywords: law-making culture, limits of the scope of legal regulation, limits of the subject of legal regulation, law-making technologies.

Правовая культура как сложное социальное явление может быть классифицирована по различным критериям, одним из которых является вид правовой деятельности, позволяющий выделять правотворческую, интерпретационную и правоприменительную культуру. Правотворческая культура (культура правотворчества) как общеправовой феномен была осмыслена еще в 1990-е годы XX века [1] и в дальнейшем неоднократно попадала в поле зрения различных исследователей. В то же время четкой позиции в отношении понятия, элементов и функций правотворческой культуры до сих пор не выработано.

По мнению Д. А. Керимова, суть правовой культуры участника законотворческой деятельности как составной части общей культуры выражается в особом образе профессионального мышления и соответствующего действия, основанного на признании и восприятии основных общечеловеческих ценностей права, требований законности и режима правопорядка, в соответствии

с которыми осуществляются законотворческая деятельность и правореализующая практика [2, с. 6–7]. Есть и иная точка зрения, в соответствии с которой культура законотворчества (правотворчества) представляет собой систему идей и ценностей участников законотворческой деятельности, влияющих на процесс формирования системы законодательства [3, с. 231].

Не погружаясь в подробный анализ всех существующих подходов и точек зрения по этому вопросу, отметим, что правотворческая культура как разновидность правовой культуры должна коррелировать с классификацией правовой культуры по субъектам и в зависимости от того, о какой правовой культуре идет речь — общества, группы или личности, может быть определена по-разному. Понятие «правотворческая культура общества» может быть использовано в двух смысловых значениях. В рамках первого данное понятие может употребляться, когда идет речь о различных формах правотворчества, предполагающего прямое или косвенное участие общества в правотворческой деятельности [4, с. 79]. В этом случае правотворческая культура может рассматриваться как правовое свойство субъектов права [5, с. 12]. В рамках второго данное понятие связано с оценкой тех достижений, которые существуют в правотворческой сфере в той или иной государственно-правовой системе, и может быть определено как система овеществленных и идеальных элементов, связанных с правотворческой деятельностью и отраженных в сознании и поведении людей. Правотворческая культура группы¹ может быть определена как система ценностей и средств субъектов правотворческой деятельности, определяющих процесс создания норм права и формирования системы права и системы законодательства. Относительно правотворческой культуры личности можно сказать, что это особый образ профессионального мышления и соответствующего действия, в соответствии с которыми осуществляется правотворческая деятельность.

Выявление и установление пределов сферы правового регулирования и закрепление их в качестве пределов предмета правового регулирования во многом определяются уровнем культуры правотворчества субъектов, ее осуществляющих. Отметим, что в рамках нашей концепции пределов правового регулирования пределы сферы правового регулирования и пределы предмета правового регулирования рассматриваются как взаимосвязанные, но самостоятельные понятия. Пределы сферы правового регулирования — это границы, в которых должно осуществляться целенаправленное, организационное воздействие с помощью системы правовых средств на общественные отношения, имеющие правовую природу. Пределы предмета правового регулирования —

---

¹ Речь идет о субъектах, профессионально осуществляющих правотворческую деятельность.

это границы, в которых осуществляется целенаправленное организационное воздействие на общественные отношения с помощью правовых средств, обусловленное как объективными, так и субъективными факторами.

Выявление и установление пределов сферы правового регулирования зависит от целого ряда факторов объективного и субъективного характера. Изначально в качестве определяющих факторов объективного характера следует рассматривать свойства общественных отношений, имеющих правовую природу. В свою очередь, указанные отношения тоже формируются и развиваются под влиянием факторов естественно-природного и социального характера, традиционно именуемых как правообразующие. В силу того, что правотворческая деятельность — это сознательно-волевая деятельность людей, нельзя не отметить, что процесс выявления и установления пределов сферы правового регулирования и закрепление их в качестве пределов предмета правового регулирования детерминирован также рядом факторов, имеющих субъективный характер, к числу которых можно отнести и правотворческую культуру.

Следует отметить, что, раскрывая особенности, требования, критерии оценки правотворческой культуры, ряд исследователей косвенно затрагивали проблему пределов правового регулирования. О выявлении отношений, требующих регулирования, познании факторов и условий, которые формируют эти отношения, как о требовании, предъявляемом к правотворческой культуре, говорил Д. А. Керимов [4, с. 110]. М. А. Ершов в качестве одного из критериев оценки правотворческой культуры выделяет «соответствие законотворческой политики экономическому, политическому, социальному, техническому и духовному уровню развития общества» [6, с. 513]. По сути, речь идет об общественных отношениях, имеющих правовую природу и составляющих сферу правового регулирования. В. Ю. Самородов выделяет две группы требований, предъявляемых к правотворчеству и характеризующих уровень его культуры: общие социально-правовые и специальные технико-юридические. Общие социально-правовые подразумевают в том числе и выражение социальной природы права. Что касается специальных технико-юридических, то они включают разработку, освоение и применение юридических технологий в правотворческой деятельности [7, с. 80]. Полагаем, что эти критерии тесно взаимосвязаны, поскольку выявление социальной природы права требует не только наличия, но и эффективного использования этих технологий.

Остановимся на этом более подробно. Правотворчество более, чем какая-либо другая правовая деятельность, подчинено научному познанию, проникающему через явления бытия в его структуру, свойства, существенные связи [8, с. 16]. Только в результате научного познания можно среди всего многообразия общественных отношений отфильтровать те, которые имеют правовую

природу и характеризуются необходимыми свойствами-критериями. Познание пределов сферы правового регулирования зависит, во-первых, от уровня подготовки, способностей и желания субъектов правотворчества, во-вторых, от юридико-технического «арсенала», сопровождающего правотворческую деятельность. И то, и другое в совокупности являются, с одной стороны, содержательными компонентами, а с другой стороны — показателями уровня правотворческой культуры.

Юридико-техническая составляющая предполагает, что в процессе осуществления правотворческой деятельности используются технологии, методы и средства, способствующие установлению пределов сферы правового регулирования. К числу основных правотворческих технологий, позволяющих выявлять пределы сферы правового регулирования, следует относить юридическое прогнозирование, социально-правовой мониторинг, оценку регулирующего воздействия, правотворческий эксперимент, правотворческий краудсорсинг.

Факт наличия и проработанности указанных технологий — это уже значимый показатель, демонстрирующий уровень правотворческой культуры общества. В то же время технологии — это всего лишь инструменты (овеществленные элементы правотворческой культуры), эффективность использования которых зависит от уровня подготовки, способностей и желания субъектов, осуществляющих правотворческую деятельность, того, что в совокупности определяется правосознанием субъектов правотворчества. Любая, даже самая совершенная, правотворческая технология может быть нивелирована отсутствием профессионализма и формальным отношением в процессе ее воплощения в жизнь. В связи с этим необходимо, с одной стороны, развивать юридико-технический компонент правотворческой культуры, учитывая те научные достижения, которые демонстрирует отечественная и зарубежная юридическая наука, а с другой стороны, повышать профессиональное правосознание субъектов правотворчества, чтобы существующие научно-практические достижения, направленные на совершенствование правотворческого процесса, были востребованы и использованы в соответствии со своим целевым предназначением.

---

1. Керимов Д. А. Культура и техника законотворчества. М. : Юрид. лит., 1991. 158 с. [Вернуться к статье](#)

2. Керимов Д. А. Законодательная техника. М. : Норма, 2000. 122 с. [Вернуться к статье](#)

3. Чухвичев Д. В. Законодательная техника. М. : ЮНИТИ. Закон и право, 2006. 239 с. [Вернуться к статье](#)

4. Керимов Д. А. Методологический аспект правотворчества // Вопросы философии. 1975. № 5. С. 108–119. [Вернуться к статье](#)

5. Бондарев А. С. Правовая культура общества: проблемы понятия и структуры // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. 2014. № 4 (26). С. 10–20. [Вернуться к статье](#)
6. Ершов М. А. Правотворческая и правоприменительная культура противодействия преступлениям экономической направленности (уголовно-правовой аспект) // Юрид. техника. 2016. № 10. С. 513–516. [Вернуться к статье](#)
7. Самородов В. Ю. Правотворческая культура и ее влияние на единое правовое пространство в современной России // Правовая культура. 2023. № 2 (53). С. 79–80. [Вернуться к статье](#)
8. Трофимов В. В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект. Саратов : Саратов. гос. акад. права. 2009. 308 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.11

ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И ПРАВОВОЙ СУЩНОСТИ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Е. А. Зорченко

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
доцент кафедры конституционного и административного права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Уточнена сущность базовых категорий юриспруденции «правовое государство» и «социальное государство» в их диалектической взаимосвязи как явлений, протекающих одно из другого.

Ключевые слова: правовое государство, социальное государство, гражданское общество, правовая политика.

Annotation. The author specifies the essence and content of the basic categories of jurisprudence «rule of law» and «social state» in their dialectical interconnection and interpenetration as phenomena arising from one another.

Keywords: rule of law, social state, civil society, legal policy.

Впервые в истории развития государственности Беларуси в ее Конституции, принятой 15 марта 1994 г., был закреплен статус Республики как унитарного демократического социального правового государства. С тех пор Конституция претерпела изменения и дополнения, принятые на трех республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г., однако в ней были сохранены стратегические направления развития суверенного государства как правового и социального.

Идеи правового государства складывались в течение длительного периода развития права в персоноцентристской цивилизации от Древней Греции, Рима и других стран Древнего мира до нашего времени. Теория правовой государственности в славянских государствах сформировалась в конце XIX и начале XX века в новый революционный период становления демократического характера национальной государственности, активного развития самоуправляемых институтов гражданского общества, признания естественных прав и свобод человека. Новая историческая реальность потребовала теоретического обоснования неизбежности и перспектив качественно нового взаимодействия государства, человека и общества.

Концепции правового государства проистекали из идей конституционализма и конституционного государства. Доктор юридических наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации Т. Е. Грязнова проанализировала работы выдающихся правоведов того периода А. Д. Градовского, В. М. Гессена, Н. И. Лазаревского, Н. И. Палиенко и С. А. Котляревского и

выделила основные признаки правового государства, которые были представлены в их трудах. Среди них назывались связанность и ограниченность государства правом; представительная форма правления; разделение властей; подзаконность правительственной и судебной власти; самостоятельность и независимость судов; наличие прав и свобод граждан, их равенство перед законом; система правовых гарантий, обеспечивающих неприкосновенность публичных прав; всеобщее избирательное право; формальное понятие закона как высшей нормы; наличие административной юстиции; политическая ответственность министров; институт уголовной ответственности должностных лиц [1, с. 27].

Понятие «правовое государство» вполне логично вытекает из правового или юридического понимания государства и непозитивистского понимания права, различающего право и закон. Основной постулат такого понимания правового государства состоит в том, что государственная власть: во-первых, «связана» правами человека, а во-вторых, максимально ими ограничена, это так называемое минимальное государство [2, с. 452].

Среди сущностных признаков правового государства вышеназванные ученые и современные государствоведы указывают на его социальные характеристики, в частности, необходимость соответствия законов интересам народа, так называемую солидарность гражданина и закона; осуществление идеалов общественной справедливости; наличие программ социальной государственной политики, направленной на улучшение экономического положения граждан, на создание условий для достойного человеческого существования, вместе с тем подчеркивается, что содержание социальной политики находится в прямой зависимости от правовой культуры лиц, облеченных властью [1, с. 29].

Социальное государство представляет такую модель государственной власти, которая стремится к обеспечению каждому гражданину достойных условий жизни, социальной защищенности, участия в управлении производством, а в идеале — примерно одинаковых жизненных шансов, одинаковых стартовых возможностей для самореализации личности в обществе [2, с. 426]. О. Е. Кутафин отмечал, что не всякая государственная власть социальна по своей природе, а только та, целями и задачами которой являются удовлетворение материальных и духовных потребностей и интересов человека, осуществление требований социальной справедливости, именно эта сторона деятельности государства охватывается понятием «социальное государство» [3, с. 328]. Действительно, социальное государство может реально осуществлять свои цели в форме правовой государственности, однако оно идет значительно дальше по пути гуманизации общества — стремится расширить права личности и наполнить законодательство более справедливым содержанием.

Следует напомнить, что термин «социальное государство» в период развития исторической формы государственности Белорусской Советской Социалистической Республики не использовался, а был заменен термином «социалистическое государство».

Таким образом, проанализировав сущностные характеристики правового и социального государства, следует признать, что это взаимосвязанные категории: социальное государство объективно проистекает из правового государства, связано с ним, поскольку правовое государство предполагает господство права во всех без исключения сферах общественной жизни, в том числе в социальных правоотношениях, и в то же время социальное государство является человеческим фактором, стимулирующим и поддерживающим институты правового государства.

В юриспруденции существуют различные подходы к пониманию взаимосвязи социального и правового государства. Так, У. А. Старшова констатирует, что, по мнению одних ученых, социальное государство представляет новый этап развития правового государства, по мнению других, оно лишь модель правового государства, третьи же вообще отрицают взаимосвязь правового и социального государства [4, с. 25]. Представляется, что социальная и правовая сущности национальной государственности на современном этапе ее развития являются самостоятельными характеристиками государства, поскольку обладают собственными признаками, вместе с тем взаимообусловлены, вытекают друг из друга и могут существовать только во взаимодействии.

Теории правовой и социальной государственности, адаптированные к современному периоду развития права и государства, получили формализацию в конституциях современных демократических социальных правовых государств. В Конституции Республики Беларусь формализованы следующие принципы правовой государственности: человек, его права и свободы названы высшей ценностью и целью общества и государства; единственным источником государственной власти и носителем суверенитета определен народ страны; закреплены принципы верховенства права и приоритета общепризнанных принципов международного права; демократический режим функционирования государства, базирующийся на принципе разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную с системой сдержек и противовесов заявлен в качестве основы конституционного строя [5, ст. 2, 3, 6, 7, 8].

Социальные характеристики государственности Беларуси также закреплены конституционно в соответствии с принципами международного гуманитарного права, в частности, право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека и право на справедливую долю вознаграждения

в экономических результатах труда; право трудящихся на отдых; право на жилище, которое обеспечивается развитием государственного и частного жилищного фонда, содействием гражданам в приобретении жилья; право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения; право на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права; право на образование; право на социальное обеспечение в старости, в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца; право на участие в культурной жизни и многие другие [6, ст. 41, 42, 43, 45, 46, 48, 49, 51].

Представляется важным, что правовое государство не может не принимать на себя обязательства по реализации положений и принципов социальной государственности. Так, в Концепции правовой политики Республики Беларусь закреплено сохранение социальной направленности законодательства, которое обеспечивает реализацию жизненно важных конституционных социальных прав граждан, а также защищает традиционные ценности — семью как основную ячейку общества, материнство, отцовство и детство [6, п. 26.1]. Вместе с тем в Концепции поставлены задачи сместить акценты правового регулирования от покровительства государства к установлению партнерских отношений между государством, обществом и гражданами для выстраивания взаимовыгодного сотрудничества, повышения ответственности каждого гражданина за свою жизнь, здоровье и благополучие; минимизировать социальное иждивенчество, стимулировать занятость и вовлечение трудоспособного населения в экономическую деятельность [6, п. 48.1, 48.2, 48.3].

Особенностью современного этапа развития Беларуси следует признать поиск оптимального баланса взаимодействия правовой и социальной сущности государственности. Характеристики государства как правового и социального, на первый взгляд, являются несовместимыми, поскольку если правовое государство опирается на инициативного, самодостаточного субъекта государственно-правовых отношений и является «минимальным», то социальное государство, реализуя значительное количество программ в социальной сфере, имеет тенденцию к разрастанию государственного аппарата посредством придания ему дополнительных функций и расширения масштабов деятельности. Конституционное закрепление социального характера белорусской государственности позволило активизировать самоуправляемые структуры гражданского общества и одновременно повысить ответственность публичной власти за конституционную обязанность по выполнению социальных программ.

Подытоживая, следует констатировать, что формирование в Беларуси одновременно социальной и правовой сущности государства стало объективной потребностью развития общества. В теории права, в государствоведении и

законодательстве наблюдается определенное слияние понятий «правовое государство» и «социальное государство», что представляется закономерным, поскольку это, хотя и самостоятельные характеристики современного государства, но взаимозависимые и взаимосвязанные явления, проистекающие одно из другого. Действительно, реализация идей и принципов правовой государственности отражает ее гуманистический и социальный характер, создает условия для обеспечения свободного и ответственного развития человека и предоставления ему достойных социально-экономических условий жизни. С другой стороны, реальная поддержка в Беларуси социальной государственности стала объективной потребностью развития правовой сущности государства, поскольку отставание в социальной сфере снижает готовность человека одобрять и поддерживать экономические и политические преобразования, направленные на устойчивое развитие страны, т. е. государство лишается опоры на общество.

---

1. Грязнова Т. Е. Проблема соотношения конституционного и правового государства в российской юридической науке конца XIX – начала XX в. // Вестн. Ом. ун-та. Сер. Право. 2014. № 2 (39). С. 26–30. [Вернуться к статье](#)

2. Зорченко Е. А., Протасевич Л. Г. Теория государства и права : учеб. пособие / под общ. ред. Е. А. Зорченко. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2023. 456 с. [Вернуться к статье](#)

3. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М. : НОРМА, 2008. 544 с. [Вернуться к статье](#)

4. Старшова У. А. Конституционные основы социального государства в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Сарат. гос. акад. права. Саратов, 2004. 30 с. [Вернуться к статье](#)

5. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. О Концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 28 июня 2023 г., № 196. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

РЕГУЛЯТОРЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Ю. Г. Иванцова

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
доцент кафедры современных технологий образования взрослых,
кандидат юридических наук

Аннотация. В статье рассматриваются основные виды социальных норм, которые регулируют информационные отношения в области информационно-коммуникационных технологий, а именно: правовые, моральные, политические, технические, корпоративные. Автором делаются выводы о границах взаимодействия отдельных социальных норм между собой при регулировании информационных отношений в области информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, информационные отношения, информационное общество, социальные нормы (регуляторы).

Annotation. The article examines the main types of social norms that regulate information relations in the field of information and communication technologies, namely: legal, moral, political, technical, corporate. The author draws conclusions about the boundaries of interaction between individual social norms when regulating information relations in the field of information and communication technologies.

Keywords: information and communication technologies, information relations, information society, social norms (regulators).

Регламентация информационных отношений в области информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) осуществляется не только посредством правовых норм, но и с помощью других социальных регуляторов. Воздействуя на новые «оцифрованные» информационные отношения, они обеспечивают стабильность и порядок в обществе, позволяют очертить границы должного поведения субъектов таких общественных отношений.

В доктрине права обычно присутствует линейный взгляд на выделение видов социальных норм (т. е. в одной плоскости), например, по сфере регулируемых общественных отношений (политические, экономические, культурные и т. п.), по способу образования и механизму обеспечения (моральные, правовые, обычаи, ритуалы, традиции и т. п.) и пр. Например, М. И. Байтин различает следующие социальные нормы: правовые, нравственные, религиозные, корпоративные и др. [1, с. 65]. В. Н. Бибило считает, что «в современном обществе функционируют нормы права и нравственности, религиозные нормы,

политические и идеологические нормы, локальные и корпоративные нормы, а также экономические нормы» [2, с. 20]. В то же время профессор Н. В. Сильченко предложил поменять ракурс исследования социальных регуляторов и ввел так называемый «“объемный” взгляд... при котором они одновременно воздействуют на весь спектр социальных связей, но при этом каждый из универсальных социальных регуляторов оказывает доминирующее влияние на определенные стороны (элементы) общественных отношений, испытывая при этом “давление” со стороны других социальных регуляторов» [3, с. 35]. В настоящем исследовании мы рассмотрим моральные (нравственные), политические, корпоративные, технические социальные нормы (регуляторы) и определим их роль и в регулировании информационных отношений в области ИКТ, а также очертим границы их взаимодействия с правовыми нормами.

1. *Моральные (нравственные) нормы* в информационной сфере определяют, каким образом физические лица должны взаимодействовать с информацией, ее обрабатывать и распространять, а также каких этических принципов следует придерживаться при разработке, использовании и распространении ИКТ. Например, здесь можно говорить о моральных (нравственных) нормах, которые регулируют «информационную честность» (избегание распространения ложной информации, манипуляции с данными и пр.), цифровое уважение и равноправие участников, неприкосновенность личной жизни и защиту персональных данных, свободу распространения информации, кроме той, ценностное содержание которой противоречит основным постулатам морали (нравственности) и (или) распространение (предоставление) которой ограничено нормами законодательства, уважение права на свободное выражение мнения, осознанное и этическое поведение при использовании информационных технологий и пр. При этом наблюдается тесное взаимодействие моральных норм с правовыми, например, путем закрепления и установления в нормативных правовых актах юридической ответственности за их нарушение или отображение моральных (нравственных) норм в гражданско-правовом договоре, корпоративных нормах организации и пр. Не урегулированная нормами права часть информационных отношений в области ИКТ может быть регламентирована моральными (нравственными) нормами, но при этом механизмы их обеспечения отсутствуют (обычно моральные (нравственные) нормы воздействуют на общественные отношения силой убеждений, морального долга (общественное осуждение, порицание и т. п.)).

2. *Политические нормы* в информационной сфере касаются того, как информация используется, распространяется, какова степень ее доступности в контексте политической деятельности и общественной жизни, и определяют особенности использования ИКТ в политических процессах. Данные нормы

регламентируют вопросы в области свободы слова и печати, этики информационной кампании, прав граждан на доступ к информации о политических процессах, электронных форм участия граждан в политической жизни (например, электронное голосование, онлайн-обсуждения нормативных правовых актов, в том числе через сайт «Правовой форум Беларуси», электронные петиции и пр.). Политические нормы могут быть закреплены в нормативных правовых актах, тогда они имеют политико-правовой характер (т. е. могут трансформироваться в правовые нормы с «политическим» содержанием), или же могут иметь программный (организационный) характер (например, устав политической партии).

3. *Технические нормы* при регулировании информационных отношений под влиянием ИКТ представляют собой стандарты, правила, устанавливающие требования к разработке, реализации, эксплуатации и безопасности информационных систем, сетей и программного обеспечения. Они играют решающую роль в обеспечении совместимости различных технологий, регулируют сбор, использование и распространение информации в цифровом пространстве, направлены на обеспечение надежной работы ИКТ. Технические нормы имеют «сквозной характер» и в определенных сочетаниях с другими социальными нормами воздействуют на информационные отношения в области ИКТ. Технические нормы содержатся в технических нормативных правовых актах (т. е. являются правовыми нормами) и иных нормативных технических документах (т. н. технических документах).

4. *Корпоративные нормы*, регулирующие информационные отношения в области ИКТ, — вид социальных норм (формируются на основе правовых, моральных (нравственных), политических и др. норм), принятых с целью регулирования информационных отношений в области ИКТ при реализации конституционного права на информацию, порядка использования электронной или иной связи, информационных сетей (систем), ИКТ, разработки информационных ресурсов, защиты конфиденциальной или иной неравнодоступной информации и пр., в пределах отдельного субъекта социального управления путем персонифицированного ознакомления с ними лиц, которым они адресованы. Они принимаются и разрабатываются «негосударственными организациями: партиями, профсоюзами, различного рода другими общественными объединениями, акционерными обществами, компаниями, кооперативами и т. д.» [4, с. 329] и обеспечивают возможность применения прямого или опосредованного принуждения со стороны организации. Корпоративные нормы могут создаваться в обязательном порядке (при оговорке об этом в нормах законодательства) и по собственному волеизъявлению самой организации.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы об особенностях регламентации информационных отношений в области ИКТ различными социальными регуляторами и их взаимодействии.

1. Доминирующее место среди социальных норм занимают правовые нормы. Именно благодаря им другие социальные регуляторы (нормы) становятся общеобязательными, формально определенными правилами поведения, установленными или санкционированными государством. Поэтому, приобретая формальную определенность и обязательность, один вид социальных норм может трансформироваться в другой социальный регулятор — правовые нормы. В свою очередь, социальные нормы (моральные, политические и др.) наполняют правовые нормы «собственным» содержанием.

2. Технические нормы и другие социальные нормы обычно находятся в разных плоскостях, поэтому предмет их регулирования может и не пересекаться. Но при появлении «технической компоненты» в информационных отношениях технические нормы пронизывают все типы социального регулирования (правовой, моральный (нравственный), политический, корпоративный и пр.), т. е. эти нормы имеют «сквозной» характер. Рассмотренные виды социальных норм могут пересекаться и взаимодействовать, компенсируя изъяны и недостатки друг друга, создавая сложную систему регулирования информационных отношений в области ИКТ.

---

1. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М. : Право и государство, 2005. 544 с. [Вернуться к статье](#)

2. Бибило В. Н. Взаимодействие социальных регуляторов общественных отношений // Теория и история права, судостройства и уголовного процесса : сб. науч. ст. Минск : Право и экономика, 2020. 510 с. [Вернуться к статье](#)

3. Сильченко Н. В. О сфере действия, сущностных началах и развитии права в цифровую эпоху // Философия права. 2022. № 1. С. 34–39. [Вернуться к статье](#)

4. Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учеб. для вузов. М. : Юрайт-М, 2002. 432 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 34.023

ЦЕННОСТИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

К. Е. Кордобовская

Управление МВД России

по Красногвардейскому району г. Санкт-Петербурга,
специалист (по воспитательной работе) отделения
морально-психологического обеспечения отдела
по работе с личным составом

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам, касающимся структурного элемента правосознания — его ценностей. Определены функции ценностей правового сознания, последствия потери правовых ценностей; правовой инфантилизм охарактеризован как форма деаксиологизированного правового сознания.*

***Ключевые слова:** правовая культура, правовое сознание, правовые ценности, деаксиологизированное правовое сознание, правовой инфантилизм.*

***Annotation.** The article is devoted to issues related to the structural element of legal consciousness — its values. The functions of the values of legal consciousness, the consequences of the loss of legal values are defined; legal infantilism is characterized as a form of deaxiologized legal consciousness.*

***Keywords:** legal culture, legal consciousness, legal values, deaxiologized legal consciousness, legal infantilism.*

Факторы формирования правового сознания, критерии сформированности правосознания, значение правового сознания для построения правового государства — актуальные проблемы современной юридической науки [1; 2; 3; 4].

Правосознание является важной частью правовой культуры, которое отражает представления субъекта о праве, законности как основе правовой системы государства [5], восприятию им правовых традиций и духовно-нравственных ценностей, принятых в государстве [6, с. 220; 7, с. 228], оценке личностью трансформаций правовой системы [8, с. 136; 9]. Деятельность человека находится в неразрывной связи с его мышлением, а правовая культура, поведение человека в правовой сфере — в связи с правосознанием личности.

«Правовое сознание — это отношение людей к праву, то есть субъективное мнение конкретного лица или группы лиц в обществе, общества в целом, как явление социальной жизни» [10, с. 35]. Существенное воздействие правосознания на множество общественных институтов и групп общественных отношений доказано юридической наукой. Уже не вызывает сомнения и тезис: чем выше уровень правового сознания, тем благополучнее общество (в государстве, социальных группах, отдельных небольших коллективных образованиях).

Одним из элементов правового сознания выступают его ценности. Сущность категории «ценность» до настоящего времени не имеет однозначной трактовки [11, с. 210]. Последствием этого, подчеркивает Е. И. Стабровский, выступает непонимание общеправовой сути различных видов ценностей, в том числе ценностей правового сознания [11, с. 210]. Н. К. Неновски отмечает: «Ценность не вещь, не явление, взятые сами по себе, безотносительно к человеку. Ценности — это вещи, обращенные к человеку. В этом смысле ценность не есть сам предмет (материальный или духовный, природный или общественный, действительный или мнимый), ценность — это предмет в его связи с человеком с точки зрения его значимости для человека» [12, с. 56].

Рассматривая *ценности правового сознания*, полагаем возможным охарактеризовать их *признаки*.

1. Ценности правового сознания относятся к группе идеальных (признание их материальными противоречит их фундаментальной сути).

2. Ценности правового сознания имеют определенную «привязку» к нормативным правовым актам, которая выражается через отношение человека к конкретным правовым актам, нормативным требованиям, правовому регулированию отдельных вопросов.

3. Функциональное предназначение ценностей правового сознания — регулирование общественных отношений.

Одна из главных *функций ценностей правового сознания* — регулятивная функция — заключается в следующем: «...они служат для формирования, организации, сохранения и упрочнения порядка в обществе и его нормального функционирования» [13, с. 105]. Суть регулятивной функции ценностей правового сознания видится в сопоставлении требований нормативных правовых актов с собственными представлениями о праве. Этим обеспечивается баланс интересов государства и общества, с одной стороны, и конкретного индивидуума — с другой.

Важная функция правовых ценностей — солидаризация членов общества. Право, правосознание — устойчивые характеристики правовой культуры, ее константы. Соответственно, ценности правового сознания также не выступают в качестве значительного динамичного элемента. Обладая примерно одинаковыми наборами ценностей правового сознания, субъекты солидаризируются друг с другом в понимании правовой действительности, в отношении к праву.

Важнейшей функцией правовых ценностей является координация интересов различных субъектов общественного развития. Ценности правового сознания в данном случае выступают в качестве стандартов, ориентация на которые позволяет достигать баланса интересов различных членов общества.

Правовые ценности реализуют и иные функции (интеграция, снятие противоречий, удовлетворение собственных и общественных интересов и др.), которые способствуют в итоге устойчивому развитию государства и обеспечению в стране правопорядка.

Потеря ценностей правового сознания влечет за собой различные последствия, которые по уровню своего негативного влияния более существенны, чем изначальное неимение подобных ценностей. Лицо, которое ранее обладало ценностями правового сознания, осознавало значимость обеспечения нужного обществу отношения к праву, к требованиям нормативных правовых актов, может утратить эти ценности, что, безусловно, ведет к изменению модели правового поведения.

Проявлениями деаксиологизированного правового сознания в условиях современного мира являются правовой нигилизм, правовой идеализм, правовой инфантилизм [14, с. 101].

Правовой инфантилизм — проявление деформации правового сознания, в современной юридической науке является наименее изученным феноменом. В сфере реализации норм права правовой инфантилизм характеризуется такими признаками личности, как: невысокий уровень правовых знаний, общая неосведомленность о событиях в современной жизни государства и в мире, незнание об изменениях нормативно-правовых основ организации государственно-правовой жизни, неверная трактовка правовых понятий [15, с. 86].

Имеет место и *профессиональный правовой инфантилизм* [16, с. 87; 17, с. 1954; 18; 19], который отличается профессиональной неопытностью, незрелостью правовой психологии и неустойчивостью к эмоциональным воздействиям извне.

Последствия правового инфантилизма проявляются на всех уровнях функционирования современного общества [20, с. 86], правовая культура которого в условиях глобализации и цифровизации общественных отношений подвергается существенным трансформациям [21; 22; 23; 24]. Недопущение развития правового инфантилизма — одна из наиболее острых и актуальных проблем современного этапа развития российского общества.

Одним из наиболее вероятных выходов из сложившейся ситуации является формирование способности разделять ценности правового сознания. Не у всех индивидуумов к определенному моменту их жизни ценности правового сознания сформированы. В одних случаях уровень сформированности крайне низок, в других — недостаточен. В подобных ситуациях важно обеспечивать взаимодействие двух субъектов — с высоким уровнем сформированности ценностей правового сознания и с отсутствующим. Важно добиваться диффузии, когда последний сможет разделять ценности первого. Очевидным вопросом

в данном случае выступает способ реализации обозначенного направления, обеспечение комфортных условий для взаимодействия. Нельзя ставить субъектов взаимодействия (в особенности лиц с недостаточным уровнем сформированности ценностей правового сознания) в условия, которые им непривычны; следует обеспечивать постепенность влияния ценностей правового сознания; необходимо постоянно проверять результативность осуществляемого процесса, сохраняя возможность «права на ошибку».

Предотвращению появления деаксиологизированных форм правового сознания и развитию правовой культуры могут способствовать: активная работа в области просвещения; развитие проектных программ, направленных на развитие правовой грамотности и получение правовых знаний; всесторонняя заинтересованность родителей в правовом воспитании подростков; повышение правовой грамотности сотрудников государственных органов.

Делаем вывод, что правосознание играет важнейшую роль в развитии правовой культуры личности и общества, а значит — в состоянии правовой системы государства и возможностях построения правового государства. Важным элементом правового сознания являются ценности, которые, выполняя целый ряд значимых функций, обеспечивают решение широкого спектра общественно важных задач. Потеря ценностей правового сознания ведет к негативным последствиям, в том числе деформированию правового сознания.

---

1. Лапова Е. С. К вопросу о формировании подходов к изучению феномена «правовая культура» в отечественной юридической науке // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : материалы всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 17 дек. 2021 г. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2022. С. 134–138. [Вернуться к статье](#)

2. Кордобовская К. Е. Правовая культура и ее проявления как предмет научных исследований // *Advances in Law Studies*. 2023. Т. 11. № 1. С. 26–30. [Вернуться к статье](#)

3. Лапова Е. С. Многообразие механизмов формирования правовой культуры как отражение многогранности феномена «правовая культура» // Санкт-Петербургские встречи молодых ученых : материалы I всерос. конгресса адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней, Санкт-Петербург, 15 июня 2023 г. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2023. С. 115–120. [Вернуться к статье](#)

4. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Права человека — проблема актуального юридического и политического дискурса // *Гражданское общество в России и за рубежом*. 2024. № 1. С. 8–13. [Вернуться к статье](#)

5. Законность как основополагающее начало российского права / Н. С. Нижник [и др.]. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2021. 328 с. [Вернуться к статье](#)

6. Нижник Н. С. Коммеморативные практики как средство сохранения духовно-нравственных ценностей // *Историко-правовой и социокультурный опыт*

развития российской государственности: к 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 13–14 окт. 2023 г. / отв. ред. С. И. Шишкин, П. А. Новиков. Иркутск, 2023. С. 219–225. [Вернуться к статье](#)

7. Нижник Н. С., Нижник В. А. Сохранение исторической памяти как атрибут укрепления духовно-нравственных ценностей // Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности: к 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 13–14 окт. 2023 г. / отв. ред. С. И. Шишкин, П. А. Новиков. Иркутск, 2023. С. 226–337. [Вернуться к статье](#)

8. Нижник Н. С., Алиев Я. Л. Доктрина юридического прогнозирования: определение сценариев развития государственно-правовых явлений // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 26 марта 2021 г. / под общ. ред. А. И. Каплунова. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2021. С. 133–138. [Вернуться к статье](#)

9. State and law: transformation vectors in modern conditions / N. S. Nizhnik [et al.] // SHS Web of Conferences. Law and Order in the Third Millennium : IX Baltic Legal Forum. Kaliningrad, 2021. P. 01015. [Вернуться к статье](#)

10. Працко Г. С., Боровко Д. О. Правовое сознание и правовые ценности // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. XXII Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 25 сент. 2019 г. Пенза : «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2019. С. 35–37. [Вернуться к статье](#)

11. Стабровский Е. И. Нормативные и личностные правовые ценности в правовом сознании человека // Вестн. Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. 2020. № 1 (39). С. 210–213. [Вернуться к статье](#)

12. Неновски Н. К. Право и ценности / пер. с болг. Н. К. Неновски ; вступ. ст. и пер. В. М. Сафронова ; под ред. В. Д. Зорькина. М. : Прогресс, 1987. 248 с. [Вернуться к статье](#)

13. Працко Г. С. Актуальные проблемы правосознания и правопонимания в Российской Федерации // Противодействие преступности: актуальные проблемы теории и практики : материалы XXVI Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 20–21 мая 2022 г. / редкол.: Н. Г. Канунникова [и др.]. Краснодар : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2023. С. 104–108. [Вернуться к статье](#)

14. Кордобовская К. Е. О детерминантах деаксиологизации правового сознания в условиях современности // Санкт-Петербургские встречи молодых ученых : материалы I всерос. конгресса адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней, Санкт-Петербург, 15 июня 2023 г. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2023. С. 100–103. [Вернуться к статье](#)

15. Кордобовская К. Е. Правовой инфантилизм как проявление правового сознания // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 19 мая 2023 г. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2023. С. 85–88. [Вернуться к статье](#)

16. Баранов П. П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел. М. : ВЮЗШ, 1991. 127 с. [Вернуться к статье](#)

17. Кордобовская К. Е. Правовая культура и правосознание как детерминанты деятельности полиции // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : материалы XIX междунар. науч.-теорет. конф., Санкт-Петербург, 28–29 апр. 2022 г. : в 2 ч. Ч. 1. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2022. С. 1952–1957. [Вернуться к статье](#)

18. Нижник Н. С. Правовая культура как детерминанта эффективности осуществления полицейской деятельности // Правовая культура в современном обществе : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 19 мая 2023 г. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2023. С. 106–114. [Вернуться к статье](#)

19. Лапова Е. С. Участие служб по связям с общественностью МВД России в формировании правовой культуры общества — предмет исследований в современной российской науке // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2023. № 1 (97). С. 27–37. [Вернуться к статье](#)

20. Кордобовская К. Е. Правовой инфантилизм как явление современной правовой действительности // XI Балт. юрид. форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии» : материалы междунар. науч.-практ. конф., Калининград, 16 дек. 2022 г. / отв. ред. С. В. Векленко. Калининград : Калинингр. фил. С.-Петерб. ун-та МВД России, 2023. С. 86–87. [Вернуться к статье](#)

21. Карнаушенко Л. В. Правосознание, правовая культура, правовое воспитание. Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2017. 30 с. [Вернуться к статье](#)

22. Демидова И. А. Правовая культура современного белорусского общества: методология исследования, вопросы понимания и совершенствования. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2021. 396 с. [Вернуться к статье](#)

23. Сидоренко Н. С., Нижник Н. С. Детерминанты девиантного поведения несовершеннолетних: значение правовой культуры при выборе личностью модели правового поведения // Общество и право. 2022. № 4 (82). С. 119–126. [Вернуться к статье](#)

24. Демидова И. А. Современное общество как среда и детерминанта развития правовой культуры (опыт теоретико-правового анализа) // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2023. № 2 (98). С. 26–35. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

И. И. Костян

Институт правовых исследований
Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь,
старший научный сотрудник, аспирант

***Аннотация.** Автором обращается внимание на необходимость теоретического осмысления феномена правовой культуры в контексте развития процессов обеспечения информационной безопасности. Проведен анализ методологического инструментария исследования правовой культуры, рассмотрены основные подходы к пониманию данного феномена, позволяющие наиболее точно идентифицировать его применительно к сфере информационной безопасности. На основании приведенных подходов выделены существенные признаки правовой культуры в сфере информационной безопасности как отдельной научно-правовой категории.*

***Ключевые слова:** правовая культура, информационная безопасность, методология, теоретическое осмысление.*

***Annotation.** The author draws attention to the need for a theoretical understanding of the phenomenon of legal culture in the context of the development of information security processes. The author analyses methodological tools for the study of legal culture, considers the main approaches to understanding this phenomenon, which make it possible to identify it most accurately in relation to the field of information security. Based on the above approaches, highlights the essential features of the legal culture in the field of information security as a separate scientific and legal category.*

***Keywords:** legal culture, information security, methodology, theoretical understanding.*

Современный этап социального развития сопряжен с расширением информационных технологий, пронизывающих все сферы жизнедеятельности и вызывающих кардинальную трансформацию общественных отношений. Указанный дискурс задает новый этап исследований социальной и правовой картины мира. В том числе появляется необходимость теоретического осмысления феномена правовой культуры применительно к современным условиям общественной жизни.

Несомненно, процессы информатизации и цифровизации современного общества, несмотря на неоспоримость позитивности инновационно-технологического взрыва, несут определенные вызовы и угрозы. При этом

квинтэссенцией развития таких процессов зачастую выступает информационная безопасность как состояние защищенности, обеспечивающее гармоничное развитие информационной сферы и эффективное взаимодействие субъектов информационных правоотношений с окружающей средой.

Так, одним из ключевых аспектов формирования и развития правовой культуры в техногенном обществе видится ее обусловленность именно процессами обеспечения информационной безопасности субъектов правоотношений. Указанные процессы сегодня оказывают существенное влияние на переформатирование общественного сознания. Соответствующее состояние защищенности субъекта в процессе взаимодействия с информационно-цифровой средой, наполненной вызовами и угрозами, сегодня становится одной из базовых потребностей социума и, в свою очередь, требует не только формально-юридического, но и культурного осмысления.

На современном этапе социальной эволюции, обусловленной проникновением в общественное сознание потребностей в безопасности взаимодействия с информационно-цифровой средой, которая определяет современную жизнедеятельность, важно понять, что из себя представляет та культурная субстанция, которая предопределит последующее общественное развитие. В данной связи требует отдельного осмысления культурная парадигма (в том числе проявляющаяся в аспектах правовой культуры) именно в контексте влияния на общественное сознание процессов обеспечения информационной безопасности. В том числе представляется, что эффективность развития правовой системы Республики Беларусь будет напрямую зависеть от правильности такого осмысления, в связи с чем видится актуальным формирование представления о правовой культуре в сфере информационной безопасности как об отдельной грани культурного восприятия правовой действительности.

Научная исследованность вопросов правовой культуры к современному этапу ее изучения представлена довольно обширным доктринальным массивом. При всей широте научных горизонтов, которые открывает перед исследователями феномен правовой культуры, следует отметить, что научная популярность тематики правовой культуры сегодня приводит к дифференциации и сепарированию предметов исследования одновременно с повышением актуальности изучения данного социально-правового явления. В том числе в современных работах, посвященных вопросам правовой культуры, ее сущностные характеристики все чаще рассматриваются сквозь призму актуальных общественных преобразований, вызовов и угроз, прежде всего связанных с их техногенным, информационным характером.

Важно отметить, что теоретико-методологические основы формирования правовой культуры содержат не только правовые, но и аксиологические,

мировоззренческие, этические и другие составляющие, что предопределяет многообразие методологических подходов к теоретико-правовому изучению феномена правовой культуры. Как отмечает И. А. Демидова, ни один отдельно взятый подход не исчерпывает методологической характеристики исследований правовой культуры, однако использование различных подходов дает возможность реализовать методологический потенциал каждого из них для понимания и определения правовой культуры [1, с. 32–33], в том числе применительно к тому или иному аспекту ее рассмотрения.

Поэтому для идентификации правовой культуры в сфере информационной безопасности как отдельной категории, полагаем необходимым руководствоваться теми аспектами, сквозь призму которых рассматривается данное социально-правовое явление.

В данном случае важным видится выделение основных характеристик культурно-правовых и технических элементов, которые в комплексе смогут отразить сущность нового категориального симбиоза — правовой культуры в сфере информационной безопасности как целостной структуры.

Рассмотрим основные методологические подходы понимания правовой культуры, сквозь призму которых можно выделить существенные признаки ее проявления в сфере информационной безопасности.

Подходом, позволяющим всесторонне осмыслить правовую культуру, в том числе с точки зрения ее сущностных проявлений в сфере информационной безопасности, является аксиологический. А. И. Гусейнов, исходя из данных позиций, определяет правовую культуру как «совокупность всех ценностей, создаваемых людьми в области права и выражающихся в нормах, институтах, поступках, оценках, взглядах» [2]. Таким образом, культурное восприятие правовой действительности через систему как духовных, так и материальных ценностей, в том числе выраженных в соответствующих потребностях, позволяет рассмотреть как аксиологическую категорию состояние защищенности субъекта в информационно-цифровой среде. Данный ценностный компонент в то же время выступает объектом правового регулирования, в том числе как отдельный институт.

Психологические концепции также рассматривают правовую культуру в качестве репрезентации ценностно-нормативного устройства общества, в том числе посредством социально-психологических установок — аттитюдов [3, с. 126]. Так в ценностно-психологической плоскости правовая культура предстает в форме психологических свойств и ценностных ориентиров, связанных с правовой действительностью.

Социально-поведенческие аспекты понимания правовой культуры проявляются в рассмотрении ее как фактора организации и образования общества

в соответствии с его культурными ценностями и поведенческими стереотипами, выраженного в степени развития права, правовых институтов и личности. Правовая культура предстает в качестве «обусловленного всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественного состояния правовой жизни общества, выражающегося в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознании и в целом уровне правового развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также степени гарантированности государством и гражданским обществом прав и свобод человека» [4, с. 330]. То есть правовая культура в данном ключе — это обусловленная социумом жизнедеятельность его членов, выраженная в качественном уровне ее организации.

Близким к такому пониманию является деятельностный подход к осмыслению правовой культуры, предполагающий ее выражение в уровне правовой деятельности и правовых актов. В таком ракурсе правовая культура определяется в государственно-правовом опыте субъектов, навыках и ценностях, которые влияют на их юридически значимое поведение [5].

Исторический подход позволяет рассмотреть аспекты правовой культуры в разрезе социальной динамики. При этом, как указывает А. Я. Флиер, культурогенез — это не единократное происхождение культуры где-то в глубокой древности, а совокупность постоянно протекающих процессов в культурах всех времен и всех народов [6, с. 17–18, 72–73, 115]. В том числе исторический подход позволяет рассмотреть в культурном дискурсе эволюцию развития института информационной безопасности как объекта правового регулирования, а соответственно, элемента правовой культуры. Так, в белорусском законодательстве, а также в контексте развития интеграционного нормотворчества в рамках Союзного государства в настоящее время наблюдается переформатирование легального понимания категории информационной безопасности, что напрямую обусловлено трансформацией культурного базиса развития современного общества.

Интересен также подход, предполагающий смещение акцентов с исследования норм и принципов права как таковых на выяснение того, как использовать эти нормы и принципы для согласования сталкивающихся интересов и ценностей ради достижения приемлемого результата [7]. Прагматическое осмысление правовой культуры приводит к необходимости рассмотрения ее сущности с позиций интересов субъектов, баланс которых заложен в основу любого благоприятного состояния, в том числе состояния безопасности.

Рассмотрение правовой культуры с позиций информационно-семиотического подхода представляется как выработка смыслов и значений, регулирующих деятельность, поведение и общение людей, а также кодовых

систем, транслирующих эти смыслы [8, с. 63–64]. При таких обстоятельствах правовая культура предстает как информация, закрепленная в отдельных элементах (правовое сознание, правовая наука, правовая деятельность и др.) и сохраненная в знаковых системах. Данный подход предстает достаточно узким и одноаспектным, вместе с тем позволяет сформулировать поле распространения феномена правовой культуры беспрецедентно широко, а также согласуется со спецификой предмета настоящего исследования.

В науке выделяют еще немало подходов к пониманию тех или иных аспектов правовой культуры, вместе с тем именно обозначенный выше методологический инструментарий, по нашему мнению, позволит сфокусировать теоретическое осмысление непосредственно на объекте исследования — правовой культуре в сфере информационной безопасности, а также обозначить существенные признаки, идентифицирующие данное социально-правовое явление. Среди таких характеризующих признаков предлагается выделить следующие:

- информационная природа, предполагающая проявление культуры в системе правовых смыслов и значений (описание явления в виде информации);
- надбиологический характер указанной информации, формируемой не природным путем, а в результате осознанной, социально направленной, творческой деятельности;
- динамический характер данной информации, способной производиться, изменяться и транслироваться, а также эволюционировать в историческом контексте;
- содержание такой информации в форме юридических ценностей, личностно-психологических свойств, знаний, умений и навыков в области права;
- отражение указанных форм в качественном состоянии социума, выраженном в деятельности субъектов правоотношений и ее результатах;
- направленность соответствующей информации на устойчивое пребывание субъекта в условиях и обстоятельствах, то есть в состоянии, характеризующемся защитными, предотвращающими негативные последствия свойствами;
- обеспечение защитой не только субъектов, пребывающих в таком состоянии и нуждающихся в нем, но также интересов данных субъектов, проявляющихся как в материальных, так и в культурно-ценностных устремлениях и потребностях;
- соблюдение баланса интересов субъектов;
- ограниченность дискурса защитных свойств обеспечиваемого состояния противостоянием вызовам и угрозам только в информационной сфере.

Приведенные признаки правовой культуры в сфере информационной безопасности не являются безусловными, вместе с тем отражают существенные черты природы проявления правовой культуры в отдельной специфической сфере — информационной безопасности, а также позволяют идентифицировать данное явление, отграничив его от смежных проявлений, в которых может быть осмыслена правовая культура. Таким образом, точечное методологическое обоснование идентификации правовой культуры в сфере информационной безопасности можно рассматривать в качестве основы теоретического осмысления данного феномена как комплексной, однако отдельной научно-правовой категории, от правильности понимания которой зависит эффективность формирования и развития правовой культуры в современном обществе.

1. Демидова И. А. Правовая культура современного белорусского общества: методология исследования, вопросы понимания и совершенствования : моногр. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2021. 396 с. [Вернуться к статье](#)
2. Гусейнов А. И. Право как феномен культуры : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. М., 2007. 47 с. [Вернуться к статье](#)
3. Богданович Н. В., Мельник М. Р. Правовая культура с точки зрения психологии: возрастная специфика и гендерный аспект // Психология и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 125–139. [Вернуться к статье](#)
4. Комаров С. А. Общая теория государства и права : учеб. М. : Юрайт, 1998. 416 с. [Вернуться к статье](#)
5. Иванников И. А. Концепция правовой культуры // Правоведение. 1998. № 3. С. 13. [Вернуться к статье](#)
6. Флиер А. Я. Культурогенез. М., 1995. 128 с. [Вернуться к статье](#)
7. Вайпан Г. В. Принцип пропорциональности в современном международном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2017. 238 л. [Вернуться к статье](#)
8. Степин В. С. Культура // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 61–71. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

А. А. Лапина

Санкт-Петербургский университет МВД России,
слушатель факультета подготовки сотрудников полиции
для следственных подразделений

***Аннотация.** В статье автор акцентирует внимание на том, что коммеморация выступает в качестве средства формирования правовой культуры личности и общества. Рассматриваются коммеморативные практики, которые направлены на увековечение, хранение и передачу памяти о сотрудниках правоохранительных органов, образцово выполнявших свой служебный долг.*

***Ключевые слова:** правовая культура, коммеморативные практики, коммеморация, сотрудники правоохранительных органов, духовно-нравственные ценности, традиции профессиональной деятельности, памятники сотрудникам полиции.*

***Annotation.** In the article the author focuses on the fact that commemoration acts as a means of forming the legal culture of the individual and society. The article examines commemorative practices that are aimed at perpetuating, storing and transmitting the memory of law enforcement officers who performed their official duty in an exemplary manner.*

***Keywords:** legal culture, commemorative practices, commemoration, law enforcement officers, spiritual and moral values, traditions of professional activity, monuments to police officers.*

Наиболее важные общественные отношения общества регулируются правовой системой общества, одним из основных элементов которой является правовая культура общества. Ее высокий уровень свидетельствует о существовании и функционировании правового государства. Значение правовой культуры, отражающей этику взаимоотношений субъектов общественной жизни в правовом поле как фактора совершенствования государственно-правовой системы, существенно повышается в условиях глобализации общества и цифровизации общественных отношений [1].

На протяжении длительного периода времени происходят дискуссии научных исследователей [2] относительно терминологии и сущности правовой культуры. Автор данной статьи исходит из того мнения, что формирование правовой культуры осуществляется посредством поддержания функционирования правовой жизни общества, в том числе правосознания граждан и общества в целом, уровня правотворческой, правоприменительной, правоохранительной

деятельности. Особое значение при изучении правовой культуры следует уделять правовым процессам, а именно процессу действия права, его понимания со стороны граждан, особенностям развития правового мышления и убеждения.

Кроме того, немаловажное значение имеют факторы формирования правовой культуры общества и личности, поскольку их наличие является сопутствующим фактором существования и функционирования правовой культуры [3, с. 116]. На законодательном уровне указанные факторы нашли свое отражение в Основах государственной политики в сфере правовой грамотности и правосознания, к ним относятся: семейное благополучие, высокий уровень образования, создание и распространение в каком-либо формате материалов, содержащих в себе сведения, формирующие правовую грамотность граждан, результативная деятельность органов государственной власти; осуществление функционирования организаций и деятельности граждан исключительно на основе действующего законодательства [4].

Так, в качестве средства формирования правовой культуры личности и общества выступают коммеморативные практики, под которыми следует понимать сохранение значимых исторических событий, фактов и личностей посредством увековечивания в современном контексте [5, с. 237]. Коммеморативные практики позволяют закрепить духовно-нравственные ценности [5] и определить связь между прошлым и настоящим [5], закрепить традиции профессиональной (в том числе и правоохранительной [6]) деятельности. Коммеморативным практикам, направленным на сохранение памяти о важнейших исторических событиях и личностях, внесших весомый вклад в развитие российского общества, сегодня в Российской Федерации придается особое значение [7]. Коммеморация представляет собой процесс передачи «воспоминаний» из одного поколения в другое посредством закрепления известных личностей в названиях улиц городов Российской Федерации, художественных произведений, в театральных постановках.

Так, органам полиции посвящено большое количество произведений, фильмов и памятников. Данные произведения искусства в полной мере отражают различные направления деятельности правоохранительных органов, в основе которых заложены реальные исторические факты, события, личности. Одной из форм отражения отношения населения к полиции и ее сотрудникам являются памятники, установленные в их честь. На территории нашего государства представлены разнообразные памятники, посвященные сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, проявившим стойкость, мужество, героизм и самоотверженность.

Так, 10 ноября 2001 года в г. Орел (ул. Максима Горького, д. 19) был установлен памятник погибшим сотрудникам органов внутренних дел.

Памятник структурно состоит из нескольких элементов: подиум, на который ведет лестница, состоящая из двух ступенек, а также подиум и обелиск. Две ступеньки ведут к брусчатой площадке прямоугольной формы, в центре которой располагается подиум с обелиском в виде граненого штыка. С лицевой стороны обелиска высечена надпись золотистого цвета: «Памяти сотрудников органов внутренних дел Орловской области, погибших при исполнении служебного долга». Выше указанного текста расположен щит округлой формы, в центре которого обнаженный меч и буквы «МВД». На оборотной стороне обелиска находится табличка, на которой изображен трехглавый орел с расправленными крыльями, выглядывающий из-за щита с надписью «МВД РОССИИ», за щитом и орлом виднеется три развевающихся флага с правой и с левой стороны.

В ноябре 1993 года сооружен мемориал памяти сотрудникам МВД и МЧС, погибшим при исполнении служебных обязанностей. Автором памятника является скульптор А. М. Миронов. Расположен этот мемориал в г. Улан-Удэ на проспекте Победы, д. 14. Памятник представляет собой мемориальный комплекс, состоящий из нескольких элементов: подиум, 6 мраморных плит, постамент с орлом. На левой мраморной плите в верхней части изображен щит, в середине которого виднеется обнаженный меч; снизу данного щита высечен текст: «В жизни всегда есть место подвигу». На остальных мраморных плитах нанесен список, состоящий из 30 фамилий сотрудников правоохранительных органов, погибших при исполнении служебных обязанностей, а также даты их жизни и смерти. Сзади между второй и третьей мраморными плитами находится постамент, на котором расположена художественная композиция, состоящая из лаврового венка, символизирующего славу, в центре которого виднеется орел с гордо поднятой головой и устремленным вдаль взглядом, который, в свою очередь, символизирует такие качества, как зоркость, смелость и стремительность. Орел сидит на спадающей с постамента драпированной накидке (символ скорби).

10 июня 2016 года в г. Курган на Троицкой площади состоялась торжественная церемония воздвижения памятника сотрудникам органов внутренних дел, погибшим при исполнении служебного долга. Инициатором установления данного памятника явилась ветеранская организация сотрудников органов внутренних дел, которые собрали пожертвования в качестве денежных средств среди работников органов внутренних дел, ветеранов, предприятий и общественных организаций. Монумент состоит из лестницы, постамента, бронзовой фигуры полицейского. На лицевой стороне постамента, к которому ведут мраморные ступеньки, изображен герб Российской Федерации, а также табличка с надписью: «Погибшим сотрудникам». В центре постамента возвышается

скульптура. Сотрудник полиции стоит прямо, голова поднята вверх, взгляд устремлен вперед, в правой руке держит опущенный меч, в то время как левой рукой придерживает щит с надписью «МВД» посередине. Автором проекта является курганский скульптор Александр Гвоздев.

Памятники, расположенные на территории Российской Федерации, призваны формировать и сохранять уважение к сотрудникам правоохранительных органов, образцово выполнявшим свой служебный долг.

Таким образом, формирование правовой культуры — сложный и длительный процесс, который включает в себя развитие правосознания и правовой активности, получение и закрепление у граждан юридических знаний, повышение культуры правотворчества и правоприменения (в том числе и при осуществлении правоохранительной деятельности). Правовая культура формируется в результате систематической целеустремленной образовательно-просветительской деятельности государства, одним из важных средств ее формирования являются коммеморативные практики, имеющие большое значение для закрепления духовно-нравственных ценностей и правовых традиций.

---

1. Демидова И. А. Правовая культура современного белорусского общества: методология исследования, вопросы понимания и совершенствования. Могилев : Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 2021. 396 с. [Вернуться к статье](#)

2. Демидова И. А. Современное общество как среда и детерминанта развития правовой культуры (опыт теоретико-правового анализа) // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2023. № 2 (98). С. 26–35. [Вернуться к статье](#)

3. Карнаушенко Л. В. Правосознание, правовая культура, правовое воспитание. Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2017. 30 с. [Вернуться к статье](#)

4. Кордобовская К. Е. Правовая культура и ее проявления как предмет научных исследований // Advances in Law Studies. 2023. Т. 11. № 1. С. 26–30. [Вернуться к статье](#)

5. Лапина А. А. Коммеморативные практики как средство патриотического воспитания курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // Патриотическое воспитание в системе высшего образования : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 82-й годовщине начала контрнаступления советских войск в битве за Москву, 80-летию разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве, 55-летию поискового движения на Белгородчине / редкол.: Е. П. Максименко, З. З. Мухина, Н. А. Тимощук, Д. А. Хорват. М. : Издат. Дом НИТУ МИСИС, 2023. С. 159–167. [Вернуться к статье](#)

6. Лапова Е. С. Многообразие механизмов формирования правовой культуры как отражение многогранности феномена «правовая культура» // Санкт-Петербургские встречи молодых ученых : материалы I всерос. конгресса адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней, Санкт-Петербург, 15 июня 2023 г. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2023. С. 115–120. [Вернуться к статье](#)

7. Матвеев А. В. Коммеморативные практики как средство формирования единства и общности при репрезентации событий российской истории // Государство.

Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : Санкт-Петербург, 28–29 апр. 2020 г. : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. Н. С. Нижник ; сост. Н. С. Нижник, С. А. Никифорова. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2020. С. 1881–1885. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.85

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ
И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУР В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭПОХИ 6-ГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА****С. Я. Лебедев**

Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина,
заведующий кафедрой уголовного права и адвокатуры,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

***Аннотация.** Обосновываются место и роль информационно-коммуникационной и правовой культур в правоохранительной деятельности эпохи 6-го технологического уклада, анализируются противоречия между информационно-телекоммуникационными и правоохранительными ресурсами обеспечения общественной безопасности от инновационных преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, определяются перспективы информационно-технологического и правового взаимодействия негосударственных структур кибербезопасности и правоохранительных органов в обеспечении безопасности от инновационной преступности.*

***Ключевые слова:** правовая культура, информационно-коммуникационная культура, инновационные технологии, общественная безопасность, кибербезопасность.*

***Annotation.** The place and role of information and communication and legal cultures in law enforcement activities of the era of the 6th technological order are substantiated, contradictions between information and telecommunication and law enforcement resources for ensuring public safety from innovative crimes in the field of information and telecommunication technologies are analyzed, prospects for information technology and legal interaction of non-governmental cybersecurity structures and law enforcement agencies in ensuring security from innovative crime.*

***Keywords:** legal culture, information and communication culture, innovative technologies, public safety, cybersecurity.*

Определение места, роли, направлений и перспектив развития правовой культуры в современном обществе, оценки ее востребованности и восприятия различными слоями общества и пространствами его жизнедеятельности, как, собственно, и в целом духовной культуры, частью какой она (правовая культура) и является, представляется в определенном смысле стержневой проблемой сохранения человеческой цивилизации и, соответственно, ее воспроизводства в ряду предстоящих эпох. Более того, именно правовая культура как генетически присущая человеку разумному форма построения относительно

благополучной жизни себе подобных и социально позитивных взаимоотношений между ними на основе соблюдения принимаемых всеми людьми выработанных предшествующими и нынешними поколениями правил человеческого общежития, образующих собой квинтэссенцию права, выступает одновременно приоритетной гарантией общественной безопасности, ее главным гуманитарным обеспечительным ресурсом. Именно в этом и состоит ценность права (читай — правовой культуры) для любой цивилизации.

Разумеется, каждая новая эпоха цивилизационных отношений и обеспечивающих их культур (безусловно, включая правовую) характеризуется созданием прежде всего относительно новых социальных ценностей, отличающихся в определенной степени своим социокультурным предназначением от ценностей предшествующих цивилизаций. Однако до сих пор, что следует подчеркнуть особо, подобные изменения, несмотря на всю свою порой глобальную трансформацию, как правило, не меняли фундаментального естества предназначенных для общества, веками традиционно обеспечивающих его нормальную жизнедеятельность, ресурсов. К таковым, несомненно, относится право и цементирующая его культура как основа укрепления и обеспечения в новых эпохах преемственности соответствующих социально-правовых ценностей и социально-правового опыта, независимо от нацеленных на их изменения эпохальных технологических новаций.

Очевидно, что в отличие от многих прошлых цивилизаций, на протяжении тысячелетий формировавших и развивавших человеческие ценности в традиционной *реально* контактной системе социальных взаимодействий, нынешний, 6-й технологический жизненный уклад все более активно уводит человечество в область *виртуальных* социальных контактов. Они образуют собой новую реальность так называемой метавселенной, состоящую из множества метапространств, каждое из которых наполнено своими многоаспектными виртуальными (цифровыми) социальными взаимодействиями. Такие инновационные коммуникации определяют и специфику инновационных социокультурных ценностей, в своей совокупности как раз создающих и культивирующих систему социальных метавзаимодействий, развивающихся за пределами реальных, традиционных для прошлых эпох систем человеческого общения. В этом смысле современную цивилизацию вполне можно называть метацивилизацией.

Проживая в этой метацивилизационной реальности глобальных социальных трансформаций, вызванных инновационно-технологическими прорывами, затрагивающими и меняющими привычные формы всех без исключения сфер человеческой деятельности: бытовой, профессиональной, социально-экономической, политической и др., большинство людей даже не замечают порой контроля над собой инновационных технологий современного

6-го технологического уклада. При этом право как бы находится в стороне от активного вмешательства в инновационные, тем более технологические процессы, поскольку его прерогатива распространяется более на область человеческих (общественных) отношений, а не на технологическое их сопровождение.

Однако в том и состоит суть современного периода общественного развития, что именно технологии, как никогда ранее, активно вмешались в традиционные форматы человеческих отношений, практически подчинив последние своей «воле». Потому именно перед правом как главным гарантом сохранения человеческой цивилизации от технологических угроз, большей своей частью представляющих противоправные деяния, сегодня стоит эпохальная задача активного вмешательства в технологические процессы, дабы они продолжали далее развиваться исключительно в правовом поле.

По известному единодушному утверждению экономистов, переживаемая сегодня человечеством эпоха 6-го технологического уклада представляет собой принципиально новую технико-технологическую систему обеспечения цивилизационных отношений, основанную на стремительном развитии пяти так называемых НБИКС (нано-, био-, инфо-, когни-, социо-) мегатехнологий. Они подчиняют себе практически все без исключения сферы жизнедеятельности людей и образуют своими виртуально-цифровыми ресурсами (в противовес до сих пор существовавшим реальным) новые форматы метавзаимодействий между людьми. По сути, такие мегатехнологии образуют и культивируют ныне то самое пространство метавселенной, в которое перемещаются все доселе реальные социальные взаимодействия, как позитивные, так и, безусловно, негативные и преступные. При этом, погружаясь в пучину цифровых соблазнов, человечество весьма запаздывает с осознанием (тем более научным) их стремительно нарастающего, угрожающего, порой разрушительного для традиционных коммуникативных связей и обеспечивающих их до сих пор культур, цифрового потенциала, а потому пока крайне мало делает для надежного обеспечения так называемой кибербезопасности.

Не секрет, что правоохранительной (условно) активностью в обеспечении таковой сегодня отличаются, главным образом, негосударственные структуры информационно-телекоммуникационной (ИТ) безопасности, поскольку, развиваясь на коммерческой основе, они обладают гораздо большими, по сравнению с бюджетным финансированием государственных правоохранительных органов, экономическими, материально-техническими, технологическими и, соответственно, реализующими их кадровыми ресурсами. В результате объективно выходящая из-под реального правоохранительного контроля (а виртуального, как известно, пока не существует) цифровая (ИТ) преступность попадает под технологический контроль существующих структур кибербезопасности

(например, Лаборатория Касперского, Group-IB, Инфосекьюрити и др.). При этом и сами IT-специалисты и юридически оценивающие их кибербезопасную деятельность правоведа, безусловно, убеждены в явной противоправности какой-либо нейтрализующей акции в отношении тех или иных противоправных кибератак. Последние — суть преступление. Пресечение же преступлений и, более того, их расследование (кстати, именно такую свою деятельность до недавнего времени открыто рекламировала компания Group-IB) — прерогатива правоохранительных органов. И какой бы социально полезной по своему позиционируемому эффекту ни была деятельность негосударственных служб безопасности по пресечению и расследованию киберпреступлений, от этого она менее противоправной не становится. Вспоминаются в этом случае аналогии с «правоохранительной» деятельностью так называемых санитаров общества, устраняющих из его жизни педофилов, незаконных мигрантов, коррупционеров и т. п.

Таким образом, инновационная преступность, проявляющая себя в киберпространстве, большей своей частью не попадает в зону влияния правоохранительной практики как раз из-за отсутствия таковой в этом виртуальном пространстве. То есть реальная правоохранительная деятельность в условиях 6-го технологического уклада по большей части развивается (точнее, стагнируется) на основе традиционного (правильнее сказать, обычного) правоохранительного потенциала, сопровождаемого аналогичным по своей форме правовым обеспечением (включая каноны существующей правовой культуры), и потому по-прежнему сфокусирована на обеспечении безопасности личности, общества, государства от традиционной (обычной, реальной) преступности. Такая правоохранительная традиционность и составляет сегодня главный, однако далеко не адекватный масштабам и характеру инновационных криминальных угроз эпохи 6-го технологического уклада и уж тем более не оптимальный по целевым запросам общественной безопасности ресурс. Точнее, ее «ручные» технологии явно не отвечают инновационным технологическим вызовам.

IT-специалистам, да, видимо, и любому более-менее продвинутому пользователю, хорошо известно, что вполне удобное и относительно безопасное существование человека в рассматриваемом гибридном мире обеспечивается: более высокой, по сравнению с реальными возможностями, результативностью (эффективностью) достижения цели какой-либо деятельности; низкой (часто бесплатной) стоимостью привлекаемых для этого информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ); доступностью цифровой инфраструктуры и, главное, анонимностью источника (субъекта) инициации действия (деяния), а следовательно, относительной защищенностью от любого внешнего воздействия, исходящего от реального правоохранительного источника.

Потому грешный человек, сосредоточенный на совершении преступлений, находит для себя в современном гибридном мире гораздо больше возможностей для криминальной самореализации, нежели в реальном, пока еще традиционно подконтрольном существующему уголовному закону и правоохранительной практике его применения.

То есть в итоге информационно-телекоммуникационная культура становится для обычного человека ценнее в достижении своего жизненного благополучия, нежели правовая культура. И какой бы высокой по своей значимости степенью традиционной правовой культуры ни обладали сотрудники правоохранительных органов, при их сегодняшней приверженности традиционным ее (правовой культуры) форматам, достичь главной своей цели — обеспечения надежной общественной безопасности — представляется весьма проблематичным, а по существу — невозможным.

Проявляющее себя в проблемных условиях правоохранительного обеспечения общественной безопасности эпохи 6-го технологического уклада противоречие между информационно-телекоммуникационной и правовой культурами обостряется уже становящейся привычной ситуацией, когда активно развивающимися цифровыми форматами новых социальных взаимодействий, приоритет в реализации которых принадлежит информационно-телекоммуникационным технологиям и продуцирующим их субъектам, вытесняются успешно культивируемые доселе в правоохранительных практиках правовые стандарты. Фактически информационно-телекоммуникационная культура объективно замещает собой правовую культуру, развивавшуюся на протяжении всех предшествующих технологических эпох и пока не отказывающуюся от своей традиционной функции «закрепителя» всех основополагающих стандартов юриспруденции как научного фундамента правоохранительной деятельности.

Ко всему прочему, начинает себя проявлять основанная на отмеченном «замещении» еще одна, сопутствующая такому противоречию, а точнее, усугубляющая его проблема, а именно неприятие совокупным информационно-телекоммуникационным ресурсом авторитета правовой культуры над технологической. Хотя, безусловно, в реализации любой технологии всегда были, есть и будут присутствовать свои нормативно заданные правовые стандарты. Но попытка установить правоохранительный контроль над технологическими процессами в целях предупреждения и нейтрализации совершаемых в информационно-телекоммуникационном пространстве правонарушений и преступлений и тем самым обеспечить в этой сфере необходимую общественную безопасность, пока поддержки в информационном сообществе не находит.

Кстати, справедливости ради надо отметить, что информационное сообщество вовсе не отказывается от соблюдения нормативных правовых и обеспечиваемых правовой культурой регламентов своей правомерной инновационно-технологической деятельности. В конце концов таковая регламентирована и соответствующими федеральными законами, и указами Президента Российской Федерации, и постановлениями Правительства Российской Федерации, и ведомственными, и иными нормативными правовыми актами. Наконец, весьма показательным фактом, безусловно, говорящим в пользу соблюдения информационно-телекоммуникационным сообществом требований правовой культуры, стало принятие в 2021 году Альянсом в сфере искусственного интеллекта (общественная организация) Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта, утверждающего весьма впечатляющие правовые гарантии безопасного производства, функционирования и использования таких продуктов.

Таким образом, проявляющие себя в эпоху 6-го технологического уклада противоречия между информационно-коммуникационной и правовой культурами, в том числе в обеспечении правоохранительными органами требуемого государством и обществом надежного уровня общественной безопасности от инновационной преступности, не исключают перспективы налаживания в этой сфере взаимоприемлемых контактов и взаимодействий, способных создать надежный правовой и одновременно технологический заслон современным криминальным угрозам. Думается, что одним из довольно продуктивных ресурсов такого сотрудничества может быть развивающееся в последнее время успешное информационно-технологическое и правовое взаимодействие негосударственных структур кибербезопасности и правоохранительных органов на основе договоров о государственно-частном партнерстве.

УДК 340.1

ПРАВОВАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ДОМИНАНТА РАЗВИТИЯ ПРАВА

И. Б. Ломакина

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
доктор юридических наук, профессор

***Аннотация.** Автор статьи показывает с позиций антрополого-правового подхода, как правовая традиция влияет на развитие права. В статье актуализируется идея о том, что правовая традиция формируется в контексте соответствующих материальных условий жизни и ментальности каждого отдельно взятого народа. В статье доказывается, что правовая традиция определяет характер права и является его доминантой.*

***Ключевые слова:** право, правовая культура, правовая традиция, характер права, доминанта, ценности.*

***Annotation.** The author of the article shows from the standpoint of the anthropological and legal approach how the legal tradition affects the development of law. The article actualizes the idea that the legal tradition is formed in the context of the corresponding material living conditions and mentality of each individual nation. The article proves that the legal tradition determines the nature of law and is its dominant.*

***Keywords:** law, legal culture, legal tradition, nature of law, dominant, values.*

Понимание традиции исторически связывалось с преемственностью знаний, соответствующего опыта. В аутентичном прочтении традиция (в римском понимании) представляла собой механизм передачи, вручения; преподавания, обучения; предание, повествование; установившееся издавна мнение или привычку [1, с. 30]. Представленное аутентичное видение лишь отчасти совпадает с его современными экспликациями. Однако вполне очевидна связь с определенным способом (механизмом) передачи знаний. С позиций логики модерна, а вернее, логики капитализма, традиция имела скорее негативную коннотацию и ассоциировалась со старым, прошлым, всем тем, что якобы утратило потенцию в своем развитии.

Осмысление традиции с позиций социологической науки началось благодаря Максиму Веберу. Вебер использовал термин «традиция» в двух смыслах: в психологическом (практически бессознательное поведение, противостоящее рациональности) и в философском (ценность). Не имея возможности рассматривать все точки зрения понимания традиции, отметим главное, а именно ее

институциональный характер, обусловленный конкретными материальными условиями жизни и ментальностью народа [2, с. 68].

Вместе с тем следует понимать, что традиция не есть «застывшая» когда-то форма социальной материи, она имплицитно включает в себя и новацию, которая обнаруживает себя по мере необходимости или по мере потребностей ее носителей. В этой связи можно обратиться к цитате великого методолога всех времен и народов, правда, не очень популярного сегодня в западном политико-правовом дискурсе Г. Гегеля: «Традиция не есть лишь домоправительница, которая верно оберегает полученное ею и, таким образом, сохраняет его для потомков и передает им его не умаленным, подобно тому как течение природы, в вечном изменении и движении ее образов и форм, остается навсегда верным своим первоначальным законам и совсем не прогрессирует. Нет, традиция не есть неподвижная статуя: она — живая и растет подобно могучему потоку, который тем больше расширяется, чем дальше он отходит от своего истока» [3, с. 70].

В контексте генезиса европейского права трактует «традицию» известный зарубежный историк права Г. Дж. Берман. В своем бестселлере «Западная традиция права: эпоха формирования», переизданном не один раз на многие европейские языки, ученый пишет о правовой традиции Запада и его ценностных доминантах — свободе и справедливости [4].

Правовая традиция всегда и в любой культуре реифицируется, а ее легитимация обычно доктринально закрепляется в различных текстах культуры. Правовая традиция — это комплексная традиция, в ее формировании участвуют не только ныне живущие поколения, но и все прочие уже ушедшие в мир иной. Поэтому преемственность масштаба должного, возможного и необходимого поведения исторически воспроизводится в социальной практике. Комплексная правовая традиция или традиция-традиций определяет цивилизационный вектор развития каждого отдельно взятого общества, позже — государства [5, с. 52].

Поэтому цивилизационный вектор есть не что иное, как укорененная правовая традиция, обеспечивающая людям устойчивое развитие в той социальной действительности, творцами и творениями которой они являются. Этот процесс бесконечен и диалектичен. Как нам представляется, этот процесс может быть осмыслен и описан только с точки зрения постклассической методологии, успешно развиваемой петербургской школой права в лице ее видных представителей А. В. Полякова, И. Л. Честнова, Н. В. Разуваева и др.

Как нам представляется, правовую традицию следует рассматривать именно с обозначенных выше позиций. Правовая традиция связана с механизмом воспроизводства правовой реальности. И всегда деятельностно и

ценностно нагружена. Каждый человек — творец своей правовой традиции, а не просто носитель какого-то социального (правового) статуса. При таком подходе право не выглядит абстрактным, оно не отчуждается от человека, а является средой его обитания, которую он сам же и создает в процессе коммуникации (диалога).

Описанный выше процесс включает в себя не просто формируемые человеком в повседневных практиках социальные, в том числе и правовые институты, но и их осмысление и означивание, то есть их номинацию. Поэтому наряду с хабиитуализацией, седиментацией соответствующего правового опыта, важное значение имеет интериоризация и его легитимация.

Таким образом, повседневные практики формируют стандарты должного и возможного поведения в обществе, а их закрепление осуществляется преимущественно через официальную номинацию и позитивацию в формах внешнего выражения. Доктринальная же реификация следует несколько позже, она придает легитимный характер легальным нормоустановлениям.

Представленный выше подход не уводит право в дебри юснатурализма, но и не примитивизирует его, как в свое время делал классический позитивизм, а показывает механизмы воспроизводства правовой реальности применительно к практикам субъектов права. Поэтому антрополого-правовой подход высвечивает, как правовая традиция влияет на развитие права. Правовая традиция всегда контекстуальна и исторична, она формируется в контексте соответствующих материальных условий жизни и ментальности каждого отдельно взятого народа.

---

1. Ломакина И. Б. Традиции и инновации в контексте существования цивилизаций восточного и западного типов // Изменения в праве: новаторство и преемственность : моногр. / под общ. ред. Д. Е. Мерешкина, С. Л. Сергеевнина, Н. В. Разуваева. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. 342 с. [Вернуться к статье](#)

2. Ломакина И. Б. Конструктивистская антрополого-правовая концепция правопорядка // Правопорядок: элементы общей теории : моногр. / под общ. ред. М. А. Беляева, В. В. Денисенко, А. И. Клименко. М. : Проспект, 2020. 233 с. [Вернуться к статье](#)

3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб., 1993. 524 с. [Вернуться к статье](#)

4. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ : Инфра-М-НОРМА, 1998. 624 с. [Вернуться к статье](#)

5. Луковская Д. И., Ломакина И. Б. Традиции и новации в генезисе права и учений о праве (на примере юснатурализма) // Правогенез: традиция, воля, закон : моногр. / под ред. Р. А. Ромашова. СПб. : Алетейя, 2021. 480 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.155

**В. В. ИВАНОВСКИЙ О ВКЛАДЕ В РАЗВИТИЕ НАУКИ
ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРАВА
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ПОЛИЦЕИСТОВ XIX ВЕКА**

Т. В. Ломова

Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
преподаватель кафедры общеправовых дисциплин

Аннотация. Статья посвящена взглядам видного правоведа Российской империи В. В. Ивановского (1854–1926), давшего оценку вкладу западноевропейских полицейистов XIX в. в развитие науки полицейского права (определение предмета полицейского права, границ государственного принуждения и место властеотношений в достижении целей полицейского государства).

Ключевые слова: В. В. Ивановский, полицейское право, полицейистика, полицейско-правовая теория, западноевропейская полицейистика, полицейское государство, правовое государство.

Annotation. The article is devoted to the views of the prominent jurist of the Russian Empire V. V. Ivanovsky (1854–1926), who assessed the contribution of Western European policeists of the XIX century to the development of the science of police law (definition of the subject of police law, the boundaries of state coercion and the place of power relations in achieving the goals of the police state).

Keywords: V. V. Ivanovsky, police law, policeistics, police and legal theory, Western European policeistics, police state, rule of law.

Накопление и систематизация знаний о государстве, праве и эффективном управлении государством в современной юридической науке продолжает оставаться высоким [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Опыт решения проблем внутреннего управления государством с XVII в. концентрировался в рамках науки полицейского права [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14], в становлении которой в Российской империи важную роль сыграли известные правоведы: И. Е. Андреевский, А. Я. Антонович, Н. Н. Белявский, Э. Н. Берендтс, Н. Х. Бунге, В. Ф. Дерюжинский, А. И. Елистратов, В. В. Ивановский, И. Т. Тарасов, П. Н. Шеймин и др. [15; 16; 17].

Полицейисты придавали большое значение выявлению истоков становления полицейского права, определению факторов, позволяющих совершенствовать управление государством, развитию идей, касающихся выбора Российской империей модели своего развития на разных этапах государственно-правовой истории [17, p. 1826–1833; 18, с. 58–72].

Важный вклад в рассмотрение проблем систематизации знаний об управлении государством внес видный российский государствовед и социолог Виктор Викторович Ивановский (1854–1926) [19; 20; 21; 22; 23], теоретическое наследие которого до настоящего времени не получило должной оценки [24].

Отмечая важный вклад в развитие полицейского права западноевропейских мыслителей и серьезное влияние их идей на становление российской полицистики, В. В. Ивановский ряд своих трудов посвятил оценке достижений западноевропейских полицейстов в области полицейского права [25; 26].

Предметом своего исследования В. В. Ивановский избрал различные аспекты государственного управления, в том числе и вопросы систематизации знаний о решении внутренних проблем государства. Исследуя процесс становления полицейского права, В. В. Ивановский считал, что значимую роль в обосновании необходимости перехода от полицейского государства к правовому государству сыграла догматическая школа права, оформившаяся в западноевропейской полицистике в первой половине XIX в.

Первую половину XIX в. в истории полицистики В. В. Ивановский называет «переходным временем для науки полицейского права» [25, с. 291]. В это время осуществлялись попытки юридизировать полицейское право, разработать полицейское законодательство, уточнить предмет полицейской деятельности, определить метод полицейского права [25; 27, с. 38]. Важной предпосылкой этих процессов была смена формы правления в европейских государствах: абсолютная монархия уступила место конституционной монархии. Трансформировались и взгляды на государственное управление и полицейскую деятельность. Стремительно развивается промышленность, а вместе с ней — политическая экономия, которая благодаря трудам А. Смита, Д. Рикардо, Ж. Б. Сея, Ж. А. Бланки, П. Л. Э. Росси пытается стать самостоятельной наукой, отличающейся по методу и целям от хозяйственной политики.

В это время, подчеркивает В. В. Ивановский, формируются государственное право и конституционное право как самостоятельные науки. Их развитие должно было обогатить полицейское право, но достижения полицейского права укрепили соответствующие разделы государственного права и политической экономии. В. В. Ивановский отмечает, что «постепенно должна была выясниться истина, что учение о главных государственных учреждениях, каково бы ни было их влияние на безопасность или благосостояние населения, должно относиться к наукам о государстве. Равным образом указания политической экономии на то, что хозяйственная жизнь следует своим собственным законам, должны были известным образом отозваться не только на характере государственной деятельности, но и на науке полицейского права, представители которой теперь не так уже щедро расточают свои советы по поводу тех или других

мер и средств достижения благосостояния. Это касается не только хозяйственной, но и всякой другой деятельности в области внутреннего управления» [25, с. 291–292]. Политический характер науки полицейского права, который опирался на признание властеотношений, должен был смениться юридическим (догматическим) характером, обусловленным признанием правоотношений.

Теория эвдемонизма [28; 29] должна была уступить свое место теории права, провозглашавшей свободу и доминирование правоотношений, нашедших описание в трудах И. Канта.

Признавалась идея, что право и справедливость должны лежать в основе всякого благополучия, а справедливость не должна достигаться пожертвованием. Такой подход характеризует правовое государство «в противоположность полицейскому» [25, с. 292]. Отсюда стремление сузить сферу принудительной деятельности государства и определить границы ответственности государства. Полицейсты начала XIX в. считают, что принудительная деятельность государства во внутреннем управлении должна ограничиваться задачами обеспечения безопасности. Только таким способом можно обеспечить неприкосновенность прав граждан от нарушений их со стороны самого государства.

В. В. Ивановский подчеркивает, что одним из первых полицейстов юридического направления в XIX в. являлся М. Вебер. Его сочинение «Систематического учебника государственного хозяйства» (1804) содержало в себе учение о полицейской деятельности. М. Вебер использует традиционные методологические приемы, но разграничивает полицию безопасности и попечительную деятельность государства, обращая внимание на границы возможного принуждения, на характеристику полицейского законодательства и полицейских учреждений.

Ф. Е. Лотц в работе «Понятие о полиции и об объеме принудительной полицейской власти» (1807) приоритетными считает не вопросы безопасности граждан, а общее совершенствование государственно-правовой системы, в обеспечении которой безопасность является только средством. В. В. Ивановский полагает, что Ф. Е. Лотц опасается злоупотреблений принудительной полицейской власти, но вносит важный вклад в обоснование необходимости отделить полицейскую власть от судебной и законодательной, определить место полицейской власти в системе государственной власти, не предполагающее самостоятельного издания законов. В. В. Ивановский подчеркивает, что Ф. Е. Лотц попытался определить границу принудительной власти полиции, но ему это не удалось. «Принуждение, по мнению Лотца, уместно только там, где существует разумное убеждение в существовании опасности; так как... разумность убеждения есть нечто весьма субъективное и относительное, то и граница для принуждения остается весьма неопределенной»

[25, с. 293]. Стремление Ф. Е. Лотца определить пределы государственного принуждения «приближает его к представителям юридического направления, хотя по основным своим приемам он и не далеко ушел от политиков» XVIII в. [25, с. 294].

Идеи Ф. Е. Лотца получили рассмотрение в трудах Л. Х. Якоба [30], который в сочинении «Основы полицейского законодательства и полицейских учреждений» (1809) [31] подчеркивает, что полиция связана с целью государства, «которая не может состоять в чем-либо ином, как в осуществлении известных общих целей участников государственного союза. Все то, что может быть достигнуто индивидуальными силами частных лиц или их соединениями, не может входить в задачу государства» [25, с. 293]. Цели государства — сохранение и усовершенствование правового порядка, а затем — личное и материальное развитие. Средствами для достижения этих целей служат законы и учреждения. Полиция — деятельная забота государства о достижении целей, определяемых правом. Границами полицейской деятельности Л. Х. Якоб считает закон. Средства полицейской деятельности определяются с учетом развития государства. Поэтому они неодинаковы, но при любых обстоятельствах должны основываться на принципах, которые требуют не нарушать права граждан, не противоречить нравственности, не нарушать свободу частных лиц [25, с. 293–294]. «Если еще и сейчас мы встречаемся с взглядами, по которым государственная деятельность не должна находиться в зависимости от требований этики, если современная государственная практика нас убеждает, что эти требования действительно весьма часто игнорируются, то заявление о том, что полицейская деятельность не должна противоречить ни праву, ни морали, в устах писателя начала XIX века заслуживает, конечно, особенного внимания», — констатировал В. В. Ивановский [25, с. 294].

В «Полном справочнике по полицейской науке, ее источникам помощи и истории» И. П. Харля (1809) [32] полиция рассматривается как ветвь государственного управления, имеющая целью предупредить опасность от людей и природы, грозящую государству в личном и материальном отношении. Объектом полицейского права И. П. Харль рассматривает не столько средства достижения государственных целей, сколько принципы государственной деятельности, определение которых автор осуществлял в контексте юридического дискурса.

В. В. Ивановский обращает внимание на труды немецких ученых, которые способствовали приобретению полицейским правом юридического характера. Р. фон Моль, издавший в 1832 г. сочинение «Наука о полиции по началам правового государства» [33], утверждает, что наряду с полицией должны существовать предупредительная и восстановительная юстиция. Задача полиции —

устранение препятствий для благосостояния, создаваемых природой; предупредительная юстиция охраняет права, предупреждая их нарушение людьми. Получается, что Р. фон Мольте называет предупредительной юстицией то, что большинство ученых называют полицией безопасности. Мольте, подобно Якобу и некоторым другим своим предшественникам, рассуждает о принципах полицейской деятельности, стремится установить границы полицейской деятельности, отыскивая их в праве и свободе частных лиц [34; 35]. Частной деятельностью Р. фон Мольте называет не только деятельность индивидуальную, но и общественную [36]. Когда такая деятельность оказывается недостаточной для устранения препятствий для благосостояния, для решения задач используется полицейская деятельность государства.

В. В. Ивановский отмечает вклад в становление полицейского права Й. Пецля, Г. Циммермана, Т. Ферстемана.

Й. Пецль (в работе «План лекций о полиции» (1866) [37]), Г. Циммерман и Т. Ферстеман рассматривали деятельность полиции с формальной стороны. Г. Циммерман, детально изучивший организацию исполнительной власти в Париже, характеризует каждую из форм полицейской деятельности, подчеркивая, что бюрократическое устройство полицейских учреждений и строгая централизация их деятельности — главные принципы организации и деятельности полиции. Т. Ферстеман в сочинении «Основания прусского полицейского права» (1869) представил результаты изучения положительного полицейского права Пруссии, подвергая его детальной догматической разработке. Т. Ферстеман, считает В. В. Ивановский, стал представителем нового юридического направления в науке, которому суждено было достигнуть своего высшего развития в более поздних трудах немецких и французских ученых. Все ученые, начиная с М. Вебера и заканчивая Р. фон Мольте и Й. Пецлем, являются выразителями переходного направления от политики к догматике административного права. «Этот переходный характер выражается в том, что ... писатели, считая задачей науки указание наиболее целесообразных средств и способов достижения государственных целей, то есть смотря на науку с точки зрения политики, одной из высших государственных целей считают защиту и охрану прав частных лиц и всего правопорядка и в то же время стремятся определить границами права пределы деятельности государственных органов при достижении означенной цели», — сделал вывод В. В. Ивановский [25, с. 295].

Таким образом, XIX век стал временем развития полицейского права, трансформации науки полицейского права в науку административного права. Полицейсты обосновали необходимость замены властеотношений правоотношениями и перехода от полицейского государства к правовому [15]. Переход от властеотношений к правоотношениям означал переход от полицейского

права к праву административному [29]. В. В. Ивановский выявил вклад западноевропейских полицейстов в развитие полицейского права в XIX в. Идеи западноевропейской полицейстики стали основой для дальнейшего развития полицейского (административного) права не только в Европе, но и в России.

---

1. Туманова А. С. Завершено еще одно исследование теоретического наследия российских полицейстов // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2019. № 4 (84). С. 221–225. [Вернуться к статье](#)

2. Дергилева С. Ю. Диссертация С. А. Никифоровой — вклад в изучение государственно-правовых учений Э. Н. Берендтса // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2019. № 4 (84). С. 226–230. [Вернуться к статье](#)

3. Нижник Н. С. Полицейско-правовая теория — предмет исследования современных ученых // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2019. № 4 (84). С. 231–240. [Вернуться к статье](#)

4. Нижник Н. С. Российская полиция: три века служения Отечеству (об участии ученых Академии управления МВД России в юбилейной международной научной конференции) // Тр. Акад. упр. МВД России. 2019. № 1 (49). С. 149–156. [Вернуться к статье](#)

5. Нижник Н. С. Адъюнкты Санкт-Петербургского университета МВД России: научно-исследовательская деятельность в контексте 300-летия полиции России // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 7 дек. 2018 г. / сост. Э. Х. Мамедов. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2019. С. 267–296. [Вернуться к статье](#)

6. Нижник Н. С. Полиция — субъект правоохранительной деятельности современного государства // Вестн. Караганд. акад. М-ва внутр. дел Респ. Казахстан им. Баримбека Бейсенова. 2018. № 4. С. 94–106. [Вернуться к статье](#)

7. Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. А. И. Елистратов: программа перехода от административного права к общей теории государственного управления // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2016. № 1 (69). С. 58–62. [Вернуться к статье](#)

8. Тарасов Н. К. Российская полицейстика конца XIX – начала XX века об основаниях и пределах применения мер государственного принуждения // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2019. № 4 (84). С. 51–60. [Вернуться к статье](#)

9. Козинникова Е. Н. Чрезвычайный правовой режим исключительного положения в России в конце XIX – начале XX века в оценке представителей школы «возрожденного естественного права» // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2019. № 1 (81). С. 26–36. [Вернуться к статье](#)

10. Морозова Е. Н., Нижник Н. С. Реформирование российской полиции: плюрализм подходов к осуществлению в середине XIX века // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2020. № 2 (86). С. 30–39. [Вернуться к статье](#)

11. Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Полицейско-правовая теория конца XIX – начала XX века о личности — субъекте публично-правовых отношений в полицейском государстве // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45. № 4. С. 750–760. [Вернуться к статье](#)

12. Егоров Н. Ю. Вопросы разграничения судебной и дисциплинарной ответственности государственных служащих в теоретическом наследии И. Т. Тарасова // Вестн. С.-Петербур. ун-та МВД России. 2022. № 1 (93). С. 17–26. [Вернуться к статье](#)
13. Чукаев Т. О. Омnipотенция «общественного права» в оценке М. М. Шпилевского // Вестн. С.-Петербур. ун-та МВД России. 2022. № 2 (94). С. 31–41. [Вернуться к статье](#)
14. Козинникова Е. Н. Свобода слова: пределы ограничения в условиях чрезвычайных правовых режимов // Вестн. С.-Петербур. ун-та МВД России. 2022. № 1 (93). С. 27–35. [Вернуться к статье](#)
15. Нижник Н. С. Полицейское государство — социоюридический феномен: характеристика сущностных черт в отечественной полицейско-правовой теории // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 123–130. [Вернуться к статье](#)
16. Нижник Н. С. Полицейстика: основные этапы развития полицейско-правовой теории в России // Российская полиция: три века служения Отечеству : сб. ст. Юбилейной междунар. науч. конф., Москва, 21 дек. 2018 г. / под ред. В. Л. Кубышко : в 2 ч. Ч. 1. М. : Акад. упр. МВД России, 2019. С. 220–240. [Вернуться к статье](#)
17. Nizhnik N. S. Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State // Man. Society. Communication, Veliky Novgorod, 23–24 Apr. 2020. Veliky Novgorod : ISO LONDON LIMITED — European Publisher, 2021. P. 1826–1835. [Вернуться к статье](#)
18. Права человека: между прошлым и будущим / под ред. Н. В. Варламовой, Т. А. Васильевой, Н. В. Колотовой. М. : Норма, 2021. 448 с. [Вернуться к статье](#)
19. Ломова Т. В. Проблемы формирования и функционирования бюрократии в теоретическом наследии В. В. Ивановского // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России) : материалы XX междунар. науч.-теорет. конф., Санкт-Петербург, 27–28 апр. 2023 г. : в 2 ч. СПб., 2023. С. 257–266. [Вернуться к статье](#)
20. Ломова Т. В. Виктор Викторович Ивановский: вклад в развитие теории государственного управления // XI Балт. юрид. форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии» : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Калининград, 16 дек. 2022 г. / отв. ред. С. В. Векленко. Калининград, 2023. С. 88–89. [Вернуться к статье](#)
21. Ломова Т. В. Государственно-правовые воззрения В. В. Ивановского как предмет исследования российских юристов (опыт историографического анализа) // Ученые зап. Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Юрид. науки. 2023. Т. 9. № 3. С. 553–562. [Вернуться к статье](#)
22. Ломова Т. В. Проблемы определения методологической основы исследования государства в теоретическом наследии полицейиста В. В. Ивановского // Санкт-Петербургские встречи молодых ученых : материалы I всерос. конгресса адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней, Санкт-Петербург, 15 июня 2023 г. СПб., 2023. С. 126–132. [Вернуться к статье](#)
23. Ломова Т. В. Вопросы организации местного самоуправления в государственно-правовой концепции В. В. Ивановского // Проблемы юриспруденции и педагогики высшей школы в работах молодых ученых : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Белгород, 30 нояб. 2022 г. Вып. 3. Белгород, 2023. С. 82–86. [Вернуться к статье](#)

24. Ломова Т. В. Российская полицейстика второй половины XIX века: определение актуальных проблем управления государством / Т. В. Ломова // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : материалы Всерос. науч.-практ. конф. адъюнктов, аспирантов и соискателей, Санкт-Петербург, 23 дек. 2022 г. / сост. Э. Р. Миргородская. СПб., 2022. С. 92–97. [Вернуться к статье](#)
25. Ивановский В. В. Наука административного права в ее прошлом и настоящем // Журн. М-ва юстиции. 1903. № 9. С. 286–329. [Вернуться к статье](#)
26. Ивановский В. В. Учебник административного права. 4-е изд., испр. и доп. Казань, 1911. [Вернуться к статье](#)
27. Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Систематизация знаний об управлении обществом и становление науки полицейского права в Западной Европе в XVIII веке // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2014. № 3 (63). С. 37–43. [Вернуться к статье](#)
28. Нижник Н. С. Полицейское государство как средство достижения всеобщего счастья (по страницам работ полицейстов) // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Новороссийск, 22–23 сент. 2016 г. / под общ. ред. В. А. Сосова. Новороссийск : ООО «Издательский Дом — Юг», 2017. С. 30–34. [Вернуться к статье](#)
29. Нижник Н. С. Аксиологическое обоснование правового дискурса полицейского государства // Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования : сб. науч. тр., Минск, 3–4 мая 2019 г. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2019. С. 155–163. [Вернуться к статье](#)
30. Айрих В. А. Возникновение науки полицейского права: новые штрихи к старому портрету // Юрид. исслед. 2014. № 10. С. 38–73. [Вернуться к статье](#)
31. Jacob L. H. Grundsätze der Policeygesetzgebung und der Policeyanstalten. Erster Band. Charcow, 1809. [Вернуться к статье](#)
32. Harl J. P. Vollständiges Handbuch der Polizei-Wissenschaft, ihrer Hülfquellen und Geschichte: mit vorzüglicher Rücksicht sowohl auf die neuesten Entdeckungen und Erfahrungen, als auch auf die neueste Gesetzgebung in Frankreich und in den Rheinischen Bundesstaaten und Litteratur der Polizei. Palm, 1809. [Вернуться к статье](#)
33. Mohl R., von. Die Polizeiwissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates. 1–2 Bd. Tübingen : Laupp, 1832–1833. [Вернуться к статье](#)
34. Mohl R., von. Encyclopädie der Staatswissenschaften. Tübingen : Laupp, 1859. 760 S. [Вернуться к статье](#)
35. Mohl R., von. Staatsrecht, Völkerrecht und Politik. 2–3 Bd. Politik. Tübingen : Laupp, 1869. 724 S. [Вернуться к статье](#)
36. Пирожок С. С. Теоретико-методологические детерминанты концепции социального государства Роберта фон Моля // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2020. № 1 (85). С. 37–45. [Вернуться к статье](#)
37. Pözl J. Grundriß zu Vorlesungen über Polizei. München, 1866. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И ПРАВОВОЙ НАУКИ

В. Н. Матарас

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** Рассматриваются проблемы разграничения философии и правовой науки. Анализируется соотношение научного и философского мировоззрения, параметры разграничения философии и правовой науки в исследовании реальной системы правопорядка.*

***Ключевые слова:** философия, научное мировоззрение, латентные нормы, реальный правопорядок, правовая наука.*

***Annotation.** The problems of differentiation of philosophy and legal science are considered. The correlation of scientific and philosophical worldviews, the parameters of the differentiation of philosophy and legal science in the study of the real system of law and order are analyzed.*

***Keywords:** philosophy, scientific worldview, latent norms, real law and order, legal science.*

Интерес к теме соотношения и разграничения философии и правовой науки наблюдается во многих научных изысканиях, касающихся данной проблемы. При научном исследовании системы правопорядка всегда присутствует наблюдаемая формальная система норм права, где самое простое для правоведа — исследовать их филологическим способом. Результатом такого научного исследования системы правопорядка является неизбежная формализация сложной реальности и сведение ее к упрощенному анализу правопорядка.

Система правопорядка в реальности — сложное и многогранное явление с различными уровнями масштаба. С одной стороны, это система открытого типа, в идеале жесткая и статичная, сфера создания формальной системы норм. Это стабилизирующая и стремящаяся к статике нормативная система, созданная правящей группой с целью кристаллизации определенной (для данного времени) системы правобязанностей.

С другой стороны, в качестве источника правовых установок она имеет этническую латентную нормативную систему, основанную на этнических стереотипах поведения и императивах ведущего слоя, которые отражают состояние коллектива для данной стадии жизнедеятельности. При правовом исследовании мы видим социально-формализованную систему правовых норм, но не улавливаем часть отношений этнически живого потока и сложных динамических процессов правопорядка. Чтобы изучить данную систему правопорядка,

мы чаще исследуем позитивные нормы, «видим в данном феномене формальный аспект правопорядка и его правовой системы, но чаще наблюдаем только часть параметров системы правопорядка и не учитываем системные связи в правовом поле этнической системы, которые, как известно, составляют основу любого феномена, особенно при его динамических процессах трансформации» [1, с. 355].

В живом потоке этнической системы норм и рационально создаваемой формальной системы норм присутствуют закономерности малого и большого масштаба. Это всегда процесс, где присутствуют латентные нормы, которые формально не проявлены и подсознательно воспринимаемы как естественные, — они не всегда осознаваемы коллективом, где часть из них всегда обдумана и закреплена позитивной системой норм. При исследовании такого сложного феномена результат всегда будет иметь некоторые разбежки в пределах допуска, и если система динамичная, то будет всегда наблюдаться временное состояние параметров для данной системы правопорядка.

Когда утверждают, что «политико-правовые проблемы освещались на подлинно философском уровне» [2, с. 21], возникают вопросы: а была ли там научная составляющая? насколько высок «уровень теоретического мышления и подлинно философского обобщения»? [2, с. 21]. Указанное утверждение предполагает только философское теоретизирование или научное обобщение? Дело в том, что философский уровень не всегда направлен на научный поиск в исследовании реальных причинно-следственных связей при анализе того или иного правового феномена.

А если правовая наука переходит от философов к юристам [2, с. 21], означает ли это, что юристы выделяют в своих работах научную сферу, а не занимаются все той же философией в силу переноса понятий-слов и терминов в чуждую ей научную среду. Чаще всего правовая наука заимствует модные абстрактные понятия и термины из социологии, психологии или философии, не разграничивая понятия-формы и понятия-содержания, что для правовой науки произвольно приводит к потере содержательного начала. То есть она так и остается философией умозаключений, не перейдя грань между философией и правовой наукой. «Призрачность философских построений всегда будет проявляться в науке, если ученые связывают свои построения вне действительности», — утверждал В. И. Вернадский [3, с. 71].

Философия не исследует реально функционирующий правопорядок и процессы правогенеза, она их пронизывает и потенциально расширяет диапазон исследования, способствует проверке через научные параметры. При этом бесспорно, что резкой грани между философией и правовой наукой не может быть

[2, с. 27]. Эта грань всегда тонкая и вариативная с переходами, соответствующими для данного состояния правовой науки.

Фундаментальная особенность состоит в том, что «философия специфически теоретическими средствами (и это обстоятельство определяет ее глубокую общность с наукой) выполняет мировоззренческую функцию» [4, с. 102], но не способна в силу своего уровня дать научно-содержательную эмпирическую модель. Поэтому все ее построения являются только приближениями по отношению к реальным явлениям [4, с. 193]. В результате правоведа смотрят на объект через призму философских мировоззрений и, естественно, приходят к принципиально противоположным результатам в понимании и объяснении системы правопорядка.

В философии всегда превалирует попытка выразить себя, а более широкая база теоретизирования приводит к неопределенности в трактовках эмпирических фактов, а следовательно, к отрыву от реальных процессов системы правопорядка. Поэтому мировоззрение философии крайне мало отражает реальные связи и закономерности правогенеза. В силу отсутствия жесткой связи с реальным явлением системы правопорядка она всегда более субъективна в своих трактовках. В ней всегда доминируют мировоззренческие приоритеты самой личности или его школы, так как философские представления «основаны на анализе общих понятий, которые далеко не всегда охватывают целиком лежащие в основе их научные факты и научные эмпирические обобщения» [5, с. 173].

Правовая наука способна анализировать причинно-следственные связи даже на высокой границе эмпирического обобщения и поэтому в зависимости от феномена исследования там обязана присутствовать пусть даже опосредованная связь между элементами любого правового явления. А субъективизм правоведа должен всегда иметь интерпретацию в границах допуска, где в основании находится эмпирический факт или обобщение, и на них основывать свои научные выводы. Даже если гипотеза создана в контексте философии, методом перепроверки будет устанавливаться конгруэнтная связь данного понятия с реальным функционированием в системе правопорядка.

Поэтому ученый, стремящийся к объективному пониманию системы реального правопорядка, не может удовлетвориться исследованием только логических свойств юридических норм: когда юристы говорят об объективном праве, «они мыслят не только логическую форму нормативных суждений, они мыслят вместе с тем и тот чисто реальный правопорядок, который юридическими нормами устанавливается и регулируется» [6, с. 62].

При научном исследовании научное мировоззрение выступает как сложный синтез знаний предельно эмпирически конкретных и знаний

эмпирического обобщения, но всегда обращенных к реально действующей системе правопорядка. Здесь есть низшая и высшая точка в наибольшей степени эмпирического обобщения, где даже верхняя точка правопорядка высокой степени масштаба может быть аргументирована в причинно-следственной связи через эмпирические факты и обобщения.

Как только переход осуществляется от одного эмпирического факта к другому не умогнительно, а фактически, подвергая анализу реальные связи между элементами правового явления, в достаточной степени проявляется основание для проявления эмпирического факта и научного вывода. Проблема найти ту тонкую вариативную грань перехода из философии в научную составляющую, где первая грань этого потенциального преодоления, стоит на пути из философии в науку, это переход из философского мировоззрения в научное.

Научное мировоззрение предполагает, что философию мы держим в уме как постоянное сопровождение научного исследования и, исследуя реальную систему правогенеза в правовой системе, видим проявляющиеся в эмпирических фактах и эмпирических обобщениях параметры того или иного правопорядка различного уровня масштаба. Обращение к правовой науке как бы пронизывает все исследование правопорядка научным мировоззрением.

В векторе направления на правовую науку постоянно присутствуют проверки и перепроверки на параметр научности, происходящие в силу трансформаций правопорядка и его правовой системы. Реальный правопорядок аксиоматично связан со своими реальными параметрами состояния, где обращение к его процессам способствует выработке научной составляющей среди всех проявляющихся научных фактов. При исследовании остаются только те, которые исходят из эмпирических параметров реального положения системы правопорядка, а все, даже косвенно не коррелирующее с ним, должно быть отграничено и отброшено.

При различной длительности динамических процессов правопорядка во времени сферы философии и науки находятся в различном объеме связи между собой. Всегда присутствует разброс релевантного и нерелевантного знания, когда даже через эмпирическое обобщение высокого масштаба мы видим объективные динамические процессы правогенеза. Ценным для научного исследования является только то, что схватывается правоведом-ученым для данного времени, и его выводы связаны конгруэнтно с реальными процессами правогенеза.

Философское понятие-слово остается таковым до момента перевода этого понятия в научное мировоззрение. Когда не связанное и не коррелирующее с эмпирическими фактами явление наполняется иным содержательным материалом, тогда согласующееся с эмпирическими фактами, оно отвечает основным

параметрам научного исследования. В научном мировоззрении философия остается только источником философских гипотез с целью их перепроверки.

Включение научного мировоззрения есть постоянное преодоление умозрительной границы перехода от гипотез и прогнозирования философии в систему понятия-предмета с сужением или расширением границы исследования. Соответственно, этот поворот исследования от философской к правовой науке приводит к исследованию определенной реальности правового явления, сфокусированного для динамических процессов правопорядка.

Когда устанавливается алгоритм правовой нормы, мы предполагаем ее функциональную составляющую. Если норма осуществляет алгоритмизацию правообязанностей, она схватывает, пусть с определенным упрощением, реальную систему правоотношений. Это создает юридический факт, приближенный к эмпирическому факту, т. е. научно выводимому факту.

Но как только система правообязанностей изменилась в части или в целом и формальная норма не осуществляет алгоритм требуемого поведения, она (норма) теряет исходную составляющую и переходит в сферу истории науки или превращается в части или в целом в абстрактный алгоритм и требует поднастройки. Возникает недопустимая разбежка между юридическим и эмпирическим фактом, который научный работник не может использовать без перепроверки.

Эмпирические факты и юридические факты, исходящие из реального времени, имеют функциональные сферы пересечения, а отслоенные от юридических текстов, они имеют свою внутреннюю логику, где выход на научный факт и обобщение представляет основную исследовательскую задачу.

И почему исследователь должен брать за основу одну из философских школ, заранее загоня себя в угол определенной гипотетической субъективной мировоззренческой установки, не совпадающей с научными параметрами? Эти школы одновременно многолики и мало связаны между собой, а чаще всего в силу большого объема субъективизма противоречат друг другу. Когда мы как базис философского исследования употребляем понятия «классика или пост-классика» [7, с. 3], то попадаем в ложную систему философских мировоззренческих координат, органически не связанную с данной системой объективного правопорядка. В зависимости от того, к какой философской школе правовед принадлежит и какое философское мировоззрение он исповедует, и формируются субъектно-личностные особенности его взглядов на правовые установки, что по формуле М. Лютера означает: «Во что веруешь, то и имеешь».

---

1. Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М. : Танаис ДИ-ДИК, 1998. 592 с. [Вернуться к статье](#)

2. Жуков В. Н. Философия права (теоретико-методологический аспект) // Государство и право. 2009. № 3. С. 21–31. [Вернуться к статье](#)
3. Вернадский В. И. Труды по философии естествознания. М. : Наука, 2000. 503 с. [Вернуться к статье](#)
4. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М. : Эдиторал УРСС, 1997. 441 с. [Вернуться к статье](#)
5. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М. : Наука, 1991. 271 с. [Вернуться к статье](#)
6. Алексеев Н. Н. Общее учение о праве : курс лекций, прочитанных в Таврическом университете в 1918/19 г. Симферополь : Тип. Е. К. Брешко-Брешковской, 1919. 160 с. [Вернуться к статье](#)
7. Постклассическая онтология права : моногр. / под ред. И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2016. 688 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 347

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НАУЧНЫЙ ДИСКУРС ПО ПРОБЛЕМАТИКЕ)

Н. С. Минько

Институт правовых исследований Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь,
ведущий научный сотрудник отдела исследований
в области гражданского, экологического и социального права,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** Автором раскрываются основные доктринальные подходы к понятию и сущности категорий «корпоративные отношения» и «корпоративное право». Указывается, что корпоративное право в современных условиях развития отечественных экономических отношений можно рассматривать как межотраслевой правовой институт, включающий в себя нормы гражданского, предпринимательского, трудового, административного, финансового и налогового права, регулирующий общественные отношения, связанные с различными сторонами деятельности, поскольку он учитывает тенденции междисциплинарности в решении проблем корпоративных отношений, обеспечивает баланс публично-правовых и частных правовых интересов. Уточняется предмет правового регулирования корпоративного права.*

***Ключевые слова:** корпоративные отношения, корпоративное управление, корпоративное право, предмет правового регулирования.*

***Annotation.** The author reveals the main doctrinal approaches to the concept and essence of the categories «corporate relations» and «corporate law». It is indicated that corporate law in modern conditions of development of domestic economic relations can be considered as an intersectoral legal institution, which includes the norms of civil, business, labor, administrative, financial and tax law, regulating social relations associated with various aspects of activity, since it takes into account trends interdisciplinarity in solving problems of corporate relations, ensures a balance of public law and private law interests. The subject of legal regulation of corporate law is clarified.*

***Keywords:** corporate relations, corporate governance, corporate law, subject of legal regulation.*

Анализ правовой природы и практических проблем корпоративных отношений с учетом современных экономических потребностей государства, общества и граждан видится актуальной задачей при сохранении устоявшихся эффективно действующих институтов гражданского, экономического (хозяйственного) законодательства в целях развития организационно-правовых форм

экономической (хозяйственной) деятельности с учетом ее характера и видов. Важные аспекты рассматриваемой темы затрагиваются западными учеными, такими как И. Адизес, И. Ансофф, А. Берли и Г. Минз, А. Даун, Р. Коуз, М. Дженсен, У. Меклинг, Л. Грейнер, Б. Скотт, У. Торберт, М. Хессель, О. Уильямсон и др. В белорусской науке проблематика корпоративных отношений поднималась такими учеными, как Е. Н. Бурак, А. М. Варганян, О. В. Гайдук, Ж. А. Гриневич, Д. В. Иванова, Л. А. Козыревская, Д. Д. Ландо, С. И. Малыхина, М. В. Мещанова, Т. В. Садовская, Е. А. Салей, Д. Н. Северин, В. Ф. Чигир, Я. И. Функ, А. Ф. Храпуцкий, Л. В. Царева и др.

В Российской Федерации вопросы корпоративных отношений затрагивали А. А. Александрова, А. В. Безденежных, А. Н. Булатов, Ю. Б. Винслав, А. С. Грабовец, П. А. Диденко, Д. В. Исаев, А. Д. Зарецкий, З. О. Гукасян, Т. Е. Иванова, О. В. Гайдук, Т. И. Караченцева, Т. В. Кашанина, Ю. Г. Лескова, С. Н. Макачук, С. Д. Могилевский, Ю. А. Свирич, Т. О. Соломанидина, М. М. Панарина, Н. А. Петрова, Д. А. Плетнев, Е. М. Романова, И. А. Самойлов, А. А. Сафронова, Е. Д. Тягай, Я. Н. Фролова, Р. В. Шагиева, А. Е. Шаститко, И. С. Шиткина и др. Значительный вклад в развитие российской юридической доктрины в сфере корпоративного права внесли С. С. Алексеев, В. А. Белов, В. С. Белых, Е. П. Губина, В. В. Долинская, В. С. Ем, Т. В. Кашанина, Н. В. Козлова, В. В. Лаптев, Д. В. Ломакин, А. А. Маковская, С. Д. Могилевский, О. А. Макарова и В. Ф. Попондопуло, А. Е. Молотников, Л. А. Новоселова, Д. И. Степанов, Е. А. Суханов, В. И. Добровольский, И. С. Шиткина и др.

В монографии «Институты корпоративного управления в системе реального сектора национальной экономики» представлен анализ мирового опыта и отечественной практики формирования институтов корпоративного управления [1]. Вместе с тем остается нерешенным ряд проблем, связанных с внедрением институтов корпоративного права в деятельность субъектов хозяйствования, определением эффективности корпоративного управления и корпоративной политики, вопросов обеспечения интересов субъектов корпоративных отношений, форм и способов защиты корпоративных прав, требуют анализа различные аспекты имущественной самостоятельности в корпоративных отношениях. Отмечается многообразие используемых терминов и категорий в рамках рассматриваемой проблематики, что предполагает необходимость их систематизации и унификации.

Вопрос о месте корпоративного права в системе гражданского права охватывает три основные позиции по этому вопросу. Согласно первой позиции, корпоративное право представляет собой институт гражданского права

(С. С. Алексеев, И. В. Редькин, Д. В. Ломакин, О. А. Макарова и В. Ф. Попондопуло [2]).

Согласно второму подходу, корпоративное право рассматривается как межотраслевой институт, состоящий из норм гражданского права и норм, принимаемых самой корпорацией и обязательных для ее участников. В рамках данной позиции корпоративное право рассматривается как внутрифирменное, внутриорганизационное право (А. С. Грабовец, В. В. Гуцин, Ю. О. Порошкина, Е. Б. Сердюк, И. А. Еремичев и др.). Так, А. С. Грабовец приходит к выводу о том, что «корпоративное право можно назвать внутриорганизационным, внутрикорпоративным правом, определяющим возможность любой организации, построенной на принципах автономии, осуществлять внутреннее регулирование, распространять его на своих членов для достижения целей и задач деятельности» [3, с. 13]. Т. В. Кашанина высказывает мнение об особом месте в составе корпоративного права корпоративных норм предпринимательских корпораций [4; 5]. А. А. Кирилловых полагает, что «корпоративное право — это межотраслевой правовой институт, включающий в себя нормы гражданского, предпринимательского, трудового, административного, финансового и налогового права, регулирующий общественные отношения, связанные с различными сторонами деятельности корпораций» [6, с. 21].

Третий подход заключается в том, что корпоративное право рассматривается как подотрасль гражданского права (Н. Н. Пахомова, Ю. А. Свириин, Е. А. Суханов). Ю. А. Свириин определяет корпоративное право как находящуюся в процессе развития и формирования подотрасль гражданского права, «представляющую собой систему или совокупность правовых норм, принимаемых органами государственной власти, регулирующих общественные отношения, связанные с созданием, деятельностью и прекращением деятельности корпораций, а также корпоративных норм, установленных органами управления корпорации, выражающих волю ее членов, обязательных для участников корпорации и охраняемых силой корпоративного принуждения, а при недостаточности — силой государственного принуждения, которые регулируют отношения внутри самой корпорации» [7, с. 5]. Указанная позиция подтверждается тенденциями укрупнения и развития массива корпоративного законодательства.

Как нам видится, в современных условиях развития отечественных экономических отношений второй подход представляется наиболее обоснованным, учитывает междисциплинарные тенденции в решении проблем корпоративных отношений, обеспечивающих баланс публично-правовых и частно-правовых интересов, тенденции увеличения нормативного массива правового комплаенса, возможности саморегулирования.

По мнению представителей Белорусской республиканской коллегии адвокатов, «корпоративное право в широком смысле представляет собой систему правил и норм поведения, которые разработаны и приняты в организации, основанной на объединении лиц и капиталов, выражают волю ее коллектива и регулируют различные стороны деятельности данной организации. Корпоративное право можно еще назвать внутриорганизационным, внутрифирменным правом. Узкое понимание корпоративного права имеется в некоторых странах; оно приравнивается к праву акционерному, т. е. системе правил поведения, регулирующих отношения, складывающиеся внутри акционерного общества — предприятия, уставный капитал которого разделен на акции» [8].

Е. А. Салей, Л. В. Царева отмечают, что «развитие корпоративных отношений и совершенствование законодательства о юридических лицах происходят в Беларуси на фоне отсутствия в действующем национальном законодательстве специальной терминологии корпоративного права. В Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее — ГК) не легализованы такие понятия, как «корпорация», «корпоративное отношение», «корпоративное право», «корпоративное управление», поэтому авторами предложено расширить предмет гражданско-правового регулирования, дополнив его «отношениями, связанными с участием в юридических лицах или с управлением ими», т. е. по сути корпоративными отношениями». Авторы подчеркивают, что «отсутствие легализации категориального аппарата корпоративного права само по себе не опровергает наличие корпоративных отношений, урегулированных правом [9, с. 66–67, 73]. О. В. Гайдук обращает внимание, что «корпоративные нормы достаточно специфичны и создаются в процессе организации и деятельности сообщества людей; распространяются на членов данного сообщества; закрепляются в соответствующих документах (уставе, кодексе и т. п.); предметом внимания корпоративных норм являются отношения, не урегулированные юридически (в силу невозможности или нецелесообразности) в рамках самоуправления (саморегулирования) в корпорации, но при этом корпоративные нормы должны соответствовать нормам права и обладают собственным механизмом принуждения» [10]. Отметим, что корпоративные нормы нельзя сводить лишь к локальным нормам, выраженным в локальных актах корпорации.

В основе парадигмы корпоративных отношений лежит принцип признания неразрывной связи данных отношений с «корпорационной организацией» или «корпорацией». В этой связи В. А. Белов формулирует дефиницию корпоративных отношений в широком смысле, понимая под корпоративными отношениями «общественные отношения, направленные на организацию и осуществление деятельности по совместному достижению общей цели — союзной или корпоративной деятельности» [11, с. 207]. «Они имеют в своей основе

союз — объединение, сотрудничество, совместную деятельность лиц, направленный на достижение общей цели» [11, с. 51]. Продолжается научная дискуссия о включении корпоративных отношений в предмет гражданского права, что даст основания квалифицировать их в качестве гражданско-правовых; при этом с учетом правовой природы данных отношений обоснованным видится подход к корпоративным правоотношениям как межотраслевым или смешанным. Проблема равенства субъектов гражданских правоотношений рассматривается исследователями в качестве препятствия к отнесению корпоративных отношений к системе гражданских. Также в доктринальных источниках отмечается возможность классификации данных отношений на отношения, складывающиеся в связи с участием в корпоративных организациях (членские), а также отношения, связанные с управлением корпорацией (корпоративное управление) [12, с. 24]. По нашему мнению, в настоящий момент с учетом новых вызовов и угроз также следует уделить значительное внимание отношениям корпоративной безопасности в составе рассматриваемых отношений.

В. Ф. Попондопуло определяет корпоративное право как «совокупность общих и специальных норм гражданского права, регулирующих обязательственные отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения), основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников. Из данного определения понятия корпоративного права следует, что оно не является ни самостоятельной отраслью права, ни комплексной отраслью права, ни институтом хозяйственного (предпринимательского) права, а представляет собой составную часть гражданского права» [13]. По его мнению, «корпоративные отношения — это имущественные (обязательственные) отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, которые возникают в связи с участием в корпоративных организациях или с управлением ими» [13].

Исследуя понятие и природу членских отношений, Г. В. Цепов приходит к ряду выводов. В частности, он отмечает, что «отношения членства, являясь разновидностью корпоративных отношений, не сводимы ни к вещным, ни к обязательственным отношениям. Так, в отличие от обязательственных отношений, членские отношения имеют организующее значение для корпорации. Членские отношения можно рассматривать как гражданско-правовые организационные отношения, являющиеся имущественными отношениями в широком смысле» [14, с. 114]. Д. В. Ломакин предлагает деление корпоративных отношений на отношения (участия) членства и иные корпоративные отношения, приходя к выводу о тождестве данных понятий в результате сопоставления их юридического содержания и значения [15]. Он определяет общую черту

корпоративных отношений в их внутриорганизационном характере и предлагает деление таких правоотношений на главные (основные) и подчиненные (зависимые), отмечая, что «в контексте такой классификации понятия «корпоративное правоотношение» и «правоотношение участия (членства) будут соотноситься как род и видовое отличие» [15, с. 90–91].

В зависимости от предмета корпоративные правоотношения можно разделить на имущественные и неимущественные. «Имущественными являются все корпоративные отношения, возникающие по поводу денежных средств и других материальных благ, например, в связи с составлением уставного капитала, размещением акций, выпуском облигаций и иных эмиссионных ценных бумаг, выплатой дивидендов по акциям и т. п. Неимущественные корпоративные отношения не имеют прямого материального эквивалента (примером могут служить процедурные отношения по подготовке и проведению общего собрания акционеров, внесению вопросов в повестку дня и т. п.)» [16, с. 73–74].

Имеется мнение о том, что понятие корпоративных отношений в юридической литературе определяют в основном через субъектов корпоративных отношений — корпорацию и ее участников. В зависимости от функции можно различать отношения: связанные с созданием корпорации; связанные с ее деятельностью; связанные с ее ликвидацией. По субъектному составу корпоративные отношения могут возникать между участниками корпорации и корпорацией, между участниками корпорации посредством действий корпорации, между участниками корпорации, между членами органов корпорации и корпорацией и т. п. Однако такое определение в полной мере не раскрывает сущности корпоративных отношений. Структуру корпоративного правоотношения составляют следующие его элементы: 1) субъекты правоотношения; 2) объекты правоотношения; 3) содержание правоотношения.

Итак, предметом правового регулирования корпоративного права выступают корпоративные отношения. Поскольку для современного этапа развития корпоративного права характерна модернизация и дальнейшее развитие корпоративного законодательства, призванного урегулировать вновь возникающие корпоративные отношения (институты) с учетом правоприменительной практики, унификации и гармонизации законодательства государств — членов Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС), сфера корпоративных отношений является комплексной и охватывает ряд аспектов: предмет и метод правового регулирования корпоративного права на современном этапе, государственное регулирование корпоративной деятельности; источники и нормы корпоративного права, включая корпоративные принципы; правовой статус субъектов корпоративного права (в том числе коллизионное регулирование юридических лиц корпоративного типа); вопросы корпоративной политики,

корпоративных стандартов и контроля (корпоративный комплаенс); корпоративное управление и бизнес-планирование; корпоративные ценные бумаги; корпоративную безопасность (включая ее риски), корпоративные конфликты и корпоративную культуру; систему корпоративной информации и проблемы ее защиты; договоры в корпоративном праве (включая институт акционерных соглашений); трудовые отношения в корпорации; корпоративную ответственность и защиту прав корпорации.

1. Институты корпоративного управления в системе реального сектора национальной экономики / Т. В. Садовская [и др.] ; под ред. Т. В. Садовской. Минск : Беларус. навука, 2022. 248 с. [Вернуться к статье](#)
2. Макарова О. А., Попондопуло В. Ф. Корпоративное право : учеб. и практикум для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 484 с. [Вернуться к статье](#)
3. Грабовец С. А. Корпоративные отношения в современном российском праве : моногр. / под ред. Ю. А. Свирина. М. : Юрлитинформ, 2015. 152 с. [Вернуться к статье](#)
4. Кашанина Т. В. Корпоративное право : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2021. 189 с. [Вернуться к статье](#)
5. Кашанина Т. В. Корпоративное право : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2024. 189 с. [Вернуться к статье](#)
6. Кирилловых А. А. Корпоративное право. М. : Юстицинформ, 2009. 192 с. [Вернуться к статье](#)
7. Грабовец С. А. Корпоративные отношения в современном российском праве : моногр. / под ред. Ю. А. Свирина. М. : Юрлитинформ, 2015. 152 с. [Вернуться к статье](#)
8. Корпоративное право [Электронный ресурс] // Белорусская республиканская коллегия адвокатов. URL: <https://brka.by/branches/korporativnoe-pravo/> (дата обращения: 27.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
9. Салей Е. А., Царева Л. В. Корпоративное право Беларуси: иллюзия или реальность // Журн. Белорус. гос. ун-а. Право. 2021. № 1. С. 66–74. [Вернуться к статье](#)
10. Гайдук О. В. Формирование корпоративного права в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Электронная библиотека library.by. URL: https://library.by/portalus/modules/belorussianlaw/readme.php?subaction=showfull&id=1285955700&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 28.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
11. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М. : Юрайт, 2014. 678 с. [Вернуться к статье](#)
12. Корпоративные отношения: комплексные проблемы теоретического изучения и нормативно-правового регулирования : моногр. / отв. ред. Е. Д. Тягай. М. : Норма : Инфра-М, 2014. 144 с. [Вернуться к статье](#)
13. Попондопуло В. Ф. Понятие корпоративного права и его место в системе права // Электронная библиотека БГУ. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/109464/1/%D0%9F%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D0%BE%D0%BF%D1%83%D0%BB%D0%BE%20%D0%92.%D0%A4..pdf> (дата обращения: 04.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

14. Цепов Г. В. Понятие и природа членских отношений // Государство и право. 2019. № 6. С. 113–117. [Вернуться к статье](#)
15. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М. : Статут, 2008. 511 с. [Вернуться к статье](#)
16. Федорова П. А. Виды корпоративных отношений // Феномен права и законодательство: стратегии и методы познания. 2023. Т. 1, № 2. С. 71–77. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**БАЛАНС ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ****Г. Е. Москаленко**

Омская академия МВД России,
старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства,
кандидат юридических наук

***Аннотация.** В статье анализируются допустимые пределы правовой культуры, автором констатируется факт того, что упадок правовой культуры является исключительно негативным явлением, в то время как рост правовой культуры рассматривается большинством исследователей в позитивном ключе. Автор статьи отмечает, что чрезмерное развитие правовой культуры также таит определенные риски для общества и государства.*

***Ключевые слова:** правовая культура, баланс правовой культуры, пределы правовой культуры, гуманизм, правовые ценности.*

***Annotation.** The article analyzes the permissible limits of legal culture; the author states the fact that the decline of legal culture is an exclusively negative phenomenon, while the growth of legal culture is considered by most researchers in a positive way. The author of the article notes that the excessive development of legal culture also poses certain risks for society and the state.*

***Keywords:** legal culture, balance of legal culture, limits of legal culture, humanism, legal values.*

Многогранной, дискуссионной и одной из самых актуальных тем юридической науки является тема правовой культуры. Несмотря на то, что, на первый взгляд, правовая культура как юридическое явление характеризуется своей ясностью и простотой, при детальном изучении исследователи сталкиваются с неоднозначностью понятийного определения, анализа структуры, классификации, функций и т. д. В настоящее время насчитывается не одна сотня понятий правовой культуры, сформулированных в зависимости от различных философских, культурологических, психологических, социальных, политико-правовых и иных оснований. Помимо этого, практически все правовые явления прямо или опосредованно связаны с правовой культурой и реализуют взаимное влияние. Правовая культура соотносится с такими явлениями, как право, правопонимание, правовая система, правосознание, правовое поведение и многие другие, которые по своему содержанию также являются дискуссионными.

Однако опустив непрекращающиеся споры о подходах к понятию «правовая культура», следует констатировать тот факт, что практически все основные подходы к исследуемой юридической категории базируются на представлениях о ценностях, выработанных в правовой сфере.

Так, с точки зрения И. М. Кейзерова, «правовая культура — это деятельность такого качества, при которой наступает ее соответствие выработанным в правовой сфере ценностям, согласованность поведения с правовыми нормами, включая в себя использование, соблюдение и исполнение предписаний правовых норм, в результате чего происходит постоянное обогащение системы правовых культурных ценностей и дальнейшее гармоническое развитие самого человека» [1]. Также на ценностных основаниях базируется позиция В. Н. Кудрявцева и В. П. Казимирчука, согласно которой «...правовая культура ... включает в себя и положительные, и отрицательные устойчивые черты, наблюдаемые в сознании и поведении субъектов политического и правового процесса» [2, с. 121]. Даже, казалось бы, лишенный ценностных оснований подход, согласно которому правовая культура определяется как «...правовая среда обитания людей, совокупность текстов, когда-либо легитимированных как правовые, а также механизм по их созданию, хранению и трансляции» [3, с. 450], также предполагает возможность оценки с точки зрения совершенства процесса развития юридической действительности.

Описанные подходы требуют от исследователей определять степень развития правовой культуры на основе реализации ценностей, сформированных в том или ином обществе. В отечественной и зарубежной юридической науке сложилась устойчивая позиция, согласно которой развитие правовой культуры общества является условием возникновения и упрочения основ правового государства и гражданского общества. Хрестоматийной истиной является тот факт, что верховенство закона и приоритет защиты прав личности невозможны без развития правовой культуры. Очевидно, что упадок правовой культуры является абсолютным злом, борьбе с которым посвящено бесчисленное множество научных исследований.

Во многих государствах, в том числе и Российской Федерации, приняты нормативно-правовые акты, нацеленные на укрепление правовой культуры. Так, «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (утв. Президентом Российской Федерации 28.04.2011 г. № Пр-1168) в качестве критериев высокой правовой культуры рассматривают исключительно позитивные, прогрессивные явления и процессы. В их числе реализация таких принципов, как: законность, демократизм, гуманизм, справедливость, национальное согласие и др., а также наличие развитой системы прав и свобод человека, эффективных механизмов реализации и защиты гражданами прав и свобод [4]. Действительно, все изложенное составляет политико-правовой идеал, к которому значительная часть человечества стремится не одну сотню лет. На мой взгляд, данные идеалы не ставятся под сомнение и тесно связаны с укреплением правовой культуры.

Юридической наукой доказано, что укрепление всех вышеуказанных правовых явлений приводит к росту правовой культуры общества и личности. В связи с этим создание условий для развития правовой культуры является приоритетной задачей любого современного государства и общества.

Однако стоит задуматься, имеет ли правовая культура пределы роста, а также есть ли у развитой правовой культуры обратная — негативная — сторона? Классик отечественной юридической науки второй половины XIX — начала XX в. П. И. Новгородцев писал: «Высокая культура увеличивает легкость и свободу жизни, но вместе с тем она развивает такую силу уравнивания и обезличения, что отдельному человеку приходится всячески бороться, чтобы отстоять свою индивидуальность» [5, с. 146]. Глубокая мысль отечественного правоведа дореволюционного периода дает основание для анализа возможных негативных последствий не только высокой общечеловеческой культуры, но и развитой правовой культуры.

На мой взгляд, подтверждение идеи П. И. Новгородцева мы находим в современной политико-правовой практике стран Запада, правовая культура которых два – три десятилетия назад служила эталоном для развития отечественной правовой культуры. Так, например, в 2024 году в бассейне Онтарио-ского университета «Waterloo» (Канада) были введены отдельные часы купания, которые категорически исключают посещение лиц, не относящихся к негроидной расе. При этом персонал бассейна, работающий в такие специально отведенные часы, также должен состоять из лиц негроидной расы [6]. Стремление авторов данных инициатив обесценивают достигнутый целым поколением людей принцип всеобщего равенства, являющийся незыблемым основанием современного права. Фактически речь идет о возвращении расовой сегрегации в погоне за обеспечением прав и свобод чернокожего населения.

Не является ли это примером «переразвития» правовой культуры, первоначально основанной на тех принципах, которые разделяются нашим государством и обществом по сей день и о которых мы говорили чуть выше. Попытки углубить защиту прав граждан, наделять идею гуманизма новым содержанием, воспитать общество в духе толерантности приводит к совершенно обратным последствиям. Вероятно, на каком-то этапе роста правовой культуры, в условиях неконтролируемого трендового развития, происходит надлом и фактическое извращение тех вечных политико-правовых ценностей, на которых правовая культура базировалась изначально.

Способно ли общество высокой правовой культуры противостоять современным вызовам, таким как терроризм, незаконная миграция и т. д. Достаточно вспомнить пример хладнокровной расправы над отдыхающими норвежского террориста Андерса Брейвика, от рук которого в 2011 г. погибло 77 человек.

К реакции на такое дерзкое преступление норвежское общество высокой правовой культуры, а также правовая система государства, выстроенная на торжестве принципа гуманизма, просто не были готовы. Террорист был приговорен к максимально возможному сроку тюремного заключения (21 год), который он отбывает в трехкомнатной одиночной камере, состоящей из спальни, комнаты для физических упражнений и кабинета [7, с. 88].

Куда более распространенной проблемой для большинства стран ЕС стала проблема высокой миграции. Мигранты получают денежные пособия на каждого члена семьи, социальное жилье и другие существенные льготы, оплата которых ложится на плечи добропорядочных налогоплательщиков. Тем самым недобросовестные «гости» злоупотребляют своим правом, пользуются благами, достигнутыми благодаря развитию правовой культуры, а также торжеству принципа гуманизма.

Сказанное ни в коем случае не умаляет высокой ценности правовой культуры, не нацеливает на игнорирование факторов, угрожающих правовой культуре. Упадок правовой культуры в обществе, несомненно, приводит к самым негативным последствиям, исторические примеры которых настолько многочисленны, что современные исследователи нацелены на разработку приемов, способов, средств, призванных не допустить ослабление мер поддержания должного уровня правовой культуры. Однако, исследуя только упадок и всячески восхваляя порой неконтролируемое развитие правовой культуры, общество может столкнуться с вызовами, которым в силу своего «культурного роста» будет не в состоянии оперативно противостоять. Баланс правовой культуры является основой стабильного процветания и недопустимости извращенного переосмысления базовых общеправовых ценностей, выработанных тысячами поколений юристов, политиков и общественных деятелей.

---

1. Мамут Л. С. Кейзеров Н. М. Политическая и правовая культура: методологические проблемы. М. : Юрид. лит., 1983. 232 с. // Советское государство и право. М. : Наука, 1985, № 12. С. 140–142. [Вернуться к статье](#)

2. Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Современная социология права : учеб. / М. : Юристъ, 1995. 297 с. [Вернуться к статье](#)

3. Общая теория права. Феноменолого-коммуникативный подход = General theory of law. Phenomenological-communicative approach : курс лекций / А. В. Поляков. 2. изд., доп. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 843 с. [Вернуться к статье](#)

4. Основы государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан : утв. Указом Президента Рос. Федерации от 28 апр. 2011 г. № Пр-1168 // Рос. газ. 2011. 14 июля. [Вернуться к статье](#)

5. Новгородцев П. И. Об общественном идеале; вступ. ст. А. В. Соболева. М. : Пресса, 1991. 638 с. [Вернуться к статье](#)

6. Canada's University of Waterloo Offers Blacks-Only Swim Hour [Electronic resource] // Breitbart. URL: <https://www.breitbart.com/education/2024/02/02/canadian-university-waterloo-offers-blacks-only-swim-hour/> (дата обращения: 10.04.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Савельева Е. Н., Буденкова В. Е. Идентификация террориста: случай Брейвика как методологический кейс // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. № 450. [Вернуться к статье](#)

УДК 34.023

ПРАВОВОЙ ИНФАНТИЛИЗМ КАК ВИД ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ: АТТРИБУТИВНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ

Н. С. Нижник

Санкт-Петербургский университет МВД России,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

Аннотация. В статье правовой инфантилизм охарактеризован как состояние правосознания в условиях современного мира. Правовой инфантилизм рассмотрен как проявление деформации правосознания — разновидность социального инфантилизма. Определены предпосылки формирования правового инфантилизма, его отличительные черты; приведены примеры проявления в обыденной, профессиональной, научной деятельности; выявлены особенности правового инфантилизма молодежи как особой социальной группы.

Ключевые слова: деформация правосознания, социальный инфантилизм, правовой инфантилизм, правовая безграмотность, практический правовой инфантилизм, инфантилизм современной молодежи.

Annotation. The article describes legal infantilism as a state of legal awareness in the modern world. Legal infantilism is considered as a manifestation of the deformation of legal consciousness — a kind of social infantilism. The prerequisites for the formation of legal infantilism, its distinctive features are determined; examples of manifestations in everyday, professional, scientific activities are given; the features of legal infantilism of youth as a special social group are revealed.

Keywords: deformation of legal consciousness, social infantilism, legal infantilism, legal illiteracy, practical legal infantilism, infantilism of modern youth.

Создание государства, в котором его гражданам жить безопасно и комфортно, может быть результатом только коллективного труда. Формирование демократических основ правового государства, обеспечение прав и свобод личности, реализация интересов всего общества, объединений и отдельной личности возможны только при активном участии в этих процессах всего населения страны, граждан с социально активной жизненной позицией, четко выраженной у них личной инициативой и внутренней мотивацией на решение социально значимых задач. До настоящего времени сохраняет свою актуальность утверждение И. А. Ильина: «Честным, законопослушным можно быть только по личной убежденности, в силу личного решения. Без этого нет правосознания

и лояльности, и гражданин становится не опорой, а брешью в правопорядке» [1, с. 34].

Важным регулятором правового поведения личности является ее *правосознание*. Правовое сознание представляет собой совокупность идей, теорий, чувств, эмоций, переживаний людей, в которых отражается их отношение к праву и правовым явлениям. «Человеку невозможно не иметь правосознания; его имеет каждый, кто осознает, что на свете, кроме него, есть другие люди, — пояснял И. А. Ильин. — Человек имеет правосознание независимо от того, знает он об этом или не знает, дорожит этим достоянием или относится к нему с пренебрежением» [1, с. 78–80].

Правосознание проявляется в реальном поведении субъекта. Правомерное поведение, как правило, является результатом поэтапного функционирования правосознания: знание нормы права — признание социальной ценности правовой нормы — выполнение требований нормы права. Однако основой правового поведения могут быть и иные составляющие, когда субъект не знает содержания правовой нормы и не выполняет ее предписания; знает содержание нормы права, но ее требования не выполняет; знает содержание нормы права, признает ее социальную ценность, но требования нормы не выполняет [2; 3].

Нарушение функционирования правосознания на познавательном, аксиологическом, регулятивном уровнях современной юридической наукой рассматривается как *деформация правосознания*, а ученые выделяют множество *видов деформации правосознания*: правовой инфантилизм, правовой (юридический) нигилизм, нравственно-правовой конформизм, правовой эгоцентризм, правовой негативизм, перерождение правосознания, правовой дилетантизм, правовой романтизм, правовой идеализм, правовая демагогия, правовой цинизм, правовой практицизм (прагматизм), правовой пессимизм, правовой популизм, правовая безответственность, негативно-правовой радикализм, правовой субъективизм.

Деформация правосознания может наблюдаться и в поведении законопослушного гражданина, стремящегося к познанию права и реализации правовых норм в повседневной жизни, и в поведении противоправного характера. Даже если «мотивация деятельности и ее цели приемлемы, желательны для общества, тем не менее сам тип правосознания в конечном итоге может принести вред как самому субъекту, так и обществу в целом» [4, с. 29]. Человек, «разочаровавшийся» в праве, ложный образ которого был создан в его сознании, легко впадает в противоположную крайность (другую форму деформации), которая может сопровождаться противоправным поведением. Деформацию правосознания рассматривают как «изменение правосознания, связанное с нарушением адекватного восприятия сферы правового, приданием праву неправовых

свойств» [4, с. 29], которое влечет формирование у субъекта ошибочной системы восприятия и оценки качеств права, придание праву вымышленных характеристик; как негативное социальное явление, искаженно отражающее реальную общественную и личную правовую действительность и выражающее негативное отношение к действующей системе права, законности и правопорядку в целом [5]. Деформация правосознания может проявляться на всех его уровнях — в обыденном, профессиональном, научном правосознании. Профессиональное правосознание выступает как идеал, а деформация — как любое отклонение от этого идеала [6, с. 11; 7, с. 99].

Одной из разновидностей деформации правосознания является *социальный инфантилизм* [8; 9; 10]. Название этого феномена опирается на понятие «инфантилизм», которое в научный оборот ввел французский психиатр Э. Ш. Ласег (1864), обозначая им «относительно планомерную задержку психического и физического развития» [11; 12, с. 208]. Медицинский термин был воспринят иными науками, и сохранение у личности привычек, поведения, нехарактерных для определенного возраста, получило название социального инфантилизма.

Психологи рассматривают социальный инфантилизм как сохранение в психике и повседневном поведении взрослого человека социально-психологических характеристик ребенка [13; 14]. Социологи обращают внимание на взаимосвязь социального инфантилизма и конформности, считая, что конформная стратегия поведения личности заключается в изменении собственных предпочтений, установок, мнений в угоду тем установкам, предпочтениям и мнениям, которые приняты большинством в данном обществе или группе людей. Успешная адаптация личности к новой социальной реальности, к новым общественным отношениям будет свидетельствовать о социальной зрелости человека, о проявлении социальной активности, толерантности, креативности, социальной ответственности, умения принимать сложные решения и поддерживать межличностные отношения. Инфантильная личность отличается иными характеристиками. В их числе «безответственность, несамостоятельность, зависимость, социальная пассивность, маргинальность, аморальность, творческая стагнация и профессиональная и личностная деградация» [15, с. 195].

Формирование социального инфантилизма во многом детерминировано особенностями функционирования общества, семьи, иных значимых для индивида социальных групп и связано с воспитанием личности и применением его родителями деструктивных стилей воспитания (деспотического воспитания, чрезмерной опеки, повышенного родительского контроля, постоянной необоснованной критики). С учетом новых реалий общества цифровизации «интернет-общение, удаленные виды обучения и работы, различные мессенджеры часто

являются детерминантами формирования инфантильных черт... Информационные технологии способны мгновенно передавать информацию о культурных ценностях, потребностях и т. д., теряя при этом часть своей глубины и уменьшая свою ценность для развития личности и самосознания человека» [16, с. 65]. В молодежной среде социальный инфантилизм проявляется в образовательной деятельности как приоритетное стремление получить диплом об образовании, а не качественные знания; в научно-исследовательской работе — как подготовка «авторских» работ методом компиляции чужих произведений с отсутствием новых (своих) идей; в профессиональной деятельности — как длительный пассивный поиск работы, непрофессионализм и безынициативность; в общественной жизни — как полное отсутствие гражданской позиции. Инфантильная личность стремится к непринятию новых обязанностей, связанных с процессом взросления, и ответственности, избегая быть обремененной обязанностями [17; 18; 19; 20].

В научном и повседневном дискурсе обсуждаются различные *виды социального инфантилизма* и социальной незрелости: личностный инфантилизм, учебный инфантилизм, профессиональный инфантилизм, правовой инфантилизм, политический инфантилизм, бытовой инфантилизм, регуляторный инфантилизм, нравственный инфантилизм, рефлексивный инфантилизм. При этом в большинстве случаев феномен социального инфантилизма изучается как определенный симптомокомплекс личностных черт, детерминирующих проявления незрелости в социальных отношениях [21; 22], хотя учеными уже предложена методология научного исследования, основанная на принципах социального конструкционизма [23], позволяющая «анализировать данный феномен как продукт социального взаимодействия людей, в процессе которого осуществляется конструирование социокультурных представлений о критериях нормативного и ненормативного социального развития» [14, с. 148].

Именно в контексте социального конструкционизма плодотворным может быть исследование разновидностей социального инфантилизма — *правового инфантилизма*, который до настоящего времени в юридической литературе не получил должного рассмотрения [24; 25].

Правовой инфантилизм характеризуется несформированностью правового сознания, обусловленной недостаточностью правовых знаний и отсутствием четко определенных правовых установок (П. П. Баранов) [26, с. 482]. Инфантильная личность отличается отсутствием потребности в юридической осведомленности, в получении знаний о своих правах и свободах, неготовностью поступать в соответствии с требованиями правовых норм, нежеланием реализовать предоставленные государством права и свободы, закрепленные в действующем законодательстве. Полное отсутствие знаний о каком-либо

элементе правовой действительности или забывание таких знаний составляет особую разновидность дефектности правосознания — пробел правосознания [27, с. 16]. Пробел правосознания у индивида исключает формирование его позитивного отношения к закону и иным правовым ценностям. От права такая личность отстраняется, относится к нему безразлично, воспринимая право как аморфное образование с неясными очертаниями и предназначением, в связи с чем различные проявления правового инфантилизма можно охарактеризовать как правовую безграмотность и практический правовой инфантилизм.

Правовой инфантилизм существенно затрудняет возможность осуществления правосознанием его познавательной, оценочной и регулятивной функций. Четкая правовая установка на совершение правомерных или противоправных деяний у субъекта отсутствует [28, с. 172].

Предпосылки формирования правового инфантилизма разнообразны. Важную роль играют исторические детерминанты формирования общественного сознания и особенности национального менталитета. Длительно существовавшее в России крепостное право закрепило установку на то, что народу думать ни о чем не нужно (все решения принимают барин и государь), упрочило осознание права как беспрекословного веления государственной власти. Конструкция «инициатива наказуема» (не только необходимостью реализации предложенного) окрепла в условиях безответственности коллективизма и возможности поживиться за чужой счет в годы советской власти, когда одновременно сформировалась и уверенность в том, что о соблюдении прав советского гражданина должно заботиться государство. Годами возвращенная леность мысли и поступков — предпосылка социального (и прежде всего правового) инфантилизма.

К самостоятельным действиям призывала своих граждан постсоветская Россия. Однако граждане, общество и государство оказались к ним не готовы. «Общество уже не гарантирует и даже не обещает коллективных средств избавления от индивидуальных неудач. Людям предлагается (скорее даже навязывается) беспрецедентная свобода, но ее ценой становится столь же беспрецедентная неуверенность. А там, где царит неуверенность, остается мало времени как для заботы о ценностях, витающих выше уровня повседневных забот, так и для всего, что выходит за узкие границы скоротечного момента» [29, с. 201]. Энтропия и хаотизация общественной жизни конца XX в. в начале нового тысячелетия сменились состоянием современной России, когда часто решение проблемы или реализация прав гражданина во многом или полностью зависят от чиновников, а не от собственных усилий.

Предпосылками формирования правового инфантилизма являются: объективно существующее несовпадение публичных и частных интересов

(для осознания личностью необходимости принимать во внимание интересы государства и общества требуются серьезные аргументы, основанные на разнообразных знаниях о правовой действительности и состоянии государственно-правовой системы страны); случаи наполнения законов правовыми нормами, не соответствующими интересам граждан; отсутствие в России четкого и прозрачного механизма исполнения законов (несовершенство механизма реализации правовых предписаний вызывает скепсис населения и в отношении законодательных органов, и в отношении органов исполнительной власти; имеют место случаи, когда лица, в чьи полномочия входит контроль за соблюдением реализации норм права, сами игнорируют правовые нормы). В таких условиях возникает стремление к «сильной руке», что свидетельствует о несформированности или деформации правосознания, возникновении правового инфантилизма и правового нигилизма.

Примерами проявления правового инфантилизма сегодня являются факты подписания гражданами различных договоров купли-продажи (приобретения жилья, автомобиля, зарубежного тура, медицинской страховки и т. д.), получения микрокредита без предварительного прочтения этих договоров. Удивительно потом их искреннее изумление от сложности созданной ситуации и невозможности разрешения проблемы «со временем само собой». Известный российский адвокат А. Г. Кучерена, профессионально занимаясь проблемами обманутых дольщиков, неоднократно подчеркивал, что истоки этих проблем не только в несовершенном законодательстве и сознательном мошенничестве недобросовестных застройщиков, но и в отсутствии должных знаний у дольщиков, которые, «прежде чем подписывать соответствующий договор, могли бы посоветоваться с юристом» [30].

О пробельности правовых знаний и нежелании граждан их самостоятельно получить для решения своих проблем часто сообщают практикующие юристы. Один из них описал типичную ситуацию: «Пришел клиент [40-летний мужчина]: нужно составить заявление на отмену судебного приказа. Похоже, до меня где-то уже был, ибо пришел в предпоследний день и основательно подготовленным — с характеристикой с места работы, справкой 2-НДФЛ и т. д. ... Печатаю заявление, он пока изучает свою справку 2-НДФЛ. И вдруг возмущенно подскакивает: “Это что, я за прошлый год заплатил налогов на 60 000 рублей????!!” Схватил бумажку и ручку и путем нехитрых подсчетов выяснил, что это больше 10 % в месяц, то есть за год набегает полторы его месячных зарплаты. Возмущению гражданина не было предела... вспомнил всех от Брежнева до Путина, обвинил во всем олигархов. Пока я дописывал заявление, думал об одном: рассказать ему еще про взносы в ПФР, ФОМС, ФСС или пусть спит себе спокойно? Решил не рассказывать...» [31].

Неготовность поступать в соответствии с требованиями правовых норм демонстрируют случаи, когда «гражданин, громко и справедливо возмущающийся беззаконием власть имущих, находит для себя возможным заклеить номер автомобиля на платной стоянке, предложить взятку сотруднику ГИБДД, соглашается на получение «серой» зарплаты, приобретает заведомо контрафактную продукцию» [30]. В таких условиях безразличного отношения к правовым предписаниям беззаконие будет воспроизводиться и процветать в новых и подчас экзотических формах.

В профессиональной деятельности правовой инфантилизм проявляется в виде неряшливости выполнения служебных обязанностей, допущении ошибок и брака, должностного произвола, основанного на незнании действующего законодательства и представлениях о своей служебной деятельности как не связанной правовыми обязательствами.

Инфантильные личности «часто живут в своем маленьком мире, порой боясь выйти наружу» [32], но при этом преуспевают по службе. Потому что, с одной стороны, послушными, неконфликтными работниками начальству проще управлять, а с другой — профессиональные качества, отличные от личностных характеристик и состояния правосознания, бывают хорошо развиты (такие личности — часто прекрасные креативщики — художники, дизайнеры, музыканты, рекламные копирайтеры) [32].

Проявления деформаций профессионального правосознания работников правоохранительных органов может повлечь за собой серьезные последствия для гражданина. Ошибки и произвол в работе следователя, судьи, прокурора, «установка на правоохранительное бездействие и непринятие необходимых по закону мер, административный зуд, произвольное толкование закона... следование клише на обвинение (обвинительный уклон), установка на непогрешимость собственных актов и действий, стереотип закрытости, социальной засекреченности, ориентация на ужесточение наказания» [32] — проявления правового инфантилизма в профессиональной деятельности, не являющегося безобидным. Правонарушение не совершено, но результат такого правомерного поведения — искалеченные человеческие судьбы.

Правовой инфантилизм обуславливает различные последствия для общества: растет число правонарушений (когда люди не понимают законов и считают, что могут нарушать их безнаказанно, преступность растет, безнравственное поведение получает распространение); растет число нарушений прав и свобод личности (когда люди не уважают права и свободы других граждан, интересы многих людей ущемляются, интересы общества не учитываются); снижается доверие к государственной власти и ее правовым предписаниям [33; 34].

Правовой инфантилизм представляет собой угрозу для поступательного прогрессивного развития государства и общества, в связи с чем в контексте определения направлений совершенствования государственно-правовой системы современной России правовой инфантилизм нужно рассматривать как общественную опасность.

1. Ильин И. А. О сущности правосознания. М. : ТОО «Рарог», 1993. 234 с. [Вернуться к статье](#)
2. Мороз Р. В. О правовом инфантилизме и правовом нигилизме военнослужащих // Право в вооруженных силах. 2004. № 4. С. 54–58. [Вернуться к статье](#)
3. Яковлев А. М. Социальная структура общества и право : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Юриспруденция». М. : Норма, 2009. 368 с. [Вернуться к статье](#)
4. Лагун Д. А. Кризис и деформация правосознания // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2015. Вып. 26. С. 22–37. [Вернуться к статье](#)
5. Ковалев С. А. Деформация правосознания как фактор противоправного поведения личности // История государства и права. 2009. № 13. С. 35–38. [Вернуться к статье](#)
6. Горбатова М. К., Домнина А. В. Профессиональное правосознание как элемент правовой культуры общества // Рос. юстиция. 2010. № 5. С. 9–11. [Вернуться к статье](#)
7. Зайцева Е. С. Правовой инфантилизм: проблемные вопросы // Психопедagogика в правоохранительных органах. 2015. № 3. С. 98–100. [Вернуться к статье](#)
8. Марченко Д. Э. Правовой нигилизм, правовой идеализм и правовой инфантилизм как формы деаксиологического правового сознания. Самара : НТЦ, 2006. 113 с. [Вернуться к статье](#)
9. Сочивко Д. В., Симакова Т. А. Теория и методика исследования индивидуального правосознания и его инфантилизации и криминализации // Приклад. юрид. психология. 2015. № 2. С. 24–39. [Вернуться к статье](#)
10. Букина Е. Е. Философское осмысление форм правового отчуждения: правовой нигилизм, правовой фетишизм, правовой инфантилизм // Философия, социология, право: традиции и перспективы : сб. науч. тр. Всеросс. науч. конф., посвящ. 30-летию Ин-та философии и права СО РАН, Новосибирск, 19–20 нояб. 2020 г. Новосибирск : Офсет-ТМ, 2020. С. 191–196. [Вернуться к статье](#)
11. Абдрахимова Р. Г. Исторические аспекты возникновения термина «инфантильность» // Междунар. науч.-исслед. журн. 2016. № 3 (45). Ч. 5. С. 6–10. [Вернуться к статье](#)
12. Осипов Р. А. Правовой инфантилизм как деформация правосознания личности // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 3. С. 207–214. [Вернуться к статье](#)
13. Социально-психологический инфантилизм: закономерности формирования и проявления на различных этапах жизненного пути личности : отчет о НИР / Российский гуманитарный научный фонд ; рук. А. В. Микляева. 2018. № 16-06-50031. [Вернуться к статье](#)

14. Микляева А. В. Социально-психологический подход к исследованию личностного инфантилизма // Вестн. Рос. фонда фундамент. исслед. Гуманитар. и обществ. науки. 2019. № 2 (95). С. 147–157. [Вернуться к статье](#)
15. Михайлова О. Б. Инфантилизм молодежи как проблема современного общества // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии : сб. ст. по материалам III Междунар. науч.-практ. конф., Ялта, 13–15 окт. 2021 г. Симферополь : Ариал, 2021. С. 195–199. [Вернуться к статье](#)
16. Башкирцев В. И. Исследование феномена «инфантилизм» в зарубежной науке // Социальные отношения. 2022. № 1 (40). С. 60–71. [Вернуться к статье](#)
17. Павленок П. Д. Краткий словарь по социологии. М. : Инфра-М, 2000. 270 с. [Вернуться к статье](#)
18. Степанищенко О. В. Политический инфантилизм как характеристика электорального поведения: на материалах Краснодарского края : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Краснодар, 2006. 175 л. [Вернуться к статье](#)
19. Абдрахимова Р. Г., Григорьев В. А. Социальный инфантилизм молодежи как фактор, затормаживающий развитие современного общества // Социально-экономическое и научно-технологическое развитие: прогноз и перспективы : сб. науч. тр. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Волгоград, 22 дек. 2016 г. Волгоград : НОО «Профессиональная наука», 2016. 369 с. [Вернуться к статье](#)
20. Демиденко А. С. Социальная инфантильность российской молодежи: специфика научного дискурса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. № 3. С. 141–147. [Вернуться к статье](#)
21. Жесткова Н. А. Методологические подходы к исследованию социальной зрелости и социального инфантилизма личности // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 2 (14). С. 128–136. [Вернуться к статье](#)
22. Сабельникова Е. В., Хмельёва Н. Л. Инфантилизм: теоретический конструкт и операционализация // Образование и наука. 2016. № 3 (132). С. 89–106. [Вернуться к статье](#)
23. Герген К. Дж. Социальная конструкция в контексте / пер. с англ. А. А. Киселева, Ю. С. Вовк. Харьков : Гуманитар. центр, 2016. 328 с. [Вернуться к статье](#)
24. Кордобовская К. Е. Правовой инфантилизм как проявление правового сознания [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2023. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 85–88. [Вернуться к статье](#)
25. Кордобовская К. Е. Дефекты и деформация правосознания как проявления его деаксиологизации // Ученые зап. Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Юрид. науки. 2024. Т. 10 (76). № 1. С. 51–61. [Вернуться к статье](#)
26. Общая теория права : курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ВШ МВД России, 1993. 544 с. [Вернуться к статье](#)
27. Антонова А. В. Правовой инфантилизм как форма деформации правосознания // Вестн. науч. конф. 2017. № 9-3 (25). С. 16–17. [Вернуться к статье](#)
28. Малиновский А. А. Правовой эгоцентризм как разновидность деформации индивидуального правосознания // Известия вузов. Правоведение. 2008. № 6. С. 171–181. [Вернуться к статье](#)

29. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. ; под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2002. 324 с. [Вернуться к статье](#)
30. Правовой нигилизм и инфантилизм: адвокат Анатолий Кучерена — об уровне развития правосознания российских граждан [Электронный ресурс] // Известия. URL: <https://iz.ru/635127/pravovoi-nigilizm-i-pravovoi-infatilizm> (дата обращения: 17.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
31. Юридические истории #68: Правовой нигилизм. [Электронный ресурс]. URL: https://pikabu.ru/story/yuridicheskie_istorii_68_pravovoy_nigilizm_6348213 (дата обращения: 11.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
32. Что такое правовой инфантилизм [Электронный ресурс] // Aromolux. URL: <https://aromolux.ru/articles/cto-takoe-pravovoy-infantilizm.html> (дата обращения: 11.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
33. Способы преодоления правового инфантилизма [Электронный ресурс] // Vitavision. URL: <https://vitavision.ru/sposoby-preodoleniya-pravovogo-infantilizma> (дата обращения: 10.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
34. Кордобовская К. Е. Правовой инфантилизм как явление современной правовой действительности // XI Балт. юрид. форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии» : материалы междунар. науч.-практ. конф., Калининград, 16 дек. 2022 г. / отв. ред. С. В. Векленко. Калининград : Калинингр. фил. С.-Петербур. ун-та МВД России, 2023. С. 86–87. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.3:342.7

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА****Е. А. Пушкарев**

Краснодарский университет МВД России,
профессор кафедры теории и истории права и государства,
доктор политических наук, кандидат юридических наук

Аннотация. В статье рассмотрены создаваемые глобальными информационными процессами угрозы суверенитету государств и отдельной личности в современном мире, а также предпринимаемые меры правового регулирования по их нейтрализации.

Ключевые слова: информатизация общества, средства массового контроля, правовая безопасность пользователей, ограничения распространения информации.

Annotation. The article examines the threats created by global information processes to the sovereignty of states and individuals in the modern world, as well as the measures taken by legal regulation to neutralize them.

Keywords: informatization of society, means of mass control, legal security of users, restrictions on the dissemination of information.

Определяющее значение в глобализирующемся мире приобретают средства массового контроля. Опасность новых информационных тенденций современного общества проявляется, с одной стороны, в усилении манипулирования массовым сознанием через контролируемые глобальные информационные потоки. С их помощью, к примеру, можно формировать положительный образ «иногo» государства и деструктивное отношение к своему, рекрутировать через сети революционно настроенные группы населения, осуществлять «ненасильственное» изменение политического режима в государствах. С другой стороны, существующая угроза тотального наблюдения через технические средства за публичной и частной жизнью человека приводит к нарастанию внутреннего конфликта в обществе. Общество разделяется на тех, кто старается не замечать усиления всеобщего наблюдения и готов ограничить свои права ради безопасности, и силы, не приемлющие ограничения своих прав перед лицом экстремизма и терроризма [1, с. 12–13, 26, 30–31].

В современном технологическом мире формируемые из «электронных следов» базы персональных данных активно используются государственными учреждениями и транснациональными компаниями в коммерческих, социальных, правоохранных и политических целях. Вопросы безопасности пользователей сети Интернет нередко становятся предметом громких судебных дел, где истцами выступают отдельные частные лица различных государств,

а ответчиками «IT-гиганты» (Google, Apple, Microsoft и другие), фиксирующие передвижения, покупки, интересы, режим дня и иные действия лиц.

Принцип свободы распространения информации на практике нередко ограничивается правовым регулированием в государствах. Отказы от предоставления правоохранительным органам персональной информации, от ее удаления, от расположения серверных хранилищ на территории государства, как правило, приводят к локальной блокировке интернет-ресурсов «IT-гигантов», наложению крупных штрафов.

Глобальные базы данных, хранящие полную историю жизнедеятельности лиц, могут негативно сказываться на реализации гражданами своих социальных и политических прав. Наличие у гражданина низкого кредитного рейтинга становится препятствием для пользования банковскими продуктами и выезда за пределы страны. Совершение гражданином правонарушений ограничивает возможность его трудоустройства в государственные и иные организации, получения образования в некоторых учебных заведениях, а также может сказаться на реализации прав близкими родственниками. Введение электронных систем голосования вступает в конфликт с тайной волеизъявления избирателей. В Китае, например, на основании комплекса данных введена система «социального кредита» — деления граждан на «плохих» и «хороших» по балльной системе. Различные действия лица могут как понижать, так и повышать его общий рейтинг, в дальнейшем предопределяющий его социальные возможности. Разумеется, подобные инициативы стимулируют лиц к социально полезному поведению. Однако использование подобных все контролирующих государственных систем должно предусматривать разветвленные реабилитирующие показатели, сроки действия негативных показателей, чтобы нивелировать угрозы раскола общества и прерывания развития личности в современном мире.

В современную эпоху возрастает интерес к трансгуманистическому направлению развития общества и человека, призванному с помощью технологий расширить умственные и физические возможности человека, увеличить продолжительность его жизни. Однако сторонники права индивида на безграничное совершенствование встречают и жесткую критику. В частности, оппонентов настораживает вероятность захвата искусственным разумом государственной власти, мирового господства и дальнейшее манипулирование им человеческим обществом. Также вмешательство передовых технологий в человеческое сознание называют аморальным и противоречащим религиозным убеждениям [2, с. 34–35].

Несмотря на довольно резкую критику, следует согласиться с неизбежностью трансгуманистического будущего, где описанные критиками угрозы будут разрешены в ходе общественного диалога и выработки принципов биоэтики.

Тем более это будущее уже наступает. Транснациональные корпорации одна за другой с 2022 года запускают самообучающиеся интеллектуальные системы — нейросети (ChatGPT, ChatSonic, Poe, Rytr, Neeva, Claude), круг решаемых задач которыми постоянно расширяется. Нейросети способны генерировать (обобщать) тексты, изображения, выдавать идеи, вести осознанный диалог. Разумеется, подобные нейросети еще более сузят рынок человеческого малоквалифицированного труда.

В целях сохранения культурной идентичности первостепенное значение приобретает развитие русскоязычного сектора в Интернете, пропаганда в нем традиционно-нравственных форм поведения. Ценностно-нормативную основу формируемой российской идеологической системы, по выражению О. Ф. Волочаевой, составляет гибрид элементов царских и советских эпох, разбавленных проблематикой постмодерна, а именно православие, имперскость, вертикаль власти и патриотизм [1, с. 14]. В то же время культивирование традиционных элементов общества не должно вступать в конфликт с общемировой информационной тенденцией, отрицать многообразность современного мира и противостоять ей, а призвано занять свое значимое место в культурной самоидентификации современной личности.

Вопросы соотношения свободы распространения информации и пределов (возможности) ее ограничения являются особо актуальными в цифровую эпоху. Российская Федерация как правопреемница Советского Союза и Российской империи имеет большой исторический опыт ограничения распространения деструктивной политической информации, то есть цензуры. Более того, отечественный опыт кардинально не отличается от генезиса общемировой практики. Изменялись лишь средства ее ограничения, а общие методы остаются неизменными.

Как известно, в средние века вопрос религиозной веры был определяющим в условиях объединения княжеств Древней Руси. Ручная перепись религиозных текстов приводила к необходимости ревизии их содержания на предмет соответствия церковным православным догматам, унификации обрядов и толкования. Рукописи подлежали корректировке или уничтожению. Списки отреченных книг передавались церковной властью на соблюдение книготорговцам и содержателям библиотек, закреплялись нормативными актами светской власти. Иконопись также имела цензурные ограничения «описывать догадками» и допускалась только при обучении ею «одобренными мастерами» [3, с. 14–16].

В Новое время с развитием книгопечатания, ввоза типографской продукции из-за границы цензура уже стала иметь две формы: предварительную и последующую. Павел I цензурные запреты активно распространял и на быт подданных. Указами запрещался определенный покрой и цвет одежды,

употребление в присутственных местах слов «общество», «граждане», «отечество», ассоциировавшийся с Французской революцией. Николай I, взошедший на престол под выстрелы декабристов расширил и забюрократизировал круг объектов цензуры. Цензуре подлежали уже карты, картины, музыкальные ноты. Подробно была конкретизирована предметная область цензуры: от против власти до ослабления ее почтения, неодобренная преждевременная инициативность, противное «духу общественного устройства и тишины» [3, с. 16–20].

В советскую эпоху цензура была неотъемлемой частью всеобщего образования и монополизированного государством книгопечатания, радиовещания и телевидения. В купе с жесткими мерами ответственности цензура позволяла на многие десятилетия распространять единую идеологию не только в общественной внутрисоюзной сфере, но и во всех составляющих быта граждан.

В современной России отмечается тенденция возвращения былого государственного контроля за средствами массовой информации как традиционными (телевидение), так и передовыми (интернет, социальные сети). Отказавшись от европейского опыта «политкорректной самоцензуры», правительство России отдает предпочтение более активной китайской многоуровневой системе регулирования информационной сферы.

Широко известный китайский Great Firewall представляет собой набор фильтров, ограничивающих доступ к не национальному сегменту интернета на территории страны. «Внутренний» же интернет имеет жесткое правовое регулирование, установленное для новостных служб. Также продвигаются программы этической самодисциплины в интернете, привлечения населения к мониторингу и выявлению запрещенной информации в нем. Формированием общественного мнения в Китае занимается сеть правительственных интернет-комментаторов. Под видом обычных пользователей они вступают в дискуссии и продвигают разработанные отделами пропаганды текстовки [4, с. 118–121].

Таким образом, поспевающее за прогрессом правовое регулирование правительств не всегда способно адекватно и своевременно среагировать на возникающие угрозы из-за сложности прогнозирования влияния прорывных узкоспециальных информационных технологий на всю сферу общественных отношений. Несмотря на то, что транснациональные IT-корпорации гибко подстраиваются под законодательные ограничения различных государств, значение последних падает. Актуальным становится вопрос развития межгосударственного правового регулирования и выработки межнациональных норм информационной этики.

1. Волочаева О. Ф. Политические процессы в современном информационном обществе: новые акторы и векторы развития : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / Пятигор. гос. лингвист. ун-т. Пятигорск, 2015. 48 с. [Вернуться к статье](#)
2. Комаров С. А., Воробьев С. М. Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении // Теория государства и права. 2019. № 4 (16). С. 25–37. [Вернуться к статье](#)
3. Иванова О. С. Развитие института цензуры в дореволюционной России // Вестник. Государство и право. 2021. № 4 (31). С. 14–21. [Вернуться к статье](#)
4. Вильданов Р. Р., Кутушева Э. Н. Система государственного регулирования Интернета в Китайской Народной Республике // Вестн. УГНТУ. Наука, образование, экономика. Сер. Экономика. 2021. № 3 (37). С. 115–122. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.114.5

**ЧЕЛОВЕК В ПРАВЕ:
АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ****Е. И. Стабровский**

Академия МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук

***Аннотация.** Исследуется понятие человека в праве. Сравниваются человек в праве и субъект права. Делается вывод о наличии личностных и ценностных характеристик человека в праве.*

***Ключевые слова:** человек, индивид, личность, субъект права, человек в праве.*

***Annotation.** The concept of a person in law is studied, a person in law and a subject of law are compared, conclusion is made about the presence of personal and value characteristics of a person in law.*

***Keywords:** a person, an individual, personality, a subject of law, a person in law*

Развитие современных правовых отношений ставит актуальные вопросы о возможностях человека в сфере права, которое в самом общем виде создается человеком и для человека. С действующим в праве человеком связаны такие правовые явления, как формирование права, нормотворчество, реализация права, юридическая ответственность, правовое сознание, правовая культура и многие другие. Кризисные явления в сфере правовой культуры в современном мире во многом имеют антропологическую природу и связаны с пониманием человека, с правовой традицией и правовыми ценностями, с выражением человека в сфере права, в т. ч. в области цифровых технологий. Поиск причин возникающих кризисных явлений, а соответственно, и путей их решения, возможны благодаря исследованию вопроса о человеке в праве, о способах его существования в праве, о лично конструктивном и деструктивном выражении человека.

В юридической науке существуют различные подходы к пониманию человека, индивида, личности, субъекта, которые действуют в праве. Эти понятия близки, но не идентичны.

Так, человек в отличие от других существ обладает сознанием и развивается не только по законам природы, но и по общественным законам. Он усваивает тот совокупный общественный опыт, который присущ конкретной среде в соответствующий исторический период. Л. С. Выготский указывает, что «психологическая природа человека представляет совокупность общественных отношений, перенесенных внутрь и ставших функциями личности и

формами ее структуры» [1, с. 146]. Каждый человек обладает общими характерными чертами, однако при этом каждый конкретный человек — индивид. «Индивид — характеристика человека с позиции его природных свойств как единицы, атома, представителя общечеловеческой природы» [2, с. 251]. Независимо от физических, биологических или иных характеристик человек находится под правовой защитой.

Социальная сторона человека раскрывается в личности. Личность предполагает наличие у человека определенных качеств, приобретаемых им в результате социализации. При рассмотрении личности нельзя не учитывать природные составляющие. Так, например, нельзя признать личностью в полном смысле этого слова малолетних, душевнобольных. В. А. Кучинский полагает, что «личность — это индивид, сознательно определяющий свое отношение к окружающему миру» [3, с. 27]. В сфере права «личность рассматривается как носитель прав и обязанностей» [3, с. 28].

О. И. Власова отмечает: «Личность — такое интегральное качество человека, которое формируется в условиях социальной жизни и позволяет ему продуктивно функционировать в обществе. Это качество не является врожденным, оно возникает и формируется в процессе индивидуальной социальной эволюции человека в определенных социально-исторических условиях как следствие взаимодействия системы социальных и психологических факторов» [4, с. 115–116].

Относительно субъекта права следует отметить, что речь может идти о лице как физическом, так и юридическом. С точки зрения антропологических характеристик в качестве субъекта права рассматривается физическое лицо.

С. И. Архипов предложил подход к рассмотрению субъекта права как социально-правовой реальности, отличающейся от физической. При данном подходе субъект права рассматривается как лицо (внешние характеристики, имеющие юридическое значение), как правовая воля, как совокупность правовых связей и отношений, как правовое сознание, как правовой деятель, как социально-правовая ценность, как правосубъектность [5, с. 120–122]. Сущность субъекта права в таком случае заключается в том, что «он есть творец права, его создатель и правовой абсолют. В нем — источник права и его цель. Право принадлежит субъекту, оно — его собственность. Субъект права является не только творцом внешней по отношению к себе правовой сферы, но и самого себя, он созидает свой внутренний правовой мир, свою правовую индивидуальность» [5, с. 123]. Данная позиция подчеркивает актуальность обращения к пониманию человека и субъекта права.

В настоящее время юриспруденция обладает новым методологическим инструментарием, позволяющим находить ответы на проблемы современности.

В этой связи отметим, что в рамках классической методологии рассмотрение человека как субъекта права (т. е. носителя прав и обязанностей) имеет формально-догматическую природу и не способствует в полной мере углублению правовых знаний. При этом постклассическая методология исследования, например, антрополого-правовой подход, позволяет исследовать правовое существование человека, личностные и ценностные основания его правового поведения. Поэтому в рамках антрополого-правового подхода речь идет не столько о субъекте права, сколько о человеке в праве. Видными представителями, исследующими право и правовые явления с позиции антрополого-правового подхода, выступают В. И. Павлов, И. Л. Честнов, С. И. Архипов, С. А. Калинин, Е. В. Тимошина, В. М. Хомич, В. Н. Бибило и др.

Так, В. И. Павлов, исследуя понятие «человек в праве», обращает внимание на то обстоятельство, что современное понимание личности человека в юридическом пространстве было сформировано в эпоху Нового времени на основе древнеримского права масок (лат. *ius imaginum*) [6, с. 82]. В результате рационализированный человек стал противопоставляться миру как объекту познания и преобразования. Вместе с тем следует понимать, что, несмотря на представление субъекта права с помощью определенных внешних характеристик, понимание человека в праве выходит за рамки субъект-объектных отношений. Поэтому понятие «человек в праве» шире и включает в себя понятие «субъект права», а также обладает антропологическими (личностными и ценностными) характеристиками [1, с. 107, 249–250].

Таким образом, с позиции антрополого-правового подхода человек в праве понимается как развивающаяся и не равная природе часть мира, обладающая правосубъектностью и реализующая в правовой жизни личностные и ценностные содержания.

Рассмотрение человека как действующего участника правовой жизни, обладающего правовым сознанием, правовой культурой с соответствующими личностными и ценностными характеристиками, а также использование понятия «человек в праве» при проведении правовых исследований имеет практическое значение в решении современных проблем, касающихся сферы права. Так, современный кризис внутри западноевропейской цивилизации связан с отказом от традиционного понимания человека, правовых ценностей. Рассмотрение человека в праве не как субъекта, а как формирующейся личности, обладающей свободой к созиданию и разрушению (в т. ч. саморазрушению), способствует сохранению традиционного понимания семьи, материнства, отцовства, детства, сохранению религиозной традиции, традиционных правовых ценностей. Формально-догматическое рассмотрение человека как субъекта права

допускает риски, связанные с искаженным пониманием прав человека, правовых ценностей и права в целом.

В настоящее время не столько потенциальной, сколько уже реальной проблемой, непосредственно связанной с правом и с человеком, является развитие цифровых технологий, технологий виртуальной реальности, нейротехнологий и т. п. Процессы цифровизации, кроме положительных сторон, касающихся удобства, скорости, эффективности, несут в себе риски, связанные с воздействием на человека. Особую настороженность вызывают технологии, которые оказывают воздействие на сознание человека, что связано с его правовым поведением и, как следствие, с правопорядком в целом. В этой связи решение соответствующих проблем находится в области человекомерности в праве, исследуемой с помощью антрополого-правового подхода. В. И. Павлов отмечает, что «устойчивое функционирование национальной правовой системы и обеспечение правовой безопасности человека в контексте процессов цифровизации во многом связано с развитием антрополого-ориентированных правовых инструментов... Трансформирующее влияние виртуальной среды на человека делает необходимым предотвращение рисков неправомерного доступа к психике человека и его когнитивным функциям, обеспечение ментальной безопасности людей и их личной автономии как самостоятельных предметов правовой охраны» [7, с. 56].

Таким образом, на основании вышеизложенного отметим, что представления о человеке в праве, исследуемые с помощью антрополого-правового подхода, обладают научной обоснованностью и отражают перспективные направления для решения современных проблем в области права. Анализ понятий человека, индивида, личности, субъекта показал значимость каждого из них и особенности, имеющие юридическое значение.

Следование идеям классической рациональности ограничивает научный поиск в рамках понятия «субъект права». Использование постклассической методологии — антрополого-правового подхода — позволяет исследовать вопросы личностных и ценностных оснований правового поведения человека с помощью понятия «человек в праве».

Традиционное понимание человека, его прав, сохранение традиционных правовых ценностей отражается с помощью понятия «человек в праве». В свою очередь, понятие «субъект права» допускает определенные искажения в соответствующих сферах.

Развитие цифровых технологий несет с собой риски, связанные с воздействием на сознание человека, что в конечном итоге оказывает влияние на состояние правопорядка в целом. Данные вопросы требуют научного

исследования с целью выработки эффективных механизмов защиты человека и национального правопорядка от негативных проявлений цифрового развития.

1. Выготский, Л. С. История развития высших психических функций // Собр. соч. : в 6 т. М., 1983. Т. 3 : Проблемы развития психики / под ред. А. М. Матюшина. С. 5–328. [Вернуться к статье](#)
2. Павлов В. И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие ; учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Минск : Акад. МВД, 2017. 262 с. [Вернуться к статье](#)
3. Кучинский В. А. Личность, свобода, право : моногр. М. : Юрид. лит., 1978. 208 с. [Вернуться к статье](#)
4. Власова О. И. Концептуальные основы ресоциализации осужденных с позиции теории неудачно социализированной личности // Структура тюремной индустрии / под общ. ред. Е. Н. Тонкова. СПб., 2012. С. 115–126. [Вернуться к статье](#)
5. Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 469 с. [Вернуться к статье](#)
6. Павлов В. И. Формирование понятий «субъект права» и «личность» в юридической традиции: от древнеримского права масок (*ius imaginum*) до современного понятия правовой личности // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2022. № 1 (43). С. 81–86. [Вернуться к статье](#)
7. Павлов В. И. Разработка антрополого-ориентированных цифровых инструментов как вызов устойчивому развитию национального права и правовой безопасности человека (методологический анализ и оценка системы нормативной правовой охраны) // Право.by. 2023. № 5 (85). С. 49–58. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.971

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИСГАРМОНИЯ КАК СОЦИОГЕННЫЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В. М. Хомич

Белорусский государственный экономический университет,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь

***Аннотация.** Рассматриваются основные проблемы уголовного права и уголовно-правовой политики через призму глобальных институциональных изменений в общественно-политических системах современных государств, породивших состояние транснациональной дисгармонии в понимании современной преступности. Обозначены векторы выхода из указанного уголовно-правового кризиса.*

***Ключевые слова:** социальная криминогенность, социальная дисгармония преступления и наказания, дисгармония уголовно-правовой безопасности.*

***Annotation.** The main problems of criminal law and criminal legal policy are examined through the prism of global institutional changes in the socio-political systems of modern states, which have given rise to a state of transnational disharmony in the understanding of modern crime. Vectors of exit from this criminal legal crisis are indicated.*

***Keywords:** social criminogenicity, social disharmony of crime and punishment, disharmony of criminal law security.*

Одной из серьезных задач в криминологической и уголовно-правовой науке конца XX и начала XXI веков было и остается сохранение и развитие классических канонов уголовного права и его истинно естественного гуманитарного предназначения в человеческом сообществе. Не могу в связи с этим не сказать, что криминологическая и уголовно-правовая наука преуспела в этом направлении теоретически и практически. Наоборот, сегодня мы наблюдаем социальную и культурно-правовую дисгармонию в области развития фундаментальных положений науки уголовного права, уголовной и уголовно-судебной политики, перспектив и направлений развития уголовного законодательства в целях стабилизации и консолидации общества и власти на единых правовых подходах утверждения и поддержания цивилизованного внутригосударственного и межгосударственного правопорядка и безопасности человечества.

В чем же причина в неопределенности и социальной нефункциональности криминологического знания и уголовно-правовой науки относительно оценки и предложений выхода из той конфликтно-эскалирующей ситуации,

которая небезопасна для человека и человечества независимо от того, к какой политико-правовой системе они принадлежат. Что же случилось с человечеством, которое, несмотря на громадный технологический цивилизационный прогресс, утратило, к сожалению, социально-культурную мерность в оценке социального зла и его источников. Смею предположить, что вследствие этого объективное право, будучи бесконтрольным со стороны общества, постепенно, в вялотекущем режиме начинает растворяться в предметной бессубъектности и абстрактности, возрастает ощущение бессмысленности социальной коммуникации в рамках задаваемого правового поля, поскольку в нем реальные правовые отношения не постулируют человека в качестве главной ценности и цели цивилизационного развития политико-организованных общественных систем. Поэтому криминологическая и уголовно-правовая наука постоянно, но беспредметно и без новаций пребывает в поиске истины и гармонии в уголовном праве — преступлении и наказании. В свою очередь, политико-организованные общества на индивидуальном, коллективном и властно-элитарном уровне, ослепленные идеей властного богатства, разрушают общекультурную среду цивилизационного и бесконфликтного сосуществования человека и человечества, накапливают ядерное оружие, тратят драгоценные материальные ресурсы на вооружение, тем самым эскалируют военные конфликты и войны, ослабляя международную и внутригосударственную безопасность. Как справедливо отмечает А. А. Гезалов, эра индивидуализма и безудержного материально-рыночного накопительства вытеснила на периферию духовную составляющую гармоничного развития человека, поставив в центр интересов экономику и обслуживающую ее политику [1, с. 14–49]. Попытка объяснить эти деструктивные и эскалирующие насилие процессы в общественных и политических системах борьбой за демократические принципы, права и свободы человека выглядит, по крайней мере, неубедительно (если не более), когда все политико-организованные общества устремились к тотальному властно-олигархическому доминированию, вовлекая в эти процессы огромные массы людей, все более теряющихся в свободе выбора под воздействием новых и старых идеологий защиты национальной государственности. Не избежало подобной деструктивности и право, в том числе и уголовное право. Как пишет известный сербский специалист в области международного уголовного права профессор Срето Ного, «усугубляет ситуацию складывающаяся в мире лицемерная практика создания и применения двойных стандартов, двояких юридических принципов, подчиненная идее эгоистических политических интересов...» [2, с. 561] глобальной олигархической власти [3, с. 12–23]. Технологический прогресс в области информационной коммуникации был монополизирован и стал мощнейшим средством манипулирования общественным сознанием для достижения

эгоистических геополитических целей системно организованных олигархических элит, породил новые формы и виды криминальной деятельности транснационального и организованного характера.

Право как естественный социокультурный феномен, который и на уровне объективного права (в идеале) должен был обеспечивать гармонию социальных интересов во избежание глобальных или чрезвычайно серьезных конфликтов общественного и личностного самоуничтожения человека и человечества, в реальности все более отклонялся от того, чтобы соответствовать социально-культурологическим ценностям действительного права — права каждого человека на достойные для человека условия жизни в организованном социальном сообществе, право на свободу, право на равенство и справедливое обращение как фундаментальных скрепов безопасности современных правовых систем. Признавая принуждающий характер общесоциальных правовых субстанций, нельзя не заметить, что сегодня в условиях социальной и технологической глобализации мы, как это ни парадоксально, незримо вступаем в очередной, но более информационно-технологический цикл первоначального правового произвола и злоупотребления правом. Тревожность за счастливое социально-правовое и безопасное будущее, которое все более откладывается, становится серьезным криминогенным фактором, существенно активизирует преступную среду и соответствующую мотивацию индивидуального и корпоративного отклоняющегося поведения в социальных системах и подсистемах современного общества (экономической, политической, информационной, правоустанавливающей и т. д.

В одном из своих выступлений на международной конференции, посвященной несбывшейся мечте правоведческой науки, «Достижение социальной гармонии как цель права XXI века» А. В. Наумов, исходя из понимания социальной гармонии как «сбалансированности множества структур и процессов общества, обеспечивающей устойчивость и динамичное развитие общества и человека, не исключающей конфликты, но в условиях социальной гармонии разрешающихся согласованно, эффективно, наименее болезненно и не перерастающих в социальные столкновения», задается непростыми вопросами о том, как вписать в уголовное право эту умеренно оптимистическую формулу гармонии — «преступление и наказание» и возможно ли достижение социальной гармонии в этой сфере — в понимании истинного преступления и истинно необходимого наказания [4, с. 191]. Это есть главный право-культурологический вопрос, который неизбежно присутствуют во всех научных дискурсах относительно кризисного состояния современной онтологии уголовного права, уголовно-правовой, уголовно-судебной политики и социально-правовой практики обращения с уголовным законом, понятием преступления и назначением

наказания [5; 6; 7, с. 11–15; 8, с. 72–75]. Здесь мы сталкиваемся с непростой задачей и для современной доктрины уголовного права, и для текущей уголовно-правовой и судебно-уголовной политики — перманентно, с учетом складывающихся социально исторических условий постигать истинно правовое предназначение уголовного права, искать и постоянно интегрировать в уголовное право, в преступление и наказание, в систему обеспечения безопасности правовые позиции. Это очень важное научно-методологическое качество, которое заставляет меня внимательно и с чувством социальной ответственности относиться к прошлым и современным научным изысканиям в правоведческой науке, чтобы находить приемлемые шаги правового перемирия эскалирующих насилем сторон.

Так возможно ли все-таки сочетание преступности и социально-культурной гармонии человека и его социального бытия с требованиями правопорядка, организуемого и обеспечиваемого публично-сформированными институтами общества в принципе? Отвечая на этот вопрос, А. В. Наумов, считает, что возможно, если преступность удастся «загнать» в «приемлемые» (по образцу «благополучных» в этом отношении стран) рамки. Но, в свою очередь, это возможно только при решении государством и обществом важнейших социально-экономических задач: серьезного повышения уровня жизни большинства населения страны и наведения порядка в деятельности судебных и правоохранительных органов (снижения уровня их коррупционности и вообще чиновничьего произвола) [4, с. 192]. Нет смысла возражать против этого, поскольку тут же возникает вопрос, почему это не было сделано, почему право утратило содержательную функциональность приоритетного отстаивания и защиты общегуманитарных ценностей в развитии современных общественных и государственных систем. А где же была фундаментальная и прикладная наука, которая во все времена как будто бы не была статичной по своему содержанию и объективному предназначению, поскольку перманентно была обусловлена стремлением человека познавать окружающий его мир таким, каким он есть для того, чтобы изменять его... Таким образом, благодаря науке, научному знанию мир воспринимается человеком и людьми не только в виде объективированной данности, но и поддается изменению и всегда подавался в субъективной интерпретации. Сознание способно видеть и видит мир только сквозь призму социетальных понятий, что обуславливает необходимость социокультурного измерения достижений науки и восприятия окружающей нас социальной реальности адекватно сформированным социумом смыслам. «Процесс научного познания, — отмечает академик РАН В. С. Степин, — обусловлен не только особенностями изучаемого объекта, но и многочисленными факторами социокультурного характера... По мере изменения типа культуры меняются

стандарты научного знания, способы видения реальности в науке, стили мышления, которые формируются в контекст культуры» [9, с. 41]. Поэтому современная трансформация данной нам социальной реальности бытия уголовного права уже не просто не адекватна сформированным социумом смыслам и требованиям, по которым определяется сфера преступного и не преступного. Реакция науки уголовного права и законодателя на эти трансформационные изменения в общественных системах неоднозначна. Большинство настроено на то, чтобы подстроить возникающие в уголовном праве проблемы на приемлемые по образцу «благополучные» рамки — как все-таки должно быть. Но, к сожалению, ничего конструктивного по этому вектору совершенствования уголовного права не происходит, а социальные риски криминогенного характера динамично расширяются [10, с. 35–36]. Все-таки необходимо обратить внимание на необходимость переосмысления и возможного изменения фундаментальных положений уголовного права — «от правосознания до отдельных частных уголовно-правовых предписаний» [11, с. 47–48].

Потребность в поиске последовательной интеграции права в уголовное право преступления и наказания, равно как и в систему уголовно-правового контроля преступности, социально-правового осмысления происходящих и необходимых изменений в содержательно-функциональных свойствах современного отечественного уголовного права существовала всегда. Но в условиях глобальных социальных трансформаций экономических и политических систем, происходящих в XXI веке, до беспредела разрушающих привычные социально-правовые устои безопасного сосуществования человечества, реакция уголовного права на эти опасности преступного характера стала уподобляться первейшему и основному инструментарию в противодействии традиционной и новой преступности. При этом законодателем не всегда учитывается, на что обращает внимание, что вследствие чрезмерного употребления преступления и наказания уголовное право становится небезопасным не только для потенциального преступника, но и для человека, общества и самого государства, особенно когда доминирующими факторами в формировании правопорядка и уголовной и уголовно-судебной политики являются не обычные и понятные интересы человека на внутреннюю и институциональную безопасность общественного бытия. Обеспечивать право (правовые позиции или принципы) в уголовном праве, равно как и гармонию преступления и наказания с охраняемыми уголовным правом общечеловеческими ценностями, очень непросто, но необходимо.

---

1. Гезалов А. А. Трансформация общества в эпоху глобализации: социально-философский анализ. М. : Канон+, 2009. 286 с. [Вернуться к статье](#)

2. Ного С. О несостоятельности современного уголовного права // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В. П. Коняхина : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Краснодар, 1–2 февр. 2024 г. / отв. ред. В. П. Коняхин, М. Л. Прохорова. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2024. С. 561–568. [Вернуться к статье](#)
3. Шестаков Д. А. Планетарная олигархическая преступная деятельность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 25. С. 12–23. [Вернуться к статье](#)
4. Наумов А. В. Преступность и достижение социальной гармонии как цель права XXI века // Достижение социальной гармонии как цель права XXI века : материалы междунар. конф., Краснодар / Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 2009. С. 191–197. [Вернуться к статье](#)
5. Мирошниченко Д. В. Критика уголовно-правовой онтологии : моногр. / под ред. Б. Т. Разгильдиева. М. : Юрлитинформ, 2023. 400 с. [Вернуться к статье](#)
6. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург : SAPIENTIA, 2020. 256 с. [Вернуться к статье](#)
7. Хомич В. М. Постклассическая трансформация онтологии уголовного права и необходимость ее институционального переосмысления // Российский следователь. 2024. № 1. С. 11–15. [Вернуться к статье](#)
8. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика современной России: «свободная в своей причине?» // Современные проблемы уголовной политики : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., г. Краснодар, 3 окт. 2014 г. : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар, 2014. С. 72–75. [Вернуться к статье](#)
9. Степин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 743 с. [Вернуться к статье](#)
10. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Очерки криминальной рискологии. М. : Юрлитинформ, 2021. 336 с. [Вернуться к статье](#)
11. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Уголовная политика и преступность: трансформация в эпоху социальных перемен. М. : Юрлитинформ, 2023. 320 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА С ПОЗИЦИЙ ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

И. Л. Честнов

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
доктор юридических наук, профессор

***Аннотация.** Автор статьи показывает перспективы исследования правовой реальности с позиций культурального подхода. Правовую культуру, как обосновывается автором, следует трактовать шире, чем совокупность знаний, позитивной оценки права и правомерного поведения. С позиций постклассической методологии, правовая культура — это механизм воспроизводства правовой реальности.*

***Ключевые слова:** право, правовая культура, культуральный подход, воспроизводство правовой реальности.*

***Annotation.** The author of the article shows the prospects for the study of legal reality from the standpoint of a cultural approach. Legal culture, as justified by the author, should be interpreted more broadly than knowledge, a positive assessment of law and lawful behavior. From the standpoint of postclassical methodology, legal culture is a mechanism for reproducing legal reality.*

***Keywords:** law, legal culture, cultural approach, reproduction of legal reality.*

Правовая культура начинает изучаться в отечественной теории права в 70-е гг. XX в. применительно к анализу личностных свойств (качеств) правоприменителя, специфики правосознания и юридически значимого поведения «обывателя». Не оспаривая важность такого рода исследований, в частности, исследований Н. Я. Соколова, позволяющих социологическими методами исследовать прежде всего мотивы поведения правоприменителя [1], замечу, что правовую культуру можно трактовать несколько шире, нежели «меру освоения правовых ценностей, накопленных обществом, и их использования различными субъектами в правовой сфере» [1, с. 30]. Ценностный подход, формулируемый известным российским теоретиком, нельзя не приветствовать как эвристически интересный и перспективный, однако после «культурального поворота», который произошел в социогуманитарном знании в 80-е гг. XX в. [2], правовая культура предстает как специфически человеческий способ жизнедеятельности человека в «мире права». Эта идея, высказанная известным советским философом Э. С. Маркаряном применительно к определению сущности культуры как таковой, была использована Л. И. Спиридоновым, который сформулировал важнейший тезис, требующий конкретизации: *правовая культура — это*

селективный механизм воспроизводства правовой реальности, источник права в социологическом смысле [3, с. 6].

С позиций постклассической методологии, развиваемой автором, механизм воспроизводства правовой реальности — это деятельность человека (людей), носителя статуса субъекта права, по конструированию общеобязательных правил поведения, их фиксации и реализации. Содержание такого механизма образует процесс означивания — наделения некоторых социальных явлений и процессов юридическим значением и личностным смыслом. Об этом, в частности, хорошо пишут сторонники постклассической теории права Н. В. Разуваев, исследующий «знаково-нормативные средства конструирования социальной и правовой реальности» [4, с. 136–142] и Н. Ф. Ковкель, описывающая «диалогический механизм функционирования правовой семиосферы» [5, с. 166–168].

Так как такого рода деятельность осуществляется именно человеком, то такой подход сближается с социокультурной антропологией права, исследующей «человекомерность» права. Человек — это не *tabula rasa*, как считали философы эпохи Просвещения, а существо, социализированное данной культурой, в том числе применительно к юридической сфере — правовой. При этом субъектом права в эмпирическом воплощении (в юридической повседневности, изучаемой социокультурной антропологией права) всегда является человек — носитель статуса субъекта права, действующий «от своего имени» (физическое лицо), от «имени должности» (должностное лицо) или от «имени коллективного образования» (представитель коллективного субъекта права).

Культуральный подход к праву акцентирует внимание на том, как именно люди — субъекты права — означивают и осмысливают правовые явления, события, процессы. Собственно, мир права (разновидность социального мира) как раз и образуют юридические значения и смыслы, приписываемые некоторым событиям и явлениям. Почему это важно? Дело в том, что нормы права (система права, выраженная в соответствующих юридических формах) воплощаются в правопорядке (правовой жизни) не сами по себе, автоматически, но через поведение людей. А социальные правовые значения и смыслы выступают мотивом — причиной поведения человека. Выяснение этого процесса юридического означивания и осмысления позволяет понять, почему некоторые нормы права эффективны, а другие нет, какую политику права следует проводить и т. п. Другими словами, культуральное измерение права имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Не случайно А. Л. Савенок соотносит с правосознанием как важнейшей составляющей правовой культуры эффективность уголовного закона [6], а О. Н. Бибики показывает культурную обусловленность преступления и наказания [7]. В современной постмодернистской криминологии сложилось и активно

развивается такое направление, как «культуральная криминология», исследующая преступность и контроль над ней в контексте культуры, «преступность и агентов контроля как культуральные продукты, созданные конструкции (as creative constructs)» [8, с. 50]. Все это, как представляется, наглядно свидетельствует о важности и перспективности исследования права с позиций постклассической культуральной программы научных исследований, которая формируется в постсовременной юридической теории.

-
1. Соколов Н. Я. Профессиональная культура юристов и законность : учеб. пособие. М. : Проспект, 2011. 160 с. [Вернуться к статье](#)
  2. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / пер. с нем. С. Тышкенова. М., 2017. 504 с. [Вернуться к статье](#)
  3. Честнов И. Л. Лев Иванович Спиридонов: жизнь и творческое наследие // Спиридонов Л. И. Избранные произведения по теории права. СПб. : Знание, 2010. С. 3–8. [Вернуться к статье](#)
  4. Разуваев Н. В. Семиотические аспекты конструирования социальной реальности // Культуральные исследования права / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб. : Алетейя, 2018. С. 108–152. [Вернуться к статье](#)
  5. Ковкель Н. Ф. Правовая семиосфера как концепт культурального измерения права // Культуральные исследования права / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб. : Алетейя, 2018. С. 153–169. [Вернуться к статье](#)
  6. Савенок А. Л. Теория эффективности уголовного закона. Минск : Акад. МВД, 2017. 258 с. [Вернуться к статье](#)
  7. Бибик О. Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты. М. : Юрлитинформ, 2017. [Вернуться к статье](#)
  8. Гишинский Я. И. Очерки по криминологии. СПб. : Алеф-пресс, 2015. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.13

КОМПАРАТИВИСТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЗНАНИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

С. Д. Шестакова

Санкт-Петербургский университет МВД России,
профессор кафедры уголовного процесса,
доктор юридических наук, доцент

Аннотация. В статье анализируются роль и значение сравнительно-правовых исследований в области уголовного процесса, дается оценка их главным достижениям, излагается авторское видение их перспективных направлений, основным из которых определяется достижение гармоничного сочетания цели доказывания, состава суда и критериев допустимости доказательств.

Ключевые слова: сравнительно-правовые исследования, процессуальная доктрина, наука, уголовный процесс, доказательства, доказывание.

Annotation. In the article the role and significance of the comparative studies on the field of the criminal procedure are analyzed. The evaluation of their achievements is done. The author's view of their perspective is proposed which is the harmonious combination of the goal of the proving process, the composition of the court and the criteria of the admissibility of the evidence.

Keywords: comparative studies, criminal procedure doctrine, criminal process, evidence, proof.

Сравнительное правоведение (компаративистика — от лат. *comparativus* — сравнительный) всегда было и остается мощным инструментом в руках научного познания в юридической сфере.

Не является исключением процессуальная наука, современное развитие которой невозможно представить без исследований зарубежных процессуальных доктрин и систем уголовно-процессуального права иностранных государств, обмена опытом на международном уровне.

Такие исследования позволили распознать и во многом изучить имеющий мировые масштабы процесс гармонизации систем уголовного судопроизводства в государствах, относящихся к семьям общего и континентального права, долгое время противопоставляемых друг другу, а также процессы их конвергенции и дивергенции. Это нашло отражение в докторских диссертациях А. В. Смирнова «Типология уголовного судопроизводства» (2001), С. Д. Шестаковой «Генезис метода российского уголовно-процессуального права в условиях конвергенции и дивергенции англосаксонской и континентальной правовых систем: теоретико-правовое исследование» (2004),

Н. Г. Стойко «Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем» (2009) и кандидатских диссертациях Е. М. Сорокиной «Гармонизация уголовно-процессуального законодательства в Европейском Союзе» (2010), М. С. Кесаевой «Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциация форм досудебного производства по уголовным делам» (2017).

Гармонизация уголовного процесса различных государств как явление обретения взаимного соответствия и сглаживания различий происходит главным образом под влиянием международного права. Реализация норм международных соглашений государствами — их участниками — создает эффект не механического единообразия, а именно юридической гармонии процессуальных форм разрешения уголовно-правовых конфликтов в каждом из них. Так, гармонизация уголовно-процессуального права не может не захватить постсоветские государства, объединенные общим советским прошлым и международной правовой основой будущего их правовых систем (Минская конвенция, Кишиневская конвенция, Модельные уголовный и уголовно-процессуальные кодексы государств — участников СНГ). Государства — участники Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года — члены Совета Европы, исполняя решения Страсбургского Суда по результатам рассмотрения жалоб на нарушения конвенции, волей-неволей приводят нормы национального уголовно-процессуального права в соответствие с данным международным актом. В результате сглаживаются коренные различия между англосаксонским и романо-германским уголовным процессом, например, в последний имплементируется родом из первого право обвиняемого на конфронтацию со свидетелями обвинения, если не исключаящее, то существенно ограничивающее широко распространенное в ряде стран континентальной Европы использование показаний анонимных свидетелей. И наоборот, повышается значение нормативно-правовых актов как источников уголовно-процессуального права Великобритании, среди которых, как известно, исконно превалирует судебный прецедент.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, хотя и утратила значение источника российского уголовно-процессуального права, существенно повлияла на развитие сравнительных исследований в отечественной процессуальной теории, а также национального законодательства. Многие положения Конвенции и решений Страсбургского Суда нашли отражение в практике Конституционного Суда Российской Федерации и Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, что свидетельствует о добросовестном исполнении Россией своих международных обязательств.

При этом на фоне прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы, связанного со специальной военной операцией на Украине, заостряется вопрос, почему в постсоветский период Европейская конвенция о правах человека и практика Страсбургского Суда превалировали в качестве лейтмотива или контекста сравнительно-правовых исследований в сфере уголовного процесса? Во-первых, из-за возникшего с крахом советской власти научным и правовым вакуумом, который заполнила пресловутая концепция прав человека, а во-вторых, потому что так проще. Делать, творить ничего не нужно — всего лишь изучить зарубежный опыт, оправдать его соответствием принципам правового государства и предложить перенять. Таким образом, европейская концепция прав человека стала своего рода тормозом инициативности и самобытности в развитии российской процессуальной теории и практики.

Вместе с тем в юридико-техническом плане распространение на Российскую Федерацию юрисдикции Страсбургского Суда оказалось правовым стимулом восприятия российским законодательством важных положений в сфере уголовного процесса сохраняющего свою силу для нашего государства Международного пакта о правах человека (аналогичных закрепленным в Европейской Конвенции) — как гласит старинная русская пословица, нет худа без добра.

Естественно, ныне возникает вопрос о надгосударственном судопроизводственном органе, эффективно обеспечивающем исполнение норм международного права. Профессором Д. А. Шестаковым, к примеру, выдвинута идея создания Евразийского судоустройства [1].

При этом развитие международных отношений на современном этапе как основной фактор смещения центра тяжести с копирования изученного зарубежного опыта на продуцирование и реализацию самобытных форм прогресса в сфере уголовного судопроизводства для будущего компаративистики в российской процессуальной науке является главным позитивным моментом.

Взять хотя бы российский институт снисхождения при производстве в суде присяжных, предусмотренный еще дореволюционным законодательством, позволяющий юридически тонко сочетать, казалось бы, малосовместимые справедливость и милосердие. В современном уголовном процессе данный институт существует в зачаточном, но весьма привлекательном виде, ожидая своего нравственно-правового развития, в частности, в ходе и с помощью сравнительно-правовых исследований. Обращает на себя внимание и авторская Концепция возрождения института следственных судей профессора А. В. Смирнова — не по вошедшему в свое время в моду, навязанному Западом, образцу *examining judge*, а в соответствии с отечественной традицией [2].

Если говорить об основных результатах компаративных исследований в области уголовно-процессуального права государств романо-германской и

англосаксонской правовых семей, то прежде всего следует выделить, рождение истины в споре об истине и концепцию «ключей к замку уголовно-процессуальной гармонии».

Дискуссия об истине как цели доказывания по уголовным делам является фундаментальной в отечественной процессуальной науке. Эта дискуссия стала особенно актуальной с взятым в 90-х годах прошлого столетия российским законодателем курсом на развитие состязательности уголовного процесса и обострилась в связи с введением в него несовместимых с материальной истиной как целью доказывания сделок с правосудием.

Рождению истины в споре об истине как цели доказывания может помочь осознание кардинальных различий в преобладающих философских, а именно, гносеологических воззрениях в странах общего и континентального права на ее познаваемость в принципе. Представители англосаксонской правовой семьи исходят из непознаваемости человеческим разумом объективной (материальной) истины. Вот почему в их уголовном процессе целью доказывания поставлена менее ценная по существу, но по их представлениям реально достижимая субъектом познания формальная (интерпретированная) истина [3, с. 147].

Суть Концепции ключа или кода к замку процессуальной гармонии, разработанной нами в результате комплекса проведенных сравнительно-правовых исследований, заключается в достижении последней за счет *сочетания* законодателем *по своей природе сочетаемых* (взаимосвязанных и взаимообусловленных) компонентов. Первый — это истина как цель доказывания — объективная (материальная) или формальная (интерпретированная). Второй — состав суда: суд профессионалов или суд шеффенов (без деления на судей факта и судей права) и суд присяжных (с делением на судей факта и судей права). Третий — критерии допустимости доказательств.

Объективная (материальная) истина как цель доказывания не может сочетаться с классическим судом присяжных, где судьи факта пассивно участвуют в исследовании доказательств, не полномочны задавать вопросы свидетелям, а свой вердикт не мотивируют, а стало быть, вышестоящий суд не может проверить его обоснованность — в этом специфика данной формы правосудия. По этой же причине ключевым моментом для рассмотрения дела судом присяжных является гарантия от возникновения предубеждения у судей факта, поэтому доказательства, способные его вызвать тем или иным образом, должны признаваться недопустимыми. Отсюда следует, что свойство допустимости доказательств в суде присяжных должно связываться в первую очередь с их содержанием, а не с соблюдением процессуальной формы при их получении. Принцип производства в суде, состоящем исключительно из судей-профессионалов, либо в суде шеффенов (включающем представителей народа,

не умудренных правовыми знаниями, например, германский вариант или суд с участием народных заседателей по законодательству СССР) позволяет судьям познать материальную истину. Приговор здесь обосновывается с помощью анализа доказательств и может быть отменен вышестоящим судом за несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Именно эта возможность проверки обоснованности приговора нивелирует опасность эффекта предубеждения судей и, следовательно, наполняет допустимость как свойство доказательств иным содержанием, нежели в суде присяжных.

Таким образом, первый код к замку от процессуальной гармонии — это объективная (материальная) истина как цель доказывания в сочетании с судом, состоящим исключительно из судей-профессионалов, либо судом шеффенов, и связанностью свойства допустимости доказательств с соблюдением процессуальной формы при их получении. Второй код — сочетание формальной (интерпретированной) истины как цели доказывания, суда присяжных и не влекущего эффекта предубеждения у присяжных содержания доказательств как критерия их допустимости.

Итак, компаративистика имеет существенное значение для развития национальной процессуальной науки, а именно:

- позволяет выйти за границы отечественных теорий и законодательства и оценить их взглядом извне;
- расширяет научный кругозор за счет знакомства с плюрализмом процессуальных доктрин;
- предоставляет возможность узнать и оценить вариативность концептуальных подходов к решению той или иной научной проблемы.

Перспективным направлением компаративистики в сфере уголовно-процессуального права с обнадеживающими предпосылками реализации отечественного потенциала видится осознание способов достижения гармонии между целью доказывания, составом суда и критериями допустимости доказательств.

---

1. Шестаков Д. А. Преступное вмешательство в государственный суверенитет и правовые рычаги противодействия ему [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский международный криминологический клуб. URL: <http://www.criminologyclub.ru/letopis/37-207-html> (дата обращения: 17.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Смирнов А. В. Концепция «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе» [Электронный ресурс] // Прецеденты и позиции. 2015. Вып. № 4. URL: <http://www.president-sovet.ru/files/ba/a8/baa8b5bfaf864cee750ff5f2fdf5a145.pdf> (дата обращения: 17.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Grande E. Dances of Criminal Justice: Thoughts on Systemic Differences and the Search for the Truth // Crime, Procedure and Evidence in a Comparative and International Context: Essays in Honour of Professor Mirjan Damaska / Edited by J. Jackson, M. Langer, P. Tillers. Oxford and Portland, Oregon, 2008. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.971

ДУХОВНОСТЬ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОМУ ЗЛУ

Д. А. Шестаков

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена,
заведующий криминологической лабораторией,
соучредитель и президент Санкт-Петербургского
международного криминологического клуба,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации

Аннотация. Всестороннее осмысление взаимодействия между культурой, антикультурой, преступностью и противодействием ей закладывает основу культурологической криминологии.

Ключевые слова: псевдокультура, антикультура, преступность, язык, духовность.

Annotation. Comprehensive comprehension of the interaction between culture, anti-culture, crime and counteraction to it lays the foundation of cultural criminology.

Keywords: pseudoculture, anticulture, crime, language, spirituality.

Теория «школы преступных подсистем» включает такие отрасли преступноведения, как семейная, политическая, экономическая, массово-коммуникативная, спортивная и медико-фармакологическая криминология, а также криминология закона. Вместе с тем назрела необходимость всесторонне осмыслить взаимосвязь: культура — антикультура — преступность — противодействие преступности, тем самым заложив основу криминологии культурологической.

Исходя из криминологико-философского подхода, сопоставляя произведения великих писателей (Гёте, Достоевского, Уайльда и др.), можно прийти к выводу: преступление (зло) заложено в само мироустройство, в которое одновременно «вплетено» и противодействие злу. В этом заключается источник поддержания жизни, ее развития.

Образ студента Родиона Раскольников из всемирно известного романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» весьма значим для преступноведения. Профессор Д. С. Мережковский отметил: «Раскольников представляет собой тип русский, причем, совершенно петербургский, обладающий необузданно-мятежным аристократизмом» [1, с. 114–164]. «Русский» тип преступника, потому что Раскольников, совершая преступление, не придает главенствующего значения материальным благам. Глубинная сущность русского

человека состоит в подсознательном пренебрежении материальными условиями жизни перед идеей сбережения самобытности и независимости народа в целом. Убийство старухи-процентщицы и ее сестры — «идеалистическое» убийство. Любопытно криминологическое рассуждение Д. С. Мережковского: «Раскольников, первый из людей, «выдумывает» и совершает действительно небывалое, неведомое в мире, новое преступление, такое, какого никто и никогда не совершал до него, преступление нового порядка нравственных измерений... — преступление для преступления — без расчета, без цели, без страсти, по крайней мере, без страсти сердца, только с холодной, отвлеченною страстью ума, познания, любопытства, опыта» [1, с. 145].

Рассуждая о развитии духовности личности, ее правовой культуре в аспекте противодействия преступности, стоит обратиться к семейной криминологии. Ведущая к преступлению любовная страсть, проблематика любовных убийств исследуется в русле семейной криминологии в первой половине 70-х — первой половине 80-х годов минувшего века. Определенной части супружеских, в том числе сожительских, убийств предшествует сильная эмоциональная зависимость (половая любовь), о чем свидетельствуют, в частности, попытки будущих убийц покончить с собой. Исследование этих семейных драм потребовало углубиться в психологию любовной страсти, вплоть до предложения ее формулы, которая представлена в книге «Убийства на почве семейных конфликтов» (1981, Д. А. Шестаков). Отметим, что мотивацией любовных убийств охватываются различные стремления: воспрепятствовать уходу любимого/любимой, отомстить за измену, уничтожить соперника или соперницу, добыть средства на совместную жизнь и другие мотивы. Известен случай, когда В. М. Ионесян в течение тридцати дней (с 10.12.1963 г. по 08.01.1964 г.), отчаянно стремясь обрести деньги для совместной жизни со страстно любимой сожительницей, совершил пять убийств в г. Москве и г. Иваново. Неумение и нежелание управлять любовной страстью становится двигателем преступного поведения. Обратим внимание также на то, что к основной мотивации любовного убийства зачастую относят ревность. Однако мы полагаем, что это не побуждение (не «мотив»), а мучительное переживание, которое может вылиться в побуждение к мести. Заметим, что страсти любовного убийства описаны во многих блестящих произведениях художественной литературы, вот только некоторые из них: «Отелло» В. Шекспира, «Цыганы» А. С. Пушкина, «Маскарад» М. Ю. Лермонтова, «Кармен» П. Мериме, «Леди Макбет Мценского уезда» Н. С. Лескова, часть их которых воплощена в оперной музыке: «Отелло» Д. Верди, «Кармен» Ж. Бизе, «Алеко» С. В. Рахманинова...

Подлинная культура имеет особую общественную значимость. Она, как отмечает Л. В. Головкин, не просто «все, сделанное человеком», но лучшее из им

сделанного. Культура нравственно и эстетически, через ощущение прекрасного, формирует людей, обретая особую, где-то даже священную значимость. В каком-то смысле мы через нее получаем наименее принудительные и наименее навязчивые нравственные правила, которые, безусловно, положительно влияют в том числе на преступность [2]. Л. В. Головкин отмечает ограничительное, в том числе сдерживающее преступность, значение культуры. Однако наряду с культурой возникает антикультура: кино и телепередачи, не имеющие какой-либо смысловой нагрузки, изображающие насилие и жестокость. Л. В. Головкин обращает внимание на то, что при отпадении ограничительной роли культуры пропадает и ее позитивное влияние на общество, влияние, которое помимо прочего сдерживает преступность [2].

Примером антикультуры служит мировое вредоносное видоизменение произведений классики. В основу такого «творчества» кладется признанное и проверенное временем произведение: пьеса, опера и т. д., которое слегка переделывается и переносится в наши дни. «Культура тут отбрасывает как нравственное содержание, так и регулятивную форму. Она подменяется экономической деятельностью с оглядкой на моду и сиюминутный спрос невзыскательной части публики» [2]. Криминогенная роль псевдокультуры начинает осознаваться в нашем обществе, о чем свидетельствует принятие Указа Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [3]. К числу традиционных ценностей законодатель убедительно относит: патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, историческую память и преемственность поколений, единство народов России... Очевидно, что проводимые в настоящее время в России реформы в области образования, науки, культуры и информационной деятельности, без учета национальных традиций и накопленного российским обществом опыта, затрудняют передачу традиционных ценностей от поколения к поколению, облегчают распространение деструктивной идеологии.

Согласно верным словам Л. В. Головкина, «сфера, где действуют культурные регуляторы, менее криминогенна, чем сфера, где они не действуют» [2].

Культура проявляется и в языке народа. В последнее время мы наблюдаем вокруг загроможденность иностранными словами, латинизмами. А ведь русский язык имеет возможность развивать и сам язык, обогащать его можно при необходимости новыми словами, исходя из потребностей науки. Языковое продвижение преступноведения уже происходит. Например, вместо слова «патриотизм» все чаще употребляется введенное А. П. Даниловым

благозвучное слово «родолюбие» [4, с. 28–33]. Язык — свет души народа. Русский язык — наше оружие, в том числе в области преступноведения. Надо заботиться о его самобытном развитии.

---

1. Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений Д. С. Мережковского в семнадцати томах. СПб. ; М. : Т-во М. В. Вольф, 1912. Т. 9 : Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество, религия. 251 с. [Вернуться к статье](#)

2. Головкин Л. В. Культура и преступность: необходимость выбора между ценностным и квазиобъективистским подходами [Электронный ресурс] // С.-Петерб. криминологический клуб. Режим доступа: <https://www.criminologyclub.ru/home/the-last-sessions/447-kriminologiya-kultury-2> (дата обращения: 05.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 9 нояб. 2022 г., № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Данилов А. П. Родолюбие и мы // Крым. юрид. чт. : материалы междунар. науч.-практ. конф., Симферополь, 11 мая 2012 г. / Нац. ун-т «Одесская юридическая академия» ; экономико-правовой факультет в г. Симферополь. Симферополь : Крымучпедгиз, 2012. С. 28–33. [Вернуться к статье](#)

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТРАСЛЕВОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ (БЕЛОРУССКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

УДК 341

ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПРАВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ГОСУДАРСТВЕННЫЕ (МУНИЦИПАЛЬНЫЕ) ЗАКУПКИ, КАК ПРЕДПОСЫЛКИ К РАЗВИТИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ О ЗАКУПКАХ

Ю. А. Амельченя

Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь,
ведущий научный сотрудник,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматривается текущее состояние правового регулирования государственных (муниципальных) закупок в праве Евразийского экономического союза, выявлены перспективные направления в его развитии, а также тенденции такого развития, состоящие в «догоняющем» характере норм, когда право евразийской интеграции адаптируется к национальному законодательству государств-членов. Предложен возможный вариант построения регулирования государственных (муниципальных) закупок в праве Евразийского экономического союза с учетом национальных интересов государств-членов.

Ключевые слова: государственные (муниципальные) закупки, процедура закупки, право Евразийского экономического союза.

Annotation. The article is analyzed the current legal regulation of public procurement in the Eurasian Economic Union law. Also the article is identified directions for further development and ongoing trends as well, which means that legal norms of the law of Eurasian integration are followed by national legislation of the member states. A possible decision to exclude such situation is formulated in the article taking into account the national interests of the member states.

Keywords: public procurement, procedure, Eurasian economic union law.

Право интеграционных объединений так или иначе оказывает влияние на содержание национального правового регулирования соответствующих сфер отношений или смежных с ними.

Если рассматривать Евразийский экономический союз (далее — Союз), то для права Союза данный тезис справедлив для сфер отношений, охватываемых правом Союза.

Для сферы государственных (муниципальных) закупок, регулируемой правом Союза, такое влияние прослеживается следующим образом. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее — Договор) содержит предписание об осуществлении закупок в государствах-членах согласно приложению № 25 к Договору (п. 3 ст. 88 Договора), которым является Протокол о порядке регулирования закупок (далее — Протокол).

Это означает, что государства-члены при установлении правового регулирования отношений в сфере государственных (муниципальных) закупок руководствуются положениями как ст. 88 Договора, так и предписаниями Протокола.

К компетенции Евразийской экономической комиссии (далее — Комиссия) отнесено осуществление мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, а также уведомление государств-членов о необходимости их исполнения, равно как осуществляется анализ законодательства государств-членов в сферах, регулируемых правом Союза (пп. 24, 43, 52 Положения о Комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору).

Таким образом, национальное законодательство о закупках подвергается анализу со стороны Комиссии. Но и сами государства-члены могут анализировать национальное законодательство, в том числе на предмет выявления препятствий для свободного движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы в рамках функционирования внутреннего рынка Союза (на основании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28 марта 2023 г. № 41 «Об утверждении Методологии квалификации препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза и признания барьеров и ограничений устраненными»), установления государством-членом особенностей осуществления закупок, связанных с необходимостью соблюдения конфиденциальности информации о потенциальных поставщиках до окончания осуществления закупки, а также в исключительных случаях на срок не более 2 лет — особенностей осуществления закупок отдельных видов товаров, работ и услуг (п. 11 Протокола) либо изъятий из национального режима (п. 31 Протокола).

С момента вступления в силу Договора с 1 января 2015 г. в него дважды вносились изменения в части уточнения компетенции уполномоченных государственных органов в сфере государственных закупок, оснований для закупки из одного источника, взаимного признания банковских гарантий и иных положений.

В то же время законодательство о государственных закупках государств-членов динамично развивается со скоростью, в разы превышающей скорость изменения Договора, и на сегодня мы сталкиваемся с разными подходами в регулировании государственных закупок, которые в ряде случаев не согласуются с правом Союза. Например, в законодательстве государств-членов предусмотрены иные, чем в Протоколе, виды процедур закупок, в частности, процедура закупки через электронный магазин в Российской Федерации (при функционировании агрегаторов торговли на основании распоряжения Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2018 г. № 824-р «О создании единого агрегатора торговли», ст. 38-1 Закона Республики Казахстан от 4 декабря 2015 г. № 434-V ЗРК «О государственных закупках»). Также в Республике Казахстан и в Кыргызской Республике предусмотрено рамочное соглашение (подп. 22-1 ст. 2, ст. 13, 31-1 Закона Республики Казахстан от 4 декабря 2015 г. № 434-V ЗРК «О государственных закупках», ст. 18 Закона Кыргызской Республики от 14 апреля 2022 г. № 27 «О государственных закупках»), однако надо признать, что в Республике Казахстан его конструкция применяется по результатам двухэтапного конкурса с использованием рамочного соглашения, где на первом этапе заключается рамочное соглашение, а на втором — договор, а в Кыргызской Республике рамочное соглашение понимается одновременно в двух значениях — как процедура (метод) и как договор по результатам закупки.

Также различается уровень цифровизации государственных закупок государств-членов, а именно:

- в Республике Казахстан предусмотрено принятие решений комиссией с подписанием протокола в виде электронного документа электронной цифровой подписью каждого из членов комиссии; закреплена так называемая автоматическая квалификация участников на основании автоматической проверки требований к участникам за счет интеграции информационных систем (ст. 9, 28, 33–35 Закона Республики Казахстан от 4 декабря 2015 г. № 434-V ЗРК «О государственных закупках»);
- в Кыргызской Республике по результатам процедуры заключается контракт в электронной форме — смарт-контракт (ст. 3, 39 Закона Кыргызской Республики от 14 апреля 2022 г. № 27 «О государственных закупках»); веб-порталом осуществляется автоматическое суммирование баллов по результатам оценки предложений, и на основании проведенной оценки веб-портал

автоматически генерирует протокол процедур закупок, который размещается на веб-портале государственных закупок (ст. 38 Закона Кыргызской Республики от 14 апреля 2022 г. № 27 «О государственных закупках»);

- в Российской Федерации контракт по результатам закупки заключается в электронном виде по результатам электронной процедуры и, более того, обеспечивается электронное активирование по договорным обязательствам (ст. 51, 94 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»).

Кроме этого, на фоне внешних макроэкономических и геополитических процессов и внутренних (национальных) приоритетов регулирования сферы государственных закупок, находящейся в прямой зависимости от бюджетного финансирования и ориентированной на достижение приоритетов социально-экономического развития государства-члена с учетом международных обязательств, в последние несколько лет происходит переосмысление концепции правовой регламентации государственных закупок.

Действительно, с доктринальной точки зрения, при приобретении государством товаров (работ, услуг) посредством государственных закупок создается «организованная конкуренция», или «закупочная конкуренция», в рамках которой государство удовлетворяет собственный интерес как публичного института, «направленный на достижение возможно выгодных условий, экономии бюджетных средств, исключение коррупции» [1, с. 67–68].

Вместе с тем следует признать, что во многом «государственная закупочная деятельность относится к традиционным инструментам протекционистской экономической политики» [1, с. 68], поскольку национальные интересы и поддержка местных производителей приоритетна и оправдывает ограничения, устанавливаемые для иностранных поставщиков.

Если национальные интересы в конкретный временной период диктуют государству или необходимость ограничивать конкуренцию, или ориентировать закупки на местных поставщиков, или оптимизировать сроки проведения, или исключить применение законодательства о государственных закупках для приобретения определенных товаров (работ, услуг), то практическая реализация проводимой государством политики будет осуществляться пропорционально [2]. Однако, как было отмечено, в контексте евразийской интеграции меры в сфере государственных закупок, принимаемые государством, должны согласовываться с предписаниями Договора и Протокола, позволяющими государствам-членам устанавливать как особенности закупок, так и изъятия из национального режима в сфере закупок.

Для Союза как экономической интеграции характерным является стратегическое планирование. В 2020 году Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» утверждены Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (далее — Стратегия 2025), для реализации положений которых разработан план мероприятий (утвержден распоряжением Совета Комиссии от 05.04.2021 г. № 4). На долгосрочную перспективу 25 декабря 2023 г. принята Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь».

Если рассматривать Стратегию 2025, то для сферы государственных закупок предполагается реализация комплекса мер по полноценной цифровизации государственных закупок в государствах-членах, информационная открытость и прозрачность закупок; взаимное признание банковских гарантий, сокращение изъятий из национальных режимов; обеспечение взаимного признания электронной цифровой подписи (электронной подписи) для целей государственных закупок на условиях национального режима.

В свою очередь, цифровизация предполагается за счет ряда мер, определенных распоряжением Коллегии Комиссии от 23 августа 2022 г. № 140 «Об утверждении перечня мер по полноценной цифровизации государственных (муниципальных) закупок в государствах — членах Евразийского экономического союза», где среди прочих содержатся: расширение способов закупки, проводимой в электронном формате (электронные магазины, рамочные соглашения и др.); автоматизация процесса оценки предложений участников при проведении конкурсов исходя из предусмотренных конкурсной документацией критериев оценки и сравнения предложений; автоматизации процессов формирования протоколов заседаний комиссии заказчика (организатора) и использования электронных цифровых подписей (электронных подписей) членов комиссии заказчика (организатора), а также формирования протоколов операторами электронных торговых площадок либо веб-портала; автоматизация квалификации (предквалификации) участников закупок посредством обеспечения информационного взаимодействия веб-портала (электронных торговых площадок) с иными информационными системами и ресурсами государства-члена с целью оперативного получения достоверной информации об этих участниках.

Несложно заметить, что предлагаемые в указанном выше распоряжении меры, которые своим положительным следствием должны иметь закрепление соответствующих норм в праве Союза, по своему содержанию отражают имеющиеся в некоторых государствах-членах правила осуществления

государственных закупок и видов процедур закупок, например, процедура электронного магазина и рамочные соглашения, автоматическая квалификация участников. В то же время возникает вопрос — должно ли право Союза следовать за национальным законодательством государств-членов и приводиться в соответствии с ним либо оно должно не мешать государствам-членам развивать национальное законодательство о государственных закупках в том направлении, которое приоритетно для конкретного государства — члена Союза, устанавливая принципы регулирования сферы закупок, равный доступ к трансграничным закупкам, недискриминацию, национальный режим и общие требования к процессу регулирования закупок в государствах-членах, оставляющие дискрецию для последних в выборе модели государственных закупок?

Как представляется, сдерживающий развитие национального законодательства о закупках и одновременно «догоняющий» характер регламентации государственных закупок в праве Союза не может в полной мере служить достижению целей функционирования Союза (ст. 4 Договора).

Более предпочтительным видится вариант установления правом Союза общих принципов и правил осуществления государственных закупок — отдельных на уровне Договора и Протокола, остальных — на уровне акта Комиссии (решения Совета Комиссии с возложением на него соответствующего полномочия), который при необходимости может быть скорректирован более оперативно, чем нормы Договора и Протокола.

---

1. Сидорчук В. К. Введение в европейское конкурентное право : учеб. пособие / под ред. Х. Хермана, С. А. Балашенко, Т. Борича. Минск : Зорны верасок, 2010. 180 с. [Вернуться к статье](#)

2. Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : 11 янв. 2021 г., № СЕ-2-2/7-20-БК. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 347.191

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА И ФОРМ УЧАСТИЯ В КОММЕРЧЕСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

А. С. Андрианова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин

***Аннотация.** Одной из организационно-правовых форм некоммерческих юридических лиц в Республике Беларусь являются религиозные организации. В статье рассмотрены особенности правового статуса и форм участия в коммерческих правоотношениях религиозных организаций.*

***Ключевые слова:** некоммерческое юридическое лицо, религиозная организация, правовой статус.*

***Annotation.** One of the organizational and legal forms of non-profit legal entities in the Republic of Belarus are religious organizations. The article considers the peculiarities of the legal status and forms of participation in commercial legal relations of religious organizations.*

***Keywords:** non-profit legal entity, religious organization, legal status.*

Некоммерческие юридические лица являются полифункциональными образованиями, которые с одной стороны выполняют консолидирующую роль, объединяя граждан и (или) юридических лиц, с другой стороны — являются самостоятельными участниками гражданского оборота, с третьей — удовлетворяют неэкономические интересы и потребности своих участников. Обладая всеми признаками юридического лица, правовой статус некоммерческих юридических лиц имеет свою специфику, определяемую целью создания и деятельности данных участников гражданско-правовых отношений.

Одной из организационно-правовых форм некоммерческих юридических лиц являются религиозные организации [1, п. 3 ст. 46]. В рамках данной статьи рассмотрим особенности правового статуса и форм участия в коммерческих правоотношениях религиозных организаций.

В соответствии со ст. 13 Закона Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-ХІІ «О свободе совести и религиозных организациях» (в ред. от 30.12.2023 г.), религиозные организации — «добровольные объединения граждан Республики Беларусь или религиозных общин, объединившихся на основе общности их интересов для удовлетворения религиозных потребностей и распространения информации о своем вероучении» [2, ст. 13].

Особенности создания и государственной регистрации религиозных организаций в Республике Беларусь отражены в таблице (Таблица). Следует

отметить, что универсальный порядок создания общественных объединений в Республике Беларусь применяется и в отношении религиозных организаций.

Таблица

Особенности создания и государственной регистрации религиозных организаций в Республике Беларусь

Учредители (члены)	Граждане, достигшие 18-летнего возраста, приверженцы единого вероисповедания
Минимальное количество учредителей (членов)	Не менее 20 учредителей
Регистрирующий орган	Областные, Минский городской исполнительные комитеты; Уполномоченный по делам религий и национальностей
Документы, подаваемые для регистрации	Заявление о государственной регистрации, устав, протокол учредительного съезда (собрания), список учредителей, документ, подтверждающий право размещения религиозного объединения по месту нахождения, указанному в уставе

Для характеристики правового статуса религиозной организации как участника гражданско-правовых отношений обратимся к признакам юридического лица [3, с. 4–9]:

1. Участие в гражданском обороте от собственного имени. Так, законодательно закреплено, что религиозные организации при осуществлении своей деятельности, в том числе и выпуске литературы и иных материалов, обязаны указывать не только свое полное наименование, но и конфессиональную принадлежность [2, ст. 27].

2. Имущественная обособленность. Имущество религиозных организаций включает в себя две группы объектов:

- имущество, передаваемое религиозной организации на праве оперативного управления, например, культовые здания и иные объекты, имеющие историко-культурную ценность;

- имущество, находящееся в собственности религиозной организации.

Источниками формирования данного имущества являются собственные средства организации, полученные от осуществления не противоречащей уставным целям деятельности, пожертвования, передача тех либо иных объектов права собственности государством либо религиозными объединениями [2, ст. 33].

При этом следует отметить, что имущество религиозной организации имеет целевое назначение — отправление культа и связанная с ним социально-полезная деятельность (культурная, образовательная, благотворительная и др.).

3. Организационное единство. В белорусском законодательстве не установлены четкие требования к структуре, системе органов управления религиозных организаций, порядку их формирования и полномочиям [2, ст. 19]. Все эти вопросы решаются учредителями с учетом специфики той либо иной религии (религиозной традиции) и находят закрепление в уставе религиозной организации при ее создании.

4. Самостоятельная имущественная ответственность. По общему правилу религиозная организация как некоммерческое юридическое лицо самостоятельно отвечает по своим обязательствам. И в то же время не на все имущество религиозной организации может быть обращено взыскание по требованиям кредиторов. К имуществу, на которое не может быть обращено взыскание по обязательствам религиозной организации, относится движимое и недвижимое имущество культового назначения [2, ст. 36].

Как уже отмечалось, религиозные организации как некоммерческие юридические лица могут быть участниками гражданского оборота, осуществляя деятельность, которая приносит доход, но не является предпринимательской. К таким видам деятельности относятся:

1. Богослужения, религиозные обряды, ритуалы, культы, церемонии [2, ст. 25], целью которых является соединение человека с Богом, назидание верующих и т. д.

2. Миссионерская деятельность [2, ст. 26], осуществляемая с целью распространения информации о вероучении и вовлечении в состав участников религиозной организации новых членов. Данный вид деятельности не должен носить деструктивный характер, т. е. наносить вред жизни, здоровью граждан, нарушать общественный порядок, посягать на нормы и ценности белорусского общества и т. д.

3. Производство, приобретение, распространение религиозной литературы и предметов религиозного назначения [2, ст. 27]. Законодательно установлены требования к содержанию литературы и иных информационных материалов:

- не должно противоречить идеологии белорусского государства;
- не должно способствовать дестабилизации обстановки в обществе посредством пропаганды расовой розни и неприязни, экстремистской деятельности и т. д.

4. Паломническая деятельность, направленная на организацию посещения верующими исторически значимых для данной религии мест с целью поклонения святыням [2, ст. 28].

5. Благотворительная и социальная деятельность религиозных организаций [2, ст. 29]. Цель данной деятельности — решение актуальных для общества социальных проблем, а потому государство не только разрешает осуществление данной деятельности, но и участвует в ее финансировании, оказывает содействие в ее реализации.

6. Создание средств массовой информации [2, ст. 30].

7. Образовательная деятельность по подготовке священнослужителей, теологов и религиозного персонала, которая осуществляется в рамках духовных учебных заведений [2, ст. 31].

8. Международное сотрудничество [2, ст. 32].

9. Использование имущества, находящегося в собственности юридических и физических лиц [2, ст. 33]. При этом религиозные организации вступают в договорные отношения с иными субъектами гражданского права.

10. Коммерческая деятельность религиозных организаций, осуществляемая исключительно в целях, для которых данные организации созданы [2, ст. 34]. Например, закупка товаров с целью их перепродажи либо использования в собственном производстве товаров для продажи (к примеру, закупка пчелиного воска для производства и продажи свечей).

Следует отметить, что основной доход религиозные организации получают не от осуществления той либо иной коммерческой деятельности, а от пожертвований, взносов членов данной религиозной организации, прихожан. При этом взносы имеют добровольный характер и не предполагают получение взамен вещи, работы, услуги. Размер пожертвований нигде не установлен и определяется каждым физическим либо юридическим лицом самостоятельно.

Религиозные организации могут производить и реализовывать товары, предназначенные не только для отправления культа, но и для повседневного потребления, например, мед, овощи, посуду, объекты изобразительного искусства, сувениры и т. д. Полученная от данной деятельности прибыль не распределяется между членами религиозной организации, а направляется на реализацию уставных целей.

Опосредованное участие религиозных организаций в торговом обороте реализуется через выполнение роли организатора взаимодействия между производителями (членами религиозной общины, прихожанами) и потребителями: определяются правила поведения субъектов, гарантируется определенная степень доверия со стороны покупателей в отношении произведенных товаров, что способствует повышению уровня конкурентоспособности предлагаемой продукции. К примеру, в период религиозных праздников организуется проведение ярмарок, где представлены как результаты собственного производства религиозных организаций, так и иных производителей.

Таким образом, религиозные организации, обладая всеми признаками юридического лица, являются участниками гражданско-правовых отношений. Как некоммерческое юридическое лицо, религиозная организация может осуществлять деятельность, позволяющую получать доход, но не являющуюся предпринимательской деятельностью, поскольку цель религиозной организации не получение прибыли, а удовлетворение религиозных потребностей членов данной организации, а также распространение информации о проповедуемом вероучении.

---

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2024 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. О свободе совести и религиозных организациях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 дек. 1992 г., № 2054-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2011 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Чигир В. Ф. Юридические лица (коммерческие и некоммерческие организации) Республики Беларусь. Минск : Амалфея, 2012. 320 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 342

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ТЕХНИЧЕСКИХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

С. В. Андрощук

Национальный центр правовой информации Республики Беларусь,
ведущий специалист по обеспечению основной деятельности управления
обязательной юридической экспертизы
технических нормативных правовых актов

Аннотация. Рассматривается обязательная юридическая экспертиза как средство для обеспечения внутреннего и внешнего контроля качества разрабатываемых технических нормативных правовых актов. Отмечается, что обязательная юридическая экспертиза позволяет избежать возможных несоответствий, возникающих на этапе «рождения» технического нормативного правового акта, или скорректировать их.

Ключевые слова: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, технический нормативный правовой акт, обязательная юридическая экспертиза технических нормативных правовых актов, контроль качества технических нормативных правовых актов.

Annotation. The article considers obligatory legal expertise as a means of ensuring internal and external quality control of technical normative legal acts. The author notes that obligatory legal expertise helps to prevent or correct deficiencies that arose in the process of «birth» of a technical normative legal act.

Keywords: National center of legal information of the Republic of Belarus, technical normative legal act, obligatory legal expertise of technical normative legal acts, quality control of technical normative legal acts.

В современных условиях развития общества наблюдается тенденция постоянного совершенствования нормотворческого процесса, в ходе которого также уделяется должное внимание повышению качества законодательства путем проведения соответствующих экспертиз. В научной литературе под словом «экспертиза» (expertus — опытный) понимается чаще всего исследование специалистом (экспертом или группой экспертов) определенных вопросов, разрешение которых требует специальных познаний в области науки, техники, искусства, права и так далее. В теории права в основу классификации видов экспертиз положены различные критерии. Так, в зависимости от отрасли знаний экспертизы принято подразделять на юридическую, лингвистическую, экологическую, финансово-экономическую и иные.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, именно благодаря проведению юридической экспертизы значительно улучшается качество актов, предотвращаются возможные противоречия, коллизии и правовая неопределенность, исключаются возможные негативные последствия при реализации нормативных предписаний [1]. Будучи традиционным и апробированным видом экспертизы, основной целью обязательной юридической экспертизы (далее — ОЮЭ) является построение эффективной системы законодательства, которая отвечает национальным интересам.

Республикой Беларусь одной из первых на постсоветском пространстве урегулирован на законодательном уровне ряд вопросов, связанных с проведением ОЮЭ технических нормативных правовых актов (далее — ТНПА) и их проектов. В развитие норм об ОЮЭ новый Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее — Закон) расширяет перечень актов и их проектов, подлежащих такой экспертизе. В соответствии с частью 1 пункта 5 статьи 25 Закона, проекты ТНПА подлежат ОЮЭ и (или) иным экспертизам в соответствии со статьей 47 Закона и иными законодательными актами. Так, в соответствии с абзацем 8 части 2 пункта 1 статьи 47 Закона, ОЮЭ проводится в отношении проектов ТНПА, не относящихся к области технического нормирования и стандартизации, подготовленных нормотворческими органами (должностными лицами), — их юридическими службами [2].

В соответствии с подпунктом 3.2 пункта 3 Типового положения о юридической службе республиканского органа государственного управления и иной организации, подчиненных Правительству Республики Беларусь, местного исполнительного и распорядительного органа, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2008 г. № 2070 «О некоторых мерах, направленных на повышение роли и качества работы юридических служб» [3], юридическая служба государственного органа в соответствии с возложенными на него задачами проводит ОЮЭ в отношении проектов нормативных правовых актов государственного органа, ТНПА, не относящихся к области технического нормирования и стандартизации.

Таким образом, на этапе разработки проекта ТНПА проводимая юридическими службами ОЮЭ призвана обеспечить внутренний контроль качества. Однако такой контроль не ограничивается только ОЮЭ, и в зависимости от вида разрабатываемого ТНПА возможно проведение иных экспертиз.

Внешний контроль качества осуществляется в иных государственных органах, организациях как в отношении ТНПА, так и их проектов. Сюда относится, например, согласование проекта ТНПА акта, проведение ОЮЭ ТНПА.

ТНПА, являющиеся в соответствии с законодательными актами и постановлениями Правительства обязательными для соблюдения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями (за исключением ТНПА, утверждаемых юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, технических регламентов Республики Беларусь и ТНПА, содержащих государственные секреты), подлежат ОЮЭ, проводимой Национальным центром правовой информации Республики Беларусь (далее — НЦПИ, Центр), на предмет их соответствия законодательным актам и постановлениям Правительства, а также наличия в них положений, требующих урегулирования на уровне нормативных правовых актов, не являющихся ТНПА.

НЦПИ располагает всеми необходимыми ресурсами для проведения такой экспертизы: имеется квалифицированный кадровый состав, разработаны и внедрены информационно-технологические решения, сформирована необходимая материальная база, выстроены механизмы взаимодействия в системе государственного управления.

Закрепление за Центром задачи по проведению ОЮЭ ТНПА также связано с тем, что эта организация обеспечивает функционирование государственной системы правовой информации Республики Беларусь посредством осуществления сбора и учета, обработки и хранения, систематизации и актуализации правовых актов, а также их официального опубликования. НЦПИ накоплен необходимый опыт за более чем 25-летнюю деятельность в сфере работы с правовой информацией, созданы и активно эксплуатируются государственные информационно-правовые ресурсы, обеспечена регламентация процессов распространения (предоставления) правовой информации [4].

На базе Центра в стране сформированы условия для работы с ТНПА: акт передается в НЦПИ, где проводится его ОЮЭ, при положительном заключении документ включается в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, при необходимости возможно проведение его редакторской доработки, далее он официально публикуется на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь и становится для всех доступным. Данные процессы посредством автоматизированной информационной системы (далее — АИС), обеспечивающей формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь, реализуются в электронной форме, тем самым обеспечивая единую технологическую цепочку движения ТНПА от его принятия до официального опубликования.

В дальнейшем с учетом положений Указа Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 415 «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности» [5] указанные процессы будут осуществляться в АИС «Нормотворчество». Дальнейшее развитие АИС «Нормотворчество»

предусмотрено в соответствии с подпунктом 29.1 пункта 29 комплекса мероприятий Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси на 2021–2025 годы», утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 [6]. Как справедливо отмечает Е. И. Коваленко, «внедрение АИС “Нормотворчество” в практическую деятельность станет очередным этапом в развитии государственной системы правовой информации и национальной правовой системы в целом, позволит повысить оперативность принятия и вступления в силу актов законодательства, сократить затраты на документооборот, сроки официального опубликования правовых актов, обеспечить осуществление мониторинга правоприменения» [7]. Кроме того, посредством данной системы будет предоставлена возможность комплексного анализа нормотворческих процессов, тем самым одновременно будет обеспечена экономия финансовых, временных и кадровых ресурсов государственных органов (организаций), задействованных в процессах принятия, экспертизы и официального опубликования ТНПА.

ОЮЭ проведена в отношении 4 150 ТНПА общим объемом свыше 298 тысяч страниц. Из них отрицательные заключения получили около 0,4 % документов только за первый год существования экспертизы. Нормотворческим органам без проведения экспертизы (в том числе и связи с необходимостью значительной доработки акта) было возвращено 13 % ТНПА. При этом были доработаны в процессе экспертизы 65 % актов, положительно прошедших экспертизу.

Таким образом, посредством обеспечиваемого ОЮЭ внутреннего и внешнего контроля качества ТНПА предотвращаются возможные коллизии, противоречия и правовая неопределенность, исключаются возможные негативные последствия при реализации нормативных предписаний.

В качестве направлений проведения ОЮЭ ТНПА на современном этапе ее развития видится следующее:

- проведение ОЮЭ ТНПА априори, что, в свою очередь, обеспечивает юридическую чистоту технического регулирования на ведомственном уровне, препятствует необоснованному разрастанию нормативного массива, способствует формированию благоприятного бизнес-климата и устранению различного рода барьеров в деятельности субъектов хозяйствования и граждан, защите их интересов, а также позволяет повысить уровень ответственности разработчиков и, соответственно, качество и доступность данных актов;
- обеспечение соблюдения базовых принципов нормотворческой деятельности, в том числе принципа системности и комплексности правового регулирования общественных отношений, а также соблюдения основных требований нормотворческой техники, предъявляемых к разработке, содержанию и

построению ТНПА, в том числе в части единства, единообразия и преемственности используемой терминологии и применения единых гармонизированных подходов нормотворческой техники при подготовке ТНПА всех видов;

- максимальное привлечение к участию в разработке ТНПА работников юридических служб как государственных органов и организаций, так и местных исполнительных и распорядительных органов, исключение в их работе формализма, а также расширение практики экспертного участия таких специалистов при проведении ОЮЭ всего массива ТНПА, обязательность соблюдения которого предполагается придать на территории Республики Беларусь;

- информационные технологии являются неотъемлемой частью работы по проведению ОЮЭ ТНПА. Поиск новых средств цифровизации нормотворческого процесса, их совершенствования станет важным этапом в развитии государственной системы правовой информации Республики Беларусь и национальной правовой системы в целом, что повлияет на повышение эффективности нормотворческой деятельности и оперативность принятия и вступления в силу ТНПА, а также сокращение затрат государственных органов на документооборот.

---

1. Боголейко А. М. К вопросу определения качества и эффективности нормативных правовых актов и их проектов органов государственной власти [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/218019/1/15-27.pdf> (дата обращения: 30.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. О некоторых мерах, направленных на повышение роли и качества работы юридических служб [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 дек. 2008 г., № 2070. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Мательский А. Ф. 25-летие Национального центра правовой информации Республики Беларусь: итоги и перспективы // Право.by. 2022. № 5. С. 5–15. [Вернуться к статье](#)

5. О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 17 нояб. 2020 г., № 415. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси на 2021–2025 годы» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 февр. 2021 г., № 66. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. Коваленко Е. И. Планово, оперативно, качественно — новое в законодательстве о нормотворческой деятельности // Право.by. 2021. № 1. С. 5–12. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.13

**ТРАНСПОРТНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ —
СФЕРА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ФУНКЦИЙ
СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА****И. В. Астраханцев**

Западное линейное управление МВД России на транспорте
по Северо-Западному федеральному округу (Калининград),
начальник управления

Аннотация. Статья посвящена вопросам обеспечения транспортной безопасности — составляющей национальной безопасности современного государства. Определены трудности, с которыми столкнулся транспортный комплекс России в условиях осложнения международных отношений и появления новых угроз национальной безопасности. Охарактеризованы проблемы обеспечения транспортной безопасности России в сфере авиации.

Ключевые слова: национальная безопасность, угрозы национальной безопасности, транспортная безопасность, транспортная инфраструктура, транспортная безопасность в сфере авиации.

Annotation. The article is devoted to the issues of ensuring transport security, which is a component of the national security of a modern state. Certain difficulties faced by the Russian transport complex in the context of the complication of international relations and the emergence of new threats to national security. The problems of ensuring the transport security of Russia in the field of aviation are characterized.

Keywords: national security, threats to national security, transport security, transport infrastructure, transport security in the field of aviation.

Важнейшей составляющей функционирования современного государства является обеспечение его безопасности [1; 2; 3] в условиях глобализационных процессов, цифровизации общественных отношений [4; 5] и возникновения новых угроз национальной безопасности [6].

Элементом национальной безопасности является транспортная безопасность [7; 8; 9]. В актуальных условиях внутригосударственной и внешнеполитической ситуации на фоне складывающейся оперативной обстановки остро проявляются отдельные трудности и противоречия, оказывающие негативное влияние на общую эффективность обеспечения транспортной безопасности Российской Федерации [10, с. 34–35]. Проблемы обеспечения транспортной безопасности имеют выраженный системный характер, что свидетельствует об их комплексной причинно-следственной обусловленности [11, с. 6–7].

Опыт проведения специальной военной операции и функционирования российского государства в условиях действия санкций в отношении Российской Федерации, а также ее изоляции от внешнеэкономических, торговых и индустриальных связей является предметом исследования.

стриальных связей выявил ряд специфических трудностей в данной сфере. Трудности, с которыми столкнулся транспортный комплекс страны в течение 2022–2024 гг., получили осмысление и на высшем государственном уровне («Надо обязательно сделать все для того, чтобы новая техника поступила в города и заменила устаревшую, чтобы наше отечественное производство конкурировало с зарубежными аналогами, а безопасность транспортных процессов была обеспечена на высшем уровне» [12], — констатировал Президент Российской Федерации В. Путин), и на уровне профильных министерств и ведомств («Транспортный комплекс России преодолевает трудности, возникшие из-за западных санкций, и должен двигаться вперед. Главное — не допустить его отставания и делать упор на отечественные разработки» [13], подчеркнул Председатель Правительства России М. Мишустин; министр транспорта России В. Савельев охарактеризовал проблемы с логистикой в Российской Федерации в связи с антироссийскими санкциями [14]). В зависимости от сферы проявления трудности, с которыми столкнулся транспортный комплекс России, можно разделить на два блока:

– трудности военно-политического характера (реализация рядом недружественных стран угроз военного характера в сфере транспортной безопасности России (совершение диверсий, угроз и прямых актов агрессии в отношении объектов транспорта и транспортной инфраструктуры); ведение агрессивных наступательных боевых действий с применением беспилотных летательных аппаратов и иных дистанционных средств вооружения в непосредственной близости от важных транспортных узлов и вызванная этим необходимость прекращения их функционирования; проявление актов агрессии, в том числе военного характера, в отношении российских морских судов, железнодорожных и автомобильных подвижных составов, следующих через акватории и территории иностранных государств; попытки несанкционированного проникновения в воздушное пространство Российской Федерации и др.);

– трудности экономического характера (прекращение сервисного обслуживания и поставки комплектующих деталей для объектов транспорта в соответствии с ранее заключенными контрактами и договорами; сворачивание программ повышения квалификации специалистов (пилотов воздушных и морских судов, специалистов по транспортной безопасности и охране труда в данной сфере и т. д.), непосредственно участвующих в обеспечении транспортных процессов; блокирование объектов транспорта, а также перевозимых ими товаров и грузов, находящихся в экономическом пространстве иностранных государств; активное воспрепятствование торгово-экономическим связям в приграничных регионах России путем введения дополнительных квот, правил и требований, связанных с перемещением товаров и грузов как с территории Рос-

сийской Федерации (на импорт), так и из ввоза на территорию страны из-за рубежа (экспортируемых товаров)).

Выявленные тенденции наряду с явными затруднениями в данной сфере требуют поиска эффективных путей их преодоления, что способствует развитию внутренних возможностей государства, расширению инновационных, промышленных и производственных возможностей его хозяйствующих субъектов. Так, например, по состоянию на начало 2024 г. в Российской Федерации отмечен рост производственной активности в сфере машино- и вагоностроения по обеспечению потребностей общественного транспорта страны, расширению его мощностей и повышению пассажиропотока, а также повышению уровня транспортной безопасности в условиях его эксплуатации. (По сообщению пресс-службы Министерства инвестиций, промышленности и науки Московской области, в настоящее время девять из десяти вагонов метро в России изготовлены в Подмоскowie на предприятии «Метровагонмаш» в Мытищах. Помимо изготовления подвижного состава «Метровагонмаш» поставляет запасные части, осуществляет капитальный ремонт и модернизацию, а также сервисное обслуживание своей продукции. В разные годы завод поставлял подвижной состав для метрополитенов и железных дорог России, Беларуси, Армении, Грузии, Азербайджана, Узбекистана, Сербии, Монголии и других стран [15; 16]).

Особого внимания заслуживают проблемы обеспечения транспортной безопасности в сфере авиации. Вскоре после начала специальной военной операции и последовавшего за этим массового введения иностранными государствами экономических санкций в отношении нашей страны Правительством Российской Федерации было принято Постановление от 12 мая 2022 г. № 353 [17], в соответствии с которым продлено действие на период до конца 2022 г., а в дальнейшем — на весь 2023 г. иностранных разрешительных документов в сфере авиации (сертификатов летной годности на эксплуатируемые в Российской Федерации самолеты иностранного производства, талонов годности авиакomпонентов, применяемых в процессе технического обслуживания парка самолетов, и ряда иных разрешительных и лицензионных документов). В соответствии с данным нормативным правовым актом эксплуатантами воздушных судов начали устанавливаться импортные комплектующие, изготовленные в третьих странах, в обход стран — разработчиков и производителей воздушных судов.

Несмотря на то, что вопросы обеспечения воздушных судов, эксплуатируемых российскими авиакомпаниями, необходимыми комплектующими, а также процессы поддержания их надлежащего технического состояния не находятся в прямой взаимосвязи с актами возможного незаконного вмешательства в функционирование объектов транспортной инфраструктуры и

транспортных средств, действия стран, изначально принявших на себя обязательства по их обслуживанию и сервисной комплектации, по одностороннему отказу в продолжении исполнения данных обязательств можно рассматривать именно в качестве таковых. Данное обстоятельство подтверждается заранее осознаваемой недружественными странами зависимостью Российской Федерации от производственных и эксплуатационных мощностей авиационных концернов Airbus, Boeing, Embraer и др. Так, в соответствии с официальными данными Министерства транспорта Российской Федерации, по состоянию на декабрь 2022 г. парк российских авиакомпаний суммарно состоял из 801 самолета «основной авиации». При этом воздушных судов производства Airbus насчитывалось 298, производства Boeing — 236, прочих самолетов иностранного производства (Embraer и пр.) — 23. Еще 78 самолетов иностранного производства, принадлежащих авиакомпаниям России, были арестованы в феврале – марте 2022 г. по требованиям иностранных лизингодателей за рубежом [18]. Это свидетельствует о том, что результатом введения экономических санкций против Российской Федерации явилось усиление угроз транспортной безопасности государства непосредственно в сфере эксплуатации воздушного транспорта.

Анализируя возникшие на современном этапе угрозы военного характера, необходимо обратить внимание на практику, связанную с совершением актов незаконного вмешательства с применением взрывных устройств различной поражающей мощности, применяемых преступно настроенными лицами на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры. Обобщение этой практики позволяет констатировать, что осуществляться данные действия могут как лицами (в том числе гражданами России), завербованными иностранными спецслужбами, так и специально подготовленными диверсионными группами противника. Пример — происшествие на Крымском мосту. (Следственный комитет России сообщил, что в связи с происшествием на Крымском мосту возбуждено уголовное дело о теракте. По данным следствия, в ночь на 17 июля 2023 г. в результате теракта, совершенного спецслужбами Украины, была повреждена одна из секций Крымского моста, погибли мужчина и женщина, ехавшие на легковом автомобиле по мосту, их несовершеннолетняя дочь получила ранения [19]). Произошедшее на Крымском мосту указывает на то, что использование злоумышленниками в преступных целях транспортных средств способствует усилению результативности действий, поскольку, во-первых, позволяет маскировать взрывчатые вещества, а во-вторых, повышать оперативность действий преступников. При этом поражающие воздействия на объект транспортной инфраструктуры оказываются масштабными и разрушительными, поскольку

объем перевозимых и используемых для теракта веществ ограничен только объемом и вместимостью транспортного средства.

В сложившихся военно-политических условиях целями актов незаконного вмешательства все чаще становятся не конкретные объекты транспорта, а стратегически важные объекты транспортной инфраструктуры — мосты, пассажирские и грузовые терминалы, путепроводы, газо- и нефтепроводы, в том числе международного значения, находящиеся в экономических пространствах и под юрисдикцией иностранных государств. Наглядно проявляется специфика преступных умыслов радикально настроенных лиц, реализуемых в сфере транспортной безопасности страны, по нанесению максимального урона объектам транспортного комплекса, расположенным не только на территории приграничных субъектов России, непосредственно примыкающих к линии боевого соприкосновения с силами противника, но и на всей территории Российской Федерации.

Данное обстоятельство закономерно способствует корректировке требований по обеспечению транспортной безопасности для всех субъектов системы ее обеспечения путем включения в перечень осуществляемых ими мероприятий дополнительных действий: увеличения числа досматриваемых транспортных средств и граждан, следующих в пассажиропотоке; сканирования перевозимых грузов; внедрения в практику современных технических средств, позволяющих выявлять и распознавать запрещенные к перемещению материалы, вещества и изделия; увеличения штата работников подразделений транспортной безопасности субъектов; расширения числа комплексов по досмотру транспортных средств на магистралях и стратегически важных объектах (мостах, путепроводах и т. д.). Нередко это приводит к замедлению пассажиропотока и снижению пропускной способности объектов транспортной инфраструктуры. Имеют место и отдельные факты задержки отбытия рейсовых воздушных судов по причинам усиления мер контроля либо в связи с выявлением потенциально опасных объектов в зданиях аэровокзалов. Тем не менее приоритетность реализации данных мер отвечает интересам обеспечения транспортной безопасности в целом, а также признается и поддерживается непосредственными участниками транспортных процессов — пассажирами.

Таким образом, выявленные проблемы в сфере обеспечения транспортной безопасности в Российской Федерации характеризуют актуальное состояние системы ее обеспечения, определяют основные векторы сосредоточения усилий государства и обеспечивающих ее субъектов по данному направлению. Это указывает на необходимость поиска путей, направлений и способов совершенствования законодательства в сфере обеспечения транспортной

безопасности и мер, осуществляемых субъектами, включенными в систему ее обеспечения.

1. Нижник Н. С. Национальная безопасность: концептуальные основания и феноменологическая характеристика // *Междунар. сообщество и глобализация угроз безопасности* : сб. науч. докл. : в 2 ч. / отв. ред.: В. В. Грохотова, Б. Н. Ковалев, Е. А. Макарова. Великий Новгород : Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2008. С. 69–88. [Вернуться к статье](#)

2. Нижник Н. С. Безопасность личности, общества и государства: плюрализм подходов к моделированию системы обеспечения // *Правовая политика в сфере обеспечения пожарной безопасности, гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий* : материалы круглого стола, Санкт-Петербург, 4 июня 2014 г. / под общ. ред. Э. Н. Чижилова, А. В. Малько, С. Б. Немченко ; сост. А. А. Смирнова, Н. И. Уткин. СПб. : С.-Петерб. ун-т Гос. противопожарной службы М-ва Рос. Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2016. С. 109–114. [Вернуться к статье](#)

3. Дерюгин А. А., Нижник Н. С. Концептуальные основы общей теории национальной безопасности России : учеб. пособие / под ред. проф. С. Г. Лысенкова. СПб. : С.-Петерб. воен. ин-т войск нац. гвардии Рос. Федерации, 2018. 93 с. [Вернуться к статье](#)

4. State and law: transformation vectors in modern conditions / N. S. Nizhnik [et al.] // *SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium»*. Kaliningrad, 2021. P. 01015. [Вернуться к статье](#)

5. Нижник Н. С., Алиев Я. Л. Доктрина юридического прогнозирования: определение сценариев развития государственно-правовых явлений // *Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения)* : Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 26 марта 2021 г. / под общ. ред. А. И. Каплунова. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2021. С. 133–138. [Вернуться к статье](#)

6. Астраханцев И. В. Защищенность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства как предмет исследований в российской юридической науке // *Ученые зап. Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Юрид. науки*. 2023. Т. 9. № 3. С. 10–20. [Вернуться к статье](#)

7. Астраханцев И. В. Транспортная безопасность — элемент национальной безопасности Российской Федерации // *Прагматика гуманитарного знания: социально-правовые и философские аспекты* : материалы III Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 28–29 апр. 2023 г. / науч. ред. А. Е. Смирнов. Иркутск, 2023. С. 100–104. [Вернуться к статье](#)

8. Астраханцев И. В. «Транспортная безопасность»: об особенностях формирования понятия в российском праве // *Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований* : материалы всерос. науч.-практ. конф. адъюнктов, аспирантов и соискателей / сост. Э. Р. Миргородская. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2022. С. 16–22. [Вернуться к статье](#)

9. Астраханцев И. В. Особенности нормативного закрепления понятия «транспортная безопасность» в российском законодательстве // *XI Балт. юрид. форум*

«Закон и правопорядок в третьем тысячелетии» : материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. С. В. Векленко. Калининград : Калинингр. фил. С.-Петерб. ун-та МВД России, 2023. С. 84–85. [Вернуться к статье](#)

10. Борисов А. В. Криминологическая теория транспортной безопасности Российской Федерации. М. : Юрлитинформ, 2023. 184 с. [Вернуться к статье](#)

11. Ирошников Д. В. Безопасность как правовая категория: концептуальная модель. М. : РУСАЙНС, 2023. 454 с. [Вернуться к статье](#)

12. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Администрация Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 11.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

13. Мишустин обозначил шесть приоритетов для транспортного комплекса РФ [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2023/11/15/dvizhenie-po-glavnoj-doroge.html> (дата обращения: 11.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

14. В Минтрансе заявили о проблемах с логистикой в России из-за санкций [Электронный ресурс] // Информационная группа «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/russia/842137> (дата обращения: 13.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

15. Девять из десяти вагонов метро в России изготовлены в Подмосковье [Электронный ресурс] // Газета «Ведомости». URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2024/02/19/devyat-iz-desyati-vagonov-metro-v-rossii-izgotovleni-v-podmoskove (дата обращения: 12.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

16. Вячеслав Володин в Тверской области побывал на заводе по производству трамвайных вагонов [Электронный ресурс] // Первый канал. URL: https://www.1tv.ru/news/2024-03-11/472519-vyacheslav_volodin_v_tverskoy_oblasti_pobyval_na_zavode_po_proizvodstvu_tramvaynyh_vagonov (дата обращения: 12.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

17. Об особенностях разрешительных режимов в сфере авиации [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Рос. Федерации, 12 мая 2022 г., № 353 (в ред. по сост. на 10 октября 2023 г.) // Официальный портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=602929379> (дата обращения: 09.01.2024). [Вернуться к статье](#)

18. Транспорт России: информационно-статистический бюллетень. 2022 год [Электронный ресурс] // М-во транспорта Рос. Федерации. URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/2/12386?type=> (дата обращения: 07.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

19. СК возбудил дело о теракте после атаки на Крымский мост [Электронный ресурс] // Редакция «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2023/07/17/sk-vozbudil-delo-o-terakte-posle-ataki-na-krymskij-most.html> (дата обращения: 01.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 347.78

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ АВТОРСКОГО ПРАВА И СМЕЖНЫХ ПРАВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. С. Блинников

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры правовых дисциплин,
магистр юридических наук

Аннотация. В статье проанализированы некоторые виды нарушений права интеллектуальной собственности, порядок привлечения к ответственности лиц, совершивших данные нарушения.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, юридическая ответственность, авторское право и смежные права.

Annotation. The article analyzes the types of intellectual property violations and the procedure for bringing to justice those who committed these violations.

Keywords: intellectual property, legal liability, copyright and related rights.

В нынешнее время вопросы защиты прав интеллектуальной собственности приобретают все большее значение, от их эффективности напрямую зависят интересы всех участников экономических отношений, а также инновационное развитие Республики Беларусь.

В соответствии со «Стратегией Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года», утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2021 г. № 672, ключевым приоритетом Республики Беларусь является инновационный путь социально-экономического развития, который включает цифровую трансформацию экономики, осуществление развития высокотехнологичных производств, услуг, увеличение производительности труда, а также создание новых рабочих мест и наращивание экспорта [1].

Согласно Гражданскому кодексу Республики Беларусь и Закону Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах», происходит упорядочивание возникающих отношений по поводу создания, а затем использования произведений науки, литературы и искусства (авторское право); исполнений, фонограмм, передач организаций эфирного или кабельного вещания (смежные права) [2, с. 35].

В соответствии с действующими актами законодательства, к объектам авторского права будут относиться: литературные произведения (книги, статьи); научные произведения (монографии, отчеты, статьи); музыкально-драматические произведения, произведения хореографии и пантомимы и иные

произведения (сценарные); музыкальные произведения, с наличием текста или без него; аудиовизуальные произведения (кино-, теле-, видеофильмы и другие кино- и телепроизведения); произведения живописи, скульптуры, графики и другие произведения изобразительного искусства; произведения архитектуры, декоративно-прикладного искусства, планы, карты, эскизы и иные произведения, которые относятся к географии, архитектуре, топографии и другим наукам и технике; компьютерные программы; другие произведения [3].

Авторское право на произведение возникает с момента его создания. Кроме того, для создания и реализации авторских прав не требуется соблюдения каких-либо формальностей [4].

Смежные права возникают на исполнения, записи, передачи кабельного вещания (исполнение артистов, дирижеров, постановки режиссеров-постановщиков). Для возникновения и осуществления смежных прав не требуется соблюдения каких-либо формальностей [4].

Вопросы защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в нашей стране осуществляются в рамках административного и уголовного законодательства, а также в порядке гражданского судопроизводства. Обладатели указанных прав свободны в выборе средств и способов защиты.

Следует отметить, что административная или уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав не освобождает владельцев этих прав от гражданской ответственности. От имени авторов, при наличии соответствующего договора, требование о защите прав может быть предъявлено организацией по коллективному управлению имущественными правами таких авторов. Распространение и использование экземпляров произведения, в результате которых есть нарушение авторского права или смежных прав, будут признаны контрафактными. Экземпляры таких произведений, передач, фонограмм, будут подлежать по решению суда конфискации и уничтожению за счет нарушителя.

Статья 10.15 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях регулирует административную ответственность за нарушение авторских и смежных прав. Непосредственным объектом такого правонарушения являются общественные отношения, которые возникли в результате создания и использования объектов авторского права, смежных прав. Максимальный размер наказания составляет тридцать базовых величин для физических лиц, сто базовых величин для индивидуальных предпринимателей и триста базовых величин для юридических лиц. При этом судом может быть принято решение о конфискации предмета административного правонарушения [5].

Статья 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь предусматривает уголовную ответственность за нарушение авторских, смежных прав и прав

промышленной собственности. Непосредственным объектом такого преступления является авторское право, смежные права, право промышленной собственности. Размер наказания по указанной статье в зависимости от степени тяжести совершенного деяния, а также размера полученного дохода составляет от двух лет общественных работ до пяти лет лишения свободы.

При этом уголовная ответственность по ч. 1 ст. 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь возможна только по требованию потерпевшего (ст. 33 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Вместе с тем для привлечения к ответственности по чч. 2 и 3 ст. 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь требование потерпевшего не является обязательным [6].

Авторы и правообладатели вправе, в зависимости от нарушенного права, требовать признания своих прав, запрета действий, нарушающих их права или создающих угрозу их нарушения, восстановления положения, существовавшего до нарушения прав, возмещения убытков или выплаты компенсации в определенных судом базовых величинах от 10 000 до 50 000, компенсации психологического вреда, изъятия товаров, в отношении которых нарушены их исключительные права, и товаров, явившихся результатом такого нарушения, а также требовать принудительного опубликования сведений о нарушении исключительного права.

В настоящее время судебной инстанцией, уполномоченной рассматривать споры, связанные с объектами интеллектуальной собственности, является судебная коллегия по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь [3].

Важно отметить, что до обращения в суд следует попытаться договориться, предложив лицу, допустившему нарушение прав, устранить эти нарушения, например удалить контент из Сети либо указать реального автора. Ведь зачастую бывает так, что нарушитель прав и не знал о том, что нарушил права другого лица, то есть не имел умысла и желания совершить такие действия.

Таким образом, юридическая ответственность за нарушение авторского права и смежных прав в Республике Беларусь закреплена на законодательном уровне, в соответствии с которым любое лицо имеет возможность для применения целого комплекса доступных мер, с помощью которых сможет произвести защиту своих прав.

---

1. О Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 24 нояб. 2021 г., № 672 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 20.12.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Герасимова Л. К. Основы управления интеллектуальной собственностью : учеб. пособие. Минск : Изд-во Гревцова, 2011. 256 с. [Вернуться к статье](#)
3. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-З (в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2023 г. № 243-З). Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 года : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.3/7

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Е. С. Бородулькина

Институт правовых исследований Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь,
ведущий научный сотрудник,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. *Статья посвящена криминализации пропаганды наркотиков в Республике Беларусь. Автор обращается к зарубежному опыту и выявляет моменты, которые должны предшествовать введению уголовной ответственности.*

Ключевые слова: криминализация, уголовная политика, пропаганда наркотиков, уголовная ответственность.

Annotation. *The article is devoted to the criminalization of drug propaganda in the Republic of Belarus. The author analyzes foreign experience and points out the moments that should precede the introduction of criminal liability.*

Keywords: criminalization, criminal policy, drug propaganda, criminal liability.

Среди преступлений против здоровья населения особую опасность представляет нелегальный оборот наркотических средств, противодействие которому остается приоритетным направлением государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности. Внимание к данному вопросу не ослабевает и среди представителей уголовно-правовой доктрины: активно проводятся исследования в этом направлении белорусскими учеными (В. А. Ананич, С. В. Ананич, О. И. Бахур, А. Н. Дрозд, С. М. Казакевич, М. Ю. Кашинский, Н. А. Легенченко, Е. В. Новикова, О. В. Русецкий, Д. В. Шаблинская и др.). Множество работ, посвященных проблемам незаконного оборота наркотиков, представлено в российской науке уголовного права (например, Т. А. Боголюбова, В. Н. Винокуров, Б. Б. Булатов, А. А. Вяземская, Л. В. Готчина, К. С. Григорова, Е. Кобзева, Д. Б. Лаптев, С. М. Мальков, А. А. Малыгина, С. Ф. Милюков и др.).

Одним из важных вопросов в этом контексте является оценка полноты уголовно-правовой охраны соответствующих отношений — то есть установление составов, которые Уголовный кодекс (далее — УК) Республики Беларусь не содержит и включение которых в национальный уголовный закон позволит более эффективно «блокировать» угрозы в данной сфере.

В настоящей статье предлагаем рассмотреть проблему криминализации пропаганды и рекламы наркотиков в Республике Беларусь.

В настоящее время в ст. 331 УК Республики Беларусь криминализовано склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов — то есть совершение любых действий, направленных на возбуждение у других лиц желания к потреблению запрещенных веществ. При этом состав склонения не охватывает пропаганду такого потребления, что связано с необходимостью воздействия на неопределенный круг лиц [1].

Представителями белорусской науки отмечалась необходимость введения уголовной ответственности за пропаганду и рекламу наркотиков (например, А. Н. Дрозд [2, с. 48], В. В. Лосевым [3]), что, по мнению авторов, позволит восполнить недостающие элементы в системе уголовно-правовых норм, направленных на защиту жизни человека, общественной нравственности и здоровья населения.

В настоящее время пропаганда или незаконная реклама наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, прекурсоров криминализована в Республике Казахстан (ст. 299-1 УК Республики Казахстан) [4]. Часть 1 ст. 393 УК Республики Армения предусматривает ответственность за рекламирование наркотического средства, и фактически реклама отождествлена с незаконным оборотом наркотиков с целью сбыта.

В Российской Федерации ответственность за пропаганду либо незаконную рекламу наркотиков наступает в соответствии со ст. 6.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП Российской Федерации). Квалифицированный состав (ч. 1.1 ст. 6.13 КоАП Российской Федерации) административного правонарушения предусматривает пропаганду или рекламу запрещенных веществ с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет [5].

С одной стороны, с криминализацией пропаганды наркотиков связывается повышение эффективности борьбы с наркопреступностью. С другой, как отмечается, например, российским ученым А. А. Бимбиновым, ожидания от введения уголовной ответственности за пропаганду наркотиков сильно преувеличены, поскольку установление уголовной ответственности за данные действия приведет либо к очередной «мертворожденной» норме, либо к злоупотреблениям при ее применении. Общественная опасность пропаганды и рекламы наркотиков, по мнению ученого, заключается в возможности возбудить у других лиц желание их потребления. При таких обстоятельствах данные действия являются склонением к потреблению наркотиков [6, с. 93].

В качестве контраргументов криминализации приводится незначительное число лиц, ежегодно привлекаемых к административной ответственности за пропаганду и рекламу наркотиков, что в том числе связано с необходимостью экспертного заключения об установлении наличия или отсутствия

рекламы и пропаганды в том или ином высказывании (при этом мнения различных экспертов (специалистов) при оценке одного и того же случая могут различаться кардинально). В случае введения уголовной ответственности за пропаганду запрещенных веществ в качестве основных доказательств по таким делам будут выступать протоколы осмотров страниц в социальных сетях и заключение эксперта в области психолингвистики о том, что содержание текста может ориентировать неопределенную группу лиц на употребление наркотиков. Отмечается, что «коррупциогенность такой практики предсказуема. Редкий судья сможет в приговоре критически оценить такие доказательства» [7]. Указывается также, что «пропаганда или нет — это все же оценочное суждение. Не стоит дополнять Уголовный кодекс еще одной размытой диспозицией... Введение уголовной ответственности за пропаганду наркотиков может негативно сказаться на борьбе с более серьезными преступлениями, связанными с незаконным оборотом соответствующих веществ» [7]. Отмечается также сложность доказывания склонения к употреблению наркотических средств посредством Интернета, причем основная проблема кроется в доказывании прямого умысла на возбуждение у другого лица желания потребления наркотиков [8].

Принимая во внимание наличие полярных точек зрения по исследуемому вопросу и признавая факт наличия проблемы правовой оценки деяний в случае, когда информация распространяется с целью возбуждения у неопределенного круга лиц желания потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, полагаем, что прежде всего решению вопроса об установлении уголовной ответственности должна предшествовать глубокая проработка соответствующего понятийного аппарата.

Например, действующий Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 408-З «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» не раскрывает понятия «пропаганда», однако в ст. 30 данного Закона указывается, что «антинаркотическая пропаганда осуществляется субъектами профилактики и включает в себя распространение и разъяснение информации, направленной на профилактику потребления наркотических средств, психотропных веществ, аналогов» [9].

Что касается российского законодательства, то понятия «пропаганда наркотических средств» не содержится в КоАП Российской Федерации, вместе с тем его раскрывает запретительная норма, содержащаяся в ст. 46 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [10]. Согласно положениям ч. 1 и ч. 2 ст. 46 вышеуказанного Закона, пропаганда предполагает, во-первых, распространение определенных сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, а во-вторых, распространение сведений о каких-либо

преимущества в использовании отдельных наркотических средств. Вместе с тем важным упущением является отсутствие указания на цель распространения таких сведений.

Как уже было отмечено ранее, в Российской Федерации неоднократно разрабатывались проекты законов по установлению уголовной ответственности за наркопропаганду. Однако законопроекты и предлагаемые ими дефиниции не находили поддержки, что в том числе связывается с излишне широкой формулировкой понятия пропаганды и возможной конкуренцией с уже имеющейся ст. 230 УК Российской Федерации, предусматривающей ответственность за склонение [11, с. 18].

В национальном уголовном законе цель является криминообразующим признаком составов преступлений, связанных с пропагандой. Например, пропаганда войны, согласно ч. 1 ст. 123 УК Республики Беларусь, рассматривается как распространение в любой форме взглядов, идей или призывов с целью вызвать агрессию одной страны против другой. То же касается пропаганды самоубийства, терроризма [1].

Без установления четких критериев отнесения определенных сведений к наркотической пропаганде высок риск возникновения ошибок при соответствующей квалификации деяний и, как следствие, искажения правоприменительной практики.

Например, А. К. Лебедева справедливо указывает на существующие проблемы с оценкой видео, размещаемых на видеохостинговом сервисе YouTube, где особую популярность имеет формат интервью [12, с. 129–130]. В подобных шоу перед участниками нередко встают вопросы, связанные с личным опытом употребления наркотических средств. Обсуждение подобных тем может развиваться по разным направлениям, а в некоторых случаях интервью не идет по пути разбора негативного влияния на жизнь лица из-за употребления наркотиков, а переходит в рассказ интервьюируемого о том, какое вдохновение приносят наркотики исполнителю в творческой жизни, как они помогают ему справляться с депрессией и т. д.

А. К. Лебедева, на наш взгляд, верно отмечает, что наличие в аудиовизуальном произведении одного упоминания наркотиков или информации о способе их употребления не является пропагандой в терминологии лингвистической экспертизы. При исследовании подобных объектов необходимо особое внимание уделять анализу речевых целей адресанта. Является ли целью автора пропаганда наркотиков, а не «демонстрация личных переживаний и предупреждение лиц о негативном воздействии наркотических средств на организм, предостережение от возможного употребления запрещенных веществ в будущем» [12, с. 131].

Дискуссионным в разрезе уголовно-правовой оценки выглядит рассмотрение художественных произведений: фильмов, видеоклипов и др.

В качестве примера можно привести художественный фильм *Trainspotting* («На игле») режиссера Дэнни Бойла. Главными героями произведения являются лица, страдающие наркотической зависимостью; каждого из ключевых персонажей наркотики приводят на социальное дно. Несмотря на то, что разрушительное влияние наркотиков на жизнь человека является сюжетообразующим мотивом, цитаты из фильма вне контекста могут быть восприняты как пропаганда наркотиков («Выбирай жизнь. Выбирай работу. Выбирай карьеру. Выбирай семью. Выбирай будущее. Выбирай жизнь... Но зачем мне все это? Я не стал выбирать жизнь... Я выбрал кое-что другое... Причины? Какие могут быть причины, когда есть героин?») [13, с. 410–411].

Таким образом, решение главного, «дефинициального» вопроса здесь является основной проблемой, остальные вопросы реализации правовой нормы переходят на второй план, так как большая часть из них вызвана этим недостатком. Законодательное определение должно вобрать в себя все особенности этого юридического феномена [11, с. 18].

С учетом межотраслевых связей установлению ответственности за пропаганду и рекламу должно предшествовать введение норм регулятивного содержания, которые бы закрепили понятия «пропаганда» и «реклама» наркотических средств (например, в Законе Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 408-3).

Кроме того, требует решения вопрос о формате правовой ответственности. Обладает ли соответствующее деяние достаточной степенью общественной опасности для признания его преступлением или же достаточно будет установления административной ответственности (либо внедрение института административной преюдиции)? В качестве альтернативы криминализации предлагается обратить внимание на такую важную составляющую профилактики наркомании, как антинаркотическая пропаганда.

---

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Дрозд А. Н. Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: вопросы квалификации и совершенствования уголовно-правового запрета // Труд. Профсоюзы. Общество = Labour. Trade Unions. Society. 2018. № 4. С. 45–49. [Вернуться к статье](#)

3. Лосев В. В. Предложения по совершенствованию криминализации отдельных деяний, схожих с соучастием в преступлении [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
4. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 3 июля 2014 г., № 226-V ЗРК. Доступ из информ.-правовой системы нормативных правовых актов Республики Казахстан «Адилет». [Вернуться к статье](#)
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : с изм. и доп. от 24.11.2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
6. Бимбинов А. А. Антинаркотическое уголовное законодательство: проблемы и пути их решения // Юрид. вестн. Дагестан. гос. ун-та. 2017. № 3. С. 88–95. [Вернуться к статье](#)
7. Ответственность за пропаганду наркотиков в интернете может стать уголовной [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/otvetstvennost-za-propagandu-narkotikov-v-internete-mozhet-stat-ugolovnoy/> (дата обращения: 05.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
8. Принят закон о введении уголовной ответственности за пропаганду наркотиков в интернете [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/prinyat-zakon-o-vvedenii-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-propagandu-narkotikov-v-internete/> (дата обращения: 02.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
9. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 408-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.10.2022 г. № 213-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#) [Вернуться к статье](#)
10. О наркотических средствах и психотропных веществах [Электронный ресурс] : Федер. закон от 8 янв. 1998 г. № 3-ФЗ : в ред. от 28.04.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
11. Анисифорова М. В. Общие тенденции развития административной ответственности в области противодействия пропаганде наркотиков // Науч. портал МВД России. 2022. № 1 (57). С. 14–19. [Вернуться к статье](#)
12. Лебедева А. К. Об особенностях судебной лингвистической экспертизы по делам о пропаганде наркотиков на примере видеохостинга Youtube // Вестн. Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 2. С. 124–132. [Вернуться к статье](#)
13. Муравьев С. И. Уголовная ответственность за пропаганду наркотиков в сети Интернет: назревшая необходимость или угроза конституционным свободам? // Вопросы рос. юстиции. 2019. № 4. С. 405–416. [Вернуться к статье](#)

УДК 393.985

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕСТРУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В. М. Веремеенко

Академия МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности
факультета криминальной милиции,
кандидат юридических наук, доцент

В. В. Кравец

Академия МВД Республики Беларусь,
адъюнкт научно-педагогического факультета

***Аннотация.** В статье анализируется феномен «цветных революций» с акцентом на событиях в Беларуси 2020 года. Освещаются различные подходы к пониманию протестов, отражая мнения экспертов о ненасильственных изменениях власти и влиянии внешних сил. Особое внимание уделяется использованию современных технологий для координации протестных действий и мобилизации населения.*

***Ключевые слова:** «цветные революции», внешнее влияние, современные технологии, национальная безопасность.*

***Annotation.** This article delves into the phenomenon of «color revolutions», with a focus on the events in Belarus in 2020. It explores various perspectives on understanding the protests, reflecting expert opinions on non-violent power shifts and the role of external forces. Special emphasis is placed on the use of modern technologies for coordinating protest activities and mobilizing the population.*

***Keywords:** «color revolutions», external influence, modern technologies, national security.*

В современных условиях общественной эволюции все большее значение приобретает противодействие преступлениям, имеющим экстремистскую природу. В рамках исследования преступлений экстремистской направленности особое внимание уделяется анализу событий, классифицируемых под общим названием «цветные революции». Изучением проблемы цветных революций занимались такие авторы, как Е. Г. Пономарева, Н. А. Цветкова, А. О. Наумов, Р. А. Тлепцок, А. А. Керимов, Т. В. Вербицкая, А. А. Сорокин и др. Однако вопрос о содержании понятия «цветная революция» по-прежнему остается открытым в рамках правовых исследований, так как унифицированный подход к его интерпретации еще не сформирован.

Согласно концепции Р. А. Тлепцока, цветные революции можно определить как процессы ненасильственной смены государственной власти, которые осуществляются через использование специфических международных

политических стратегий. Автор также подчеркивает, что данные революции часто имитируют сценарий так называемых бархатных революций, реализованных в государствах Центральной и Восточной Европы [1, с. 61]. Подобную точку зрения разделяет и А. О. Наумов, который подчеркивает, что подобные государственные перевороты осуществляются с помощью мирных методов и инструментов, включая тактики «мягкой силы» [2].

В то же время Е. Г. Пономарева и А. А. Сорокин считают, что «цветные революции» являются процессом замещения действующих властей под воздействием массовых уличных протестов, которые часто поддерживаются за счет финансирования из-за границы, в частности через неправительственные организации [3, с. 38; 4, с. 14]. С другой стороны, А. А. Керимов и Т. В. Вербицкая аргументируют, что такие революции представляют собой переход власти к оппозиции в ответ на потерю народной поддержки и легитимности у официального руководства страны. Они утверждают, что это достигается через активные действия оппозиции, направленные на возбуждение массовых беспорядков и волнений по заранее разработанному внешним заказчиком плану [5, с. 10].

С 2000 года успешные цветные революции были проведены в Республике Сербия («бульдозерная революция» — 2000 г.), Республике Грузия («революция роз» — 2003 г.), Украине («оранжевая революция» — 2004 г.; «революция достоинства» — 2013, 2014 гг.), Кыргызской Республике («тюльпановая революция» — 2005 г.), Ливанской Республике («революция кедров» — 2005 г.). Имели место безуспешные попытки проведения цветных революций (Республика Армения — 2008 г., Исламская Республика Иран — 2009 г., Республика Беларусь — 2020 г., Республика Казахстан — 2022 г.).

Изучая отечественный опыт в сфере борьбы с цветными революциями, можно глубже проникнуть в сущность социальных, политических и других динамик, которые лежат в основе организации и осуществления экстремистски ориентированных преступлений.

В 2020 году Беларусь стала ареной для попытки изменения государственного строя, в которой были использованы четко различимые стратегии цветных революций, приспособленные и дополненные новыми элементами из передовых методик, разработанных и примененных на постсоветском пространстве.

Модель протестных событий в Республике Беларусь была похожа на события на Украине в 2013–2014 гг., но включала в себя уникальные модификации. Средства коммуникации и координации, аналогичные тем, что использовались во время протестов в Гонконге в 2019–2020 гг., включали активное применение мессенджеров, таких как WhatsApp, Viber и Telegram. Методы мобилизации населения за счет повестки, первоначально не связанной с политическими требованиями, аналогичны подходам, примененным во время

«электромайдана» в Ереване в 2015 г. Общая стратегия попытки переворота напоминала действия, предпринятые в Венесуэле в 2019 г. В итоге белорусские события образовали комбинацию методов, примененных в Гонконге, Венесуэле и на Украине.

Активизация протестов в Беларуси произошла 9 августа 2020 г. сразу после оглашения предварительных итогов президентских выборов. Оппозиционные силы мгновенно выразили свое несогласие с результатами, объявив выборы нелегитимными, и призвали сторонников к участию в массовых акциях протеста. Действия оппозиции привели к тому, что Минск и другие крупные города страны быстро погрузились в волну демонстраций, во время которых нарастало напряжение между участниками протестов и силами поддержания порядка, безосновательно обвиняемыми в препятствовании выражению воли народа.

В управлении действиями участников цветной революции важным аспектом являлась быстрая и эффективная координация через сетевые платформы. В ходе протестов в Республике Беларусь в 2020 г. основным средством координации стали мессенджеры, вроде WhatsApp, Viber и Telegram. Заранее созданные в этих мессенджерах группы превратились в командные узлы для организации акций. К примеру, через экстремистский канал Nexta в Telegram оппозиция направляла участников и распространяла информацию о протестах, функционируя как средство связи и распространения информации.

В ответ на это власти начали ограничивать доступ к Интернету, но активисты адаптировались, используя VPN и другие средства обмена данными, такие как FireChat и AirDrop, позволяющие коммуницировать без сети Интернет. Видеоматериалы с протестов доставлялись в посольства с помощью курьеров, откуда они передавались в Telegram, содержа фальсифицированную информацию для манипуляции настроениями протестующих и координации их действий против сил правопорядка.

В ответ на массовые протесты и нарушения общественного порядка правоохранные органы начали серию решительных действий, включая задержание лидеров протестного движения. Эта тактика вызвала споры, но со временем оказалась эффективной, поскольку она привела к смягчению тактики протестующих — от агрессивных действий к более мирным формам протеста. Однако это также привело к росту числа участников протестов, так как более широкий круг населения, изначально не желающий участвовать из-за опасений агрессии, присоединился к движению. При этом обстановка оставалась напряженной.

На следующем этапе протесты перешли к тактике персонального давления на сотрудников правоохранительных органов и их семьи, включая распространение персональных данных через специализированные Telegram-каналы, управляемые из-за границы. Это было сделано для оказания давления на сотрудников, чтобы они отказались от выполнения своих должностных обязанностей. В дополнение к этому протестующие использовали слоганы, призывающие милицию примкнуть к народу, аналогично событиям на Украине, усиливая давление на сотрудников силовых структур.

В этом контексте манифестации, давления и попытки дестабилизации общественного порядка не обходится без фигур, играющих роль мнимых лидеров в сценарии цветной революции. Примером такой личности является С. Тихановская, которая, подобно венесуэльскому оппозиционеру Хуану Гуайдо, объявила себя лидером оппозиции после ареста своего мужа, отказавшись признать результаты выборов и призывая к активным протестам против действующей власти. После ухода в Литву С. Тихановская организовала Координационный совет, нацеленный на передачу власти, и самопровозглашенно заявила о себе как об избранном президенте Республики Беларусь. Она обратилась за поддержкой к международному сообществу через выступление в Совете безопасности ООН с призывами к введению санкций против Республики Беларусь. Ее преступные действия подчеркивают характерные черты цветных революций, включая активное использование внешней поддержки и стремление к легитимации через международное признание, хотя, несмотря на все усилия, ключевые цели цветной революции в Беларуси так и не были достигнуты.

В заключение следует отметить, что события в Республике Беларусь в 2020 г. демонстрируют, как сценарии цветных революций могут быть адаптированы и модифицированы в соответствии с конкретным политическим и социальным контекстом, используя как новые, так и традиционные средства массовой информации и коммуникаций для мобилизации и координации протестных действий. Ответные меры правоохранительных органов, направленные на подавление массовых выступлений и восстановление общественного порядка, также показывают разнообразие подходов к противодействию таким движениям.

Попытка цветной революции в Республике Беларусь, как и аналогичные события в других странах, подчеркивает необходимость дальнейшего изучения и понимания этого феномена. Это не только помогает расширить теоретические знания в области политологии и социологии, но и выработать практические рекомендации для государственных институтов и общественных организаций

в плане разработки стратегий противодействия угрозам внутренней стабильности и безопасности.

1. Глепцок Р. А. «Цветные революции»: теоретический концепт и политическая практика // Вестн. Адыг. гос. ун-та. 2019. № 4. С. 60–71. [Вернуться к статье](#)
2. Наумов А. О. Роль неправительственных организаций в «цветных революциях» [Электронный ресурс] // Гос. управление. Электрон. вестн. 2018. № 71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-nepравitelstvennyh-organizatsiy-v-tsvetnyh-revoljutsiyah> (дата обращения: 10.03.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Наумов А. О. «Цветные революции»: использование технологий «мягкой силы» для смены политических режимов в конце XX – начале XXI веков : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 5.6.2 / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2022. 42 с. [Вернуться к статье](#)
4. Сорокин А. А. «Цветная революция» как технология смены политической власти // Весн. БДПУ. Сер. 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2014. № 1. С. 14–17. [Вернуться к статье](#)
5. Керимов А. А. Вербицкая Т. В. Цветная революция как угроза политической системе государства: проблемы определения // Вопросы упр. 2019. № 2. С. 6–15. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985

О МОНИТОРИНГЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**В. И. Вовна**

УВД администрации Партизанского района г. Минска,
оперуполномоченный отдела по наркоконтролю
и противодействию торговле людьми криминальной милиции

***Аннотация.** В работе рассматривается понятие мониторинга в сети Интернет, его соотношение со смежными категориями.*

***Ключевые слова:** оперативное обслуживание в сети Интернет, мониторинг в сети Интернет.*

***Annotation.** The concept of monitoring on the Internet and its relationship to the operational services on the Internet is examined.*

***Keywords:** operational maintenance on the Internet, monitoring on the Internet.*

В связи со все более важной ролью сети Интернет в жизни общества возникает необходимость осуществления оперативного обслуживания не только в реальном, но и в виртуальном мире. Помимо оперативного обслуживания в сети Интернет, есть схожее по структуре, но отличающееся по своему назначению направление — мониторинг в сети Интернет. В Республике Беларусь деятельность правоохранительных органов регулируется законодательством и организуется на основе принципов законности, соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, конспирации. Соотношение оперативного обслуживания и мониторинга в сети Интернет играет значительную роль в данной деятельности, поскольку обеспечивает быстрое реагирование на преступные действия и предотвращение их последствий. В эпоху развития сети Интернет возникает задача осуществления юридически значимых действий не только в реальном, но и в виртуальном мире. Для ее решения осуществляется мониторинг в сети Интернет, который обеспечивает быстрое реагирование на преступные действия и предотвращение их последствий. Концепция мониторинга в сети Интернет одним из первых была предложена и обоснована А. Л. Осипенко [1].

Полагаем, что мониторинг в сети Интернет — это система мер, осуществляемых гласно и негласно оперативными подразделениями правоохранительных органов, направленных на регулярное наблюдение за состоянием, развитием и изменением оперативной обстановки на объектах мониторинга, их оценивание и прогнозирование в целях решения поставленных задач. Он осуществляется правоохранительными органами и специальными службами с применением специального программного обеспечения и технических средств. Мониторинг позволяет осуществлять контроль за сетевыми ресурсами,

выявлять и предотвращать потенциальные угрозы, связанные с криминальной деятельностью, терроризмом, экстремизмом и другими противоправными действиями.

Мониторинг в сети Интернет проводится с использованием специальных программно-аппаратных комплексов, которые анализируют трафик, фильтруют и проверяют информацию, получаемую в Сети. Он позволяет определять ключевые слова и фразы, связанные с преступной деятельностью, а также идентифицировать пользователей, занимающихся незаконной деятельностью.

Мониторинг в сети Интернет проводится в соответствии с законодательством, регулирующим сферу информационных технологий. В рамках закона провайдеры интернет-услуг должны предоставлять доступ к информации о пользователях и их активности в Сети по запросу органов внутренних дел.

Мониторинг в сети Интернет позволяет обеспечивать безопасность государства и общества, выявлять и предотвращать преступные действия, разоблачать и пресекать экстремистскую и террористическую деятельность. Однако важно соблюдать право на конфиденциальность персональных данных и защиту личной жизни граждан, а также соблюдать принципы пропорциональности и необходимости при осуществлении мониторинга в Интернете.

Смежным понятием с мониторингом в сети Интернет является оперативное обслуживание — совокупность мероприятий, направленных на сбор, анализ, систематизацию информации об оперативной обстановке на конкретном участке местности, объекте. Оно является подсистемой, которую следуют отличать от оперативного поиска [2, с. 177–178]. В сочетании с мониторингом в сети Интернет оперативное обслуживание позволяет своевременно выявлять преступные действия и реагировать на них, а не только наблюдать за ними. Оперативное обслуживание предоставляет информацию о потенциальной угрозе или преступлении, а мониторинг позволяет конкретизировать и проверить эту информацию.

Оперативное обслуживание и мониторинг в сети Интернет являются взаимосвязанными и взаимодополняющими процессами. Только их сочетание может обеспечить эффективное противодействие преступной деятельности в сети Интернет и обеспечение безопасности граждан в Республике Беларусь.

Разграничение оперативного обслуживания с мониторингом в сети Интернет в Республике Беларусь осуществляется путем установления четкой структуры и порядка взаимодействия специалистов, осуществляющих данные виды деятельности. Для проведения мониторинга в сети Интернет необходимо наличие специального программного обеспечения, современной компьютерной техники и владение специальными знаниями в сфере высоких технологий; оперативное обслуживание в сети Интернет ограничивается конкретным сайтом

или форумом, в то время как мониторинг направлен на наблюдение в целом за всей информацией, находящейся в сети Интернет.

Проблемы оперативного обслуживания и мониторинга в сети Интернет заключаются в следующем: в некоторых регионах Республики Беларусь скорость соединения с Интернетом может быть недостаточной для оперативной передачи и получения информации, это может замедлить работу оперативных подразделений и усложнить получение оперативной информации в режиме реального времени; в Республике Беларусь может ограничиваться доступ к определенным сайтам и ресурсам в Интернете, что затрудняет получение необходимой информации правоохранным органом; использование Интернета может представлять угрозу для безопасности информации и информационной безопасности осуществляющих его подразделений; эффективное использование Интернета требует наличия квалифицированного персонала, владеющего современными методами работы с Сетью, отсутствие специалистов в этой области может привести к неэффективной работе оперативных служб; в случае сбоев или проблем с техническим обслуживанием сети Интернет оперативные подразделения могут временно потерять доступ к необходимой информации; в некоторых подразделениях нет достаточной материальной-технической базы для совершенствования техники и приобретения современного программного обеспечения.

В соотношении между мониторингом и оперативным обслуживанием в сети Интернет следует учитывать несколько аспектов. Во-первых, мониторинг предоставляет более широкий круг данных, позволяя анализировать текущую ситуацию и планировать свои дальнейшие действия. Во-вторых, оперативное обслуживание в сети Интернет предоставляет более точную информацию о конкретных сайтах и форумах, что положительно влияет на выявление конкретных преступлений, или преступлений на конкретной территории. Мониторинг и оперативное обслуживание — это взаимодополняющие мероприятия, создающие комплексный подход.

Кроме того, важно отметить, что сеть Интернет постоянно развивается и меняется, поэтому необходимо постоянно модернизировать свои методы мониторинга и оперативного обслуживания. Это включает в себя разработку новых технологий, методических рекомендаций и обновление законодательства для эффективного противодействия преступности в сети Интернет.

В целом, соотношение между мониторингом и оперативным обслуживанием в сети Интернет является важным элементом. Обе функции необходимы для решения задач правоохранительной деятельности, а также для обеспечения безопасности информации, защиты прав граждан и предотвращения преступной активности.

1. Осипенко А. Л. Оперативно-розыскной мониторинг информационных ресурсов глобальных компьютерных сетей // Оперативник (сыщик). 2009. № 3. С. 27–31. [Вернуться к статье](#)
2. Харевич Д. Л. О соотношении оперативного обслуживания и выявления первичной информации (оперативного поиска) // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2022. № 1. С. 175–178. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.9

**ИНИЦИИРОВАНИЕ ПРОКУРОРОМ
МЕР ОТВЕТСТВЕННОСТИ
И МЕР ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ
КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕХАНИЗМА
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ**

И. И. Головки

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
декан факультета,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** В статье исследуется участие прокурора в рассмотрении его заявления судом в гражданском процессе. Сделан вывод, что участие прокурора в рассмотрении судами дел по его заявлениям для применения установленной законом ответственности, а также для возмещения причиненного вреда, защиты прав и законных интересов надлежит рассматривать в составе механизма противодействия коррупции.*

***Ключевые слова:** противодействие коррупции, прокурор, исковое заявление, элемент механизма.*

***Annotation.** The article examines the participation of the prosecutor in the consideration of his application by the court in civil proceedings. It is concluded that the participation of the prosecutor in the consideration by courts of cases based on his applications for the application of liability established by law, as well as for compensation for harm caused, protection of rights and legitimate interests should be considered as part of the anti-corruption mechanism.*

***Keywords:** anti-corruption, prosecutor, statement of claim, element of the mechanism.*

В настоящее время во всем мире не снижается актуальность выявления и пресечения, а также предупреждения коррупционных правонарушений. В ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — Закон о противодействии коррупции) [1] определено, что противодействие коррупции — деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий по профилактике коррупции, борьбе с ней и по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

В соответствии со ст. 5 Закона о противодействии коррупции, в указанной сфере уполномоченными органами и должностными лицами определены: Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации.

Федерации и органы местного самоуправления, правоохранительные органы, иные государственные органы, органы местного самоуправления и их должностные лица, Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры, Счетная палата Российской Федерации. Следовательно, все указанные субъекты осуществляют противодействие коррупции. Каждый из них наделен соответствующими полномочиями. Деятельность субъектов противодействия коррупции взаимосвязана. Также необходимо отметить, что деятельность указанных властных субъектов осуществляется на различных стадиях противодействия коррупции от обеспечения формирования правовой основы до исполнения решений судов в связи с рассмотрением споров и дел о привлечении виновных лиц к установленной законом ответственности. В связи с изложенным противодействие коррупции уместно рассматривать как определенный механизм. Понятие механизма противодействия коррупции нормативно не определено, однако при наличии правовой основы — положений Закона о противодействии коррупции, в первую очередь ст. 5, основываясь на особенностях компетенции властных субъектов противодействия коррупции, подобный вывод представляется обоснованным.

В число видов установленной законом ответственности за совершение коррупционных правонарушений (ч. 1 ст. 13 Закона о противодействии коррупции) входят гражданско-правовая и дисциплинарная ответственность. Права и законные интересы лиц, которым причинен вред, подлежат защите. Несомненно, гражданский иск в уголовном деле — приоритетный способ защиты нарушенных прав и законных интересов, так как иск подлежит рассмотрению в порядке уголовного судопроизводства. Прокурор на основании ч. 3 ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2] вправе предъявить гражданский иск в интересах граждан и публично-правовых образований о возмещении вреда. В случае оставления гражданского иска судом без рассмотрения следует обращаться в суд с заявлением в порядке гражданского судопроизводства. Также в порядке гражданского судопроизводства необходимо обращаться в суд при наличии оснований решения вопроса об обращении незаконно полученного лицом имущества в доход государства; в порядке гражданского судопроизводства рассматриваются иски о признании увольнения служащего незаконным и об увольнении его по причине утраты доверия.

Прокурор, руководствуясь п. 3 ст. 1, п. 4 ст. 27, п. 3 ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [3] и ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [4], вправе направить в суд исковое заявление, а затем участвовать в рассмотрении дела судом. В указанном

порядке прокурор инициирует привлечение виновных лиц к установленной законом ответственности, защищает права граждан, интересы публично-правовых образований:

1. В соответствии с Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [5], прокурор вправе инициировать обращение имущества служащих, не доказавших приобретение его на законные доходы, в доход государства. Особенности такой деятельности прокурора как составляющей механизма противодействия коррупции были рассмотрены нами ранее в другой статье [6, с. 121–127].

2. Прокурор вправе инициировать признание незаконным увольнения по нейтральным основаниям лиц, не соблюдающих требования Закона о противодействии коррупции, и увольнения по основанию утраты доверия.

В соответствии с п. 7.1 Трудового кодекса Российской Федерации [7], ч. 3 ст. 7.1, ст. 13.1, ч. 1 ст. 13.2 Закона о противодействии коррупции, увольнение по утрате доверия последует при совершении работником деяний различного характера: которые прямо запрещаются законом и вследствие несовершенства установленных законом обязательных действий.

Решение об увольнении (освобождении от должности) при наличии обстоятельств, дающих основание для утраты доверия, принимается уполномоченным лицом соответствующего органа по результатам проверки.

В то же время лицо, в отношении которого проводится проверка, может уволиться до ее завершения и принятия указанного выше решения. В таком случае уполномоченный орган приходит к выводу о невозможности завершения проверки (ч. 2 ст. 13.5 Закона о противодействии коррупции).

Также могут иметь место ситуации, когда лицо, обязанное соблюдать запреты и ограничения, увольняется после завершения проверки и до принятия решения о наложении на него дисциплинарного взыскания. В таком случае на основании ч. 1 ст. 13.5 Закона о противодействии коррупции уполномоченный орган приходит к выводу о невозможности привлечения лица к ответственности.

Представляется, что обе упомянутые ситуации характеризуются злоупотреблением правом со стороны работника, который стремится избежать дисциплинарной ответственности за совершенные коррупционные деяния.

В связи с этим следует отметить, что при невозможности завершения проверки и принятия итогового решения материалы как незавершенной, так и завершенной проверки направляются прокурору. Прокурор, получивший материалы, проводит проверку и при наличии оснований обращается в суд с заявлением об изменении основания и формулировки увольнения (прекращения

полномочий) уволенного лица (чч. 3, 4, 16, 17 ст. 13.5 Закона о противодействии коррупции).

При этом сроки проведения прокурорской проверки и направления в суд заявления ограничены положениями Закона о противодействии коррупции следующим образом:

1) не более шести месяцев со дня увольнения лица, трудовые отношения с которым прекращены до завершения проведения проверки в отношении него (ч. 7 ст. 13.5);

2) не более четырех месяцев со дня увольнения лица, проверка в отношении которого завершена (ч. 17 ст. 13.5).

В свою очередь, для оспаривания работником решения об увольнении ст. 392 Трудового кодекса Российской Федерации установлен срок в один месяц с момента со дня вручения лицу приказа об увольнении (выдачи трудовой книжки или предоставления лицу сведений о трудовой деятельности).

Таким образом, для обращения прокурора в суд с заявлением в указанных ситуациях установлен значительно более длительный срок.

3. В суды направляются заявления прокуроров о возмещении ущерба, причиненного коррупционным деянием.

Прокурор в защиту прав граждан вправе предъявить исковое заявление о взыскании возмещения ущерба (п. 4 ст. 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»).

Прокуроры принимают меры для возмещения ущерба, причиненного коррупционными преступлениями публично-правовым образованиям. Прокуроры направляют информацию или вносят представления, побуждая уполномоченные органы самостоятельно обращаться в суды с заявлениями. В случае установления бездействия уполномоченных органов прокурор принимает меры по обращению в суд с регрессным иском, а также устанавливает, по какой причине не направляется заявление в суд, и в представлении ставит вопрос об ответственности виновных в этом лиц.

В работе по подготовке искового заявления важно взаимодействие прокуроров с органами, осуществляющими регистрацию прав на имущество, в целях установления имущества виновного лица и обеспечения исполнения решения суда. В рамках взаимодействия регистрирующие органы по запросам прокуроров представляют необходимые сведения об имуществе ответчиков.

4. При подготовке заявления прокурора о признании сделки недействительной и применении последствий ее недействительности путем взыскания полученного в виде взятки в доход Российской Федерации определяющее значение имеют следующие обстоятельства: осуществлялась ли ранее конфискация полученного по взятке, вступил ли в законную силу итоговый акт

уголовного преследования, вынесенный правоохранительным органом, судом, имеющий преюдициальное значение по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом (таким актом может явиться постановление о прекращении дела по нереабилитирующим основаниям; в соответствии с ч. 4 ст. 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации — вступившие в законную силу приговор суда по уголовному делу, иные постановления суда по этому делу).

Исполнение решений судов по указанным заявлениям прокуроров обеспечивает государственное правовое принуждение, защиту нарушенных прав и законных интересов, возмещение причиненного ущерба и предупреждает совершение подобных нарушений в будущем.

Необходимо отметить, что подобным правом по обращению в суд с заявлением не наделен какой-либо иной государственный орган, рассмотренные полномочия прокурора являются исключительными и необходимыми, а прокурор является значимым субъектом противодействия коррупции. При этом мы не рассматриваем осуществление прокурором надзора за исполнением законов, в первую очередь — в ходе которого подготавливаются материалы о нарушении закона, а также надзор за исполнением законов судебными приставами при исполнении решений суда. Надзорная деятельность, несомненно, является составляющей противодействия коррупции, однако не охватывается участием прокурора в гражданском процессе.

Таким образом, реализация полномочий прокурора по инициированию мер ответственности и мер возмещения вреда в гражданском процессе является важным элементом механизма противодействия коррупции, является стадией, предшествующей судебному разбирательству и вынесению решения суда.

---

1. О противодействии коррупции [Электронный ресурс] : Федер. закон, 25 дек. 2008 г., № 273-ФЗ : в ред. Федер. закона от 19.12.2023 г. № 605-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 25.12.2023 г. № 672-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 17 янв. 1992 г., № 2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 14 нояб. 2002 г., № 138-ФЗ : принят Гос. Думой 23 окт. 2002 г. : одобр. Советом Федерации 30 окт. 2002 г. : в ред. Федер. закона от 25.12.2023 г. № 639-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам [Электронный ресурс] : Федер. закон, 3 дек. 2012 г., № 230-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. Головки И. И. Участие прокурора в гражданском судопроизводстве как элемент механизма противодействия коррупции // Противодействие коррупции и теневым процессам, Санкт-Петербург, 8–11 декабря 2020 г. : тез. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 8–11 дек. 2020 г. / С.-Петерб. ин-т (фил.) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» ; под ред. Е. В. Трофимова. СПб., 2020. С. 121–127. [Вернуться к статье](#)

7. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 197-ФЗ : принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 25.12.2023 г. № 642-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.985

ДОПРОС ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ МОДИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В. Л. Григорович

юридический факультет Белорусского государственного университета,
доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент

А. В. Ходасевич

юридический факультет Белорусского государственного университета,
аспирант

***Аннотация.** Проведен анализ порядка подготовки и проведения допроса подозреваемого при расследовании хищений имущества путем модификации компьютерной информации. Рассмотрено содержание элементов указанного следственного действия.*

***Ключевые слова:** допрос подозреваемого, модификация компьютерной информации, подготовка к допросу, проведение допроса, хищение имущества.*

***Annotation.** An analysis of the procedure for preparing and conducting the interrogation of a suspect during the investigation of property theft by modifying computer information was carried out. The content of the elements of this investigative action is considered.*

***Keywords:** interrogation of a suspect, modification of computer information, preparation for interrogation, interrogation, theft of property.*

Допрос подозреваемого является одним из важнейших первоочередных следственных действий, которые проводятся на первоначальном этапе расследования хищения имущества путем модификации компьютерной информации. Именно показания подозреваемого могут содержать сведения о следах, которые в своей совокупности позволят установить механизм совершения преступления. Поэтому качественная подготовка к допросу и его успешное проведение в дальнейшем будет способствовать получению важной криминалистически значимой информации о преступлении [1, с. 76].

Перечень обстоятельств, подлежащих выяснению при проведении допроса по делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации, зависит от способа совершения хищения, от предмета преступного посягательства, выявленных следов преступления и использовавшихся при этом технических устройств. Выделим общий перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании рассматриваемой категории уголовных дел: обстоятельства, связанные с событием преступления (время, место, способ совершения преступления); обстоятельства, подтверждающие или

опровергающие виновность конкретных лиц, их мотивы; обстоятельства, относящиеся к определению причиненного ущерба; технические аспекты подготовки и реализации преступных намерений; порядок проведения операций по переводу денежных средств; технические средства, которые использовались для совершения преступления.

Допрос подозреваемого при расследовании хищений имущества путем модификации компьютерной информации включает в себя четыре стадии: подготовительную, стадию свободного рассказа, вопросно-ответную и заключительную.

Подготовительная стадия допроса состоит из следующих элементов:

1. Определение предмета допроса. По делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации предмет допроса носит специальный характер и требует изучения необходимой терминологии, специальной литературы (в том числе информации, содержащейся на тематических форумах в сети Интернет), нормативно-правовых актов, в том числе касающихся вопросов хранения, использования и передачи компьютерной информации, методических рекомендаций Следственного комитета Республики Беларусь. Анализ вышеуказанных источников информации позволит выяснить порядок функционирования механизмов, используемых при совершении преступления, способ совершения преступления.

2. Изучение информации о личности подозреваемого, а именно: наличие предыдущих судимостей по аналогичной либо схожей категории преступлений, наличие специального образования в области компьютерных технологий, установление круга общения с целью определения возможных соучастников преступления. Отметим, что сбор информации о личности подозреваемого необходимо осуществлять не только посредством служебных баз данных, но и при помощи социальных сетей, иных открытых источников сети Интернет (боты, тематические форумы).

Немаловажным является уточнение у сотрудника органа внутренних дел сведений о поведении подозреваемого при задержании, опросе.

Все это будет способствовать установлению психологического контакта с подозреваемым, прогнозированию линии поведения допрашиваемого и верному избранию определенной тактики проведения следственного действия.

3. Подготовка доказательств для предъявления подозреваемому. К таким доказательствам можно отнести скриншоты переписок, которые, например, подтверждают факт причастности подозреваемого к совершению преступления, скриншоты, выполненные в ходе осмотра компьютерной информации, предметы и документы, изъятые при проведении обыска, аудио и видеозаписи

(например, записи с банкомата в момент снятия денежных средств или записи телефонного разговора подозреваемого и потерпевшего).

Демонстрация этих доказательств может подтвердить либо опровергнуть факты, относящиеся к расследуемому преступлению.

4. Определение круга участников допроса. Особенностью данного подготовительного действия является принятие решения об участии специалиста для содействия следователю. Считаем, что вопрос о привлечении специалиста должен решаться в каждом случае индивидуально. Так, например, в случае, если подозреваемый имеет профильное образование в сфере IT-технологий, привлечение специалиста обязательно. Следователь в данной ситуации будет обладать меньшим объемом специальных знаний, при этом специалист, присутствуя при допросе, с разрешения следователя сможет задать конкретизирующие вопросы с целью установления точного механизма совершения преступления. В случае, если при совершении преступления имели место многочисленные денежные переводы как подозреваемыми, так и потерпевшими, несанкционированные входы в аккаунты интернет-банкинга, в качестве специалиста можно привлечь сотрудника банка. Сотрудник банка, обладая специальными знаниями, по полученной в ходе допроса информации и по информации, запрошенной из отделения банка, сможет соотнести определенный перевод денежных средств с лицом, его осуществлявшим.

Может негативно сказаться присутствие третьего лица при проведении допроса, что будет преградой для установления психологического контакта с допрашиваемым. В связи с этим к участию специалиста в следственном действии необходимо подходить взвешенно.

Следующая стадия допроса — стадия свободного рассказа. В соответствии с ч. 3 ст. 217 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК), допрос начинается с предложения рассказать об известных допрашиваемому лицу обстоятельствах уголовного дела [2]. При этом допрос подозреваемого при расследовании хищений имущества путем модификации компьютерной информации на первоначальном этапе предварительного расследования должен быть подробным, детально касаться всего процесса совершения преступления, так как повторный допрос может сопровождаться отказом от дачи показаний или изменением линии поведения. Необходимо предложить подозреваемому собственноручно нарисовать схему того или иного процесса, устройства, которые использовались при получении конфиденциальных данных о реквизитах подлинных банковских пластиковых карточек или непосредственно во время завладения денежными средствами.

В процессе допроса подозреваемого при расследовании хищений имущества путем модификации компьютерной информации могут сложиться следующие следственные ситуации:

- подозреваемый добровольно сообщает информацию об обстоятельствах совершения преступления;
- подозреваемый сообщает информацию об обстоятельствах совершения преступления, однако не освещает ее в полном объеме;
- наличие конфликтной ситуации, которая проявляется в нежелании подозреваемого давать правдивые и полные показания;
- подозреваемый полностью отказывается от общения со следователем, отказывается давать показания и участвовать в допросе;
- допрашиваемый не оспаривает факт причинения ущерба, однако отрицает факт именно умышленного причинения вреда;
- допрашиваемый не оспаривает факт и содержание выполненных операций, однако отрицает свое участие в совершении преступления [3].

Указанный выше перечень возможных следственных ситуаций допроса подозреваемого при расследовании хищений имущества путем модификации компьютерной информации не является исчерпывающим. Однако данный перечень подлежит анализу с целью определения дальнейшей тактики проведения допроса.

Ситуация, при которой подозреваемый добровольно сообщает информацию о совершенном преступлении, наиболее благоприятная для получения данных, однако к показаниям подозреваемого тоже следует относиться критически, проверять их и подкреплять другими доказательствами. Так как подозреваемый не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, то сообщаемая им информация не всегда будет являться достоверной, она может быть направлена на оправдание действий допрашиваемого.

Самым распространенным способом защиты, который применяет подозреваемый на этапе предварительного расследования, является отказ от дачи показаний. Такая ситуация может в некоторой степени затруднить процесс получения доказательств, однако в последующем, при получении следователем иных сведений, подтверждающих виновность подозреваемого, никак не отразится на ходе расследования.

Ситуация, когда допрашиваемый не признает своего участия в незаконном осуществлении электронных операций, также сложна в своем разрешении и достижении положительных результатов. Эффективными тактическими приемами ее решения могут быть: использование документов, опровергающих

показания подозреваемого, предъявление показаний соучастников, которые изобличают допрашиваемого в совершении преступления, и т. д.

В ситуации, когда допрашиваемый не отрицает факта причинения ущерба, но отрицает его умышленность, поведение подозреваемого представляет собою один из способов уклонения от ответственности, поскольку, давая такие показания, лицо рассчитывает на неустановление субъективной стороны состава совершенного преступления. Для изобличения виновного может быть использован следующий комплекс тактических приемов: выяснение отношения допрашиваемого к документальному анализу электронных платежных операций, анализу аналогичных операций, которые были проведены ранее, анализу нормативных актов, положения которых были нарушены; предъявления фрагментов протоколов допросов лиц, дающих показания, изобличающих виновных [4, с. 56–57].

В соответствии с ч. 4 ст. 217 УПК, по окончании свободного рассказа допрашиваемому могут быть заданы вопросы, направленные на уточнение и дополнение показаний.

На заключительной стадии допроса участники следственного действия знакомятся с протоколом допроса подозреваемого, при необходимости в протокол вносятся изменения и дополнения, а затем протокол подписывается участниками следственного действия.

На основании изложенного можно отметить, что допрос подозреваемого при расследовании хищений имущества путем модификации компьютерной информации включает в себя четыре стадии: подготовительную, стадию свободного рассказа, вопросно-ответную и заключительную.

При подготовке к допросу подозреваемого необходимо изучить специальную литературу, нормативно-правовые акты и терминологию, собрать сведения о личности допрашиваемого. Сбор сведений необходимо осуществлять не только посредством имеющихся в следственных подразделениях баз данных, а также посредством сети Интернет. Немаловажным является и подготовка для демонстрации подозреваемому различных сведений (скриншотов переписок, информации, полученной в ходе иных следственных действий), что позволит подтвердить либо опровергнуть факты, относящиеся к расследуемому преступлению. Вопрос об участии специалиста при проведении допроса подозреваемого по делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации решается в каждом случае индивидуально.

При этом проведение допроса по делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации требует от следователя не только знания и соблюдения процессуальных норм, специальной литературы и

нормативных актов, но и применения соответствующих тактических приемов допроса при каждой складывающейся следственной ситуации.

---

1. Мельник Л. Л. Подготовительный этап допроса подозреваемого при расследовании преступлений против собственности, совершенных с использованием криптовалют и электронных денег // Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2023. № 1 (71). С. 75–81. [Вернуться к статье](#)

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Анапольская А. И. Особенности тактики допроса подозреваемого по делам о хищениях денежных средств с электронных счетов [Электронный ресурс] // Вестн. Тамбов. ун-та. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-taktiki-doprosa-podozrevaemogo-po-delam-o-hischeniyah-denezhnyh-sredstv-s-elektronnyh-schetov> (дата обращения: 20.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Рускевич Е. А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения. М. : Инфра-М, 2019. 226 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9

О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВАХ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА

А. А. Джуманбетова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент

Е. П. Орехова

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье рассмотрены профессиональные качества судебного эксперта, которыми он должен обладать исходя из требований судебно-экспертной практики и профессиональной этики.

Ключевые слова: профессиональная этика, судебный эксперт, профессиональные качества.

Annotation. The article discusses the professional qualities of a forensic expert, which he must possess based on the requirements of forensic practice and professional ethics.

Keywords: professional ethics, forensic expert, professional qualities.

Вопросы профессиональной этики волновали умы философов и ученых разных специальностей во все времена. Профессиональная этика является залогом правового и нравственного регулирования взаимоотношений, возникающих в результате той или иной деятельности, а также позволяет урегулировать конфликты на стадии их возникновения. Именно поэтому важно, чтобы для каждой профессии были разработаны стандарты профессиональной этики. Не исключением является и профессия судебного эксперта.

Профессиональная этика судебного эксперта — это совокупность нравственных норм, предписаний, правил поведения и взаимодействия субъектов судебно-экспертной деятельности между собой и с иными участниками процесса. Профессиональная экспертная этика формируется на основе характерных обязанностей и функций судебного эксперта, а также на основе ситуаций, в которых оказывается эксперт в процессе выполнения этих функций. Профессиональная этика судебного эксперта является частью юридической этики, однако затрагивает и этику других сфер деятельности человека. Например, профессиональная этика судебно-медицинского эксперта включает также положения профессиональной этики медиков.

Профессиональная этика судебного эксперта регулируется законодательством в сфере судебно-экспертной деятельности. В Беларуси постановлением Государственного комитета судебных экспертиз от 9 ноября 2020 г. № 12

утверждены Правила профессиональной этики судебного эксперта [1]. В России экспертные учреждения, как правило, разрабатывают и принимают локальный акт — Кодекс профессиональной этики судебного эксперта. Основой и для Правил профессиональной этики судебного эксперта в Беларуси, и для Кодексов профессиональной этики судебного эксперта в России являются действующее законодательство, критерии нравственности, традиции судебно-экспертной деятельности, общепринятые нормы этики и морали.

Профессиональная этика судебного эксперта непосредственно связана с личностными качествами эксперта.

В работе судебного эксперта проявляются свойства, присущие многим видам деятельности (так называемые общие свойства) и более узкие, специфические черты (так называемые индивидуальные свойства). К общим свойствам следует отнести общественный характер, целенаправленность, плановость, систематичность деятельности.

Общественный характер деятельности судебного эксперта проявляется в том, что она связана с общественными отношениями по обеспечению законности и правопорядка. Поэтому судебный эксперт должен обладать знаниями в области процессуального права.

Целенаправленность связана с общественным характером деятельности судебного эксперта и заключается в том, что при проведении судебной экспертизы должны быть установлены новые факты или дано толкование представленным эксперту фактам, которые, фигурируя в качестве доказательств, способствуют установлению объективной истины по делу.

Плановость характерна для любой деятельности, а в отношении деятельности судебного эксперта она заключается в организации работы эксперта, планировании проведения конкретного экспертного исследования.

Эксперт исполняет свои обязанности на системной основе (исключение составляют эксперты, которые проводят экспертизы в разовом порядке).

Тесная связь судебно-экспертной деятельности с работой правоохранительных органов, осуществлением правосудия позволяет выделить специфические черты работы судебного эксперта, а именно: правовая регламентация деятельности судебного эксперта, независимость, самостоятельность, персональная ответственность, познавательный характер, реконструктивный характер исследования, верифицируемость, оперативность, предопределенность использования методического материала, принятого в определенном порядке. Специфические черты деятельности судебного эксперта отличают ее от других профессий.

Правовой характер деятельности судебного эксперта выражается в следующем: 1) судебно-экспертная деятельность регулируется процессуальным

законодательством, которым определяется порядок назначения экспертизы, общие требования к проведению судебной экспертизы, порядок оформления заключения эксперта; 2) доказательственное значение фактов, изложенных в заключении эксперта, оценивается как по существу (относимость, достоверность), так и по процессуальной форме (допустимость); 3) процессуальным законодательством определяется статус судебного эксперта, его права, обязанности, ответственность.

Независимость судебного эксперта провозглашается в качестве принципа судебно-экспертной деятельности (ст. 5 Закона Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 281-З «О судебно-экспертной деятельности» [2], ст. 4 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [3]). Расшифровка этого принципа приводится в ст. 8 Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» и в ст. 7 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», которые по своей сути одинаковы. Законом Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» под угрозой привлечения к ответственности запрещается какое-либо воздействие на судебного эксперта в связи с проведением им судебной экспертизы или воспрепятствование в какой-либо форме его деятельности. Из данного положения следует, что эксперт самостоятельно проводит исследование, самостоятелен в выборе методов, средств и экспертных методик, необходимых, с его точки зрения, для исследования конкретных объектов экспертизы. Однако он может выбирать только научно обоснованные и апробированные методики экспертного исследования, а также те, которые соответствуют действующему законодательству. Из этого следует, что самостоятельность судебного эксперта является относительной.

Самостоятельность эксперта в проведении исследований не ограничивается и в случаях, когда он проводит экспертизу в комиссии. Все исследования в пределах своей компетенции эксперт проводит лично, после этого он участвует в комиссионном обсуждении, оценке результатов и формулировании выводов. Если эксперт пришел к выводу, отличному от вывода другого эксперта, то он имеет право высказать особое мнение по вопросам, вызвавшим разногласие (ч. 3 ст. 232 УПК Республики Беларусь [4], ч. 2 ст. 200 УПК Российской Федерации [5]). Проявлением самостоятельности судебного эксперта является также экспертная инициатива. Как в белорусском, так и в российском законодательстве экспертная инициатива — это право эксперта (ч. 4 ст. 236 УПК Республики Беларусь, ч. 2 ст. 204 УПК Российской Федерации). Г. А. Зорин и Н. С. Талецкий, экспертную инициативу определяют как «деятельность, не предусмотренную экспертным заданием, основывающуюся на специальных

знаниях и опыте, осуществляемую посредством проведения экспертиз и исследований, прогнозирования, профилактики, формирования, ведения, автоматизации и использования криминалистических баз данных и учета и направленную на установление новых обстоятельств уголовного дела» [6, с. 42]. Экспертная инициатива осуществляется в процессе проведения экспертного исследования и связана с возможностью дачи ответов на вопросы, не поставленные лицом, назначившим экспертизу; с возможностями получения объектов для экспертизы; с реализацией принципа независимости судебного эксперта [7, с. 199].

Эксперт несет персональную ответственность за данное им заключение. За дачу заведомо ложного заключения при проведении экспертизы по уголовным делам эксперт несет уголовную ответственность (ч. 6 ст. 61 УПК Республики Беларусь, ч. 5 ст. 57 УПК Российской Федерации).

Познавательный характер деятельности эксперта отражается в проведении исследования, которое базируется на научно обоснованных и апробированных методиках. Полученные в результате исследования данные оцениваются экспертом, и формулируется вывод, отражающийся в заключении. Проведение экспертизы, как отмечают Е. И. Галяшина, А. М. Зинин, Е. Р. Россинская, представляет собой «познавательный процесс, который основывается на законах логики, приемах и методах мыслительной деятельности» [8, с. 268]. Экспертное исследование можно определить как творческий процесс, базирующийся на методике и позволяющий реализовать профессиональные качества и психофизиологические свойства эксперта.

Реконструктивный характер деятельности судебного эксперта связан с тем, что заключение эксперта является источником доказательств (средством доказывания). Экспертное исследование направлено на установление фактов, имевших место в прошлом.

Верифицируемость деятельности судебного эксперта проявляется в том, что заключение эксперта предполагает, что оно может быть проверено на соответствие обстоятельств, изложенных в нем, действительности. Такая проверка проводится при оценке заключения эксперта в соответствии с нормами процессуального законодательства, назначении и проведении повторной экспертизы, а также при осуществлении внутреннего контроля, если экспертиза проводилась в судебно-экспертной организации (судебно-экспертном учреждении). Верифицируемость требует, чтобы эксперт в заключении излагал не только выводы, но и ход исследования, аргументируя сделанные им выводы.

Работа эксперта всегда является оперативной, т. е. ограничена временными рамками, определенными законом. Такая необходимость возникает в связи

с тем, что законодательством устанавливаются сроки расследования преступления и рассмотрения дела судом с целью защиты прав и свобод человека.

При проведении экспертного исследования эксперт руководствуется методическим материалом, который рекомендован к использованию в установленном законодательством порядке. Например, в Республике Беларусь существует Реестр методических материалов в сфере судебно-экспертной деятельности, который содержит систематизированные сведения о методических материалах, одобренных и рекомендованных Межведомственным научно-методическим советом к применению при проведении судебных экспертиз. Ведение Реестра методических материалов в сфере судебно-экспертной деятельности обеспечивается Государственным комитетом судебных экспертиз (ст. 48 Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности»). Однако перед экспертом могут быть поставлены не типовые задачи, для которых еще не утверждена методика экспертного исследования. В этом случае он имеет право провести исследование, руководствуясь специальными знаниями, изложенными в научной литературе. Иными словами, эксперт разрабатывает конкретную методику экспертного исследования, которая излагается в заключении эксперта [9, с. 73]. Основой для формирования конкретной методики экспертного исследования нередко являются методические материалы, которые включены в Реестр методических материалов в сфере судебно-экспертной деятельности.

Особенностью служебной деятельности судебного эксперта является то, что он имеет дело с материалами, не подлежащими оглашению. В связи с этим особое внимание в профессиональной этике эксперта должно уделяться вопросам отношения эксперта к информации и носителям информации, с которыми приходится в значительной степени взаимодействовать эксперту. Судебный эксперт не вправе предоставлять третьей стороне информацию, полученную в ходе судебно-экспертной деятельности. Он не имеет права использовать конфиденциальную информацию для своей выгоды или для выгоды любой третьей стороны.

Таким образом, создание системы этических норм и установление правил поведения судебных экспертов необходимо для качественного осуществления ими своей деятельности, а также для содействия укреплению авторитета и повышению статуса судебных экспертов, доверия граждан к субъектам, осуществляющим судебно-экспертную деятельность, и обеспечение единых норм поведения судебных экспертов. Профессиональная этика должна быть обязательной дисциплиной для обучения судебных экспертов и повышения их квалификации.

1. О Правилах профессиональной этики судебного эксперта [Электронный ресурс] : постановление Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь, 9 нояб. 2020 г., № 12. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
2. О судебно-экспертной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 дек. 2019 г., № 281-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. № 300-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 31 мая 2001 г., № 73-ФЗ : в ред. от 01.07.2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. № 286-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 25.12.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
6. Зорин Р. Г., Талецкий Н. С. Роль и значение экспертной инициативы в уголовном судопроизводстве // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2019. № 1 (45). С. 41–48. [Вернуться к статье](#)
7. Орехова Е. П. Пределы активности судебного эксперта в уголовном процессе // Роль и значение судебно-экспертной деятельности и судебной экспертологии в обеспечении национальной безопасности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 окт. 2023 г. / Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. Минск : БелНИИТ «Транстехника», 2023. С. 199–201. [Вернуться к статье](#)
8. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учеб. / под ред. Е. Р. Россинской. М. : Норма, 2024. 368 с. [Вернуться к статье](#)
9. Швед А. И. Судебная экспертиза : пособие. Минск : Форум, 2022. 296 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.575

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЩЕНИЯ МУХОМОРОВ
НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****А. Н. Дрозд**Академия МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам правового противодействия общественно вредному явлению потребления мухоморов, в том числе с целью достижения состояния токсического опьянения. Исследуется опасность мухоморов как для здоровья человека, так и для здоровья населения. Анализируется действующее законодательство, приводится зарубежный опыт.*

***Ключевые слова:** одурманивающие вещества, мухоморы, наркотические средства, токсикотики, незаконный оборот наркотиков, потребление, уголовная ответственность.*

***Annotation.** The article is devoted to the issues of legal counteraction to the socially harmful phenomenon of consumption of fly agarics, including for the purpose of achieving a state of toxic intoxication. The danger of fly agarics for both human health and public health is being studied. Current legislation is analyzed and foreign experience is provided.*

***Keywords:** intoxicants, fly agarics, narcotic drugs, toxicants, drug trafficking, consumption, criminal liability.*

«Альтернатива алкоголю и наркотическим средствам», «урожай для ума и души», «общедоступный психологический инсайт» — под такими слоганами в последнее время стала распространяться реклама мухоморов, якобы пригодных для потребления. Различные зарубежные интернет-магазины, осуществляющие доставку, в том числе в страны СНГ, а также телеграм-каналы, среди которых, например, «Мухоморы Беларусь», предлагают приобрести не только капсулы с мухоморами для микродозинга, но также настойку на мухоморе, сушеные шляпки мухомора и другую продукцию, производимую из этих грибов.

Стандартное описание товара на иностранных сайтах называет продукт антидепрессантом без побочных эффектов, который помогает в борьбе с зависимостями, обладает как тонизирующим, так и успокаивающим действием, дает ощущение уверенности и удовольствия от жизни, действует как медитация, избавляя от навязчивых мыслей, при этом улучшает концентрацию и внимание. Отдельные производители утверждают, что мухоморы эффективны в борьбе с опухолями, оказывают омолаживающий эффект и повышают потенцию [1]. Такие хотя и заманчивые, но весьма противоречивые характеристики вынуждают усомниться в достоверности этих сведений и установить реальный

доказанный эффект от употребления мухоморов человеком, определиться с правовым статусом данных грибов и содержащихся в них веществ.

В соответствии с санитарными нормами и правилами «Санитарно-эпидемиологические требования для организаций, осуществляющих заготовку, переработку и продажу грибов», утвержденными постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 12 апреля 2013 г. № 27, мухоморы включены в перечень ядовитых и несъедобных грибов.

Исходя из материалов средств массовой информации наибольший интерес среди потребителей непсилоцибиновых ядовитых грибов представляет красный мухомор. Данный гриб содержит мускарин — яд, 3 мг которого вызывают отравление организма человека, а большее количество может привести к летальному исходу. Также в составе красных мухоморов присутствует иботеновая кислота, мусцимол и другие нейротоксины, воздействующие на нейронную активность головного мозга. Вместе компоненты способны вызывать сонливость, головную боль, истерию, бред, судороги, тошноту и рвоту. В то же время отдельные эффекты от употребления мухоморов — эйфория и галлюцинации — схожи с воздействием психотропных веществ кетамина, фенциклидина и псилоцибина [2].

В связи с вышесказанным закономерно возникает вопрос о целесообразности отнесения мухоморов к наркотическим средствам или психотропным веществам. Однако ответ на данный вопрос, несмотря на отдельные предложения, звучащие в соседней с нами Российской Федерации [3], несомненно, должен быть отрицательным. Это связано с тем, что внесение средств и веществ в Республиканский список наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь, утверждаемый постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь, осуществляется на основании медицинского, физического и социального критериев. При этом если физический признак однозначно присутствует, то мы не можем сделать такой же вывод относительно двух других. Так, несмотря на то, что мухоморы способны вызывать изменение сознания и воздействовать на центральную нервную систему человека, они не вызывают развития зависимости и толерантности. Социальный же признак, заключающийся в распространённости явления и способности нанесения вреда здоровью не только конкретного человека, но и населения, также отсутствует. Все дело в том, что ядовитые свойства мухоморов превалируют над наркотическими, поэтому с большей вероятностью потребитель вызовет у себя болезненное состояние, а не состояние опьянения.

Так, в Могилеве в декабре 2022 года четверо молодых людей — один парень и три девушки 15 и 16 лет — решили попробовать сухие мухоморы в целях

получения новых ощущений. В результате все четверо оказались в больнице [4]. Аналогично в ноябре 2023 г. в Слонимском районе две женщины, занимавшиеся самолечением с помощью мухоморов, попали в больницу с признаками отравления [5].

Второй не менее важный вопрос, касающийся мухоморов, связан с необходимостью запрета оборота и потребления грибов для предупреждения отравлений людей. Отметим, что, с одной стороны, смертельный исход наступает при попадании в организм более полуграмма мускарина, что соответствует примерно 4 кг свежих или 300–500 граммам сушеных красных мухоморов [6], потребление которых одномоментно очевидно маловероятно. С другой стороны, нельзя не упомянуть и тот факт, что количество биологически активных веществ варьируется в зависимости от времени года, места произрастания гриба, фазы развития плодового тела и т. п.: например, содержание токсинов у весенних и осенних мухоморов может отличаться более чем в 10 раз. К тому же употребление красного мухомора представляет опасность также из-за нарушения восприятия внешнего мира, что может привести к возникновению угрозы для жизни, здоровья человека и окружающих — падениям, утоплениям и т. п.

Именно исходя из опасности мухоморов для людей при отсутствии авторитетных исследований об их пользе в любых дозах Министерством здравоохранения Республики Беларусь в августе 2023 г. был запрещен ввоз на территорию Республики Беларусь, реализация, хранение и использование пищевой продукции, содержащей белые, поганковидные, желто-зеленые, порфиновые, пантерные и красные мухоморы [7], что теперь может быть основанием привлечения к ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических требований. Как представляется, данные меры в комплексе с иными положениями законодательства являются необходимыми и достаточными для пресечения их коммерческого распространения.

Следует отметить, что административное и уголовное законодательство также не обошло вниманием вопросы потребления мухоморов. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП), а также Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК) содержат целый ряд составов правонарушений со специальным субъектом — лицом, находящимся в состоянии, вызванном потреблением токсических или других одурманивающих веществ, к которым могут быть отнесены и мухоморы (чч. 4 и 5 ст. 316–317 УК; ст. 317¹ УК, ст. 18.7, 18.15 КоАП). Аналогично законодательно запрещено появление в общественном месте в состоянии, вызванном потреблением токсических или других одурманивающих веществ, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, либо нахождение на рабочем месте в таком состоянии (ст. 328² УК, чч. 3 и 4 ст. 19.3 КоАП).

Естественно, в случае совершения лицом, потребившим мухоморы, деяний, содержащих признаки административного правонарушения или преступления, им дается самостоятельная квалификация. Кроме того, к обстоятельствам, отягчающим ответственность, закон относит совершение правонарушений в состоянии опьянения (ст. 7.3 КоАП, ст. 64 УК).

Так, в октябре 2021 г. в утреннее время 20-летний бобруйчанин головой разбил лобовое стекло и фару у двух маршруток после употребления мухоморов [8]. Действия лица были квалифицированы как хулиганство (ч. 1 ст. 339 УК).

Кроме того, отдельные действия с использованием мухоморов могут повлечь ответственность и по ст. 19.4 КоАП или ст. 173 УК при вовлечении заведомо несовершеннолетнего в немедицинское употребление одурманивающих веществ.

Так, в феврале 2023 г. в Москве подросток отравился мухоморами и попал в больницу после того, как его отец порекомендовал их как средство для борьбы с никотиновой зависимостью. По установленным данным, грибы ребенку после долгих уговоров купила мать [9].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в Республике Беларусь установлены отдельные ограничения на оборот мухоморов и запрещены отдельные действия с ними как токсичными или одурманивающими веществами. В то же время сам по себе оборот таких веществ (их выращивание, сбор, приобретение, сбыт в качестве непищевой продукции, потребление и т. д.) не запрещен и не преследуется по закону, что соотносимо с правовым регулированием иных веществ, которые могут быть использованы для достижения токсического опьянения, таких, например, как бензин, краска или бытовой газ.

Что касается зарубежного опыта, то, к примеру, в Австралии, Румынии, Израиле и Нидерландах установлены отдельные ограничения на потребление и оборот мухоморов. В Канаде, напротив, в 2021 году мухоморы были включены в базу данных натуральных продуктов для здоровья, способных раскрыть человеческий потенциал.

Таким образом, несмотря на опасность для человека потребления мухоморов в псевдомедицинских целях, а также на вредность самого интереса к измененным формам сознания посредством приема психоактивных веществ, в настоящее время нет оснований для отнесения мухоморов к наркотическим, психотропным или сильнодействующим средствам или иным препаратам, требующим контроля в нашей стране. Актуальное законодательство Республики Беларусь позволяет эффективно противодействовать распространению мухоморов и принимать адекватные меры к лицам, причиняющим вред различным охраняемым законом отношениям.

1. Алтайские сушеные мухоморы [Электронный ресурс] // Muchomog.ru. URL: <https://muchomog.ru/> (дата обращения: 17.12.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Откуда пошла мода на сбор мухоморов и как по почте пытаются отправлять галлюциногены [Электронный ресурс] // Беларусь Сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/griby-iz-taunikov.html> (дата обращения: 17.12.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
3. Мухоморы предложили приравнять к наркотикам [Электронный ресурс] // Телеканал 360. URL: <https://clck.ru/38qAsH> (дата обращения: 17.12.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. Подростки в Могилеве попали в реанимацию после отравления мухоморами [Электронный ресурс] // Проф-Пресс. URL: <https://clck.ru/38qAug> (дата обращения: 17.12.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
5. В Слонимском районе две женщины лечились с помощью мухоморов и оказались в больнице [Электронный ресурс] // Вечерний Гродно. URL: <https://clck.ru/38qAwM> (дата обращения: 17.12.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
6. Зависимость от мускарина [Электронный ресурс] // Клиника доктора Исаева. URL: <https://clck.ru/38qAxp> (дата обращения: 20.12.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
7. О запрете ввоза на территорию Республики Беларусь, реализации, хранения, транспортировки, использования пищевой продукции, содержащей мухоморы [Электронный ресурс] : постановление зам. министра здравоохранения — главного гос. сан. врача Респ. Беларусь, 16 авг. 2023 г., № 18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
8. Житель Бобруйска съел сушеных мухоморов и разбил головой две маршрутки [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. URL: <https://www.belarus.kp.ru/online/news/4486991/> (дата обращения: 19.12.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
9. Подросток пытался бросить курить с помощью мухоморов и оказался в больнице [Электронный ресурс] // News.ru. URL: <https://clck.ru/38qAzZ> (дата обращения: 17.11.2023). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 347

О ЗНАЧЕНИИ И НОРМАТИВНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ПРИНЦИПА ПРИОРИТЕТА ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Е. М. Ефременко

Академия МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры гражданского и трудового права,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** Проведен анализ значения и содержания принципа приоритета общественных интересов для формирования правовой культуры участников гражданского оборота, сформулированы предложения о целесообразности его нормативного закрепления.*

***Ключевые слова:** правовая культура, принципы гражданского права, принцип приоритета общественных интересов, частный интерес, публичный интерес.*

***Annotation.** The analysis of the principles of priority of public interests for the formation of legal culture; proposals have been formulated on the advisability of its normative consolidation.*

***Keywords:** sense of justice, principles of civil law, principle of priority of public interests, private interest, public interest.*

Принципы гражданского права являются его основными началами и задают вектор развития и совершенствования правореализационной деятельности. Их виды, содержание и толкование часто выступают предметом научных исследований. В современных условиях законодатель не всегда успевает обеспечить соответствующее нормативное правовое регулирование динамично развивающегося информационного мира, в силу чего по объективным и субъективным причинам возникают пробелы в праве. В этом случае принципы права являются его источниками и непосредственно влияют на содержание актов применения правовых норм. Следует также согласиться с мнением российского исследователя А. С. Еременко о том, что для обеспечения всей полноты социально-экономической жизни чрезвычайно важно воссоздавать среду эффективного действия и применения норм гражданского права, которая в числе прочих предполагает культуру гражданского оборота [1, с. 3].

Согласно ст. 2 Гражданского кодекса (далее — ГК) Республики Беларусь, нормативное закрепление получила система принципов, состоящая из двух относительно самостоятельных блоков — общеправовых (принцип верховенства права, принцип социальной направленности регулирования экономической деятельности, принцип приоритета общественных интересов), и собственно от-

раслевых (принцип равенства участников гражданских отношений, принцип неприкосновенности собственности и др.) начал гражданско-правового регулирования общественных отношений [2]. Аналогичный подход сохранен и в новой редакции ГК Республики Беларусь от 13 ноября 2023 года, вступление в юридическую силу которой анонсировано в текущем году.

В рамках заявленной темы целесообразно обратить внимание на тот факт, что изложенный в существующей редакции в ст. 2 ГК Республики Беларусь принцип приоритета общественных интересов не вполне соответствует ценностным ориентирам современной юридической (в том числе цивилистической) доктрины и не в полном объеме обеспечивает достижение такой цели, как формирование правовой культуры участников гражданского оборота. Названный принцип предполагает, что осуществление гражданских прав не должно противоречить общественной пользе и безопасности, наносить вред окружающей среде, историко-культурным ценностям, ущемлять права и защищаемые законом интересы других лиц. Традиционно гражданское право относится к отраслям частного права, однако в настоящее время, с одной стороны, отчетливо просматривается тенденция усиления публично-правовой методологии в гражданско-правовом регулировании общественных отношений, с другой — все более широкое использование диспозитивного метода правового регулирования в актах уголовного и административного законодательства в связи с его либерализацией по ряду составов [3, с. 108]. Тем самым один из основных либеральных постулатов о недопустимости вмешательства государства в частные дела, за исключением случаев, когда такое вмешательство осуществляется в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц, в настоящее время подвергается переосмыслению и требует уточнения и большей конкретизации в актах белорусского гражданского законодательства. Иллюстрацией реализации такого подхода может являться, например, статья 169 ГК Российской Федерации о ничтожности сделки, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, и недопустимости реституции в случае умышленного действия сторон; ст. 244 ГК Республики Беларусь, ст. 243 ГК Российской Федерации о безвозмездном изъятии имущества у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения. Принятие Закона Республики Беларусь от 3 января 2023 года № 340-З «Об изъятии имущества» стало следствием совершения недружественных действий в отношении Республики Беларусь со стороны ряда зарубежных государств и является новеллой правового регулирования. Таким образом, в контексте формирования правовой культуры субъектов гражданского права можно говорить об аксиологическом векторе, согласно которому

в области частного (в первую очередь гражданского) права возрастает публично-правовая составляющая. В связи с этим возникает закономерный вопрос: чьи интересы — государственные или общественные — должны пониматься как публичные. В последние годы возникает значительное количество правовых споров, когда интересы государства и отдельных социальных групп не совпадают, в частности, возведение ряда промышленных объектов, ликвидация объектов индивидуального жилищного фонда инициируется и поддерживается государством, но вызывает сильное общественное противодействие и т. д. В современном белорусском гражданском законодательстве преимущественно используется понятие «общественный интерес», однако в случае возникновения споров это содействует неоднозначности и субъективности толкования правовой нормы и влечет правовую неопределенность, что подтверждается правоприменительной практикой.

Таким образом, при формулировании правовых норм следует указывать, приоритет каких интересов — государственных либо общественных — должен быть обеспечен в первую очередь. При формировании правовой культуры субъектов важной составляющей правовой доктрины должна являться их убежденность в том, что при обеспечении национальной безопасности, общественного порядка, должны доминировать государственные интересы, а при обеспечении здоровья населения, его экологических, социально-экономических прав и свобод — общественные.

С учетом всего вышеизложенного можно сформулировать вывод о том, что в настоящее время гражданско-правовое регулирование общественных отношений направлено на обеспечение и защиту как частного (обеспечение и защита имущественных и личных неимущественных прав участников гражданско-правовых отношений), так и публичного (государственного и общественного) интересов. Наиболее полно данная двуединая цель может быть обеспечена нормативным закреплением в абз. 4 ч. 2 ст. 2 ГК Республики Беларусь и последующей реализацией принципа баланса частного и публичного (государственного и общественного) интересов.

---

1. Еременко А. С. Теория и методология гражданского правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2011. 26 с. [Вернуться к статье](#)

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Курбанов Р. А. Правое обеспечение частных и публичных интересов: диалектика развития в российском праве // Государство и право. 2020. № 1. С. 101–110. [Вернуться к статье](#)

УДК 349.2

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАНЯТОСТИ И ТРУДОУСТРОЙСТВА ОБЯЗАННЫХ ЛИЦ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ю. А. Журова

Белорусский государственный университет,
аспирант

Аннотация. В рамках данной статьи проводится анализ положений белорусского законодательства в области занятости обязанных лиц. Автор исследует нормативные правовые акты в этой сфере, а также практику их применения. На основании проведенного исследования выявлены пробелы и коллизии действующего законодательства, а также выработаны подходы для их устранения.

Ключевые слова: занятость, трудоустройство, обязанные лица.

Annotation. This article analyzes the provisions of the Belarusian legislation in the field of employment of obligated persons. The author examines the normative legal acts in this area, as well as the practice of their application. Based on the conducted research, gaps and conflicts of the current legislation have been identified, as well as approaches to eliminate them have been developed.

Keywords: employment, employment, obligated persons.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 41 Конституции Республики Беларусь, гражданам Республики Беларусь гарантируется право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека [1]. Вместе с тем в национальном законодательстве предусмотрены ситуации, когда труд становится обязанностью лица. Примером подобной ситуации выступает трудоустройство родителей, которые обязаны возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении (далее — обязанные лица). В отношении данной категории лиц существуют определенные особенности в сфере труда и занятости ввиду специфики их правового статуса. Вместе с тем в правоприменительной практике возникает ряд трудностей, которые требуют разъяснения и детализации со стороны законодателя.

Рассмотрение правового статуса обязанных лиц в сфере занятости необходимо начать с изучения законодательной базы. Так, основными нормативными правовыми актами, регламентирующими занятость и трудоустройство обязанных лиц являются:

1. Закон Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-3 «О занятости населения Республики Беларусь» [2].

2. Декрет Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» (далее — Декрет № 18) [3].

3. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 26 января 2007 г. № 105 «Об утверждении Положения о трудоустройстве родителей, обязанных возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении» (далее — Положение о трудоустройстве) [4].

В соответствии с ч. 1 п. 8 Декрета № 18, обязанными лицами являются родители, которые должны возмещать государству расходы на содержание детей в следующих случаях:

- отобрания у них детей по решению комиссии по делам несовершеннолетних;
- отобрания у них детей на основании решения суда без лишения родительских прав;
- лишения их родительских прав по решению суда;
- нахождения их в розыске, лечебно-трудовых профилакториях или в местах содержания под стражей;
- отбывания ими наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, ограничения свободы, ареста [3].

Исходя из ч. 4 п. 8 Декрета № 18, обязанными лицами могут признаваться наряду с гражданами Республики Беларусь иностранные граждане или лица без гражданства, постоянно проживающие, временно пребывающие или временно проживающие на территории Республики Беларусь, если их дети являются гражданами Республики Беларусь или лицами без гражданства [3].

Согласно ч. 5 п. 5 Положения о трудоустройстве, трудоустройство данной категории граждан осуществляется в организации, включенные в перечень организаций независимо от форм собственности для трудоустройства обязанных лиц [4]. Государство возлагает ряд обязанностей на нанимателей, которые включены в такой перечень, при трудоустройстве обязанных лиц. Так, наниматели обязаны:

- 1) информировать в трехдневный срок со дня возникновения свободных рабочих мест (вакансий) об этом органы по труду, занятости и социальной защите с указанием условий труда и размера заработной платы по соответствующим вакансиям;
- 2) принять на работу обязанное лицо;
- 3) информировать органы внутренних дел и органы по труду, занятости и социальной защите о неявке обязанных лиц на работу [3; 4].

При приеме на работу обязанных лиц применяются положения также и Трудового кодекса Республики Беларусь (далее — ТК). Вместе с тем на практике имеет место расхождение положений ТК и актов законодательства, регламентирующих трудоустройство обязанных лиц. Так, ст. 26 ТК устанавливает обязанность нанимателя потребовать у соискателя определенные документы, необходимые для трудоустройства. Прием на работу без данных документов не допускается [5]. Вместе с тем на практике возможны ситуации, когда у обязанного лица отсутствуют те или иные необходимые документы, например, документ, удостоверяющий личность, документы воинского учета (для военно-обязанных и лиц, подлежащих призыву на воинскую службу). Однако законодатель не допускает такого основания для отказа в трудоустройстве обязанного лица. Если наниматель откажет в приеме на работу лица по такому основанию, то для нанимателя наступает административная ответственность по ч. 1 ст. 10.12 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [6]. Если лицо будет принято на работу без необходимых документов, то должностное лицо нанимателя будет привлечено к административной ответственности по ч. 6 ст. 10.12 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях за несоблюдение установленного порядка приема работников на работу [6]. Аналогичная ситуация возникает в случае уклонения от прохождения медицинского осмотра обязанным лицом. Хоть законодателем и предусмотрен механизм противодействия подобным нарушениям в форме административного ареста с обязательным привлечением к труду обязанного лица. Однако у нанимателей возникает проблема, когда обязанное лицо является в организацию для трудоустройства, но без медицинского заключения. Наниматель не может заключить трудовой договор, руководствуясь положениями ст. 26 ТК. При этом отказ в приеме на работу по такому основанию органы по труду нередко рассматривают как отказ нанимателя в приеме на работу обязанного лица, что запрещено. Исходя из вышеизложенного, можем отметить, что не все нормы ТК применимы в отношении обязанных лиц.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Обязанные лица представляют собой такую категорию безработных, в отношении которой законодатель предусмотрел ряд особенностей в сфере труда и занятости. Данные граждане подлежат трудоустройству в организациях, которые включены в специальный перечень, на основании судебного постановления. Стоит отметить, что в действующем законодательстве существует ряд пробелов и коллизий в регулировании трудоустройства обязанных лиц. Это, в свою очередь, приводит к трудностям в правоприменительной деятельности, поскольку не все нормы ТК применимы в отношении обязанных лиц. Так, на наш взгляд, представляется необходимым предусмотреть возможность трудоустройства

обязанного лица даже в случае невозможности предоставления необходимых документов, за исключением медицинского заключения (в случае необходимости такового).

---

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 февр. 2022 г. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. 62 с. [Вернуться к статье](#)

2. О занятости населения Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июня 2006 г., № 125-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2022 г. № 231-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 24 нояб. 2006 г., № 18 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 23.02.2012 г. № 2. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Об утверждении Положения о трудоустройстве родителей, обязанных возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 26 янв. 2007 г., № 105 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 18.04.2016 г. № 312. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.06.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.13

**ЭТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРЕДЕЛОВ УСМОТРЕНИЯ
В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****Е. А. Иванченко**

Северо-Кавказский федеральный университет,
доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа этической составляющей, влияющей на установление и соблюдение уполномоченными субъектами правоохранительной деятельности пределов усмотрения при принятии процессуальных решений в рамках уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, уголовное судопроизводство, пределы усмотрения.

Annotation. The article attempts to analyze the ethical component that affects the establishment and observance by authorized law enforcement entities of the limits of discretion when making procedural decisions in criminal proceedings.

Keywords: law enforcement, criminal proceedings, limits of discretion.

«Пределы усмотрения» являются достаточно распространенной юридической конструкцией в отраслевом уголовно-процессуальном законодательстве, регламентирующем деятельность судебных и иных правоохранительных органов (полиции, органов предварительного расследования и др.) в уголовном судопроизводстве. Кроме регламентации деятельности, институт усмотрения имеет решающее значение для определения границ компетенции того или иного органа, определенного должностного лица.

«Пределы усмотрения», а именно их соблюдение, оказывают непосредственное влияние на соблюдение прав и законных интересов круга субъектов, вовлеченных в уголовное судопроизводство, а значит, на поддержание общего режима законности осуществления уголовного преследования.

Надлежащее понимание правоохранителем пределов усмотрения позволяет ему в достаточной степени представлять, как посредством его профессиональной деятельности по применению материального и процессуального уголовного закона достигаются цели уголовного судопроизводства, разрешаются уголовные дела и впоследствии вершится правосудие.

Таким образом, пределы усмотрения, как справедливо отмечает А. В. Вишнева, это некие рамки сверх установленных процессуальных правил, в пределах которых осуществляют свою деятельность правоохранители [1, с. 100–101], при этом данные рамки по своему содержанию относятся больше к таким правовым и нравственным категориям, как справедливость,

законность, соразмерность и обоснованность. Отдельные авторы даже прямо определяют эти рамки, в частности, В. А. Попов определяет их как «закон, законодательные конструкции, обстоятельства дела, полномочия правоприменителя» [2, с. 77], кроме того, в специальной литературе высказываются точки зрения, что пределы усмотрения правоохранителя определяет, кроме закона, еще и внутреннее убеждение, применительно к деятельности суда — внутреннее судейское убеждение.

По нашему мнению, пределы усмотрения следует очерчивать с помощью правовых и нравственных категорий, одной из которых является этика правоохранителя, рассмотрение которой мы определяем целью исследования, результаты которого будут тезисно изложены в данной публикации.

Этику правоохранителя в юридическом сообществе принято рассматривать как некий моральный компромисс, необходимый для достижения в целом благородной цели поддержания правопорядка и защиты прав граждан, особенно такие мнения высказываются в литературе относительно уголовно-исполнительного, оперативно-розыскного и некоторых других направлений правоохранительной деятельности, сопряженных с применением негласных методов работы, или методов, связанных с физическим или психическим принуждением. То есть этика правоохранителя, которая определяет пределы усмотрения в правоохранительной работе, изначально воспринимается как имеющая некий изъян, но изъян вынужденный, объяснимый, обусловленный спецификой осуществляемой службы. Считаем такой подход принципиально неправильным.

Необходимым элементом обеспечения пределов усмотрения правоохранителя являются достаточные представления о законности (во всяком случае все авторы, рассуждающие на данную тему, упоминают этот элемент в предлагаемых классификациях элементов, составляющих пределы усмотрения). Как справедливо отмечается в специальных источниках, «...без законности усмотрение перестанет существовать» [3]. Это утверждение невозможно оспорить.

Надлежащее представление о законности обуславливает, в свою очередь, надлежащее соблюдение пределов усмотрения при обеспечении и законном ограничении прав граждан, позволяет уберечь граждан от произвола в действиях правоохранителя, гарантирует невмешательство без необходимых оснований в сферу их частной жизни.

Таким образом, законность — четкий системообразующий ориентир для любого правоохранителя (следователя, прокурора, судьи и всех прочих) при принятии процессуального решения.

Можно ли утверждать, что следователь, прокурор, судьи и иные правоохранители понимают законность как-то иначе, нежели все остальные субъекты

общественных отношений? Разумеется, нет. Законность, как такой порядок общественных отношений, при котором неукоснительно соблюдаются правовые нормы всеми участниками правоотношений, понимается таковым также всеми участниками общественных отношений. Соответственно, стандарты поддержания законности также общие для всех: все участники отношений соблюдают нормативные предписания, регулирующие эти отношения; в государстве сформирован и функционирует эффективный механизм обеспечения, охраны и защиты прав и свобод граждан; нарушенное право обязательно восстанавливается, а при невозможности восстановления — адекватно компенсируется.

Такое общее представление о законности и стандартах ее обеспечения унифицирует этику поддержания и соблюдения законности, распространяющуюся и на профессиональных субъектов ее поддержания — правоохранителей, и на всех остальных субъектов.

Следовательно, этика не может быть правоохранительной, этика всегда общая, одна-единственная. Допускать в правоохранительной работе то, что может быть сочтено неэтичным отдельными участниками общественных отношений, недопустимо.

Студентам юридических факультетов нужно поступательно доводить концепцию, что осуществляя действия, отличающиеся определенной спецификой в силу их негласного характера, они не будут поступаться этическими нормами, руководствуясь социально-полезной целью, они изначально будут действовать исключительно этично, если будут реализовывать свою профессиональную деятельность в рамках, определенных законом.

Такое же положение распространяется на определение пределов усмотрения, как частный институт правоприменения в правоохранительной работе, если правоохранитель прежде всего руководствуется законом, по нашему убеждению, он уже действует этично.

Однако пределы усмотрения не безлики, в них правоохранитель не может не преломлять субъективную оценку определенной ситуации принятия процессуального решения (выбора меры принуждения, проведения проверочных мероприятий, осуществления наружного наблюдения и иных оперативно-розыскных действий и т. д.). В выборе пределов усмотрения отражается баланс органически связанных категорий — законности и уникальности оценки определенной ситуации, исходя из той правоохранительной задачи, которая должна быть решена в том или ином случае.

Таким образом, на установление пределов усмотрения еще оказывает взаимодействие то, как оценивает правоохранитель достоверность поступившей информации, чем меньше такая информация достоверна, тем шире обозначаются им пределы усмотрения в принятии процессуальных решений,

что самым непосредственным образом негативно влияет на соблюдение в правоохранительной работе такой категории, как законность.

Данный аспект также должен обсуждаться в юридической среде, студенты должны думать и говорить об этом, а преподаватели в рамках наставничества не должны стесняться инициировать такие темы к обсуждению на практических занятиях по уголовному процессу, криминологии, теории оперативно-розыскной деятельности и тому подобным учебным дисциплинам. Обсуждение этих вопросов считаем необходимой подготовкой к будущей профессиональной правоохранительной деятельности.

На чем необходимо делать акцент в рамках такого обсуждения? По нашему мнению, нужно всесторонне подчеркивать, что следственная, оперативно-розыскная и иные направления правоохранительной деятельности являются видами государственно-правовой деятельности, а значит, неотделимо сопряжены с установленными легально ограничениями и условиями законности деятельности. Следовательно, данный вид государственно-правовой работы уверенно допускает негласный характер действий, признает такую негласность безусловно этичной, равно этичным признает вторжение во внутренний мир человека, а также в область его субъективных прав, самое главное, чтобы субъект правоохранительной деятельности, осуществляющий такое вторжение, был уполномочен на такое вторжение (надлежащий субъект), соблюдал установленные законом ограничения и запреты (надлежащие условия деятельности), умел безошибочно грамотно с точки зрения соблюдения нормативных положений устанавливать пределы усмотрения и процессуально действовать в их границах (надлежащие пределы процессуальных решений).

---

1. Вишнева А. В. Понимание пределов усмотрения как института уголовно процессуального права // Актуальные тренды в науке и образовании : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 8 янв. 2024 г. : в 2 ч. Пенза : Наука и Просвещение, 2024. С. 100–102. [Вернуться к статье](#)

2. Попов В. А. Понимание пределов усмотрения как института уголовно-процессуального права // Евразийская адвокатура. 2017. № 4 (29). С. 77–80. [Вернуться к статье](#)

3. Барак А. Судейское усмотрение [Электронный ресурс] : пер. с англ. М. : НОРМА, 1999. 364 с. URL: <https://djvu.online/file/GHF1vKz0RGuip> (дата обращения: 03.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.8

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОРЯДКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Н. В. Кийко

Академия МВД Республики Беларусь,
начальник уголовно-исполнительного факультета,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье исследуются вопросы совершенствования порядка и условий обеспечения безопасности осужденных к лишению свободы. Выделены правовые пробелы и изложены конкретные предложения по их устранению. Автором отмечается, что уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь нуждается в совершенствовании с целью повышения степени защищенности лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство, безопасность, осужденный, лишение свободы.

Annotation. The article examines the issues of improving the procedure and conditions for ensuring the safety of those sentenced to imprisonment. Legal gaps are highlighted and specific proposals for their elimination are outlined. The author notes that the penal legislation of the Republic of Belarus needs to be improved in order to increase the degree of protection of persons serving a sentence of imprisonment.

Keywords: criminal-executive legislation, safety, convicted, imprisonment.

Актуальность вопроса совершенствования порядка обеспечения безопасного функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) заключается в том, что любое нарушение безопасности в деятельности исправительных учреждений свидетельствует о возможности наступления негативных последствий как для осужденных, так и для персонала. Это нарушает нормальное функционирование всей пенитенциарной системы в целом и, в конечном счете, — общества и государства. Своевременное выявление внутренних и внешних угроз, принятие адекватных мер реагирования является необходимым условием поддержания правопорядка как в отдельном исправительном учреждении, так и в пенитенциарной системе страны.

При этом необходимо учитывать, что безопасность УИС страны генетически связана с общей системой национальной безопасности Республики Беларусь, поскольку включает в себя комплекс нормативно-правовых и организационно-правовых сил и средств, направленных на противодействие угрозам нормальному развитию отечественного государства и общества, нарушению

правоохраняемых интересов граждан. Вместе с тем безопасность в деятельности учреждений УИС заключает в себе существенную специфику, обусловленную особенностями основных угроз и проявляющую себя в организационно-правовых инструментах ее обеспечения.

С учетом процессов, складывающихся в настоящее время, вопросы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь не теряют своей актуальности. Значимым событием 2023 года стало подписание Президентом Республики Беларусь Указа № 196, который утвердил Концепцию правовой политики Республики Беларусь. Указанный документ, основываясь на Конституции, иных законодательных актах, нормах международно-правовых актов, содержащих обязательства Республики Беларусь, определил стратегию развития всей правовой системы страны, которая направлена на эффективное предупреждение вызовов и угроз с учетом динамично изменяющихся общественных отношений. И сфере борьбы с преступностью и коррупцией в нем уделяется серьезное внимание [1].

В уголовно-исполнительном законодательстве имеется ряд правовых норм, закрепляющих право лица на личную безопасность. Статья 11 Уголовно-исполнительного кодекса (далее — УИК) предусматривает право осужденного на обращение с заявлением об обеспечении личной безопасности к любому должностному лицу, а также возможность его перевода в безопасное место либо же принятие иных мер с целью устранения угрозы личной безопасности [2].

Согласно пункту 8 статьи 81 УИК, в исключительных случаях для обеспечения личной безопасности осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы в любом исправительном учреждении, при наличии его письменной просьбы начальник учреждения вправе перевести осужденного на изолированное содержание на срок до 6 месяцев [2].

В главе 37 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений (далее — ПВР ИУ) говорится о возможности, на основании постановления начальника учреждения, помещения лица в безопасное место на срок не свыше 6 месяцев, либо дежурным помощником, но не более чем на 24 часа в случае отсутствия начальника учреждения. В течение данного срока администрация учреждения обязана принять исчерпывающие меры по устранению угрозы личной безопасности осужденного [3].

Следует учесть, что в случае невозможности по каким-либо причинам устранить угрозу личной безопасности в течение 6 месяцев за помещением лица в безопасное место может следовать иная мера реагирования в виде перевода лица в другое исправительное учреждение. Однако, по нашему мнению, отбывание всего наказания осужденным в одном исправительном учреждении является важным элементом его исправления. Перевод же лица в другое учре-

ждение прерывает процесс его нахождения в конкретном учреждении, влечет необходимость адаптации осужденного к новому месту отбывания наказания, влияет на профессиональную и образовательную деятельность осужденного. Одновременно данная мера усложняет изучение личности осужденного, отслеживание его связей, так как в случае перевода данную работу приходится проделывать фактически заново. По нашему мнению, использование указанного подхода происходит по причине установленных законодательством сроков возможности нахождения осужденного в безопасном месте.

С учетом этого представляется целесообразным внесение изменений в законодательство в части продления сроков содержания лица в безопасном месте в таких случаях, например, когда осужденному остается до окончания срока не более года (как лицу, которому угрожает опасность, так и лицу, непосредственно угрожающему чьей-либо безопасности соответственно). Подобный подход предусматривает необходимость корректировки статьи 81 УИК и пункта 213 ПВР ИУ.

Исходя из этого, считаем необходимым допустить возможность в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством продления сроков содержания осужденного в безопасном месте на срок более 6 месяцев в случаях, когда до окончания срока отбывания наказания остается не более одного года и перевод данного лица в другое учреждение является нецелесообразной мерой по обеспечению его безопасности.

Также стоит обратить внимание на наделение полномочиями дежурного помощника начальника исправительного учреждения в части продления сроков содержания в безопасном месте в выходные и праздничные дни. Существующая норма не предусматривает данное право, однако его реализация позволит более точно и правильно проанализировать возникшую ситуацию, представляющую угрозу, а также подобрать и реализовать исчерпывающие меры и решения для ее ликвидации в последующем.

В этой связи пункт 8 статьи 81 УИК может быть дополнен третьим предложением в следующей редакции: «По решению начальника учреждения срок изолированного содержания осужденного в безопасном месте может быть более 6 месяцев, если до окончания срока отбывания наказания осталось не более года».

Кроме этого, пункт 213 ПВР ИУ целесообразно изложить в следующей редакции: «213. Перевод осужденного к лишению свободы в безопасное место производится по постановлению начальника исправительного учреждения или лица, его замещающего, согласно приложению 45, на срок до 6 месяцев с возможностью его продления, а в экстренных случаях — дежурного помощника начальника исправительного учреждения (далее — ДПНИУ) до прихода

начальника исправительного учреждения либо лица, его замещающего, но не более чем на 24 часа. Период содержания осужденного, которому угрожает опасность, либо лиц, угрожающих его личной безопасности, в безопасном месте может быть более 6 месяцев, если до окончания срока отбывания наказания осталось не более года. В выходные и праздничные дни ДПНИУ может продлить срок содержания в безопасном месте еще на 24 часа».

Таким образом, актуальность вопросов обеспечения безопасности в исправительных учреждениях не вызывает сомнения и требует дальнейшей научной разработки. При этом необходимо учитывать уровень латентности правонарушений среди осужденных, наличие между ними конфликтных ситуаций, обусловленных в большинстве случаев криминальной зараженностью, в связи с чем вопросы обеспечения безопасности в деятельности исправительных учреждений приобретают не только важное теоретическое, но и практическое значение. Очевидно, что без тщательного научного анализа комплекса возникающих при этом связей и отношений (в первую очередь организационного и правового характера) нельзя разработать и реализовать адекватные меры по преодолению негативных явлений, созданию эффективной системы деятельности подразделений, обеспечивающих безопасность в исправительных учреждениях, отвечающей современным и перспективным потребностям личности, общества и государства.

---

1. О Концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 28 июня 2023 г. № 196. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-З : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.06.2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 20 окт. 2000 г., № 174. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 34.01

ГЕНЕЗИС ПРАВОВЫХ НОРМ В СФЕРЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

О. Н. Ковалёв

Академия национальной безопасности Республики Беларусь,
сотрудник

***Аннотация.** Проведен анализ норм, содержащихся в памятниках права, и сделан вывод об их схожести с положениями современных нормативных правовых актов Республики Беларусь, регулирующих общественные отношения в сфере лесного хозяйства.*

***Ключевые слова:** лесное хозяйство, лесное право, памятники права.*

***Annotation.** An analysis of the norms contained in the legal monuments was carried out and a conclusion was made about their similarity with the provisions of modern regulatory legal acts of the Republic of Belarus regulating public relations in the field of forestry.*

***Keywords:** forestry, forest law, legal monuments.*

Вопросы правового регулирования порядка ведения лесного хозяйства отражены не только в современном законодательстве, но и содержатся в памятниках права, которые сохранили ценные материалы, с помощью которых познается характер и содержание нормативных предписаний древних государств в сфере использования, охраны и защиты лесов.

В общей теории государства и права выделяют шесть основных форм права: правовой обычай, нормативный правовой акт, договор с нормативным содержанием, правовая доктрина, религиозное писание и юридический прецедент. Как отмечает Т. Л. Янулевич, их значение в каждой системе права не одинаково. В период становления права преобладающее значение имел правовой обычай, т. е. исторически сложившееся правило поведения, санкционированное государством в качестве общеобязательного [1, с. 19]. В свою очередь, Н. И. Матузов пишет, что исторически право как система норм в значительной степени выросло из обычаев, которые санкционировались публичной властью по мере практической необходимости и уже в этом заключается их генетическое родство [2, с. 223]. По мнению А. В. Вениосова, в силу своей значимости памятники права всегда представляют большой интерес для юристов, т. к. позволяют на основе анализа их норм изучить правовой статус личности в обществе, проследить развитие основных институтов различных отраслей права [3, с. 20–21].

На наш взгляд, анализ норм, содержащихся в памятниках права, дает возможность увидеть их схожесть с положениями современных нормативных правовых актов Республики Беларусь, регулирующих общественные отноше-

ния в сфере лесного хозяйства, и сделать предположение об их возможном «генетическом родстве».

Так, в законах Хаммурапи, одном из древнейших правовых памятников в мире, законодательном своде старовавилонского периода, созданном при царе Хаммурапи в 1750-х гг. до н. э., впервые закреплена ответственность в связи с незаконной вырубкой деревьев. За рубку (уничтожение) дерева без ведома хозяина полагался штраф в размере 0,5 мины серебра (около 260 гр.) [4, с. 64]. Данное положение являлось охранительным правовым средством, предусматривающим строгое денежное взыскание, что скорее всего преследовало цель общего предупреждения совершения такого рода правонарушения.

В Законах XII таблиц, являющихся первым писанным источником права Древнего Рима (451–450 гг. до н. э.), содержался ряд правовых норм, предусматривающих ответственность за незаконную рубку деревьев. Согласно таблице VIII, за злостную порубку чужих деревьев виновный уплачивал по 25 ассов за каждое дерево, что являлось весьма суровым материальным наказанием [5, с. 18].

Можно провести сравнение рассмотренных норм законов Хаммурапи и Законов XII таблиц со статьей 16.17 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, в которой предусмотрена ответственность за незаконную рубку, незаконное удаление, пересадку, повреждение или уничтожение древесно-кустарниковой и иной растительности [6]. Если такими действиями причиняется ущерб в крупном размере, то наступает уголовная ответственность по статье 277 Уголовного кодекса Республики Беларусь [7].

Следует отметить наличие в Законах XII таблиц нормы, ограничивающей возможность истребования древесины из чужого незаконного владения в отдельных случаях. В таблице VI содержатся предписания, согласно которым запрещается отнимать бревна и жерди, использованные нарушителем для постройки здания или посадки виноградника. При этом прямо предусмотрено право требовать возмещения ущерба. Лицо, которому причинен имущественный вред, имеет возможность заявить иск о взыскании стоимости древесины в двойном размере [5, с. 12–13].

Указанные предписания по своему содержанию очень схожи с правовыми нормами, изложенными в статье 109 Лесного кодекса Республики Беларусь, согласно которым, незаконно заготовленная древесина подлежит изъятию и передаче юридическому лицу, ведущему лесное хозяйство. При невозможности или нецелесообразности изъятия древесины взыскивается ее стоимость в порядке и размерах, определяемых Советом Министров Республики Беларусь [8].

В Дигестах Юстиниана, представляющих собой обобщенное структурированное собрание извлечений из работ видных римских юристов

(III–II вв. до н. э.), имеются нормы, касающиеся права собственности на лесные угодья, лесную продукцию, а также закрепляющие отдельные права общего природопользования. В титуле VIII первой книги указано, что деревья, растущие по берегам рек, являются собственностью тех, чьи имения прилегают к реке. При этом для рассматриваемой категории насаждений установлен особый, свободный режим посещения и лесопользования. В частности, разрешается причаливать на судне к берегам и привязывать канат к деревьям, растущим на берегу, устраивать временные хижины для своего пребывания. Отмечено, что пользование берегами является «публичным на основании прав народов» [9, с. 145].

В современном законодательстве определено, что леса Республики Беларусь составляют исключительную собственность государства. В статье 8 Лесного кодекса Республики Беларусь отражена возможность свободного доступа граждан на территорию лесного фонда для осуществления права общего природопользования.

Хотелось бы сопоставить порядок аренды лесного фонда, закрепленный в главе 10 Лесного кодекса Республики Беларусь, с положениями книги седьмой Дигест Юстиниана. Согласно Кодексу, лесопользователь имеет право осуществлять лесопользование на предоставленном участке лесного фонда по видам, объемам, срокам и на условиях, указанных в документах, на основании которых возникает право лесопользования. Лесопользователь обязан соблюдать законодательство об использовании, охране, защите и воспроизводстве лесов. В случае выявления нарушений он обязан их устранить или возместить затраты юридического лица, ведущего лесное хозяйство, на приведение участка лесного фонда в состояние, пригодное для его целевого использования [8].

В свою очередь, согласно Дигест Юстиниана, из леса, предназначенного к вырубке, арендатор (узуфруктуарий) может свободно брать колья и ветви деревьев, а из леса, не предназначенного для вырубки, — только колья для виноградуников, при условии, что данный лесной участок не ухудшится. Имеется норма, позволяющая использовать арендатору, по своему усмотрению, поваленные и сломанные деревья, но только в пределах потребностей «его дома». При этом им не может быть использован в качестве дров строевой лес, если имеется откуда брать дрова. Следующим образом оговаривался порядок воспроизводства арендованного леса: «узуфруктуарий должен постоянно возобновлять питомник, чтобы он мог служить для насаждений... В питомнике постоянно должны быть молодые деревья» [10].

Свое отражение в Дигестах Юстиниана нашли и вопросы ведения охотничьего хозяйства в арендованных лесах. В частности, закреплена возможность арендатора свободно охотиться и добывать дичь в угодьях: «...узуфруктуарий

может охотиться в лесах своего владения, кабана или оленя, захваченных им, он делает своими» [10, с. 239].

Порядок ведения охотничьего хозяйства определен в Правилах охоты, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь «Об охоте и ведении охотничьего хозяйства». В соответствии с положениями главы 9 указанных правил, продукция охоты, добытая в установленном порядке, является собственностью пользователя охотничьих угодий, а при добыче по охотничьей путевке или разрешению, после оплаты данного разрешения, является собственностью охотника или охотников, добывших животное [11].

Таким образом, в результате сравнительного анализа нормативных предписаний, содержащихся в таких фундаментальных исторических памятниках права, как законы Хаммурапи, Законы XII таблиц, Дигесты Юстиниана, можно проследить эволюцию указанных положений в правовые нормы современного отечественного законодательства, регулирующего общественные отношения в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов.

-
1. Янулевич Т. Л., Мамонтова Ю. С. Основы права : ответы на экзаменационные вопросы. Минск : Тетралит, 2014. 224 с. [Вернуться к статье](#)
  2. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учеб. 5-е изд. М. : Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 528 с. [Вернуться к статье](#)
  3. История государства и права зарубежных стран : учеб. / А. В. Вениосов [и др.] ; под ред. А. В. Вениосова. 2-е изд. Минск : Тетра-Системс, 2012. 544 с. [Вернуться к статье](#)
  4. Тураев Б. А. Законы Хаммурапи. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2018. 122 с. [Вернуться к статье](#)
  5. Законы XII Таблиц. М. : Директ-Медиа, 2008. 28 с. [Вернуться к статье](#)
  6. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.12.2022 г. № 226-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
  7. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. № 85-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
  8. Лесной кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 24 дек. 2015 г., № 332-3 : принят Палатой представителей 3 дек. 2015 г. : одобр. Советом Респ. 9 дек. 2015 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. № 293-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
  9. Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л. Л. Кофанов ; пер. с лат. А. И. Солопова [и др.]. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2008. Т. 1, кн. 1–4. 584 с. [Вернуться к статье](#)
  10. Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л. Л. Кофанов ; пер. с лат. Л. Л. Кофанова [и др.]. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2008. Т. 2, кн. 5–11. 622 с. [Вернуться к статье](#)

11. Об охоте и ведении охотничьего хозяйства [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 21 марта 2018 г., № 112 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 13.02.2023 г. № 35. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
[Вернуться к статье](#)

УДК 347

**О СТАТУСЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РАБОТНИКОВ ДОЛЖНИКА
В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ИЛИ БАНКРОТСТВЕ
СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****Т. А. Корень**

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
заместитель декана факультета экономики и права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Исследование посвящено выявлению особенностей статуса представителя работников должника в делах о несостоятельности или банкротстве в Республике Беларусь.

Ключевые слова: представитель работников, судебные дела, несостоятельность, банкротство, должник.

Annotation. The study is devoted to identifying the features of the status of the representative of the debtor's employees in insolvency or bankruptcy cases in the Republic of Belarus.

Keywords: employee representative, court case, insolvency, bankruptcy, debtor.

За относительно небольшой промежуток времени в Беларуси приняты четыре специальных общих закона в сфере регулирования несостоятельности и банкротства, сменяющих друг друга. В настоящее время рассмотрение дел об экономической несостоятельности (банкротстве) субъектов хозяйствования, возбужденных до 1 октября 2023 г. на основании Закона Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» 2012 г. (далее — Закон 2012 г.) [1], осуществляется в соответствии с Законом 2012 г., дел о несостоятельности и дел о банкротстве, возбужденных после 1 октября 2023 г., — в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об урегулировании неплатежеспособности» 2022 г. (далее — Закон 2022 г.) [2].

В контексте новелл правового регулирования, неразрывной связи процесса и применяемых процедур, особенностей состава и процессуально-правового положения лиц, участвующих в делах о несостоятельности, банкротстве, на современном этапе представляет научно-практический интерес исследование понятия и статуса представителя работников должника в делах рассматриваемой категории.

Представителем работников должника в делах о несостоятельности или банкротстве является лицо, уполномоченное работниками должника представлять их права и (или) законные интересы в производстве по делу о несостоятельности или банкротстве. При этом под термином «работники» понимаются в том числе уволенные лица, перед которыми не погашена задолженность по выплате заработной платы и производству иных выплат

в соответствии с законодательством о труде, что следует из п. 29 ст. 1 Закона 2022 г. [2].

По общему правилу, полномочия представителя должника работника подтверждаются протоколом собрания работников должника (в том числе лиц, ранее уволенных, перед которыми имеется задолженность по выплате заработной платы и производству иных выплат в соответствии с законодательством о труде), на котором избран представитель работников должника для участия в судебном деле о несостоятельности или банкротстве. Допускается представление копии указанного протокола, заверенного в порядке, установленном законодательством в сфере архивного дела и делопроизводства. Указанный документ (оригинал или копия) прилагается к заявлению должника о банкротстве, если собрание проведено до обращения в суд.

Для правильного понимания статуса представителя работников должника следует принимать во внимание, что термин «кредитор» в законодательстве об урегулировании неплатежеспособности шире термина «представитель работника должника», это следует из содержания определений, изложенных в пп. 19 и 29 ст. 1 Закона 2022 г. Каждый представитель работника должника является кредитором по особому виду обязательств и обладает правами и обязанностями кредитора, если иное не установлено специальными нормами (ст. 24 Закона 2022 г.) [2].

Представитель работников должника входит в перечень лиц, обладающих правом на подачу в экономический суд (далее — суд) заявления кредитора о банкротстве (п. 4 ст. 7 Закона 2022 г.). Основанием для обращения в суд в этом случае является неисполнение обязательств по выплате заработной платы и производству иных выплат в соответствии с законодательством о труде.

Представитель работников должника — это юридически заинтересованное лицо в делах рассматриваемой категории и, согласно п. 1.7 ст. 35 Закона 2022 г., оно входит в состав лиц, участвующих в деле о несостоятельности или банкротстве, являясь при этом не обязательным, а факультативным участником процесса [2].

Принимая во внимание вышесказанное, представитель работников должника обладает процессуальными правами, предусмотренными ст. 55 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь [3], и правами, предусмотренными п. 1 ст. 36 Закона 2022 г. [2]. Так, в частности, представитель работников вправе запрашивать у управляющего сведения, касающиеся производства по делу о несостоятельности или банкротстве, а также финансового состояния должника; знакомиться с реестром требований кредиторов и документами, представленными в обоснование требований; оспаривать решения управляющего, связанные с ведением реестра требований кредиторов;

заявлять ходатайства, предусмотренные Законом 2022 г.; оспаривать решения собрания (комитета) кредиторов; подавать жалобы на решения, действия (бездействие) управляющего.

Задолженность по заработной плате и иным выплатам в соответствии с законодательством о труде, включается во вторую очередь реестра требований кредиторов. Законом предусмотрены особенности в установлении размера задолженности перед работниками. Так, представитель работников должника не подает управляющему требование в общем порядке. Управляющий самостоятельно на основании сведений в порядке, установленном ст. 120 Закона 2022 г., определяет и включает в реестр требования второй очереди [2].

Как любой кредитор, чьи требования включены в реестр требований кредиторов, представитель работников должника вправе участвовать в собрании кредиторов с правом голоса. Число голосов, которыми обладает каждый из кредиторов, определяется пропорционально размеру его требований к общей сумме требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов на день проведения собрания кредиторов, и требований кредиторов, подлежащих удовлетворению вне очереди, указанных в п. 1 ст. 197 Закона 2022 г. [2].

Новшеством Закона 2022 г. является обязательное включение в состав комитета кредиторов представителя работников должника (п. 2 ст. 67 Закона 2022 г.) без избрания на собрании кредиторов. Как и каждый член комитета кредиторов, представитель работников должника обладает одним голосом при голосовании [2].

Анализ норм Закона 2022 г. о мировом соглашении позволяет сделать вывод о том, что, как и по Закону 2012 г., одним из условий заключения мирового соглашения является удовлетворение в полном объеме требований кредиторов первой и второй очереди (пп. 1.1 ст. 131 Закона 2022 г.) [2]. Таким образом, представитель теоретически не может участвовать в собрании кредиторов, на котором решается вопрос о заключении мирового соглашения по делу о несостоятельности или банкротстве, поскольку к тому времени он «утрачивает» статус кредитора в связи с погашением задолженности.

Изучение судебной практики и особенностей упрощенных процедур банкротства показывает, что в делах о банкротстве ликвидируемого, отсутствующего должника, индивидуального предпринимателя, такого лица, участвующего в деле, как представителя работников должника, как правило, не имеется.

В заключение отметим, что от грамотной и принципиальной позиции представителя работников должника в ряде случаев зависит реальная возможность погашения задолженности перед работниками.

1. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 415-З : утратил силу. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
2. Об урегулировании неплатежеспособности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 дек. 2022 г., № 227-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
3. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 дек. 1998 г., № 219-З : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. № 284-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 349.2

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ И СТОРОНАХ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В ТРУДОВОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д. В. Меняйло

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
начальник кафедры информационно-компьютерных технологий
в деятельности органов внутренних дел,
кандидат юридических наук, доцент

Л. Н. Меняйло

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин,
кандидат политических наук

***Аннотация.** В статье рассматривается социальное партнерство в сфере труда, которое играет ключевую роль в современной экономике и социальной сфере. Эта тема становится все более значимой в условиях постоянных изменений в мировой экономике, технологическом прогрессе и демографических сдвигах.*

***Ключевые слова:** социальное партнерство в сфере труда, принципы социального партнерства, стороны в социальном партнерстве.*

***Annotation.** The article discusses social partnership in the field of labor, which plays a key role in the modern economy and the social sphere. This topic is becoming increasingly important in the context of constant changes in the global economy, technological progress and demographic shifts.*

***Keywords:** social partnership in the field of labor, principles of social partnership, parties in social partnership.*

Одной из главных причин актуальности социального партнерства в сфере труда в России является необходимость обеспечения сбалансированных отношений между работодателями и работниками. В условиях экономических перемен и изменений в системе производства важно создать механизмы, которые позволят защитить интересы обеих сторон, сохраняя при этом экономическую стабильность и социальное равенство.

Другим аспектом актуальности социального партнерства в сфере труда в России является его значение для обеспечения устойчивого экономического роста. Эффективное взаимодействие между работодателями и работниками способствует повышению производительности труда, снижению конфликтов на рабочих местах и созданию условий для инноваций и развития.

В соответствии со статьей 23 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК), под социальным партнерством в сфере труда понимается система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работо-

дателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений [1].

С помощью коллективных переговоров и соглашений стороны могут разработать механизмы социального обеспечения, которые будут учитывать интересы работников и их потребности в условиях изменяющейся экономической среды.

В статье 24 ТК закреплены принципы, на которых строится социальное партнерство. К таким принципам относятся:

- равноправие сторон;
- уважение и учет интересов сторон;
- заинтересованность сторон в участии в договорных отношениях;
- содействие государства в укреплении и развитии социального партнерства на демократической основе;
- соблюдение сторонами и их представителями трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права;
- полномочность представителей сторон;
- свобода выбора при обсуждении вопросов, входящих в сферу труда;
- добровольность принятия сторонами на себя обязательств;
- реальность обязательств, принимаемых на себя сторонами;
- обязательность выполнения коллективных договоров, соглашений;
- контроль за выполнением принятых коллективных договоров, соглашений;
- ответственность сторон, их представителей за невыполнение по их вине коллективных договоров, соглашений [1].

В целом следует отметить, что принципы социального партнерства в трудовом праве России вытекают из Конституции Российской Федерации, трудового законодательства и международных трудовых норм. По нашему мнению, основные принципы включают в себя:

- свободу ассоциаций и право на коллективные переговоры (работники и работодатели имеют право объединяться в профессиональные союзы и ассоциации, а также вести коллективные переговоры для защиты своих интересов и заключения коллективных договоров);
- равенство сторон (стороны социального партнерства признаются равными и взаимозависимыми партнерами, имеющими равные права и обязанности при регулировании трудовых отношений);

- добровольность и независимость (участие в социальном партнерстве основывается на добровольном принятии сторонами решения о сотрудничестве и независимости от государственного вмешательства в коллективные переговоры);
- диалог и консультации сторон (стороны социального партнерства стремятся к диалогу, консультациям и взаимопониманию при решении споров и проблем в сфере труда);
- социальное согласие и сотрудничество (целью социального партнерства является достижение социального согласия и сотрудничества между работниками и работодателями для обеспечения стабильности и развития трудовых отношений).

Эти принципы являются основой для развития и регулирования социального партнерства в сфере труда в России. Они направлены на создание условий для урегулирования трудовых споров, защиты прав и интересов работников, обеспечения справедливых условий труда и социальной защиты.

Одной из основных форм взаимодействия между работниками и работодателями для регулирования условий труда и социально-экономических отношений являются коллективные переговоры по подготовке проектов коллективных договоров, соглашений и заключению коллективных договоров и соглашений. Коллективные переговоры проводятся на уровне предприятия, отрасли или региона и направлены на достижение соглашений по вопросам заработной платы, условий труда, социального обеспечения и других аспектов трудовых отношений. На основе коллективных переговоров стороны могут заключать коллективные договоры и соглашения, которые являются обязательными к исполнению для всех работников и работодателей в пределах определенного предприятия, отрасли или региона [2].

Несмотря на значимость социального партнерства, его эффективность в России вызывает определенные вопросы. Нередко наблюдаются конфликты интересов между работниками и работодателями, недостаточная развитость системы коллективного договора и слабая защита прав работников со стороны государства.

Для повышения эффективности социального партнерства в сфере труда в России необходимо активное участие всех заинтересованных сторон — работников, работодателей и государства. Важно совершенствовать законодательство, развивать институты коллективного договора, укреплять профсоюзы и ассоциации работодателей, а также способствовать развитию диалога и консультаций между сторонами.

Только при соблюдении принципов социального партнерства и активном сотрудничестве всех участников можно обеспечить устойчивое развитие

трудовых отношений, защиту прав и интересов работников, а также социальную стабильность в России.

Сторонами социального партнерства являются работники и работодатели в лице уполномоченных в установленном порядке представителей (статья 25 ТК). Органы государственной власти и органы местного самоуправления являются сторонами социального партнерства в случаях, когда они выступают в качестве работодателей, а также в других случаях, предусмотренных трудовым законодательством [1].

Основными представителями работников в социальном партнерстве являются профессиональные союзы и профессиональные объединения. Профсоюзы представляют интересы работников различных отраслей и профессий и являются ключевыми участниками коллективных переговоров и заключения коллективных договоров. Они занимаются защитой прав и интересов работников, организацией мероприятий по обучению и поддержке работников, а также взаимодействием с работодателями и государством.

Правовые основы деятельности профсоюзов, их право на представительство установлены в Федеральном законе от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности».

В соответствии со статьей 30 ТК, профсоюзы могут представлять и интересы работников, не являющихся членами профсоюза.

ТК предусматривает возможность существования иных представителей работников в случаях, когда:

- имеющаяся профсоюзная организация объединяет менее половины работников;
- в организации отсутствует первичная профсоюзная организация.

Для обсуждения конкретных вопросов трудовых отношений и разрешения споров между сторонами могут создаваться совместные комиссии и советы по трудовым вопросам. Эти органы представляют собой площадку для диалога и консультаций между работниками и работодателями с целью поиска компромиссных решений.

Следует отметить, что все стороны социального партнерства по трудовому законодательству России имеют свои функции и ответственность, направленные на создание условий для справедливых и стабильных трудовых отношений. Взаимодействие между ними способствует разрешению трудовых споров, разработке согласованных решений по вопросам трудового законодательства и обеспечению социальной защиты работников.

Важно отметить, что успешное социальное партнерство требует взаимного уважения интересов и диалога между всеми сторонами, а также соблюдения принципов равенства, свободы ассоциации и добровольности участия. Только

такое партнерство способно обеспечить стабильность и развитие трудовых отношений в России.

Таким образом, ключевыми принципами социального партнерства в сфере труда являются: свобода ассоциаций и право на коллективные переговоры, равенство сторон, добровольность и независимость, диалог и консультации сторон, социальное согласие и сотрудничество. Органы социального партнерства в сфере труда России играют важную роль в создании условий для справедливых и стабильных трудовых отношений, защите прав и интересов работников и работодателей, а также в обеспечении социальной стабильности и развития. Их сотрудничество и диалог являются основой для разрешения трудовых конфликтов. В России органы социального партнерства представлены разнообразными организациями и институтами, которые осуществляют свою деятельность на различных уровнях — от местного до национального. Среди таковых профсоюзы, ассоциации работодателей, комиссии и советы по трудовым вопросам, трудовые инспекции, правительственные комитеты и комиссии.

---

1. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 197-ФЗ : принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 14.02.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Гондельева А. Г. Участие работника в делах работодателя как новая форма социального партнерства в российском трудовом праве // Человек. Социум. Общество. 2022. № 1. С. 66–70. [Вернуться к статье](#)

УДК 341.433

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛИЦ, ИЩУЩИХ УБЕЖИЩЕ,
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****И. В. Муравьев**Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового положения лиц, которые в силу определенных субъективных и объективных причин вынуждены искать убежище в Республике Беларусь, в соответствии с нормами международного права и национального законодательства.

Ключевые слова: убежище, международное право, мигранты, права, обязанности, статус беженца, конвенция.

Annotation. The article examines the peculiarities of the legal status of persons who, due to certain subjective and objective reasons, are forced to seek asylum in the Republic of Belarus in accordance with the norms of international law and national legislation.

Keywords: asylum, international law, migrants, rights, obligations, refugee status, convention.

Во все времена существовали ситуации, когда люди были вынуждены искать убежища от преследований на территории других государств. Это обусловило формирование права убежища как одного из древнейших институтов международного права. С февраля 2022 года растет число беженцев из Украины, въехавших в Беларусь. Кроме того, начиная с лета 2021 года на территорию Беларуси въезжали тысячи мигрантов из других стран, некоторые из них до сих пор остаются в Беларуси в уязвимом положении. Только на территории Республики Беларусь находится чуть более 7 200 граждан Украины и чуть более 1 100 граждан из третьих стран [1].

В основе правового статуса любого лица лежат права и обязанности, в целом составляющие правоспособность, дееспособность и деликтоспособность лица. Реализация прав и обязанностей подтверждается правовыми гарантиями. Права, обязанности и гарантии составляют основу правового статуса личности в правовых системах. Объем прав и обязанностей лиц, ищущих убежище, определяет государство, предоставляющее убежище. Государство определяет объем собственных международно-правовых обязательств, во исполнение которых оно предоставляет искателям убежища определенные права и обязанности. В принципе, вопрос о правах и обязанностях искателя убежища следует рассматривать в свете статусов, предоставляемых лицу в национальной правовой системе и в международно-правовой системе [2, с. 26].

Сама по себе необходимость выделять искателей убежища как особую международно-правовую категорию возникает, безусловно, из предписаний

международного права, в частности, соответствующих положений Всеобщей декларации прав человека [3]. Однако видение состояния искателей убежища как основанного исключительно на предписаниях Декларации было бы коренным образом неверным, по меньшей мере потому, что права искателей убежища дополняются гарантиями, содержащимися в основных международных документах по правам человека. Они устанавливают основные положения, которые не могут быть нарушены в отношении какого-либо лица, а также ограничивают поведение государств в отношении лиц предписаниями международного права. Вследствие имплементации данных положений в национальное законодательство происходит их вхождение в государственные правовые системы, а защита человека усиливается, поскольку эта защита становится гарантированной предписаниями не только международного, но и национального права [2, с. 26].

В 2001 году Республика Беларусь присоединилась к Конвенции о статусе беженцев 1951 года и Протоколу, касающемуся статуса беженцев 1967 года. Действующее законодательство Беларуси было приведено в полное соответствие с общепризнанными требованиями в сфере защиты основных прав и свобод беженцев, содержащимися в указанных международных актах [4].

Права иностранцев, ходатайствующих о защите, регламентированы ст. 29 Закона Республики Беларусь от 23 июня 2008 года № 354-З «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь» [5]. По своему содержанию права указанных лиц приравнены к правам иностранцев, временно проживающих в Республике Беларусь. Права указанной категории лиц можно классифицировать следующим образом:

1) права в информационной сфере и доступ к гражданству: получение информации о своих правах и обязанностях; лица, которым предоставлен статус беженца, могут быть приняты в гражданство Республики Беларусь по истечении семи лет после предоставления им такого статуса;

2) свобода передвижения: право на проживание на территории Республики Беларусь на период признания беженцем (с последующим получением разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь), самостоятельный выбор населенного пункта для поселения; право на добровольное возвращение в государство гражданской принадлежности либо прежнего места жительства, выезд на постоянное место жительства в другое государство;

3) социальная поддержка: социальная защита, включая социальное обеспечение наравне с гражданами Республики Беларусь, получение разовой и дополнительной денежной помощи;

4) семейные отношения и образование: предоставляется право на воссоединение семьи, вступление в брак, его расторжение; предоставляется бесплатный доступ к национальной системе образования, дети беженцев имеют возможность посещать детские дошкольные учреждения;

5) медицина и здравоохранение: предоставляется бесплатный доступ к национальной системе здравоохранения;

6) сфера трудовых и имущественных отношений: пользуются правом на работу по найму или предпринимательскую деятельность, приобретение движимого или недвижимого имущества.

Указанная категория лиц, согласно действующему законодательству, имеет ряд обязанностей и правоограничений:

1) в правовой сфере: обязанность соблюдать Конституцию Республики Беларусь и иные акты законодательства Республики Беларусь, уважать национальные традиции белорусского народа;

2) порядок проживания: необходимость стать на учет в подразделении по гражданству и миграции по месту жительства или временного проживания в Беларуси, сообщить в течение семи дней в подразделение по гражданству и миграции сведения об изменении фамилии, собственного имени, отчества, состава семьи, семейного положения, о приобретении гражданства другого государства;

3) свобода передвижения: сообщить в подразделение по гражданству и миграции о намерении выехать на постоянное место жительства за пределы Республики Беларусь; стать на учет в подразделении по гражданству и миграции при перемене места жительства или временного проживания в Беларуси.

В Законе Республики Беларусь от 23 июня 2008 года № 354-З определена также возможность выдворения иностранцев из Республики Беларусь, под которым понимается депортация, высылка и иное принудительное и контролируемое перемещение их через границу за пределы страны или контролируемый самостоятельный выезд иностранцев из Беларуси в случаях, предусмотренных белорусским законодательством и международными договорами [5, ст. 2].

Таким образом, можем сделать вывод, что в Республике Беларусь для лиц, ищущих убежище, предусмотрены весьма широкие права, на государственном уровне оказывается всесторонняя помощь и поддержка в процессе интеграции указанных лиц в белорусское общество. Важным является и то, что лица, ищущие убежище, обеспечены доступом к инструментам защиты своих прав, предусмотренных как международным, так и национальным законодательством.

1. По оценкам МОМ в Беларуси находятся более 7 000 беженцев из Украины и более 1000 уязвимых мигрантов из других стран [Электронный ресурс] // Международная организация по миграции. URL: <https://belarus.iom.int/ru/news/po-ocenkam-mom-v-belarusi-nakhodyatsya-bolee-7000-bezhencev-iz-ukrainy-i-bolee-1000-uyazvimykh-migrantov-iz-drugikh-stran> (дата доступа: 07.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
2. Богатырева О. Н. Беженцы и права, обеспечивающие выживание: международные и национальные стандарты // Рос. юрид. журн. 2017. № 2. С. 24–40. [Вернуться к статье](#)
3. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 12.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
4. О присоединении Республики Беларусь к Конвенции о статусе беженцев и Протоколу, касающемуся статуса беженцев [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 мая 2001 г., № 10-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
5. О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 июня 2008 г., № 354-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.07.2016 г. № 414-3. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.352

**К ВОПРОСУ ОБ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ
(НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ)****А. Э. Набатова**

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент

Е. Ю. Горошко

Университет гражданской защиты МЧС Республики Беларусь,
доцент кафедры организации службы, надзора и правового обеспечения,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** Авторами определяется антикоррупционная культура как комплексное универсальное понятие, дается характеристика явлений и процессов в китайском обществе, влияющих на ее формирование.*

***Ключевые слова:** антикоррупционная культура, коррупция, китайское общество.*

***Annotation.** The authors define anti-corruption culture as a complex universal concept and characterize the phenomena and processes in Chinese society that influence its formation.*

***Keywords:** anti-corruption culture, corruption, Chinese society.*

Важное место в правовой культуре личности и общества занимает правовое воспитание и правовое образование. Они представляют собой сложные системные образования, состоящие из множества компонентов, которые могут рассматриваться в качестве самостоятельных научных направлений для исследования. Как представляется, один из таких компонентов — антикоррупционная культура, являющаяся основой правового воспитания и образования граждан на современном этапе. В заявленном контексте весьма полезным является опыт стран — партнеров Республики Беларусь, одной из них является Китайская Народная Республика (далее по тексту — КНР). В связи с изложенным, актуальность представленных материалов не вызывает сомнения, а их содержание будет полезным для комплексного восприятия антикоррупционной культуры через призму зарубежного опыта.

Целью исследования выступает рассмотрение антикоррупционной культуры и процессов, на нее влияющих, в КНР. В качестве *задач* можно отметить следующие: определение антикоррупционной культуры как комплексного универсального понятия; характеристика процессов и явлений в китайском обществе, влияющих на формирование антикоррупционной культуры граждан.

Итак, под антикоррупционной культурой следует понимать структуру социального сознания, включающую установки, ценности, нормы, санкции,

обуславливающие мотивацию поведения людей на различных уровнях социальных отношений, проявляющегося в нетерпимом отношении к любым коррупционным действиям в процессе социальных, политических, экономических взаимодействий.

Борьба с коррупцией, формирование антикоррупционной культуры является одним из ведущих направлений государственной политики и правоохранительной деятельности в КНР. Не вдаваясь в глубокий исторический анализ проблемы коррупции, следует отметить, что данное социально-правовое явление характерно для китайского общества в культурном, социальном, правовом аспектах и обусловлено развитием государственности на различных этапах.

Размышления о данной проблеме мы находим в учении Конфуция, жившего более 2 500 лет назад. Будучи на различных государственных постах, он выдвинул свою теорию управления государством, основанную на добродетели (правилах поведения), воспитании в людях нравственного начала, развитии морального поведения. Конфуций утверждал, что «если править народом, прибегая к законам, а порядок удерживать с помощью наказаний, то народ будет склонен уклоняться от наказания и вряд ли будет испытывать стыд, если же руководить народом, беря за основу добродетель (мораль), и сохранять мир... то сам народ и будет выражать покорность, стыд и справедливость» [1, с. 24]. О коррупции и государственных служащих древний мыслитель говорил следующее: «...благородный муж думает о добродетели, а низкий жаждет корысти»; «...благородный муж знает долг, а низкий знает выгоду»; «кто поступает корыстно, тот вызывает против себя много ропота» [2, с. 12, 123].

Обширную судебную практику по преступлениям коррупционной направленности мы находим в кодексе династии Тан (624 г. н. э.), предусматривающем ответственность служащих за взяточничество. В зависимости от размера взятки применялись различные виды наказания от ударов палками до удушения. Кодекс династии Мин (1368 г.) содержал раздел «Коррупционные преступления», включавший такие составы, как растрата, кража, грабеж, взяточничество. Ответственность служащих в рассматриваемый период была отягчена следующими обстоятельствами: им приходилось совмещать полномочия судьи, сборщика налогов и работодателя. Все это создавало предпосылки для коррупции, так как служащий имел широкие полномочия и мог искусственно завышать цены на государственные услуги и взимать с местных земледельцев максимально возможный налог [3, с. 55–56].

С приходом к власти династии Цин (1880 г.) в целях снижения уровня коррупции служащим было увеличено жалование, однако данное явление еще больше укоренилось в китайском обществе, а доходы от коррупции в государственном аппарате выросли в 18,5 раз и превышали легальные доходы.

В данный период сохранялась ответственность за взяточничество, применялись наказания в виде ударов палками и удушение [3, с. 56].

В современном Китае коррупция представлена еще одной исторически обусловленной традицией, связанной с желанием делать подарки «гуанси». В китайском языке «гуаньси» состоит из двух иероглифов: «ворота» и «связь» — и означает дословно «связи за воротами». С давних времен китайцы при взаимодействии с государственными служащими делали подарки, чтобы добиться их расположения в разрешении различных вопросов. В современном понимании гуанси (guanxi) — межличностные отношения, возникающие для удовлетворения потребностей повседневной жизни, включающие в себя обмен подарками, услугами, культивирование взаимных обязательств [4, с. 182–183].

В настоящее время, государственные служащие обмениваются материальными ценностями для укрепления межличностных связей, принимают в дар ювелирные украшения, предметы искусства, развита практика оплаты обучения детей в зарубежных университетах. Также коррупция проявляется в организации дорогостоящих банкетов. Таким образом, гуанси предоставляет гражданину доступ к ограниченным ресурсам, поэтому нередко рассматривается как вид капитала, накапливаемый и преумножаемый на протяжении длительного времени. В коррупционной проблематике гуанси воспринимается как личные обязательства, налагаемые социальными отношениями, вынуждающие людей в ситуации выбора нарушать формальные процедуры и правила.

Из изложенного можно сделать промежуточные выводы. Во-первых, коррупция как социально-правовое явление присуща китайскому обществу с древности, что обуславливает необходимость культурного, этического и правового воздействия на нее. Во-вторых, коррупция в Китае имеет национальные черты, связанные с традицией дарения подарков «гуаньси» и выстраиванием межличностных связей между гражданами и государственными служащими на различных уровнях.

Новый виток борьбы с коррупцией пришелся на 1951 г. с приходом к власти Коммунистической партии Китая (далее — КПК). В научной печати широко известен тезис руководителей партии о том, что для КПК «...коррупция и борьба с ней — это вопрос жизни и смерти партии и государства» [5, с. 168]. Председателем партии Мао Цзэдуном была объявлена кампания «против трех зол» — коррупции, расточительства и бюрократии, что привело к значительному снижению коррупционных правонарушений. В 80-е годы проблема коррупции вновь получила свое распространение в связи с переходом страны к рыночной экономике. В 1989 году в Уголовный кодекс КНР (далее — УК КНР) были включены положения об ответственности за коррупционные

преступления. В 2003 году КНР ратифицирована конвенция ООН против коррупции. С 2010 года введено обязательное декларирование доходов и имущества государственными служащими и их родственниками. С приходом к власти в 2012 г. Си Цзиньпина борьба с коррупцией в КНР стала визитной карточкой китайского лидера и в настоящее время решается комплексно, о чем свидетельствуют количественные показатели в данной области. Так, в соответствии с данными Transparency International по индексу восприятия коррупции, КНР имеет следующие показатели [6]:

Таблица 1

Индекс восприятия коррупции в КНР с 2020 по 2023 г.

Страна / место в рейтинге из 180 стран	Индекс восприятия коррупции по годам от 0 до 100 (где 0 — высокий уровень коррупции, 100 — отсутствие коррупции)					
	2012	2015	2020	2021	2022	2023
Китай/76	39	37	42	45	45	42

На современном этапе в КНР выстроена система антикоррупционного законодательства, принят и действует ряд законов, среди которых можно назвать следующие: УК КНР; о борьбе с отмыванием денег (2006); о государственных служащих (2006); о контроле (2018); о правительственных закупках (2014); о туризме (2013) и др. Функционируют государственные органы, деятельность которых направлена на борьбу с коррупцией. В 2018 г. учрежден специализированный орган с конституционным статусом — Государственный контрольный комитет. В круг его полномочий входят: воспитание лиц, осуществляющих общественные обязанности, в духе честного исполнения своих полномочий; проведение надзора и проверок за соблюдением ими закона, морали и нравственности; проведение проверок в отношении подозрений в совершении коррупции и взяточничества, злоупотребления служебным положением, небрежного исполнения служебных обязанностей, включая растрату государственного имущества и т. д.

Вопросами борьбы с коррупцией, наряду с органами национальной безопасности, народными судами и народными прокуратурами, занимаются Комиссии КПК по проверке дисциплины. Их деятельность сосредоточена на оценке соответствия деятельности членов КПК внутренним партийным инструкциям, центральное место в которых занимают Положения об улучшении стиля работы и укреплении связей с народными массами — «восемь правил». Укажем некоторые из них: отказ от пышных торжеств за государственный счет; отказ принимать участие в коммерческих мероприятиях; бережное и

обоснованное использование государственных средств; понимание актуальных запросов населения, уменьшение дистанцированности от народных масс и др.

Интересным опытом КНР являются операции, объявленные КПК «Охота на лис» и «Небесная сеть», цель которых — преследование коррупционеров за пределами страны. В результате их проведения из 120 стран мира были возвращены: 9 165 человек, в том числе 2 408 членов КПК и государственных служащих; похищенные государственные средства на общую сумму 21 млрд 390 тыс. юаней [5, с. 177].

В Китае огромное внимание уделяется антикоррупционному образованию. В школах проводится работа по формированию антикоррупционного поведения и культуры среди учащихся и молодежи. Функционирует система специализированных высших учебных заведений по подготовке юридических кадров, в том числе высшей научной квалификации. Антикоррупционные кампании широко освещаются в средствах массовой информации, транслируются сериалы по данной проблематике, проводятся специализированные выставки, демонстрирующие результаты борьбы с коррупцией для народных масс. Также действуют специализированные интернет-ресурсы и телефоны доверия, где любой из граждан может анонимно и официально сообщить о государственном служащем, допускающем злоупотребления должностным положением, взяточничество.

Итак, антикоррупционная культура в КНР — это сложный социально-правовой феномен, обусловленный процессами, происходящими в стране. На ее структуру существенное влияние оказывают исторические предпосылки, традиции, правила поведения, нормы этики и морали, законодательство КНР, деятельность уполномоченных субъектов по контролю, предупреждению и противодействию коррупции среди граждан и государственных служащих, руководящая роль КПК, антикоррупционное воспитание и образование, общественные институты и специализированные ресурсы.

---

1. Юрчук В. В. Конфуций: жизнь, учение, мысли, изречения, афоризмы. 3-е изд., с изм. Минск : Соврем. слово, 2006. 379 с. [Вернуться к статье](#)

2. Мудрость Конфуция: афоризмы и поучения / В. П. Бутромеева [и др.] ; под ред. В. П. Бутромеева. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 449 с. [Вернуться к статье](#)

3. Савин П. Т. Противодействие коррупции в Китае: история и современность // Проблемы науки. 2017. № 20 (102). С. 55–58. [Вернуться к статье](#)

4. Михайлова О. В., Шао Ц. Социально-культурные аспекты коррупционного поведения // Гос. упр. Электронный вестн. 2023. № 98. С. 178–190. [Вернуться к статье](#)

5. Румянцев Е. Н. Борьба с коррупцией в Китае в годы правления Си Цзиньпина (2012–2022 гг.) // Российское китаеведение. 2023. № 1. С. 167–184. [Вернуться к статье](#)

---

6. Индекс восприятия коррупции в Китае [Электронный ресурс] // Transparency International. URL: <https://www.transparency.org/en> (дата обращения: 15.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 336

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ «НЕПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТЬ» И «НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ» В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О БАНКРОТСТВЕ

Н. В. Пушко

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры правовых дисциплин,
кандидат экономических наук, доцент

Аннотация. В данной статье проведен сравнительный анализ терминов «неплатежеспособность» и «несостоятельность», являющихся ключевыми для реализации норм нового Закона Республики Беларусь «Об урегулировании неплатежеспособности», с нормами ранее действовавшего законодательства.

Ключевые слова: неплатежеспособность, несостоятельность, банкротство, обязательство, новации.

Annotation. This article provides a comparative analysis of the terms «insolvency» and «insolvency», which are key to the implementation of the norms of the new Law of the Republic of Belarus «On Settlement of insolvency», with the norms of previously existing legislation.

Keywords: insolvency, insolvency, bankruptcy, obligation, innovations.

Анализ функционирования института несостоятельности в Республике Беларусь показывал его недостаточно высокую эффективность с точки зрения финансового оздоровления должников, что выражалось в довольно значительной доле ликвидационного производства в общем объеме процедур банкротства, на устранение чего и было направлено принятие и вступление в силу в октябре 2023 г. нового Закона Республики Беларусь «Об урегулировании неплатежеспособности» от 13 декабря 2022 г. № 227-З [1] (далее — Закон-227). В данном нормативном правовом акте существенно изменена встроенная в его основу экономическая концепция, что требует детального анализа терминологической составляющей данного акта законодательства.

Отметим, что Закон-227 является уже четвертым за историю современной Беларуси, регулирующим банкротные правоотношения. Ему предшествовал Закон Республики Беларусь от 13.07.2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон-415) [2], который, хотя и отвечал реалиям своего времени, но практика его применения выявила множество недостатков и проблем системы регулирования банкротства, ее несоответствие изменившейся социально-экономической ситуации, поэтому и был принят ныне действующий Закон-227.

В первую очередь необходимо отметить, что структура Закона-227 отличается от ранее действовавшего Закона-415 в части расположения отдельных

статей оптимизацией содержания некоторых глав. Кроме того, произошел отказ от самих дефиниций «несостоятельность» и «банкротство» в названии Закона-227, на замену им в наименование включен термин «неплатежеспособность».

В этой связи нами проведен сравнительный анализ терминов, характеризующих финансовое состояние должника в действующей редакции Закона-227 и в ранее действовавшем Законе-415 (таблица).

Таблица

*Сравнительный анализ понятий «неплатежеспособность»
и «несостоятельность» в Законе-415 и в Законе-227*

Термин	Закон-415-3	Закон-227	Различия
Неплатежеспособность	неспособность субъекта хозяйствования в полном объеме удовлетворить требования кредитора (кредиторов) по денежным обязательствам, а также по обязательствам, вытекающим из трудовых и связанных с ними отношений, исполнить обязанность по уплате обязательных платежей	финансовое состояние должника, характеризующее его неспособность исполнить денежные обязательства, обязанность по уплате обязательных платежей и (или) обязательства по выплате заработной платы и производству иных выплат в соответствии с законодательством о труде, срок исполнения которых наступил	переход от термина «требование» к термину «обязательства», требует уточнения понятие «неспособность»
Несостоятельность (экономическая несостоятельность)	неплатежеспособность, имеющая или приобретающая устойчивый характер, признанная решением хозяйственного суда об экономической несостоятельности с санацией должника (далее — решение о санации)	неплатежеспособность должника, признанная решением суда о признании должника несостоятельным и введении санации	отказ от категории «устойчивый характер», переход от понятия «неплатежеспособность» к категории «неплатежеспособность должника»

Сравнение определений «неплатежеспособность» в Законе-415 и Законе-227 позволяет сделать вывод, что в Законе-227 речь идет о требованиях, а в Законе-415 — об обязательствах, которые не являются равнозначными понятиями. Согласно определению, приведенному ст. 1 Закона Республики Беларусь «О бухгалтерском учете и отчетности» от 12 июля 2013 г. № 57-З, обязательства — это задолженность организации, возникшая в результате

совершенных хозяйственных операций, погашение которой приведет к уменьшению активов или увеличению собственного капитала организации [3].

В свою очередь, легальное определение понятия «требование» отсутствует, однако под ним чаще всего понимается категорическое распоряжение или документ, содержащий требование кредитора к должнику об уплате денежной суммы (например, исполнительные документы, платежное требование и др.). Следовательно, обязательство не только лежит в основе требования, но также мы должны учитывать, что кредитор может как вообще не предъявить требование или предъявить его в меньшем размере, чем размер обязательства, или в повышенном размере с учетом неустойки. Таким образом, переход от категории «требования», содержащейся в определении «неплатежеспособность» Закона-415, к категории «обязательства» в Законе-227 в рассматриваемом термине представляется последовательным и логичным.

Однако приведенное в Законе-227 определение неплатежеспособности все еще остается недостаточно конкретным: так, при том что в нем перечислены различные разновидности обязательств, отчетливо не определено, имеются ли в виду каждый вид обязательств в целом или их совокупность. Необходимо также отметить, что определение неплатежеспособности в Законе-415 и в Законе-227 основывается на категории «неспособность», определение и критерии которой в действующем законодательстве отсутствуют. Особенностью ряда терминов в Законе-227 также является то, что в них подразумеваются неплатежеспособности вообще, а не виды неплатежеспособности, как это было в Законе-415, где в качестве таковой упоминалась неплатежеспособность, имеющая (или приобретающая) устойчивый характер. Следовательно, если применять буквальную трактовку норм Закона-227, всякая неплатежеспособность может выступать в качестве основы для принятия решения о несостоятельности (банкротстве), однако это не верно. Отсутствие четких формулировок данных видов неплатежеспособности в Законе-227, а также экономических отличий несостоятельности и банкротства, может привести, например, к затягиванию сроков подачи заявления должника о своей несостоятельности (банкротстве).

Объективности ради здесь нельзя не упомянуть стремление законодателя провести различия в видах неплатежеспособности путем применения ряда отсылочных норм. Так, например, в п. 1 ст. 8 Закона-227 установлено право должника подать в суд заявление о своей несостоятельности, «если по состоянию на дату подачи заявления он не способен исполнить одно, несколько или все денежные обязательства, срок исполнения которых наступил» [1].

Проанализировав определение понятия «несостоятельность», а также нормы Закона-227, можно сделать вывод, что сами признаки несостоятельности достаточно вариативны. Это подтверждается тем, что из ст. 1 и ст. 6 Закона-227

следует, что саму несостоятельность должника нельзя признать таковой без его собственного заявления в суд об этом своем финансовом состоянии. Следовательно, признать должника несостоятельным можно лишь тогда, когда он сам осознает невозможность восстановления своей платежеспособности без применения конкурсного производства. Кроме того, исходя из норм действующего закона, затруднительным представляется определение даты, на которую необходимо произвести оценку финансового положения должника.

Еще одним признаком несостоятельности является «отсутствие у должника на дату подачи им заявления о несостоятельности денежных средств, имеющих в его распоряжении, для расчета по обязательствам, срок исполнения которых наступил» (п. 1 ст. 8, п. 2. ст. 13 Закона-227). Отметим также, что законодатель никак не оговаривает в данной норме величину просроченных обязательств, при этом, что касается их имперфективности, то она может быть установлена уполномоченными лицами по истечении периода реализации мер по предупреждению несостоятельности и банкротства, продолжительность которого, согласно нормам ст. 13 Закона-227, не может быть менее трех месяцев. При этом максимальная продолжительность такой просрочки законодательно не определена.

Таким образом, как вытекает из самой дефиниции несостоятельности, закрепленной в Законе-227, она определена системой следующих взаимосвязанных факторов: 1) имеющейся неплатежеспособностью должника, вид которой в Законе-227 не определен и 2) решением суда, считающим ее таковой. Из этого усматривается, что основной целью предотвращения несостоятельности является препятствование возникновению такой неплатежеспособности, которая может послужить основанием для признания должника несостоятельным. Из всего вышеизложенного следует, что зафиксированные в Законе-227 основания для подачи заявления должника о несостоятельности могут способствовать созданию проволочек в разрешении вопроса о неплатежеспособности должника вплоть до наступления такого момента, когда будет возможна только подача заявления должника или кредитора о банкротстве.

При этом, отмечая позитивные новации в Законе-227, для подачи заявления кредитора уже не требуется, как в Законе-415, условия о наличии у кредитора достоверных, документально подтвержденных сведений о неплатежеспособности должника, имеющей или приобретающей устойчивый характер. Данное условие имело крайне затруднительную практическую реализацию, в связи с тем, что для этого кредитору необходимо было обладать не только подписанными оригиналами бухгалтерских балансов должника за четыре квартала, но и аудиторским заключением об их достоверности.

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что Закон-227 является своевременным нормативным правовым актом, отвечающим современным экономическим реалиям, устраняющим ряд неточностей и противоречий, имевшихся в Законе-415. Однако нельзя не отметить, что в действующем Законе-227 в определении несостоятельности недостаточно четко сформулированы отличительные экономические признаки этой категории, которые приходится толковать на основе отсылочных норм Закона-227, что создает предпосылки для разночтений в правопонимании и правоприменении этой категории. Кроме того, было бы целесообразно и обоснованно установить обязанность должника (вместо его права) подать заявление о своей несостоятельности по истечении определенного законодательно установленного срока (им может стать, к примеру, тот же трехмесячный срок просрочки исполнения обязательств, уже упомянутый в Законе-227). Это позволит уже не самому должнику, а закону определять, какое право, а в данном случае гражданское или «банкротное» (конкурсное), будет определяющим при улаживании разногласий по неплатежам.

---

1. Об урегулировании неплатежеспособности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 дек. 2022 г., № 227-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 415-З : в ред. от 24.10 2016 г. : утратил силу. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. О бухгалтерском учете и отчетности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 57-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.10.2022 г. № 210-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 339.92

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА****В. К. Раюшкин**

Институт правовых исследований
Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь,
младший научный сотрудник отдела исследований
в области гражданского, экологического и социального права,
аспирант

***Аннотация.** В статье проведен анализ уже принятых актов Евразийского экономического союза, относящихся к регламентации основных направлений применения информационных технологий, в частности, основанных на использовании данных в цифровой форме. Особое внимание уделено технологиям больших данных. Высказывается мнение относительно дальнейших перспектив принятия актов в данной области.*

***Ключевые слова:** цифровизация, большие данные, информационные технологии, цифровые технологии, цифровые активы.*

***Annotation.** The article analyzes the already adopted acts of the Eurasian Economic Union related to the regulation of the main areas of application of information technologies, in particular those based on the use of data in digital form. Particular attention is paid to Big Data technologies. An opinion is expressed regarding future prospects for the adoption of acts in this area.*

***Keywords:** digitalization, big data, information technology, digital technologies, digital assets.*

В эпоху постоянного и стремительного внедрения информационных технологий в повседневную жизнь, приводящего к постепенному переносу деятельности как организаций, так и физических лиц в цифровую среду, как никогда встает вопрос адаптации общественных отношений к влияющим на них и планомерно совершенствующимся технологиям. Развитие интернета вещей (Internet of Things — IoT), искусственного интеллекта (Artificial Intelligence — AI), нейросетей (Artificial Neural Networks — ANNs) и других передовых технологий, основанных на анализе данных, способно в уже обозримом будущем привести к новой промышленной революции, так называемой Industry 4.0.

Как отмечают некоторые авторы, четвертая промышленная революция (Industry 4.0) — это переход на полностью автоматизированное цифровое производство, управляемое интеллектуальными системами в режиме реального времени с объединением в глобальную промышленную сеть интернета вещей, взаимодействия оборудования (промышленный интернет) и взаимодействия

производства со смежниками и потребителями (сервисный интернет или интернет услуг) [1, с. 23].

Однако следует отметить, что все эти передовые технологии строятся на процессе сбора, обмена и обработки информации. А учитывая огромные темпы совершенствования таких технологий, речь идет о массивах информации практически неизмеримых размеров. Такие массивы данных и технологии их обработки принято называть «большими данными (Big Data)» (далее — большие данные). По прогнозам экспертов, объем мирового рынка аналитики больших данных оценивался в 271,83 миллиарда долларов в 2022 году и, согласно расчетам экспертов, вырастет с 307,52 миллиарда долларов в 2023 году до 745,15 миллиарда долларов к 2030 году [2]. Спрос на большие данные в масштабах мировой экономики, помимо информационных технологий, стремительно возрос в сферах производства, здравоохранения, энергетики, образования, электронного правительства, банковского дела, финансовых услуг, страхования, телекоммуникации, розничной торговли, развлечений, средств массовой информации и многих других.

В связи с этим возникла необходимость адаптации правовых норм как внутригосударственного характера, так и международных правовых норм в целях надлежащей регламентации общественных отношений, складывающихся по поводу цифровых технологий, цифровых активов и информации в цифровой среде (данных о фактах, событиях и лицах). В отдельных государствах и международных организациях по экономическому сотрудничеству правовые акты об обороте цифровых данных носят исключительно программный характер и намечают ориентиры дальнейшего совершенствования нормативной правовой базы (Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС)), а в других состоят из конкретных норм, опосредующих более детальную регламентацию правоотношений в цифровой среде по поводу цифровых активов и оборота больших данных (Европейский союз).

Особый интерес представляют акты в области цифровых данных, принятые в ЕАЭС. Вопросы применения цифровых технологий в межгосударственном сотрудничестве вошли в основу Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [3]. Статья 23 данного документа касается информационного взаимодействия государств-членов в рамках ЕАЭС и указывает, помимо прочего, на необходимость осуществления согласованной политики государств-членов в области информатизации и информационных технологий. В дополнение статьи 23 в состав Договора о ЕАЭС входит Протокол об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза (Приложение к договору № 3). Приложением определяются основополагающие принципы

информационного взаимодействия и координации его осуществления, а также порядок создания и развития интегрированной информационной системы. Однако это нормы весьма общего вида, которые впервые определили основные векторы дальнейшего развития договорных отношений государств-членов.

Так, Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 были утверждены Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г. Данный международно-правовой документ послужил воплощением и конкретизацией тех векторов развития союзного взаимодействия, которые были обозначены в Заявлении глав государств — членов Евразийского экономического союза о цифровой повестке Евразийского экономического союза от 26 декабря 2016 г., а также Решении Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 21 «О формировании цифровой повестки Евразийского экономического союза» с целью дальнейшего развития экономической интеграции государств — членов ЕАЭС.

Согласно данному документу, первым направлением развития цифровой экономики в ЕАЭС является нацеленность союзной деятельности государств — членов на цифровую трансформацию отраслей экономики и кросс-отраслевую трансформацию. В подразделе, посвященном этому направлению, закрепляется, что «основным источником капитализации в цифровой экономике являются цифровые платформы и цифровые ресурсы. Сотрудничество государств-членов по развитию индустрии данных позволит не только нормализовать использование данных (от промышленных данных до данных об индивиде), но и создать условия для формирования новых сегментов цифровой экономики, новых практик оборота полезных данных с учетом требований законодательства государств-членов в соответствующих сферах. Цифровые активы могут строиться на основе новых бизнес-моделей и технологий (технологии обработки “больших данных”, искусственный интеллект, методы и технологии поддержки принятия решений на основе накопленных и “исторических” данных и данных мониторинга управляемого объекта и др.), имеющих перспективу дальнейшего развития и возможность использования в реализации активов комплексных решений на базе нескольких технологий» (абз. 9, 10 подраздела 1 раздела III) [4].

Как видим из вышеизложенного, для осуществления цифровой трансформации союзного экономического пространства ЕАЭС признает необходимость координации деятельности государств-членов по внедрению в основные сферы их взаимодействия и внутригосударственные экономики информационных (цифровых) технологий по сбору, обработке и использованию больших данных, искусственного интеллекта, машинного обучения, нейросетей, блокчейна и др. Это представляется особо актуальным ввиду того, что все большее

количество развитых стран начинает уделять внимание вопросам цифровизации всех секторов экономики и социальной сферы.

Однако единый акт, регулирующий оборот данных и порядок использования основанных на них технологий в ЕАЭС по состоянию на 2024 год, пока не принят, хотя такая потребность существует уже не первый год, в том числе после принятия Основных направлений реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года. Кроме этого, учитывая принятие всеми государствами — членами ЕАЭС национальных актов, регламентирующих вопросы защиты персональных данных, встает вопрос принятия единого акта союза относительно взаимодействия государств в этих вопросах.

Далее отметим, что 25 декабря 2023 года на заседании Высшего Евразийского экономического совета Главы государств — членов ЕАЭС подписали Декларацию о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь». В качестве одного из 6 направлений развития экономических процессов в союзе указано формирование общего пространства кооперационного взаимодействия и сотрудничества в сфере технологического развития. В документе подчеркивается важность на современном этапе развития общемировой экономики цифровизации как значительного аспекта модернизации национальных экономик государств — членов ЕАЭС.

На наш взгляд, следующие задачи дальнейшего развития экономических интеграционных процессов в рамках ЕАЭС до 2023 года являются наиболее зависящими от уровня развития цифровых технологий, включая технологии больших данных, и, соответственно, их регламентации в ЕАЭС:

- обеспечение общего рынка ЕАЭС ключевыми товарами и ресурсами и его функционирование посредством: принятия мер, способствующих внедрению инновационных подходов в агропромышленном комплексе, направленных на повышение продуктивности в растениеводстве и животноводстве, а также эффективности производства и реализации конкурентоспособной продукции; совершенствования инструментов электронной прослеживаемости движения товаров и цифровой маркировки товаров средствами идентификации; развития электронной торговли в рамках ЕАЭС; развития цифровых технологий в торговле с учетом решений и достижений на национальном уровне; завершения создания и обеспечения функционирования общих процессов интегрированной информационной системы ЕАЭС в полной мере;

- формирование общего пространства кооперационного взаимодействия в сфере технологического развития путем: раскрытия потенциала систем искусственного интеллекта и обеспечения его инклюзивного, безопасного и ответственного применения в отраслях экономики государств-членов, исходя

из принятых в государствах-членах решений; развития взаимодействия в сфере «умных» энергоэффективных технологий;

– формирование общего транспортно-логистического пространства путем: упрощения и цифровизации таможенного администрирования транзитных перевозок грузов в международном сообщении; совершенствования практики применения навигационных пломб во взаимной торговле отдельными товарами в целях свободного и ускоренного перемещения товаров [5].

Таким образом, необходимо сделать вывод, что в условиях все большего повышения важности цифровых технологий для экономик всех государств мира межгосударственные образования также включаются в процесс регламентации основных направлений своей деятельности в цифровом пространстве. На наш взгляд, в дальнейшем в рамках союза необходимо принять ряд межгосударственных документов, определяющих порядок защиты персональных данных и обращения больших данных в межгосударственных взаимоотношениях. Кроме явных положительных моментов создания нормативно-определенного прозрачного механизма их применения это будет способствовать стимулированию их активного использования в экономическом пространстве союза.

---

1. Головенчик Г. Г., Ван Ю. Цифровая трансформация промышленности Китая: опыт для ЕАЭС. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2020. 166 с. [Вернуться к статье](#)

2. Big Data Analytics Market Size, Share & Trends | Research [2030] [Электронный ресурс] // Fortune Business Insights. URL: <https://www.fortunebusinessinsights.com/big-data-analytics-market-106179> (дата обращения: 15.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=F01400176> (дата обращения: 15.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года [Электронный ресурс] : решение Высшего Евразийского экономического совета, 11 окт. 2017 г., № 12 // Евразийский экономический союз. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01515213/scd_10112017_12 (дата обращения: 15.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» [Электронный ресурс] // Евразийский экономический союз. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01543175/ms_26122023 (дата обращения: 15.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9.02

СПОСОБЫ СОКРЫТИЯ СБЫТА НАРКОТИКОВ

Н. А. Сапонов

оперуполномоченный отдела по наркоконтролю
и противодействию торговле людьми
Фрунзенского РУВД г. Минска

Аннотация. Рассматриваются различные способы сокрытия сбыта наркотиков, используемые преступниками при сбыте как в сети Интернет, так и при контактном сбыте наркотиков.

Ключевые слова: способы сокрытия, наркотики, сбыт.

Annotation. Various methods of concealing the sale of drugs used by criminals when selling both on the Internet and in the contact sale of drugs are examined in the article.

Keywords: methods of concealment, drugs, sales.

Обеспечение выявления и раскрытия сбыта наркотиков обусловливается необходимостью разработки соответствующей методики, в формировании которой важное место имеет способ сокрытия преступления. Используемые в настоящее время способы совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков отличаются разнообразностью, динамизмом, непрерывной изменчивостью, высокой степенью приспособляемости к новым вариантам противодействия. Современные технологии обеспечивают преступникам анонимность и позволяют создавать законспирированные сообщества. Кроме того, виртуальные серверы, алгоритмы шифрования и иные информационные технологии дают возможность сокрытия информации от правоохранительных органов.

В зависимости от наличия непосредственного контакта между соучастниками наркопреступления выделяют контактный и бесконтактный способы совершения. При контактном способе предмет преступления (наркотик) передается лично, а при бесконтактном используется система посредников и тайников, исключающая непосредственный физический контакт. Бесконтактный способ часто предполагает использование возможностей сети Интернет [1, с. 65].

Особенности контактного и бесконтактного способов совершения показывают, что для каждого из способов существует ряд характерных приемов сокрытия. При контактном способе основные усилия преступников направлены на сокрытие факта подготовки и совершения преступления и его обстоятельств (место, время), материальных и идеальных следов, связанных с событием преступления, воспрепятствование изобличению преступника путем его

задержания с поличным в момент совершения преступления. При этом сведения о преступниках оказываются сравнительно доступными для восприятия извне благодаря необходимости поддержания личного непосредственного контакта с широким кругом лиц, например покупателями наркотиков.

При бесконтактном способе совершения многие следы совершаемого (совершенного) наркопреступления не скрываются. Интернет-магазины и торговые площадки присутствуют в глобальной сети, активно рекламируют себя и способы осуществления связи с ними. Являются общедоступными и не скрываются следы совершенного преступления в виде записей о перечислении денежных средств в реестрах финансовых транзакций (например, электронных денег, криптовалюты), лог-файлов, фиксирующих доступ к определенным интернет-ресурсам. Можно заметить, что при бесконтактном способе многие приемы сокрытия направлены на анонимизацию личности соучастника, что затрудняет привлечение его к ответственности [1, с. 66].

В процессе избличения сбытчика наркотиков при помощи сети Интернет правоохранительным органам необходимо установить его личность. В целях сокрытия следов в сети Интернет преступником могут использоваться:

- специальное программное обеспечение и веб-сервисы для изменения или сокрытия данных об устройстве, например: VPN, Проху;
- специализированный браузер TOR, позволяющий получать доступ к общедоступным веб-ресурсам, скрыть физическое местоположение пользователя и список сайтов, которые им посещаются;
- удаленный доступ к устройству (преступник может управлять своим устройством при помощи другого посредством специального программного обеспечения, установленного на обоих компьютерах, например: TeamViewer, AnyDesk и прочие);
- различные мессенджеры, социальные сети, не требующие строгой верификации (таким образом преступники получают возможность создавать множество учетных записей на поддельных или несуществующих лиц);
- функции автоматического удаления сообщений (медиафайлов) после прочтения или по истечении установленного пользователем времени в мессенджерах и социальных сетях;
- веб-ресурсы, позволяющие размещать медиафайлы, доступ к которым предоставляется только по специальной веб-ссылке;
- удаление или фальсификация EXIF данных медиафайлов, позволяющих правоохранительным органам установить дату, время, место и иную значимую информацию о камере устройства, используемого для съемки;

- программы и онлайн-ресурсы, позволяющие автоматически размещать на фото координаты, добавлять какие-либо элементы на фото (например, GeoCam, GeoTag);
- второе пространство на мобильном устройстве (преступники разграничивают информацию на «чистую» и «преступную»); доступ ко второму пространству предоставляется при помощи пароля, биометрической защиты и иных средств защиты от несанкционированного доступа);
- шифрование медиафайлов, находящихся на устройстве;
- программное обеспечение, позволяющее создавать сценарии операционной системы для уничтожения данных на устройстве (особенно актуально при задержании организатора или соучастника, обеспечивающего работу магазина в сети Интернет);
- криптовалюта, банковские карты и счета, оформленные на других лиц, а также использование электронных кошельков, не требующих строгой верификации;
- сим-карты, не зарегистрированные оператором или оформленные на подставных лиц;
- одноразовые номера телефонов при регистрации учетных записей в сети Интернет;
- смена IMEI мобильного устройства или попеременное пользование неопределенным количеством устройств;
- известный определенному кругу лиц сленг при ведении переписки с соучастниками, что затрудняет конкретизацию полученной оперативным сотрудником информации;
- заранее обозначенные условные знаки на предусмотренные случаи (например, не выход на связь в заранее установленное время, в результате чего соучастник получает сигнал о возможном вмешательстве правоохранительных органов).

На этапе подготовки к сбыту преступник может замаскировать наркотик под видом лекарственных средств, пищевых добавок, сигарет и иных предметов.

При непосредственном сбыте наркотиков помимо вышеперечисленных наркосбытчик может использовать:

- автотранспорт, каршеринг (таким образом преступник ограничивает видимость правоохранительным органам его действий по передаче наркотиков, а также может быстро покинуть место совершения преступления);
- посредников, которые могут быть лично не знакомы с организатором (даже при задержании посредника могут возникнуть трудности по изобличению верхнего звена преступной группы — организатора);

– меры отвлечения внимания, как пример — присутствие супруги или детей при сбыте наркотиков.

После осуществления сбыта преступнику необходимо, как правило, обналичить и легализовать полученные денежные средства. Для достижения этих целей сбытчик может:

- снять деньги со счета при помощи третьих лиц;
- перевести денежные средства на банковский счет иностранного банка и затем обналичить деньги там, в том числе при помощи соучастников, находящихся за границей;
- использовать счет в онлайн-играх с последующей маскировкой, например, под видом проигрыша;
- обналичить криптовалюту у юридических лиц, предоставляющих такие услуги, в том числе с предварительным использованием «криптомиксеров»;
- перевести денежные средства на электронный кошелек, не требующий строгой верификации.

В ситуации, когда сбытчик задерживается или уже задержан правоохранительными органами, он может принять меры по уничтожению объекта преступления, а именно попытаться выбросить, высыпать, проглотить, сжечь наркотики.

После задержания сбытчика им зачастую избирается такая линия поведения, как дача ложных показаний, умалчивание информации либо же обвинение сотрудников милиции в провокации в целях сокрытия следов.

Таким образом, преступники используют широкий спектр способов сокрытия следов наркосбыта, которые могут быть отнесены к различным способам совершения рассматриваемого преступления (контактный и бесконтактный, с использованием сети Интернет, применением современных технологий), в том числе при подготовке преступления и после его совершения. Учет указанных способов необходим для повышения эффективности решения задач правоприменительной деятельности в сфере борьбы со сбытом наркотиков.

---

1. Харевич Д. Л. Сокрытие наркопреступлений, совершаемых бесконтактным способом: современные тренды и направления совершенствования тактики правоохранительных органов в Республике Беларусь // Актуальные проблемы противодействия наркотрафику на современном этапе : междунар. науч.-практ. семинар, Красноярск, 4–5 апр. 2019 г. : материалы семинара / отв. ред. Н. Н. Цуканов ; Сиб. юрид. ин-т М-ва внутр. дел. Красноярск, 2019. С. 64–69. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.9

СОСТОЯНИЕ, ДИНАМИКА И ОСОБЕННОСТИ МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В. Г. Стаценко

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Рассматриваются проблемные вопросы, определяемые гендерным фактором и его проявлениями в криминальных процессах. На основе официальной статистики анализируются показатели и динамика женской и мужской преступности в их сравнительной характеристике. Делается вывод о том, что проблема влияния гендерного фактора, в его современном понимании, на криминогенные процессы в обществе требует дальнейшего комплексного изучения как в содержательном смысле, применительно к современному состоянию преступности в стране, так и в компаративистском (сравнительно-правовом) отношении.

Ключевые слова: гендер, гендерные факторы, показатели преступности, компаративистский анализ, преступления женщин, преступления мужчин.

Annotation. Problematic issues determined by the gender factor and its manifestations in criminal processes are considered. Based on official statistics, the indicators and dynamics of female and male crime are analyzed in their comparative characteristics. It is concluded that the problem of the influence of the gender factor in its modern understanding on criminogenic processes in society requires further comprehensive study both in a substantive sense, in relation to the current state of crime in the country, and in a comparative sense.

Keywords: gender, gender factors, crime rates, comparative analysis, women's crimes, men's crimes.

В современных условиях теория и практика профилактики противодействия преступности может успешно развиваться только на основе комплексного научного подхода, учитывающего новейшие исследования особенностей и детерминант девиантного поведения людей как в традиционных «криминальных» науках, так и в социологии, психологии, биологии и ряде других научных дисциплин.

К числу таких особенностей криминального поведения, очевидно, требующих комплексного исследовательского подхода, относится гендерная характеристика преступности. Использование понятия «гендер» в исследованиях позволяет учитывать как психофизиологические особенности, связанные с биологическим понятием пола, так и социальные требования и нормы, которые определяют отношение общества к представителям разных полов.

В данной работе основное внимание уделяется сравнительному криминологическому рассмотрению основных количественно-качественных показателей преступности в Республике Беларусь в их гендерной характеристике.

Анализ официальных статистических данных [1], отражающих преступность в ее гендерном измерении, позволяет сделать следующие выводы.

1. Динамика числа и удельного веса женщин и мужчин в числе выявленных лиц, совершивших преступления, характеризуется, с одной стороны, волнообразностью, определяемой существенно изменяющимися социальными условиями в течение тридцати лет, с другой — устойчивостью и стабильностью их соотношения (табл. 1).

Таблица 1

Динамика числа и удельного веса мужчин и женщин в структуре выявленных лиц (1990–2022 гг.)

Год	Всего выявлено лиц	Женщины	Мужчины	Соотношение
1990	42 400	5 822 (14 %)	36 578 (86 %)	1 : 7
1995	69 903	12 233 (17,5 %)	57 670 (83 %)	1 : 6
2000	68 225	12 064 (18 %)	56 161 (82 %)	1 : 5
2005	87 839	11 673 (13 %)	76 166 (87 %)	1 : 8
2010	74 109	11 352 (15 %)	62 757 (85 %)	1 : 7
2015	53 082	7 920 (15 %)	45 162 (85 %)	1 : 7
2020	40 734	7 228 (18 %)	33 506 (82 %)	1 : 6
2021	41 323	7 461 (18 %)	33 862 (82 %)	1 : 6
2022	42 297	7 730 (18 %)	34 567 (82 %)	1 : 6

Данные таблицы показывают, что с 1990 до 2005 года, т. е. за 15 лет, число как женщин, так и мужчин, совершающих преступления, увеличилось более чем в два раза. Негативные процессы экономического и социального характера 90-х годов XX века и первых лет века XXI, породившие ослабление социальных институтов, в первую очередь, семьи, рост психологической напряженности, снижение уровня правовой культуры и нравственности, алкоголизацию и наркотизацию населения, следствием своим имели и существенную криминализацию общества. В последующие 15 с небольшим лет число женщин, совершивших преступления, сократилось в 1,5 раза, число мужчин — более чем в 2 раза, что связано с преодолением «социальной дезорганизации», позитивными процессами общественного развития и, как следствие, с общей тенденцией снижения преступности в стране более чем в 2 раза (со 192,5 тысяч регистрируемых преступлений в 2005 году, до 88,5 тысяч — в 2022).

Среднегодовое соотношение женщин и мужчин среди выявленных лиц, совершивших преступления, устойчиво составляет 1 к 6 (порядка

82–83 % мужчин и 17–18 % женщин). Стабильность этого соотношения (исключением, подтверждающим правило, являются кризисные годы: в 1997 году, например, удельный вес женской преступности достигал своего максимума — 20,6 %) позволяет оценить его как относительно закономерное для белорусского общества.

2. Структура женской и мужской преступности в течение всего рассматриваемого периода также существенно различается (табл. 2).

Таблица 2

Численность женщин и мужчин, совершивших преступления, по видам преступлений, чел. (2011–2022 гг.)

Виды преступлений	Женщины/мужчины					Среднее соотношение
	2011	2015	2020	2021	2022	
Убийства (с покушениями на убийство)	67 / 353	83 / 365	44 / 280	52 / 262	49 / 205	1 : 5
Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения	209 / 1 033	163 / 679	148 / 542	158 / 556	139 / 537	1 : 4
Кража	3 279 / 19 086	2 274 / 12 230	1 730 / 8 944	1 756 / 9 033	1 873 / 9 651	1 : 5
Грабеж	208 / 2 598	172 / 1 682	93 / 1 058	123 / 1 091	104 / 1 022	1 : 10
Мошенничество	193 / 1 030	210 / 832	234 / 726	248 / 836	259 / 968	1 : 4
Взяточничество	246 / 533	44 / 222	37 / 206	37 / 295	50 / 280	1 : 6
Наркопреступность	277 / 2 657	238 / 3 858	109 / 1 655	199 / 2 046	278 / 2 213	1 : 11

Как показывают расчеты, приведенные в таблице 2, различия в криминальных проявлениях в целом устойчивы.

Преступления женщин чаще всего относятся к категориям менее тяжких преступлений и преступлений, не представляющих большой общественной опасности (порядка 90 % преступлений, совершаемых женщинами).

Криминальная активность женщин имеет более узкую специализацию. Для преступлений, совершаемых женщинами, более характерна корыстная преступность, а наибольший удельный вес занимают кражи — в среднем за последние годы около 30 %.

В структуре женских преступлений значительное место занимают преступления в сфере экономической деятельности, в частности, связанные

с нарушением прав потребителей, хищениями путем злоупотребления служебным положением и присвоением либо растратой. Такая ситуация определяется прежде всего с большей занятостью женщин в таких сферах, как общественное питание, торговля, бытовое обслуживание населения, а также занятостью на материально ответственных должностях.

В числе лиц, совершающих преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий, женщины в последние годы также заметны. Так, в 2021 году женщины составили 28,5 % от общего числа лиц, совершивших хищение имущества путем модификации компьютерной информации (ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

В последние годы женщины часто наказываются за уклонение от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении. Например, в 2021 году было выявлено 2 093 женщины, совершивших такие правонарушения, что составило 28 % от всех выявленных женщин-преступниц.

3. Представляет также интерес рассмотрение соотношения женщин и мужчин среди потерпевших от преступлений (табл. 3, 4).

Таблица 3

Динамика потерпевших мужчин и женщин (2010–2022 гг.)

	2010	2015	2017	2019	2020	2021	2022
Мужчины	61 604 (58 %)	39 343 (57,5 %)	33 741 (57 %)	35 418 (55 %)	38 129 (49,5 %)	35 461 (52,5 %)	39 225 (53 %)
Женщины	44 733 (42 %)	28.859 (42,5 %)	25 054 (43 %)	28.659 (45 %)	38 653 (50,5 %)	32 171 (47,5 %)	34 903 (47 %)

Таблица 4

Соотношение потерпевших мужчин и женщин по отдельным видам преступлений (2010–2022 гг.)

	2010	2015	2017	2019	2020	2021	2022
Убийства (с покушениями)							
Мужчины	339	310	234	218	226	218	188
Женщины	174	147	131	112	112	103	85
Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения							
Мужчины	1049	668	552	575	615	586	540
Женщины	340	177	149	157	147	137	140
Кража							
Мужчины	39 233	22 319	18 188	16 908	15 833	13 895	14 226
Женщины	30 333	16 307	13 406	12 140	10 393	10 212	10 210

Окончание табл.

Грабёж							
Мужчины	2 287	948	609	501	415	444	394
Женщины	1 503	715	500	349	301	320	283

Согласно приведенным данным, женщины чаще всего становятся жертвами краж и, по определению, изнасилований. Соотношение жертв убийств среди женщин и мужчин в среднем составляет 1 : 2; жертв причинения тяжких телесных повреждений — 1 : 4; жертв краж и грабежей — 1 : 1,3.

Таким образом, в сфере уголовно-правовых отношений женщины гораздо чаще выступают жертвами преступных посягательств, нежели в качестве лиц, их совершивших, при этом мужчины в несколько раз чаще являются жертвами убийств и причинения тяжких телесных повреждений.

Сравнительный анализ показателей мужской и женской преступности в Республике Беларусь показывает, таким образом, преимущественно мужской характер преступности: криминальные показатели мужчин превышают соответствующие показатели женщин примерно в 6–7 раз. Женщины в общем числе лиц, совершивших преступления, составляют 18 % от общей численности преступников. Данный показатель устойчив на протяжении последних десятилетий. По этому показателю Беларусь находится последние годы на первом месте среди стран СНГ.

Не затрагивая в данной работе проблему причинного комплекса половых различий преступности, носящую в доктрине дискуссионный характер, отметим только особое значение так называемой эволюционной теории пола [2], которая основывается на идее принципиально различных социальных и биологических ролей и взаимодополняемости полов. Основные причины половых различий криминального поведения приверженцы данной теории видят в генетически обусловленных особенностях полов, имеющих следствием различия психических и поведенческих реакций, а также различающиеся социальные роли и функции.

Биологические и социальные (традиционные) функции женщин — «обеспечение сохранения генофонда, потомства, популяции; отбор и закрепление адаптационно-полезных свойств путем воспитания детей» — существенно уменьшают вероятность их девиантного поведения. Мужской пол, в свою очередь, «отвечает за изменения, эволюционные преобразования социума. Для мужчин характерна более высокая поисковая активность, исследовательский инстинкт, рискованность поступков. В результате мужской пол обладает биосоциальными предпосылками большей — по сравнению с женским полом — амплитуды отклонений в поведении от признаваемой обществом нормы.

Это выражается либо в положительных девиациях, либо в девиантном поведении социально негативной направленности, в том числе и криминальной» [3].

Проблема влияния гендерного фактора в его современном понимании на криминогенные процессы в обществе требует дальнейшего комплексного изучения как в содержательном смысле, применительно к современному состоянию преступности в стране, так и в компаративистском отношении.

---

1. Годовые данные [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/pravonarusheniya/anual_data/ (дата обращения: 15.01.2024).

[Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Геодакян С. В. Два пола. Зачем и почему? Эволюционная теория пола. М., 2012. 252 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.geodakian.com/Articles/Book/ETS_ru_sci_final.pdf (дата обращения: 12.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Геодакян В. А. Системно-эволюционная трактовка асимметрии мозга // Системные исследования: методологические проблемы : ежегодник-1986. М. : Наука, 1987. С. 355–376. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.4

О НЕКОТОРЫХ НОВЕЛЛАХ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Т. Г. Терещенко

Академия МВД Республики Беларусь,
заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права
и криминологии уголовно-исполнительного факультета,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье автор уделяет внимание криминологическому осмыслению понятия «коррупция». Приводит сведения относительно трансформации антикоррупционного законодательства с учетом современных вызовов и угроз в белорусском обществе. Отмечены новеллы нормативного правового регулирования общественных отношений в сфере борьбы с коррупцией. В частности, описан механизм использования в личных и иных внеслужебных интересах предоставленных государственному должностному лицу для исполнения своих обязанностей средств финансового, материально-технического и информационного обеспечения.

Ключевые слова: коррупция, механизм урегулирования, нормы права.

Annotation. In the article the author pays attention to the criminological understanding of the concept of «corruption». Provides information regarding the transformation of anti-corruption legislation taking into account modern challenges and threats in Belarusian society. The novelties in the normative legal regulation of public relations in the field of combating corruption are noted. In particular, the mechanism for using financial, logistical and information support provided to a public official for the performance of his duties for personal and other non-official interests is described.

Keywords: corruption, settlement mechanism, rules of law.

Коррупция как социальное, культурологическое, правовое и экономическое явление неизбежно присутствует в любом обществе. Последствия от его трансформации и включения в общественные отношения трудно соизмерить.

Так, например, мировые исследования показывают, что взятки государственным должностным лицам в полиции, судах, налоговых службах составляют в Танзании порядка 60 % официальных государственных расходов. На Филиппинах коррупция в государственном секторе обходится в размере порядка четырех миллиардов долларов ежегодно [1].

Интересные данные представлены Всемирным банком: улучшение индекса коррупции, представленного в Международном руководстве по страновому риску в размере одного стандартного отклонения, приводит к снижению уровня детской смертности на 29 %, повышению удовлетворенности получателей услуг государственного здравоохранения — более чем на 50 % и даже улучшению качества дорог — более чем на 30–50 % [1].

В более поздних исследованиях Всемирный банк уточняет, что при снижении коррупции бизнес может развиваться на 3 % быстрее, а уровень детской смертности может снизиться на целых 75 % [2].

В этой связи отметим, что Республика Беларусь, являясь членом международного сообщества, придерживаясь Целей в области устойчивого развития ООН до 2030 года, объективно разделяет выдвигаемый международной организацией тезис — «верховенство права и развитие в значительной мере взаимосвязаны и подкрепляют друг друга, что обуславливает необходимость устойчивого развития на национальном и международном уровнях» [3].

Подтверждая данный тезис, отметим, что правовую основу деятельности в сфере борьбы с коррупцией составляют Конституция Республики Беларусь, законы, правовые акты Президента Республики Беларусь, иные акты законодательства, регулирующие деятельность в сфере государственной службы, обеспечения национальной безопасности государства в целом и в его государственных органах, иных организациях. При этом обеспечивается приоритет норм международного права, в частности, договоров, на что указывает нам ст. 2 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» [4].

Отметим, что немаловажным направлением для противодействия коррупции является развитие системы права и установление верховенства закона. В этой связи отметим, что планомерно, начиная с 2022–2023 года, продолжается процесс развития системы национального законодательства в рамках борьбы с коррупцией.

Так, в рамках усовершенствования Закона «О борьбе с коррупцией» намечены стратегически важные направления, а именно:

- уточнены некоторые неоднозначно толкуемые понятия (родственники и свойственники; подарок, полученный при проведении протокольного и иного официального мероприятия; протокольное и иное официальное мероприятие);
- описаны элементы отдельных видов деятельности (организационно-распорядительные обязанности; административно-хозяйственные обязанности; лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий);
- уточнены запреты в деятельности юридических лиц;
- конкретизирован порядок взаимодействия государственных органов и иных организаций в сфере борьбы с коррупцией; механизм разрешения конфликта интересов; ограничения при прохождении службы; порядок прохождения совместной работы; запрет приема на службу при наличии оснований, признаваемыми в соответствии с законодательными актами дискредитирующими обстоятельствами увольнения;

- особенности назначения и выплаты пенсии, ежемесячного денежного содержания при совершении коррупции;
- определено имущество, подлежащее и не подлежащее обязательному декларированию, уточнена его стоимость; обновлены формы деклараций для различных категорий лиц;
- конкретизирован порядок устранения последствий правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений.

В этой связи системно обеспечен процесс приведения актов законодательства в соответствие с нормативным правовым актом. В частности, отметим одну из новаций — принятие Постановления Совета Министров от 5 июня 2023 г. № 373 «Об использовании имущества в личных и иных внеслужебных интересах» [5].

Так, нормативный правовой акт на основании ч. 1 ст. 17 Закона «О борьбе с коррупцией» определяет, что государственное должностное лицо вправе использовать в личных и иных внеслужебных интересах предоставленные ему для исполнения своих обязанностей средства *финансового, материально-технического и информационного обеспечения* в установленном порядке.

Однако что именно понимается под указанным имуществом, орган, издавший акт, не уточняет, что может повлечь субъективное усмотрение нормы. Зачастую организации могут передавать в использование машины, дорогостоящие предметы оборудования, оргтехнику и т. п.

При этом обратим внимание, что круг лиц, относящихся согласно норме постановления к государственным должностным лицам, немного сужен, а именно «лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей в государственных организациях и организациях, в уставных фондах которых 50 и более процентов долей (акций) находится в собственности государства и (или) его административно-территориальных единиц».

Далее описан порядок использования такого имущества с указанием *совокупности* ряда условий. В первую очередь, на основании мотивированного ходатайства лица, поданного в письменном виде, решение принимает только руководитель организации. О принятии такого решения, оформленного в письменном виде (например, приказ), доводится инициатору. Кроме того, порядок возмещения расходов, фактически понесенным лицом, в связи с использованием имущества в личных и иных внеслужебных интересах, устанавливается локальным правовым актом организации (коллективные договоры, соглашения, правила внутреннего трудового распорядка и иные принятые в установленном порядке акты, регулирующие трудовые и связанные с ними

отношения у конкретного нанимателя — ст. 1 Трудового кодекса Республики Беларусь).

При этом использование имущества возможно при соблюдении условий в *совокупности*. Так, имущество используется по прямому назначению (например, при помощи машины лицо приезжает на работу). Имущество не используется для запрещенной деятельности (например, не передается другому лицу), и не направлено на извлечение лицом прибыли, льготы и другие преимущества (например, машина не используется для нужд в качестве такси). Еще одно важное условие — использование данного имущества не препятствует нормальной деятельности организации. И последнее условие — у лица отсутствует возможность получить имущество в пользование по договору оказания услуг, аренды (проката).

На наш взгляд, наличие последнего условия существенно ограничивает перечень имущества, которое можно использовать. Поскольку государственное должностное лицо может в крупных населенных пунктах взять имущество в аренду, прокат. И только в небольших городках, поселках, где инфраструктура развита менее активно, в полной мере возможна реализация соответствующего нормативного правового акта.

Стоит также отметить, на каких субъектов не распространяется действие нормативного правового акта: на государственных должностных лиц государственных органов, администраций свободных (особой) экономических зон и бюджетных организаций, не осуществляющих приносящую доходы деятельность, если иное не предусмотрено законодательными актами. Ответственность за порчу, утрату и уничтожение имущества определяется в соответствии с гражданским и трудовым законодательством.

Таким образом, на современном этапе развития белорусского общества поступательно происходит развитие общественных отношений в сфере борьбы с коррупцией. Это коррелирует с наличием отраслевого законодательства и системным его обновлением с учетом актуальных тенденций, вызовов и угроз от внутренних и внешних процессов. Представляется важным и далее продолжать работу по своевременному обновлению нормативных правовых и локальных правовых актов в сфере борьбы с коррупцией.

---

1. Борьба с коррупцией: решения на основе анализа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2004/12/pdf/shah.pdf> (дата обращения: 10.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Коррупция: твое НЕТ имеет значение [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/youthink/corruption.shtml> (дата обращения: 11.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/peace-justice/> (дата обращения: 11.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Об использовании имущества в личных и иных внеслужебных интересах [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров, 5 июня 2023 г., № 373 // КонсультантПлюс. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.12

**РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕЖИМА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ****М. С. Тулебаев**

начальник Департамента полиции г. Астана

***Аннотация.** Пожары, стихийные бедствия, аварии и катастрофы, массовые беспорядки и погромы оказывают губительное воздействие на общественную безопасность и окружающую среду. Системный подход к управлению рисками, основанный на практических знаниях, понимание необходимости планирования на случай возможных происшествий и реализация превентивных мер должны уменьшить число и тяжесть последствий чрезвычайных ситуаций, а также восстановить режим законности и правопорядка, сохранить покой граждан и общества.*

***Ключевые слова:** акты терроризма, массовые беспорядки, катастрофы, стихийные бедствия, превентивные меры, предупреждение рисков, устранение последствий.*

***Annotation.** Fires, natural disasters, accidents and catastrophes, riots and pogroms have a devastating impact on public safety and the environment. A systematic approach to risk management based on practical knowledge, understanding the need for planning in case of possible accidents and the implementation of preventive measures should reduce the number and severity of the consequences of emergency situations, as well as restore the rule of law and order, preserve the peace of citizens and society.*

***Keywords:** acts of terrorism, mass riots, accidents, natural disasters, preventive measures, prevention of risks, elimination of consequences.*

Чрезвычайное положение вводится, в соответствии с национальным законодательством, на всей территории Республики Казахстан либо на ее части и означает особый правовой режим деятельности уполномоченных государственных органов, допускающий ограничение прав и свобод граждан и юридических лиц, а также возложение на них дополнительных обязанностей. Целью введения чрезвычайного положения является скорейшая нормализация сложившейся опасной обстановки, восстановление законности и правопорядка в случае их нарушения, устранение угрозы безопасности населения и оказание ему необходимой помощи.

Как пишет А. В. Сличенко, «чрезвычайное положение может вводиться лишь в условиях, когда обстоятельства, служащие основанием для введения чрезвычайного положения, представляют собой реальную и неизбежную угрозу безопасности граждан или конституционному строю страны, устранение которой невозможно без применения чрезвычайных мер» [1, с. 78].

К основным мерам и временным ограничениям, вводимым при объявлении чрезвычайного положения, относятся:

1) усиление охраны общественного порядка, охраны особо важных государственных и стратегических объектов, а также объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения и функционирование транспорта;

2) установление ограничений на свободу передвижения, в т. ч. транспортных средств, в местности, где введено чрезвычайное положение;

3) проверка документов, удостоверяющих личность физических лиц, личный досмотр, досмотр находящихся при них вещей, транспортных средств;

4) установление ограничений на въезд в местность, где введено чрезвычайное положение, или на территорию Республики Казахстан, а также выезда из них;

5) запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирований, а также зрелищных, спортивных и других массовых мероприятий;

6) эвакуация материальных и культурных ценностей в безопасные районы в случае, если существует реальная угроза их уничтожения, похищения или повреждения в связи с чрезвычайными обстоятельствами и др. (ч. 1 ст. 15) [2].

В случае введения чрезвычайного положения в дополнение к перечисленным ограничениям могут применяться следующие меры (ст. 16):

1) введение комендантского часа;

2) проведение мероприятий территориальной обороны;

3) осуществление контроля за средствами массовой информации посредством запросов обязательных экземпляров печатных изданий и материалов радио- и телепередач;

4) приостановление или прекращение в установленном законодательством Республики Казахстан порядке деятельности политических партий и общественных объединений, которые препятствуют устранению обстоятельств, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения;

5) ограничение или запрещение использования копировально-множительной техники, радио- и телепередающей аппаратуры, аудио- и видеозаписывающей техники, а также временное изъятие звукоусиливающих технических средств;

6) установление особого порядка продажи, приобретения и распределения продовольствия и предметов первой необходимости;

7) ограничение или запрещение продажи оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, специальных средств, ядовитых веществ, установление особого

режима оборота лекарственных, наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров, а также этилового спирта, алкогольной продукции;

8) временное изъятие у физических лиц оружия и боеприпасов, ядовитых веществ, а у юридических лиц временное изъятие, наряду с оружием, боеприпасами и ядовитыми веществами, также боевой и учебной военной техники, взрывчатых и радиоактивных веществ;

9) проведение мероприятий по усилению охраны Государственной границы Республики Казахстан и пунктов пропуска через Государственную границу Республики Казахстан;

10) введение карантина, проведение санитарно-противоэпидемических и противоэпизоотических мероприятий и др. [2].

Режим чрезвычайного положения реализуется в реорганизации управляющей системы, перераспределении полномочий государственных органов, наделении их дополнительными правами и, соответственно, ограничении прав и свобод физических и юридических лиц, а также возложении на них дополнительных обязанностей [3, с. 11].

Анализ национального законодательства позволяет выделить несколько организационных форм создания управляющих систем:

1) при введении чрезвычайного положения существующие органы сохраняются, но ставятся в прямое подчинение Президенту страны;

2) при введении чрезвычайного положения исполнительные органы сохраняются, но ставятся в прямое подчинение органу, назначенному Президентом страны;

3) для координации работ по ликвидации обстоятельств, вызвавших введение чрезвычайного положения, образуются специальные временные органы;

4) при ненадлежащем осуществлении органами государственной власти и управления своих функциональных обязанностей создаются специальные временные органы.

В первом случае органы управления не реорганизуются, им придается большой авторитет за счет полномочий Президента, который осуществляет прямое руководство этими органами. К данной форме Глава государства обращается, когда орган исполнительной власти полностью лоялен и можно в короткий срок разрешить конфликт, в частности, путем его силового подавления.

При втором варианте в случае объявления чрезвычайного положения создается специальный орган управления, в подчинении которого находятся территориальные органы исполнительной власти. Обладая соответствующим аппаратом, такой орган может осуществлять руководящую деятельность в полном объеме — сюда входит правоохранительная, хозяйственно-восстановительная деятельность, ведение переговоров и т. п. При этом, являясь независимым

от местных властей и свободным от предвзятости, он способен объективно оценивать обстановку и принимать оптимальные решения.

Относительно третьей организационной формы можно отметить, что при наделении специальных временных органов властными полномочиями они будут аналогичны органу управления, указанному во второй форме. Если указанные полномочия не были данному органу делегированы, то он будет представлять собой просто координационный центр.

Одним из главных субъектов обеспечения режима чрезвычайного положения являются органы внутренних дел. Административная деятельность органов внутренних дел в рассматриваемых условиях условно подразделяется на правовую и организационную формы, т. е. порождающую юридические последствия во внешней деятельности рассматриваемого субъекта и не влекущую таковых [4, с. 78].

Деятельность в рамках первой формы является наиболее важной, т. к. при этом устанавливаются, изменяются или отменяются нормативно-правовые нормы, направленные на исполнение законов, осуществляется издание совместных с другими государственными органами актов, а в случаях, когда органам внутренних дел делегируются соответствующие полномочия, они выступают в качестве первичного регулятора общественных отношений.

Другая правовая форма деятельности органов внутренних дел связана с правоприменением и характеризуется изданием индивидуальных актов управления. Значительная их часть при чрезвычайных происшествиях связана с обеспечением запретительных мер, направленных на поддержание установленного правового режима, а также с привлечением к административной ответственности за их нарушение.

Методами обеспечения органами внутренних дел правового режима чрезвычайного положения являются:

- осуществление общего и специального административного надзора, который выражается в систематическом наблюдении и проверке выполнения гражданами и должностными лицами соответствующих правовых установлений;
- проверка сообщений, жалоб и заявлений о нарушениях установленного режима, применение к правонарушителям принудительных мер и привлечение виновных к ответственности в строгом соответствии с законодательством.

К организационной деятельности органов внутренних дел в условиях режима чрезвычайного положения относятся действия, направленные на внутреннее обеспечение, создание необходимой инфраструктуры,

организацию подготовки к выполнению поставленных задач и достижению основных целей:

- информационное обеспечение внутриуправленческой деятельности, анализ информации, включая оперативные и статистические данные о складывающейся обстановке, использовании сил и средств, реакции населения на принятие тех или иных мер, его настроении и намерениях, накоплении и обобщении опыта;

- издание ведомственных приказов и распоряжений, оказание организационной и методической помощи общественным формированиям, которым делегированы отдельные функции по охране общественного порядка;

- планирование.

Оперативное планирование имеет важное значение для успешного выполнения поставленных задач. В полиции и Национальной гвардии с целью готовности личного состава к действиям в чрезвычайных ситуациях, которые можно прогнозировать заблаговременно, разрабатываются специальные планы, в т. ч. и на случай введения чрезвычайного положения.

В подобных планах предусматривается:

- характеристика возможной обстановки на обслуживаемой территории в период возникновения различных стихийных бедствий и социальных конфликтов;

- перечень и последовательность неотложных действий дежурного и начальника ОВД при получении команды о введении чрезвычайного положения;

- расчет привлекаемых сил и средств и порядок их сбора по тревоге;

- указание конкретных мест («зон риска»), где необходимо сосредоточить и развернуть силы в виде конкретных нарядов;

- меры по эвакуации и спасению людей, оказанию помощи населению;

- порядок оцепления опасных зон, организация и развертывание КПП для обеспечения установленного пропускного режима, обеспечения безопасности дорожного движения;

- эвакуация из опасных зон задержанных, следственно-арестованных и осужденных, а в отдельных случаях — оружия, спецтехники и документации, в безопасные места;

- оказание помощи в организации спасательно-восстановительных работ;

- организация связи, материально-техническое, хозяйственное, медицинское, продовольственное и иное обеспечение.

В условиях чрезвычайного положения на органы внутренних дел, кроме перечисленных задач по обеспечению введенного правового режима,

возлагаются функции по охране жизненно важных объектов. Повышенное внимание уделяется разработке специальных планов и проведению необходимой работы по защите объектов органов внутренних дел, иных государственных органов, объектов системы жизнеобеспечения (водопровод, гидроузлы, дамбы, электростанции, газопроводы и т. п.).

В условиях режима чрезвычайного положения устанавливается повышенная административная ответственность. Сокращаются сроки рассмотрения дел об административных правонарушениях. Возрастает число должностных лиц, имеющих право привлекать виновных к административной ответственности и т. д.

-
1. Сличенко А. В. *Общественная безопасность и порядок* : учеб. пособие. Тула, 2005. 119 с. [Вернуться к статье](#)
  2. О чрезвычайном положении : Закон Респ. Казахстан, 8 февр. 2003 г., № 387-П [Электронный ресурс] // Kodeksy-kz.com https://kodeksy-kz.com/ka/o_chrezvychajnom_polozhonii.htm#google_vignette (дата обращения: 15.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
  3. Григорьев В. Н. *Расследование преступлений в чрезвычайных условиях* // Правоведение. М., 1992. № 3. С. 11–17. [Вернуться к статье](#)
  4. Ибрагимов Х. Ю. *Административная деятельность органов внутренних дел Республики Казахстан* : учеб. пособие. Алматы : ООНИ РИР Акад. МВД Респ. Казахстан, 2001. 115 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.626

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ

С. Н. Ховратова

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
старший преподаватель кафедры юриспруденции

***Аннотация.** В статье раскрываются понятие, содержание и правовая основа имущественных отношений супругов, рассматриваются особенности имущественных отношений в широком и узком смысле понимания этого слова.*

***Ключевые слова:** супруги, семейные отношения, имущество, имущественные отношения, собственность супругов.*

***Annotation.** The article reveals the concept, content and legal basis of marital property relations, examines the features of property relations in the broad and narrow sense of the word.*

***Keywords:** spouses, family relations, property, property relations, property of spouses.*

Брачные отношения строятся из имущественных и личных неимущественных отношений между супругами и возникают со дня регистрации заключения брака.

Для детального анализа имущественных отношений между супругами прежде всего обоснованно обратиться к понятию брака в институте семейных отношений как к основанию их возникновения. Так, под браком понимаются особые общественные отношения, вытекающие из заключенного в законном порядке союза мужчины и женщины, порождающие взаимные права и обязанности супругов.

Так, М. В. Антокольская указывает: «Четкое понимание и определение основополагающих элементов брака, приводящее в результате к созданию брака, имеет весомое значение для теории семейного права и практики правоприменения» [1, с. 18]. Данное утверждение обуславливает актуальность досконального изучения аспектов формирования имущественных правоотношений супругов.

В рамках исследования имущественных правоотношений между супругами под браком в первую очередь следует понимать юридический факт, с которым связано возникновение данных правоотношений. При этом следует отметить, что законодательством упоминаются права на объекты имущества, возникшие до заключения брака, однако в вопросах, возникших после его регистрации либо после расторжения брака.

Глобализация существенно повлияла на возникновение иностранного элемента в данных правоотношениях, что влечет за собой множество коллизий,

связанных с регулированием имущественных отношений между супругами различных государств, а также вопросов приобретения имущества за пределами Республики Беларусь. Охрана интересов семьи является одной из важнейших функций государства и закрепляется на конституционном и на международном уровнях.

Согласно ст. 32 Конституции Республики Беларусь, женщина и мужчина по достижении брачного возраста имеют право на добровольной основе вступить в брак и создать семью. Супруги равноправны в семейных отношениях [2].

В различных государствах к регулированию отношений между супругами подходят по-разному. Основными международными актами, регулируемыми имущественные правоотношения супругов в браках с иностранными гражданами, являются: Конвенция о праве, применимом к режимам собственности супругов, принятая в Гааге 14 марта 1978 г. [3], Минская конвенция 1993 г. [4], Кишиневская конвенция 2002 г. [5].

Конвенция о праве, применимом к режимам собственности супругов, не регулирует алиментные обязательства, права наследования переживших супругов, правоспособность супругов [3].

Исходя из п. 1 ст. 27 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, личные и имущественные правоотношения супругов определяются по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой они имеют совместное местожительство [5].

Кроме того, вопросы регулирования правоотношений, касающихся недвижимого имущества, согласно вышеуказанной Конвенции, разрешаются в соответствии с законодательством Стороны, на территории которой находится данное имущество.

В законодательстве Российской Федерации также закрепляется, что определяющим фактором в регулировании брачных отношений между супругами различных государств является территориальный признак. По общему правилу, применяется закон государства совместного проживания супругов либо же последнего общего проживания.

В актуальных условиях дискуссионным является вопрос отраслевой принадлежности имущественных правоотношений. С одной стороны, гражданское право регламентирует имущественные отношения в общем. В то же время семейное законодательство регулирует в том числе имущественные отношения, возникающие на основании брака, усыновления (удочерения), родства и т. д. То есть имущественные правоотношения регулируются одновременно двумя отраслями права.

Одни ученые полагают, что в семейном праве превалируют личные неимущественные отношения, однако с данным утверждением можно поспорить ввиду того, что регулирование личных неимущественных отношений между супругами фактически невозможно. Данные отношения в подавляющем большинстве подлежат регуляции с помощью обычаев, традиций, общественного мнения и иных социальных конструктов. Личные отношения между супругами служат своего рода базой для возникновения имущественных правоотношений, которые, в свою очередь, представляется возможным регулировать нормами законодательства. Следует отметить, что данные виды отношений между супругами существуют во взаимосвязи. Так, например, при оспаривании алиментных обязательств учитывается такой аспект, как «недостойное поведение».

Немаловажной особенностью имущественных отношений в гражданском праве является то, что данные отношения возникают по поводу материальных и иных благ, приобретая форму товара и неся при этом экономическую ценность. В то же время отношения, возникающие между супругами, априори не могут иметь выгодный характер, так как это противоречит брачно-семейным принципам, а именно брак не может строиться на взаимной выгоде супругов.

На наш взгляд, представляется более точным регулирование имущественных правоотношений супругов нормами семейного права. В связи с этим возникает необходимость регулирования многих аспектов нормами семейного законодательства, в том числе правовой режим имущества супругов в момент их временного раздельного проживания. В законодательстве Республики Казахстан данный аспект регулируется следующим образом: имущество, нажитое каждым из супругов в период раздельного проживания супругов в связи с фактическим прекращением брака, является раздельной собственностью каждого из них. Так, важным условием представляется намерение супругов в момент временного раздельного проживания расторгнуть брак, то есть отсутствие желания восстановить его.

По нашему мнению, представляется допустимым использование аналогичного положения в рамках семейного законодательства Республики Беларусь во избежание спорных моментов, связанных с данным аспектом.

Имущественные отношения в общем смысле представляется возможным определить как экономические, социальные отношения, возникающие относительно имущества или иного материального блага между субъектами. В узком же смысле имущественные отношения — отношения, регулируемые нормами права, в том числе гражданского, которые относятся к категории имущества. В связи с этим в большинстве государств данные отношения между супругами регулируются гражданским законодательством.

Согласно законодательству Российской Федерации, имущественные правоотношения — урегулированные нормами права отношения по поводу имущества, нажитого супругами в период брака [6, с. 132]. Однако данное определение в полной мере не раскрывает понятие имущественных отношений, так как не затрагивает иное принадлежащее супругам имущество.

По мнению А. М. Нечаевой, под имущественными отношениями следует понимать регулируемые законодательством отношения, возникающие между супругами по поводу имущества [7, с. 57].

Как отмечает Р. А. Мукимханов, имущественные отношения — отношения по поводу имущества, нажитого супругами во время брака и взаимного материального содержания [8, с. 158].

Для формирования обусловленной позиции можно выделить следующие группы имущественных правоотношений: отношения супругов, связанные с собственностью имущества; алиментные правоотношения; отношения, связанные с взаимным наследованием.

Кроме того, некоторые ученые, такие как П. А. Ломакина [9, с. 38], О. С. Белецкая, выделяют обязательственные правоотношения с третьими лицами [10, с. 23]. Е. Н. Мазовка указывает, что в имущественные отношения необходимо также включить понятие долгов [11, с. 82]. В данном случае наличие взаимосвязи между обязательствами и имуществом будут при наличии кредитных обязательств в отношении совместного имущества супругов.

Фактически объект имущественных правоотношений между супругами совпадает с объектом гражданского права, то есть объектом являются имущество (в том числе деньги и ценные бумаги), имущественные права и обязанности. Безусловно, в качестве предмета имущественных правоотношений следует выделить права и обязанности, складывающиеся в браке в отношении совместного и раздельного имущества.

Понятие имущества представляется определенным и устоявшимся, однако в действительности классификация данного аспекта в настоящее время является дискуссионным. О. Ю. Косова справедливо заметила, что закрепить законодательно весь перечень объектов имущества невозможно и, несмотря на обширность исследований и научных работ, общепризнанная структура объектов имущества не определена [12, с. 25].

Согласно римскому частному праву, в состав имущества входят «блага», которые способны приносить экономическую выгоду. С данной точки зрения, долговые обязательства не входят в состав имущества ввиду того, что по своей сути противоречат понятию «блага» и не несут выгоды. Кроме того, долги погашаются имуществом, выраженным в различных эквивалентах, а вся

совокупность имущества и долгов отражает имущественное состояние субъекта гражданских отношений.

Проблематика данного аспекта заключается в дискуссии на тему включения долговых обязательств в совместную собственность супругов. В Республике Беларусь данный вопрос регламентируется ст. 28 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З, в которой указывается, что при разделе имущества учитываются общие долги и право требования по обязательствам, возникшим в интересах семьи [13].

Обращаясь к законодательству Российской Федерации, следует отметить, что в случае, если судом установлено, что все, полученное супругом по обязательствам, было использовано на нужды семьи, в качестве содолжников выступают оба супруга и взыскание обращено на совместное имущество.

Исходя из нормативных правовых актов Республики Беларусь, под имуществом следует понимать недвижимые и движимые вещи (включая деньги и ценные бумаги), в том числе имущественные права, установленные гражданским законодательством Республики Беларусь. Полагаем, что в данном аспекте обязательства, возникающие на имущество, не входят в его состав.

Неоднозначность заключается в том, что законодатель лишь косвенно регулирует имущественные обязательства на совместное имущество, указывая при этом, что имущество, будучи объектом права собственности, делится, а долговые обязательства лишь учитываются при разделе имущества.

Полагаясь на мнение одних ученых, к особенностям имущественных отношений между супругами можно отнести временной и доверительный характер правоотношений; наличие двух основных субъектов — супругов; отсутствие временных пределов.

Однако существует противоположная точка зрения, согласно которой ни один из вышеуказанных признаков не характеризует имущественные отношения.

Чаще всего в юридической литературе выделяют два основных признака имущественных отношений между супругами: передаваемость, ценность для всех субъектов. Сущность такого аспекта, как передаваемость, состоит в том, что права на объекты имущественных отношений могут выступать в качестве предмета сделок, что в значительной степени отличает их от личных неимущественных прав. Ценность же заключается в наличии заинтересованности в объекте правоотношений для своего владельца. Некоторые авторы, напротив, считают, что особенностью имущественных правоотношений между супругами является неотчуждаемость, то есть такие права и обязанности нельзя продать, купить или завещать.

В качестве одной из ведущих отличительных черт имущественных правоотношений между супругами следует выделить юридический факт. Возникновение имущественных отношений связано с моментом законной регистрации брака.

Таким образом, обобщая все вышеупомянутые доводы, необходимо сделать вывод, что имущественные отношения — урегулированные нормами правоотношения, возникающие с момента законной регистрации брака между супругами, по поводу всей совокупности принадлежащего им имущества, имущественных прав и обязанностей, в том числе связанных со взаимным содержанием супругов, наследования и ответственности по обязательствам.

В качестве основных особенностей, характерных для имущественных отношений супругов в большинстве государств, следует выделить специфический субъектный состав участников правоотношений, временной период действия и специфический юридический факт. Отметим, что такая специфика регулирования имущественных правоотношений между супругами подлежит регламентированию в рамках семейного законодательства ввиду того, что Гражданский кодекс Республики Беларусь содержит лишь общие положения, которых может быть недостаточно для раскрытия особенностей данных правоотношений и их соответствующего регулирования. Несмотря на то, что состав объектов имущества представляется понятным, немаловажным является регламентирование легального термина «имущество» в целях конкретизации его составляющих частей и уточнения вопроса включения долговых обязательств в данное понятие.

---

1. Антокольская М. В. Семейное право : учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2013. 309 с. [Вернуться к статье](#)

2. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Конвенция о праве, применимом к режимам собственности супругов [Электронный ресурс]: [заключена в г. Гааге 14.03.1978 г.]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901898364> (дата обращения: 01.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [Электронный ресурс] : [заключена в г. Минске 22.01.1993 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [Электронный ресурс] : [заключена в г. Кишиневе 07.10.2002 г.]. URL: <https://cis.minsk.by/page/614> (дата обращения: 01.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Воскресенский Д. А. Понятие имущественных отношений супругов и их виды // Право и практика. 2021. № 1. С. 131–134. [Вернуться к статье](#)

7. Нечаева А. М. Семейное право : учеб. пособие. 8-е изд. М. : Юрайт, 2023. 294 с. [Вернуться к статье](#)
8. Мукимханов Р. А. Имущественные отношения между супругами по гражданскому и семейному законодательству РФ // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2011. № 2. С. 158–162. [Вернуться к статье](#)
9. Ломакина П. А. Добровольный раздел общих долгов супругов по российскому праву // Вестн. гражд. права. 2015. № 4. С. 36–53. [Вернуться к статье](#)
10. Белецкая О. С. Ответственность супругов по обязательствам: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Акад. народ. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации. М., 2011. 27 с. [Вернуться к статье](#)
11. Мазовка Е. Н. Признание долговых обязательств общими обязательствами супругов: анализ судебной практики // Актуальные проблемы рос. права. 2020. № 12. С. 82–89. [Вернуться к статье](#)
12. Косова О. Ю. Об имуществе, имущественной состоятельности супругов и их общих долгах // Lex russica. 2021. № 8. С. 23–32. [Вернуться к статье](#)
13. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.126.1+343.121.5

**ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ
В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ:
РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

И. Н. Цыкунова

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Исследуются правила, закрепленные в международных документах, содержащих стандарты применения заключения под стражу в отношении несовершеннолетних. Сделан вывод о закреплении соответствующих международных рекомендаций в законодательстве Республики Беларусь и их применении в процессуальной практике. Определены направления дальнейшей оптимизации национального законодательства.

Ключевые слова: заключение под стражу, несовершеннолетние, правовые стандарты, обвиняемый.

Annotation. The rules enshrined in international documents containing standards for the use of detention of minors are studied. The conclusion is made about the consolidation of the relevant international recommendations in the legislation of the Republic of Belarus and their application in procedural practice. The directions of further optimization of the national legislation are identified.

Keywords: detention, juvenile, legal standards, accused.

И в юридической науке, и в правоприменительной практике Республики Беларусь получило отражение фундаментальное положение о том, что «уголовное правосудие в отношении лиц, совершивших преступления в возрасте до 18 лет, основывается на понимании особого статуса несовершеннолетних, подлежащих специальной охране и находящихся под защитой государства в силу норм международного и национального права» [1, с. 56; 2, с. 50]. Правовые нормы национального законодательства в сфере применения в отношении несовершеннолетних заключения под стражу в качестве меры пресечения, а также в целом в системе уголовного правосудия в отношении этой категории субъектов формируются и развиваются с учетом международных норм и стандартов, специально направленных на усиленную охрану прав и свобод несовершеннолетних, сформулированных в документах Организации Объединенных Наций (далее — ООН). Правила и процедуры обеспечения прав несовершеннолетних, в отношении которых применено заключение под стражу, получили закрепление в Конвенции ООН о правах ребенка (1989 г.), Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия

в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила, 1985 г.), Правилах ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (1990 г.), Руководящих принципах ООН по предупреждению преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы, 1990 г.).

Изучив содержание международных документов, содержащих стандарты применения заключения под стражу в отношении несовершеннолетних, можно выделить следующие приведенные в них правила, имеющие первостепенное значение:

– «ни один ребенок не должен быть лишен свободы незаконным или произвольным образом» [3, п. b ст. 37];

– задержание и содержание под стражей до суда несовершеннолетнего должны применяться лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого соответствующего периода времени [3, п. b ст. 37; 4, п. 13.1; 5, п. 17];

– применение альтернативных содержанию под стражей мер («постоянный надзор, активная воспитательная работа или помещение в семью или в воспитательное заведение или дом») [4, п. 13.2; 5, п. 17];

– несовершеннолетние должны иметь право на юридическую помощь, «иметь возможность обращаться с просьбой о предоставлении бесплатной юридической помощи в тех случаях, когда такая помощь может быть предоставлена», «право оспаривать законность лишения его свободы перед судом или другим компетентным, независимым и беспристрастным органом и право на безотлагательное принятие ими решения в отношении любого такого процессуального действия» [3, п. d ст. 37; 5, п. 18 а].

Республика Беларусь на конституционном уровне признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. Применение заключения под стражу в качестве меры пресечения существенным образом ограничивает провозглашенное ст. 25 Конституции Республики Беларусь право на свободу и неприкосновенность личности. Поэтому ст. 11 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (далее — УПК), закрепляя совокупность положений и процессуальных гарантий их реализации, образующих содержание принципа неприкосновенности личности, устанавливает, что никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления либо заключен под стражу, домашний арест в качестве меры пресечения иначе как на основаниях и в порядке, предусмотренном УПК [6]. Приведенные положения национального законодательства в полной мере соответствуют руководящему принципу применения в отношении несовершеннолетнего принудительных мер,

связанных с лишением свободы, — «ни один ребенок не должен быть лишен свободы незаконным или произвольным образом».

В УПК имеется глава 45, в нормах которой установлены дополнительные процессуальные гарантии, распространяющиеся на производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет, и таким образом находит свое отражение принцип повышенной юридической охраны прав несовершеннолетних, как того требуют вышеназванные международные документы. Применение в отношении несовершеннолетнего мер пресечения, в том числе и заключения под стражу, регулируется ст. 432 УПК. Согласно ч. 1 ст. 432 УПК, при решении данного вопроса в каждом случае должна обсуждаться возможность применения такой меры, как отдача несовершеннолетнего под присмотр. Тем самым получил законодательное закрепление международный стандарт во всех возможных случаях применять меры, альтернативные содержанию под стражей. Концепция избрания заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего лишь при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения отчетливо прозвучала и в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь [7, п. 9], и находит свою реализацию на практике. Так, по данным Верховного Суда Республики Беларусь, отдача несовершеннолетнего под присмотр является одной из наиболее часто применяемых в отношении несовершеннолетних мер пресечения и ее удельный вес, составляя более 30 %, превышает долю применения заключения под стражу [2, с. 53]. При этом, хотя заключение под стражу применяется органами предварительного расследования реже, его удельный вес тоже значителен — около 20 % [2, с. 53].

Между тем, согласно международным рекомендациям, содержание под стражей до суда несовершеннолетнего должно применяться лишь в качестве крайней меры. Мы поддерживаем мнение Л. Л. Зайцевой о том, что «применение заключения под стражу к несовершеннолетнему допустимо лишь тогда, когда оно представляет единственно возможную в данной ситуации меру. При этом необходимо учитывать характер содеянного, условия жизни и воспитания подростка, среду, особенности его личности, отношение к содеянному и последующее поведение. Существенное значение имеют, в частности, такие обстоятельства, как повторность преступления, дерзость и агрессивность преступных действий, отрицательное поведение после совершения преступления, длительное отсутствие места жительства и определенных занятий, прочные связи с преступными элементами» [1, с. 82].

Положений, свидетельствующих об исключительности применения заключения под стражу в отношении лица, не достигшего восемнадцати лет, в УПК нет. Основания и порядок заключения под стражу регулируются

правовыми нормами главы 13 УПК независимо от возраста лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Вместе с тем, ч. 2 ст. 432 УПК содержит «изъятие», особенность в применении заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего. Так, оно допускается при наличии общих оснований применения мер пресечения, предусмотренных ст. 117 УПК, условий применения рассматриваемой меры пресечения, закрепленных в ст. 126 УПК, но только в случаях совершения несовершеннолетним менее тяжкого, тяжкого или особо тяжкого преступления, т. е. преступления любой категории, кроме не представляющего большой общественной опасности.

Полагаем, вряд ли можно признать применение заключения под стражу в качестве «крайней меры» в случае совершения несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым менее тяжкого преступления.

В этом контексте более предпочтительным представляется подход, закрепленный в ст. 540 Модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств — участников СНГ, согласно которой применение к несовершеннолетнему подозреваемому и обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу допускается лишь в том случае, если ему приписывается совершение насильственного преступления средней или большой тяжести либо неоднократное совершение тяжкого или особо тяжкого преступления [8]. Полагаем, что в целях обеспечения повышенной охраны прав и интересов несовершеннолетних с учетом международных рекомендаций целесообразно законодательно ограничить применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего, а именно установить запрет на ее применение в случае совершения лицом, не достигшим восемнадцати лет, менее тяжкого преступления, не связанного с применением насилия.

В п. 13 Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (1985 г.), рекомендуется ограничивать содержание под стражей до суда несовершеннолетнего «как можно более коротким периодом времени». Однако в УПК сроки содержания под стражей лиц, не достигших восемнадцати лет, порядок их продления не имеют каких-либо отличий, что, полагаем, не соответствует предложенному международными стандартами уровню охраны прав лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста. Заметим, что в отечественном уголовном законодательстве снижены верхние пределы сроков назначения несовершеннолетним наказания в виде лишения свободы на определенный срок. В связи с чем представляется целесообразным уменьшение также предельных сроков содержания под стражей данной категории лиц.

Таким образом, рекомендации международных документов, содержащих стандарты применения заключения под стражу в отношении несовершеннолетних, в основном получили закрепление в законодательстве Республики Беларусь и используются в практике деятельности органов уголовного преследования и суда, применяющих данную меру пресечения. Между тем, в целях обеспечения принципа повышенной юридической охраны прав лиц, не достигших восемнадцати лет, и дальнейшей оптимизации национального законодательства целесообразно законодательно установить запрет на применение заключения под стражу в случае совершения лицом, не достигшим восемнадцати лет, менее тяжкого преступления, не связанного с применением насилия, а также уменьшить предельные сроки содержания под стражей данной категории субъектов.

---

1. Правосудие по делам о преступлениях несовершеннолетних : учеб.-метод. пособие для слушателей учреждений дополнительного образования взрослых юрид. профиля / А. В. Барков [и др.] ; редкол.: А. В. Барков (гл. ред.) [и др.] ; учреждение образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета». Минск : Четыре четверти, 2018. 119 с. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/198306?mode=simple> (дата обращения: 01.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Практика применения судами законодательства при рассмотрении уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних (по материалам обзора) // Судовы весн. 2016. № 1. С. 50–63. [Вернуться к статье](#)

3. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс] : принята резолюцией 44/25 Генер. Ассамблеи от 20 нояб. 1989 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 01.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [Электронный ресурс] : приняты резолюцией 40/33 Генер. Ассамблеи от 29 нояб. 1985 г. // Организация Объединенных Наций. Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 01.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы [Электронный ресурс] : приняты резолюцией 45/113 Генер. Ассамблеи от 14 дек. 1990 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_liberty.shtml (дата обращения: 01.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. № 286-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. О практике рассмотрения судами жалоб на применение мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продление срока их действия [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 12 : с изм. и доп. // Верхов. Суд Респ. Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal_proc/fb9e15e9aacd41e6.html (дата обращения: 02.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] : принят Постановлением Межпарламент. Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств, 17 февр. 1996 г., № 7-6. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.163

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ
В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ:
ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Д. А. Шеставин

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
аспирант

***Аннотация.** Статья посвящена актуальным вопросам правового регулирования порядка рассмотрения обращений в органах прокуратуры Российской Федерации и Республики Беларусь. В работе проведен сравнительно-правовой анализ. Автором выявлена необходимость внесения изменений в законодательство двух стран. Предложены пути совершенствования действующих нормативных правовых актов.*

***Ключевые слова:** Российская Федерация, Республика Беларусь, обращения, прокуратура.*

***Annotation.** The article is devoted to topical issues of legal regulation of the procedure for considering appeals in the prosecutor's office of the Russian Federation and the Republic of Belarus. The paper provides a comparative legal analysis. The author has identified the need to amend the legislation of the two countries. The ways of improving the existing regulatory legal acts are proposed.*

***Keywords:** Russian Federation, Republic of Belarus, appeals, Prosecutor's office.*

Взаимовыгодная и равноправная интеграция Российской Федерации и Республики Беларусь является важным этапом в современном развитии обеих стран. Как отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин на заседании Высшего Государственного Совета Союзного государства, — в связи с успешной реализацией 28 отраслевых союзных программ в настоящее время активно ведется работа по унификации российского и белорусского законодательств. Этот исторический процесс позволяет сформировать нормативные правовые положения, которые в полной мере будут способны качественно регулировать складывающиеся правоотношения на территории общего экономического пространства [1].

Вместе с тем возможность обратиться с заявлением в органы публичной власти по экономическим или социальным вопросам является неотъемлемым принципом демократического правового государства. Через обращение каждый может акцентировать внимание должностных лиц на каких-то существенных проблемах, требующих вмешательства со стороны органов публичной власти.

Обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина — это основная цель для правового государства. Надлежащая реализация принципа верховенства закона способна в полной мере обеспечить правопорядок в социуме [2, с. 47].

Отметим, что право на обращения является конституционным правом. Немаловажную роль в реализации данного конституционного права как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь осуществляют органы прокуратуры.

В связи с изложенным, предлагаем провести сравнительно-правовой анализ действующего законодательства в указанной сфере правоотношений; найти не только положительные моменты, но и исследовать имеющиеся правовые пробелы, а также предложить пути их устранения.

Само конституционное право на обращения закреплено в Основных законах обоих государств. Так, в Российской Федерации, согласно статье 33 Конституции, граждане вправе индивидуально или коллективно обращаться как в органы государственной власти, так и в органы местного самоуправления [3]. Следует отметить, что в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ к субъектам, наделенным правом на обращения, законодателем отнесены иностранцы, апатриды, а также различные формы объединений граждан и юридические лица [4].

С другой стороны, в статье 40 Конституции Республики Беларусь предусмотрено, что каждый наделен правом лично или коллективно обращаться в государственные органы. Также на органы государственной власти и на должностных лиц возложена конституционная обязанность рассмотреть полученное обращение. Кроме того, в Конституции Республики закреплена возможность мотивированного отказа в рассмотрении обращения [5].

Однако, определение термина должностного лица в Законе Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц» от 18 июля 2011 г. № 300-З отсутствует. В связи с изложенным, как один из возможных вариантов совершенствования и унификации действующего законодательства в исследуемой сфере, полагаем необходимым внести изменение в данный нормативный правовой акт, дополнив его указанной дефиницией.

Вместе с тем, несмотря на этот правовой пробел, нельзя не отметить наличие обширного понятийного аппарата, закрепленного в статье 1 Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц». Так, белорусским законодателем дана легальная классификация видов обращений. Кроме того, в отличие от российского законодательства, имеется дефиниция термина «коллективное обращение», что является положительным примером, подлежащим рецепции.

Интересным представляется закрепленное определение книги замечаний и предложений, под которой следует понимать возможность потребителя товаров и услуг оставить какую-то информацию о деятельности организации. Таким образом, мы видим, что белорусский законодатель в отличие от российского законодателя включает в сферу права на обращения также правоотношения, одной из сторон которых является потребитель.

Однако хотелось бы обратить внимание на теоретический вопрос, возникший исходя из применения норм как в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», так и в Законе Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц». Так, в специализированных нормативных правовых актах обеих стран определение термина «обращение» дано через перечисление его видов. В связи с этим, мы разделяем точку зрения К. В. Подъячева, считающего, что перечисление видов обращения не является качественно проработанным определением данного термина [6].

В связи с изложенным, считаем необходимым закрепить в указанных законах дефиницию термина «обращение» через его характеризующие признаки.

Немаловажным в реализации права на обращения является закрепленный за заявителем перечень обязанностей. Так, Законом Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц» предусмотрено соблюдение вежливости в общении с должностными лицами при обращении, а также содержится прямой запрет на употребление каких-либо оскорбительных высказываний. Кроме того, организации и индивидуальные предприниматели наделены правом взыскивать в судебном порядке с заявителей расходы за ложные и необоснованные обращения [7].

Следует отметить, что данный вопрос в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» проработан недостаточно, поскольку содержит только требования по оформлению письменных обращений. В случаях же если письменное обращение содержит оскорбительные высказывания, должностное лицо вправе оставить обращение без ответа и разъяснить гражданину недопустимость злоупотребления правом [4].

Интересным представляется положение, закрепленное в статье 9 Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц», согласно которому обязанность по рассмотрению обращений возлагается не только на организации, но и на индивидуальных предпринимателей [7]. Таким образом, мы видим, что белорусский законодатель включает в круг адресатов обращений также и субъектов предпринимательской деятельности. Полагаем, что данная правовая норма позволяет каждому направлять предложения и замечания предпринимателям относительно качества произведенных товаров и

оказанных услуг, что является положительным аспектом, позволяющим вести конструктивный диалог в рамках экономической деятельности.

Согласно статье 13 Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц», предусмотрено, что заявления должны быть приняты и зарегистрированы. Однако срок регистрации в Законе Республики, в отличие от российского законодательства, не прописан [7]. В связи с изложенным, считаем, что конкретизация срока регистрации обращения в указанном нормативном правовом акте позволит унифицировать законодательство в данной сфере.

На органы прокуратуры обеих стран возложена государственная функция по осуществлению надзора за соблюдением и исполнением действующего законодательства. Также в рамках своей компетенции органы прокуратуры двух государств осуществляют разрешение (статья 10 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1) [8] и рассмотрение (статья 14 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» от 8 мая 2007 г. № 220-3) [9] обращений.

В словаре С. И. Ожегова под разрешением следует понимать деятельность, направленную на решение какой-либо проблемы с последующим ее устранением [10, с. 533]. Под рассмотрением подразумевается деятельность по разбору чего-либо [10, с. 541].

Полагаем, что термин «разрешение» более удачный, поскольку охватывает не только изучение чего-то, но и принятие какого-то решения по результатам рассмотрения.

Немаловажным является то, что прокурорская деятельность в исследуемой нами сфере должна осуществляться в двух направлениях. Во-первых, как надзор за законностью рассмотрения и разрешения обращений поднадзорными субъектами. Во-вторых, как внутриведомственная организация разрешения обращений в органах прокуратуры, направленная на восстановление законности [11, с. 103].

Вместе с тем следует отметить, что рассмотрение обращений в органах прокуратуры в Российской Федерации и Республике Беларусь имеет свои отличительные друг от друга черты. Так, согласно Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1, заявителю в случае несогласия с принятым по его обращению решением предоставляется возможность обжаловать это решение либо вышестоящему прокурору, либо в суд. В Законе Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» от 8 мая 2007 г. № 220-3 данная возможность не закреплена. Кроме того, российское законодательство обязывает работников органов прокуратуры направлять заявителю мотивированный ответ, а также содержит прямой запрет на перенаправление обращений в органы, чьи действия обжалуются. В Законе

Республики Беларусь аналогичные положения отсутствуют. В связи с этим внесение изменений в Закон Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» от 8 мая 2007 г. № 220-З посредством закрепления положений, содержащихся в российском законодательстве, нам представляется как один из способов повышения эффективности прокурорской деятельности органов прокуратуры Республики Беларусь на данном направлении.

Таким образом, действующее законодательство о рассмотрении обращений как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь является важным элементом, регулирующим механизм взаимодействия населения и органов публичной власти по социальным и экономическим вопросам. Для его совершенствования, а также повышения эффективности необходимо дополнительное принятие соответствующих мер на уровне законодателя.

---

1. Путин и Лукашенко обсудили программы интеграции Союзного государства [Электронный ресурс] // Редакция «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2024/01/29/ot-kosmosa-do-afriki.html> (дата обращения: 09.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Коршунова О. Н., Головки И. И., Никитин Е. Л. Прокурорский надзор : учеб. пособие. СПб. : Юрид. центр, 2018. 480 с. [Вернуться к статье](#)

3. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 2 мая 2006 г., № 59-ФЗ : в ред. Федер. закона от 04.08.2023 г. № 480-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=V19402875> (дата обращения: 09.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Подъячев К. В. Обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления как форма гражданского участия : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Ин-т социологии Рос. академии наук. М., 2007. 31 с. [Вернуться к статье](#)

7. Об обращениях граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2011 г., № 300-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. № 284-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11100300> (дата обращения: 09.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 17 янв. 1992 г., № 2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

9. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=N10700220> (дата обращения: 09.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

10. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1987. 750 с. [Вернуться к статье](#)

11. Рохлин В. И. Прокурорский надзор в Российской Федерации : курс лекций. СПб., 1998. 112 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ ОБСТАНОВКИ СОВЕРШЕНИЯ ХИЩЕНИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Д. И. Шнейдерова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики

Аннотация. В статье автором рассматриваются особенности определения места и времени совершения хищений в сфере оборота криптовалют как признаков пространственного элемента обстановки хищений. Обращается внимание на необходимость введения показателя множественности мест в механизме преступлений, совершаемых группой лиц с использованием сети Интернет.

Ключевые слова: криптовалюта, хищение, обстановка, место, время, пространственный элемент, часовой пояс.

Annotation. In the article the author examines the peculiarities of determining the crime scene and the time of theft in the sphere of cryptocurrency turnover as signs of a spatial element of the theft setting. Attention is drawn to the need to introduce an indicator of the multiplicity of scenes in the mechanism of crimes committed by a group of persons using the Internet.

Keywords: cryptocurrency, theft, setting, crime scene, time, spatial element, time zone.

Популяризация криптовалют, получивших легальный правовой статус как имеющее имущественную ценность средство универсального обмена в белорусском правовом поле, выступает одним из ключевых факторов, повлиявших на появление интереса субъектов криминального сектора к указанному активу. По данным аналитической компании New World Wealth, в Беларуси на 2023 год насчитывалось более 277 тысяч владельцев криптовалют, вариационность количества которых находится в прямой зависимости от тенденций криптовалютного рынка и волатильности курсов наиболее популярных видов криптовалют, таких как биткоин и эфир [1]. За последние пять лет в практике белорусских правоохранительных органов сформировалась группа хищений, представляемых вымогательством, мошенничеством, хищением путем модификации компьютерной информации, в механизме которых криптовалюты выступают предметом преступного посягательства. Расследование указанной группы хищений, несмотря на сформированные и апробированные криминалистикой методики для данных составов, столкнулось с рядом проблем, вызванных спецификой криптовалют, проводимых с ними операций и используемых при этом технических и программных средств. Отсутствие комплексных научных исследований, раскрывающих сущность криптовалют и особенности их оборота как предмета

посягательства, способы хищений, характеристику обстановки, механизм слепообразования и типичные следы, использование указанной информации для организации процесса расследования хищений на первоначальном и последующем этапах в целях их эффективного и оперативного раскрытия, обуславливают актуальность разработки частной криминалистической методики расследования хищений в сфере оборота криптовалют, информационным компонентом которой является криминалистическая характеристика преступлений.

В рамках настоящей статьи представляется целесообразным рассмотреть особенности одного из структурных элементов криминалистической характеристики — обстановки совершения хищений в сфере оборота криптовалют. Как отмечает А. А. Бессонов, обстановка совершения преступления характеризуется следующими положениями: представляет систему взаимосвязанных элементов окружающей среды (объектов, явлений, процессов); имеет пространственно-временные границы, обусловленные совершенным преступлением; оказывает влияние на механизм преступления и слепообразования; изучение закономерностей взаимосвязи элементов этой системы и следов механизма преступления обуславливает методику расследования преступления [2, с. 160]. Соглашаясь с мнением указанного автора, отметим, что применительно к хищениям в сфере оборота криптовалют обстановка может быть представлена совокупностью сведений о взаимодействии объектов окружающей обстановки до, в момент и после совершения преступлений, сведений, характеризующих место, время, используемые средства, а также иные факторы, влияющие на возможность и условия совершения преступления.

Пространственный элемент обстановки представлен характеристикой места его совершения и временным периодом, которые, применительно к хищениям в сфере оборота криптовалют, находятся в прямой зависимости от месторасположения используемых преступниками технических устройств. Так как в составах вымогательств, мошенничеств и хищений путем модификации компьютерной информации в качестве средства реализации преступного умысла, как правило, используется сеть Интернет, то определение конкретного места совершения преступления в классическом его понимании проблематично и вызывает ряд спорных вопросов.

Исходя из представлений механизма взаимодействия устройств в Сети между собой и с удаленными сетевыми ресурсами, усматривается возможность введения нового показателя в криминалистике применительно к категории места совершения преступления — множественность мест, поскольку при совершении одного хищения может быть задействовано от двух и более географических точек. К примеру, преступник А, находясь на территории иностранного

государства X, получил некоторым образом данные для доступа к криптокошельку потерпевшего. Со своего компьютера посредством удаленного доступа к онлайн-криптокошельку, сервер которого расположен на территории иностранного государства У, преступник осуществляет вход в кошелек, инициирует транзакцию по переводу криптовалют на свой криптокошелек. В данном случае реализация преступного действия в виде выбора команд и ввода данных начинается преступником на территории государства X и продолжается при выполнении сервером криптокошелька этих команд, т. е. неправомерной транзакции, на территории государства У, где и наступают противоправные последствия. Следовательно, при наличии удаленного доступа к ресурсу сети Интернет преступник, фактически находясь на территории государства X, совершает своими действиями хищение на территории государства У. Преступник Б, находясь на территории иностранного государства Z, осуществляет те же действия в отношении того же кошелька, что и преступник А, поскольку они действуют совместно. Исходя из изложенного, возникает несколько вопросов: какое из мест следует считать местом совершения преступления — место фактического нахождения преступников, если да, то какого из них, или местонахождение сервера криптокошелька, на котором программой выполняется неправомерная транзакция?

Поскольку преступление совершить может лишь человек, то используемый им удаленный ресурс выступает в механизме хищения в качестве средства совершения преступления независимо от того, на каком физическом носителе он размещен и где этот носитель территориально расположен. В связи с этим местом совершения преступления следует признавать фактическое местонахождение преступника в момент совершения объективной стороны хищения, т. е. в момент ввода заведомо неправомерных команд и данных в информационную систему. При наличии нескольких соисполнителей, находящихся территориально отдаленно друг от друга, следует считать местонахождение каждого из них при совершении объективной стороны местом совершения хищения и вести речь о показателе множественности мест, так как такие сведения представляют криминалистический интерес как при выявлении следов преступления, так и в процессе розыска указанных лиц.

Еще один важный аспект при определении места совершения хищения вытекает из разграничения фактического местонахождения преступника и технического местонахождения его устройства, фиксируемого информационной системой в момент совершения преступления. Любому устройству, получающему доступ к сети Интернет, провайдером присваивается IP-адрес (сетевой), благодаря которому иные узлы Сети могут осуществлять обмен данными с этим устройством. IP-адрес позволяет провайдеру отслеживать активность

пользователя в Сети, устанавливать его географическое местоположение в определенный период времени по привязанному к IP физическому адресу устройства (Mac-адрес), с которого осуществлен доступ к Интернету. Данная информация представляет непосредственный криминалистический и оперативный интерес при установлении местонахождения преступника в момент совершения хищения и его дальнейшем розыске. Однако на практике установить реальный IP-адрес затруднительно, поскольку все чаще преступники прибегают к сервисам-анонимайзерам (например, VPN, TOR, SOCKS и др.), позволяющим его скрывать и выходить в Сеть под IP стороннего узла, который географически значительно удален от местонахождения преступника, кроме того, последние используют в совокупности с анонимайзерами общедоступные сети Wi-Fi в общественных местах (под одним IP в Сети могут находиться несколько десятков устройств одновременно, что усложняет правоохранным органам задачу по определению устройства, использованного преступником). При указанных обстоятельствах выявленные в ходе расследования и оперативно-розыскной работы анонимизированные IP-адреса приведут к сервисам-анонимайзерам, как правило, зарегистрированным на территории иностранных государств, получить криминалистически значимую информацию от которых крайне затруднительно ввиду особенностей корпоративной политики. Из изложенного следует, что не во всех случаях фактическое местонахождение преступника в момент совершения хищения криптовалют будет совпадать с географической привязкой зафиксированных сетевого и физического адресов устройства, что следует учитывать в процессе расследования.

При определении времени совершения преступления следует исходить из способа хищения и особенностей фиксации времени информационной системой. В случаях, когда хищение реализуется через сеть Интернет посредством безналичных переводов или неправомерных криптовалютных транзакций, правоохранные органы опираются на временные показатели, зафиксированные пользовательскими устройствами и сетевыми ресурсами. Особенность данной ситуации заключается в том, что пользовательское устройство или серверы сетевых ресурсов могут одновременно использовать различные способы фиксации времени активности пользователя. Следует обратить внимание на понятия локального сетевого времени и универсального координированного времени (UTC). Локальное время — это местное время того государства, на территории которого находится пользовательское устройство. Оно устанавливается устройством в зависимости от системных настроек либо автоматически по геолокации, либо вручную и определяет, в каком часовом поясе находится устройство. При этом синхронизация такого времени осуществляется операционной системой через сеть Интернет посредством

протокола NTP. Большинство сетевых ресурсов, предоставляющих свои услуги на мировом сетевом рынке, в работе своих программных кодов используют именно UTC, что позволяет им транслировать пользователю тот временной показатель, в часовом поясе которого он находится. Например, преступник, находясь на территории Екатеринбурга (Российская Федерация) в часовом поясе UTC+5, в 15:00 часов совершает неправомерную транзакцию в криптокошельке потерпевшего. Сервер криптокошелька, расположенный в Берлине (Германия) в часовом поясе UTC+2, фиксирует данную транзакцию под временем 12:00 часов. Потерпевший, находясь в Минске (Республика Беларусь) в часовом поясе UTC+3, устанавливает, что указанная неправомерная транзакция проведена в 13:00 часов. Несмотря на разницу в часовых поясах, момент времени совершения хищения один и тот же. В данном случае возникает вопрос, какое время следует признавать временем совершения хищения? Видится целесообразным время совершения хищения по аналогии с местом его совершения устанавливать в зависимости от местонахождения преступника в момент реализации объективной стороны с указанием на часовой пояс данного региона. Фиксация часового пояса в процессуальных документах имеет важное практическое значение, поскольку на первоначальном этапе расследования в ходе процессуальных действий криминалистически значимая информация получается с устройств и аккаунтов потерпевших, в которых отображается их локальное сетевое время, не совпадающее с локальным временем на устройстве преступника. В целях недопущения путаницы во временных показателях указание часового пояса в процессуальных документах (в частности, протоколах осмотра компьютерной информации) видится необходимой мерой при расследовании хищений в сфере оборота криптовалют.

Если время совершения хищения определяется, исходя не из территории нахождения преступника, а из зафиксированного сервером крипторесурса IP-адреса или интерпретации локального сетевого времени в журналах событий, то следует помнить о нескольких аспектах: преступником мог быть использован VPN или умышленно изменено локальное сетевое время на устройстве. При использовании VPN пользователь выходит в Сеть под IP-адресом сервера, находящегося на территории государства, отличного от фактического места его пребывания. В этой связи в случае установления принадлежности IP сервису VPN определяемый им временной показатель временем совершения хищения признаваться не будет. Умышленное изменение локального времени на устройстве влияет на временной показатель фиксации событий в журналах компьютера (при этом реальное время пользовательской активности не совпадает со временем, зафиксированным устройством), что может повлечь

ошибочную интерпретацию полученной доказательственной информации и должно быть учтено в процессе оценки полученных данных.

Таким образом, при характеристике места и времени совершения хищений в сфере оборота криптовалют, составляющих пространственный элемент обстановки, следует исходить из местоположения преступника и действующего на его территории часового пояса в момент реализации объективной стороны, а в случае соисполнительства — каждого из преступников, находящихся в разных местах, что образует показатель множественности мест. При указании времени в процессуальных документах представляется целесообразным указывать часовые пояса (при их отличии) в целях недопущения путаницы во временных показателях в рамках одного уголовного дела.

---

1. Посчитали, сколько в Беларуси владельцев криптовалют [Электронный ресурс] // Белорусы и рынок. URL: <https://belmarket.by/news/news-53857.html> (дата обращения: 16.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Бессонов А. А. Обстановка преступления как элемент его криминалистической характеристики // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2014. № 6. С. 158–163. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.9

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА СОСТОЯНИЕ ПРАВОНАРУШАЕМОСТИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

Ш. М. Шурпаев

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
заведующий кафедрой общегуманитарных и
социально-экономических дисциплин,

кандидат экономических наук, кандидат юридических наук

***Аннотация.** В статье охарактеризован причинный комплекс, влияющий на уровень правонарушаемости в сфере государственных и муниципальных закупок. Приведены отдельные аспекты влияния правовой культуры на состояние правонарушаемости в сфере закупок.*

***Ключевые слова:** сфера закупок, правонарушения, уровень правонарушаемости, социокультурные причины.*

***Annotation.** The article describes the causal complex that influences the level of offense in public procurement. Certain aspects of the influence of legal culture on the state of crime in the field of procurement are presented.*

***Keywords:** procurement sphere, offenses, level of offenses, sociocultural reasons.*

Сфера государственных и муниципальных закупок (далее — сфера закупок) характеризуется высоким уровнем правонарушаемости. В числе факторов, оказывающих влияние на состояние правонарушаемости в данной сфере, можно выделить:

- *политико-правовые*, связанные с несовершенством правовой системы, наличием в ней пробелов, коллизий, неэффективно урегулированных отношений, выступающих условиями совершения правонарушений в данной сфере, неэффективностью существующих официальных институтов и долгосрочных механизмов противодействия различным проявлениям правонарушаемости в рассматриваемой сфере;
- *экономические*, обусловленные значительными объемами средств, выделяемых на закупочную деятельность публичного аппарата управления; высокой интенсивностью закупочной деятельности, обусловленной значительным объемом государственных и муниципальных нужд; фундаментальными противоречиями между интересами заказчиков и поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в сфере закупок;
- *обусловленные развитием техники и технологий*: сфера государственных и муниципальных закупок характеризуется высоким уровнем

проникновения в нее информационных технологий с целью оптимизации деятельности сторон, обеспечения перехода на безбумажный документооборот, повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности и другими причинами; вместе с этим передовые технологии становятся условиями и причинами совершения правонарушений в данной сфере;

- *социокультурные*, состоящие во взаимосвязи между системой ценностей общества и уровнем правонарушаемости в определенной сфере; Данному элементу причинного комплекса правонарушаемости в литературе уделяется гораздо меньше внимания.

Вопросы пресечения правонарушений в сфере закупок являются одним из приоритетных направлений контрольной и надзорной деятельности. Только в 2022 году в связи с грубыми нарушениями в сфере закупок по материалам органов прокуратуры возбуждено 906 уголовных дел [1].

По данным ФАС России, в 2022 году в России возбуждено 26 563 дела об административных правонарушениях за нарушения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок. По итогам рассмотрения выдано 14 070 постановлений о наложении административного штрафа на общую сумму 225 219,43 тыс. рублей. За вышеуказанный период ФАС России взыскано 203 101,35 тыс. рублей.

В 2022 году в ФАС России поступило 47 166 жалоб на действия (бездействие) субъектов контроля при осуществлении закупок в соответствии с требованиями Закона о контрактной системе.

Наиболее часто встречающимися нарушениями при рассмотрении жалоб (проведении внеплановых проверок) стали:

- 1) нарушения в порядке оценки заявок на участие в конкурсе;
- 2) неправомерный допуск или отказ в допуске участнику закупки;
- 3) установление требований к содержанию, составу заявок на участие в закупке с нарушением требований законодательства;
- 4) нарушения при описании объекта закупки;
- 5) нарушения при выборе способа осуществления закупки [2].

Определяя содержание правовой культуры, исследователи отмечают, что данное понятие характеризует не те или иные правовые ценности, а субъектов права — и коллективных, и индивидуальных. «Она есть степень их правовой развитости, правового совершенства, высокий уровень их способности качественно творить, умело и эффективно использовать необходимые правовые средства для достижения своих правомерных целей, своих правомерных интересов и потребностей» [3, с. 50].

С точки зрения вышеприведенной позиции, влияние правовой культуры на состояние правонарушаемости в сфере закупок объясняется недостаточным

правовым совершенством субъектов отношений контрактной системы в сфере закупок, ошибками в выборе средств достижения правомерных целей и рядом других причин.

О наличии проблем, связанных с правовой культурой в сфере закупок, свидетельствуют данные исследований. Наиболее опасные правонарушения в сфере закупок связаны с коррупционными проявлениями, в том числе коррупционной преступностью. По данным исследований объем коррупционного рынка в сфере закупок составляет 6,6 трлн руб. В среднем, размер «отката» оценивается в 22,5 % от суммы государственного контракта.

О дефектах в правовой культуре свидетельствуют другие данные вышеприведенного исследования. В опросе с участием представителей 1,2 тысяч компаний — участников конкурентных процедур из различных регионов страны респондентам были заданы вопросы, направленные на уточнение причин передачи незаконного вознаграждения («откатов») участниками конкурсных процедур. Как указывают исследователи, многие респонденты избегали искренних ответов на прямые вопросы о коррупции, опасаясь уголовного преследования: 83 % опрошенных сообщили, что осуждают коррупцию, а бороться за заказ неправомерными способами их вынуждает слишком высокая конкуренция за государственные контракты. Для 37 % участников опроса главным фактором для получения контракта является сговор — вертикальный (между заказчиком и поставщиком) или горизонтальный (между компаниями — участниками торгов). «В текущих условиях поставщику выгоднее вступать в сговор, чем работать над уникальностью или инновационностью товаров, работ или услуг». Согласно данным исследования, не менее двух третей его участников указывают на существование неформальных выплат представителям заказчика. При этом размеры взятки варьируются от 3 до 65 % от стоимости контракта [4].

Существенная часть правонарушений, совершаемых в сфере закупок, так или иначе обусловлена и уровнем правовой культуры. Принятые на законодательном уровне меры (например, согласно п. 1 ст. 6 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» одна из основных мер профилактики коррупции — формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению), направленные в том числе в совершенствование правовой культуры, требуют адаптации к особенностям отдельных сфер деятельности. Значимость системы государственных и муниципальных закупок определяет необходимость разработки комплекса мер совершенствования отдельных элементов правовой культуры и для данной сферы.

---

1. Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов выступил с докладом в Совете Федерации [Электронный ресурс] : Генеральная прокуратура

Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=87329761> (дата обращения: 12.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2022 год [Электронный ресурс] : Федеральная антимонопольная служба России. URL: <https://fas.gov.ru/documents/689041> (дата обращения: 12.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Бондарев А. С. Двухуровневая структура правовой культуры // Правовая культура. 2010. № 2 (9). С. 50. [Вернуться к статье](#)

4. Эксперты оценили средний размер откатов при госзакупках [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/12/2021/61bc5d059a794770833e7b51> (дата обращения: 14.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

УДК 347.67

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СТРАНАХ СНГ И БАЛТИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

О. А. Бойко

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры правовых дисциплин,
магистр юридических наук

***Аннотация.** В статье отражены общие тенденции формирования наследственного права, а также некоторые особенности становления и развития законодательства о наследовании в странах СНГ и прибалтийских государствах.*

***Ключевые слова:** институт наследственного права, наследование, завещание, завещатель, наследодатель, наследник, право наследования, институт наследования.*

***Annotation.** The article reflects the general trends in the formation of inheritance law, as well as some features of the formation and development of inheritance legislation in the CIS countries and the Baltic states.*

***Keywords:** institute of inheritance law, inheritance, will, testator, heir, right of inheritance, institute of inheritance.*

Наследование как древнейший институт права было и остается актуальным для исследования, развития и совершенствования, поскольку касается личных интересов каждого человека.

Конституцией Республики Беларусь гарантировано право наследования, которое в первую очередь выражается в праве гражданина согласно своей воле решить судьбу имущества, которое ему принадлежит, на случай смерти.

В современных условиях социально-экономического развития важное значение приобретает исторический опыт прошлых поколений. Возрастает потребность в изучении истории национального права и законодательства. Ведь развитие страны должно основываться на основательных знаниях исторического прошлого. Усиливается внимание и к историко-правовым исследованиям, посвященным формированию наследственного права.

После распада СССР в бывших советских республиках продолжали действовать Гражданские кодексы (далее — ГК), принятые в советские времена.

Для части республик, ранее входивших в состав СССР, влияние на формирование наследственного законодательства оказало создание Содружества

Независимых Государств (далее — СНГ), в состав которого вошли Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Республика Молдова, Республика Таджикистан, Российская Федерация, Республика Узбекистан, Украина и Грузия (при этом в 2009 году Грузия была исключена из членов СНГ по собственному желанию).

В рамках СНГ был принят Модельный ГК, ставший основой ГК Российской Федерации [1], ГК Республики Беларусь [2], ГК Армении [3], ГК Казахстана [4], ГК Кыргызстана [5], ГК Узбекистана [6] и ГК Таджикистана [7].

Следует отметить, что в 1997 году в Грузии был принят самостоятельный ГК [8], существенно отличающийся от модельного, но относящийся к романо-германской правовой системе. ГК Грузии послужил базой для создания ГК Азербайджана [9], Туркменистана [10] и Молдовы [11].

Если государства-участники СНГ после распада СССР стремились к гармонизации национального законодательства, то Литва, Латвия и Эстония взяли курс на сближение со странами Европы. Как отмечают В. Воротников и А. Сытин, «важное значение имел тот факт, что на протяжении всего советского периода истории стран Балтии их население сохраняло связи со своими соотечественниками, эмигрировавшими на Запад» [12, с. 26, 69, 98]. В годы становления самостоятельности прибалтийских государств (Литва, Латвия, Эстония) их интеллектуалы-эмигранты, переехавшие в США, Канаду, Великобританию и Швецию, создали идеологическую платформу евро-атлантической ориентации своих народов.

В Латвии в настоящее время действует Гражданский закон 1937 года (действие которого было восстановлено в 1992–1993 гг.), модернизированный и с многочисленными изменениями и дополнениями [13], в Литве — ГК Литовской Республики от 18 июля 2000 г. [14], в Эстонии — Закон о наследовании 1996 года (являющийся одной из частей ГК) [15]. Данные нормативные правовые акты восстановили систему наследования досоветского периода с учетом положений законодательства Европейского Союза.

Анализ ГК стран постсоветского пространства позволил выделить характерные черты законодательства, регулирующего наследственные правоотношения:

1. Субъекты наследования. Во всех странах бывшего СССР передача наследственного имущества осуществляется непосредственно наследникам, то есть оно не передается каким-либо третьим лицам (доверительным управляющим, исполнителям завещания).

2. Порядок принятия наследства. В таких странах, как Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Латвия, Литва, Молдова, Российская

Федерация, для принятия наследства наследник должен осуществить определенные действия. Например, ГК Грузии предусматривает, что «наследство может быть принято либо путем подачи в соответствующие территориальные нотариальные органы заявления о принятии наследства, либо в случае, если наследник фактически приступит к владению или управлению имуществом» [8, ч. 2 ст. 1421]. Согласно ст. 1153 ГК Российской Федерации, способами, с помощью которых осуществляется принятие наследства, являются либо подача в органы нотариата или иному компетентному должностному лицу заявления о принятии наследства, либо совершение фактических действий, из которых явно видно желание наследников принять наследство: осуществление функций по управлению наследственным имуществом, погашение долгов наследодателя, осуществление различного рода мероприятий по сохранению наследственного имущества и прочее.

Согласно ст. 1145 ГК Узбекистана, у наследников возникает право на причитающееся ему наследство или его часть (долю) с момента смерти наследодателя (с момента открытия наследства), при условии, что он в установленный законом срок в будущем не откажется от наследства, не будет в судебном порядке лишен права наследовать и не утратит право наследовать в связи с признанием завещания недействительным [6, ст. 1145]. Таким образом, в Узбекистане наследство считается принятым автоматически с момента смерти наследодателя (т. е. с момента открытия наследства), при условии, что наследники не осуществили определенных действий, свидетельствующих об отказе от наследства.

Согласно ст. 1269 ГК Украины, для принятия наследства наследником, который не проживал постоянно с наследодателем на дату открытия наследства, необходимо обратиться с заявлением в нотариальные органы о принятии наследства. Если наследник проживал с наследодателем постоянно на момент открытия наследства, то считается, что он автоматически принял наследство. Однако такой наследник в течение 6 месяцев может отказаться от наследства, письменно заявив об этом в нотариальные органы [16, ст. 1269]. Можно сделать вывод о том, что на постсоветском пространстве существует и смешанный тип принятия наследства, который предусмотрен законодательством Украины.

3. Состав наследства. В странах бывшего СССР состав наследства определяется как совокупность прав и обязанностей, которыми обладал наследодатель на момент возникновения наследственных правоотношений. При этом в большинстве этих стран (в частности, в Армении, Казахстане, Кыргызстане, Российской Федерации, Узбекистане) установлено, что наследники несут имущественную ответственность по обязательствам наследодателя в рамках стоимости перешедшей к нему «наследственной массы». Согласно ст. 5.52 ГК

Литвы, установлено, что «наследник, принявший наследство, несет ответственность по долгам наследодателя всем принадлежащим ему имуществом за исключением случаев, установленных законом» [14, ст. 5.52]. Таким образом, в странах Балтии, наоборот, установлено правило о неограниченной ответственности наследников по долгам наследодателя.

4. Содержание принципа свободы завещания. После распада СССР приоритетным направлением развития законодательства постсоветских государств стало последовательное расширение принципа свободы завещания, наиболее распространенным видом ограничения которого является положение об обязательной доле. Законодательство большинства постсоветских стран, в частности, Российской Федерации, Казахстана, Узбекистана, Беларуси, Украины, устанавливает право на получение обязательной доли, исходя из двух критериев:

а) наличие кровных или брачно-семейных связей между наследодателем и лицом, претендующим на обязательную долю;

б) нетрудоспособность или несовершеннолетие такого лица.

Например, ГК Казахстана устанавливает, что несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, а также его нетрудоспособные супруг и родители наследуют, независимо от содержания завещания, не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону [4].

Однако не все постсоветские государства восприняли подобный подход. Так, в странах Балтии и в Грузии для получения обязательной доли достаточно состоять с наследодателем в браке либо в определенной степени родства. Например, согласно ст. 1371 ГК Грузии, обязательную долю должны получить дети наследодателя, его родители и переживший супруг [8, ст. 1371].

5. Определение размера обязательной доли. Размер обязательной доли в большинстве стран постсоветского пространства равен половине доли в наследстве, которая причиталась бы соответствующему лицу (соответствующим лицам) при наследовании по закону. Методика определения размера такой доли в большинстве стран (Казахстан, Узбекистан, Беларусь, Украина, Российская Федерация, Литва) основана на установлении совокупности прав и обязанностей, которые принадлежали наследодателю на момент открытия наследства. В то же время в ст. 1378 ГК Грузии установлено, что «при определении размера обязательной доли берется во внимание не только само наследство, но и стоимость всех подарков, которые наследодатель подарил третьим лицам в течение последних десяти лет» [8].

6. Форма завещания. Завещание имеет юридическую силу, если оно составлено в письменной нотариально удостоверенной форме или в форме, приравненной к нотариально удостоверенной. Собственноручные же завещания и завещания при свидетелях не нашли отражения в нормотворчестве и

кодификациях большинства государств-участников СНГ и стран Балтии. Как отмечает О. Е. Блинков, «это произошло вследствие опасности искажения волеизъявления наследодателя и формализма, укоренившегося в советский период развития наследственного права, в этом вопросе» [17, с. 32]. Общей чертой, объединяющей наследственное законодательство стран постсоветского пространства в вопросах определения формы завещания, является предпочтение публичной формы завещания перед ологографической.

7. Особенности наследования по закону. С распадом советской системы одним из приоритетных направлений развития наследственного законодательства стало увеличение количества очередей наследования для того, чтобы наследство оставалось преимущественно в частной собственности и не передавалось государству. На данный момент только в одной стране постсоветского пространства — Туркменистане — на законодательном уровне сохранился подход, выработанный в советское время, в соответствии с которым установлено лишь две очереди наследования. В остальных же странах количество очередей значительно увеличено. В частности, в Казахстане предусмотрено семь очередей наследования, в Литве — шесть, в Грузии — пять.

При этом проблема раздробления наследственной массы, порожденная в советское время, так и осталась неразрешенной. Это обусловлено тем, что к первоочередным наследникам по закону относится большее число потенциальных наследников, нежели в других западноевропейских странах, за счет включения в эту очередь родителей наследодателя. В частности, в Российской Федерации, Беларуси, Грузии, Казахстане, Узбекистане в число наследников первой очереди включаются дети наследодателя, переживший муж (жена) и родители наследодателя. Распределение наследников в следующих очередях осуществляется в зависимости от близости степени родства.

В Эстонии к кругу наследников первой очереди отнесены потомки наследодателя. При этом потомок наследодателя, который на день смерти наследодателя находится в живых, отстраняет от наследования потомков, состоящих через него в родстве с наследодателем. К наследникам второй очереди по закону относятся родители наследодателя и их прямые потомки. Наследниками третьей очереди по закону являются дедушки и бабушки наследодателя и их потомки [15]. Таким образом, в некоторых странах бывшего СССР на законодательном уровне полностью или частично воссоздана классическая парантальная система.

Еще одной отличительной чертой наследственного права государств постсоветского пространства является правовой статус супруга как наследника по закону. В странах бывшего СССР переживший супруг не обладает каким-либо особым статусом, а практически всегда является наследником первой

очереди и имеет равные с другими наследниками этой очереди права на получение наследства. В то же время «в странах Балтии переживший супруг имеет особый статус и причислен к так называемой «плавающей очереди наследования»: он наследует параллельно с представителями других очередей наследования [17, с. 42].

Таким образом, можем сделать вывод, что проведенная после распада СССР кодификация законодательства в сфере правового регулирования наследственных правоотношений в государствах на постсоветском пространстве сформировала самостоятельную подотрасль гражданского права с учетом особенностей национальных традиций каждого конкретного государства, отразила приверженность к определенным положениям, характерным для романо-германской системы, что нашло отражение в предмете, методе, принципах и функциях наследственного права.

Для выявления общего и особенностей в нормативном регулировании наследственных отношений могут использоваться такие критерии, как субъекты наследования, порядок принятия наследства, состав наследства, содержание принципа свободы завещания, определение размера обязательной доли, форма завещания, особенности наследования по закону.

Общими тенденциями совершенствования законодательства в правовом регулировании наследственных правоотношений на постсоветском пространстве являются расширение очередей наследников по закону, более широкое трактование принципа свободы завещания, введение новаций в основания призвания к наследованию и конкуренции форм завещаний, качественное и количественное увеличение наследственной массы и т. д.

---

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая [Электронный ресурс] : 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : в ред. Федер. закона от 24.07.2023 г. № 351-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

[Вернуться к статье](#)

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. ; одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2024 г. № 344-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Гражданский кодекс Республики Армения [Электронный ресурс] : 28 июля 1998 года, № ЗР-239 : принят Нац. Собранием Респ. Армения 5 мая 1998 г. // База Spinform. Законодательство стран СНГ. (URL: https://www.liga.am/assets/resources/ckimages/Civil_Code_Rus_T637299028559292240.pdf (дата обращения: 15.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Гражданский кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 27 дек. 1994 г., № 268-ХІІІ : принят Парламентом Респ. Казахстан 27 дек. 1994 г. // РГП на ПХВ «Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан» Министерства юстиции Республики Казахстан. URL:

https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (дата обращения: 13.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Гражданский кодекс Кыргызской Республики. Часть I [Электронный ресурс] : 8 мая 1996 г., № 15 // Информационная система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30212538&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 13.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Гражданский кодекс Республики Узбекистан. Часть первая [Электронный ресурс] : 21 дек. 1995 г., № 163-I : в ред. Закона Респ. Узбекистан от 07.11.2022 г. № ЗРУ-801 // Информационная система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421270&pos=4;-106#pos=4;-106 (дата обращения: 13.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Гражданский кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс] : 24 дек. 2022 г., № 1918 : принят Постановлением МН МОРТ от 23 нояб. 2022 г. № 915 : одобрен Постановлением ММ МОРТ от 16 дек. 2022 года № 319 // Информационная система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35039815 (дата обращения: 13.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. Гражданский кодекс Грузии [Электронный ресурс] : 26 июня 1997 г., № 786-II : в ред. Закона Грузии от 15.06.2023 г. № 3278 // ЮЛПП «Законодательный вестник Грузии». URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/31702?publication=129> (дата обращения: 13.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

9. Гражданский кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : 28 дек. 1999 г., № 779-IQ : в ред. Закона Азербайджанской Респ. от 13.06.2023 г. // Информационная система «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420111#pos=5;-142 (дата обращения: 13.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

10. Гражданский кодекс Туркменистана [Электронный ресурс] : 17 июля 1998 г., № 294-I : в ред. Закона Туркменистана от 05.10.2019 г. № 179-VI // Информационная система «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31295232 (дата обращения: 13.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

11. Гражданский кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 6 июня 2002 г., № 1107-XV : в ред. Закона Респ. Молдова от 29.12.2022 г. № 356 // Информационная система «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397878 (дата обращения: 13.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

12. Воротников В. В. Прибалтийские этнократии между Россией и Европой: поиск консенсуса в условиях экономического кризиса // Вестн. МГИМО-Ун-та. 2013. № 6. С. 25–33. [Вернуться к статье](#)

13. Гражданский закон Латвийской Республики [Электронный ресурс] : 28 янв. 1937 г. : в ред. от 19 нояб. 2015 г. URL: <https://www.inlatplus.lv/wp-content/uploads/2019/11/%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD.pdf> (дата обращения: 13.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

14. Гражданский кодекс Литовской Республики [Электронный ресурс] : 18 июля 2000 г., № VIII-1864 // База данных WIPO Lex. URL:

<https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/8191> (дата обращения: 13.03.2024).

[Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

15. Закон о наследовании [Электронный ресурс] : объявлен решением Президента Респ. Эстония, 30 янв. 2008 г., № 247 // Hartran. URL: <http://www.hartran.ee/index.php?id=29> (дата обращения: 13.03.2024).

[Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

16. Гражданский кодекс Украины [Электронный ресурс] : 16 янв. 2003 г., № 435-IV : в ред. Закона Украины от 10 июня 23 г. № 3153-IX // Информационная система «Параграф». URL:

https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418568&show_di=1 (дата обращения: 13.03.2024).

[Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

17. Блинков О. Е. Общие тенденции развития наследственного права государств — участников Содружества Независимых Государств и Балтии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Моск. акад. экономики и права. М., 2009. 57 с.

[Вернуться к статье](#)

УДК 94(476)

ГІСТАРЫЧНАЯ ПАМЯЦЬ: ЗАХАВАЦЬ І АБАРАНІЦЬ (НАПЯРЭДАДНІ 80-ГОДДЗЯ ВЫЗВАЛЕННЯ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ АД НЯМЕЦКА-ФАШЫСЦКІХ ЗАХОПНІКАЎ)**Р. Д. Галынскі**

Магілёўскі інстытут МУС Рэспублікі Беларусь,
старшы выкладчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін,
кандыдат гістарычных навук

***Анотацыя.** Гістарычная памяць — калектыўнае ўяўленне пра мінулае народа, адзін са сродкаў узаемасувязі пакаленняў. Самай яркай і вырашальнай гістарычнай падзеяй для беларускага народа была Вялікая Айчынная вайна.*

***Ключавыя словы:** Вялікая Айчынная вайна, гістарычная памяць, сувязь пакаленняў, помнікі, мерапрыемствы, папулярызацыя.*

***Annotation.** Historical memory is a collective perception of the people's past, one of the means of intergenerational communication. The most striking and decisive historical event for the belarusian people was the great patriotic war.*

***Keywords:** Great Patriotic War, historical memory, connection of generations, monuments, events, popularization.*

У кожнага народа ёсць сваё мінулае, і кожны з народаў імкнецца яго захаваць.

Беларусы, маючы шматвяковы гістарычны шлях развіцця дзяржавы і шматтысячагодняе гістарычнае мінулае, не з'яўляюцца выключэннем. Таму захаванне гістарычнай памяці — гэта адзін з нацыяўтваральных элементаў для беларускага народа.

Сам жа тэрмін «гістарычная памяць» абазначае від калектыўных уяўленняў, што можна звязаць з паняццем «калектыўная памяць». Гэта формы прысутнасці мінулага ў сучаснасці пры фарміраванні калектыўнай ідэнтычнасці. Гістарычная памяць — гэта падмурак культурнай пераемнасці, гэта нейкая выява мінулага, што транслюецца з пакалення ў пакаленне. Адной з самых яркіх, гераічных, выбітных і адначасова трагічных падзей у гісторыі нашага народа была Вялікая Айчынная вайна [1; 2]. Менавіта яна падзяліла жыццё ўсяго беларускага народа ў XX стагоддзі на «да» і «пасля». Канечне, былі і іншыя падзеі, такія як Вялікая Кастрычніцкая рэвалюцыя, яднанне беларускага народа ў 1939 г., аварыя на Чарнобыльскай атамнай электрастанцыі, спыненне існавання Савецкага Саюза і іншыя, але ж дата «1941–1945» на слыху ў кожнага нягледзячы на ўзрост.

Наша краіна імкнецца да захавання сваёй гісторыі, сваіх помнікаў і сваіх традыцый. Шматлікія заканадаўчыя акты па захаванні беларускай гістарычнай і культурнай спадчыны былі распрацаваны яшчэ ў часы СССР. Але ж сёняшні дзень дыктуе свае правілы і патрабуе больш дасканалы бараніць сваё мінулае.

Бо мы бачым, як гісторыя пераўтвараецца ў ідэалагічную і палітычную зброю. Сёлета шмат у якіх краінах Еўропы вядзецца праца па «перапісванню» гісторыі і мінулага народаў і краін, вынішчаюцца ці дэфармуюцца разнастайныя факты, ствараюцца хлуслівыя інтэрпрэтацыі. Асабліва гэта тычыцца гісторыі XX стагоддзя і ў першую чаргу падзей, звязаных з Другой Сусветнай вайной, і ролі ў ёй СССР.

Веданне гісторыі мінулага сваёй краіны і яго папулярызацыя — вельмі важныя элементы патрыятычнага выхавання як моладзі у прыватнасці, так і нацыі ўвогуле. Гэта ўсё афіцыйна замацавана нават у Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь (ст. 15, ст. 54) [3]. Захаванне гістарычнай і культурнай спадчыны (як элементаў гістарычнай памяці) прапісана і ў Кодэксе Рэспублікі Беларусь аб культуры (гл. 16) [4].

На прыкладзе падзей Вялікай Айчыннай вайны, захаванні памяці аб ёй, мы прадэманструем праяву гістарычнай памяці беларусаў. Тым больш, што 2024 г. — гэта 80-я гадавіна вызвалення Рэспублікі Беларусь ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў.

У захаванні гістарычнай памяці аб Вялікай Айчыннай вайне Беларусь дэманструе сімвалічную пераемнасць з традыцыяй СССР. Там дамінаваў трыумфальны наратыў, гераічная тэматыка. Так і зараз: штогод мы святкуем з правядзеннем шэсцяў, мітынгаў і канцэртных праграм Дзень Перамогі, Дзень Незалежнасці Рэспублікі Беларусь і дні вызвалення абласных і раённых цэнтраў ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Акрамя таго, існуюць памятныя даты (Дзень усенароднай памяці ахвяр Вялікай Айчыннай вайны і генацыду беларускага народа, дні памяці спаленых вёсак і г. д.).

Варта адзначыць і перасячэнне беларускай гістарычнай памяці з агульнаеўрапейскім кантэкстам культуры памяці. Тут асноўнай кропкай сутыкнення з'яўляецца памяць пра Халакост і генацыд іншых народаў.

У нашай краіне праводзіцца і мемарыяльная палітыка, ахова месц пахаванняў, мемарыяльных комплексаў і г. д. Штогод ажыццяўляюцца «Вахты памяці» па пошуку, эксгумацыі і перапахаванню загінуўшых абаронцаў Айчыны і ахвяр фашызму. Шырока працуюць рэканструктарскія і патрыятычныя клубы (ГВГР «Апошні рубез» (Магілёў) і інш.), здзяйсняюцца рэканструкцыі баёў («Бабруйскі кацёл», «Абарона Брэста» і г. д.).

У навучальных установах як звыклая практыка праводзяцца «сустрэчы пакаленняў», «урокі мужнасці» і г. д. Тут ідзе неапасродкаваны кантакт з удзельнікамі тых далёкіх падзей.

У сродках масавай інфармацыі штогод напярэдадні разнастайных памятных і святочных дат публікуюцца шэраг матэрыялаў па разглядаемай тэматыцы.

У галіне сутыкнення патрыятычнага выхавання моладзі і мемарыялізацыі мінулага вельмі ярка выглядаюць «моладзевыя стройкі» (Хатынь і Брэсцкая крэпасць). Штогод навучэнцы школ, сярэдніх прафесіянальна-тэхнічных і ўстаноў вышэйшай адукацыі праводзяць добраўпарадкаванне мясцін баявой і трыбунай славы. Згаданыя мерапрыемствы нясуць у сабе і патрыятычнае выхаванне і перадачу культурнага і гістарычнага кода беларускага народа. Дадаткова згадаем пра традыцыю надання студэнцкім і піянерскім атрадам/дружынам і навучальным установам імёнаў Герояў Савецкага Саюза.

Асобным радком стаіць і кінематограф з мастацкай літаратурай, тут тэма гістарычнай памяці і тым больш падзей, звязаных з гадамі Вялікай Айчыннай вайны, выступае як «апазнавальны знак» беларускага мастацтва ў кантэксце сусветнага. У сферы культуры асобнай пазіцыяй стаяць краязнаўчыя раённыя, абласныя і рэспубліканскія музеі, амаль што ў кожным з іх маецца экспазіцыя, прысвечаная Вялікай Айчыннай вайне.

Неад'емным элементам нашай штодзённасці выступае нашая жыццёвая прастора, а менавіта урбаніміка. Тут мы сутыкаемся з назвамі вуліц, сквераў, праспектаў і г. д. Шмат з іх носяць імёны Герояў Савецкага Саюза з ліку землякоў, вызваліцеляў, знакамітых беларусаў, што ўнеслі ўклад у Перамогу (вуліцы Смалячкова, Надтачэва, Грышына, Іскаліева, Фаціна і г. д.). Акрамя таго, прысутнічае непасрэдная адсылка да подзвігу беларускага (шырэй — савецкага) народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны (проспект Пераможцаў, Партызанскі проспект, плошча Незалежнасці, плошча Перамогі і г. д.).

У цэлым жа, як нам бачна, палітыка захавання гістарычнай памяці ў Рэспубліцы Беларусь дазваляе пазбегнуць так званых войнаў памяці, што характэрны для шэрагу былых савецкіх краін і краін Цэнтральнай Еўропы. Трагедыя тых часоў моцна адбілася ў памяці нашага народа, таму робяцца ўсе намаганні па яе фіксацыі і недапушчэнні паўтора тых жудасных падзей. Больш таго, неабходнасць захавання гістарычнай памяці прапісана ў заканадаўчых актах краіны.

---

1. Аленькова Ю. В. Великая Отечественная война в исторической памяти белорусов // Итоги научных исследований ученых МГУ им. А. А. Кулешова 2019 г. : материалы науч.-метод. конф., 29 янв. – 10 февр. 2020 г. / под ред. Н. В. Маковской, Е. К. Сычовой. Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2020. С. 4–6.

[Вернуться к статье](#)

2. Аленькова Ю. В. Феномен культурной памяти : проблемы философско-культурологического осмысления // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2017 г. : материалы науч.-метод. конф., 26 янв. – 8 февр. 2018 г. / под ред. Е. К. Сычовой. Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2018. С. 6–8.

[Вернуться к статье](#)

3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2023. 80 с. [Вернуться к статье](#)

4. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры : 20 ліп. 2016 г., № 413-З : прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрв. 2016 г. : адобр. Саветам Рэсп. 30 чэрв. 2016 г. : па стане на 06.02.2023 г. Мінск : Нац. цэнтр прававой інфарм. Рэсп. Беларусь, 2023. 280 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.61

ЛИЧНЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX В.)

Н. В. Денисенко

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
аспирант кафедры теории и истории государства и права,
магистр по специальности «Юриспруденция»

***Аннотация.** В статье рассматриваются личные права и обязанности родителей и детей по законодательству Российской империи. Отношения родителей и детей основывались на патриархальных представлениях о предназначении и сущности семьи.*

***Ключевые слова:** родители, дети, личные права и обязанности, Российская империя.*

***Annotation.** The article discusses the personal rights and responsibilities of parents and children under the legislation of the Russian Empire. The relationship between parents and children was based on patriarchal ideas about the purpose and essence of the family.*

***Keywords:** parents, children, personal rights and responsibilities, Russian Empire.*

Кодекс Республики Беларусь о браке и семье закрепляет, что родители, опекуны и попечители несут ответственность за ненадлежащее воспитание и содержание детей в соответствии с законодательством [1, ст. 67]. Глава 10 указанного Кодекса регламентирует личные неимущественные правоотношения в семье. Для того чтобы правильно понимать и применять нормы современного законодательства, важно изучить правоотношения родителей и детей в исторической ретроспективе. Целью данной статьи является выявление тенденций правового регулирования личных прав и обязанностей родителей и детей в Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. Верхней хронологической рамкой служит 1905 г., который положил начало изменениям в регулировании правоотношений родителей и детей.

Законодательству Российской империи был известен институт родительской власти. В статье 164 «Свода законов гражданских» закреплялась следующая норма: «Власть родительская простирается на детей обоего пола и всякого возраста, с различием и в пределах, законами для сего постановленных» [2, ст. 164]. Родительская власть принадлежала отцу и матери ребенка. Несмотря на то, что законодательство, говоря о родительской власти, упоминало обоих родителей, некоторые дореволюционные ученые считали, что преимущественная власть над детьми принадлежала отцу. Так, Г. Ф. Шершеневич указывал, что «следует признать, что при жизни обоих родителей всякое столкновение в осуществлении власти разрешается волею отца. Это вытекает из личных

отношений между супругами, из которых муж имеет право личной власти над женою» [3, с. 719].

Дети приобретали права состояния своего отца, получали его отчество и фамилию [4, с. 273]. С изменением сословных прав родителей изменялись и права детей. Повышение состояния отца шло в пользу детей, а его понижение, наоборот, не влияло на положение детей. Так, лишение прав состояния не распространялось на детей, рожденных или зачатых ранее осуждения [4, с. 274; 5, ст. 10].

Родители должны были воспитывать своих детей. Относительно воспитания закон содержал нормы, которые были лишены юридического характера. Так, родители были обязаны давать несовершеннолетним детям воспитание «доброе и честное, по своему состоянию» [2, ст. 172]. Кроме того, родители должны были «обращать все свое внимание на нравственное образование своих детей и стараться домашним воспитанием приготовить нравы их и содействовать видам правительства». При этом родители могли воспитывать своих детей дома или же отдавать их в «общественные заведения, от правительства или частных лиц учрежденные» [2, ст. 173]. По достижении детьми определенного возраста родители «заботились об определении сыновей в службу или промысел» соответственно их состоянию и о выдаче дочерей замуж [2, ст. 174].

Большое внимание законодательством Российской империи уделялось религиозному воспитанию детей. Так, если в межконфессиональном браке один из супругов был православным, то дети должны были быть крещены и воспитаны в православной вере [2, ст. 67].

В соответствии со статьей 19 Устава гражданского судопроизводства, родители представляли интересы детей в суде [6, ст. 19]. Кроме того, в случае «личной обиды», нанесенной несовершеннолетним детям, родители имели право предъявлять соответствующий иск [2, ст. 175; 4, с. 278].

На родителей возлагалась обязанность содержания детей, которая выражалась в том, что родители должны были нести расходы на пропитание, одежду, жилье, врачебную помощь, обучение детей [2, ст. 172; 3, с. 721]. Исходя из судебной практики рассматриваемого периода следует отметить, что продолжительность алиментарной обязанности зависела не от совершеннолетия детей, а от наступления таких условий, при которых дети в состоянии были сами себя содержать «службою, промыслами, замужеством, доходами с собственного имущества». Вследствие этого обязанность родителей содержать своих детей могла, с одной стороны, прекратиться до достижения детьми совершеннолетия, а с другой — распространялась и далее этого срока, если дети нуждались еще в помощи родителей [3, с. 722].

Законодательство Российской империи не содержало гарантий исполнения родителями обязанности содержать и воспитывать своих детей. Так, ни гражданское, ни уголовное законодательство не устанавливали никаких последствий отказа родителей от дачи своим детям образования или уклонения их от заботы о нравственном воспитании. Таким образом, исполнение указанных обязанностей оставлялось на «добрую волю» родителей, гарантии прав ребенка отсутствовали [7, с. 31].

Дети, в свою очередь, были обязаны содержать своих родителей, если они находились «в бедности, дряхлости или немощах» [2, ст. 194]. Обязанность детей содержать своих родителей имела личный характер: в случае смерти детей она не переходила на их наследников. При назначении содержания учитывались потребности родителей и средства детей. Уклонение от этой обязанности влекло за собой уголовную ответственность в виде ареста до трех месяцев [3, с. 739; 4, с. 292].

Дети обязаны были слушаться родителей, уважать и почитать их, в том числе после их смерти. Так, статья 177 «Свода законов гражданских» закрепляла обязанность детей «оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь... отзываться об них с почтением, и сносить родительские увещания и исправления терпеливо и без ропота» [2, ст. 177]. Об обязанности детей «оказывать родителям послушание» упоминалось еще в Уставе благочиния 1782 г. [8, ст. 41, п. XI]. Несмотря на то, что эти обязанности детей излагались в виде нравственных предписаний, законодательством закреплялись гарантии обеспечения прав родителей, соответствующих данным обязанностям детей. Так, дети не имели права обращения в суд в случае «личных обид или оскорблений» со стороны родителей [2, ст. 168; 3, с. 724]. В гражданском процессе дети не могли свидетельствовать против родителей, в уголовном процессе они имели право отказаться от дачи показаний [6, п. 3 ст. 371; 9, ст. 705]. Кроме того, родители имели право «употреблять домашние исправительные меры» для исправления «детей строптивых и неповинующихся» [2, ст. 165].

В 1775 г. были учреждены смирительные дома для заключения детей, заслуживающих наказания за неповиновение родителям [10, ст. 391; 3, с. 718]. На основании этого в статье 114 «Свода законов гражданских» издания 1832 г. было сказано: «...Родители властны детей обоего пола, не состоящих в государственной службе и наносящих развратным своим поведением или непослушанием стыд обществу, отдавать в смирительные дома, по правилам, о сих домах существующим» [11, ст. 114].

По статье 2085 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., дети, не состоявшие на государственной службе, по требованию

родителей без особого судебного рассмотрения подвергались за упорное неповиновение родительской власти, развратную жизнь и другие «явные пороки» заключению в смирительном доме на срок от 3 до 6 месяцев. Родители имели право уменьшить срок по своему усмотрению или «простить виновных» [12, ст. 2085]. 29 июня 1884 г. вместо заключения детей в смирительный дом было постановлено заключать их в тюрьму [4, с. 307].

Как отмечает профессор Н. С. Нижник, заключение детей в смирительных домах стало настолько противоречить существующим в то время общественным представлениям об отношении к человеку, что срок заключения в тюрьму по воле родителей был уменьшен [13, с. 147]. Так, в соответствии со статьей 1592 Уложения о наказаниях 1885 г., указанный срок заключения в тюрьме составлял от 2 до 4 месяцев [14, ст. 1592].

Если родители совершали преступления в отношении детей, то последние брались под защиту государства [2, ст. 168]. Согласно статье 169 «Свода законов гражданских», родители не могли принуждать детей к совершению преступлений или к соучастию в них. В этом случае дети освобождались от обязанности «повиноваться» родителям «против своей совести, особенно в том, что требует собственного их рассуждения и воли» [2, ст. 169].

Родительская власть по закону прекращалась только в случае смерти или лишения родителя всех прав состояния, если дети не последовали за родителями в ссылку [2, ст. 178; 3, с. 740]. Достижение детьми совершеннолетия не имело последствием прекращения родительской власти. Как отмечал дореволюционный ученый А. И. Загоровский, в данном случае сказывался «патриархальный взгляд на значение родительского авторитета, но не удовлетворяющий запросам жизни» [4, с. 334]. Итак, институт родительской власти основывался на представлениях об авторитете родителей, а родительская власть не прекращала свое действие даже после достижения детьми совершеннолетия. Дети обязаны были слушаться родителей, а родители могли наказывать детей независимо от возраста. Для вступления в брак дети должны были получить согласие родителей, при этом возраст детей также не имел значения [2, ст. 6].

Законодательство Российской империи предусматривало возможность ограничения родительской власти в следующих случаях: 1) вследствие поступления детей в «общественное училище»; 2) определением детей на службу; 3) вступлением дочерей в брак, так как жена попадала под власть супруга [2, ст. 179].

Таким образом, отношения родителей и детей основывались на консервативно-патриархальных представлениях о предназначении и сущности семьи. Особенностью законодательства Российской империи было наличие института родительской власти, который предполагал подчинение детей родителям.

Родительская власть не прекращалась с достижением детьми совершеннолетия, она лишь подлежала ограничению в определенных случаях. Родители могли наказывать своих детей, а также требовать от них послушания. Дети, в свою очередь, не имели права жаловаться на родителей. Исключение составляли случаи совершения преступлений родителями по отношению к своим детям. В законодательстве Российской империи отсутствовал институт лишения родительских прав в случае ненадлежащего выполнения родителями своих обязанностей и не содержалось гарантий исполнения родителями обязанности содержать и воспитывать своих детей.

---

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Законы гражданские // Свод законов Российской империи : в 16 т. СПб., 1900. Т. 10, ч. 1. [Вернуться к статье](#)

3. Шершеневич Г. Ф., Маковский А. Л., Ем В. С. Учебник русского гражданского права (по изданиям 1912 и 1914–1915 гг.) : в 2 т. М. : Статут, 2021. Т. 2. Учебник русского гражданского права (по 11-му изданию, 1914–1915 гг.). 896 с. [Вернуться к статье](#)

4. Загоровский А. И. Курс семейного права. 2-е изд., доп. Одесса : Тип. Акционерного Южно-Русского О-ва Печатного Дела, 1909. 564 с. [Вернуться к статье](#)

5. Законы о состояниях / сост. М. Н. Палибин. СПб. : Книж. магазин Н. К. Мартынова, 1901. 451 с. [Вернуться к статье](#)

6. Устав гражданского судопроизводства 1864 г. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. 590 с. [Вернуться к статье](#)

7. Гуревич И. Родители и дети. С приложением постановлений действующего законодательства, определяющих взаимные отношения родителей и детей. СПб. : Изд. Канторовича, 1899. 220 с. [Вернуться к статье](#)

8. Устав Благочиния или Полицейский от 8 апр. 1782 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I : в 45 т. Т. 21. № 15379. [Вернуться к статье](#)

9. Устав уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] // НПП «Гарант-Сервис». URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 10.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

10. Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи от 7 ноября 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I : в 45 т. Т. 20. № 14392. [Вернуться к статье](#)

11. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. СПб. : Тип. II-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1832. Т. 10 : Свод законов гражданских и межевых. Ч. 1 и 2. 1832. 1187 с. [Вернуться к статье](#)

12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб. : Тип. II-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1845. 888 с. [Вернуться к статье](#)

13. Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. 272 с. [Вернуться к статье](#)
14. Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 5-е изд., доп. СПб. : тип. М. Стасюлевича, 1886. 714 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 94(476)«1941/1953»

**РОЛЯ НАРКАМА С. С. БЕЛЬЧАНКІ
Ў БАРАЦЬБЕ З НЯМЕЦКА-ФАШЫСЦКІМІ ЗАХОПНІКАМІ
І ПАСЛЯВАЕННЫМ АДНАЎЛЕННІ БЕЛАРУСІ**

А. Я. Ігнатовіч

Магілёўскі інстытут МУС Рэспублікі Беларусь,
дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Анотацыя. Разглядаецца роля С. С. Бельчанкі ў барацьбе з нямецка-фашысцкімі захопнікамі і пасляваенным аднаўленнем Беларусі. Ён быў арганізатарам партызанскага руху, міністрам унутраных спраў БССР.

Ключевыя словы: Вялікая Айчынная война, партызанскі рух, бандытызм, МУС БССР.

Annotation. The role of S. S. Belchenko in the fight against the Nazi invaders and the post-war restoration of Belarus is considered. He was the organizer of the partisan movement, the Minister of Internal Affairs of the BSSR.

Keywords: Great Patriotic War, partisan movement, banditry, Ministry of Internal Affairs of the BSSR.

Ёсць такія падзеі, якія правяраюць чалавека на трываласць: Вялікая Айчынная вайна стала выпрабаваннем для кожнага савецкага чалавека. Сяргей Савіч Бельчанка стаў актыўным удзельнікам і арганізатарам партызанскага руху, апошнім наркамам і першым міністрам унутраных спраў БССР. Разгледзім ролю С. С. Бельчанкі ў барацьбе з нямецка-фашысцкімі захопнікамі і пасляваенным аднаўленні Беларусі.

Найбольш падрабязнай крыніцай звестак пра дзейнасць Бельчанкі з'яўляецца кніга А. Ю. Папова «15 сустрэч з генералам КДБ Бельчанка» [1]. У біяграфіі гэтага чалавека без яе няпроста зарыентавацца. Затое становіцца больш зразумела, як фарміравалася асоба гэтага чалавека, як назапашваўся жыццёвы і прафесійны вопыт, які дазволіў з гонарам справіцца з пастаўленымі перад ім найскладанейшымі задачамі ваеннага і пасляваеннага часу.

Сяргей Савіч нарадзіўся ў 1902 г. у сяле Салёнае Екацярынаслаўскай губерні. Сын парабка ў пачатку 1920-х гг. стаў арганізатарам камсамола на Днепрапятроўшчыне. У гэты перыяд некаторы час Бельчанка быў байцом часці асаблівага прызначэння, што займалася барацьбой з бандытызмам. Затым служба ў берагавой артылерыі ў Севастопальскай прыморскай крэпасці, напрыканцы якой баец жадаў паступаць у Горны інстытут. Але далейшы шлях яго быў вырашаны словамі камісара артдывізіёна: «Вы, таварыш Бельчанка, чалавек ваенны...» [1, с. 14] — і вось ужо той вучыцца ў Кіеўскай ваенна-палітычнай школе, пасля заканчэння якой быў камандзіраваны на палітработу ў далёкую Сярэднеазіяцкую памежную акругу. На цяжкасці не скардзіўся.

Служба загартавала характар. Патэнцыял афіцэра трэба было развіваць, і вось ужо Бельчанка вучыцца і службыць у Маскве. Але змены на палітычнай карце восенню 1939 г. прыводзяць яго да кіраўніцтва Упраўленнем НКУС па Беларускай вобласці БССР.

Разведка інфармавала аб засяроджванні і разгортванні нямецка-фашысцкіх войскаў паблізу граніцы. Праца па ўмацаванню абароназдольнасці заходніх рубяжоў вялася вялікая, але ўсё ж з некаторым адставаннем ад патрабаванняў часу, без уліку абстаноўкі, якая хутка абвастраецца. У ноч на 22 чэрвеня 1941 года аператыўнікі НКДБ па Беларускай вобласці захапілі групу варожых дыверсантаў, пераапанутых у чырвонаармейскую форму, якія на допыце паведамілі, што раніцай пачнецца наступленне нямецка-фашысцкіх войскаў. У гадзіну ночы, калі знікла сувязь з заставамі, а пасля і з Мінскам, упэўненасць стала стопрацэнтнай. І Сяргей Савіч пачаў дзейнічаць. Не чакаючы ўказанняў непасрэднага кіраўніцтва, ён экстрана сабраў бюро абкама партыі і аб'явіў, што раніцай пачнецца вайна. Гэта быў смелы ўчынак, бо Бельчанку маглі папросту назваць панікёрам. Але ён гатовы быў несці любую адказнасць за кожнае сваё слова. На бюро было прынята некалькі важных рашэнняў — аб эвакуацыі жыхароў, вывазе дакументаў.

Дарогі вайны прыводзяць яго пад Жытомір, дзе ЦК КП(б)Б на аснове вынесенага рашэння аб арганізацыі партыйнага і камсамольскага падполля і партызанскага руху была праведзена нарада па канкрэтным ажыццяўленні гэтага найважнейшага ваенна-палітычнага мерапрыемства. Падкрэслім ініцыятыўнасць Бельчанкі ў гэтым складаным пытанні: адыходзячы на ўсход, ён пакінуў у Беластоку дзве чэкісцкія групы для вядзення дыверсійнай барацьбы.

Але ў Магілёве С. С. Бельчанка атрымаў новае прызначэнне — намесніка начальніка Асобага аддзела Заходняга фронту. Удзельнічаў і ў абароне Масквы, выконваў асобныя даручэнні камандуючага войскамі Заходняга фронту Г. К. Жукава, узнагароджаны ордэнам Чырвонага Сцяга ў снежні 1941 г.

У маі 1942 г. Бельчанку прызначылі начальнікам Заходняга штаба партызанскага руху. А яшчэ праз год — намеснікам начальніка Цэнтральнага штаба партызанскага руху, што ўзначальваў былы першы сакратар ЦК КП(б)Б П. К. Панамарэнка, які выдатна ведаў здольнасці і вопыт Сяргея Савіча. ЦШПР каардынаваў дзейнасць усіх атрадаў народных месціўцаў, якія дзейнічалі на акупаваных гітлераўцамі тэрыторыях. Але партызаны не толькі знішчалі жывую сілу і тэхніку ворага. Важны быў і багаты чэкісцкі вопыт С. С. Бельчанкі, бо партызаны вялі актыўную разведку, здабывалі найважнейшыя звесткі аб праціўніку. У далейшым афіцэр дэманстраваў талент стратэга. Намеснік

начальніка ЦШПР пры Стаўцы ВГК (красавік – лістапад 1943 г.) удзельнічаў у планаванні шматлікіх аперацый, у тым ліку і легендарнай «Рэйкавай вайны».

У вызваленым Гомелі, які ляжаў у руінах, С. С. Бельчанка, незадоўга да гэтага прызначаны на пасаду наркама ўнутраных спраў БССР, з нуля займаецца арганізацыяй дзейнасці міліцыі. У той перыяд яна на 90 працэнтаў будзе складацца з былых партызан, якіх трэба было навучыць асабліва сцяжкам нялёгкай міліцэйскай службы. А задачы стаялі найскладанейшыя. У тыле нашых войск сталі з'яўляцца і актыўна дзейнічаць банды, падрыхтаваныя і пакінутыя немцамі для падрыхтоўкі работы. У рэспубліцы былі зарэгістраваны шматлікія бандыцкія праявы, тэрарыстычныя акты і іншыя цяжкія злачынствы. На Бельчанку ўскладалася персанальная адказнасць за барацьбу з бандытызмам. Для ліквідацыі банд былі задзейнічаны ўсе сілы і сродкі.

Краёўцы, аунаўцы, банды Рагнера, Котвіча, Сібірака ў Заходняй Беларусі — міліцыя адкрыла фронт непрымірамай барацьбы з імі. Бандыты ўзрывалі масты і адміністрацыйныя будынкі, забівалі вайскоўцаў і партыйных работнікаў. Тактыку барацьбы выкарыстоўвалі разнастайную. Напрыклад, укаранялі ў рады злачынцаў агентаў. Стаўка на агентуру спрацоўвала і тады, калі міліцыі і вайскоўцам супрацьстаялі не нацыяналістычныя банды, не звычайныя крымінальнікі, а добра падрыхтаваныя дыверсанты.

Бельчанка ўспамінае пра дзень, якога чакаў увесь савецкі народ усе гады вайны: «Дзень Перамогі я сустрэў у баявых умовах. На захад ад горада Ліда ў лясным масіве я кіраваў аперацыяй па ліквідацыі буйной групоўкі, якая складалася з дзвюх банд — Рагнера і Котвіча. Акружаныя шчыльным кальцом бандыты, спрабуючы вырвацца, адчайна супраціўляліся. У гэты момант наш радыст даклаў аб капітуляцыі Германіі. Натхнёныя весткай байцы рынуліся наперад і знішчылі бандытаў. Гітлераўскі агент Рагнер быў узяты жывым» [1, с. 129].

Бандыты жорстка супраціўляліся, у тым ліку замахваліся на жыццё С.С. Бельчанкі. Хто ведае, як развіваліся б падзеі пасляваеннага перыяду ў Беларусі, калі б 16 кастрычніка 1946 г. куля снайпера дасягнула мэты... Становішча заставалася цяжкім, і ўсё ж дзякуючы самаадданай працы міліцыянераў ужо да 1947 г. пастаўленая кіраўніцтвам краіны задача была выканана: буйныя бандфарміраванні цалкам былі знішчаны.

Больш дробныя банды сышлі ў падполле, і барацьба з імі працягвалася. У сваіх дакладных запісках міністр унутраных спраў БССР рэгулярна паведамляў у ЦК КП(б)Б пра затрыманых дэзерціраў, прыслужнікаў фашыстаў, уласаўцаў, паліцыянтаў, здраднікаў, якія служылі ў Беларускай краёвай абароне, пра злачынцаў, якія ўцякалі з турмаў, лагераў, са ссылкі. Адны прыбіваліся да банд, іншыя спадзяваліся адсядзецца... Занепакоенасць

выклікалі тады беспрытульнікі. Дзіцячыя дамы былі разбураны, тысячы сірот блукалі па гарадах і вёсках (многія з іх сталі злачынцамі). Вырашаючы найскладанейшыя задачы, на пасадзе кіраўніка беларускай міліцыі Бельчанка праслужыў 10 гадоў (1943–1953).

Сяргей Савіч Бельчанка пражыў амаль 100 гадоў. Цяжкі перыяд Вялікай Айчыннай вайны і пасляваенных гадоў для яго аказаўся звязаны з беларускай зямлёй. Увесь яго вопыт чэкіста, кіраўніка быў скарыстаны для арганізацыі і развіцця партызанскага руху, для барацьбы з фашыстамі і іх памагатымі, з крымінальным бандытызмам. У нас няма права забываць пра такіх людзей, як наш герой.

---

1. Попов А. Ю. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2002. 383 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

СУВЯЗЬ СУДОВАЙ УЛАДЫ І ГРАМАДСКАСЦІ
Ў САВЕЦКІ ПЕРЫЯД РАЗВІЦЦЯ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ

Г. А. Корабава

юрыдычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
аспірант кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права

Анотацыя. Аўтарам разглядаецца сувязь грамадскасці і суда ў савецкі перыяд развіцця беларускай дзяржаўнасці. У артыкуле прааналізаваны ідэалагічныя, палітычныя і прававыя ўмовы далучэння грамадскасці да дзейнасці судовых органаў. Актыўнае далучэнне прадстаўнікоў грамадскасці да судовай дзейнасці спрыяла павышэнню прававой культуры насельніцтва і выхавання грамадзян у духу нецярпімасці да злачыннасці.

Ключевые слова: прававая культура, грамадскасць, савецкі перыяд развіцця беларускай дзяржаўнасці, судовая ўлада, дэмакратызацыя правосуддзя.

Annotation. The author examines the relationship between the community and justice during the Soviet period of the development of Belarusian statehood. The article analyzes the ideological, political and legal conditions for involvement of representatives of community in the activities of judicial bodies. The active involvement of public representatives in judicial activities contributed to the improvement of the legal culture of the community and the education of citizens in the spirit of intolerance to criminality.

Keywords: legal culture, community, the Soviet period of development of Belarusian statehood, judiciary, democratization of justice.

Савецкі перыяд развіцця беларускай дзяржаўнасці характарызуецца актыўным далучэннем грамадскасці да ўдзелу ў правосуддзі і садзейнічання яму паводле рэалізацыі ідэй У. І. Леніна аб пабудове сацыялістычнага грамадства.

У аснову арганізацыі і дзейнасці новай судовай сістэмы былі пакладзены ленінскія ідэі аб дзяржаўнай сутнасці суда, яго месцы і ролі ў механізме сацыялістычнай дзяржавы. Ідэі У. І. Леніна сталі зыходнымі палажэннямі для вырашэння ўсіх пытанняў, звязаных з узнікненнем і функцыянаваннем судовых органаў. Зыходзячы з дзяржаўна-палітычнага характару судовай сістэмы, У. І. Ленін лічыў, што ў аснову іх арганізацыі і дзейнасці павінны быць пакладзены прынцыпы, на базе якіх будзеца сацыялістычная дзяржава, менавіта такія суды, на думку палітыка, маглі сапраўды дасягнуць мэты правосуддзя [1, с. 270].

Галоўным падмуркам дзяржаўнага, а ў тым ліку і судовага, будаўніцтва У. І. Ленін лічыў удзел працоўных у кіраўніцтве дзяржавай. Яшчэ ў 1901 годзе ён пісаў, што «для ўжывання разумных пастановаў патрэбны суддзі, якія не звязаны да становішча звычайных чыноўнікаў, патрэбны ўдзел прадстаўнікоў грамадскасці ў судзе і ўлік грамадскага меркавання пры абмеркаванні

справы» [2, с. 405]. Таксама ён адзначаў, што ганенне злачыннасці павінна тычыцца ўсяго грамадства [3, с. 23]. Ужо на пачатку 1918 года У. І. Леніным адзначалася, што на месцы старых імперскіх судовоў будуюцца новы, народны, савецкі суд, які засноўваецца на прынцыпе ўдзелу працоўных у кіраванні дзяржавай [4, с. 163].

Ленінскія ідэі аб удзеле працоўных у сацыялістычным правасуддзі былі замацаваны ў Другой праграме РКП(б), якая была прынята VIII з'ездам партыі 18–23 сакавіка 1919 г. (далей — праграма РКП(б) 1919 года), дзе было адзначана, што ўсё працоўнае насельніцтва павінна быць далучана да выканання судовай павіннасці. У праграме быў замацаваны прынцып выбарнасці суддзяў з ліку працоўных менавіта працоўнымі, што праводзіла неабходны на той час класавы падыход да выбарнасці суддзяў. Асаблівая ўвага надавалася роўнасці асоб мужчынскага і жаночага полу ў сваіх правах [5].

Удзел працоўных у судовай сістэме павінен быў выходзіць насельніцтва ў духу выканання дысцыпліны і законнасці. Усе вышэйназваныя прынцыпы судовага будаўніцтва былі вызначаны непасрэдна самім характарам савецкай улады, сутнасць каторай У. І. Ленін бачыў ва ўладзе, даступнай для ўсіх, якая празрыста вядзе свае справы на вачах у масы, непасрэдна зыходзіць ад масы, з'яўляецца прадстаўніком яе волі [6, с. 381].

У пытаннях будаўніцтва судовай сістэмы У. І. Ленін меркаваў аб укараненні розных форм удзелу працоўных у сацыялістычным правасуддзі. Удзел народных засядацеляў быў прадугледжаны праграмай РКП(б) 1919 года. Удзел грамадскіх абвінаваўцаў і абаронцаў быў, на думку У. І. Леніна, адной з неабходных умоў рэалізацыі прынцыпу законнасці [7, с. 19–20].

Прыцягненне грамадзян да выканання дзяржаўных абавязкаў У. І. Ленін лічыў абавязкам дзяржаўных органаў. У прыватнасці, закліканне працоўных да адпраўлення правасуддзя ён лічыў непасрэдна абавязкам самога суда [8, с. 197]. Такім чынам, эфектыўнасць грамадскага ўдзелу ў судаводстве залежыла ад актыўнай дзейнасці саміх судовоў па далучэнні шырокіх народных мас да судовай дзейнасці. Высокая грамадская актыўнасць павінна была быць вынікам выкарыстання суддзямі ўсіх магчымых сродкаў далучэння насельніцтва да судовай дзейнасці, умацавання сувязі судовоў і калектываў працоўных.

Удзел грамадскасці ў правасуддзі, паводле ленінскіх ідэй, разглядаўся як форма дэмакратызацыі правасуддзя [9, с. 74].

Удзел грамадскасці ў сацыялістычным правасуддзі, заснаваны на ленінскіх ідэях, развіваў такія дэмакратычныя асновы судаводства, як выбарнасць суддзяў, ажыццяўленне правасуддзя на падставах роўнасці ўсіх грамадзян перад законам і судом, калегіяльнасць разгляду спраў, галоснасць

судовага разбору, усебаковае, поўнае і аб'ектыўнае даследаванне абставінаў справы, індывідуалізацыя абвінавачвання і справядлівасць пакарання [7, с. 25].

Удзел грамадскасці ў правасуддзі ў савецкай краіне спрыяў пашырэнню межаў галоснасці судовага разбору праз інфармаванне грамадскіх арганізацый, калектываў працоўных і грамадзян аб ходзе і выніку разгляду крымінальных спраў. Гэта, у сваю чаргу, узмацняла папераджальна-выхаваўчую функцыю правасуддзя, пашырала межы агульнай і прыватнай прэвенцыі злачынстваў. Пры ўдзеле працоўных у правасуддзі да прафесійнага вопыту суддзяў надаваўся і ўласны жыццёвы вопыт прадстаўнікоў народных мас, выкарыстанне якога дазваляла ўстанавіць факты мясцовага характару, садзейнічала больш усебаковаму даследаванню абставін справы. Праз гэты момант дасягалася і індывідуалізацыя пакарання для асуджанага.

Забеспячальная роля працоўных у здзяйсненні такой функцыі дзяржаўнага кіравання, як правасуддзе, выяўлялася ў калегіяльным разглядзе крымінальных спраў, уплыве жыццёвага вопыту на дзейнасць суда і яго рашэнні, народным кантролі за судовай дзейнасцю. У калегіяльным вырашэнні пытанняў па крымінальных справах увасаблялася калектыўная думка, што ў большай ступені магло гарантаваць правільнасць прысуду. Пры любой форме ўдзелу насельніцтва ў правасуддзі ім ацэньвалася якасць судовай дзейнасці, правасуднасць судовых актаў, што паляпшала разбор справы, павялічвала ўзровень адказнасці суддзяў пры разглядзе спраў. Менавіта праз удзел у правасуддзі грамадзяне маглі не толькі глыбока зразумець задачы, якія стаялі перад судом, але і прыняць удзел у іх выкананні, пераканацца ў справядлівасці прысуду.

Асаблівае значэнне для развіцця калектыўных форм удзелу працоўных у кіраўніцтве дзяржавай, у тым ліку і ў правасуддзі надавалася грамадскім арганізацыям, якія спрыялі развіццю ініцыятывы, творчасці, палітычнай актыўнасці грамадзян у разнастайных сферах дзяржаўнага і грамадскага жыцця, далучэнню насельніцтва да судаводства. У. І. Ленін разглядаў грамадскія арганізацыі, у асаблівасці прафсаюзныя, кааператыўныя і камсамольскія, як суб'екты далучэння працоўных да судовай дзейнасці [8, с. 405].

Набыванне шырокай групы сацыяльных правоў працоўнымі стала адной з неабходных перадумоў для ўдзелу грамадскасці ў савецкім правасуддзі. Такія фундаментальныя правы грамадзян, як права на працу, адпачынак, матэрыяльнае забеспячэнне, адукацыю, а таксама роўнасць усіх грамадзян у правах, незалежна ад іх нацыянальнасці і расы, набыванне жанчынамі роўных правоў з мужчынамі, спрыялі актыўнаму ўдзелу працоўных ва ўсіх сферах жыцця краіны [7, с. 50]. Менавіта сацыялістычная дзяржава, на думку У. І. Леніна, магла фактычна даць грамадству правы і свабоды замест іх фармальнага абвяшчэння [10, с. 185].

У другой палове XX стагоддзя ленінскія ідэі атрымалі сваё развіццё ў Трэцім праграме Камуністычнай Партыі Савецкага Саюза, прынятай на XXII з'ездзе КПСС 17–31 кастрычніка 1961 года (далей — праграма КПСС 1961 года). Адною з галоўных задач праграмы КПСС 1961 года стала ўсебаковае разгортванне і ўдасканаленне сацыялістычнай дэмакратыі, актыўны ўдзел усіх грамадзян у кіраванні дзяржавай, паляпшэнне работы дзяржаўнага апарату і ўзмацненне народнага кантролю над яго дзейнасцю. Прадугледжвалася, што правасуддзе будзецца на сапраўды дэмакратычных асновах: выбарнасці і справяднасці суддзяў і народных засядацеляў, праве іх датэрміновага адклікання, галоснасці разгляду судовых спраў, удзеле ў судах грамадскіх абвінаваўцаў і абаронцаў пры строгім захаванні судом, органамі следства і дазнання законнасці, усіх працэсуальных нормаў. Дэмакратычныя асновы правасуддзя планавалася ўдасканаліваць і далей [11]. Такім чынам, пачаўся новы этап савецкай дэмакратыі і спроба перайсці да станаўлення сацыялістычнага грамадства і камунізму.

Паводле напрамкаў, вырацаваных новай праграмай, прадстаўнікам грамадскасці надавалі магчымасці паўнапраўнага суб'екта крымінальна-працэсуальнай дзейнасці. Яны прымалі ўдзел у правасуддзі па даручэнні і ад імя грамадскасці, дапамагалі ўстанаўліваць факты, якія мелі грамадскае значэнне, ацэньвалі іх з пункту гледжання грамадскага волевыяўлення, выражалі грамадскае меркаванне, раскрывалі грамадскую значнасць судовых пасяджэнняў. Такім чынам, грамадскія якасці распаўсюджваліся і на прысуды, у якіх павінна было ўлічвацца грамадскае меркаванне.

Савецкія вучоныя-правазнаўцы вызначалі грамадскасць як асобны суб'ект крымінальнага судаводства і яе склад. У прыватнасці, да грамадскасці адносіліся: грамадскія арганізацыі і іх прадстаўнічыя органы, калектывы працоўных на прадпрыемствах, установах і іх структурных частках (цэхах, аддзелах), органы грамадскай самадзейнасці насельніцтва (камітэты, камісіі), неарганізаваныя выпадковыя групы грамадзян (жыхары дома, вуліцы), асобныя грамадзяне, якіх дзяржаўныя органы далучалі да садзейнічання, народныя засядацелі. Такое шырокае тлумачэнне тэрмін «грамадскасць» набыў толькі пасля прыняцця праграмы КПСС 1961 года. Амаль што кожнага грамадзяніна, які прыняў удзел у крымінальным працэсе, ад паведамлення прадстаўнікоў дзяржаўных органаў да народных засядацеляў савецкія вучоныя-працэсуалісты прыраўноўвалі да ўдзельніка грамадскасці [7, с. 75]. Па гэтым пытанні можна пагадзіцца з думкай П. П. Якімава, які прапаноўваў размяжоўваць здзяйсненне правасуддзя суддзямі і народнымі засядацелямі, а таксама ўдзел у судаводстве юрыдычных асоб, прадстаўнікоў грамадскасці і асобных грамадзян [7, с. 81].

Удзелу грамадскасці ў савецкім крымінальным працэсе надавалася даволі вялікае папераджальна-выхаваўчае значэнне. Напрыклад, пры вылучэнні грамадскіх абвінаваўцаў і абаронцаў выкарыстоўваліся такія спосабы папераджальна-выхаваўчага ўздзеяння на грамадскасць, як інфармаванне ўдзельнікаў сходу грамадскіх арганізацый аб абставінах крымінальнай справы, тлумачэнні падсудных, выступленні падсудных, абмеркаванне членамі грамадскага калектыву справы і прыняцце імі пэўных рашэнняў, справаздача прадстаўнікоў калектыву перад астатнімі яго членамі і інш.

Але нельга не адзначыць, што ўдзел грамадскасці ў савецкім правасуддзі заўсёды складаўся з двух кампанентаў: арганізацыйнага і працэсуальнага. З гэтай прычыны удзел грамадскасці ў судаводстве не абмяжоўваўся толькі ўдзелам яе прадстаўнікоў у судовым разборы, але і закранаў, у першую чаргу, пытанні сувязі суда, грамадскіх арганізацый і яе прадстаўнікоў паміж сабой. Арганізацыйны момант адыгрываў самую важную ролю ў прэвентыўнай функцыі ўдзелу грамадскасці. Належная арганізацыя сувязі суда і грамадскасці дазваляла выпрацоўваць эфектыўныя меры для ўздзеяння на стан законнасці на месцах, прыцягнуць увагу грамадскасці да пэўнай праблемы.

Такім чынам, на працягу існавання савецкай дзяржавы ў будаўніцтве судовай сістэмы панаваў ленінскі прынцып удзелу працоўных у сацыялістычным правасуддзі. Гістарычна склаліся наступныя напрамкі рэалізацыі дадзенага прынцыпу: канчатковае скасаванне імперскіх судов, стварэнне масамі працоўных па сваёй ініцыятыве новых савецкіх судов і іх далейшы ўдзел у судовай дзейнасці, здзяйсненне грамадзянамі сацыялістычнага правасуддзя шляхам выканання абавязкаў суддзяў і народных засядацеляў, удзел у судовай дзейнасці ў якасці грамадскіх абаронцаў і абвінаваўцаў, а таксама развіццё іншых формаў удзелу грамадскасці ў савецкім крымінальным працэсе. З перабудоўваннем грамадства на сацыялістычных рух у савецкай дзяржаве зарадзіліся і былі развіты сацыяльна-палітычныя перадумовы ўдзелу грамадскасці ў правасуддзі.

-
1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Госполитиздат, 1958–1965. Т. 35 : Октябрь 1917–март 1918. 1962. 599 с. [Вернуться к статье](#)
  2. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1965–1975. Т. 4 : 1898 – апрель 1901. 1967. 565 с. [Вернуться к статье](#)
  3. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1965–1975. Т. 2 : 1895–1897. 1967. 677 с. [Вернуться к статье](#)
  4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1958–1965. Т. 36 : Март – июль 1918. 1962. 741 с. [Вернуться к статье](#)
  5. Программа Российской коммунистической партии (большевиков). 1919 г. [Электронный ресурс] : принята VIII съездом РКП(б) 18–23 марта 1919 г. // Фонд

изучения наследия П. А. Столыпина. URL: <http://музейреформ.рф/node/13768> (дата обращения: 11.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1958–1965. Т. 41 : Май – ноябрь 1920. 1963. 695 с. [Вернуться к статье](#)

7. Якимов П. П. Правосудие и общественность. Свердловск : Среднеурал. книж. изд-во, 1977. 166 с. [Вернуться к статье](#)

8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1958–1965. Т. 37 : Июль 1918 – март 1919. 1963. 747 с. [Вернуться к статье](#)

9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1958–1965. Т. 22 : Июль 1912 – февраль 1913. 1961. 597 с. [Вернуться к статье](#)

10. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1958–1965. Т. 38 : Март – июнь 1919. 1963. 579 с. [Вернуться к статье](#)

11. Программа Коммунистической Партии Советского Союза [Электронный ресурс] : принята XXII съездом КПСС в 1961 г. URL: http://aleksandr-kommari.narod.ru/kpss_programma_1961.htm (дата обращения: 11.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 94(476):331.108

ГРАМАДСКАСЦЬ У БАРАЦЬБЕ СА ЗЛАЧЫННАСЦЮ І ЗА ЁМАЦАВАННЕ ПРАЦОЎНАЙ ДЫСЦЫПЛІНЫ СЯРОД РАБОТНІКАЎ ПРАМЫСЛОВАСЦІ БССР У 1970–1980-Я ГГ.

І. А. Пушкін

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт харчовых і хімічных тэхналогій,
дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

***Анацыя.** У артыкуле асвятляюцца праблемы росту злачыннасці і нізкай працоўнай дысцыпліны на прамысловых прадпрыемствах Савецкай Беларусі ў 1970–1980-х гг. Паказаны ўдзел грамадскасці ў дзейнасці народных дружын, таварыскіх судоў, структур народнага кантролю.*

***Ключевыя словы:** Савецкая Беларусь, БССР, персанал, злачыннасць, працоўная дысцыпліна, народны кантроль, таварыскі суд, народная дружына.*

***Annotation.** The article highlights the problems of rising crime and low labor discipline at industrial enterprises of Soviet Belarus in the 1970-1980s. The participation of the public in the activities of people's squads, comrades' courts, and structures of people's control is revealed.*

***Keywords:** Soviet Belarus, BSSR, personnel, crime, labor discipline, people's control, comradely court, people's squad.*

Наша мэта — прааналізаваць удзел савецкай грамадскасці ў барацьбе са злачыннасцю і ёмацаванне працоўнай дысцыпліны сярод работнікаў прамысловых прадпрыемстваў БССР у 1970–1980-я гг. – апошнія дзесяцігоддзі існавання Савецкай Беларусі, перыяд пачатку палітычных трансфармацый і эканамічных рэформ. Прававая культура насельніцтва, падлеткавая злачыннасць і неправамерныя дзеянні кіраўнікоў раскрыты ў некаторых публікацыях аўтара [1; 2; 3]. Але сітуацыя ў БССР у поўным аб'ёме не раскрыта, што і абумоўлівае актуальнасць даследавання.

Праблемы злачыннасці на прамысловых прадпрыемствах і працоўнай дысцыпліны закранулі ў савецкі час практычна ўсе сферы дзейнасці і моцна хвалявалі партыйна-савецкае кіраўніцтва. Парадаксальна, грамадства негатыўна ставілася да падобных адмоўных праяў у жыцці, але пры гэтым сярод работнікаў былі шырока распаўсюджаны выказванні: «на рабоце ты не госьць, унесі хотя бы гвоздь», «усё вакол калгаснае, усё вакол маё».

Эканоміка БССР несла значныя страты ад дробных («несуны») і буйных крадзяжоў, растрат і нястач. Так, напрыклад, за 1971–1975 гг. страты ад іх склалі па Гродзенскай вобласці звыш за 1,5 млн рублёў [4, арк. 44]. У г. Оршы за 9 месяцаў 1976 г. было ўзбуджана 294 справы супраць раскрадальнікаў дзяржаўнай і грамадскай маёмасці [5, арк. 55–57]. У 1981–1983 гг. за крадзяжы прадукцыі ў ВА «Бабруйскшына» прыцягнулі да крымінальнай адказнасці

180 чалавек [6, арк. 4] Назіраўся рост колькасці дробных крадзяжоў, толькі па Гродзенскім ВА малочнай прамысловасці (1984 г.), на гармалзаводзе ў Гродна, Слоніўскім, Смаргоньскім і Скідзельскім масласырзаводах [7, арк. 28]. За восем месяцаў 1984 г. у г. Крычаве здзейснілі дробныя крадзяжы: мясакамбінат — 96 чалавек, ВА «Крычаўцэментшыфер» — 14, завод гумавых вырабаў — 9, маслазавод — 8, хлебазавод — 18, піўзавод — 6, іншыя — 20 [1, с. 150–151]. Прасочвалася тэндэнцыя не да скарачэння, а да павелічэння колькасці крадзяжоў.

Характэрным для таго часу з'яўляецца заключэнне начальніка аддзялення АБКСУ (ОБХСС) УУС Гродзенскага аблвыканкама. Ён адзначыў, што ў 1983 і ў першым квартале 1984 гг. на шэрагу заводаў харчовай прамысловасці вобласці не выявілі дробных крадзяжоў і засведчыў: «Гэты факт сведчыць не аб адсутнасці крадзяжоў на названых прадпрыемствах, а аб неналежным стане прапускнога рэжыму, слабым кантролі з боку адміністрацыі і начальнікаў цэхаў і ўчасткаў за работай падначаленых» [8, арк. 33].

Праблема працоўнай дысцыпліны ў індустрыяльным комплексе Беларусі пачала абвастрацца з пачатку 1970-х гг. Напрыклад, у 1970 г. на прадпрыемствах г. Оршы здзейснілі прагул 1 619 чалавек, або ў 2,4 разы больш, чым у 1969 г. Прагулы склалі 6 304 чалавека-дзён [9, арк. 20–21]. У г. Наваполацку — 1 180 чалавека-дзён [10, арк. 64, 86]. На Магілёўскім ліфтабудаўнічым заводзе ў 1971 г. мела месца 752 чалавека-дні прагулаў [11, арк. 26–27]. За 1974 г. на прамысловых прадпрыемствах г. Оршы страты працоўнага часу за год склалі 24 733 чалавека-дні. Гэта як больш за 100 чал. не працавалі на працягу ўсяго года [12, арк. 240]. У 1983 г. за прагулы і іншыя парушэнні ў БССР было звольнена 6 000 маладых рабочых. У студзені – верасні 1984 г. кожны трэці прагул, другое спазненне на працу былі дапушчаны юнакамі і дзяўчатамі [13, с. 392]. У 1988 г. на прадпрыемствах мясцовай прамысловасці Віцебскай вобласці страты працоўнага часу ў выніку прагулаў у параўнанні з папярэднім годам павялічыліся на 15,5 % [14, арк. 54].

Каб паменшыць узровень злачыннасці і ўмацаваць працоўную дысцыпліну, на прамысловых прадпрыемствах прыкладаліся намаганні як з боку ўладных структур, так і кіраўніцтва прамысловых прадпрыемстваў БССР. Але не паўсюль і не заўжды кіраўнікі паслядоўна і сістэматычна праводзілі працу па папярэджанні і недапушчэнні правапарушэнняў работнікамі прадпрыемстваў. Не ва ўсіх працоўных калектывах была створана абстаноўка асуджэння і нецярпімасці да раскрадальнікаў дзяржаўнай уласнасці. Прычым сітуацыя не мянялася на працягу дзесяцігоддзяў. Прадстаўнічыя і выканаўчыя органы ўлады былі заклапочаны падобным становішчам і небяспечнай тэндэнцыяй, што неаднаразова стала прадметам разгляду на бюро ЦК КПБ, камісіях абласных,

гарадскіх і раённых саветаў, пасяджэннях адпаведных выканкамаў. Партыйна-савецкае кіраўніцтва звязвала парушэнні працоўнай дысцыпліны не з вытворчымі і сацыяльна-эканамічнымі ўмовамі працы, а з недастатковым выкарыстаннем усяго арсенала выхаваўчых сродкаў.

У лютым 1980 г. у БССР былі зацверджаны мерапрыемствы, скіраваныя на паліпшэнне выкарыстання рабочага часу, павышэнне арганізаванасці і дысцыпліны, стварэнне неабходных умоў для вытворчай працы. У першай палове 1980 г. прайшоў грамадскі агляд выкарыстання рабочага часу ў БССР. У рэспубліцы разгарнулася індывідуальная работа з парушальнікамі працоўнай дысцыпліны. У 1981 г. яе праводзілі каля 26 000 чалавек партыйнага і прафсаюзнага актыву [13, с. 391]. Тым не менш узровень працоўнай дысцыпліны не паўсюль адпавядаў патрабаванням вытворчасці, а гэта ўплывала на тое, што многія прадпрыемствы не выконвалі своечасова планавыя заданні, прыбегалі да штурмаўшчыны ў апошнія дні месяца.

Асноўны цяжар барацьбы са злачыннасцю наогул і на прадпрыемствах у прыватнасці неслі праваахоўныя органы. Але ў савецкі час было шырока распаўсюджана меркаванне, што ў барацьбе са злачыннасцю і правапарушэннямі, умацаванні працоўнай дысцыпліны вялікую ролю адыграе грамадскасць шляхам далучэння працоўных у дзейнасць розных кантралюючых структур. Паўсюдна ствараліся добраахвотныя народныя дружны, грамадскія суды, саветы прафілактыкі, народны кантроль (НК) і інш.

Так, у 1970-я гг. у Бабруйску налічвалася больш за 80 народных дружын, якія згуртавалі каля 4 тыс. дружыннікаў. Сярод іншага яны ўдзельнічалі ў мерапрыемствах па недапушчэнню крадзяжоў дзяржаўнай уласнасці. Народныя дружны былі створаны на 70 прамысловых прадпрыемствах. Лепшымі былі дружны вагавага завода (за 1972 г. затрымалі 100 правапарушальнікаў), завода імя Леніна (143 правапарушальнікі), мясакамбіната, вопытна-механічнага завода, аўтабазы № 13 [1, с. 259–260].

Пэўны ўплыў аказвалі таварыскія (грамадскія) суды. Толькі на тэрыторыі Кастрычніцкага раёна горада Магілёва існавалі 115 таварыскіх судоў. Шэраг з іх дзейнічалі фармальна, але большасць працавала добрасумленна. Шмат спраў за крадзяжы, здзейсненыя «несунамі», разгледзелі суды мясакамбіната і хлебакамбіната [15, арк. 277]. Прынцыповасцю адзначаліся таварыскія суды: Бабруйскага гарбарнага завода, ФанДока, які разгледзеў 102 справы [1, с. 260].

Істотную ролю адыграла грамадскасць праз удзел у структурах камітэтаў народнага кантролю (далей — КНК). Вярхоўны Савет СССР 30 лістапада 1979 г. прыняў Закон «Аб народным кантролі ў СССР». Адной з задач органаў народнага кантролю было ўмацаванне дзяржаўнай дысцыпліны і сацыялістычнай законнасці.

У 1981 г. у БССР дзейнічала 27 800 груп і 11 946 пастоў народнага кантролю, у якія было абрана 386 734 народныя кантралёры. У КНК на грамадскіх пачатках працавала амаль 16 тыс. пазаштатных інспектараў. Народныя кантралёры (далей — НК) ажыццяўлялі пастаянны кантроль за выкананнем дзяржаўных планаў і заданняў прадпрыемствамі і ўстановамі, захаваннем законнасці, вялі барацьбу з бюракратызмам, магчымым ашуканствам дзяржавы, дапамагалі ўмацоўваць працоўную дысцыпліну ў народнай гаспадарцы.

За 1972 г. НК толькі ў Бабруйску правялі 106 праверак. За недахопы і праступкі прыцягнулі да адказнасці 61 пасадавую асобу [1, с. 260]. Гродзенскім абласным КНК у 1975 г. за нядобрасумленнае выкананне сваіх абавязкаў, парушэнні дысцыпліны, безгаспадарчасць, марнатраўства і бюракратызм прыцягнулі да адказнасці 904 службовыя асобы [16, арк. 141]. 3 440 прадпрыемстваў, калгасаў і саўгасаў, будаўнічых арганізацый Гродзенскай вобласці, правяраных органамі КНК у 1979 г. і за 5 месяцаў 1980 г., у 205 (46,6 %) былі выяўлены прыпіскі і іншыя скажэнні справядчасці [17, арк. 165]. У першай палове 1984 г. Гомельскія КНК правярылі 13 прадпрыемстваў Гомельскага ВА малочнай прамысловасці. Выявілі недахоп гатовай прадукцыі на Веткаўскім, Камарынскім, Нараўлянскім і Лельчыцкім маслазаводах, Гомельскім малочным камбінаце; вялікую колькасць дробных крадзяжоў прадукцыі (160 выпадкаў) на Гомельскім малочным камбінаце, Добрушскім заводзе сухога абястлушчанага малака, Калінкавіцкім заводзе замяніцеля цэльнага малака, Мазырскім малочным і Светлагорскім сыраробным заводах [18, арк. 193–195]. 3 ліпеня 1986 і па люты 1987 гг. у Чэрыкаўскім раёне Магілёўскай вобласці раённым КНК было праведзена 19 праверак. На 47,4 % правяраных прадпрыемствах і арганізацыях выявілі парушэнні [19, арк. 4].

Прыняцце адміністрацыйных мер мела кароткачасовы эфект. Акрамя іх прымаліся і іншыя меры ўздзеяння. Выкарыстоўваўся патэнцыял культурна-асветніцкіх устаноў. Вялікая ўвага надавалася правядзенню мерапрыемстваў па прадухіленні правапарушэнняў праз сродкі масавай інфармацыі і прапаганды. Так, напрыклад, толькі за 1972 г. у Аршанскай мясцовай газеце «Ленінскі прызыў» было апублікавана 17 матэрыялаў па пытаннях аховы дзяржаўнай уласнасці, аб барацьбе з п'янствам і алкагалізмам. На тэмы аховы грамадскага парадку па мясцовым радыёвяшчанні адбылося 11 выступленняў. Было праведзена 537 выступленняў перад работнікамі працоўных калектываў [20, арк. 24].

Узмацненне кантролю з боку партыйна-савецкага кіраўніцтва не прыводзіла ў стратэгічным плане да вырашэння праблем або выкаранення недахопаў, паколькі яны нярэдка мелі ўнутрана ўласцівыя савецкай сістэме кіравання прычыны, а іх рашэнне насіла ярка выражаны кампанейскі характар. Больш

эфектыўнымі паказалі сябе арганізацыйныя і адукацыйныя мерапрыемствы. Спробы эканамічнага стымулявання не давалі належнага эфекту з-за існаваўшых абмежаванняў і сістэмы размеркавання, дэфіцыту сацыяльных даброт і прадметаў шырокага спажывання.

---

1. Пушкін І. А., Агееў А. Р. Кадровы патэнцыял прамысловасці ўсходніх рэгіёнаў БССР (1944–1991) : манагр. Магілёў : БДУТ, 2022. 302 с. [Вернуться к статье](#)

2. Пушкин И. А. Неправомерные действия и злоупотребления служебным положением в советский период модернизации Беларуси, 1970–1991 гг. // Советский опыт: взгляд из XXI века (к 100-летию образования Союза Советских Социалистических Республик) : сб. ст. / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. М. : Фонд «Историческая память», 2023. С. 328–345. [Вернуться к статье](#)

3. Пушкін І. А. Неправамерныя дзеянні пасадавых асоб Савецкай Беларусі ў 1970–1980-я гг. [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2022. С. 519–524. [Вернуться к статье](#)

4. Протокол XVI Гродненской областной партийной конференции 18–19.12.1975 г. // Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Гродзенскай вобласці (ДАГАГр). Ф. 1. Воп. 1. Спр. 1098. [Вернуться к статье](#)

5. Справка о состоянии общественного порядка за 9 месяцев 1976 г. (Витебская область) // Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВц). Ф. 1966. Воп. 14. Спр. 176. [Вернуться к статье](#)

6. О серьезных недостатках в хозяйственной деятельности ПО «Бобруйскшина» : Решение КПК при ЦК КПСС от 20.04.1984 // Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Магілёўскай вобласці (ДАГАМаг). Ф. 9. Воп. 178. Спр. 65. [Вернуться к статье](#)

7. Решение постоянной комиссии по социалистической законности и охране общественного порядка Гродненского областного совета народных депутатов от 2.07.1984 г. // Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГр). Ф. 1171. Воп. 5. Спр. 1136. [Вернуться к статье](#)

8. Справка Гродненского ПО молочной промышленности от 30.06.1984 г. // ДАГр. Ф. 1171. Воп. 5. Спр. 1136. [Вернуться к статье](#)

9. Резервы и возможности для успешного выполнения пятилетнего плана на 1971–1975 гг. промышленностью г. Орша // Занальны дзяржаўны архіў у г. Орша (ЗДАОрш). Ф. 86. Воп. 3. Спр. 23. [Вернуться к статье](#)

10. Использование времени промышленно-производственных рабочих на предприятиях г. Новополоцка за 1970 г. // Занальны дзяржаўны архіў у г. Полацк. Ф. 1220. Воп. 1. Спр. 62. [Вернуться к статье](#)

11. Протокол заседания бюро Могилевского обкома КПБ от 29.04.1972 г. // ДАГАМаг. Ф. 9. Воп. 149. Спр. 15. [Вернуться к статье](#)

12. Отчетный доклад о работе исполкома Оршанского городского совета депутатов. Май 1975 г. // ЗДАОрш. Ф. 27. Воп. 4. Спр. 406. [Вернуться к статье](#)

13. Гісторыя Беларусі : у 6 т. Мінск : Современ. шк. : Экоперспектива, 2011. Т. 6. Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч [і інш.] ; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.). 728 с. [Вернуться к статье](#)
14. Справка о состоянии работы по подбору и расстановке кадров, исполнительской и трудовой дисциплины на предприятиях Витебского облместпрома (1989 г.) // ДАВц. Ф. 2856. Воп. 7. Спр. 189. [Вернуться к статье](#)
15. Информационная записка об организационно-массовой работе исполкома Октябрьского районного Совета депутатов трудящихся г. Могилева за 1972 г. // Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці. Ф. 7. Воп. 5. Спр. 2222. [Вернуться к статье](#)
16. Отчет Гродненского областного комитета народного контроля за 1975 г. // ДАГр. Ф. 2407. Воп. 1. Спр. 505. [Вернуться к статье](#)
17. Протокол заседания бюро Гродненского ОК КПБ от 17.07.1980 г. // ДАГАГр. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 1342. [Вернуться к статье](#)
18. Постановление Гомельского областного КНК от 25.01.1984 г. // Дзяржаўны архіў Гомельскай вобласці. Ф. 1174. Воп. 8. Спр. 1682. [Вернуться к статье](#)
19. Информация Чериковского РК КНК от 24.02.1987 г. // ДАГАМаг. Ф. 9. Воп. 184. Спр. 72. [Вернуться к статье](#)
20. Докладная записка о состоянии общественного порядка и борьбы о преступностью в г. Орше за 1972 г. // ЗДАОрш. Ф. 27. Воп. 6а. Спр. 88. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.82(476)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

С. Н. Чайкин

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
временно исполняющий обязанности по должности
начальника кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат исторических наук

***Аннотация.** На основе изучения нормативных правовых актов исследуется процесс оформления в первой половине XIX в. пенитенциарным законодательством Российской империи правового статуса осужденных к лишению свободы. Указываются причины формирования комплекса обязанностей и ответственности заключенных, характеризуется их перечень, а также система правовых запретов для осужденных, определяются причины недостаточной разработки системы мер дисциплинарной ответственности для лиц, осужденных к тюремному заключению.*

***Ключевые слова:** Российская империя, места лишения свободы, обязанности заключенных, дисциплинарная ответственность осужденных, «Общество попечительное о тюрьмах».*

***Annotation.** Based on the study of regulatory legal acts, the process of registration in the first half of the XIX century the penitentiary legislation of the Russian Empire of the legal status of those sentenced to imprisonment. The reasons for the formation of a set of duties and responsibilities of prisoners are indicated, their list is characterized, as well as the system of legal prohibitions for convicts, the reasons for the insufficient development of a system of disciplinary measures for persons sentenced to imprisonment are determined.*

***Keywords:** the Russian Empire; places of imprisonment, prisoners' duties, disciplinary accountability of convicts, «General Prison Administration».*

Деятельность уголовно-исполнительной системы в Республике Беларусь в настоящее время является одним из средств защиты граждан, общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств. В соответствии с правоохранительным характером деятельности УИС основной ее целью является исправление осужденных, а также предотвращение совершения ими преступлений. Одним из основных средств достижения указанных целей является установленный порядок исполнения уголовных наказаний [1]. В свою очередь, соблюдение осужденными порядка отбывания наказания невозможно без законодательного определения их правового положения, которое наряду с правами осужденных включает в себя их обязанности, ответственность за нарушение установленного порядка отбывания наказания, а также перечень

действий, запрещенных для осужденных. Важность указанных составляющих правового статуса осужденных определила необходимость изучения истории их законодательного оформления.

Впервые наиболее полно обязанности и ответственность заключенных были определены пенитенциарным законодательством Российской империи в период с начала XIX в. до 1879 г. — года проведения в России тюремной реформы. Одним из наиболее распространенных видов лишения свободы в Российской империи являлось тюремное заключение, назначаемое в отношении совершивших преступления лиц из привилегированных и непривилегированных сословий на время от трех месяцев до двух лет [2, с. 214]. Осуществлялось это наказание в тюрьмах, называемых в правовых актах также тюремными замками и острогами, которых к 1830 г. на территории Российской империи насчитывалось не менее 567 [3, с. 357]. Формирование комплекса обязанностей и мер дисциплинарной ответственности осужденных, именуемых в правовых актах того времени «арестантами», в начале XIX в. было обусловлено как началом законодательного определения лишения свободы в качестве приоритетного в системе уголовных наказаний Российского государства, так и формированием пенитенциарного законодательства в целом. Издание первого правового акта, определившего цели тюремного заключения и средства его достижения, связано с учреждением в России 19 июля 1819 г. указом Александра I общероссийской негосударственной благотворительной организации — «Общества попечительного о тюрьмах», членами которого являлись представители местной администрации: прокуроры, судьи, предводители дворянства, представители духовенства и частные лица, осуществлявшие пожертвования в пользу тюрем [4, с. 308].

«Правилами для попечительного общества о тюрьмах» 1819 г. впервые определялась необходимость их соблюдения заключенными, без чего «тюрьмы, вместо исправления, станут школою пороков и разврата» [4, с. 308]. В перечне действий, запрещенных для заключенных, «Правилами для попечительного общества о тюрьмах» определялись «пьянство», «пронос вина заключенным», а также «игры всякого рода и сквернословие» [4, с. 308]. В качестве дисциплинарного взыскания «буйных и ожесточенных арестантов» предписывалось «заключать на хлеб и воду в уединенные места» [4, с. 310].

Дальнейшее развитие комплекс обязанностей и ответственности заключенных получил в актах пенитенциарного законодательства, комплексно регламентирувавших основные направления деятельности мест лишения свободы — «Инструкции смотрителю губернского тюремного замка» 1831 г. и «Своде учреждений и уставов о содержащихся под стражею» 1832 г. Более детально «Инструкцией смотрителю губернского тюремного замка» был определен

комплекс обязанностей осужденных. Для поддержания тюремных замков в надлежащем санитарном состоянии «арестанты из низших сословий» должны были ежедневно «выметать и очищать камеры». Большое значение придавалось «Инструкцией смотрителю губернского тюремного замка» религиозному воспитанию осужденных [5, с. 6]. Каждую среду и пятницу, а также в Страстную неделю и в дни Пасхи заключенные обязаны были посещать церковь, а во время молитвы «стоять смиренно, не разговаривать и ни под каким предлогом не лежать на постели» [5, с. 7, 8].

В то же время, несмотря на определение «Правилами для попечительного общества о тюрьмах» в качестве одного из средств к исправлению заключенных «арестантского труда», получение государством экономической выгоды за счет использования труда осужденных к каторжным работам и содержание в тюрьмах значительного количества подследственных, не подлежавших привлечению к труду, обусловили отсутствие в пенитенциарном законодательстве обязанности заключенных трудиться, а также мер дисциплинарной ответственности заключенных за отказ от работы. В результате распространенным явлением при организации труда осужденных в тюрьмах Российской империи стало привлечение осужденных к труду лишь по их собственному желанию, а исследователи тюремного быта отмечали, что в местах заключения Российской империи «в камерах арестантов можно было найти удивительное разнообразие занятий, кроме производительного и полезного труда» [6, с. 57].

Для предотвращения совершения заключенными повторных правонарушений и конфликтов между ними, «Инструкцией смотрителю губернского тюремного замка» осужденным запрещались «игры в карты, шашки и кости», произношение в адрес других осужденных «проклятий и укоров друг друга», а также «своевольство, ссоры, брань, хохот, соблазнительные песни и вообще всякого рода резвости» [5, с. 9]. Дополнительно, «Сводом учреждений и уставов о содержащихся под стражею» не допускался пронос осужденными в тюрьму и хранение «горячих» (спиртных) напитков [7, с. 381]. Для недопущения передачи заключенным запрещенных предметов во время конвоирования их в «присутственные места» осужденным запрещалось заходить в публичные места и просить милостыню, а также принимать любые предметы от родственников во время свиданий [3, с. 9]. С целью пресечения побегов осужденным строжайше запрещалось занавешивать свое спальное место, так как «занавесивши свои койки рогожами, упражняются они в заговорах к утечке» [5, с. 9]. Также заключенным запрещалось иметь при себе чернила, бумагу, карандаши и отправлять письма без уведомления об этом смотрителя [5, с. 6].

Дальнейшее развитие получило и определение ответственности заключенных за нарушение ими режима отбывания наказания. Однако в связи

с незначительной ролью тюремного заключения среди уголовных наказаний Российской империи система дисциплинарной ответственности заключенных до конца XIX в. тюремным законодательством определена так и не была. «Инструкцией смотрителю губернского тюремного замка» и «Сводом учреждений и уставов о содержащихся под стражею» для осужденных определялось всего два вида наказания: «за непослушание» — заключение в карцер сроком от одного до шести дней, за попытку побега — содержание на хлебе и воде сроком до трех дней [5, с. 6; 7, с. 385]. При этом с целью недопущения произвола тюремной администрации при назначении взысканий пенитенциарное законодательство определяло, что «под предлогом удержания арестантов от побегов никто не должен осмеливаться изобретать иные способы наказания» [7, с. 385]. В то же время системы дисциплинарных взысканий для осужденных, содержащихся в арестантских ротах гражданского ведомства и рабочих домах, предусматривала для осужденных взыскания в виде наказания розгами от 10 до 100 ударов [8, с. 1024; 9, с. 1031]. В итоге отсутствие системы дисциплинарной ответственности для заключенных в тюрьмах Российского государства способствовало многочисленным нарушениям ими режима содержания этих учреждений.

Таким образом, в первой половине XIX в. российским пенитенциарным законодательством были определены основные обязанности осужденных и комплекс правовых запретов в процессе отбывания ими наказания, что в значительной степени, наряду с оформлением прав осужденных, обусловило формирование их правового статуса в целом. Вместе с тем отсутствие в системе управления местами лишения свободы центрального органа управления пенитенциарной системой, а также его подразделений на местах, несовершенство практики привлечения осужденных к труду, отсутствие надлежащего штата управления пенитенциарными учреждениями, обусловили отсутствие в системе обязанностей правовых норм, обязательных для исполнения (например, обязанности трудиться либо вежливо обращаться к представителям мест заключения), а также отсутствие в отношении лиц, осужденных к лишению свободы, системы дисциплинарных взысканий, что, в свою очередь, привело к таким негативным явлениям, как использование заключенными запрещенных предметов и совершение побегов. Указанная проблема была решена с образованием в составе Министерства внутренних дел Российской империи 27 февраля 1879 г. центрального органа управления пенитенциарной системой Российской империи — Главного тюремного управления.

---

1. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-З : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. :

одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.06.2022 г. № 183-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 610 с. [Вернуться к статье](#)

3. Гернет М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. М. : Госюриздат, 1960. Т. 1. 384 с. [Вернуться к статье](#)

4. Об учреждении в России Попечительного общества о тюрьмах : Высочайше утв. доклад министра Духовных дел и народного просвещения, 19 июля 1819 г., № 27895 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 : в 45 т. СПб., 1830. Т. 36 : 1819. С. 306–314. [Вернуться к статье](#)

5. Инструкция смотрителю губернского тюремного замка и планы Витебского тюремного замка (1831 г.) // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2648. Оп. 1. Д. 2. [Вернуться к статье](#)

6. Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб. : Тип. А. Моригеровского, 1872. 719 с. [Вернуться к статье](#)

7. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный : в 15 т. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. Т. 14 : Уставы благочиния. 1325 с. [Вернуться к статье](#)

8. Положение об исправительных арестантских ротах гражданского ведомства : мнение Гос. совета, 15 авг. 1845 г., № 19285 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 : в 55 т. СПб., 1845. Т. 20, отд. 1. С. 1016–1027. [Вернуться к статье](#)

9. Об утверждении дополнительных правил к «Уставу о содержащихся под стражею» : именной указ Сенату, 15 авг. 1845 г., № 19286 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 : в 55 т. СПб., 1845. Т. 20, отд. 1. С. 1027–1034. [Вернуться к статье](#)

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

УДК 796.07+797.2.355

АКТУАЛЬНОСТЬ ВКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО РАЗДЕЛА В ДИСЦИПЛИНЫ ФИЗКУЛЬТУРНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ДЛЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. В. Агеев

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
профессор кафедры общегуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
кандидат педагогических наук, профессор

М. В. Пучкова

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
старший преподаватель кафедры общегуманитарных
и социально-экономических дисциплин

***Аннотация.** В статье рассматриваются перспективы развития и реализации такого важного раздела дисциплин физкультурной направленности, как «Боевые приемы борьбы». Особое внимание уделяется особенностям проведения работы по освоению студентами данного раздела программы с учетом особенностей образовательного процесса в высших учебных заведениях Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** боевые приемы борьбы, преодоление кризисных ситуаций, специальная физическая подготовка.*

***Annotation.** The article covers prospects for development and realization of such a significant section of Physical Education course as «Combat techniques in wrestling». Special attention is paid to the particularities of work aimed at enabling the students to master said section of the curriculum.*

***Keywords:** combat techniques in wrestling, overcoming the crisis, special physical training.*

Реалии сегодняшнего дня требуют решения проблем подготовки будущих выпускников к выполнению своих обязанностей, в том числе и в сложной обстановке, например, на освобожденных территориях в ходе специальной

военной операции. В таких регионах возможны различные проявления пособников противника, действия диверсионно-разведывательных групп и попытки агентуры воздействовать на вновь прибывших молодых специалистов.

Мы решили остановиться на вопросах реализации на практике именно такого раздела дисциплин физкультурной направленности, как «Боевые приемы борьбы» как наиболее сложного, по сравнению с организацией учебного процесса по развитию у студентов физических качеств (сила, быстрота, выносливость, ловкость).

На наш взгляд, имеются определенные сложности в организации работы со студентами по изучению и освоению данного раздела программы.

Первое — в высших учебных заведениях Российской Федерации на сегодняшний день наблюдается тенденция ухудшения здоровья студенческой молодежи. Итоги прохождения медицинского осмотра для оценки показателей здоровья обучающихся и определения их в группу, в которой они будут заниматься физической подготовкой в соответствии со своим медицинским статусом, показывают нам, что число тех, кто попадает в специальную медицинскую и подготовительную группы, увеличивается.

Второе — не во всех учебных заведениях есть специалисты, которые имеют значительный опыт проведения подобной работы. В итоге — нет единого взгляда на организацию учебного процесса по данному направлению в учебных заведениях и на то, чему конкретно и как обучать студентов.

Имея достаточный опыт работы по подготовке личного состава к выполнению служебно-боевых задач, мы считаем целесообразным реализовывать на практике тематику изучения боевых приемов борьбы на базе «динамовской версии приемов рукопашного боя», а не армейской. На вопрос «почему?» есть простой ответ. Армейская версия рукопашного боя изначально направлена на уничтожение живой силы противника путем использования соответствующих приемов. «Динамовская» версия изучения и отработки боевых приемов борьбы направлена на обеспечение личной безопасности сотрудников и одновременно частичную нейтрализацию противника для осуществления в дальнейшем в отношении его необходимых следственных действий.

Имеющийся опыт проведения работы в данном направлении показывает, что преподавателю, особенно на первых порах, приходится использовать сложные методические приемы, помогающие заверить занимающихся, что они смогут успешно освоить предлагаемый материал программы.

Одна из важных задач, которые приходится решать преподавателю на практических занятиях по изучению в данном случае студентами отдельных разделов боевых приемов борьбы, — недопущение травм при отработке отдельных технических действий.

Проведенный в свое время анализ причин травматизма на занятиях по изучению боевых приемов борьбы показал, что основными причинами получения травм на занятиях являются следующие:

- плохая организация занятия;
- слабое владение преподавателем методики обучения боевым приемам борьбы;
- недостаточный уровень дисциплины занимающихся на практическом занятии;
- неподготовленность инвентаря и мест проведения занятия по данной тематике [1].

Рассматривая непосредственно тематику материала по изучению студентами боевых приемов борьбы, считаем целесообразным включить в рабочую программу дисциплин физкультурной направленности следующие разделы:

- техника нанесения простейших ударов руками, ногами, комбинации из ударов и защита от них;
- простейшие приемы сдерживания (ограничивающие действия) или по другой терминологии «болевые приемы»;
- освобождения от захватов и обхватов;
- обезоруживание при угрозе короткоствольным огнестрельным оружием;
- обезоруживание при угрозе холодным оружием [2].

Выше уже поднималась проблема значительного количества студентов в учебных заведениях прокуратуры, которые имеют определенные отклонения в состоянии здоровья. На наш взгляд, при изучении тематики «боевых приемов борьбы» с данной категорией студентов есть только один выход — индивидуально определять у каждого занимающегося конкретные ограничения и эту информацию использовать в учебном процессе. Иными словами, речь может идти о «штучной» подготовке.

В Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации при разработке рассматриваемого раздела рабочей программы дисциплины было принято решение включить данный материал для изучения не с первого, а с пятого семестра. Это было сделано по двум причинам:

1. Студенты к третьему курсу становятся «взрослее», при этом изучение боевых приемов борьбы накладывает определенную нагрузку на психику изучающих данный раздел дисциплины.
2. К третьему курсу в результате освоения разделов дисциплины «Физическая подготовка», направленных на развитие основных физических качеств

(сила, выносливость, ловкость, быстрота), студенты обретают необходимую форму, которая позволит освоить специальный раздел более качественно.

С учетом важности специального раздела, с одной стороны, сложностей с организацией подготовки по данному направлению и значительного объема дисциплины в целом, с другой, считаем целесообразным проведение на базе одного из высших учебных заведений учебно-методического сбора для преподавателей, которые проводят практическую работу по реализации предлагаемой тематики. На наш взгляд, данное мероприятие позволит, с одной стороны, обменяться опытом специалистов, с другой стороны, определить единые подходы к организации изучения специального раздела программы.

---

1. Агеев А. В. Тактика выживания отдельных категорий госслужащих в кризисных ситуациях : учеб.-метод.е пособие / Нац. гос. ун-т физ. культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург. 2-е изд., доп. СПб. : [б. и.], 2017. 47 с. [Вернуться к статье](#)

2. Агеев А. В., Пучкова М. В. Организация специальной подготовки госслужащих в высших учебных заведениях // сб. материалов VIII Междунар. науч. конгресса «Спорт, человек, здоровье». Санкт-Петербург, 12–14 окт. 2017 г. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 430–432. [Вернуться к статье](#)

УДК 340

ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕСТВА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

М. А. Бучакова

Омская академия МВД России,
начальник кафедры конституционного и международного права,
доктор юридических наук, доцент

***Аннотация.** В статье анализируются вопросы, связанные с проблемами воспитания молодежи, отмечается негативное влияние духовных ценностей Запада на умы молодого поколения, осуществляемое посредством сети Интернет. В этих условиях значение имеют традиционные духовно-нравственные ценности общества, и отмечается, что формирование личности должно происходить на их основе.*

***Ключевые слова:** воспитание, формирование, ценности, традиции, молодежь.*

***Annotation.** The article analyzes the questions associated with the problem of educating young people, notes the negative impact of the spiritual values of the West on the minds of the younger generation, carried out through the Internet. In these conditions, the traditional spiritual and moral values of society are important and it is noted that the formation of personality should take place on their basis.*

***Keywords:** education, formation, values, traditions, youth.*

Формирование личности — это продолжительный процесс приобретения человеком личных и социальных качеств в процессе различных видов деятельности, влияние на который оказывают несколько факторов: генетические особенности, окружающая среда, состояние культуры и социума, имеющих свои нравственные ценности и моральные нормы, а также индивидуальный опыт.

Наиболее значимыми из названных выше факторов являются нравственные ценности и моральные нормы общества, в котором формируется личность. Поэтому духовная составляющая, духовные ценности и традиции, обладающие качеством преемственности, являются важной составляющей основ любого государства. Они являются результатом исторического развития российской государственности, неразрывно связаны с эпохальными событиями России. М. М. Бичарова отмечает невозможность функционирования общества без традиций, так как «функционирование социальной системы не могло бы сохранять направленность на достижение групповых целей; индивиды не получали бы от других то, что им нужно; они бы не чувствовали в себе необходимую меру порядка и общности целей» [1, с. 69–71]. Известные русские мыслители, исследуя духовную жизнь российского общества, отмечали особый исторический

путь России, значение традиционных духовно-нравственных ценностей общества в формировании личности.

Духовный кризис, поразивший наше государство в результате кардинальных реформ 1990-х годов, в ходе которых были подорваны духовно-культурные основы общества, представлял собой угрозу для национальной безопасности государства. Процесс глобализации усилил противоречие между традиционными ценностями российского общества и западными европейскими ценностями, которые размывают чувство единения в умах людей, способствуют повсеместному распространению культа потребления, извращенных отношений мужчин и женщин, формированию эгоцентризма и индивидуализма, нигилистического отношения к традиционным ценностям и традициям, обязательствам перед обществом. Ученые и практики отмечают духовный кризис общества, утрату духовности, распространение западной вседозволенности. При этом российская система ценностных ориентиров все чаще стала подвергаться нападкам со стороны Запада, попыткам дискредитировать и оспорить ее каноничность. Деструктивная идеология недружественных западных государств, средств массовой информации, общественных организаций несет в себе угрозы для национальной безопасности государства, разрушительно воздействуя на традиционные устои общества. Во многом Интернет формирует мировоззренческие ориентиры современной молодежи, информационный поток которого может иметь неоднозначный характер, содержать призывы террористического и экстремистского характера, поэтому важен мониторинг информационных сетей и блогов, осуществляемый уполномоченными государственными структурами.

В этих условиях вопросы духовно-нравственного воспитания молодежи приобретают особое значение для общества и государства. На протяжении всего исторического пути России духовно-нравственные ценности являлись прочным фундаментом общества, значение духовно-нравственного воспитания осознавалось и пропагандировалось государством. Известные дореволюционные педагоги указывали на необходимость нравственной составляющей в воспитании. Недостаточно освоить определенный объем знаний, должны быть привиты обучающимся и высокие моральные качества личности, передающиеся от поколения к поколению в традициях общества и являющихся его ценностями. «Воспитание — великое дело, им решается участь человека», — сказал когда-то В. Г. Белинский [2].

В последние годы Россия показала миру готовность защищать традиционные ценности. Духовные основы жизни общества являются одной из основ конституционного строя Российской Федерации. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании

регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [3], содержащий новеллы конституционного законодательства, во многом изменил подходы к государственному устройству, привлек огромное внимание к конституции, конституционным ценностям, правам и свободам человека, их балансу в условиях эволюционной трансформации.

В Конституции 2020 г. появились новые нормы, посвященные духовной составляющей российского общества, к числу которых относятся: обращение к тысячелетней истории России, памяти предков и вере в Бога. Традиции и ценности любого общества не остаются неизменными. В условиях цифровой трансформации видоизменяются содержание и форма духовно-нравственных ценностей. В этих условиях необходима преемственность, позволяющая передать новому поколению все самое лучшее, что было создано обществом. Преемственность поколений является тем качеством, которое направлено на сохранение традиций и ценностей российской государственности и тем самым на сохранение российской самобытности и единства многонационального государства.

Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 были приняты Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в тексте которых перечислены традиционные ценности российского общества, а также названы пути их сохранения и укрепления [4].

Специфика данного основополагающего документа в том, что он существенно обогатил конституционные положения, закрепляющие духовные основы жизнедеятельности общества. Понятие «традиционные ценности» может быть по-разному интерпретировано, поэтому впервые посредством правового регулирования было дано определение традиционных ценностей, основной составляющей которого являются «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России».

На современном этапе сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей возведено в ранг государственной политики Российской Федерации. Органы государственной власти, местного самоуправления являются основными субъектами, реализующими данное направление деятельности во взаимодействии с институтами гражданского общества. Вектор развития государства на усиление внимания к духовной сфере жизни общества потребовал принятия новых федеральных законов, регулирующих вопросы совершенствования воспитательной работы с молодежью, а также ее защиты от неблагоприятных факторов воздействия. Прежде всего это коснулось образования, культуры, науки, то есть тех областей, где может быть достигнут наиболее эффективный воспитательный результат.

В программы образовательных организаций включен блок воспитания и план воспитательной работы (ст. 12.1 Федерального закона «Об образовании»). Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» закреплены механизмы защиты детей от информации, причиняющей вред здоровью детей. Принятием Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» подчеркнута роль молодежи в современном обществе, так как именно данная социальная группа несет ответственность за перспективы развития государства и общества. Многоаспектность молодежной политики проявляется в формировании молодежи, готовой к внедрению в практику новых идей, инициатив и одновременно имеющей устойчивые мировоззренческие установки, основу которых составляют традиционные ценности общества. Эти привитые молодому поколению ценности позволяют противостоять негативным социальным явлениям общества.

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года также направлена на воспитание и развитие высоконравственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Всеобъемлющее воспитание может быть достигнуто посредством построения эффективной системы воспитания во всей системе образовательных организаций, включая дошкольные организации. Основная задача воспитательной работы — это формирование личности на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей общества, включающих чувство причастности и любви к России; поддержка единства и целостности государства.

---

1. Бичарова М. М. Идея толерантного отношения к «другому» как ценностный ориентир в современной английской и американской литературе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 8 (22). Ч. II. С. 30–38. [Вернуться к статье](#)

2. Сидоров С. В. Афоризмы [Электронный ресурс]. URL: <http://sisv.com/board/belinskij/9-1-0-103> (дата обращения: 01.05.2024). [Перейти к источнику](#)
[Вернуться к статье](#)

3. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти [Электронный ресурс] : Закон Рос. Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации, 14 марта 2020 г., № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей : утв. Указом Президента Рос. Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.3/.7

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРОТИВОПРАВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

О. Ф. Воспякова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики

Аннотация. Статья посвящена отдельным проблемам совершенствования уголовного законодательства о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступления.

Ключевые слова: вовлечение, несовершеннолетний, общественная опасность деяния, уголовная ответственность.

Annotation. The article is devoted to certain problems of improving criminal legislation on the involvement of minors in crimes.

Keywords: involvement, minor, public danger of the act, criminal liability.

Несмотря на значительное снижение количества преступлений несовершеннолетних в 2023 г. (на 25,4 %), о чем свидетельствуют данные Верховного Суда Республики Беларусь, преступность среди молодежи остается актуальной проблемой [1]. В проекте Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в числе внутренних угроз безопасности нашего государства в социальной сфере отмечены ослабление приоритета традиционных ценностей у части молодежи, склонность к асоциальному образу жизни, злоупотреблению спиртными напитками, употреблению наркотических средств и других одурманивающих веществ [2]. Решение этой проблемы возможно только с использованием комплекса мер, предпринимаемых как на государственном уровне, так и со стороны гражданского общества.

Причины противоправных действий несовершеннолетних могут быть самыми разнообразными, включая влияние окружения, в котором оказался подросток. Не секрет, что за преступлением несовершеннолетнего подчас стоят взрослые люди, которые мотивируют его противоправное поведение. Между тем судебная практика свидетельствует о том, что привлечение таких лиц к ответственности происходит не часто. Возможно, это связано с некоторыми пробелами в правовой регламентации подобных действий в действующем уголовном законодательстве, а также со сложностью доказывания участия взрослых в преступлениях несовершеннолетних в конкретных ситуациях, с которыми сталкиваются правоприменители.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК) содержит ряд норм, предусматривающих ответственность лиц, достигших восемнадцатилетнего возраста, за вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность: ст. 172 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», ст. 173 «Вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение» [3]. К числу подобных деяний можно отнести и вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией (чч. 2 и 3 ст. 171¹ УК), склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ч. 2 ст. 331 УК), так как и проституция, и потребление запрещенных веществ являются своего рода «питательной средой» для противоправных деяний несовершеннолетних.

Осознано или не осознано, но для несовершеннолетнего взрослый человек является примером ввиду его возраста, жизненного опыта, авторитета. Если такой пример негативный, это приводит к тому, что искажается сознание несовершеннолетнего лица, страдает его психическое, духовно-нравственное развитие. В этом в первую очередь и состоит общественная опасность вовлечения несовершеннолетнего в противоправную деятельность.

Термин «вовлечение» в контексте рассматриваемых преступлений предполагает совершение взрослым лицом действий, направленных на возбуждение желания у несовершеннолетнего совершить преступление или иной антиобщественный поступок. Возникает вопрос: должен ли несовершеннолетний осознавать общественную опасность совершаемых им деяний? Ответ на этот вопрос является важным как для правильной правовой оценки как поступка подростка, так действий совершеннолетнего лица.

Представим себе следующую ситуацию. А., проходя по улице, увидел во дворе частного дома лежащий на скамейке планшет, которым решил завладеть. В этот момент по улице проходил незнакомый ему четырнадцатилетний Б. А., остановив Б., попросил мальчика зайти во двор, в котором никого не было, и забрать планшет. Свою просьбу он объяснил тем, что, поссорившись с хозяином дома, уходя, забыл планшет и не хочет за ним возвращаться, боясь продолжения конфликта. Б. зашел во двор, забрал планшет и передал его А. Очевидно, что исполнителем кражи является совершеннолетнее лицо, так как Б. добросовестно заблуждался в отношении собственника планшета. Но подлежит ли А. ответственности по ст. 172 УК? На наш взгляд, — нет, так как действия несовершеннолетнего не являются преступными. Если же Б. не достиг 14 лет, но сознавал, что планшет не принадлежит А., то А. понесет ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, несмотря на то, что деяние подростка в этом случае также нельзя назвать преступлением ввиду его малолетнего возраста.

В связи с вышеизложенным представляется целесообразным предусмотреть как условие уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления осознание несовершеннолетним лицом общественной опасности того деяния, в которое его вовлекает взрослый. Данное условие может быть закреплено либо в ст. 172 УК, либо в соответствующих разъяснениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь.

Не менее важным для правильной квалификации преступления является вопрос о моменте окончания преступления. Согласно п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления признается оконченным с момента, когда несовершеннолетний под влиянием взрослого начинает приготовление к преступлению [4]. Но общественная опасность вовлечения заключается прежде всего в негативном воздействии на несовершеннолетнего со стороны взрослого. Необходимо оценивать сам процесс вовлечения, его деструктивное воздействие на лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста. Поэтому представляется более обоснованной позиция, в соответствии с которой рассматриваемое преступление следует считать оконченным независимо от того, совершило ли вовлекаемое лицо какое-либо преступное действие или еще нет. Именно такой подход мы видим в вышеуказанном постановлении в отношении вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественное поведение (ст. 173 УК). Аналогично судебная практика определяет момент окончания вовлечения (и, соответственно, склонения) применительно к ст. 171¹ и 331 УК.

С сожалением приходится констатировать, что сегодня молодежь, в том числе и подростки, вовлекаются в совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом запрещенных веществ (в частности, с их сбытом), в преступные деяния экстремистской направленности. По нашему мнению, вовлечение несовершеннолетних в эти сферы преступной деятельности представляет повышенную общественную опасность. В настоящее время данное обстоятельство не находит отражения в действующем уголовном законодательстве Беларуси.

В этой связи уместно говорить о двух подходах в решении этой проблемы. С одной стороны, ст. 172 УК предусматривает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, в том числе тяжкого или особо тяжкого, а также в организованную группу. Поэтому ответственность за вовлечение в вышеуказанные преступные деяния, в частности в сбыт наркотических и других запрещенных веществ, охватывается указанной статьей.

С другой стороны, заслуживает внимания и другая точка зрения, согласно которой противодействие преступности несовершеннолетних является особой

сферой деятельности правоохранительных органов и нуждается в постоянной актуализации средств борьбы с этим негативным явлением. Исходя из этого, представляется целесообразным дополнение ст. 361⁴ УК, основной состав которой в числе преступных деяний предусматривает вовлечение лица в экстремистскую деятельность, таким квалифицирующим признаком, как вовлечение в экстремистскую деятельность заведомо несовершеннолетнего лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста.

Касаясь незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, следует отметить, что в настоящее время в нашей республике как в научных кругах, так и среди практиков ведется дискуссия о введении уголовной ответственности за пропаганду и незаконную рекламу этих средств и веществ. Очевидно, что к действиям подобного рода привлекаются несовершеннолетние (например, в качестве так называемых трафаретчиков, которые в общественных местах наносят надписи, содержащие адреса интернет-магазинов, торгующих запрещенными веществами). В этой связи представляется целесообразным при дополнении УК соответствующей статьей предусмотреть в ней в качестве квалифицирующего признака использование для пропаганды и незаконной рекламы запрещенных веществ несовершеннолетних лиц.

Свои особенности имеет и профилактика вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность. Дело в том, что право выбора того или иного поведения остается за вовлекаемым несовершеннолетним, хотя способы вовлечения, например применение насилия, могут оказать существенное влияние на его волю. Практика свидетельствует, что в преступное и антиобщественное поведение чаще всего вовлекаются подростки, воспитывающиеся в неблагополучных семьях, в которых родители ведут антиобщественный образ жизни, ранее привлекались к уголовной ответственности. У несовершеннолетних имеется свое представление о дозволенности или недозволенности тех или иных поступков, отношении к ценностям, сложившимся в обществе, и подчас переубедить их достаточно сложно. Поэтому профилактическая деятельность должна быть комплексной и проводиться по различным направлениям, касаться как несовершеннолетних, так и взрослых, которые их окружают в семье, школе, по месту жительства, входят в круг их общения. Не следует забывать и об интернет-пространстве, в котором в настоящее время, по сути, «живут» молодые люди и которое оказывает существенное влияние на формирование их личности.

---

1. Данные судебной статистики за 2023 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Верховный суд Республики Беларусь. URL:

https://www.court.gov.by/ru/justice/press_office/88d875b0009641f4.html (дата обращения: 21.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 6 марта 2023 г., № 1. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 28 июня 2002 г., № 3 : с изм. и доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ
И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА**

Е. Н. Григорьева

Республиканский институт повышения квалификации
и переподготовки работников
Министерства труда и социальной защиты населения
Республики Беларусь,
заведующий кафедрой менеджмента, экономики
и информационных ресурсов,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** В статье анализируется роль патриотических ценностей и патриотического воспитания в формировании правовой культуры гражданского общества. Установлено, что на современном этапе развития белорусской государственности патриотические ценности не только представляют собой морально-этические установки гражданского общества, но и выступают социальным ресурсом его консолидации, а также являются устоявшимися неотъемлемыми ценностями его правовой культуры, закрепленными на уровне национального законодательства.*

***Ключевые слова:** патриотические ценности, патриотическое воспитание, правовая культура, правовое государство, гражданское общество.*

***Annotation.** The article analyzes the role of patriotic values and patriotic education in the formation of a legal culture of civil society. It is established that at the current stage of the development of Belarusian statehood, patriotic values are not only moral and ethical attitudes of civil society, but also act as a social resource for its consolidation, and are also established integral values of its legal culture, enshrined at the level of national legislation.*

***Keywords:** patriotic values, patriotic education, legal culture, constitutional state, civil society.*

Правовая культура современного общества, являясь составной частью его культуры, в целом представляет собой многоаспектное социальное явление, которое отражает наработанные многовековым опытом устоявшиеся правовые ценности и представляет собой «качественное состояние правовой организации общества, реального функционирования его правовой системы, отражающие достигнутый уровень развития в сфере правового регулирования социальных отношений» [1, с. 389]. Н. Н. Харитонова полагает, что она выступает философско-правовой категорией и обозначает «совокупность достижений, комплекс

ценностей, созданных человеком в сфере права, которые направляют и координируют законопослушное поведение и сознание людей, оказывают позитивное воздействие на формирование человека, передаются, совершенствуются от поколения к поколению» [2, с. 115].

Развиваясь и функционируя, правовая культура общества выступает отражением результатов социально-политических процессов и аккумулирует в себе наработанные и сформированные временем ценностные ориентиры как его самого, так и государства как публичной политико-правовой организации управления обществом.

Достижением развития правовой культуры современного гражданского общества являются создание и устойчивое развитие социального правового демократического государства, функционирование которого невозможно без наличия ценностно-правовых установок его населения, отраженных в национальном законодательстве. В этой связи не вызывает сомнения необходимость постоянной системной трансформации общественного сознания путем формирования высокого уровня правосознания населения посредством актуализации и закрепления патриотических ценностей в национальном законодательстве, а также при помощи осуществления правового воспитания как процесса реализации целостной системы целенаправленных мер политического, мировоззренческого, идеологического, правового и информационного характера.

Несмотря на то, что базовые ценностные ориентиры белорусского народа отражены в Конституции Беларуси, немаловажное значение имеют принятие в 2021 году и последующая реализация Программы патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы (далее — Программа патриотического воспитания населения). Осуществление ее положений обусловлено существованием белорусского государства в условиях нестабильности и неопределенности, а также геополитическими вызовами и угрозами, что влечет необходимость своевременного укрепления суверенитета и национальной безопасности Беларуси посредством консолидации ее общества и обеспечения народного единства [3]. Полагаем, что их достижение невозможно без формирования современной национальной идеи, основой которой выступают сохранение и актуализация духовного наследия, исторически сложившиеся традиции и обычаи, национальная культура и менталитет белорусского народа, а также зарождение и развитие новых традиций. Значительная роль в этом отводится патриотическому воспитанию населения.

Согласно Программе патриотического воспитания населения, патриотическое воспитание представляет собой целенаправленный процесс, который основывается на патриотических ценностях, направленных на установление и

укрепление начал общности и консолидации, осознание единства общественных и государственных интересов. Патриотическими ценностями являются: Родина (место рождения человека, страна, в которой он родился, культурно-историческая среда, созданная предками); Отечество (страна, государство, с которым личность связана системой отношений, регламентированных правами и обязанностями); семья, преемственность поколений, нация; государственность, государственный суверенитет Республики Беларусь; государственная символика Республики Беларусь (флаг, герб, гимн); историческая память, национально-культурная идентичность; национальная культура [3].

Из вышеизложенного следует, что перечисленные патриотические ценности представляют собой систему ценностных нормативно-правовых установок современного белорусского государства и гражданского общества. Актуализация вышеперечисленных ценностей путем патриотического воспитания, осуществляемого посредством реализации конкретных мероприятий, в том числе и в образовательном процессе, направлена на привитие знания о патриотических ценностях, понимание их роли и значимости в жизни общества и государства, формирование патриотической самоидентификации человека и гражданина, реализацию активных деятельностных установок, выражающихся в конструктивном взаимодействии с государственными и общественными институтами.

Таким образом, на современном этапе развития белорусской государственности патриотические ценности не только представляют собой морально-этические установки гражданского общества, но и выступают социальным ресурсом его консолидации, а также являются устоявшимися неотъемлемыми ценностями его правовой культуры, закрепленными на уровне национального законодательства.

---

1. Вишневецкий А. Ф., Горбатов Н. А., Кучинский В. А. Общая теория государства и права : учеб. / под общ. ред. проф. В. А. Кучинского. 2-е изд., перераб. и доп. Минск : Изд-во деловой и учеб. лит., 2006. 656 с. [Вернуться к статье](#)

2. Харитонова Н. Н. Конституционно-правовая культура как составная часть общей культуры и правовой культуры // Вестн. образоват. консорциума Среднерус. ун-т. Сер. Гуманитар. науки. 2018. № 12. С. 113–119. [Вернуться к статье](#)

3. О Программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 дек. 2021 г., № 773. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

МЕРЫ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ И ИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

И. В. Данькова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин

***Аннотация.** В статье проанализирована проблема профилактической работы с подростками, склонными к совершению правонарушений. Особое внимание уделяется анализу предупредительных мер и оценке их эффективности.*

***Ключевые слова:** подросток, несовершеннолетний, правонарушение, профилактика, девиантное поведение.*

***Annotation.** The article analyzes the problem of preventive work with teenagers prone to committing crimes. Particular attention is paid to the analysis of preventive measures and assessment of their effectiveness.*

***Keywords:** teenager, minor, crime, prevention, deviant behavior.*

На современном этапе одной из важнейших задач, стоящих перед обществом, является воспитание подрастающего поколения, которое будет реализовывать требования правовых норм, что подразумевает под собой их неуклонное исполнение и соблюдение. Решение данной задачи тесным образом связано с предупреждением и профилактикой правонарушений среди несовершеннолетних, а также недопущением любых нарушений в подростковой среде. На сегодняшний день учеными в области педагогики, психологии, криминологии и других сфер знаний раскрыты основные причины подростковых девиаций, дана подробная качественная и количественная криминологическая характеристика несовершеннолетних правонарушителей, доказано влияние социальной среды (семья, школа, ближайшее окружение) на формирование личности подростка с девиантным поведением. Однако такая социальная проблема, как правонарушения в подростковой среде, их профилактика и предупреждение, а также совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с противоправным поведением несовершеннолетних, продолжают оставаться в центре внимания ученых и практиков.

По данным криминологического словаря, под предупреждением правонарушений понимается система сдерживающего или упреждающего воздействия на криминогенные явления, процессы (факторы), имеющая своей целью снижение их криминогенного эффекта вплоть до полного уничтожения или

нейтрализации и создание условий, которые исключили бы возможность возникновения таких явлений и процессов [1, с. 108].

Словарь-справочник по криминологии и юридической психологии содержит в себе термин «профилактика преступности» и определяет ее как совокупность мер, направленных на выявление, ограничение или нейтрализацию факторов преступности, общественной опасности личности преступника и на устранение факторов возникновения и распространения отдельных видов и форм преступлений [2, с. 159].

Бакакев А. А. в своих исследованиях профилактикой правонарушений называет особый вид социальной практики, обеспечивающий преобразование общественных отношений, в результате которых устраняются либо нейтрализуются условия (причины, факторы), способствующие отклоняющемуся поведению [3, с. 23].

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь № 122-З от 04.01.2014 г. «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее — Закон), под профилактикой правонарушений понимается деятельность по применению мер общей и (или) индивидуальной профилактики правонарушений субъектами профилактики правонарушений в соответствии с актами законодательства [4].

Под общей профилактикой следует понимать вид предупредительной деятельности, обусловленный спецификой объекта профилактики, например, криминогенностью ситуации. Осуществляется общая профилактика путем различных методов и мер, направленных на выявление и изучение причин, условий совершения преступлений и затем предупредительного воздействия путем нравственно-правового просвещения, обучения и воспитания, технической укрепленности объектов, их защиты от преступных посягательств, общесоциального и специального контроля за состоянием охраны общественного порядка [2, с. 158].

К мерам общей профилактики Закон относит:

- ✓ разработку региональных комплексных планов по профилактике правонарушений с последующим утверждением;
- ✓ правовое просвещение;
- ✓ вынесение предписаний и представлений [4].

Индивидуальная профилактика — это вид предупредительной деятельности с конкретными лицами, склонными к совершению преступлений. Предметом индивидуально-профилактического воздействия являются негативные качества личности, выражающиеся в ее поведении, которые в значительной мере формируют противоправную криминальную мотивацию [2, с. 158].

К мерам индивидуальной профилактики согласно Закону относятся:

- ✓ профилактическая беседа (чаще всего это собеседование сотрудника правоохранительного и контролирующего органа с лицом, совершившим правонарушение или склонного к его совершению);
- ✓ официальное предупреждение (выражается в письменном разъяснении лицу, совершившему правонарушение или готовящему его совершение, о недопущении подобных действий);
- ✓ профилактический учет (наблюдение за поведением лица, совершившего правонарушение либо склонного к его совершению, воспитательное воздействие на такое лицо, пресечение фактов его антиобщественного поведения, устранение условий, способствующих совершению правонарушений);
- ✓ защитное предписание (установление временных запретов лицу, совершившему правонарушение);
- ✓ коррекционная программа (комплекс мероприятий, направленных на оказание психологической помощи лицу, совершившему правонарушение, а также его исправление) [4].

В содержание индивидуальной профилактики входят такие виды деятельности, как сбор информации о лицах, склонных к совершению правонарушений и преступлений, осуществление в отношении их социального контроля путем постановки на профилактический учет, оказание предупредительного воздействия на микросреду лиц, склонных к совершению правонарушений. При этом могут быть использованы различные методы:

- ✓ педагогические (убеждение, поощрение, демонстрация положительных примеров);
- ✓ психологические (экспериментальные, неэкспериментальные, лабораторные, клинические);
- ✓ юридические (принуждение как угрозой наказания, так и самим наказанием, изоляция, принудительное лечение).

Кроме того, Законом определены основные направления профилактической работы с подростками:

- ✓ обеспечение и защита прав и свобод ребенка;
- ✓ предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений несовершеннолетних, выявление и устранение их причин и условий;
- ✓ социально-психолого-педагогическая реабилитация несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении;
- ✓ выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение правонарушений.

Работая в указанных направлениях, государственными органами используются как общие (законность, демократизм, гуманизм), так и специальные

принципы организации и осуществления профилактической деятельности среди указанной категории правонарушителей, которые основаны на применении индивидуального подхода в работе с подростками, склонными к совершению правонарушений. Для реализации специальных принципов на практике необходимы знания особенностей личности данной категории несовершеннолетних, а также условий, влияющих на формирование противоправных отклонений в их поведении, что составляет основу разработки системы способов и средств профилактической работы.

Необходимо также отметить, что в процессе проведения профилактической работы с подростками-правонарушителями применяют меры общесоциального и специального характера.

К общесоциальным мерам относят:

- ✓ создание условий для жизни и воспитания детей, способствующих их благоприятному развитию;
- ✓ оказание различной помощи семье и детям, нуждающимся в таковой;
- ✓ создание возможностей для подростков в получении образования, в трудоустройстве;
- ✓ организация досуга подростков, профориентации несовершеннолетних;
- ✓ прекращение пропаганды культа насилия, сексуальной извращенности, потребительства;
- ✓ и другие общесоциальные мероприятия, способствующие снижению преступности несовершеннолетних [5, с. 66].

К специальным мерам предупреждения преступности несовершеннолетних относятся различные по своему характеру и содержанию меры:

- ✓ меры ранней профилактики (оздоровление окружающей подростка среды; помощь подросткам, оказавшимся в неблагоприятных условиях жизни и воспитания; помощь в бытовом и трудовом устройстве; обеспечение позитивной досуговой занятости; обследование мест концентрации подростков; выступления работников правоохранительных органов в молодежных коллективах);
- ✓ непосредственное предупреждение преступности подростков (обнаружение и устранение обстоятельств, способствующих нравственной деформации личности; контроль за правонарушителями из числа подростков со стороны органов внутренних дел, воспитательные мероприятия, проводимые школой, трудовыми коллективами и иными организациями с несовершеннолетними правонарушителями, участие церкви в поддержании трудных подростков);
- ✓ меры, направленные на профилактику рецидива (воспитательная деятельность колоний в отношении лиц, осужденных к лишению свободы, а также

воспитательное воздействие других органов и организаций, осуществляемое в отношении осужденных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, а также контроль и помощь в бытовом и трудовом устройстве несовершеннолетних, отбывших уголовное наказание);

✓ развитие и поддержка в массмедиаконтента о проблемах и успешном опыте предупреждения правонарушений в сфере жизнедеятельности несовершеннолетних;

✓ плановый мониторинг онлайн-сервисов и веб-сайтов в сфере социальных коммуникаций в интернет онлайн-пространстве на предмет наличия информации, провоцирующей на совершение правонарушений;

✓ разработка и реализация информационно-методических материалов для специалистов с полномочиями в области предупреждения правонарушений в подростковой среде [5, с. 67].

Все выше перечисленные меры профилактического воздействия на несовершеннолетних правонарушителей направлены на преодоление педагогической запущенности подростков-девиантов, формирование у них активной правопослушной жизненной позиции, путем вовлечения их в полезную и значимую для общества деятельность с целью переключения негативных интересов на позитивные. Каждая профилактическая мера по-своему эффективна и заслуживает внимания. Однако, на наш взгляд, необходимо дальнейшее совершенствование системы предупреждения и профилактики правонарушений среди подростков путем разработки современных методик выявления и пресечения правонарушений в подростковой среде, учитывая преобладание у них клипового мышления и общения посредством использования возможностей глобальной сети Интернет, социальных сетей и мессенджеров. Кроме того, особое внимание необходимо уделить подготовке высококвалифицированных специалистов в этой области и увеличению их количества, а также расширению международного сотрудничества и изучению передового положительного опыта других государств, что будет способствовать повышению эффективности профилактической работы с подростками.

---

1. Криминология: Словарь : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / М-во внутр. дел России. С.-Петерб. ун-т ; авт.-сост. В. Н. Бурлаков [и др.]. СПб. : Лань, 1999. 254 с. [Вернуться к статье](#)

2. Ананич В. А., Колченогова О. П. Словарь-справочник по криминологии и юридической психологии. Минск : Амалфея, 2003. 272 с. [Вернуться к статье](#)

3. Бакаев А. А. Система профилактики правонарушений несовершеннолетних : учеб. пособие. М. : Логос, 2004. 218 с. [Вернуться к статье](#)

4. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 янв. 2014 г., № 122-З : в ред. Закона Респ. Беларусь

от 17.07.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Демидова-Петрова Е. В., Данькова И. В. Предупреждение преступности несовершеннолетних в Российской Федерации и Республике Беларусь. Казань : КЮИ МВД России, 2023. 168 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ УСЛОВИЙ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ И УРОВНЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

А. М. Дроздова

Северо-Кавказский федеральный университет,
профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека,
доктор юридических наук, профессор

***Аннотация.** В данной статье анализируются основные понятия правового воспитания и правового обучения как средства формирования правовой культуры человека и общества. Рассматриваются элементы правосознания и их взаимодействие с иными факторами, влияющими на повышение уровня правовой культуры личности и общества.*

***Ключевые слова:** правовая культура, правовое воспитание, правовое обучение, ценности, правовое сознание, мораль, право, государство, общество.*

***Annotation.** This article analyzes the basic concepts of legal education and legal training as a means of forming the legal culture of a person and society. The elements of legal consciousness and their interaction with other factors influencing the increase in the level of legal culture of the individual and society are considered.*

***Keywords:** legal culture, legal education, legal education, values, legal consciousness, morality, law, state, society.*

Если вспомнить о функциях государства, то следует обратить внимание на наличие идеологической функции любого государства и современного в том числе. В процессе реализации названной функции принято усматривать в виде самостоятельного вида деятельности государства, общества, чиновников и населения — *правовое воспитание*. Общепринято под правовым воспитанием в широком смысле слова понимать целенаправленную деятельность по формированию правосознания и правовой культуры личности, группы или общества в целом.

Объективно воспитание и обучение — два взаимосвязанных процесса, что можно соотнести и с пониманием правового воспитания и правового образования, назвав общий процесс *правовым образованием*.

По мнению автора, воспитывая личность и формируя ее правосознание, мы формируем базовые основы для появления эффективного уровня правовой культуры, которая в то же время способствует дальнейшему формированию здорового правосознания личности и общества, тогда как осознанное и волевое соблюдение юридических норм, уважительное отношение к закону позволяют

оценивать в целом здоровье общества и государства. Более того, переход к воспитывающему обучению в вузе, например, формирование и признание при этом нравственных идеалов и национальных ценностей, формирование правового сознания личности, позволит обеспечить осознание личностью необходимости правовых установок и постоянного приобретения профессиональных правовых знаний, чтобы сформировать уважение к праву и потребность повышать свой образовательный уровень в сфере культуры и права.

Общеизвестно, что *правовая культура* является одной из форм человеческой культуры, что признают большинство ученых и определяют ее как совокупность духовных, нравственных, материальных ценностей в обществе на его конкретном историческом этапе развития. В юриспруденции принято рассматривать правовую культуру в *широком* смысле слова, включая в нее законодательство, государственные органы власти, деятельность государственных органов и их правовую практику, поведение граждан в сфере права, уровень правосознания и правовую систему в целом; тогда как правовую культуру в *узком* смысле слова принято сравнивать с самой правовой деятельностью, с ее уровнем развития, направленностью, формами, методами и технологиями в процессе оценки качества правовой жизни личности или общества. Некоторые авторы правовую культуру определяют как «совокупность всех ценностей, созданных человеком в правовой сфере» [1, с. 299].

Если анализировать отношение правовой культуры к правосознанию, следует отметить тот факт, что правовое сознание — это идеи, воззрения, ценности, концепции, ориентации, интуиции, тогда как правовая культура — это уже положительное отношение к правовой сфере и правовым явлениям и выраженное в правовой деятельности каждой личности и юридических структур.

Еще раз обращаем внимание на то, что правовая культура не мыслится без деятельности личности со здоровым правосознанием, она не возможна без человека и его активной прогрессивной деятельности.

Всего этого возможно достичь в процессе правового обучения и правового воспитания, основными задачами которых следует назвать такие, как формирование системы правовых знаний с последующим их пониманием; формирование уважительного отношения к праву, закону, правопорядку; умение применять на практике усвоенные правовые установки и привычка поведения в соответствии с требованием юридического предписания при сформированном иммунитете к правонарушениям и правонарушителям.

Если говорить о средствах для решения названных задач, то вполне можно прибегнуть к правовой пропаганде, к правовому всеобучу, к правовому обучению на всех уровнях и самовоспитанию в культурной и правовой сферах, имея доступность к информации и обладая правовой информированностью.

Правовое обучение и воспитание должны начинаться в семье, включаться в программы воспитания правил поведения в обществе в детских садах, подключать к правовому всеобучу следует школьников всех годов обучения и продолжать правовое образование в вузах по всем направлениям обучения. Для населения необходимо постоянно проводить лекции, беседы, встречи, конференции и конкурсы. В настоящее время все эти мероприятия стали возможными с применением средств массовой информации и интернет-технологий, с решением вопросов цифровизации сферы образования и формирования общей культуры общества.

Общепризнанными методами правового образования в целом являются методы убеждения, принуждения, поощрения и профилактики.

По мнению И. А. Ильина, необходимо *«приблизить право к народу, чтобы укреплять массовое правосознание, чтобы народ понимал, знал и ценил свои законы, чтобы он добровольно соблюдал свои обязанности и запреты и лояльно пользовался своими полномочиями. Право должно стать фактором жизни, мерой реального поведения, силою народной души»* [2, с. 263].

Особое внимание формированию здорового правосознания и высокого уровня профессиональной правовой культуры следует уделять по отношению к чиновникам в целом и к чиновникам сферы образования в частности, поскольку их поведение, осознанное или неосознанное, оказывает постоянное воздействие на каждого из нас в процессе общения с населением при выполнении ими профессиональных функций, это значит, что их правовое воспитание направлено на развитие правового сознания человека и правовой культуры общества, т. к. призвано гарантировать поведение, в соответствии с потребностями, ценностями и ожиданиями правового государства и общества в целом.

Говоря о формировании правового сознания, не следует забывать, что личность социализируется в обществе себе подобных и объективно связана с нравственностью, уровнем общей культуры и образованности каждого ее члена, с такими принципами, как достоинство, честь, свобода, справедливость, и такими ценностями, как право, национальная идентичность и правовое сознание личности и народа. В свою очередь, воспитать, повысить или развивать правовую культуру невозможно, можно только создать условия для формирования определенного уровня правовой культуры каждого и общества в целом. Не следует отбрасывать в сторону такие явления жизни общества, как интересы личности и общества, законность, правопорядок, свобода личности и ответственность каждого перед собой, перед другими и обществом в целом, что, в свою очередь, обеспечит реализацию механизмов обеспечения и защиты прав человека в государстве. О свободе человека следует говорить только с позиций

нравственных начал и наличия здорового правосознания граждан, уважения и исполнения требований закона с учетом интересов страны и государства.

Общеизвестно, что для создания условий формирования правовой культуры обычно применяют образовательные технологии в сфере воспитания у населения уважения к праву с учетом различий слоев населения; воспитания осознания населением места и роли правовых установок и национальных ценностей; воспитания правовой и политической активности и нетерпимости к нарушениям общих норм поведения и культурно-правовых установок.

Особое значение в организации и проведении правовой пропаганды, правового всеобуча и формировании нравственных начал в отношении личности следует придавать процессу воспитания и обучения человека с момента рождения в семье, школе, вузе и дальнейшей взрослой жизни.

Важную роль в создании условий формирования правовой культуры и правосознания призваны сыграть литература, искусство, театр, кино, средства массовой информации, которые в настоящее время у некоторой категории граждан забыты. Все увлеклись цифровизацией, инфокоммуникацией, мечтают об искусственном интеллекте, не понимая возникающих проблем и не просчитывая риски. Этому подвержены не только молодые, но и достаточно взрослые особи человеческого общества. Мы перестаем читать, говорить, мыслить, рассуждать, анализировать, полагаясь на кнопку в своем смартфоне. И учат, и лечат, и живут сегодня многие по телефону... А что будет, когда закончатся эти известные технологии, кто будет развивать их в будущем, или просто очередная вспышка на солнце выведет из строя все наши гаджеты? Тот, кто не приучен к нормальной человеческой жизни без помощи смартфона, погибнет под воздействием стресса, неумения себя обслужить, найти себе применение. А может быть нас всех привязывают к цифре и новым технологиям, чтобы однажды отключить все это и уменьшить за счет слабых население планеты? Но погибать будут те, кто не может жить без цифровизации, кому доступны эти цифровые технологии, кто считает себя современным потребителем «модных» устройств и технологий, а это «образованное» население крупных городов и развитых стран. А выживет население небольших населенных пунктов, не достаточно технически обеспеченных городов, районов и стран. Становится опасным все это иметь, уметь пользоваться и совершенствоваться, т. к. мы сами себе создаем риски собственных проигрышей и перспективу дальнейшего существования.

В отношении воспитательных мероприятий в школах, вузах или всеобуча населения необходимо говорить постоянно с людьми на понятном юридически доступном языке, знакомить население с нормами и принципами российского права, пропагандировать достижения российской науки, «знать в лицо своих

героев», чтобы молодежь стремилась овладевать знаниями, развивать науку, хотеть создавать предприятия, создавать новые машины и самолеты, строить и воспитывать детей в семье, расширять свой культурный уровень, читать, думать, общаться и помогать своей стране, своему государству, никогда не помышляя своего им предательства.

В заключение отметим, что по причине того, что при создании правового государства, ставящего перед собой цель правомерного поведения, в том числе правовой активности граждан и, вне всякого сомнения, профессиональной активности юристов и других государственных служащих в процессе реализации их компетенции в юридически значимых ситуациях, именно правовое обучение и воспитание приобретают значимость и становятся центром процесса духовного формирования современного человека. Это, в свою очередь, обязывает государство к целенаправленной государственной политике в названной сфере, особенно в плане правового образования, не исключая при этом и другие важные направления государственной деятельности.

Для общества в целом и для каждой личности важен качественный уровень воспитания и обучения в образовательных учреждениях различного типа и вида, в том числе закрепление и развитие у учащихся основ правосознания и правовой культуры, и не менее важна эффективная, профессиональная и законная деятельность правоохранительных и иных уполномоченных органов по выявлению и пресечению преступлений и других нарушений закона, обеспечение неотвратимости соразмерного и справедливого наказания за нарушение закона, поскольку правовая культура — необходимое условие сознательного осуществления человеком своего долга перед обществом, что способствует преодолению отсталых взглядов, отклоняющегося поведения людей, предотвращению случаев произвола и насилия над личностью.

Отметим, что в условиях правового государства возрастает роль закона в системе социальных регуляторов, происходит усиление правовых начал в поведении людей, в жизни общества и государства. Недостаточный уровень правовой культуры и правосознания, правовой нигилизм граждан России становятся серьезными проблемами обеспечения реализации принципов верховенства права. А, «являясь одновременно и субъектом и объектом современных преобразований, мы испытываем изменения в общественных отношениях, определенные изменения в общественном сознании и мировоззрении, на глазах заметны видимые изменения общественного порядка, общественной дисциплины, определенный рост правонарушений и безответственности, что в свою очередь вынуждает нас уделять большое внимание правовому всеобучу, правовому воспитанию и образованию, формированию здорового правового сознания и высокой правовой культуры каждого члена общества» [3, с. 103].

1. Власов В. И., Власова Г. Б. Теория государства и права : учеб. пособие. Изд. 2-е. Ростов н/Д : Феникс, 2012. 333 с. [Вернуться к статье](#)
2. Ильин И. А. Родина и мы / сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. Смоленск : Посох, 1995. 512 с. [Вернуться к статье](#)
3. Дроздова А. М. Правосознание и правовая культура: соотношение понятий // Правосознание обучающихся в юридическом вузе в условиях информатизации российского общества : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Т 2. Ставрополь, 2020. С. 102–109. [Вернуться к статье](#)

УДК 37.014:340.11

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

А. А. Дыжова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры правовых дисциплин,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент

А. В. Демидова

МГТУ имени Н. Э. Баумана,
доцент кафедры социологии и культурологии,
кандидат социологических наук, доцент

***Аннотация.** В современном обществе устанавливаются приоритеты развития правовой культуры через правовое образование и воспитание. В статье анализируется опыт Республики Беларусь и Российской Федерации по использованию возможностей и ресурсов образования в формировании правовой культуры молодежи. Показана роль в данном процессе системы образования.*

***Ключевые слова:** правовая культура, правовое образование, юноши и девушки, молодежь, учебные заведения, преподаватели.*

***Annotation.** In modern society priorities are set for the development of legal culture through legal education and upbringing. The article analyzes the experience of the Republic of Belarus and the Russian Federation in using the opportunities and resources of education in the formation of the legal culture of youth. The role of the education system in this process is shown.*

***Keywords:** legal culture, legal education, boys and girls, youth, educational institutions, teachers.*

Знать законы — значит воспринять не их слова,
но их содержание и значение.
Император и полководец Юстиниан

Полагаться на законы
и к тому же понимать их положения —
только так можно добиться согласия.
Древнекитайский мыслитель Сюнь-цзы

Тот факт, что мы обращаемся к проблеме правовой культуры юношей и девушек, связан не только с теоретическими интересами, но и с потребностями практики. Построение правового государства и воспитание социально

ответственного гражданина представляется возможным лишь при определенном уровне правовой культуры личности.

Что касается понятия «правовая культура», то одни ученые полагают, что «правовая культура» представляет собой объединение духовных ценностей и предпочтений, связанных с применением и реализацией права, при этом акцент делается на совокупности знаний, навыков, опыта применения и соблюдения норм права. Другие относят к правовой культуре не только правовые, но и духовные ценности. По мнению В. М. Чхиквадзе, «правовая культура представляет собой систему не только правовых идей, но и нравственные нормы, а также другие духовные ценности, которые формируют правосознание и направляют поведение отдельных личностей в соответствии с требованиями права и законности» [1].

Формирование правовой культуры современного общества актуализировало проблему изучения эффективного механизма совершенствования правового образования молодежи как будущих специалистов, их умений и навыков пользоваться нормами права в профессиональной деятельности и в реальной жизни. Наличие правового компонента в системе образования способствует формированию у юношей и девушек ряда личностных характеристик, среди которых толерантность, умение выслушать оппонента, поиск компромисса, знаний основополагающих правовых норм, умение использовать правовую систему на практике, умение отстаивать свои права, ответственное отношение к своим действиям [2, с. 48].

Особое место в системе образования отводится правовому воспитанию. Именно благодаря дисциплинам юридической направленности учащиеся получают комплексные правовые знания, которые развивают в них правосознание, ориентируют на соблюдение общепринятых правил поведения.

Пример важности правового образования с целью повышения правовой культуры молодежи приведем согласно анализу данных социологического опроса исследований, проводимых в рамках научно-исследовательской темы «Правовая культура молодежи в контексте формирования единого социально-правового пространства России и Беларуси», осуществляемой по Соглашению о научно-исследовательской деятельности между учреждением образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» и федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет». На уровень правового образования молодежи оказывают влияние различные факторы: источники правовой информации, способы и агенты правовой социализации, личный опыт и многое другое. Анализируя ответы респондентов, следует отметить, что лидирующую позицию

в правовом просвещении занимают именно преподаватели, их указало 55,7 % молодых людей, 30 % из них — юноши и девушки Российской Федерации и 80,5 % — Республики Беларусь. Также студенты указали интернет-издания — 41,1 % (44,9 % — россияне и 37,5 % — белорусы), электронные правовые базы — 33,3 % (27,4 % — россияне и 39 % — белорусы). Студенческой молодежи был также задан вопрос о том, кто внес наиболее значительный вклад в их правовое воспитание. 74,8 % опрошенных указали именно учебные заведения, из них 63,9 % — молодежь Российской Федерации и 85,3 % — Республики Беларусь. Молодые люди отметили, что преподаватели, учителя и кураторы внесли значимый вклад в их правовое образование. Это подчеркивает необходимость сохранения в рамках системы образования специальных правовых курсов и предметов. При этом преподавание дисциплин данного цикла направлено не только на усвоение азов законодательства, но и на обучение практическим навыкам применения полученных теоретических знаний, способам защиты своих прав.

Правовое образование представляет собой находящаяся в рамках учебного процесса и организованная на идее права система воспитательных, обучающих и самообразовательных действий, направленных на формирование у обучающихся уважения к праву, понимание необходимости следовать его предписаниям, формирование установок, основанных на современных правовых ценностях; знаний, достаточных для защиты прав и законных интересов; навыков практического использования изученных правовых норм в своей профессиональной деятельности.

Как отмечается в Молодежной стратегии Организации Объединенных Наций «Молодежь 2030» (далее — Молодежная стратегия), молодые люди представляют собой ценнейший и крайне важный ресурс, который стоит того, чтобы в него инвестировать, поскольку эти инвестиции многократно окупятся [3]. Отметим, что Секретариат ООН для статистических целей относит к «молодежи» лиц в возрасте от 15 до 24 лет, так как не существует общепринятого мирового определения «молодежь» [3]. Одной из основных задач в рамках Молодежной стратегии является «Молодежь и права», которая представляет собой защиту и поощрение прав молодых людей, поддержку их участия в гражданской и политической деятельности, поощрение просвещения и подготовку молодежи в вопросах прав человека, в целях формирования гражданского самосознания, поощрение добровольчества и формирование культуры в молодежной среде [3, с. 258].

В Республике Беларусь вступило в силу постановление Совета Министров Республики Беларусь «О правовом воспитании и просвещении граждан в 2024–2029 годах», в котором указывается перечень мероприятий

по правовому просвещению граждан, среди них проведение приемов граждан; прямые телефонные линии; проведение выступлений, лекций и бесед; проведение семинаров; обучение работников юридических служб государственных органов; мероприятий, посвященных правовому воспитанию и профилактике правонарушений в учреждениях образования; интернет-конкурсы по правовому воспитанию; проведение дней правового просвещения и правовой культуры в трудовых коллективах организаций на региональном уровне; развитие деятельности юридических клиник в учреждениях образования; проведение недель правовых знаний в учреждениях образования; разработка и внедрение в образовательный процесс учреждений общего среднего образования учебных программ факультативных занятий по правам человека; создание на национальном образовательном портале рубрики «Правовая культура участников образовательного процесса»; проведение в учреждениях образования мероприятий (семинаров, лекций, бесед, адаптированных уроков, олимпиад, вебинаров и конференций), в том числе посвященных изучению законодательства, правовому воспитанию обучающихся и профилактике правонарушений; проведение конкурсов творческих работ обучающихся (эссе, рисунок, плакат, сочинение, анимация, видеоролик), акций, викторин, олимпиад на правовую тематику на региональном и республиканском уровнях, в том числе в социальных сетях, и многое другое [4]. В рамках правового просвещения молодежи в 2024 году между НЦПИ и БРСМ подписан План совместных мероприятий на 2024 год. План направлен на осуществление совместных мероприятий в целях продолжения сотрудничества по правовому просвещению молодежи и популяризации государственных информационно-правовых ресурсов в молодежной среде. Планируется проведение совместных мероприятий (акций и конкурсов, правовых игр и викторин, круглых столов, форумов); привлечение молодежи к процессам проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов, правового мониторинга на сайте «Правовой форум Беларуси» [5].

В Российской Федерации в 2015 году утверждена Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Стратегией предусматривается, что в целях обновления воспитательного процесса с учетом современных достижений науки необходимо обеспечить развитие правовой и политической культуры детей, расширение конструктивного участия в принятии решений, затрагивающих их права и интересы, в том числе в различных формах самоорганизации, самоуправления, общественно значимой деятельности [6]. Также действуют «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденные распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. Документом предусматривается развитие гуманитарного и правового просвещения

молодежи, повышение уровня финансовой грамотности [7]. В 2011 году Президентом Российской Федерации были утверждены Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан от 28 апреля 2011 г. № Пр-1168, которыми определяются принципы, цели, основные направления и содержание государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. Они направлены на формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, а также на преодоление правового нигилизма в обществе, который препятствует развитию России как современного цивилизованного государства [8].

Исходя из вышеизложенного отметим, что правовое образование и воспитание, повышение уровня правовой культуры молодежи Беларуси и России осуществляется посредством включения специальных предметов в образовательные программы учебных заведений, привлечения к данному процессу различных государственных учреждений, расширения сети просветительской деятельности путем выпуска учебных пособий, методических материалов, создание специальных интернет-ресурсов, посвященных правам человека.

---

1. Галстян И. Ш., Лаута О. Н. К вопросу о правовой культуре молодежи [Электронный ресурс] // Ленингр. юрид. журн. 2015. № 1 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovoy-kulture-molodezhi> (дата обращения: 27.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Воробьева О. А., Мычак Т. В. Правовая культура личности // Вектор науки ТГУ. Сер. Юрид. науки. 2009. № 4 (7). С. 48–49. [Вернуться к статье](#)

3. Молодежь 2030. Работа с молодежью и в интересах молодежи. Молодежная стратегия Организации Объединенных наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/youthenvoy/wp-content/uploads/2014/09/WEBR-UN-Youth-Strategy_Booklet_-Russian-for-WEB.pdf (дата обращения: 27.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. О правовом воспитании и просвещении граждан в 2024–2029 годах [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 янв. 2024 г., № 24. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Правовое просвещение молодежи — один из векторов сотрудничества. НЦПИ и БРСМ подписали План совместных мероприятий на 2024 год [Электронный ресурс] // НЦПИ. URL: <https://ncpi.gov.by/news/pravovoe-prosveshchenie-molodezhi-odin-iz-vektorov-sotrudnichestva-ntspi-i-brsm-podpisali-plan-sovme/> (дата обращения: 28.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Рос. Федерации, 29 мая 2015 г., № 996-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Рос. Федерации, 29 нояб. 2014 г., № 2403-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

8. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [Электронный ресурс] : утв. Президентом Рос. Федерации, 28 апр. 2011 г., № Пр-1168. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 34.01:004.6

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ INSTAGRAM ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРАВОВОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ ГРАЖДАН

Д. А. Зубрик

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
магистр юридических наук

***Аннотация.** В статье рассматривается платформа Instagram как средство для проведения правового просвещения. Анализируется эффективность социальной сети для повышения уровня правовой грамотности. Излагаются доводы в пользу использования данной социальной сети государственными органами.*

***Ключевые слова:** правовое просвещение, Instagram, социальные сети, правовая грамотность, правовая информация.*

***Annotation.** The article is considered the Instagram platform as a means for legal education. The effectiveness of the social network to increase the level of legal literacy is analyzed. The arguments in favor of using this social network by government agencies are presented.*

***Keywords:** legal education, Instagram, social networks, legal literacy, legal information.*

Информационно-коммуникативные технологии позволяют нам значительно упростить процесс передачи информации. Благодаря современным техническим устройствам, люди взаимодействуют друг с другом на большом расстоянии. Одной из таких площадок взаимодействия является социальная сеть Instagram. Более того, данную платформу используют для распространения абсолютно разного контента в интерактивной форме. Поскольку Instagram используют преимущественно представители молодого поколения, возникает вопрос относительно проведения правового просвещения на данной платформе. В связи с этим возникает вопрос: каким образом использовать Instagram в качестве способа повышения правовой грамотности у населения?

Instagram уже сейчас используют государственные органы, юристы, адвокаты и т. д. для публикации полезной правовой информации. Зачастую можно увидеть разъяснение сложных юридических терминов, рекомендации по правовым вопросам или разбор кейсов. Можно сказать, что такие аккаунты позволяют легче уяснить законодательную базу.

В чем же преимущества Instagram? Во-первых, в данной социальной сети существует возможность размещения текстового и графического материала, который будет создавать визуализацию, тем самым облегчая процесс усвоения

информации. Следует отметить, что графический материал, представленный в привлекательных картинках, заинтересует пользователей к дальнейшему изучению. Во-вторых, наличие большой аудитории. К примеру, на 2023 год число белорусских пользователей составило 3,9 млн [1]. В-третьих, в Instagram существует возможность создания тематического блога. То есть в настройках можно выбрать категорию аккаунта, тем самым увеличить распространение правовой информации.

Какие же существуют способы размещения информации?

1. Публикация. Публикация в Instagram представляет собой фотографию или видео, размещенные в профиле. В публикации может быть отражена тематика аккаунта. В данном случае подразумевается размещение правовой информации с целью содействия информированности граждан. Также в публикации могут быть отражены актуальные нормативные правовые акты или же ссылки на официальный интернет-портал Pravo.by. Необходимо отметить функцию закрепленного поста. Данную функцию можно использовать для той правовой информации, которая является наиболее значимой в конкретный промежуток времени (например, в период предвыборной кампании).

2. Stories. Данная функция позволяет размещать временный контент, который исчезнет через 24 часа. В stories можно размещать разъяснение сложных юридических терминов посредством использования графики и анимации, что сделает правовую информацию наглядной и запоминающейся. Также в stories существует возможность получения обратной связи и диалога. К примеру, в аккаунте адвоката граждане могут задавать вопросы и получать на них краткие квалифицированные ответы. Следует указать, что в Instagram присутствует функция актуальных stories, которая позволяет сохранять их на длительный срок. Актуальные можно использовать для сохранения официальных разъяснений от государственных органов, ссылки на официальные информационно-поисковые системы и права и обязанности граждан в соответствии с конкретной отраслью права. Можно сказать, что stories в Instagram является эффективным способом правового просвещения граждан, так как позволяет сделать информацию более доступной, наглядной и интерактивной, содействуя повышению правовой грамотности среди населения.

3. Reels. Reels представляют собой короткие видеоролики. Этот формат подходит для подачи сжатой информации, т. к. обеспечивает широкий охват аудитории. Функцию Reels можно использовать для: 1) информирования о последних изменениях в законодательстве (для того, чтобы видеоролик был запоминающийся, можно использовать различные текстовые графики и субтитры); 2) разъяснения примеров из практики с дальнейшими рекомендациями; 3) пояснения порядка составления юридических документов.

Необходимо также отметить, что в Instagram можно проводить прямые эфиры. В данном случае на прямые эфиры можно приглашать экспертов, юристов и специалистов в области права для рассмотрения правовых вопросов с различных точек зрения. Более того, формат прямых эфиров удобен тем, что в режиме реального времени граждане могут задать правовые вопросы и получить на них ответ.

Следует отметить, что не менее важным является использование Instagram правоохранительными органами. Правоохранительные органы могут создавать аккаунты для разъяснения норм права, а также информирования граждан о совершаемых преступлениях. Таким образом будет обеспечиваться прозрачность работы правоохранительных органов, тем самым укрепится доверие граждан.

Следует также сказать о необходимости использования Instagram в рамках образовательных юридических мероприятий. Юридические факультеты и юридические клиники могут публиковать материалы про современные подходы и тенденции в юриспруденции. Такой формат правового просвещения позволит не только обычным гражданам, но и студентам-юристам усвоить больше правовой информации. К примеру, Юридическая клиника Гродненского государственного университета имени Янки Купалы в своем Instagram-аккаунте периодически публикует тематические Reels в рамках правового просвещения. Также проводятся прямые эфиры и вебинары по правовым вопросам.

В целом Instagram можно использовать в правовом просвещении граждан следующим образом: 1) создание информационных постов о правах и обязанностях граждан; в постах можно отразить текущее состояние законодательства, актуальные правовые вопросы, разъяснение механизма юридических процедур; 2) проведение викторин или опросов на конкретную правовую тематику (к примеру, опубликовывать в stories опросы с вариантами ответов, а затем давать верные ответы и пояснять их); 3) проведение прямых эфиров с привлечением смежных специалистов или представителей государственной власти (причем во время эфиров можно отвечать на вопросы зрителей, разъяснять новшества законодательства); 4) разбор практических кейсов (такой формат позволит гражданам со схожими вопросами узнать о своих правах и способах их защиты, а также уяснить особенности в каждой конкретной ситуации); 5) размещение ссылок на правовые ресурсы и официальные источники правовой информации (к примеру, ссылки на Pravo.by, «Эталон-Online», iLex, «Детский правовой сайт» и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод, что активное использование Instagram в правовом просвещении граждан является актуальным направлением деятельности. Более того, такой метод повышения уровня правовой

грамотности у населения можно считать эффективным и современным. посредством использования Instagram можно достичь следующих целей: 1) легкое усвоение правовой информации о правах и обязанностях граждан; 2) предоставление быстрой и своевременной правовой помощи; 3) обеспечение доступности правовой информации каждому гражданину; 4) быстрое распространение информации о текущем состоянии законодательства и о нововведениях. Следует отметить, что использование Instagram позволяет обеспечить эффективное взаимодействие между гражданами и государственными органами.

---

1. Статистика интернета и соцсетей на 2024 год — цифры и тренды в Беларуси [Электронный ресурс] // Myfin. URL: <https://myfin.by/stati/view/tiktok-nabiraet-popularnost-u-belorusov-issledovanie> (дата обращения: 11.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА

Л. В. Карнаушенко

Краснодарский университет МВД России,
начальник кафедры теории и истории права и государства,
доктор исторических наук, профессор

***Аннотация.** В статье отмечается, что современное общество постмодерна продуцирует риски, связанные с дисфункциями ряда ключевых социальных институтов. Серьезные проблемы фиксируются в системной интеграции личности в правовое пространство общества, в том числе и в сфере правового воспитания.*

***Ключевые слова:** общество постмодерна, трансформации, государство, право, правовое воспитание, правовая социализация, личность, правовая культура.*

***Annotation.** The article notes that modern postmodern society produces risks associated with the dysfunctions of a number of key social institutions. Serious problems are fixed in the systemic integration of the individual into the legal space of society, including in the field of legal education.*

***Keywords:** postmodern society, transformations, state, law, legal education, legal socialization, personality, legal culture.*

Современное общество XXI в. имеет различные наименования в научной литературе. Достаточно часто используется и термин «общество постмодерна». В отличие от других типов общества, постмодерн предполагает отсылку к коренным трансформациям регулятивной системы социума, поддерживающей социальный порядок. Общество постмодерна приводит к серьезному переопределению инструментов поддержания социального порядка. Основными рисками нового общества становятся неопределенность и глубокая фрагментация не только социальной, но и духовной сфер жизни общества.

И. Л. Честнов в этой связи отмечает, что «приход постмодерна привел к фрагментаризации традиции и обычаев, а также к утрате референтности как общезначимости авторитетов в масштабах социума. Происходит локализация и фрагментаризация социальной идентичности, которая становится все более мозаичной и размытой. Поэтому размывается, фрагментируется по субкультурам и социальный порядок» [1, с. 18].

Одной из существенных проблем общества постмодерна и, одновременно, системным риском становится деструкция информационно-коммуникационной среды. Эта парадоксальная ситуация возникает на фоне прогресса информационно-компьютерных и телекоммуникационных

технологий, которые, казалось бы, могут обеспечить информационную стабильность. Однако стоит отметить, что в обществе постмодерна усиливаются информационная перегрузка и энтропия; опосредуются контакты между гражданами, группами, общностями и т. д., они становятся все более обезличенными, анонимными, а значит, уменьшается ответственность за переданную информацию — в этих условиях снижение качества информации становится неизбежным. Более того, как полагают исследователи, в ряде случаев общество может сталкиваться с «вредной/вредоносной информацией» [2].

В таких условиях общества постмодерна происходят многие важные социальные процессы, в том числе и правовое воспитание. Его важность для государства и общества не вызывает сомнений, так как интеграция личности в правовое пространство происходит несколькими путями, в том числе и посредством правового воспитания. При этом важным отличием воспитания от социализации выступает целенаправленное воздействие на личность, тогда как в процессе социализации немалую роль играют стихийные факторы и инструменты. Правовое воспитание позволяет прежде всего государству осуществлять управление процессом формирования позитивных образов права в сознании людей.

Исследователи отмечают, что правовое воспитание представляет собой «процесс, посредством которого формируется правовое сознание граждан, соответственно можно сказать, что, обеспечив высокий уровень правового воспитания, мы можем быть уверены, что подрастающее поколение сможет сформировать позиции безопасного поведения» [3, с. 143]. Вместе с тем, данный тезис имеет и слабые места. Они были доказаны в свое время в рамках концепции «волшебной/магической пули» (теория социальных коммуникаций, автор — американский ученый Г. Лассуэлл) [4]. Согласно данной концепции, реципиенты информационного воздействия пассивны и беспомощны перед эффективно организованным влиянием на их сознание и поведение; субъективность, инициативность и «сопротивляемость» аудитории существенно недооценивались). Многочисленные эмпирические примеры в сфере рекламы, политической агитации, пропаганды и т. п. доказали обратное: даже грамотно продуманное воздействие сталкивается с многочисленными барьерами восприятия, активизация которых зависит как от личности представителей аудитории, так и от множества объективных факторов.

В частности, правовое воспитание может сталкиваться с барьерами деформации морально-нравственного состояния личности, низким образовательным и культурным уровнем. Одновременно в обществе могут быть распространены экстремистские, радикальные идеи, а также глубокая криминализация общественного и индивидуального сознания на фоне соответствующих

противоправных практик, принимающих значительные масштабы. В этой связи научно-управленческое понимание правового воспитания нуждается в определенной коррективке с целью его оптимизации с учетом указанных аспектов.

Р. В. Кравцов полагает, что правовое воспитание — это «целевое воздействие, направленное на формирование системы нравственно-правовых ценностей личности, обеспечивающей высокий уровень правовой культуры. Правовое воспитание — сложный субъектно-объектный процесс, предполагающий слабые, но эффективные воздействия на структуру личности с целью формирования ее ценностной сферы, стимулирования самостоятельной активности, мотивировку к овладению правовыми средствами» [5, с. 63]. Данное позиционирование правового воспитания акцентирует внимание на центральной роли морально-нравственных ценностей личности (в контексте которых происходит и включение права, а также правомерного поведения в систему жизненных идеалов и повседневных ориентиров личности). Кроме того, важным здесь выступает реалистичное представление о правовом воспитании как субъективно-объективном процессе (о чем говорилось нами на примере несостоятельности концепции «волшебной пули»).

По мнению В. В. Стреляевой, «правовое воспитание представляет собой двуединство правового просвещения (образования) и правового перевоспитания. Необходимость организации правового воспитания в среде, в которой отсутствуют социально значимые отклонения, минимальна и может быть сведена к организации просвещения. В процессе правового перевоспитания центральная роль принадлежит объективным факторам (развитые элементы гражданского общества и правового государства, способствующие эффективному правовому воспитанию)» [6, с. 72].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что одним из необходимых условий для эффективного правового воспитания является не только развитая система образования, не подверженная серьезным отклонениям, но и устойчивые структуры гражданского общества и правового государства. С учетом сложившихся реалий применительно к современному российскому обществу, в контексте сформировавшихся геополитических угроз, стоит отметить, что такие объективные условия не в полной мере присутствуют в данный момент. В этой связи неизбежно возникновение проблемных ситуаций в процессе правового воспитания. Одновременно негативное влияние оказывают трансформационные процессы, связанные с генезисом общества постмодерна с его познавательно-информационным кризисом.

Как полагает К. А. Костина, «правовое воспитание необходимо рассматривать в двух аспектах. Первый аспект предполагает рассмотрение правового воспитания как общего процесса формирования правосознания и правовой

культуры членов общества. Второй аспект предполагает рассмотрение правового воспитания как одного из видов общественной деятельности, которая выражается в целенаправленной и организованной работе государственных органов и общественных организаций, направленной на формирование правовой культуры и воспитания законопослушных граждан» [7, с. 267]. Согласно справедливому замечанию автора, правовое воспитание непосредственным образом связано с правовой культурой, а также и правосознанием. С точки зрения целей осуществления правового воспитания целесообразно обратить внимание на правовую культуру. Этот элемент духовной жизни общества играет ключевую роль в определении поведенческих стратегий людей, в правомерном поведении, либо, напротив, противоправном.

Л. А. Петручак определяет правовую культуру как «исторически сложившуюся, обусловленную экономическим, социальным и духовным уровнем развития общества разновидность культуры, которая материализуется в формировании, передаче, сохранении правовых ценностей, служащих ориентиром юридически значимого поведения и представляет собой качественное состояние правовой системы, степень правового развития личности и общества» [8, с. 48]. Важное значение в структуре правовой культуры имеет именно правовая коммуникация, связанная с приемом — передачей правовых ценностей, а также и других элементов социокультурной правовой реальности. Вместе с тем именно в обществе постмодерна коммуникативные проблемы становятся едва ли не самими острыми. Одновременно с социотехнической стороной (информационная перегрузка, «захламленность» информацией) возникают и смысложизненные, ценностные противоречия, связанные с утратой социокультурных ориентиров на фоне нарастающей неопределенности в основных сферах жизни общества.

В этой связи подвергается определенной эрозии правовая культура как «знание о праве, понимание его сущности и принципов, ценностных свойств и качеств, а также уважение к закону, уверенность в справедливости права и гуманности правосудия, привычка соблюдать и придерживаться правовых предписаний, права в целом» [9, с. 49]. Основная причина этого состоит именно в коммуникативном кризисе общества постмодерна, в результате которого не только не снижается, но и усиливается неопределенность и противоречивость социума. Данные условия ухудшают положение права в обществе, снижают его регулятивный потенциал и закономерно негативно воздействуют на процесс правового воспитания, который лишается своего «стержня».

Таким образом, подводя некоторые итоги, можно отметить, что правовое воспитание личности в условиях общества постмодерна представляет серьезную проблему. Основное затруднение состоит в том, что в обществе

постмодерна не создаются условия для реализации коммуникативной составляющей процесса правового воспитания. Вследствие этого оказывается затрудненным не только воздействие на сознание людей с целью формирования основ правовой культуры — нарушается и обратная связь между получателем и отправителем сообщений. Нередко имеет место формирование искаженной правовой «картины мира», вследствие чего также активизируются деструктивные процессы в правовом воспитании. Дезорганизация правового воспитания закономерно приводит к деформации правовой культуры, что отражается на поведенческих практиках людей, особенно подрастающего поколения. Ситуация осложняется общим социокультурным и мировоззренческим кризисом современного общества постмодерна, который не позволяет сформировать полноценную систему социокультурных координат личности, что могло бы частично компенсировать проблемы в правовом воспитании и дисфункциях правовой культуры.

1. Честнов И. Л. Правопорядок в ситуации постмодерна // Вестн. Моск. город. пед. ун-та. Сер. Юрид. науки. 2017. № 3. С. 16–22. [Вернуться к статье](#)
2. Карнаушенко Л. В. Правовая социализация в условиях общества постмодерна: некоторые проблемные аспекты // Общество и право. 2021. № 1. С. 98–101. [Вернуться к статье](#)
3. Медведева Е. Е., Шапошникова Ю. С. Правовое воспитание несовершеннолетних как основа безопасности детства // Управление рисками, влияющими на уровень социальной безопасности детства : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Екатеринбург, 13–14 нояб. 2014 г. / отв. ред. Е. В. Патраков. Екатеринбург : УрФУ, 2015. С. 141–148. [Вернуться к статье](#)
4. Лассуэлл Г. Д. Техника пропаганды в мировой войне / пер. с англ. В. Г. Николаева. М. : ИНИОН РАН, 2021. 237 с. [Вернуться к статье](#)
5. Кравцов Р. В. Правовое воспитание личности в контексте аксиологии права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Челябинск, 2006. 168 л. [Вернуться к статье](#)
6. Стреляева В. В. Правовое воспитание в условиях становления правового государства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2006. 183 л. [Вернуться к статье](#)
7. Костина К. А. Правовое воспитание в России и его значение в формировании правовой культуры // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. 2013. № 5. С. 266–270. [Вернуться к статье](#)
8. Петручак Л. А. Правовая культура современного российского общества: теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. М., 2012. 453 с. [Вернуться к статье](#)
9. Славова Н. А. Правовая культура: понятие и функции // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2020. № 3. С. 48–55. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.97

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРИЗИСНЫХ КОМНАТ

О. В. Катушонок

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
старший преподаватель кафедры конституционного и уголовного права,
магистр юридических наук

***Аннотация.** Данная статья анализирует проблемные вопросы в деятельности кризисных комнат. Обращается внимание на негативное влияние этих проблем на эффективность оказания помощи жертвам домашнего насилия. Проведенный социологический опрос показал, что в полоцком регионе женщины не осведомлены о деятельности кризисных комнат, что не позволяет использовать в полной мере их потенциал.*

***Ключевые слова:** домашнее насилие, жертва, помощь, кризисная комната, шелтер.*

***Annotation.** This article analyzes problematic issues in the activities of crisis rooms. These problems have a negative impact on the effectiveness of providing assistance to victims of domestic violence. The conducted sociological survey showed that in the Polotsk region, women are not aware of the activities of crisis rooms.*

***Keywords:** domestic violence, victim, help, crisis room, shelter.*

В Республике Беларусь осуществлением виктимологической профилактики на индивидуальном уровне занимаются территориальные центры социального обслуживания населения, на базе которых действуют кризисные комнаты. В настоящее время таких комнат больше 130, при этом в Витебской, Могилевской и Минской областях они открыты во всех районах.

Деятельность указанных учреждений направлена на оказание гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, содействия в восстановлении способности к жизнедеятельности в социальной среде. Кризисные комнаты предоставляют собой временный приют гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации, в том числе пострадавшим от домашнего насилия. Жертвы домашнего насилия, обратившиеся в кризисные комнаты, могут получить психологическую, социальную, юридическую и другие виды помощи.

«По данным Министерства внутренних дел, ежегодно за помощью в правоохранительные органы обращается более 10 тыс. людей, пострадавших от домашнего насилия. На профилактическом учете по домашнему насилию состоит около 14 тыс. белорусов» [1]. При этом опубликованные данные о количестве лиц, обратившихся за помощью в кризисные комнаты, свидетельствуют о том, что их потенциал используется не в полной мере. Так, по сведениям

Управления государственной социальной поддержки и социального обслуживания Комитета по труду, занятости и социальной защите Миноблсполкома, в Минской области «за период с 2022 по 2023 гг. в «кризисных» комнатах проживало 212 человек», при этом пострадавших от домашнего насилия только 79 человек, «в 2023 г. — 82 человека, из них пострадавших от домашнего насилия — 21 человек (5 семей с несовершеннолетними детьми)» [2].

Наше исследование показало, что в регионах граждане в большей степени не осведомлены об основных направлениях деятельности и возможностях подобного рода центров поддержки.

Так, нами было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие 125 женщин, проживающих на территории г. Полоцка и г. Новополоцка. На вопрос «Знаете ли вы, что в вашем городе есть кризисные комнаты?» 68,6 % опрошенных заявили, что не знают об этом. Среди тех, кто все же знает, что такие комнаты существуют, только 20 % ответили, что им известно, кому и какую помощь они оказывают. 31,7 % респондентов указали, что слышали о них, но в подробности не вникали. И почти половина тех, кто слышал о существовании кризисных комнат (48,3 %), не осведомлены о той помощи, которую комнаты могут оказать нуждающимся в этом людям.

В ходе проведенного социологического исследования было подтверждено, что пострадавшие от семейного насилия не желают обращаться в кризисные комнаты за помощью. Так, при ответе на вопрос «Если в вашей семье случится домашнее насилие, обратитесь ли вы в кризисную комнату за помощью?» только 6,6 % ответили утвердительно без каких-либо оговорок. Подавляющее же большинство (68,9 %) отметили, что обратятся за помощью только в том случае, если не смогут справиться сами. И почти четверть (24,6 %) ответили на поставленный вопрос «нет».

Среди женщин, отметивших, что в отношении них было совершено домашнее насилие, ни одна не обращалась в кризисную комнату. Также никому не известно, чтобы кто-то из знакомых обращался.

В процессе исследования было установлено, что женщины боятся за свою безопасность, не желают, чтобы о фактах насилия узнали родственники либо знакомые, не верят, что специалисты смогут им помочь в кризисной ситуации. Например, на вопрос о причинах нежелания обращаться в кризисную комнату за помощью (*была предоставлена возможность выбрать несколько вариантов ответов*) по 35,7 % респондентов выбрали варианты «Не думаю, что что-то изменится» и «Не хочу, чтобы о моей проблеме кто-то узнал». Также популярным был ответ «Не знаю ни одного случая, чтобы в кризисных комнатах помогли» — 23,5 %. О том, что это личное дело каждой семьи и посторонние не должны вмешиваться, заявили 12,2 % опрошенных.

Тем не менее при обращении в кризисные комнаты при желании можно сохранить конфиденциальность; работники окажут квалифицированную психологическую и юридическую помощь, при необходимости составят требуемые документы. Срок пребывания в кризисной комнате, как правило, сразу же оговаривается в договоре, но в исключительных случаях он может быть продлен с разрешения директора территориального центра.

Результаты проведенного опроса свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования механизма функционирования кризисных комнат. Территориальные центры социального обслуживания должны активнее распространять информацию о своей деятельности по оказанию помощи жертвам домашнего насилия, используя местные средства массовой информации, Интернет, путем изготовления и распространения буклетов и листовок, а также проведения лекций и семинаров и т. д.

Несмотря на то, что в республике кризисные комнаты действуют уже давно, до сих пор отсутствует единое положение, регулирующее их деятельность. Согласно п. Инструкции о порядке и условиях оказания социальных услуг государственными учреждениями социального обслуживания, положение о кризисной комнате утверждается директором территориального центра [3]. Более того, в соответствии с данной Инструкцией, порядок доступа в кризисную комнату также определяется директором центра. Для установления единых стандартов работы кризисных комнат целесообразно утвердить единое Положение о деятельности кризисных комнат при территориальных центрах социального обслуживания населения на уровне министерства. В этом положении следует определить задачи и порядок работы кризисной комнаты, условия и основания для помещения в нее, права и обязанности сторон, взаимодействие с другими органами, финансирование и иные аспекты.

Одним из проблемных моментов в деятельности кризисных комнат, препятствующих использованию ее потенциала в полной мере, является неосведомленность реальных либо потенциальных жертв домашнего насилия о ее месторасположении. Как отмечается на сайте ГУО «Социально-педагогический центр Полоцкого района», «информация о месте расположения «кризисной» комнаты строго конфиденциальна» [4]. Кроме того, лицо при поступлении подписывает заявление о неразглашении местонахождения кризисной комнаты. В настоящее время получить помощь в кризисной комнате можно по направлению органов по труду, занятости и социальной защите, образования, органов внутренних дел, организаций здравоохранения, других государственных органов и организаций либо обратившись самостоятельно в территориальный центр социального обслуживания населения. Только после этого жертву поместят

в безопасное место. То есть пострадавшее лицо не может самостоятельно в любое время прийти в кризисную комнату и получить там помощь и поддержку.

На наш взгляд, такой подход является не совсем верным. Жертва должна знать, куда обращаться за помощью, чтобы получить ее своевременно, в случае, например, если насилие не реально, а пока лишь есть угроза и оснований для вызова сотрудников органов внутренних дел нет; если нет оснований для обращения в учреждения здравоохранения и т. д. Ранее было установлено, что большая часть преступлений в сфере семейно-бытовых отношений совершается в выходные дни, а также в вечернее время (с 18:00 до 24:00) [5, с. 199]. Однако в вечернее, ночное время, а также выходные и праздничные дни территориальные центры обслуживания населения не работают, поэтому, чтобы получить возможность «укрыться» в кризисной комнате, нужно обращаться в органы внутренних дел. В этой связи считаем необходимым введение в кризисных комнатах должности дежурных специалистов (прежде всего охранника и психолога) для возможности оказания помощи жертвам домашнего насилия в ночное и вечернее время, праздничные и выходные дни.

Полагаем, кризисные комнаты должны быть центрами краткосрочного пребывания жертвы домашнего насилия (5–7 дней) для возможности решения отдельных вопросов, например, о начале административного процесса, вынесении в отношении агрессора защитного предписания и др. При рассмотрении каждого частного случая стоит рассматривать вопрос о вынесении защитного предписания с указанием покинуть жилище в случае, если оно на праве собственности принадлежит обоим супругам. Почему лицо, и так пострадавшее от домашнего насилия, должно еще и претерпевать лишения и проживать (особенно с детьми) вне дома, в то время как агрессор — лицо, пренебрегшее чувствами и здоровьем другого человека, совершившее правонарушение, — будет продолжать пользоваться всеми благами домашнего проживания.

Кризисные комнаты должны быть доступны для жертв домашнего насилия в любое время в течение суток без выходных и праздничных дней для оказания первоначальной психологической и юридической помощи. Данная комната должна находиться под круглосуточной охраной.

В свою очередь, для долгосрочного пребывания жертвы (до 3 месяцев, а в случае необходимости и до 6 месяцев), по аналогии с зарубежными странами следует создавать шелтеры (приюты, убежища). Пребывание жертвы в приюте целесообразно, когда по объективным причинам она не может вернуться в жилище, где проживала ранее (например, жилище принадлежит на праве собственности только агрессору, решается вопрос о разделе совместно нажитого имущества и т. д.). Шелтеры, в отличие от кризисных комнат, должны осуществлять свою деятельность без разглашения информации о своем

местонахождении, чтобы агрессор не мог воздействовать на жертву, когда та не находится под защитой уполномоченных субъектов.

Шелтеры могут создаваться местными исполнительными и распорядительными органами и располагаться либо на территории социальных учреждений, либо как отдельно стоящие здания или быть представлены в виде отдельных квартир многоквартирного жилищного фонда. Шелтеры могут быть и самостоятельными юридическими лицами. Финансироваться такие приюты могут из местного либо республиканского бюджета или за счет пожертвований.

Как видно, в настоящее время в Республике Беларусь потенциал виктимологической профилактики используется недостаточно. Тем не менее мировая практика свидетельствует, что создание приютов-убежищ для жертв домашнего насилия выступает важным звеном в системе мер обеспечения социально-правовой помощи данной категории лиц. Деятельность подобного рода центров помощи особо актуальна для профилактики уголовно ненаказуемого насилия, которое впоследствии может привести к трагедии. В этой связи представляется целесообразным дальнейшее совершенствование деятельности кризисных комнат и шелтеров. В частности, это предполагает:

- разработку и принятие единого Положения о деятельности кризисных комнат при территориальных центрах социального обслуживания населения на уровне Министерства труда и социальной защиты;
- повышение информированности населения о существовании, основных направлениях деятельности и возможностях кризисных комнат;
- открытость деятельности кризисных комнат с возможностью краткосрочного пребывания в них жертв домашнего насилия под постоянной охраной;
- налаживание взаимодействия с различными органами (органами внутренних дел, учреждениями здравоохранения, образования и др.) по выявлению жертв домашнего насилия и направлению их в кризисные комнаты;
- работу в кризисных комнатах дежурных специалистов для возможности оказания помощи жертвам насилия в семье в ночное и вечернее время, праздничные и выходные дни;
- создание шелтеров для долгосрочного пребывания жертв домашнего насилия.

---

1. Чем будет полезен реестр фактов домашнего насилия, который намерены создать в Беларуси [Электронный ресурс] // 1PROF.BY. URL: <https://1prof.by/news/v-strane/chem-budet-polezen-reestr-faktov-domashnego-nasiliya-kotoryj-namereny-sozdat-v-belarusi/> (дата обращения: 06.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. «Кризисная» комната. Рассказываем, что за услуга и как ей воспользоваться [Электронный ресурс] // Мінская праўда. URL: <https://mlyn.by/07022024/krizisnaya->

komnata-rasskazyvaem-cto-za-usluga-i-kak-ej-voispolzovatsya/ (дата обращения: 06.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Инструкции о порядке и условия оказания социальных услуг государственными учреждениями социального обслуживания [Электронный ресурс] : утв. Постановлением М-ва труда и социальной защиты Респ. Беларусь от 26.01.2013 г. № 83. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. «КРИЗИСНАЯ» КОМНАТА для жертв насилия в семье [Электронный ресурс] / ГУО «Социально-педагогический центр Полоцкого района. URL: <https://sps.polotskroo.by/%D0%BE-%D0%BD%D0%B0%D1%81/%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%81%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%B0-%D0%B4%D0%BB%D1%8F-%D0%B6%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B2-%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%8F-%D0%B2-%D1%81%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D0%B5> (дата обращения: 02.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Катушонок О. В. Криминологическое исследование временных закономерностей внутрисемейного насилия // Актуальные проблемы современной юриспруденции : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Орехово-Зуево : ГГТУ, 2017. С. 198–201. [Вернуться к статье](#)

УДК 37.014.15

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

И. В. Корнилова

Институт экономики, управления и права
Московского городского педагогического университета,
старший преподаватель департамента права

***Аннотация.** В статье раскрывается ведущая роль дисциплины «Образовательное право» в формировании правовой культуры будущих педагогов. Изучение основ правового регулирования образовательных отношений, правового статуса участников образовательных отношений позволяет будущим педагогам осуществлять профессиональную деятельность в соответствии с требованиями законодательства, соблюдать права других участников образовательных отношений, разрешать возникающие конфликты правовыми способами.*

***Ключевые слова:** правовое воспитание, правовое образование, правовая культура, правовое сознание, образовательное право, профессиональные компетенции, участники образовательных отношений.*

***Annotation.** The article discloses the leading role of a discipline «Educational law» in forming legal culture of future teachers. studying the basics of legal regulation of educational relations and legal status of participants of educational relations allows the future teachers to carry out their professional activity in accordance with the legal requirements, observe the rights of other participants of educational relations, solve the emerging conflicts by legal means.*

***Keywords:** legal education, legal culture, legal consciousness, educational law, professional competencies, participants in educational relations.*

Педагогические работники играют ведущую роль в формировании правовой культуры обучающихся, особенно если речь идет о несовершеннолетних обучающихся, осваивающих основные и дополнительные общеобразовательные программы. Высокий уровень правовой культуры, развитое правосознание педагога обеспечивают соблюдение норм законодательства и профессиональной этики при взаимодействии с другими участниками образовательного процесса, позволяют использовать правовые механизмы для разрешения возникающих конфликтов. Рассматривая правовое воспитание и просвещение как «важные и неразрывные стороны педагогической деятельности» [1, с. 45–46], учитывая, что частью системы правового воспитания является и антикоррупционное воспитание [2, с. 12–14], нужно признать, что полноценная подготовка студентов-педагогов в организациях высшего образования невозможна

без изучения образовательного законодательства и формирования навыков практического применения правовых норм в профессиональной деятельности.

Формирование правовой культуры граждан, правовое воспитание и обучение являются важной частью государственной политики Российской Федерации [3, с. 329]. В настоящее время государственную политику Российской Федерации в этой сфере регулируют два основных документа: «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», утвержденные Президентом 28 апреля 2011 г. [4], и «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденная распоряжением Правительства от 29 мая 2015 г. № 996-р [5]. Первым документом предусмотрены конкретные меры государственной политики, соответствующие основным ее целям и направлениям; одной из этих мер в области образования и воспитания подрастающего поколения является повышение уровня правовой грамотности педагогов. Вторым документом в рамках основных направлений воспитания предусмотрено гражданское воспитание, включающее развитие правовой и политической культуры детей. Очевидно, что развитие правовой культуры несовершеннолетних в первую очередь обеспечивается при реализации основных и дополнительных общеобразовательных программ, и ведущую роль в этом процессе играют педагогические работники. Педагогам требуются не только конкретные правовые знания, но и определенный уровень развития правосознания, правовой культуры в целом, который позволит сформировать высокий уровень профессиональной идентичности, обеспечивающий «эффективное решение профессиональных вопросов, проблем, качественное выполнение работы, сотрудничество с членами профессиональной группы» [6, с. 113].

Основываясь на аксиологическом подходе к понятию «правовая культура» и понимая ее как «особый вид духовной культуры, представляющий собой сложную систему правовых ценностей» [7, с. 31], предлагаем рассмотреть опыт формирования правовой культуры студентов-педагогов в ГАОУ ВО МГПУ.

Основной учебной дисциплиной, в рамках которой происходит формирование правовой культуры педагога, является «Образовательное право». В ГАОУ ВО МГПУ эта дисциплина уже более десяти лет входит в учебные планы бакалавриата по укрупненной группе направлений подготовки 44.00.00 «Образование и педагогические науки». Дисциплина входит в Психолого-педагогический модуль, промежуточная аттестация по которому организована в форме защиты образовательного продукта — итогового проекта по одной из дисциплин и практик, входящих в состав модуля, который выбирается для студента случайным образом. В модуль включены, помимо образовательного права, такие дисциплины, как «Педагогика», «Психология»,

«Специальное и инклюзивное образование», а также практики, в том числе психолого-педагогическая и социальная. По образовательному праву представляемый на экзамене образовательный продукт — «Правовой анализ конфликтной или управленческой ситуации», который предполагает поиск студентом правовых механизмов решения конфликта или управленческой ситуации, с которыми он столкнулся в ходе психолого-педагогической практики. Таким образом, обучающимся по программам бакалавриата нужно продемонстрировать в ходе промежуточной аттестации не только теоретические знания, но и практические навыки применения законодательства, судебной практики в конкретных ситуациях, умение толковать правовые нормы. Автором был проведен анализ результатов подготовки образовательного продукта, который позволяет сделать определенные выводы. В первую очередь, отметим, что большинство студентов-педагогов воспринимают образовательную деятельность как деятельность конфликтную. Более 90 % выбрали именно конфликтные ситуации для анализа: 25 % — это нарушение обучающимися учебной дисциплины, 25 % — нарушение прав обучающихся образовательными организациями (в большинстве случаев это применение методов обучения и воспитания, связанных с насилием, неправомерный отказ в приеме в образовательную организацию), 20 % — предъявление неправомерных требований к одежде и внешнему виду обучающихся, 10 % — конфликты, связанные с созданием специальных условий получения образования обучающимся с ОВЗ, по 5 % — обеспечение обучающихся учебной литературой и использование мобильных средств связи. Оставшиеся 10 % — это разнообразные управленческие ситуации и другие конфликты, например, нарушения трудовых прав работников, организации психолого-педагогической практики. Таким образом, очевидно, что в рамках изучения дисциплины на первый план выходит изучение особенностей правового статуса участников образовательных отношений, компетенции организаций, осуществляющих образовательную деятельность, предусмотренных образовательным законодательством способов защиты прав участников образовательных отношений. Во-вторых, при разрешении конфликтных ситуаций (до момента окончания изучения курса) студенты ориентируются на сложившуюся практику, опыт деятельности, собственные представления, а не на нормативную базу. Представляется обоснованным утверждение, что значительная часть конфликтов в образовательной среде является следствием незнания участниками образовательных отношений своих прав и обязанностей, ограничений, установленных образовательным законодательством в целях защиты права на образование, несформированности понимания системы правового регулирования образовательных отношений в целом. Таким образом, незнание порождает конфликты, которых можно было бы избежать, ориентируясь

в профессиональной деятельности на правовые нормы. В-третьих, по окончании изучения дисциплины студенты в подавляющем большинстве случаев способны правильно находить правовое решение ситуации, умеют подбирать нормативные правовые акты и локальные нормативные акты образовательной организации, регулирующие конкретные правоотношения, демонстрируют готовность руководствоваться в своей профессиональной деятельности правовыми нормами, проявляют нетерпимость к коррупционному поведению. Таким образом, можно утверждать, что изучение образовательного права дает студентам-педагогам возможность по-новому посмотреть на взаимоотношения между педагогическими работниками, обучающимися, их родителями (законными представителями), образовательной организацией и стимулирует построение этих отношений на основе взаимного уважения, соблюдения норм законодательства (в том числе требований, установленных профессиональными стандартами), формирует устойчивые представления о профессиональной этике.

---

1. Корчагина Т. В., Николаев А. И. Правовое воспитание в современных реалиях // Вестн. МГПУ. Сер. Юрид. науки. 2021, № 4 (44). С. 42–47. [Вернуться к статье](#)

2. Антикоррупционное правовое воспитание: науч.-практ. пособие / Д. А. Пашенцев [и др.] ; под ред. Д. А. Пашенцева. М. : Проспект, 2020. 144 с. [Вернуться к статье](#)

3. Корнилова И. В. Реализация права на образование в области прав человека при подготовке будущих педагогов // Основные тенденции и перспективы развития современного права : материалы ежегод. Междунар. науч. конф. памяти проф. Феликса Михайловича Рудинского. М. : МГПУ : Белый ветер, 2018. С. 327–331. [Вернуться к статье](#)

4. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [Электронный ресурс] : утв. Президентом Рос. Федерации 28 апр. 2011 г., № Пр-1168. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Рос. Федерации, 29 мая 2015 г., № 996-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. Федорова Е. М., Гаврилова Ю. В. Формирование профессиональной идентичности обучающихся по специальности «Юриспруденция» в образовательных организациях высшего образования // Вестн. МГПУ. Сер. Юрид. науки. 2022, № 4 (48). С. 108–118. [Вернуться к статье](#)

7. Павленко Е. М. Образование в области прав человека как основа формирования правовой культуры и культуры прав человека в Российской Федерации : моногр. М. : Права человека, 2016. 216 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.114.5

ФОРМИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ВУЗЕ**Т. К. Красильникова**

Институт экономики, управления и права
Московского городского педагогического университета,
старший преподаватель Департамента права,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** В данной статье рассматривается значение формирования корпоративной культуры, воспитания корпоративного патриотизма у студентов, обучающихся по программам высшего образования. Автор обращает внимание на необходимость введения в программы высшего образования такого образовательного компонента, как обучение служением, который Министерство науки и высшего образования Российской Федерации планирует ввести в 2024 году с начала нового учебного года в высших учебных заведениях Российской Федерации. В статье показано, каким образом обучение служением, а также другие способы популяризации профессий будут способствовать формированию чувства гордости за принадлежность к образовательной организации, рассмотрению ее целей и ценностей как своих собственных; вовлеченности в деятельность организации; лояльности к организации, а также ко всему профессиональному сообществу — готовности отстаивать их интересы.*

***Ключевые слова:** корпоративная культура, корпоративные ценности, корпоративный патриотизм, обучение служением.*

***Annotatoin.** This article examines the importance of forming a corporate culture, fostering corporate patriotism among students enrolled in higher education programs. The author draws attention to the need to introduce into higher education programs such an educational component as ministry training, which the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation plans to introduce in 2024 from the beginning of the new academic year in higher educational institutions of the Russian Federation. The article shows how service training, as well as other ways to popularize professions, will contribute to the formation of a sense of pride in belonging to an educational organization, considering its goals and values as one's own; involvement in the activities of the organization; loyalty to the organization, as well as to the entire professional community — willingness to defend their interests.*

***Keywords:** corporate culture, corporate values, corporate patriotism, service training.*

В высшие учебные заведения Российской Федерации каждый год поступает несколько сот тысяч абитуриентов. Многие из них сознательно выбирают тот или иной вуз. Широко известны актерские династии, династии военных, дипломатов, инженеров, врачей, государственных служащих (или чиновников).

Значительная часть молодых людей поступают в вузы под влиянием хорошо поставленной рекламы, работы вузов по профессиональной ориентации старшеклассников.

Выбор будущей профессии многое определяет в жизни человека, является для большинства молодых людей судьбоносной вехой. К сожалению, часть обучающейся молодежи разочаровывается в будущей профессии, меняет высшее учебное заведение или вообще бросает учебу.

Перед каждым вузом стоит задача подготовить высококвалифицированных специалистов, сознательных граждан и патриотов своей страны.

Одной из весьма важных задач в сфере гражданско-патриотического воспитания является формирование корпоративного патриотизма, смысл которого заключается в добрых чувствах, привязанности и даже любви по отношению к той организации, где вначале овладевает знаниями и приобретает определенные навыки и умения молодой человек, а затем к тому учреждению, предприятию, совокупности людей, составной частью которой в силу своей профессиональной деятельности он становится.

Понятие «корпорация» образовалось от новолатинского слова *corporation* и переводится как «объединение». Под корпорацией обычно понимается совокупность физических лиц, которые объединяются для достижения какой-либо цели и образуют самостоятельный субъект права — юридическое лицо. На протяжении двух тысячелетий в различных странах возникало немало самых разнообразных корпораций, большинство из которых обычно основывалось на каких-то общих экономических, профессиональных и иных интересах, объединявших людей.

В советский период корпоративный дух рассматривался как средство сплочения работников корпорации в борьбе за достижение корпоративных целей.

Обучение в высшем учебном заведении призвано у большинства студентов сформировать основы корпоративного патриотизма, помочь молодым людям понять особенности корпоративного взгляда на мир, специфику корпоративного духа. Возможности корпоративного воспитания в вузе связаны с тем, что на протяжении всего периода обучения будущий специалист готовится к деятельности в определенной области общественной жизни — в промышленности, сельском хозяйстве, в учреждениях сфер образования, культуры, обслуживания и т. д. [1, с. 93].

Так как в системе высшего образования России до настоящего времени не уделялось должного внимания практико-ориентированному обучению, где полученные академические знания могли применяться в реальных социальных условиях для решения актуальных для общества задач как предметного, так и

надпредметного свойства, то 16 февраля 2024 года Министерство науки и высшего образования Российской Федерации объявило о реализации с начала нового учебного года федеральной программы «Обучение служением». Цель данной программы — поднять престиж профессий, авторитетность профессиональных сообществ. Она направлена на развитие у обучающихся гражданской ответственности, патриотизма, лидерства, гражданской солидарности и традиционных ценностей путем решения социально значимых задач в рамках основной образовательной программы.

Полноценному достижению целей формирования гражданской ответственности может способствовать основанный на проектном методе педагогический подход «Обучение служением». Этот подход ставит перед собой в качестве главной цели достижение образовательных результатов путем реализации студентами социально ориентированных проектов и применение в них профильных для направления подготовки знаний и умений, полученных обучающимися в ходе освоения образовательной программы. Важнейшей особенностью социально ориентированной проектной деятельности студентов в соответствии с подходом «Обучение служением» является взаимодействие с внешними партнерами для решения насущных проблем и удовлетворения актуальных потребностей реальных людей, сообществ и общества в целом. Обучение служением позволяет обучающимся внести свой вклад в развитие общества и при этом глубже освоить свою образовательную программу, а также осознать роль и значение своей будущей профессии.

Обучение служением имеет целью не только академические достижения студентов, но и воспитание в них чувства гражданской ответственности, солидарности и желания вносить свой вклад в развитие общества. В обучении служением преподаватели выполняют функции наставников, обеспечивающих обучающимся необходимую свободу деятельности и одновременно поддержку и формирующее оценивание во время реализации общественного проекта. Таким образом, обучение служением дает обучающимся возможность применить академические знания к решению социально значимых, профессиональных проблем.

В рамках освоения компонентов данного модуля обучающиеся должны продемонстрировать достижение следующих образовательных результатов:

1. Командная работа и лидерство.
2. Гражданская идентичность и солидарность. Обучающиеся осознают свою гражданскую идентичность – чувствуют принадлежность к государству, обществу, культурному и языковому пространству страны, региону; проявляют активную гражданскую позицию и гражданскую солидарность.
3. Развитие убеждений и ценностных ориентаций.

4. Осознанность. Обучающиеся осознанно используют академические знания и умения для достижения целей общественного развития.

5. Коллективизм и созидательный труд. Обучающиеся демонстрируют способность сочетать собственные интересы с общественными и государственными в рамках конструктивной деятельности; нацелены на получение общественно полезного результата.

6. Профессионализм и ответственность. Обучающиеся способны развивать и использовать свои профессиональные компетенции при реализации общественно значимых проектов; владеют умениями по организации и планированию различных видов профессиональной деятельности, навыками профессионального взаимодействия.

Кроме реализации новых федеральных программ в сфере высшего образования, не менее важная задача — поддержать уже имеющуюся практику знакомства студентов с историей вуза, той отрасли знаний, которая соответствует направлению подготовки, специальности обучающихся. Обучающиеся должны быть знакомы с легендарными, знаковыми фигурами основателей, ректоров вузов, тех выпускников, которые удостоились высоких правительственных званий, наград, отличий. Должно сформироваться чувство гордости за свою альма-матер, желание умножать и приумножать достижения ее преподавателей и выпускников.

На третьем и четвертом курсах студенты сосредотачиваются на изучении специальных предметов. Некоторые, особенно плохо успевающие студенты, на этом этапе принимают решение о выборе какой-то другой специальности. В этом плане стоит вспомнить об известном принципе: практика — критерий истины. Написание лабораторных, курсовых, а затем и выпускной квалификационной работы, участие в научно-исследовательской работе студентов, в научных работах, которые кафедры выполняют по хозяйственным договорам, — все это погружает студента в профессию, позволяет ему почувствовать вкус творческой, самостоятельной, результативной работы.

В ряде российских вузов успешно реализуется проект «Путь к успеху», который является информационно-образовательной и дискуссионной площадкой, обеспечивающей ее участникам возможность формирования ряда обще-профессиональных компетенций. На площадке данного проекта организуются встречи с известными людьми региона: ведущими экономистами, юристами, политиками, общественными деятелями, деятелями культуры и искусства, спортсменами, представителями научно-академических кругов и бизнеса. Это живое общение, описание конкретных производственно-жизненных ситуаций, противоречий и проблем, с которыми молодым специалистам придется

столкнуться в своей профессиональной деятельности, поистине бесценно [2, с. 42–43].

Важным способом познания будущей профессии для многих студентов была производственная практика. В условиях постсоветской России при организации и проведении производственной практики появилось огромное множество проблем. Сами студенты стали рассматривать производственную практику как благоприятную возможность обеспечить себе будущее трудоустройство, так как система государственного распределения молодых специалистов фактически прекратила свое существование, а в целом ряде сфер деятельности в различных регионах возникла устойчивая безработица. Родственные связи, нужные знакомства стали играть еще большую роль, чем в советский период. На старших курсах главной проблемой для практичных молодых людей, думающих о своем будущем, становится поиск такой организации, в которой готовы взять на работу молодого специалиста и не предъявлять ему целого ряда дискриминационных требований.

Итак, формирование корпоративной культуры в вузе не противоречит освоению студентами ценностей общероссийского гражданского патриотизма. Напротив, работа в этом направлении позволяет молодым людям найти свое место в современном российском обществе, чувствовать себя полезными и ответственными гражданами своей страны, с уважением относиться к людям своей профессии, к своему образовательному учреждению, которое становится трамплином для того, чтобы стать высококвалифицированными специалистами, востребованными на рынке труда.

---

1. Красильникова Т. К. Национальное самосознание и корпоративная природа патриотизма // Идеологические координаты России в условиях противостояния с Западом: философские, исторические и государственно-правовые вопросы (памяти А. В. Давиденко) : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. М. : Моск. ун-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации им. В. Я. Кикотя, 2023. С. 91–94. [Вернуться к статье](#)

2. Платова Е. Э., Сафин Ф. Ю., Фортунатов В. В. Воспитание студентов в современных условиях: проблемы и пути их решения / под ред. проф. А. А. Оводенко. СПб., 2016. 233 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК В РАЗВИТИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ

М. И. Кулешов

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, руководитель юридической клиники Института права и предпринимательства, преподаватель кафедры русского, иностранных языков и культуры речи

Аннотация. В статье юридическая клиника рассматривается как составляющая системы развития правового общества. Специфика деятельности юридических клиник направлена не только на правовое воспитание студентов, но и на правовое просвещение населения, что, в свою очередь, повышает правовую грамотность и, как следствие, правовую культуру личности каждого.

Ключевые слова: юридическая клиника, правовая культура, правовое воспитание, практическая деятельность, правовое просвещение, правовое общество.

Annotation. In this article the legal clinic is considered as a component in the development system of a legal society. The specific activities of legal clinics are aimed at legal education not only for students, but also for legal education of the population, which in turn increases legal literacy and, as a result, the legal culture of each individual.

Keywords: legal clinic, legal culture, legal education, practical activity, legal society.

Правовая культура как населения, так и отдельных лиц является неотъемлемым элементом с точки зрения реализации таких базовых ценностей и принципов жизни общества, как верховенство закона; приоритет человека, его неотчуждаемых прав и свобод; обеспечение надежной защищенности публичных интересов. Именно высокий уровень правовой культуры лежит в основе формирования гражданского общества, модернизации правовых отношений и усиления правовых основ в повседневной жизни общества.

Необходимо отметить, что начало разработки теоретической конструкции «правовая культура» в советской юридической науке определяется введением данного термина в научный оборот советскими теоретиками права С. С. Алексеевым и И. Е. Фарбером на рубеже 50–60-х годов XX в.

Исходя из того, что в современной науке выделяются различные подходы к изучению данного понятия, к элементам правовой культуры относят как степень правового развития таких компонентов системы правовой жизни общества, как правовые тексты, правовая деятельность, правовое сознание, так и право, правоотношения, правовые учреждения, правосознание, правовое поведение [1, с. 4].

Нельзя не согласиться с И. А. Демидовой, которая утверждает следующее: «Правовая культура является собой социально-правовой феномен, часть общественной культуры. Как социально-правовое явление она формируется под воздействием совокупности факторов культурного и правового порядка, что устанавливает сложность ее познания. В качестве объекта исследования правовая культура находится в поле зрения многих наук — культурологии, социологии, политологии, истории и ряда других. Как социально значимый феномен современности правовая культура требует осмысления прежде всего с позиций теоретического юридического знания в силу “завязанности” на развитии и функционировании права, которое меняется вместе с обществом» [2, с. 4].

В целях обеспечения развития правовой культуры в 2011 г. Президентом Российской Федерации были утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», в которых закрепляется, что к факторам, оказывающим влияние на формирование правовой культуры, относятся в том числе распространение и использование доступных для восприятия информационных материалов, формирующих правовую грамотность и правосознание населения, в печатном, электронном, аудиовизуальном и ином виде, а также с помощью средств массовой информации, и доступность для граждан квалифицированной юридической помощи; неукоснительное соблюдение адвокатами и нотариусами, иными частнопрактикующими юристами в их профессиональной деятельности норм закона и профессиональной этики [3, с. 4]. Именно в этих направлениях задействованы юридические клиники при высших учебных заведениях.

Согласно ст. 22 Федерального закона Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», за юридическими клиниками закрепляется статус полноценных участников в системе оказания бесплатной юридической помощи населению [4, с. 4]. Таким образом, деятельность юридических клиник направлена на квалифицированное оказание бесплатной юридической помощи населению, а также на реализацию мер по правовому просвещению населения.

Юридическая помощь, предоставляемая юридическими клиниками, предназначена для широкого круга лиц, поскольку не ограничена лишь субъектами, перечисленными в вышеуказанном Законе. Разнообразие запросов и применяемых сфер права позволяет всесторонне подойти к вопросу формирования правовой культуры студентов. Качество оказания юридической помощи гарантируется тем, что студенты применяют на практике полученные теоретические знания, тем самым формируя и улучшая свои профессиональные компетенции, необходимые для осуществления профессиональной деятельности. Отдельно

стоит отметить, что помощь оказывается студентами под руководством преподавателей-кураторов, которые являются практикующими юристами и специалистами в сфере права. За счет осуществления практической деятельности на базе юридической клиники после получения высшего образования в профессиональную среду выходит конкурентоспособный специалист, имеющий реальный опыт практической юриспруденции, уровень компетенций и правовой культуры которого значительно превосходит уровень выпускников, занимавшихся исключительно предусмотренным учебными планами теоретическим обучением.

Однако развитие правовой культуры студентов-клиницистов не единственная функция юридических клиник. В рамках просветительской деятельности юридических клиник проводится ряд в том числе социальных мероприятий. В первую очередь необходимо упомянуть о днях бесплатной юридической помощи, посвященных Дню защиты детей, Дню борьбы с коррупцией и другим, в рамках которых любой желающий без предварительной записи может обратиться за консультацией по интересующим вопросам в сфере права. Зачастую данные мероприятия проводятся совместно с региональными отделениями Ассоциации юристов России, государственными юридическими бюро и другими участниками системы оказания бесплатной юридической помощи, что позволяет расширить круг заявителей, тем самым увеличить охват лиц, получивших бесплатную юридическую помощь.

Помимо прочего, юридическими клиниками разрабатываются различные методические материалы, предназначенные для повышения уровня правовой грамотности населения. К примеру, юридической клиникой Института права и предпринимательства Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева в 2023 г. были подготовлены методические пособия по основным правам граждан, антикоррупции, способам и порядку защиты прав. В данных изданиях приводились основные юридические понятия, раскрывалось содержание упоминаемых правоотношений, пошагово описывались способы защиты таким образом, чтобы любой ознакомившийся с ними человек даже без должной подготовки мог защитить свои законные интересы. В целях увеличения количества получателей данной информации методические материалы распространяются в сети Интернет через официальные социальные сети Университета, Института и непосредственно юридической клиники.

Отдельным направлением юридической клиники является просветительская деятельность для обучающихся школ и учреждений среднего профессионального образования. Так, за 2023/2024 учебный год студентами вышеупомянутой юридической клиники были проведены тематические мастер-классы для лиц, получающих среднее и средне-специальное образование, повышающие

уровень правовой грамотности и, как следствие, правовой культуры населения и общества. Подобные мероприятия позволяют студентам углубиться в содержательную часть изучаемого материала, а также в дальнейшем интерпретировать его с учетом особенностей адресата получаемой информации.

В заключение стоит отметить, что юридическая клиника является действенным механизмом развития правовой культуры личности и общества, поскольку позволяет подходить к этому вопросу комплексно и многоаспектно, то есть не только развивая профессиональные компетенции будущих специалистов в сфере права, но и посредством повышения правовой грамотности населения с точки зрения обеспечения доступности правовой информации, развития системы правового просвещения и информирования граждан, включая развитие информационно-правовых ресурсов и обеспечение эффективного функционирования соответствующих информационно-справочных систем.

---

1. Пырина М. В., Томюк О. Н. Правовая культура: понятие, принципы и факторы ее формирования [Электронный ресурс] // Уральский федеральный университет. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31341/1/spo_2014_35.pdf (дата обращения: 12.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Демидова И. А. Развитие теоретического юридического знания о правовой культуре // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию С.-Петербур. ун-та МВД России) : материалы XX Междунар. науч.-теорет. конф. : в 2 ч. СПб., 2023. С. 1229. [Вернуться к статье](#)

3. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [Электронный ресурс] : утв. Президентом Рос. Федерации, 28 апр. 2011 г., № Пр-1168. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 21 нояб. 2011 г., № 324-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 351.85

**ГЛОБАЛЬНОЕ СЕТЕВОЕ ПРОСТРАНСТВО —
СРЕДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СЛУЖБЫ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ
ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

Е. С. Лапова

Санкт-Петербургский университет МВД России,
адъюнкт кафедры теории и истории государства и права

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам формирования правовой культуры современного общества подразделением Министерства внутренних дел России — службой по связям с общественностью — в условиях цифровизации общественных отношений и использования сети Интернет.*

***Ключевые слова:** служба по связям с общественностью Министерства внутренних дел России, правовая культура, правосознание, Интернет-сайт Министерства внутренних дел России, электронные средства массовой информации.*

***Annotation.** The article is devoted to the formation of the legal culture of modern society by the department of the Ministry of Internal Affairs of Russia — the public relations Service — in the context of digitalization of public relations and use of the Internet.*

***Keywords:** public Relations Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia, legal culture, legal awareness, Website of the Ministry of Internal Affairs of Russia, electronic media.*

Высокий уровень правовой культуры общества — одно из условий формирования правового государства. Основным субъектом формирования правовой культуры является государство [1, р. 01015]. Органы внутренних дел Российской Федерации (далее — ОВД), являясь частью государственного аппарата, посредством которого государство реализует свои функции, посредством разнообразной деятельности, в том числе информационной, оказывают существенное влияние на правовое сознание населения, формируя его отношение к праву, закону, государственной власти и правоохранительным органам [2, с. 106]. Для эффективного управления информационно-коммуникационной деятельностью в государстве Министерство внутренних дел (далее — МВД) России в 1980-х гг. создало специализированную службу по связям с общественностью [3, с. 82], которая в настоящее время в связи с наличием широкого спектра информационно-коммуникационных ресурсов может рассматриваться и как один из важных субъектов формирования правовой культуры современного российского общества [4, с. 27]. В процессе создания и развития службы

по связям с общественностью МВД России как субъекта формирования правовой культуры имели место несколько исторических этапов [5, с. 77–81]. В результате произошла дифференциация и специализация деятельности службы по связям с общественностью, активизация информационно-коммуникационной деятельности МВД в связи с активным освоением глобального информационного пространства.

В настоящее время служба по связям с общественностью МВД России представлена Управлением по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации МВД России (УОС МВД России), системой региональных управлений, отделов, отделений, групп по связям с общественностью, пресс-группами образовательных учреждений МВД и другими структурными единицами [6].

С появлением глобальной компьютерной сети Интернет, обладающей рядом особенностей, не доступных другим средствам массовой информации (далее — СМИ), ее всемирным распространением и доступностью для большинства населения изучение ее информационного влияния на отдельного человека, группы и общество стало иметь определяющее значение для всех организаций, функцией которых является управление обществом [7, с. 57–111]. В начале 2000-х гг. исследования влияния Интернета на сознание отдельной личности и на общественное сознание, в том числе и на правосознание, а также исследования влияния Интернета на процессы социализации и формирование культуры, в том числе и правовой культуры, приобрели новый размах [8]. Однако комплексного исследования участия службы по связям с общественностью МВД России в формировании правовой культуры общества с использованием ресурсов сети Интернет не проводилось.

Глобализация, цифровизация общественных отношений [9, с. 134–137], изменение роли права в системе социального регулирования [10], закрепление в демократических государствах человека, его прав и свобод как высших ценностей [11, с. 7–12] определили особенности трансформации правовой культуры современного общества [12, с. 167–171; 13, с. 86–87; 14, с. 27–33; 15, с. 100–102]. Новые условия и усложнившаяся информационная ситуация потребовали изменений в организации и деятельности государственных органов. Служба по связям с общественностью МВД России приступила к деятельности в глобальном сетевом пространстве, обеспечивая диалог ведомства и граждан в электронном пространстве, обучаясь своевременно реагировать на множество информационных вызовов, заниматься системным анализом информации о деятельности ОВД, прогнозированием, мониторингом общественного мнения [16, с. 4–7]. В середине 2000-х гг. в МВД России были созданы первые ведомственные электронные СМИ, официальный сайт ведомства в сети

Интернет, внедрены современные технологии взаимодействия с журналистами и населением [17, с. 161–162]. В 2013 г. создан новый аппаратно-программный комплекс «Официальный интернет-сайт МВД России» (далее — АПК «ОИС МВД России»), в структуру которого вошли более 100 сайтов различных подразделений и региональных ОВД. Созданы официальные аккаунты МВД во всех популярных социальных сетях [18]. В 2014 г. создано и внедрено мобильное приложение МВД России для смартфонов. По данным, обнародованным УОС МВД России, за 9 лет с 2013 г. количество пользователей АПК «ОИС МВД России» увеличилось с 5 млн до 16 млн, общее количество просмотров всех страниц АПК «ОИС МВД России» составило около 40 млн, интернет-аудитория официальных аккаунтов ведомства в соцсетях в 2022 г. составила более 650 тыс. пользователей [19]. С каждым годом службой по связям с общественностью МВД России проводится все больше мероприятий, направленных на повышение имиджа полиции и ее сотрудников, в которых в 2021 г. приняли участие более 1 млн 300 тыс. граждан [19].

Информационное наполнение электронных площадок и обеспечение нетехнической части коммуникации ОВД России со СМИ и населением обеспечивают сотрудники ведомственной службы по связям с общественностью. Результат такой широкомасштабной информационно-коммуникационной работы проявляется в изменении общественного мнения о деятельности полиции. Социологические опросы показывают тенденции улучшения оценок населением работы полиции по множеству показателей, среди них: доля доверяющих полиции с 2012 по 2018 г. выросла более чем в 1,5 раза — с 35 до 57 % [20], уровень защищенности граждан от преступных посягательств с 2016 к 2023 г. вырос с 36,7 до 59 %, уровень доверия к полиции среди населения — с 47 до 53,3 %, уровень уверенности российских граждан в защищенности своих личных и имущественных интересов от преступных посягательств — с 38,6 до 57,9 % [20; 21]. Согласно опросам, образ полицейского в сознании россиян, скорее, положительный, они видят типичного российского полицейского как опрятного, храброго, дружелюбного, вежливого, сильного и крепкого, грамотного и работающего человека [22].

Исследование формирования правовой культуры общества службой по связям с общественностью МВД России посредством сети Интернет нашло отражение в трудах ученых, изучавших возможности использования коммуникационных и информационных технологий [3, с. 82–85], в анализе функционирования официальных электронных площадок ведомства в сети Интернет как канала распространения правовой информации и средства для осуществления правового воспитания.

Если говорить о правовом информировании посредством Интернета, термин «правовая информация» необходимо понимать в широком смысле: правовая информация — вся совокупность сведений о праве и связанных с ним процессах и явлениях; совокупность норм, знаний и информации, определяющих поведение личности и социальных групп в правовой сфере, где правовая информация рассматривается под углом социального механизма действия права, который зависит от многих факторов [7, с. 37–38].

«Правовая информация» в узком смысле — такая информация, которая содержится на электронных площадках МВД России и представлена на АПК «ОИС МВД России» в разделе «Правовое информирование» во вкладке «Документы» [23].

Правовая информация в широком смысле представлена на АПК «ОИС МВД России» в прочих вкладках раздела «Правовое информирование», среди которых вкладка, содержащая информацию Договорно-правового департамента МВД России, вкладки «Новости законодательства», «Мониторинг правоприменения», «Правовая помощь несовершеннолетним», «Бесплатная юридическая помощь» и др. [24].

Всю остальную информацию, представленную на электронных площадках МВД России [24], следует рассматривать как правовую в самом широком смысле. К такой информации можно отнести:

- информацию о ежедневной деятельности ОВД, подразделениях ОВД, сотрудниках полиции, взаимодействии органов правопорядка и общественности, представленную в разделе «Новости» [24];
- информацию в разделе «Статистика и аналитика», содержащем актуальные и архивные данные о состоянии преступности [24];
- информацию раздела «Для граждан», позволяющего подать обращение в ОВД, предоставляющего обзоры обращений граждан и ответы на распространенные обращения [24];
- информацию раздела «Открытые данные», содержащего сведения о дорожно-транспортных происшествиях, результатах расследования преступлений, об осуществлении государственного контроля (надзора), безопасности дорожного движения [24];
- информацию раздела «Противодействие коррупции» [24];
- информацию раздела «Общественный совет при МВД России» [24];
- информацию раздела «МВД Медиа», содержащего вкладки «ТВ МВД» и радио «Милицейская волна» [24];
- информацию раздела «Общественное мнение», содержащего результаты социологических исследований по изучению общественного мнения

о деятельности полиции России и итоги опросов посетителей сайта, а также позволяющего всем желающим поучаствовать в таких опросах онлайн [24];

– информацию раздела «Наши проекты» во вкладке «Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации», объединившего данные обо всех информационно-коммуникационных акциях и проектах УОС МВД России и представляющего широкий спектр возможностей для взаимодействия ОВД с общественностью [24];

– информацию официальных страниц ведомства в социальных сетях [25], представляющих краткое содержание информации, размещенной на страницах официального Интернет-сайта МВД России, и дающих возможность для неформальной обратной связи с населением в виде сообщений, комментариев и эмоциональных реакций (эמודзи);

– информацию во множестве других электронных площадок АПК «ОИС МВД России» [24] (все эти площадки, информация, представленная на них, и интерактивные возможности являются инструментами формирования правовых установок, правового сознания и правовой культуры).

Необходимо учитывать, что влияние сети Интернет на правовую культуру амбивалентно и имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Специфика влияния сети Интернет на правовую культуру обусловлена особенностями сетевого пространства, правовой культуры аудитории, поведения социума в виртуальных средах [7, с. 37–38]; детерминирована большим количеством различных акторов, действующих в сети Интернет и целенаправленно или опосредованно влияющих на правовое сознание общества, различных групп и личности; обусловлена особенностями процесса, методов и средств правового воспитания в сетевом пространстве, особенностями механизма влияния сети Интернет на формирование правовой культуры, состоящей в том, что любое информационно-коммуникативное воздействие на сознание человека целесообразно рассматривать как вид управляющего воздействия [7, с. 37–38; 26, с. 12, 20–24].

Посредством ведомственных электронных информационных площадок сотрудники службы по связям с общественностью МВД России осуществляют управляющее воздействие на СМИ, активную общественность, взаимодействующую с ОВД, различные группы населения и отдельных личностей, составляющих аудиторию указанных площадок.

Таким образом, служба по связям с общественностью как субъект формирования правовой культуры в условиях глобального сетевого пространства представляет собой:

- 1) особую информационно-коммуникационную среду, детерминированную возможностями и особенностями сети Интернет;
- 2) сложную технологию социального управления, включающую:
  - совокупность операционных процедур по наполнению ведомственных электронных платформ правовой информацией;
  - систему информационно-коммуникационной деятельности в сфере правового воспитания, обусловленную аудиторией, а также спецификой виртуальной среды и поведением социума в виртуальной среде;
  - специфическую систему и структуру управления информационно-коммуникационной деятельностью в виртуальной среде;
  - среду взаимодействия в виде аудитории, частью которой являются сотрудники ОВД России и обучающиеся в системе образования МВД России;
  - совокупность последствий информационно-коммуникационной деятельности на правовую культуру личности, групп, общества.

Научный анализ указанных составляющих поможет раскрыть потенциал службы по связям с общественностью МВД России как субъекта формирования правовой культуры.

---

1. State and law: transformation vectors in modern conditions / N. S. Nizhnik [et al.] // SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». Kaliningrad, 2021. P. 01015. [Вернуться к статье](#)

2. Нижник Н. С. Правовая культура как детерминанта эффективности осуществления полицейской деятельности [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2023. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 106–114. [Вернуться к статье](#)

3. Лапова Е. С. Служба по связям с общественностью МВД России — субъект формирования правовой культуры современного российского общества // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : материалы всерос. науч.-практ. конф. адъюнктов, аспирантов и соискателей, Санкт-Петербург, 23 дек. 2022 г. / сост. Э. Р. Миргородская. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2022. С. 81–86. [Вернуться к статье](#)

4. Лапова Е. С. Участие служб по связям с общественностью МВД России в формировании правовой культуры общества — предмет исследований в современной Российской науке // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2023. № 1 (97). С. 27–37. [Вернуться к статье](#)

5. Лапова Е. С. Средства массовой информации как субъект формирования образа сотрудника органов внутренних дел в контексте эволюции Российского государства // [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.:

И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2023. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 76–82. [Вернуться к статье](#)

6. Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел Рос. Федерации. URL: <https://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/uos> (дата обращения: 11.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Лебедева Н. Н. Право. Личность. Интернет. М. : Волтерс Клувер, 2004. 170 с. [Вернуться к статье](#)

8. Лебедева Н. Н. Правовая культура личности и Интернет: теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2004. 211 л. [Вернуться к статье](#)

9. Нижник Н. С., Алиев Я. Л. Доктрина юридического прогнозирования: определение сценариев развития государственно-правовых явлений // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 26 марта 2021 г. / под общ. ред. А. И. Каплунова. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2021. С. 133–138. [Вернуться к статье](#)

10. Законность как основополагающее начало российского права / Н. С. Нижник [и др.]. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2021. 328 с. [Вернуться к статье](#)

11. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Права человека — проблема актуального юридического и политического дискурса // Гражданское общество в России и за рубежом. 2024. № 1. С. 8–13. [Вернуться к статье](#)

12. Демидова И. А. Правовая культура современного белорусского общества: методология исследования, вопросы понимания и совершенствования. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2021. 396 с. [Вернуться к статье](#)

13. Кордобовская К. Е. Правовой инфантилизм как явление современной правовой действительности // XI Балт. юрид. форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии» : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Калининград, 16 дек. 2022 г. / отв. ред. С. В. Векленко. Калининград : Калинингр. фил. С.-Петерб. ун-та МВД России, 2023. С. 86–87. [Вернуться к статье](#)

14. Демидова И. А. Современное общество как среда и детерминанта развития правовой культуры (опыт теоретико-правового анализа) // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2023. № 2 (98). С. 26–35. [Вернуться к статье](#)

15. Кордобовская К. Е. О детерминантах деаксиологизации правового сознания в условиях современности // Санкт-Петербургские встречи молодых ученых : материалы I всерос. конгресса адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней, Санкт-Петербург, 15 июня 2023 г. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2023. С. 100–103. [Вернуться к статье](#)

16. Коробов В. Б. Реализация принципов открытости и публичности в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Тр. Акад. упр. МВД России. 2013. № 2 (26). С. 3–8. [Вернуться к статье](#)

17. Сойников С. А. Некоторые аспекты повышения эффективности деятельности милицейских средств массовой информации // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2008. № 11. С. 161–163. [Вернуться к статье](#)

18. О вводе в эксплуатацию аппаратно-программного комплекса «Официальный интернет-сайт МВД России» [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел России, 14 янв. 2013 г., № 15 // М-во внутр. дел Рос. Федерации. URL:

<https://дпд.мвд.рф/документы/нормативные-правовые-акты-мвд-россии/item/15923596> (дата обращения: 08.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

19. История УОС. Исторический формуляр УОС МВД России [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел Рос. Федерации. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/uos/history_UOS (дата обращения: 06.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

20. Профессия: полицейский. Доля россиян, декларирующих доверие сотрудникам полиции своего региона, достигла максимума за весь период наблюдений [Электронный ресурс] // Всерос. центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-policeiskii> (дата обращения: 14.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

21. Общественное мнение. О результатах изучения общественного мнения о деятельности полиции Российской Федерации в 2023 году по данным ФГКУ «ВНИИ МВД России» [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел Рос. Федерации. URL: <https://мвд.рф/publicopinion> (дата обращения: 13.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

22. Стражи порядка: мониторинг отношения общества к российской полиции [Электронный ресурс] // Всерос. центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/strazhi-porjadka-monitoring-otnosheniya-obshchestva-k-rossiiskoi-policii> (дата обращения: 14.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

23. Правовое информирование [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел Рос. Федерации. URL: https://мвд.рф/help/legal_info (дата обращения: 12.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

24. Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 12.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

25. Министерство внутренних дел Российской Федерации ВКонтакте: официальная страница [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/mvd> (дата обращения: 10.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

26. Курносенко А. А. Интернет в процессе формирования правовой культуры молодежи в условиях трансформирующегося российского общества : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. Краснодар, 2016. 172 л. [Вернуться к статье](#)

УДК 316.624

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖИ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

С. Н. Лихачева

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
заведующий кафедрой политологии и социологии,
кандидат социологических наук, доцент

Аннотация. Рассматриваются особенности формирования личности молодежи в современных условиях. На основе материалов социологического исследования, проведенного в Могилевской области, изучаются основные проблемы молодежи, в том числе риски совершения девиантных поступков.
Ключевые слова: формирование личности, молодежь, социальные проблемы, профилактика девиантного поведения.

Annotation. The features of the formation of the personality of young people in modern conditions are considered. Based on materials from a sociological study conducted in the Mogilev region, the main problems of young people are studied, including the risks of committing deviant acts.
Keywords: personality formation, youth, social problems, prevention of deviant behavior.

Проблемы формирования человека, его целостности и гармоничности, социальной и духовной активности и свободы всегда находятся в центре внимания социально-гуманитарных дисциплин. Современные социальные изменения происходят на фоне интенсивного развития информационных технологий, научно-технических достижений и урбанизации, которые меняют культурный, социально-бытовой, образовательный облик общества.

Формирование личности — исключительно сложный процесс, в котором, как указывал В. Т. Лисовский, равнодействуют три фактора: совокупность объективных условий, или социальная среда, в которой человек находится; целенаправленное воздействие общества, т. е. воспитание в широком смысле слова; сама личность как активный субъект, избирательно относящийся к направленным на него воздействиям [1, с. 168]. Обеспечивая широкие возможности выбора деятельности и самореализации личности, современное общество вместе с тем обуславливает и меньшую субъективную удовлетворенность индивида различными сторонами жизни, что требует от него активного поиска, мобильности, то есть готовности изменить, модифицировать какие-то черты своего поведения, сменить социальную роль. В такой ситуации может возникать распространение склонностей молодых людей к девиантному поведению, что грозит обществу дисфункцией, нарушением социального порядка.

Молодежь в ходе своего социального становления всегда сталкивалась с немалыми проблемами. Наряду с традиционными — получение профессии, трудоустройство, жилье — современные общественные изменения, развитие технологий добавляют новые, с которыми не сталкивались прежние поколения молодых. Исследование, проведенное отделом социологических исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство “Могилевские ведомости”» в Могилевской области в 2023 году, показало, какие проблемы в своей жизни молодежь считает наиболее актуальными (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов молодежи на вопрос «Какие проблемы Вы считаете актуальными для современной молодежи?», %

Злоупотребление алкоголем	51,6 %
Низкооплачиваемый труд молодых специалистов	49,3 %
Злоупотребление табакокурением	40,4 %
Психологические проблемы	40,4 %
Проблемы с трудоустройством	39,5 %
Наркомания среди молодежи	35,9 %
Безответственное отношение к здоровью	35,0 %
Нежелание развиваться и прилагать усилия в достижении целей	35,0 %
Трата времени на бесполезные занятия	27,8 %
Интернет-зависимость	27,4 %
Использование электронных сигарет	26,9 %
Проблемы в семье	24,2 %
Недостаток карманных денег	14,3 %
Опасность заражения ВИЧ-инфекцией, СПИДом	13,9 %
Трудности в получении образования	4,9 %

Представленное мнение молодых людей во многом является самооценочным, они высказываются о ближайшем окружении, о тех, с кем учатся, дружат, живут. Наиболее часто называемыми молодежными проблемами стали так называемые вредные привычки — употребление спиртного, курение и др., а также связанные с материальным положением молодых — низкие зарплаты, трудности с трудоустройством. Нерациональное использование своего времени, в том числе выражающееся в интернет-зависимости, молодыми не рассматривается как особенно острая проблема, возможно, из-за представления, что «вся жизнь впереди». Меньше всего беспокойства вызывает у молодежи получение образования.

Проблемы молодежи актуальны не только для нее самой и государства, но и для старших поколений, взаимодействующих с молодыми на уровне семьи, образования, трудовой деятельности и в других сферах общества. Однако на сегодняшний день отношения между поколениями приобретают более

сложный характер, например, из-за так называемого цифрового неравенства, связанного с освоением информационных технологий, увеличения интенсивности миграции трудовых ресурсов за пределы страны, когда уезжают чаще молодые; имеет место конкуренция за рабочие места и др. Несомненно, жизненный опыт старших возрастных групп подсказывает ошибки, которых можно было бы избежать современной молодежи, и не растрчивать свою жизнь впустую (табл. 2).

Таблица 2

*Распределение ответов респондентов старше 31 года на вопрос:
«Какие проблемы Вы считаете актуальными для современной молодежи?»*

Интернет-зависимость	65,1 %
Использование электронных сигарет	46,9 %
Проблемы с трудоустройством	37,7 %
Низкооплачиваемый труд молодых специалистов	37,1 %
Злоупотребление алкоголем	28,0 %
Злоупотребление табакокурением	26,3 %
Нежелание развиваться и прилагать усилия в достижении целей	25,1 %
Наркомания среди молодёжи	22,9 %
Безответственное отношение к здоровью	21,7 %
Трата времени на бесполезные занятия	18,9 %
Психологические проблемы	18,3 %
Проблемы в семье	7,7 %
Опасность заражения ВИЧ-инфекцией, СПИДом	7,4 %
Трудности в получении образования	5,1 %
Недостаток карманных денег	4,0 %

Взрослые бьют тревогу по поводу интернет-зависимости молодежи, которая отнимает массу времени, отрывает от реальной жизни, неконтролируемо влияет на ценностные ориентации, деформирует психику. На втором месте оказалось использование молодежью электронных сигарет, продающихся в местах скопления людей и являющихся модным поветрием с разнообразными свойствами, мифами о меньшей вредности и т. д. Многими отмечается как проблема невысокая оплата труда молодых специалистов и трудности с трудоустройством, что, несомненно, является причиной для беспокойства их родителей. Но каждый четвертый сталкивается с нежеланием молодых прилагать усилия для достижения цели, а также 18,3 % отметили, что тратится время на бесполезные занятия. Беспокойство вызывает отношение к здоровью, злоупотребление алкоголем, табаком, наркотиками. Наименьшими проблемами стали недостаток денег на карманные расходы и трудности в получении образования, которое в условиях возможности его получения в платной форме становится, скорее, проблемой для родителей.

В любом обществе неизбежны разные формы девиаций, и оно стремится свести их к минимуму. В частности, действует система прямого контроля, предусматривающая санкции за нарушение социальных норм. Важную роль играет внутренний контроль, основанный на интериоризованных нормах и ценностях, которыми личность руководствуется добровольно без оглядки на поощрение или наказание. Непрямой контроль осуществляется семьей, системой образования, трудовым коллективом и ближайшим окружением. Но для молодежи особенно важно иметь широкий доступ к разным способам достижения целей и удовлетворения потребностей, когда нет необходимости искать обходные пути решения своих жизненных проблем, поскольку общество для этого предоставляет им достаточно законных возможностей.

---

1. Лисовский В. Т. Воспитание студентов вузов Российской Федерации (материалы концепции) // Стратегия воспитания в образовательной системе России: подходы и проблемы / под ред. И. А. Зимней. М. : Агентство «Издательский сервис», 2004. С. 168–182. [Вернуться к статье](#)

УДК 378

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ КАК ФОРМА РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ У ОБУЧАЮЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

К. Н. Лобанов

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
начальник кафедры психологии и педагогики,
доктор политических наук, доцент

А. В. Медведев

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
профессор кафедры психологии и педагогики,
кандидат психологических наук, доцент

***Аннотация.** Авторы в русле широкого понимания юридического мировоззрения предлагают рассматривать его как доминантный ценностно-нормативный компонент правосознания, базовые начала которого закладываются институтами образования. Объектом рассмотрения является юридическое мировоззрение как явление сферы позитивного права. Предмет рассмотрения — гуманитарные науки и научные дисциплины как форма развития правового мировоззрения обучающихся. Особое внимание уделяется отдельному вкладу каждой из ключевых гуманитарных наук и дисциплин в процесс формирования юридического мировоззрения и основ социально требуемого поведения будущих сотрудников правоохранительных органов государства.*

***Ключевые слова:** юридическое мировоззрение, образовательный процесс, гуманитарные науки и научные дисциплины, высшая школа.*

***Annotation.** The authors propose to consider the notion of the legal mindset in general as a dominant value and statute-oriented component of legal awareness which grounds are laid at educational institutions. The object of the research focuses on the legal mindset as a phenomenon of the positive law sphere. The subject of the research are humanitarian sciences and training aspects as a form of the legal mindset development in police students of law institutions of the Ministry of the Interior of Russia. Particular attention is paid to the individual contribution of each of the key humanities and subjects to the process of forming legal mindset and the foundations of the required behavior of future police officers of law enforcement agencies of the country.*

***Keywords:** legal mindset, training process, humanities and research aspects, high school.*

Современный процесс конструирования личности будущего специалиста правоохранительных структур проходит под знаком и в духе интеграционного единства, в коем традиционно пребывают два больших начала, составляющих живую и постоянно развивающуюся ткань классического образования, — это

гуманитарные и юридические науки. Как бы сказали философы, между этими двумя частями единого целого существует диалектическое взаимодействие. И в этом нет сомнения, ибо обширный комплекс правовых наук, безусловно, обладающий специфическим объектом и предметом исследования, представляет по своей сути частицу большого общегуманитарного знания об окружающей нас социальной материи. С другой стороны, результаты теоретического и эмпирического изучения глобального и локального социума, которые добываются учеными в гуманитарной сфере, позволяют правоведам и юристам-практикам объективно оценивать состояние социальных отношений и соотносить с ним свою правотворческую деятельность.

Стоит отметить, что богатство форм взаимозависимости и взаимопроникновения гуманитарного и юридического знаний, вариативность способов их конвертации выражаются не столько в практическом плане, сколько в мировоззренческом формате. «Философский энциклопедический словарь» определяет мировоззрение как систему взглядов человека на объективный мир и его место в нем, а также «обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации» [1, с. 375]. Исходя из этого базового понятия, юридическое мировоззрение можно определить как совокупность взглядов, убеждений, идеалов, принципов деятельности, используемых субъектами (т. е. социальными группами, индивидами, организациями) повседневно в правовой жизни. Таким образом, юридическое мировоззрение предстает перед нами как сложный социально-психологический феномен, степень зрелости, уровень осмысления и восприятия обществом которого зависят от ряда факторов. Вероятно, здесь можно говорить об условиях эндогенного (внутреннего) и экзогенного (внешнего) плана, влияющих на сознание людей, их мотивационную сферу, поведенческие модели и позволяющих культивировать мировоззренческие и социокультурные основы права в духе демократического политического выбора. Прежде всего, имеется в виду так называемая внутренняя эмоционально-психологическая и интеллектуальная готовность общества в повседневной жизни мыслить и действовать согласно общепринятым принципам демократической правовой государственности, гражданственности и социального консенсуса. Определяющую роль здесь играет высокий образовательный уровень основной части населения, без которого демократическое правовое сознание и правовая культура останутся по меньшей мере виртуальными. «Внешние» условия для процесса формирования юридического мировоззрения создает само государство, сознательно и планомерно следующее курсом демократических реформ, осуществляющее модернизацию правовой сферы и поэтому заинтересованное в скорейшем и качественном овладении людьми основами правовых

знаний и правовой культуры. Непременным условием стабилизации демократического развития становится создание системы юридического образования, не только транслирующей необходимые правовые знания, но и закладывающей определенную мировоззренческую базу.

Из сказанного следует, что юридическое мировоззрение становится неотъемлемой частью индивидуального и массового демократического сознания в результате длительного и сложного процесса освоения людьми новых ценностей и традиций, постепенной трансформации их во внутренние убеждения и принципы деятельности, с одной стороны, и целенаправленной работы институтов государства и гражданского общества — с другой. И в первом, и во втором случае общим знаменателем выступает фактор правового образования с его солидным мировоззренческим потенциалом. Однако здесь уместно вернуться к непосредственной теме нашей конференции и отметить, что не только собственно правовая теория и объективное право в целом способны решать проблемы формирования юридического мировоззрения. Как известно, «голого» права без его социальной и гуманитарной оболочек в реальности не существует. Поэтому вернее было бы говорить о комплексе гуманитарных и правовых наук, решающих единые мировоззренческие задачи в рамках образовательного процесса.

Чтобы пояснить эту мысль, возьмем в качестве примера несколько ведущих гуманитарных наук и покажем, насколько велик и многообразен может быть их вклад в развитие юридического мировоззрения будущих специалистов-правоведов.

Так, философия рассматривает наиболее общие вопросы возникновения и природы права как особого вида общественной практики, его взаимодействия с другими сферами человеческого бытия. Философское обоснование права используется юридической наукой для определения методологии и мировоззренческой направленности анализа правовых явлений и процессов.

Экономическая теория служит экономическим обоснованием основных юридических норм и актов. Хорошо известно, что право, как и политика, есть концентрированное выражение экономики. Экономическая наука позволяет видеть в правовых процессах и явлениях борьбу за реализацию экономических интересов социальных групп, общностей и различного рода организаций. Со своей стороны юриспруденция, изучая вопросы реализации объективного права, дает научное обоснование принципов выработки и осуществления экономической политики, государственно-правового регулирования экономических процессов.

Политическая наука подходит к праву соотносительно с основными закономерностями принятия политических решений, изучает механизмы

политического сопровождения принятия и реализации норм права. Тесная связь правовой и политической наук обусловлена тем, что без системы политической власти социальные нормы и отношения не могут стать юридическими, получить общеобязательный характер. В то же время политическая власть не может нормально функционировать без юридического, правового оформления.

Социально-политическая история изучает в числе прочего и исторический процесс развития правовой жизни общества, государственных институтов, их нормотворческой деятельности. В общей форме соотношение права и исторической науки определяется тем, что, с одной стороны, юриспруденция помогает создавать теоретическую базу анализа эволюции политико-правовых процессов, с другой — история и современная социальная практика служат не только определяющим критерием правильности теоретических выводов правовой науки, но и основой новых обобщений и выводов, творчески обогащающих и развивающих ее теорию.

Тесно связана с правом и социология. Ее главная особенность состоит в том, что право изучается через систему взаимодействия с социальной средой. Развитие правовых процессов рассматривается в корреляции с изучением сознания, интересов и мотивов поведения индивидов, социальных и этнических групп и их организаций. Основное внимание социология уделяет анализу социальной структуры, формальных и неформальных институтов, общественного мнения с точки зрения их влияния на правовые отношения.

Выводы и положения правовой науки составляют теоретическую базу для развития целого ряда прикладных гуманитарных дисциплин — профессиональной этики юриста, основ воспитательной работы с личным составом правоохранительных органов, конфликтологии, логики в следственной практике и т. д. Каждая из этих дисциплин в той или иной мере затрагивает проблемы мировоззренческого плана, способствует становлению не только квалифицированного специалиста-правоведа, но также и гражданина, человека с активной жизненной позицией и устоявшимися социально-позитивными убеждениями.

Подводя итог сказанному, хотелось бы еще раз акцентировать внимание на ключевой идее своей публикации о важности рассмотрения и необходимости практического использования сообщества гуманитарных и юридических наук в едином комплексе при постановке и решении мировоззренческих задач как в образовательном процессе, так и в правоохранительной деятельности и иных видах социальной практики.

---

1. Философский энциклопедический словарь. М. : Совет. энцикл., 1983. 840 с.
[Вернуться к статье](#)

УДК 378

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ ЮРИСТОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

И. А. Непомнящих

Белорусский государственный университет,
старший преподаватель кафедры английского языка
международной профессиональной деятельности

***Аннотация.** В статье представлены направления организации профессионального воспитания юристов-международников в процессе изучения иностранного языка: правовое, этическое и поликультурное.*

***Ключевые слова:** профессиональное воспитание, юристы-международники, этико-правовая позиция, иностранные языки, высшее образование.*

***Annotation.** The article describes the directions of organizing professional education of international lawyers in the process of learning a foreign language: legal, ethical and multicultural.*

***Keywords:** professional education, international lawyers, ethical and legal position, foreign languages, higher education.*

Профессиональное воспитание будущих юристов-международников является актуальной и до конца не решенной проблемой педагогики высшей школы. Это специалисты, которые участвуют в регулировании международных отношений, разрешении международных конфликтов, составлении международных правовых документов, обеспечении соблюдения норм международного права, защите прав и интересов граждан, предприятий, организаций и государств, борьбе с терроризмом, противодействии международной преступности и поддержании международного мира и безопасности. Другими словами, они могут напрямую влиять на международный правовой порядок, создание привлекательного имиджа своей страны и защиту ее интересов, выстраивание взаимовыгодных международных отношений. Поэтому необходимо уделять особое внимание формированию у таких специалистов определенных взглядов, убеждений, идеалов, мотивов деятельности, коммуникативной культуры и «мягких навыков». Этого можно достичь при успешной организации процесса их профессионального воспитания в учреждениях высшего образования. Традиционными идеями в юридической профессии являются мораль и право. Однако отличительной чертой в подготовке специалистов международно-правового профиля выступает их лингвистическая подготовка. В настоящем исследовании под *профессиональным воспитанием* будущих юристов-международников понимается специально организованный процесс

взаимодействия субъектов образования, направленный на формирование поликультурной личности студентов с этико-правовой позицией [1, с. 97]. Универсальный характер иностранного языка позволяет органично вписать процесс профессионального воспитания в содержание учебной дисциплины. Исходя из предложенного определения, четко выделены три направления в его организации: правовое, этическое и поликультурное. Определение их сущности в контексте иноязычного образования является *целью* данной статьи.

Правовая составляющая процесса профессионального воспитания юристов-международников подразумевает формирование юридически *компетентной* личности с высоким уровнем иноязычной коммуникации и правового сознания. Это предполагает наличие не только системы правовых знаний, но и ценностей как ориентиров поведения и общения в профессиональной среде. Процесс изучения иностранного языка на факультете международных отношений Белорусского государственного университета строится с элементами предметно-языкового интегрированного обучения. В частности, в учебную программу по иностранному языку с первого курса включены темы юридической направленности, определены стратегии и переводческие приемы при работе с правовыми и дипломатическими документами и деловыми письмами, используются аутентичные юридические материалы, проектные технологии на основе интеграции правовых знаний и иностранного языка. Студенты знакомятся с разными системами права и их категориями (англосаксонская и романо-германская семья права), особенностями юридического образования в Республике Беларусь и англоязычных странах, проводят сравнительный анализ категорий гражданского, административного, уголовного права разных правовых семей, определяют специфику международного права и т. д. Все это создает систему правовых знаний, расширяет кругозор студентов. На занятиях по иностранному языку происходит овладение юридическим аспектом иностранного языка (*legalese*), его терминологической стороной, а также приобщение к правовой культуре национального и иностранных профессиональных сообществ. Приведение примеров из реальной практики, включая известные судебные дела или международные юридические кейсы, организация дискуссий и обсуждений на темы права помогают студентам не только развивать аргументацию, критическое мышление, выразить собственную точку зрения на правовые вопросы, но и понимать смысл таких ценностей, как «право», «верховенство права», «закон», «порядок», «Конституция», «государство», «гражданин» и др. Придание этим ценностям личностного смысла является необходимым условием их принятия в качестве ориентиров собственного поведения. Достичь этого поможет использование таких образовательных технологий, как инсценированный судебный процесс, ролевые игры и симуляционные технологии, эвристическое

обучение, правовая оценка поведения субъектов права с позиции соответствия международно-правовым нормам и др. Так, правовое направление профессионального воспитания будущих юристов-международников способствует становлению компетентного правоведа-профессионала и гражданина своей страны.

Однако профессионал без нравственной зрелости может представлять определенную угрозу для общества и мира. Поэтому этическая составляющая профессионального воспитания будущих юристов-международников является неотъемлемой его частью и направлена на формирование *высоконравственной* личности. Этика и право тесно связаны друг с другом. Моральные требования право переводит на язык законов. Изучение таких документов, как Международный кодекс этики, Общий кодекс правил для адвокатов стран Европейского сообщества, Общие принципы для сообщества юристов, Правила профессиональной этики адвоката в Республике Беларусь, Правила профессиональной этики лиц, осуществляющих деятельность по оказанию юридических услуг, Закон «О государственной службе в Республике Беларусь», знакомит студентов с деонтологическими требованиями к профессии (например, неприкосновенность профессиональной тайны, конфиденциальность, независимость, честность и пр.). Категория долга расширяется до осознания долга по отношению к себе (развиваться, сохранять здоровье и пр.), к другим (применение принципа справедливости, гуманности, уважения и пр.), к профессии (поддержание имиджа профессии, добросовестное исполнение обязанностей и т. д.), к миру (созидательный характер деятельности). Некоторые этические ценности являются одновременно и правовыми (справедливость, ответственность, честь и достоинство, долг и др.). В процессе профессионального воспитания студенты могут развить навыки принятия этически верных решений в сложных ситуациях и поддерживать высокие стандарты при выполнении своей профессиональной деятельности.

Иностранный язык является не только способом познания мира профессии, но и универсальным средством общения — «процесса взаимодействия конкретных личностей, определенным образом отражающих друг друга, относящихся друг к другу и воздействующих друг на друга» [2, с. 30]. Диалектическая природа общения заключается в том, что лишь через коммуникацию человек выражает себя, свои мысли по поводу этических и правовых вопросов, пытается влиять на поведение других, в то же время подвергается воздействию со стороны собеседника, может изменить свои убеждения, свою точку зрения и мотивы своей деятельности. Реализуя свою коммуникативную роль, иностранный язык влияет на придание личностного смысла правовым и этическим ценностям во взаимодействии с носителями других языков. Для обсуждения

на занятии предлагаются такие этические дилеммы, как «смертная казнь», «эвтаназия», «генная инженерия», «выбор между принципами защиты прав человека и невмешательства во внутренние дела суверенного государства», «приоритетность и справедливость распределения гуманитарной помощи странам в кризисных ситуациях», «баланс между безопасностью и правами человека на конфиденциальность при сборе разведывательной информации о гражданах других государств» и др. Студенты изучают позиции представителей других стран и вырабатывают свою собственную по этой проблеме. Дебаты на иностранном языке, проведение круглых столов, мини-конференций, проектная деятельность, эвристическая беседа способствуют формированию этической позиции, которая одновременно предстает в виде усвоения норм как моральная, присвоения ценностей — как нравственная и придания им смысла — как духовная.

Юрист-международник работает в многонациональной среде, где важно уважать разнообразие культур, норм и ценностей различных стран. Поэтому профессиональное воспитание таких специалистов также направлено на формирование *поликультурной личности*, способной взаимодействовать с коллегами и клиентами из разных стран, подбирать наиболее подходящие решения и учитывать межкультурные аспекты при разрешении правовых споров. В современной лингводидактике принято положение о том, что «языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках» [3, с. 27]. Содержание иноязычного образования базируется на культуре как системе ценностей (Е. И. Пассов). И эти ценности могут сильно отличаться, например, в западной и восточной культурах понятие «долга». Или система национальных ценностей, таких как Родина, Отечество, родной язык и пр. В то же время есть система общечеловеческих ценностей, принятых во всех культурах (жизнь, мир, безопасность, человек и пр.). Понимание особенностей разных культур, знание принятых в данном обществе ценностей и способов решения правовых конфликтов, этикетных формул, расшифровка невербальных сигналов — это условия успешной межкультурной коммуникации. Для подготовки к такому общению студентам предлагается осваивать разные коммуникативные стратегии (аргументация, убеждение, самозащита, вуалирование, нейтрализация конфликтов и т. д.) в процессе изучения иностранного языка, которые формируют навыки ведения «диалога культур» и умения межкультурного взаимодействия в условиях межкультурного конфликта (П. В. Сысоев). Кроме этого, поликультурное направление профессионального воспитания будущих юристов-международников воспитывает и чувство патриотизма, которое «основывается на уважении истории страны, гордости за современные ее достижения, вере в процветающее будущее Отечества, что

обуславливает стремление служить своему народу и защищать родную землю» [4, с. 31]. Юристу-международнику необходимо быть патриотом, чтобы успешно отстаивать интересы своей страны и ее граждан на международной арене. В то же время это человек с гуманистическим мировоззрением и чувством уважения к многообразию культур.

Таким образом, целью и результатом ПВ будущих юристов-международников является поликультурная личность с этико-правовой позицией. Современный специалист международно-правового профиля должен быть не только компетентным, но и обладать своего рода «моральным компасом», способным обеспечить правильное восприятие правовых проблем и принятие этически обоснованных решений в сложных ситуациях, взаимодействуя с представителями разных культур.

Профессиональное воспитание юристов-международников на занятиях по иностранному языку имеет свои особенности, поскольку требует сочетания изучения языка, специфики международного права и развития этического интеллекта. Его организация в трех направлениях, раскрытых в статье, способствует формированию компетентной, высоконравственной и поликультурной личности.

---

1. Непомнящих И. А. Профессиональное воспитание будущих юристов-международников в современных условиях // Педагогическая наука и образование. 2024. № 1. С. 87–93. [Вернуться к статье](#)

2. Бодалев А. А. Личность и общение. М. : Междунар. пед. акад., 1995. 328 с. [Вернуться к статье](#)

3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 146 с. [Вернуться к статье](#)

4. Стуканов В. Г. Концептуальные основания военно-патриотического воспитания в учреждениях общего среднего образования // Весн. адукацыі. Минск, 2022. № 8. С. 30–42. [Вернуться к статье](#)

УДК 159.9:34

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ

Д. А. Пашкевич

Академия МВД Республики Беларусь,
адъюнкт научно-педагогического факультета

Аннотация. *Анализируется роль правового воспитания сотрудников органов внутренних дел в процессе формирования его профессиональной позиции. Отображены подходы и задачи правового воспитания.*

Ключевые слова: *профессиональная позиция, правовое воспитание, сотрудник органов внутренних дел, служебная деятельность.*

Annotation. *The role of legal education of employees of internal affairs bodies in the framework of the formation of their professional position is analyzed. The approaches and tasks of legal education are displayed.*

Keywords: *professional position, legal education, employee of the internal affairs bodies, official activity.*

Профессиональная позиция личности — один из главных внутренних факторов, определяющих целевые ориентации и качественные особенности профессиональной деятельности человека. Проблема становления данной позиции в процессе профессионального образования является актуальной в теоретическом и практическом аспектах и требует системной научной разработки, включая объяснение ее психологической сущности, механизмов и средств целенаправленного формирования. Высокую значимость ее решения приобретают в образовательном процессе при подготовке сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД), поскольку сотрудник является субъектом правоохранительной деятельности, которая отличается высокой степенью ответственности за ее эффективное и правомерное осуществление, обеспечивающее защиту основополагающих социальных ценностей. Успешное становление его профессиональной позиции позволит достичь высокого уровня профессионального мастерства и добросовестности при выполнении служебных обязанностей. Одной из составляющих формирования профессиональной позиции будущих сотрудников ОВД является их правовое воспитание, которое имеет ряд специальных психолого-педагогических задач. Исходя из понимания этого, необходимо разрабатывать психолого-педагогические основы правового воспитания сотрудников как одного из главных направлений целостного профессионального воспитания.

Правовое воспитание заключается как в овладении знаниями законодательства, так и в формировании определенных личностных свойств и качеств

сотрудника, в силу которых он будет способен их продуктивно применять, соблюдая законность и достигая наилучших результатов служебной деятельности. Это воспитание невозможно рассматривать в отрыве от индивидуальных психических особенностей, личностных свойств, прежде всего — ценностных ориентаций и нормативных установок, необходимых для эффективного осуществления профессиональной деятельности, выполнения поставленных задач.

Для изложения этого вопроса обратимся к самой дефиниции правового воспитания. Исследовать правовое воспитание можно исходя из нескольких подходов. Так, Н. А. Славова выделяет три подхода к определению данного понятия. Первый подход — общесоциальный, где цель правового воспитания — максимальное развитие и повышение уровня правового сознания всех граждан, которое может проявляться в осознанном правомерном поведении и социально-правовой активности. Второй подход — организационно-институциональный (государственный). В данном подходе в процессе правового воспитания ведущую роль играет государство, государственные органы, которые и определяют цели, тактику воспитания. Третий подход — личностно-субъективный, в нем целью правового воспитания является объективная потребность личности в оптимизации правовой сферы жизни общества [1].

В свою очередь, О. В. Богданова указывает на правовое воспитание как на целенаправленную деятельность государства, общественных организаций средств массовой информации по формированию правовой культуры граждан [2; 3, с. 33], с одной стороны, и существованием более широкого подхода к определению правового понятия — с другой. Так, С. В. Бошно определяет правовое поведение как «планомерный, управляемый, систематический и целенаправленный процесс воздействия на сознание, психологию граждан всей совокупности многообразных воспитательных форм, средств и методов, имеющих в арсенале современной правовой деятельности, с целью формирования в их правосознании глубоких и устойчивых правовых знаний, убеждений, потребностей, ценностей, привычек правомерного поведения» [4, с. 307].

Отличительной чертой правового воспитания сотрудников ОВД является то, что положение о нем прямо закреплено в государственных нормативно-правовых актах. Правовое воспитание сотрудников рассматривается как процесс формирования, развития и совершенствования у них ценностных ориентаций, мотивов и установок, побуждающих в любой ситуации действовать в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, актами законодательства Республики Беларусь, нормативными правовыми и иными правовыми актами МВД. Его необходимо строить на основе преданности государственным интересам, патриотизма, верности служебному долгу. Основываясь на вышеизложенном, для осуществления правового воспитания сотрудника ОВД, с одной

стороны, необходимо формировать правовые знания, правовые установки и правомерные действия, чтобы добиться от сотрудников качественного выполнения стоящих перед ними оперативно-служебной задач, а с другой стороны — формировать систему профессионально важных свойств личности, прежде всего ценностно-целевых ориентаций и личностных правил. Поэтому изучая процесс правового воспитания сотрудника ОВД, мы считаем целесообразным опираться на положения, описанные А. Н. Пастушенной, в которых он выделяет два основных компонента. Один из них — ценностно-целевой, который представляет собой совокупность устойчивых стремлений в деятельности, отвечающих ее социальным ценностям (интересам), целям и результатам, присущим целям правоохранительной деятельности, а также в стремлении достигать наилучших социально полезных результатов, прилагая усилия и находя наиболее разумные решения и способы в рамках соблюдения законности. Второй компонент — ценностно-нормативный, который выражается в предрасположенности использовать законные и наиболее эффективные способы решения служебных задач, проявлять в своих действиях старание, волю, настойчивость в приложении усилий и преодолении трудностей, а также правильное отношение к людям, выступающим объектами правоприменения, которое соответствует законодательно установленным принципам и правилам профессиональной этики. Эта составляющая выражается в личных принципах и правилах деятельности и профессионального поведения, в идеалах и отношениях, обуславливающих предрасположенность действовать должным и эффективным способом [5]. Мы считаем, что правовое воспитание должно охватывать решение ряда психолого-педагогических задач, включая:

- формирование знаний нормативно-правовых актов, их правильного корректного понимания и сущности и особенностей применения в различных юридически значимых ситуациях;
- формирование умений и навыков использовать полученные знания в точном соответствии с законодательством в служебной деятельности;
- формирование представлений о правильности и полезности правомерности поведения;
- разъяснение негативных последствий вследствие нарушений норм права и формирование негативного отношения к ним;
- формирование профессионально важных качеств для успешного и правомерного выполнения оперативно-служебных задач, включая, прежде всего, правовую предусмотрительность.

Такое понимание психолого-педагогических задач правового воспитания расширяет возможность его целенаправленного осуществления и определяет содержание воспитательного процесса.

Таким образом, рассмотрев вопрос правового воспитания сотрудника ОВД в контексте становления его профессиональной позиции можно сказать следующее: на сотрудника как на представителя органов государственной власти, осуществляющего функции и задачи, отраженные в соответствующих нормативно-правовых актах, возлагается ответственность за точное и неукоснительное исполнение своих служебных обязанностей в рамках требований законодательства, обязанность сотрудника следить за правомерностью поведения и деятельности граждан и обеспечивать соблюдение их прав и законных интересов. В процессе правового воспитания направлять усилия на решение отмеченных нами психолого-педагогических задач, обеспечивающих формирование профессионального правосознания сотрудников, а также морально-нравственных качеств личности, учитывая психические особенности личности.

-
1. Славова Н. А. Правовое воспитание как основной элемент механизма правовой социализации // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. Т. 1. 2021. № 3. С. 24–29. [Вернуться к статье](#)
  2. Богданова О. В Правовое воспитание: основные подходы к трактовке и реализация некоторых форм // Вестн. Самар. гос. тех. ун-та. Сер. Психол.-пед. науки. 2014. С. 44–51. [Вернуться к статье](#)
  3. Матузов М. И., Малько А. В. Теория государства и права : учеб. пособие. М. : Юрист, 2004. 245 с. [Вернуться к статье](#)
  4. Бошно С. В. Теория государства и права : учеб. М. : Эксмо, 2007. 489 с. [Вернуться к статье](#)
  5. Пастушеня А. Н. Идеино-содержательный аспект профессионального воспитания сотрудников правоохранительных органов // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2023. № 2. С. 191–197. [Вернуться к статье](#)

УДК 113/116

ПРИНЦИП ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ**Е. В. Савлукова**Белорусский государственный университет,
аспирант кафедры философии культуры

***Аннотация.** В статье исследуются эволюционные процессы системы Универсума в рамках принципа экстремальной самоорганизации. Антропный принцип утверждается одним из важных следствий прогрессивной эволюции в условиях глобального эволюционизма.*

***Ключевые слова:** антропный принцип, глобальный эволюционизм, естествознание, принцип экстремальной самоорганизации, философия.*

***Annotation.** The article examines the evolutionary processes of the Universe system within the framework of the principle of extreme self-organization. The anthropic principle is affirmed as one of the important consequences of progressive evolution in the conditions of global evolutionism.*

***Keywords:** anthropic principle, global evolutionism, natural science, the principle of extreme self-organization, philosophy.*

Современные тенденции развития научного знания включают в свое рассмотрение различные свойства и характеристики процессов, которые относятся к системам разного уровня. К таким процессам можно отнести проявления самоорганизации материи, а также общие закономерности развития Универсума, или так называемый глобальный эволюционизм, частным проявлением которого являются и фундаментальные дарвиновские принципы эволюции. Поиск универсальных оснований развития предопределяет необходимость совершенствования механизмов познавательной деятельности. Поскольку свойства системы, под которой можно понимать глобальное множество взаимосвязанных элементов, предстают и взаимодействуют как целое, постольку универсальная материальная система мира не может быть целокупно исследована через характерные черты ее частных элементов. Телеология в структуре эволюционного знания выстраивается преимущественно в границах холистской парадигмы в противовес неукрепленным редуccionистским гипотезам. Н. Н. Моисеев, наряду с другими именитыми исследователями данной проблематики, утверждает цель внутренних, принадлежащих Универсуму, неживых систем в непрерывном усложнении организации многообразных элементов. Цели подсистем, единичных элементов и самой системы могут различаться, соразвиваясь при этом, не нарушая эволюционного движения глобальной системы. Процесс самоорганизации в данном контексте интересен, поскольку обеспечивает самопроизвольное возникновение упорядоченных структур также и

в природных и социальных системах посредством объективных законов [1, с. 119].

Благодаря антропно-космологическому принципу, который утверждает благоприятную определенность изначальных физических параметров для возникновения разумного наблюдателя, становится возможным выявление свойств прогрессивной эволюции бессознательной части природы. К таким относятся самопроизвольное стремление к экономии следующих явлений природы: энергии, вещества, пространства, времени и пространства. Следствием данной целевой установки становятся гармоничное и более совершенное состояние эволюционирующих самоорганизующихся объектов, при этом чем сложнее становится объект в своей трансформации, тем быстрее протекает процесс эволюции. Разумный наблюдатель, а именно человек, призван осознавать законы природного мира, а также процессы своей умственной деятельности. Постнеклассическая научная мысль позволяет рассматривать эволюционную парадигму с точки зрения эволюционного детерминизма, логически и концептуально объединяя естествознание и знания о человеке, как таковом [2, с. 357].

Таким образом, существующая природа физического мира от исходных постоянных до сформированного человеческого индивида, обладающего сознанием, создана благодаря прогрессивной эволюции самоорганизующейся природы. Упомянутый антропный принцип становится одним из важных следствий прогрессивной эволюции, позволяя отображать степень точности ее реализации и выступая критерием ее эффективности. Обращаясь к положениям закона выживания и второго начала термодинамики, можно проследить их антиномичность, которая формирует новый принцип в естественнонаучных исследованиях, а именно энергетическую экстремальность самоорганизации и прогрессивной эволюции. Таким образом, можно сделать вывод о том, что природный физический мир в пределах глобальной космической системы нацелен на повышение эффективности использования энергии, вещества и информации для совершенствования механизмов, способных впоследствии управлять энергией [3, с. 162].

Фундаментальными свойствами природного порядка, следовательно, можно считать обобщенную приспособляемость, которая осуществляет активность, экспансивность и структурность, стремясь к согласованности между развитием подсистем и глобальной системы, а также поисковую оптимизационность, выраженную во внутренней иерархии эффективности ее единичных элементов. Если рассматривать Универсум в качестве цельной системной сущности и учитывать его различные проявления в виде живой, неживой и искусственной составляющей, то свойства данных оснований будут рассматриваться как взаимопереносимые друг на друга.

Таким образом, в условиях энергетической экстремальной самоорганизации система Универсума способна осуществлять саморегуляцию, в том числе и собственных механизмов эволюции, в соответствии с которыми совершенствуются подсистемы и элементы от исходных физических параметров до разумного наблюдателя.

---

1. Моисеев Н. Н. Восхождение к Разуму. Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям. М. : ИздАТ, 1993. 192 с. [Вернуться к статье](#)

2. Роль прогрессивной эволюции в развитии и устойчивости биосферы / И. И. Свентицкий [и др.] // Биосфера — почвы — человечество: устойчивость и развитие : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 80-летию проф. А. Н. Тюрюканова. М. : Фонд «Инфосфера»-НИА-Природа, 2011. С. 354–363. [Вернуться к статье](#)

3. Свентицкий И. И., Алхазова Е. О. Идеальность прогрессивной эволюции и ее телеологическое отражение в познании // Методология науки и антропология. М. : ИФ РАН, 2012. 287 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.274:343.8-053.6

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА КАК МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ

И. М. Сеница

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** В статье исследуются вопросы применения принудительных мер воспитательного характера с точки зрения реализации международных стандартов отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. Анализируется целесообразность применения таких мер к лицам, совершившим преступление в возрасте до восемнадцати лет.*

***Ключевые слова:** несовершеннолетние, международные стандарты, уголовная ответственность, ресоциализация, воспитательные меры.*

***Annotation.** The article examines the use of compulsory educational measures from the point of view of the implementation of international standards for the administration of justice in relation to minors. The feasibility of applying such measures to persons who committed a crime under the age of eighteen is analyzed.*

***Keywords:** minors, international standards, criminal liability, resocialization, educational measures.*

Основным международным документом в области предупреждения преступности несовершеннолетних являются Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних, одобренные Резолюцией 45/112 Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1990 г., получившие название Эр-Риядских (далее — Руководящие принципы). Это документ, юридически не обязывая государство реализовывать указанные в нем положения, предлагает перечень условий и мер, выполнение которых должно способствовать положительному изменению ситуации в сфере борьбы с преступностью несовершеннолетних. Основной целью таких мер является максимальное содействие благополучию несовершеннолетнего и его (ее) семьи [1].

Руководящие принципы применяются в контексте Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, известных как Пекинские правила (далее — Правила) [2]. Руководящие принципы развивают установленный Правилами тезис о том, что важнейшим аспектом предупреждения преступности в обществе является предупреждение преступности среди

несовершеннолетних (п. 1). Оба документа указывают на то, что соответствующая работа с несовершеннолетними правонарушителями требует комбинации двух направлений: их защиты как уязвимой группы населения и недопущения вовлечения в антисоциальное поведение. При попадании в сферу уголовного правосудия несовершеннолетние особенно нуждаются в том, чтобы государством принимались специальные меры по защите их прав и законных интересов.

Правила гласят, что «несовершеннолетним является ребенок или молодой человек, который в рамках существующей правовой системы может быть привлечен за правонарушение к ответственности в такой форме, которая отличается от формы ответственности, применимой к взрослому» (п. 2.2) [2]. При этом направление несовершеннолетнего в исправительное учреждение рассматривается как крайняя мера, реализуемая в течение минимально необходимого срока. Правила рекомендуют такие альтернативные лишению свободы формы воздействия на несовершеннолетних, как помещение их в исправительное учреждение с ослабленным режимом, воспитательные дома, центры дневной подготовки и другие аналогичные методы работы, которые способствуют реинтеграции несовершеннолетних в жизнь общества.

В декабре 1990 г. Генеральной Ассамблеей ООН были приняты Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (далее — Токийские правила). Токийские правила распространяются на всю сферу уголовной юстиции и содержат свод основных рекомендаций и принципов для содействия использованию мер, не связанных с лишением свободы [3].

Токийские правила, перечисляя меры, которые могут служить альтернативой тюремному заключению (ст. 8.2), продолжают тенденцию перехода от карательных форм воздействия на осужденных к ресоциализирующим. Это такие меры, как устные санкции, условное освобождение от ответственности, поражение в гражданских правах, денежные наказания, условное наказание или наказание с отсрочкой, общественно полезные работы, направление в исправительное учреждение с обязательным ежедневным присутствием, домашний арест или любой другой вид обращения, не связанный с тюремным заключением, и др.

В целом перечисленные международные документы направлены в первую очередь на обеспечение благополучия несовершеннолетнего и обеспечение того, чтобы любые меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей были всегда соизмеримы как с обстоятельствами правонарушения, так и с особенностями личности правонарушителя.

При этом указание на соразмерность в данном случае является средством ограничения использования карательных санкций, подразумевающих применение принципа воздаяния по заслугам в соответствии с тяжестью правонарушения. Уголовно-правовое воздействие на несовершеннолетних правонарушителей должно основываться на учете не только тяжести правонарушения, но и особенностей личности подростков, индивидуальных особенностей, связанных с влиянием близкого окружения и социальным статусом. Этому должен способствовать широкий диапазон альтернативных лишению свободы мер уголовного воздействия.

В Республике Беларусь с 2004 г. стал снижаться показатель применения судами лишения свободы в отношении несовершеннолетних: если в 2004 г. было осуждено 1 119 человек, то в 2015 г. — 246 (снижение в 4,5 раза), в 2018 г. — 113 [4, с. 100]. В 2023 г. к лишению свободы на определенный срок было осуждено 140 человек [5].

Правовая модель уголовной ответственности, позволяющая следовать указанным выше рекомендациям международных актов, была создана белорусскими учеными и закреплена в принятом в 1999 г. Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь).

В соответствии со ст. 117 УК Республики Беларусь, одной из мер уголовной ответственности являются применяемые только к лицам, совершившим преступление в возрасте до восемнадцати лет, принудительные меры воспитательного характера [6]. Они могут применяться в случае, если в процессе судебного рассмотрения установлено, что исправление такого лица, совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности, или впервые совершившего менее тяжкое преступление, возможно без применения уголовного наказания. При этом суд постановляет обвинительный приговор, но вместо наказания применяет к такому лицу принудительные меры воспитательного характера.

Принудительные меры воспитательного характера также могут быть применены к несовершеннолетнему в случае невозможности взыскания штрафа при отсутствии признаков уклонения от его уплаты (ч. 2 ст. 111 УК Республики Беларусь).

Суд, в соответствии с ч. 2 ст. 117 УК Республики Беларусь, вправе назначить следующие принудительные меры воспитательного характера: сделать предостережение, обязать осужденного публично или в иной форме принести извинение потерпевшему; обязать возместить (устранить) причиненный вред (ущерб) при условии, что осужденный достиг пятнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, имеет самостоятельный заработок и размер ущерба не превышает его среднемесячного заработка (дохода); ограничить

свободу досуга осужденного (обязать соблюдать определенный порядок использования свободного от работы или учебы времени, запретить посещение определенных мест и использование определенных форм досуга и т. п.); поместить несовершеннолетнего на срок до двух лет, но не более чем до достижения им восемнадцатилетнего возраста в специальное учебно-воспитательное или специальное лечебно-воспитательное учреждение. При этом его пребывание там может быть прекращено досрочно судом, если несовершеннолетний исправился и нет необходимости в дальнейшем применении указанной принудительной меры воспитательного характера, а равно в случаях возникновения обстоятельств, препятствующих нахождению осужденного в этих учреждениях.

На наш взгляд, перечень принудительных мер воспитательного характера следует расширить за счет включения в них безвозмездных работ воспитательного характера, т. е. таких, которые выполняются в государственных и негосударственных учреждениях и организациях здравоохранения, опеки, попечения и т. п. и носят по своему содержанию воспитательный характер. Такие работы развивают эмпатию человека, заставляют, с одной стороны, получить представление о важности помощи и поддержки других людей, с другой — почувствовать благодарность за оказанную помощь, что положительно влияет на восприятие собственного созидательного потенциала. Наиболее эффективной представляется ресоциализация при вовлечении несовершеннолетнего в различные виды продуктивной деятельности и в целом в систему позитивных социальных отношений.

Отметим, что принудительные меры воспитательного характера обладают определенным преимуществом в сравнении со схожей, более мягкой мерой уголовной ответственности, предусмотренной в УК Республики Беларусь в том числе и для несовершеннолетних преступников, а именно осуждением без назначения наказания (ст. 79). Во-первых, принудительные меры воспитательного характера необходимо применять в случае, если несовершеннолетнего преступника нецелесообразно оставлять в привычной среде, неблагоприятно на него влияющей. Во-вторых, применение ст. 117 УК Республики Беларусь позволяет в случае злостного уклонения несовершеннолетнего в течение срока судимости от исполнения принудительной меры воспитательного характера заменить уже назначенную меру на более строгую, предусмотренную ч. 2 ст. 117 УК Республики Беларусь, — вплоть до помещения несовершеннолетнего на срок до двух лет в специальное учебно-воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение. Ресоциализационный процесс невозможен без уголовного принуждения, иначе восприятие воспитательных и иных мер ресоциализационного характера как необязательных и формальных значительно снизит их эффективность.

Нужно, однако, согласиться с мнением о том, что «никакая форма девиантного поведения, включая правонарушения, не может рассматриваться вне контекста иных проблем несовершеннолетнего, и, в силу этой причины, нельзя создать технологию, которая “исправит” его противоправное поведение» [7]. Процесс ресоциализации несовершеннолетнего не должен носить поверхностный, формальный характер. Восстановление деформированной системы ценностей, интеграция несовершеннолетних в нормальную, социально здоровую жизнь невозможны без комплексного, длительного участия взрослых — как сотрудников правоохранительной системы, так и представителей общественности и общества в целом.

Потенциал принудительных мер воспитательного воздействия как необходимой и достаточной меры уголовно-правового воздействия в каждом конкретном случае должен оцениваться с позиции ресоциализации подростка на основе совокупности факторов, характеризующих прежде всего его близкое окружение и среду общения, а также возможности социальных служб, образовательных и досуговых учреждений. Закономерным является вопрос, возможно ли при отсутствии таких структур или наличии неблагополучной семьи применение к несовершеннолетнему более репрессивных мер, чем принудительные меры воспитательного характера. Представляется, что решение должно приниматься с учетом личности несовершеннолетнего и того, насколько его личные качества и установки позволяют прогнозировать его исправление без применения более строгих мер ответственности.

По данным судебной статистики, в 2023 г. к 157 несовершеннолетним были применены принудительные меры воспитательного характера (22,7 % от общего числа осужденных несовершеннолетних) [5]. Это несколько ниже, чем в некоторые годы ранее: в 2016 г. — 229 (17,1 %) [8], в 2017 г. — 252 (21 %) [9], в 2018 г. — 279 (28,1 %) [10], в 2019 г. — 190 (26,1 %) [11], в 2020 г. — 164 (27,1 %) [12], в 2021 г. — 260 (29,7 %) [13], в 2022 г. — 270 (29,1 %) [14].

В течение срока судимости за несовершеннолетними осуществляется профилактическое наблюдение (ст. 81 УК Республики Беларусь), соответственно, при применении к несовершеннолетнему еще и принудительной меры воспитательного характера содержание уголовной ответственности усиливается, что делает в целом эту форму (меру) уголовной ответственности более строгой, но, что особенно важно, и более содержательной.

Таким образом, осуждение с применением принудительных мер воспитательного характера (наряду с осуждением с применением наказания) предусматривает наибольшую внутривидовую дифференциацию системно-конкретизированных мер воздействия среди всех мер уголовной

ответственности. Указанный в статье перечень в целом отвечает тем рекомендациям, которые приведены в Пекинских и Токийских правилах.

Решение по делам несовершеннолетних в большей степени, чем по делам взрослых, может оказать влияние на жизнь правонарушителя в течение длительного периода времени. Принудительные меры воспитательного характера как специфическая, учитывающая особенности личности несовершеннолетнего преступника мера ответственности направлены на максимальное содействие ресоциализации таких лиц способами, не связанными с изоляцией осужденного от общества и семьи. Рациональная политика в области правосудия в отношении несовершеннолетних требует наличия механизма эффективного и справедливого обеспечения как интересов общества и государства, так и благополучия самого несовершеннолетнего.

---

1. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) [Электронный ресурс] : приняты резолюцией 45/112 Генер. Ассамблеи от 14 дек. 1990 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml (дата обращения: 07.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [Электронный ресурс] : приняты резолюцией 40/33 Генер. Ассамблеи от 29 нояб. 1985 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 07.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением [Токийские правила] [Электронный ресурс] : приняты резолюцией 45/110 Генер. Ассамблеи от 14 дек. 1990 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml (дата обращения: 07.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Шаркова Е. А. Особенности законодательства Республики Беларусь, регулирующего правовое положение несовершеннолетних, отбывающих наказание // Пенитенциарная наука. 2020. № 1 (14). С. 98–103. [Вернуться к статье](#)

5. Данные судебной статистики за 2023 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/88d875b0009641f4.html (дата обращения: 07.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. № 256-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

7. Зритнев В. В. Ресоциализация несовершеннолетних правонарушителей, не изолированных от общества, частными социальными институтами [Электронный

ресурс] : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. URL: <https://www.dissercat.com/content/resotsializatsiya-nesovershennoletnikh-pravonarushitelei-ne-izolirovannykh-ot-obshchestva-ch> (дата обращения: 07.03.2024).

[Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

8. Данные судебной статистики за 2016 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/d995b8c0015d159d.html (дата обращения: 07.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

9. Данные судебной статистики за 2017 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/be0aa941308b4c48.html (дата обращения: 07.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

10. Данные судебной статистики за 2018 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/3c486a3a385b456d.html (дата обращения: 07.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

11. Данные судебной статистики за 2019 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/06b26806148f4786.html ((дата обращения: 07.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

12. Данные судебной статистики за 2020 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/ef9e3be7a0bd45f7.html (дата обращения: 07.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

13. Данные судебной статистики за 2021 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/77b1801465c047cb.html (дата обращения: 07.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

14. Данные судебной статистики за 2022 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/6feb6d4214a94434.html (дата обращения: 07.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ
И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ
ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ**

М. М. Степанов

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
ведущий научный сотрудник отдела теории права
и междисциплинарных исследований законодательства,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В современных условиях представляется оправданным широкое использование различных социальных регуляторов, одним из которых является правовая культура. В этой связи огромное значение приобретает правовое воспитание как один из основных способов ее формирования и совершенствования.

Ключевые слова: социальное регулирование, право, правовая культура, правосознание, правовое воспитание.

Annotation. In modern condition, the widespread use of various social regulators, one of which is legal culture, seems justified. In this regard, legal education is of great importance as one of the main ways of its formation and improvement.

Keywords: social regulation, law, legal culture, legal awareness, legal education.

Начало XXI века показало, что все больше возрастает воздействие технологического развития на социум. Конвергентные технологии стремительно изменяют окружающий человека мир. Наряду с реальным активно формируется виртуальное пространство. Метавселенные уже в ближайшие годы создадут конкуренцию традиционному общению, а затем и привычным для нас отношениям практически во всех сферах человеческой жизни. Следующим этапом развития информационного вполне вероятно станет цифровое или даже виртуальное общество.

В этих условиях система существующих социальных регуляторов, ведущим из которых является право, будет подвергнута как минимум серьезной модернизации, поскольку уже сейчас количество и качество издаваемых правовых норм не в полной мере отвечают потребностям регламентирования складывающихся общественных отношений. При этом следует отметить активную правотворческую деятельность, осуществляемую на всех уровнях публичной власти (например, в Российской Федерации на протяжении ряда лет принимается только одних федеральных законов более 500 ежегодно). Лавинообразно

увеличивающееся количество нормативных актов не только не улучшает ситуацию с упорядочением отношений в социуме, но и приводит к возникновению различных коллизий, затрудняет правореализационную практику, в том числе правоприменительную деятельность.

Представляется, что предлагаемые варианты совершенствования существующей системы социального регулирования, например, замещение жесткого законодательного регулирования более гибким (использование мягкого права); имплементация судебных решений в правовые нормы; признание и активное использование в правовом поле судебных прецедентов и т. д., не смогут полностью устранить возникающие проблемы. Нормативная регламентация объективно отстает от динамики развития общественных отношений, а опережающее правовое регулирование в этих условиях является не более чем недостижимым идеалом. Более того, кардинальные изменения действующей системы нормативного регулирования с большой долей вероятности приведут только к негативным последствиям, поскольку эффективность предлагаемых новаций не очевидна и требует серьезного обоснования. Вполне возможно, что возникающие риски с лихвой перевесят достоинства реформированной системы нормативного регулирования. Также следует учитывать, что возможности правовой регламентации отношений в виртуальном пространстве весьма ограничены. Управление в нем осуществляется на основе мультистейкхолдеризма. Нормы права в основном регулируют внешний контур Сети и лишь точно — отношения внутри нее.

Таким образом, следует признать следующее: 1) пробельность права в современных условиях является его обычным (нормальным) состоянием, и этот дефект полностью не устраним; 2) возможности правовой регламентации виртуального пространства ограничены, да и необходимость в тотальном регулировании существующих там отношений отсутствует.

Думается, что в этой ситуации вполне оправданно использование других, не основанных на нормах права, способов воздействия на личность. Прежде всего необходимо обратить внимание на возможности программирования поведения человека. Очевидно, что право не только регулирует общественные отношения, но и оказывает воздействие на правосознание личности, формирует его, задавая через него определенный алгоритм действий индивида. В силу своих особенностей, обладая мощным регулятивным потенциалом, право является сильнейшим средством программирования поведения человека. При этом следует отметить, что существуют и другие элементы правовой реальности, которые оказывают схожее, пусть и менее выраженное воздействие на субъект общественных отношений [1]. Одним из них является правовая культура.

Правовая культура личности представляет собой сложный и многоаспектный правовой феномен. Она охватывает (пронизывает) все основные элементы правовой жизни общества: право, правотворчество, правореализацию (включая правоприменение), правосознание и др. Освоение феномена правовой культуры является одной из важнейших задач правовой науки. В настоящее время выделяют несколько концепций, по-разному рассматривающих ее сущность и содержание: а) антропологическая, в соответствии с которой правовой культурой является все, что создано человеком в правовой сфере; б) социологическая — правовая культура представляет собой систему принятых в данном обществе правовых норм, целей, ценностей, идеалов и пр.; в) философская (правовая культура — это способ бытия человека в правовой реальности) [2, с. 75]. В рамках настоящей работы под правовой культурой будет пониматься система ценностей, созданных человеком в правовой сфере на определенном этапе развития общества, которая применительно к личности проявляется в виде знания и понимания права, осознанного исполнения его предписаний.

Главным признаком правовой культуры является аксиологичность, которая отражает ее сущность, определяет содержание и функции, среди которых выделяется регулятивная (нормативная) функция [3, с. 51]. Ценности, образующие правовую культуру, оказывают воздействие и формируют правосознание человека, побуждая его к соответствующим действиям (бездействию). При этом следует отметить, что ценностный потенциал правовой культуры здесь реализуется совместно с другими областями (сферами) культуры, прежде всего, нравственной культурой. В своей совокупности правовая и нравственная культура через правовое и нравственное сознание обеспечивает социально адекватное, законопослушное поведение личности.

В результате трансляции культурных ценностей, в первую очередь правовых, в субъект отношений закладывается определенная модель поведения, которая становится для него привычной и удобной, а для общества — социально полезной. Таким же образом формируются и идеалы субъекта как высшие цели его стремлений, которые также во многом определяют характер его поступков. В совокупности все это приводит к запрограммированности человека на совершение только правомерных деяний и социально активное поведение в целом. В этом качестве правовая культура наряду с нормами права регламентирует общественные отношения, направляя их развитие в общественно полезное (государственно полезное) русло.

Эффективность программирующего воздействия правовой культуры на поведение человека обусловлена прежде всего уровнем ее развития у конкретной личности. В этой связи огромное значение приобретает правовое

воспитание как один из основных способов формирования и совершенствования правовой культуры субъекта правоотношения [4].

Правовое воспитание является видом воздействия общества на личность, в результате которого у нее появляется определенное отношение к праву и вырабатываются необходимые социоправовые качества. Правовое воспитание следует рассматривать как сложный и многоаспектный вид деятельности, главной целью которого является совершенствование правовой культуры и правосознания. Это процесс, содержание которого образует приобщение людей к знаниям о государстве и праве, законности, правах и свободах личности, выработку у них устойчивой ориентации на законопослушное поведение.

Основными формами правового воспитания являются самовоспитание и самообразование; формирование правосознания и правовой культуры в семье; распространение правовых знаний через средства массовой информации; преподавание юридических дисциплин в образовательных учреждениях; популяризация правовых знаний учеными-юристами и др.

Основной проблемой правового воспитания в современных условиях стало качество транслируемой правовой информации. Традиционные средства распространения юридических знаний в XXI веке (радио, телевидение, печатные издания и т. д.) имеют значительно меньший охват населения, чем сеть Интернет. Особенно это касается молодежи, для которой сейчас основными источниками получения информации, в том числе и в правовой сфере, являются социальные сети, мессенджеры, в целом какие-либо сведения из виртуального пространства. Если в традиционных средствах массовых коммуникаций достоверность информации гарантировалась самим средством массовой информации, то в Сети это ее важнейшее свойство напрямую зависит от доверия лица к субъекту, распространяющему эту информацию. Представляется, что в связи с этим в настоящее время особую важность приобретают формы правового воспитания, в которых задействованы те источники (субъекты), которые будут предоставлять качественную (прежде всего достоверную, а также новую, своевременную и т. д.) правовую информацию.

---

1. Черногор Н. Н., Залоило М. В., Степанов М. М. Партийные акты в механизме программирования правового поведения через призму советского опыта идеологического конструирования нового (коммунистического) типа личности // Вопросы истории. 2022. № 6-1. С. 103–112. [Вернуться к статье](#)

2. Осипов М. Ю. Правовая культура механизм ее формирования // Журн. рос. права. 2012. № 1. С. 75–81. [Вернуться к статье](#)

3. Славова Н. А. Правовая культура: понятие и функции // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2020. № 3. Т. 1. С. 48–55. [Вернуться к статье](#)

4. Певцова Е. А. Правовое воспитание и формирование правосознания в России // Журн. рос. права. 2003. № 10 (82). С. 122–133. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1+343.8

НИЗКИЙ УРОВЕНЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ПРИЧИНА ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СРЕДЕ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Е. Г. Терешенко

Академия МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права
и криминологии уголовно-исполнительного факультета

Аннотация. В статье раскрывается роль правовой культуры в среде осужденных к лишению свободы, а также акцентируется внимание на ее низком уровне как на причине правонарушений в исправительных учреждениях.

Ключевые слова: осужденные, лишение свободы, правовая культура осужденных, правонарушения в исправительных учреждениях, исправление осужденных.

Annotation. The article reveals the role of legal culture among those sentenced to imprisonment, and also focuses on its low level as a determinant of offenses in correctional institutions.

Keywords: convicts, imprisonment, legal culture of convicts, offenses in correctional institutions, correction of convicts.

Воспитание правовой культуры в среде осужденных является одной из ключевых основ формирования готовности у них вести правопослушный образ жизни как при отбывании наказания, так и в постпенитенциарный период.

Актуальные аспекты правовой культуры в среде осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, ранее в своих трудах освещали такие ученые, как С. В. Чалбаа [1; 2], С. С. Щепкин [3], А. М. Смирнов [4], О. Е. Макаркина [5], А. Н. Пастушеня [6], В. Г. Стуканов [7] и др. Основываясь на взглядах указанных авторов, мы предприняли попытку исследования низкого уровня правовой культуры как причины правонарушений осужденными к лишению свободы в период отбывания наказания.

Воспитание у осужденных уважения к праву неразрывно связано со степенью достижения исправления осужденного; предупреждения его десоциализации, еще большего криминального заражения; успешности социальной адаптации в пенитенциарный и постпенитенциарный период, предупреждения совершения им новых правонарушений как в процессе отбывания наказания, так и после освобождения. Низкий же уровень правовой культуры в среде осужденных, напротив, способствует обратному, негативному эффекту во всех перечисленных направлениях.

Исправление осужденных, в соответствии со ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, раскрывается как

формирование у них готовности вести правопослушный образ жизни [8]. И здесь необходимо обратить внимание, что законодатель акцентирует внимание не просто на социально безвредном образе жизни, предполагающем, что лицу будет свойственно поведение, не способное причинить вред обществу в будущем. В данной норме законодатель предполагает, что осужденный сможет являться социально активным лицом, обладающим не только высоким уровнем осознания необходимости соблюдения запрещающих и исполнения обязывающих правовых норм, но и осознанно активно реализующим свои права, изложенные в законе, не приемлющим противоправных путей урегулирования проблем в различных сферах своей жизнедеятельности. Это, в свою очередь, выступает основой успешной социальной адаптации лица в пенитенциарный и постпенитенциарный период и предупреждения совершения лицом новых преступлений.

Отсутствие минимально необходимого устойчивого уровня правовой культуры становится преградой на пути к достижению исправления осужденного: осужденный, имея высокий уровень правосознания, но неустойчивый уровень правовой культуры, остается в категории лиц, которых объективно сложно признать ставшими, а уж тем более твердо ставшими или доказавшими свое исправление. При этом здесь мы не ведем речь о представителях правового нигилизма, о них мы напишем ниже. Здесь же мы говорим, скорее, о категории лиц, которой свойственна неустойчивость уровня правовой культуры, не сопровождающаяся систематическими грубыми нарушениями порядка и условий отбывания наказания, однако из-за которой лицо сложно идентифицировать как готовое к ведению правопослушного образа жизни. На этом уровне речь идет о малой степени предрасположенности осужденного к совершению правонарушения.

Десоциализацию осужденного как последствие его нахождения (как правило, длительного) в исправительном учреждении мы расцениваем как личностную деформацию, предполагающую средний уровень предрасположенности лица к совершению правонарушения. Это обусловлено тем, что в результате длительного нахождения в местах лишения свободы у осужденного может понижаться не только уровень правовой культуры, но и уровень правового сознания. В результате пенитенциарной десоциализации у осужденного возрастает степень безразличия к нормам права, более авторитетными начинают выступать неформальные нормы поведения, принятые в среде осужденных; возрастает степень риска совершения правонарушений в связи с тем, что меры взыскания уже могут не оказывать на него предполагаемого исправительно-педагогического, стимулирующего эффекта, начинают восприниматься им не как справедливая реакция государства на его противоправное поведение, а как

часть его повседневной жизни, которая может сопровождаться убеждением в том, что от его поведения не зависит применение той или иной меры взыскания.

Еще большее криминальное заражение осужденных, расцениваемое нами как личностная деформация, обладающая высоким уровнем предрасположенности лица к совершению правонарушения, в том числе умышленного пенитенциарного преступления, является показателем крайне низкого уровня правовой культуры. При этом отличительной чертой категории лиц, подвергшихся еще большему криминальному заражению, является то, что они могут условно разделяться на две подкатегории: лица, обладающие низким уровнем правосознания, и лица, обладающие высоким уровнем правосознания. Осужденные, обладающие низким уровнем правосознания, отличаются пассивным правовым нигилизмом, выражающимся в безразличном отношении к нормам права, недооценке их роли в жизни в условиях исправительного учреждения, исходя из чего формируется высокий уровень вероятности совершения представителями данной категории лиц правонарушений различного характера. Восприятие мер взыскания такими осужденными схоже с восприятием осужденных группы среднего уровня предрасположенности к совершению правонарушения. Осужденные рассматриваемой категории, обладающие высоким уровнем правового сознания, в свою очередь, представляют собой сегмент спецконтингента с наибольшей степенью риска совершения правонарушения, в том числе преступления. Данной подкатегории свойственно ярко выраженное противопоставление требованиям норм права (активный правовой нигилизм), пропаганда уголовных традиций и криминальных обычаев. Исправительно-педагогическое воздействие на такую категорию лиц должно быть построено главным образом на неуклонном и бескомпромиссном соблюдении принципа неотвратимости ответственности: на любое правонарушение, совершаемое осужденным, должна следовать справедливая правовая реакция государства. Во-вторых, в отношении таких лиц необходимо оказание комплексного воздействия, которое, с одной стороны, искореняло бы в сознании осужденного авторитет уголовных традиций и криминальных обычаев, а с другой — закрепляло бы авторитет норм права. Считали бы целесообразным осуществлять мониторинг динамики уровня правовой культуры таких лиц. Для осуществления такого мониторинга предлагали бы использовать электронную базу данных воспитательной и профилактической работы, проект которой был описан в наших научных трудах ранее [9], путем учета результатов индивидуальных воспитательных мероприятий, проводимых с осужденными, в направлении правового воспитания.

Таким образом, следует заключить, что значение уровня правовой культуры в проблеме совершения осужденными к лишению свободы правонарушений сложно переоценить. Совершенно точно можно утверждать, что низкий уровень правовой культуры является причиной совершения осужденными к лишению свободы правонарушений, а в отдельных случаях — в том числе и преступлений, равно как можно утверждать и то, что повышение ее уровня будет пропорционально способствовать достижению исправления осужденных, их успешной социальной адаптации в пенитенциарный и постпенитенциарный период, а также предупреждению совершения ими новых преступлений.

---

1. Чалбаа С. В. Проблемы деформации правосознания и правовой культуры осужденных // Актуальные вопросы юриспруденции : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 5 февр. 2021 г. Пенза : Наука и Просвещение, 2021. С. 135–137. [Вернуться к статье](#)

2. Чалбаа С. В. Основные подходы к пониманию правовой культуры осужденных и причины деформации // Студенческие научные исследования : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 10 марта 2021 г. Пенза : Наука и Просвещение, 2021. С. 113–115. [Вернуться к статье](#)

3. Щепкин С. С. Правовая культура и правовое сознание осужденных к лишению свободы // Вестн. Самар. юрид. ин-та. 2015. № 4 (18). С. 87–91. [Вернуться к статье](#)

4. Смирнов А. М. О понимании пределов длительных сроков лишения свободы в отношении осужденных мужчин на уровне правосознания и правовой культуры // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Самара, 30–31 мая 2019 г. : в 2 ч. Самара : Самар. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний, 2019. Ч. 2. С. 220–222. [Вернуться к статье](#)

5. Макаркина О. Е. Правовое воспитание осужденных: опыт и поиск новых путей повышения эффективности // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 14 мая 2021 г. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2021. С. 349–353. [Вернуться к статье](#)

6. Пастушеня А. Н. Основные составляющие и этапы индивидуального исправительного процесса // Прикладная юридическая психология. 2020. № 2 (51). С. 6–14. [Вернуться к статье](#)

7. Стуканов В. Г. Психологическая характеристика деформаций правосознания личности // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25, № 3. С. 356–362. [Вернуться к статье](#)

8. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-З : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.06.2022 г. № 183-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

9. Терешенко Е. Г. Значение информационных технологий для эффективности исполнения наказаний учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы // Вестн. Гродн. гос. ун-та им. Янки Купалы. Сер. 4, Правоведение. 2023. Т. 13, № 1. С. 121–127. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

ЗАДАЧИ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ И ПОРЯДОК ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. А. Терещенко

Северо-Кавказский федеральный университет,
заведующий кафедрой правовой культуры и защиты прав человека,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** Рассмотрение правовой культуры как отражения степени овладения профессией государственно-гражданского служащего приобретает теоретико-методологическое и практическое значение. Профессиональное развитие гражданского служащего призвано способствовать повышению правосознания государственных гражданских служащих.*

***Ключевые слова:** правовое воспитание, правовая культура, профессиональное развитие, государственный гражданский служащий.*

***Annotation.** Consideration of legal culture as a reflection of the degree of mastery of the profession of a public civil servant acquires theoretical, methodological and practical significance. The professional development of a civil servant is designed to enhance the legal awareness of civil servants.*

***Keywords:** legal education, legal culture, professional development, public civil servant.*

Эффективность государственной службы определяется степенью развитости профессиональных компетенций, и в указанном контексте мировоззренческие установки государственного служащего имеют социальную и профессиональную значимость.

Правовое воспитание государственных гражданских служащих приобретает в условиях современного этапа государственно-общественного развития особую роль. Задача правового воспитания заключается в достижении уровня правового сознания и правовой культуры государственных гражданских служащих, при котором право воспринимается одной из важнейших ценностей.

«Основы государственной политики России в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», утвержденные Президентом Российской Федерации в мае 2011 г., направлены на формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, а также на преодоление правового нигилизма в обществе [1].

В указанном документе определяются цели государственной политики, направленные на преодоление и ликвидацию правового нигилизма, формирование позитивного правосознания, создание системы стимулов к законопослушному поведению, внедрение в общественное сознание идеи добросовестного исполнения обязанностей и реализацию правовых норм.

Правовую культуру государственных гражданских служащих рассматривают в двух аспектах: как аксиологическую категорию и как содержательную [2, с. 226].

Принято рассматривать определение понятия правовой культуры общества под призмой качественного состояния правовой жизни общества, находящего выражение в совершенстве правовых актов, правовой и правоприменительной деятельности, в высшей степени развитом правосознании и правовом развитии личности. Кроме того, правовую культуру общества характеризует высокая степень свободы индивида и взаимная ответственность государства и личности.

В указанном аспекте правовую культуру государственных гражданских служащих возможно рассмотреть как объемные и формализованные знания законодательства, правильное понимание принципов права, его назначения, задач правового воздействия, сущности государства и механизма государственного регулирования.

Таким образом, исследуемое понятие отражает профессиональное отношение государственных гражданских служащих к праву и практике его применения, готовность предметно-практической деятельности следовать в точном соответствии с правовыми предписаниями и принципами законности.

Содержательный анализ правовой культуры включает понимание ее как открытой системы овеществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права и их отражению в сознании и поведении людей.

Основным направлением реализации административной реформы в сфере государственной гражданской службы следует признать развитие дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих, поскольку для эффективного выполнения своих должностных обязанностей служащие должны не только обладать необходимыми профессиональными знаниями и навыками, но и постоянно их совершенствовать с учетом актуализации и изменений законодательства. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» предусматривает, что профессиональное развитие гражданского служащего осуществляется в течение всего периода прохождения им гражданской службы [3].

Система переподготовки государственных служащих призвана способствовать повышению правосознания государственных гражданских служащих.

Признание государством значимости профессионального развития государственных гражданских служащих подтверждается включением права на дополнительное профессиональное образование с сохранением замещаемой должности и денежного содержания в число гарантируемых им прав. Кроме того, дополнительное профессиональное образование является приоритетным направлением формирования кадрового состава государственной службы.

Профессиональное развитие гражданского служащего осуществляется на системной основе и заключается в приобретении им новых знаний и умений, развитии его профессиональных и личностных качеств в целях поддержания и повышения уровня квалификации, необходимого для надлежащего исполнения должностных обязанностей.

Общая концепция формирования и использования резервов управленческих кадров в Российской Федерации (одобрена Комиссией при Президенте Российской Федерации по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров, протокол от 29 ноября 2017 г. № 5) (далее — Общая концепция) использует следующие понятия:

Личностно-профессиональные ресурсы — профессионально-деловые, личностные, в том числе морально-этические, качества кандидатов и лиц, включенных в резерв управленческих кадров, сформированные на основе накопленного профессионального, управленческого и жизненного опыта, позволяющие проявлять эффективность и результативность на занимаемых должностях, а также потенциал развития данных качеств.

Личностно-профессиональное развитие — процесс приобретения кандидатами и лицами, включенными в резерв управленческих кадров, знаний, умений, навыков, профессионального и жизненного опыта, позитивно влияющий на их профессиональное развитие и отражающийся в соответствующем уровне эффективности и результативности профессиональной деятельности и личных профессиональных достижениях [4].

По результатам изучения и оценки личностно-профессиональных ресурсов лиц, включенных в резерв управленческих кадров, разрабатываются соответствующие программы подготовки и личностно-профессионального развития.

Подготовка и личностно-профессиональное развитие лиц, включенных в резервы управленческих кадров, осуществляются в следующих формах: участие в специальных программах подготовки, включая образовательные программы, стажировки; планируемые должностные перемещения; участие в конференциях, форумах; участие в проектной и экспертной деятельности; индивидуальное и групповое консультирование (коучинг); участие в наставнической деятельности; самоподготовка и другие формы подготовки.

Планирование, разработка и реализация программ профессионального развития лиц, включенных в резерв управленческих кадров, осуществляются с учетом подготовки к целевым должностям и индивидуальных карьерных планов лиц, включенных в резерв управленческих кадров.

Базовым государственным информационным ресурсом в отношении информации о кадровом составе государственных органов является Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации (ЕИСУКС), которая предназначена для решения наиболее важных кадровых и управленческих задач государственной службы.

Цели создания, принципы функционирования, структура, функции, а также порядок работы ЕИСУКС установлены Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 марта 2017 г. № 256 «О федеральной государственной информационной системе “Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации”» [5].

Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2018 г. № 227 «О некоторых мерах по внедрению информационных технологий в кадровую работу на государственной гражданской службе Российской Федерации» закреплён статус ЕИСУКС как федеральной государственной информационной системы в области гражданской службы [6].

ЕИСУКС позволяет заинтересованным гражданам получить исчерпывающую информацию об имеющихся возможностях для профессионального роста. Информационный ресурс предусматривает возможность гражданам найти необходимые сведения для поступления на госслужбу, ознакомиться с вакансиями, размещать резюме, изучать тематические курсы.

В целях реализации Общей концепции разработаны Методические рекомендации, которые содержат описание основных процессов и процедур при формировании резервов управленческих кадров в Российской Федерации и носят рекомендательный характер для субъектов их формирования.

В Методических рекомендациях содержится описание алгоритма формирования резервов управленческих кадров с учетом изложенных в Общей концепции принципов, описание критериев и показателей отбора лиц, включенных в резервы управленческих кадров, обеспечивающих единство подходов к оценке и сопоставимость получаемых результатов, а также подходы к подготовке резерва и оценке эффективности работы с ним.

Методические рекомендации включают описание возможных путей организации и проведения мероприятий по оценке личностно-профессиональных и

управленческих ресурсов кандидатов в резерв управленческих кадров на основе практики применения личностно-профессиональной диагностики.

В практике оценки личностно-профессиональных и управленческих ресурсов кандидатов в резерв управленческих кадров положительно зарекомендовал себя ресурсный подход к оценке и диагностике и разработанная на его принципах технология личностно-профессиональной диагностики.

Технология личностно-профессиональной диагностики применяется при формировании резерва управленческих кадров и представляет собой комплекс оценочных мероприятий и процедур, результаты которых связаны в единую систему итоговых показателей.

На основе итоговых показателей личностно-профессиональной диагностики рассчитывается итоговый рейтинг кандидата, отражающий уровень его актуальной (текущей) управленческой готовности.

В состав такой модели входят десять интегральных стандартизированных показателей оценки личностно-профессиональных и управленческих ресурсов кандидатов и итоговый рейтинговый показатель актуальной управленческой готовности и ее составляющих: стратегическое лидерство, управленческая компетентность, настойчивость и целеустремленность, масштабность мышления, готовность к саморазвитию, экспертная компетентность, готовность к командной работе, компетентности самоуправления, компетентности социального взаимодействия, социальная направленность.

Усиление роли права в процессе регулирования общественных отношений обуславливает формирование государственной политики в области профессионального развития государственных гражданских служащих.

---

1. Основы государственной политики России в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [Электронный ресурс] : утв. Президентом Рос. Федерации 28.04.2011 г., № Пр-1168. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Акимова Т. И. Современные тенденции формирования правовой культуры государственных гражданских служащих // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 1 (047). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-tendentsii-formirovaniya-pravovoy-kultury-gosudarstvennyh-grazhdanskih-sluzhaschih/viewer> (дата обращения: 14.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. О государственной гражданской службе Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 27 июля 2004 г., № 79-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Общая концепция формирования и использования резервов управленческих кадров в Российской Федерации [Электронный ресурс] : одобр. Комиссией при Президенте Рос. Федерации по вопросам гос. службы и резерва управленческих кадров, 29 нояб. 2017 г., № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. О федеральной государственной информационной системе «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации» [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Рос. Федерации, 3 марта 2017 г., № 256. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

6. О некоторых мерах по внедрению информационных технологий в кадровую работу на государственной гражданской службе Российской Федерации [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Рос. Федерации, 5 марта 2018 г., № 227. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.98

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

А. М. Хлус

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** Рассматривается процесс воспитания, ориентированный на формирование у молодого поколения людей стойкого иммунитета к коррупции. Показана важность семейного антикоррупционного воспитания, состоящего в разъяснении подрастающему поколению негативного характера коррупционных отношений, формирования на этой основе осознания необходимости противодействия любым проявлениям коррупции.*

***Ключевые слова:** коррупция, коррупционные преступления, воспитание, семья, антикоррупционное сознание.*

***Annotation.** The process of education is considered, focused on the formation of a strong immunity to corruption in the younger generation of people. The importance of family anti-corruption education is shown, which consists of explaining to the younger generation the negative nature of corruption relations, and on this basis creating awareness of the need to counter any manifestations of corruption.*

***Keywords:** corruption, corruption crimes, education, family, anti-corruption consciousness.*

Сведения о борьбе с коррупцией содержат многие древние памятники права. Например, в документах Древнего Вавилона упоминается о борьбе с коррупцией, которую вел шумерский царь Урунимгина, правивший во второй половине XXIV века до н. э. [1].

За длительный период развития, исчисляемый не одним тысячелетием, человечество не выработало иммунитет к негативному социальному явлению, названному коррупцией. Испробованы различные методы борьбы с коррупцией и ее проявлениями, но уголовная статистика и представители многих государств в лучшем случае отражают состояние ее стабильности.

В разных государствах существенно отличается степень проникновения коррупции в систему общественного устройства. Неодинаково она воспринимается народами (населением) различных стран, но не было и нет государства, в котором отсутствовало бы данное негативное явление.

Почему же коррупция до сих пор не искоренена? Что способствует ее постоянному воспроизводству? Данные и иные схожие вопросы до сих пор актуальны среди философов, социологов, юристов, а также исследователей в иных областях науки.

Ответы на поставленные вопросы, по нашему мнению, локализируются в плоскости понимания главного источника происхождения коррупции. Этим источником в широком его представлении является человек, культивирующий коррупцию как негативное социальное явление.

Ученые указали на множество разных внешних факторов, способствующих проявлению коррупции, но не уделили должного внимания человеку как личности, сформированной на определенном этапе своего развития, усвоившей определенные правила поведения. Различному восприятию источников коррупции способствует также отсутствие четкого понимания отличия между понятиями «причина коррупции» и «условие коррупции».

Существует множество детерминант коррупции. «Одни объективны, другие носят субъективно-личностный характер, одни представляют причины, другие — источники, третьи — предпосылки и условия коррупционного взаимодействия» [2, с. 5].

По нашему мнению, причины коррупции имеют внутренний характер. Они всегда связаны с особенностями личности субъекта деятельности, в процессе которой и совершается коррупционное деяние. Именно свойства личности субъекта составляют внутреннюю основу для возникновения и развития коррупционных отношений.

Условия коррупции представляют внешнюю обстановку (среду), в которой возникают, существуют и развиваются коррупционные отношения [3, с. 91].

Связь причин коррупции с личностью субъекта позволяет определить направления противодействия негативному явлению и роль семьи в формировании антикоррупционного сознания молодого поколения.

Первое представление о правилах поведения в системе различных общественных, в том числе и коррупционных, отношений складывается в рамках семьи. Именно семья создает незыблемую основу для дальнейшего поведения молодой, окончательно не сформировавшейся личности. В дальнейшем приобретенные в семье правила поведения пройдут испытание на прочность в условиях социальной среды (группы). Следует учесть, что основанием для возникновения коррупционных отношений является система правил, сложившихся в определенной социальной группе. Считается, что поведение субъекта соответствует гласным, нормативно регламентированным, и негласным правилам, сформированным средой, в которой он оказался в силу определенных обстоятельств (выполнение служебной функции и т. п.).

Воспринятые молодым человеком правила определяют его психологическую установку. Она порождает и структурирует практическую деятельность человека. Одновременно формируются его представления об окружающей

действительности. В основе этого процесса результаты воспитания на ранних стадиях становления личности человека.

Воспитание — центральное звено в структуре социальной сферы и системе образующих ее условий, влияющих на формирование правил поведения. Данному направлению антикоррупционного воздействия надо уделять больше внимания. Необходимо повысить уровень воспитания граждан. Это способствует изменению психологии людей и, соответственно, позитивно повлияет на статистику совершения ими преступлений.

На уровне семьи речь идет о воспитании детей, нового подрастающего поколения, что предполагает специальные подходы к формированию личности. Нередко перестройка психологии сознания человека необходима и для сформировавшейся личности.

В настоящее время воспитательная работа осуществляется по различным направлениям. В качестве таких направлений ученые называют интеллектуальное, гражданско-патриотическое, профессионально-трудовое, духовно-нравственное, спортивно-оздоровительное, культурно-массовое и эстетическое [4, с. 868]. Эти направления воспитательной работы существенны для формирования личности. Не менее значимым представляется антикоррупционное воспитание, результативность которого находится в прямой зависимости от базовых основ, закладываемых на уровне семьи.

Фактически можно говорить о семейном противодействии коррупции, а его антикоррупционную направленность следует рассматривать в аспекте профилактики коррупционного поведения.

На исключительную важность семейного воспитания ученые давно обратили внимание. Указав на значимость воспитания для формирования будущей личности, бихевиорист Дж. Уотсон заявил: «Дайте мне дюжину нормальных, здоровых младенцев и возможность по своему усмотрению выстроить мир, в котором они будут воспитываться, и я гарантирую вам, что, взяв любого, случайно выбранного ребенка, я выращу из него такого специалиста, какого вы назовете: доктора, юриста, художника, торговца, руководителя и, если захотите, даже нищего или вора, независимо от его талантов, склонностей, предпочтений, способностей, призвания или расовой принадлежности его родителей» [5]. Возражая подобному утверждению, все же нельзя снижать значимость процесса семейного воспитания и его роль в формировании будущей личности. Учитываются при этом характерные для любого ребенка умение наблюдать за окружающим его миром и склонность к подражанию взрослым.

Одной из главных причин, порождающих коррупцию, названо «желание людей обогатиться любым способом, в том числе противозаконным» [6, с. 89]. Это внутреннее желание любого человека, формируемое в зависимости

от условий воспитания, главным образом, на уровне семьи. В дальнейшем его реализация будет происходить при наличии обстоятельств, сложившихся в определенной сфере деятельности человека. Это необходимость повышения роли духовно-нравственных ценностей в обществе, формирования на уровне семьи высоких моральных качеств и чувства ответственности у подрастающего поколения.

Семейное воспитание не изолировано от внешней воспитательной системы. В рамках семьи складывается внутренняя система воспитания, составляющая базис развития молодого человека.

Для внешней системы воспитания характерна неразрывная связь с процессом образования, существенно влияющая на формирование личности и окончательно определяющая систему правил. Эти правила в дальнейшем будут претворяться в жизнь в практической деятельности индивидуума.

Для многих современных государств отрицательным результатом в развитии их национальных образовательных систем является обострение проблемы противоправного поведения. Обучающиеся нередко сталкиваются с негативными проявлениями в образовательной среде: поборы, взяточничество и т. п. Подобные деструктивные действия оказывают отрицательное влияние на уровень образованности молодежи. В таких условиях личностное сознание молодых людей, воспринимающих негативную реальность, формирует систему правил, выходящих за рамки правовых норм. Эти правила послужат основой в их дальнейшей профессиональной и иной социальной деятельности. Следовательно, воспитательный процесс, в основе которого негативная практика, способствует формированию личностей, склонных в зависимости от внешних условий к совершению различных правонарушений, в том числе и преступлений коррупционной направленности.

В сфере образования, равно как и в иных сферах деятельности, проявлению коррупции предшествует ситуация, охватываемая понятием коррупционного риска, т. е. такая ситуация, которая «может потенциально привести к совершению коррупционного правонарушения» [7, с. 39]. Коррупционные риски в данной сфере возможны на этапе приема в учреждение образования, в ходе приема зачетов и экзаменов и т. д.

Противодействовать коррупционным рискам необходимо на уровне семьи. Например, родители, не участвующие в различного рода денежных «поборах», существующих в образовательной системе «ясли — детсад — школа», способствуют формированию антикоррупционного сознания ребенка, посещающего учреждение образования. В ином случае все происходит наоборот: сознание формирующейся личности воспринимает негативную практику, которую в будущем человек будет готов воспроизвести.

Если на уровне семьи противодействуют коррупционным проявлениям, то это создает хорошую основу для формирования личностей с позитивным мировоззрением, но на появление у них антикоррупционного сознания могут оказать влияние внешние негативные факторы. Современные молодые люди не ограничены внутренней биполярной средой «семья — школа (колледж, вуз)». На них оказывает влияние внешняя среда, воздействующая на неокрепшее сознание негативной информацией.

Воспитательный процесс в системе «семья — школа» не должен ограничиваться общими направлениями. Воспитательную работу необходимо вести и по специальным направлениям, указанным в Законе Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», в котором представлена система мер борьбы с коррупцией. Одним из таких направлений является организация «антикоррупционного обучения государственных должностных лиц, а также лиц, обучающихся в учреждениях образования» (п. 17 ст. 5 Закона «О борьбе с коррупцией») [8].

В Законе «О борьбе с коррупцией» не указана целевая направленность деятельности государственных органов, осуществляющих противодействие коррупции. Одна из целей такой деятельности представляется как воспитание граждан, формирование их негативного отношения к коррупции как социальному явлению. Рассматривать антикоррупционное образование необходимо в связке с антикоррупционным воспитанием, т. е. упомянутое ранее направление антикоррупционной деятельности надо представлять как организацию антикоррупционного обучения и воспитания государственных должностных лиц, а также лиц, обучающихся в учреждениях образования.

Относительно понятия «воспитание» существует множество различных научных взглядов. Для целей нашего исследования мы ограничимся словарной формулировкой термина «воспитание», под которым понимаются «навыки поведения, привитые семьей, школой, средой и проявляющиеся в общественной жизни» [9, с. 81]. Учитывая специальную направленность воспитания, можно представить «антикоррупционное воспитание» как элемент общего воспитания и систему правил поведения, усвоенных в семье и в процессе обучения в учреждениях образования, которыми индивид руководствуется в повседневной жизни.

Человек, получивший должное антикоррупционное воспитание, у которого сформировано антикоррупционное сознание, оказавшись в условиях формирующихся или сформировавшихся коррупционных отношений, проявит к ним негативную реакцию.

Внешнее антикоррупционное воспитание (за пределами семьи) тесно связано с антикоррупционным образованием и является его важной составной частью, которая зависит от последнего. Антикоррупционное воспитание

невозможно без антикоррупционного образования, а последнее бессмысленно без первого. Данный тезис мы поясним, основываясь на общем понятии «образование», под которым понимается «совокупность знаний, полученных специальным обучением» [9, с. 349].

На основании изложенного можно сделать вывод о целевой направленности семейного антикоррупционного воспитания, которая состоит в разъяснении подрастающему поколению общественной вредности коррупции, формировании на этой основе осознания необходимости негативного восприятия и отношения к ней.

---

1. Полева И. А., Полев К. О. Историческое развитие понятия «коррупция» [Электронный ресурс]. URL: http://rusnauka.com/4_NIC_2016/Pravo/1_207157.doc.htm (дата обращения: 11.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Потомский В. В. Коррупция как социально-политическое явление: источники и причины возникновения в России // Вестн. Поволж. ин-та упр. 2017. Т. 17. № 1. С. 4–10. [Вернуться к статье](#)

3. Хлус А. М. Криминалистическое противодействие коррупционным проявлениям: проблемы и перспективы // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2017. № 3. С. 88–97. [Вернуться к статье](#)

4. Шириева З. Ш. Основные направления планирования воспитательной работы со студентами в ВУЗе // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2015. Т. 17. № 1 (4). С. 866–869. [Вернуться к статье](#)

5. Воспитание [Электронный ресурс] // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Воспитание> (дата обращения: 10.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Добродей А. И. О мерах борьбы со взяточничеством как наиболее опасной формой коррупции // Промышленно-торговое право. 2018. № 2 (184). С. 88–92. [Вернуться к статье](#)

7. Хлус А. М. Коррупционные риски в сфере образования, пути их выявления и устранения // Законность и правопорядок. Правовой науч-практ журн. 2013. № 2. С. 38–43. [Вернуться к статье](#)

8. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2022 г. № 232-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

9. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд. М. : Рус. яз., 1988. 750 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.114.5

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ПРАВОСОЗНАНИЯ

Е. А. Шаркова

Академия национальной безопасности Республики Беларусь,
профессор специальной кафедры, докторант,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** В статье исследуются некоторые теоретические и практические аспекты правовой культуры и правосознания личности. Рассматриваются вопросы правомерного и противоправного поведения, а также проблемы обеспечения законности и правопорядка в сфере национальной безопасности.*

***Ключевые слова:** право, правовая культура, правомерное поведение, правосознание.*

***Annotation.** The article examines some theoretical and practical aspects of legal culture and legal awareness of the individual. The issues of lawful and illegal behavior, as well as the problems of ensuring law and order in the field of national security, are considered.*

***Keywords:** law, legal culture, lawful behavior, legal awareness.*

Ведущей силой социально активных действий члена цивилизованного общества должен быть высокий уровень его правовой культуры.

Право представляет собой систему общеобязательных социальных норм, установленных и санкционированных государством [1, с. 546].

В праве зафиксированы стандарты поведения, которые государство считает приемлемыми для нормальной и плодотворной жизнедеятельности социальной системы. Сущность права заключается в справедливости, поддерживающей баланс интересов личности и всего общества в системе охраняемых государством норм, призванных служить благополучию и развитию общества, экономическому и политическому прогрессу.

Политика государства выражается в праве, потому что нормы права издаются государством и защищаются им благодаря использованию специального аппарата (суд, органы общественной безопасности, армия).

Представление о том, что регулирует право, дает такое понятие, как «нормы права». Нормы права — это общеобязательные правила поведения, санкционированные государством и обеспеченные его принудительной силой.

Принимая на себя обязательства по обеспечению прав человека, государство имеет право требовать от него поведения, соответствующего предписанным правовым нормам.

Правовые нормы служат важнейшими регуляторами жизнедеятельности общества, они лежат в основе правомерной модели поведения всех его членов. Никакой другой социальный регулятор (например, религия, обычаи, мораль) не может стоять выше права, люди должны подчиняться праву, правовым нормам: все аккумулируется в праве, и в этом его уникальная специфика.

Формой закрепления правовых норм являются соответствующие нормативные правовые акты и иные источники права. С учетом результатов правоприменительной практики законодательство постоянно совершенствуется, устраняются пробелы, противоречия, отменяются малоэффективные нормы права. Хотя правовые нормы, как известно, формально определены, но они могут подлежать изменению, ведь право и общество находятся в развитии.

Стабильность в государственной системе во многом зависит от правовой культуры, базирующейся на приобретенном уровне нравственного и духовного состояния граждан и должностных лиц, ответственных за принятие государственных решений. Для лиц с широкой правовой культурой, как правило, характерно правомерное поведение.

Такие два понятия, как «правомерное поведение» и «противоправное поведение», употребляются в различных областях знаний: в юриспруденции, социологии и др. При этом не всякое противоправное поведение (неправомерное, нарушающее нормы права) представляет опасность для общества, недопустимо лишь то, что противоречит социальному общежитию.

Правомерное поведение отличается от противоправного вытекающими последствиями. При правомерном поведении граждан отношения в обществе становятся стабильными, интересы всех находятся под защитой, формируются и укрепляются общественный порядок, законность.

Правомерное поведение соответствует высокой правовой культуре и определяется добросовестным исполнением членом общества гражданского долга, ответственностью за совершаемые поступки, сознательным выполнением возложенных на лицо многочисленных обязанностей. Значимость правомерного поведения — это пример социальной активности человека.

Противоправное поведение характеризуется асоциальным отношением субъекта права к общепринятым нормам. В этом случае попрание норм может быть представлено в виде сознательного или неосознанного правонарушения, причиняющего обществу реальный вред.

Противоправные действия способствуют разрушению социальных ценностей, ущемлению прав других людей, возникновению беспорядков, являются нарушением норм права и приводят в результате к социальным отклонениям, хаосу в государстве, росту преступности. Из-за преступности происходят негативные изменения в общественной жизни, низвергающие признанные

социальные ценности, возникает угроза национальной безопасности. Государство несет большие экономические убытки вследствие издержек, связанных с противостоянием преступности, устранением и нейтрализацией ее причин и условий.

Вопросы, касающиеся уровня правовой культуры, должны определяться уполномоченными на то законодательными органами государства, издающими нормативные правовые акты, правосознанием специалистов в области права и членов общества, для которых они написаны.

Правосознание представляет собой юридическую конструкцию, которая может и должна индивидуализироваться при осмыслении и выражении конкретной сферы социально-правовой действительности, образуя разновидность «отраслевого» правосознания [2, с. 264].

Главное назначение правосознания обычно сводится к познанию и оценке индивидами правовой действительности, ориентации участников общественных отношений на законопослушное поведение. Правосознание выполняет важную роль для совершенствования человеческой практики во всех сферах социальной жизни, творческого влияния на окружающий мир и активной деятельности в нем.

Высокая степень правосознания достигается при помощи комплексного правового просвещения, образования и воспитания. Различные аспекты правосознания, понимаемого как форма общественного сознания, исследуются в ряде гуманитарных наук: философии, социологии, общей теории права, социологии права, философии права и в криминологии.

Правосознание имеет широкое теоретическое и практическое значение не только в рамках юриспруденции, но и для обеспечения оптимального функционирования всего общества. Особенность правосознания заключается в осмыслении и принятии через оценки оптимальности устройства государства, его органов и общественных формирований, эффективности системы законодательства. Правосознание должно находиться в постоянном развитии, обладать способностью быстро отражать новые тенденции в обществе, требующие дальнейшего совершенствования действующих норм права.

Возможный критический подход индивидуального правосознания к праву представляет собой важное направление его деятельности, потому что не все нормы права соответствуют личным интересам отдельных граждан, проявляющим правовой нигилизм.

Правовой нигилизм сводится к отрицательному восприятию закона и представляет опасность для нормального функционирования субъектов социально-правовой действительности, этот нигилизм преодолевается только посредством формирования оптимального процесса развития правосознания.

Правовой нигилизм, как правило, не свидетельствует о полной несостоятельности человека как личности, но может предполагать недопустимое отрицание этим индивидом идей верховенства права. Правовой нигилизм характерен для лиц, подверженных социальным отклонениям.

Антиобщественные процессы, связанные с социальными отклонениями, в той или иной степени нарушают государственный порядок, наносят определенный моральный и материальный вред, способствуют дестабилизации общества, возникновению угроз национальной безопасности.

В заключение следует отметить, что люди в течение своей жизни совершают множество поступков, большая часть из них могут оставаться вне зоны внимания государства, особенно если реализуются в непубличной сфере общественных отношений. Считается, что правовые нормы должны совпадать с моральными нормами, поскольку совместно регулируют отношения в обществе, взаимодействуют друг с другом, в этом проявляются юридические принципы справедливости, гуманизма, равенства.

Знание норм права и морали не гарантирует правомерности поведения, эти знания приобретают силу только в случае, если переходят в нравственные убеждения [3, с. 61].

Соответствие правомерного поведения нравственно-этическим требованиям возможно, но не обязательно для многих сообществ, так как вследствие непрерывных изменений окружающего мира нравственные устои могут не успевать стабилизироваться.

Моральные ценности разительно отличаются у членов общества в зависимости от степени их правовой культуры и правосознания, и то, что соответствует идеальным представлениям одного человека, зачастую может быть неприемлемым для другого. Моральные нормы не имеют формального закрепления в сравнении с юридически утвержденным правомерным поведением, которое основано на обязательном соблюдении лишь одного вида социальных норм, а именно норм права.

По нашему мнению, ссылка на правомерность безнравственного поведения вследствие допустимости его законом, существующим в государстве, не может служить оправданием.

Таким образом, правовая культура проявляется в правомерном поведении и основывается на юридических нормах, а уже эти нормы, действующие в обществе, должны иметь высоконравственное содержание, соответствовать принципам гуманизма. Правомерное поведение обычно характеризуется дисциплинированностью, организованностью субъектов права при соблюдении норм права и исключении нарушений правопорядка в виде нанесения оскорблений, ущерба личной и общественной собственности, посягательств на здоровье

других граждан. Законность и правопорядок в обществе обязано обеспечить государство всеми доступными ему средствами и методами.

Для предупреждения возможных общественных конфликтов, возникающих вследствие нарушения норм, регламентирующих поведение людей, правовое регулирование в обществе должно опираться на правовую культуру всех граждан, знания юридической теории и практики, а также на современные достижения правовой науки. Необходимо установление оптимального правового регулирования общественных отношений в сфере обеспечения национальной безопасности, которое максимально соответствует предписаниям правовых норм и заложенным в них принципам социальной справедливости для устойчивого функционирования государства.

---

1. Малый энциклопедический словарь. М. : АСТ : Астрель, 2002. 831 с. [Вернуться к статье](#)

2. Общая теория права : пособие / В. А. Абрамович [и др.] ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. 2-е изд., стер. Минск : БГУ : Четыре четверти, 2017. 416 с. [Вернуться к статье](#)

3. Шаркова Е. А. Личность несовершеннолетнего преступника, ее формирование и криминализация / под общ. ред. В. А. Ананича. Минск : Интегралполиграф, 2020. 102 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 004

МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ОФЛАЙН-ФОРМАТЕ

Д. В. Яковчик

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры правовых дисциплин

Аннотация. В статье рассматривается методология информационно-коммуникативной компетентности личности вне сетевой активности как важный фактор информационной безопасности личности.

Ключевые слова: информационно-коммуникативная компетентность личности, информационная безопасность личности, профайлинг, бесконфликтное общение, межличностное общение.

Annotation. The article discusses the methodology of information and communication competence of a person outside of network activity as an important factor of personal information security.

Keywords: information and communication competence of a person, information security of a person, profiling, conflict-free communication, interpersonal communication.

Информационно-коммуникативная компетентность личности (далее — ИКК) — сложное в структурном и функциональном плане понятие, объединяющее навыки, критически важные для успешной социальной адаптации и профессионального развития личности. Данный вид компетентности объединяет в себе коммуникацию, работу с информацией, следование своей социальной и профессиональной роли, толерантное отношение к партнеру по общению, умение создавать оптимальное коммуникативное пространство, интеграцию специализированных знаний и личностных качеств в общую способность проявлять осознанную активность в пространстве информационных ресурсов, умение координировать внутренние и внешние коммуникационные ресурсы, осваивать новые знаковые системы, принципы кодировки и передачи данных и т. д. [1, с. 122].

Основными компонентами ИКК являются информационная компетентность и коммуникативная компетентность. Информационная компетентность помогает личности собирать и организовывать информацию, анализировать ее, выделять ключевые факты и сведения, адаптировать информацию под свои потребности и цели, а также применять полученные знания и навыки для решения реальных задач, коммуникативная же компетентность представляет собой способность эффективно строить и поддерживать коммуникацию в различных сферах жизнедеятельности.

Формирование ИКК позволяет эффективно предупреждать киберпреступления, уменьшать влияние деструктивного поведения на личность, искажение представлений личности о традиционных ценностях, манипулирование его сознанием.

Методы развития ИКК личности разнообразны. Автор предлагает классифицировать по признаку формата обучения и использования информационно-коммуникативных технологий, выделив:

- а) методы развития ИКК в сетевой активности;
- б) методы развития ИКК в профессиональной коммуникации офлайн-формата.

Подобная классификация видится нами актуальной, т. к. в первую очередь она позволяет определить необходимые ресурсы и средства, важные для совершенствования цифровой гигиены личности, безопасного ее поведения в сети Интернет.

В данной статье будут рассмотрены методы офлайн-формата. Автором отмечено, что элементы ИКК могут быть развиты и без участия онлайн-ресурсов, поскольку коммуникативная составляющая реализуется и в традиционной, офлайн-коммуникации. В данном направлении возможным представляется выделение нескольких способов развития ИКК, одним из которых является обучение личности профайлингу.

Профайлинг — это технология предотвращения противоправных действий посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций с использованием методов прикладной психологии [2, с. 5]. Под технологией понимается комплекс организационных мер, операций и приемов, направленных на получение результата необходимого качества посредством оптимальных (минимально возможных без ухудшения качества) затрат. Возможность совершения человеком противоправных действий определяется путем «непосредственного усмотрения» признаков, характерных для подготовки к совершению противоправного деяния [3, с. 3]. Он используется в различных областях, включая деятельность правоохранительных органов.

Профайлинг также является важным элементом информационно-коммуникативной компетентности. Инструменты профайлинга позволяют определить ложь в словах человека, выявить потенциально опасных лиц (правонарушителей, людей с проявляющимся девиантным поведением и т. д.) на основе анализа мимики, жестов и речи [4, с. 155].

Профайлинг является важным элементом общей ИКК личности по нескольким причинам. Во-первых, профайлинг позволяет анализировать информацию о людях, чтобы получить представление об их потребностях, предпочтениях и взаимосвязях. Это позволяет лучше понимать свою целевую

аудиторию и лучше адаптировать реализуемую коммуникативную стратегию под ситуацию. Во-вторых, профайлинг позволяет повысить эффективность коммуникации. Люди имеют различные стили коммуникации и предпочитают получать информацию разными способами. Например, некоторые люди предпочитают получать информацию в письменном виде, в то время как другие предпочитают вербальную коммуникацию. Знание профиля аудитории позволяет определить эти предпочтения. В-третьих, использование профайлинга позволяет лучше понять потребности, интересы и взгляды людей. Это помогает строить более глубокие и значимые отношения на основе общих интересов или ценностей. Также понимание профиля аудитории помогает более осознанно оценивать получаемую информацию и избегать возможных манипуляций или влияния. Знание профайлинга позволяет лучше распознавать мотивы и интересы людей и принимать более информированные решения.

В целом профайлинг является важным элементом ИКК, который помогает лучше понимать, адаптировать и эффективно использовать информацию и коммуникационные навыки для достижения профессионально ориентированных целей.

К способам развития навыков применения технологий профайлинга можно отнести следующие:

1. Обучение и образование (прохождение курсов или получение высшего образования в области психологии, социологии, криминалистики).
2. Чтение и исследование (исследование актуальных источников информации и участие в конференциях и семинарах).
3. Практика и опыт (участие в проектах и задачах, связанных с профайлингом).
4. Развитие навыков наблюдения и анализа (регулярные тренировочные занятия, использование аналитических инструментов).

Следующее направление реализации ИКК личности связано со взаимодействием в рамках коллектива и проявлением навыков бесконфликтного общения. Очевидно, что полностью исключить конфликты из коммуникации невозможно, однако часть из них можно либо нейтрализовать, либо предупредить. С одной стороны, конфликт может рассматриваться как возможность найти правильное решение, компромисс, выход из ситуации, с другой — конфликт способен иметь деструктивный характер. Поэтому в различных сферах жизни необходимо уметь управлять конфликтами, минимизировать их негативное воздействие.

Обучение действиям в условиях конфликта также входит в число задач профессионального обучения и образования личности, которые реализуются

как в системе высшего образования, так и на уровне занятий по служебной подготовке в подразделениях.

Существует несколько методик, которые реализуются на уровне стандартных речевых практик и моделей поведения. Например, методика «разрыва шаблона» позволяет нейтрализовать агрессивное поведение оппонента в конфликте путем сенсорного переключения. Для этого достаточно постараться перевести диалог на что-либо другое, высказать отвлеченное от предмета конфликта суждение, «случайно» совершить какое-либо действие, не имеющее отношение к конфликту. Агрессия не достигнет цели, а конфликт возможно нейтрализовать и перевести в конструктивный диалог. Методика «снайпера» позволяет избежать провокационных вопросов и фраз оппонента. Для ее применения достаточно сделать вид, что вы не расслышали вопроса и снова задать его. Оппонент, в большинстве случаев, не сумеет сформулировать тот же вопрос или фразу, начнет теряться и утрачивать контроль над ситуацией [5, с. 282–283].

По мнению О. А. Коноваловой, владение и использование сотрудником ОВД навыков построения эффективных коммуникаций не только с коллегами, но и с потерпевшими, свидетелями, очевидцами и людьми, подозреваемыми в совершении противоправного деяния, позволит значительно повысить не только продуктивность деятельности конкретного сотрудника, но и милиции в целом. В ходе профессионального обучения сотрудников правоохранительных органов используются актуальные технологии оперативной психодиагностики, применение которых в профессиональной деятельности позволяет выявлять характерологические особенности опрашиваемого лица, исключая проведение психологического тестирования [6, с. 106–107].

Межличностное общение является одним из ключевых элементов коммуникативной компетентности личности. Оно означает способность эффективно и гармонично взаимодействовать с другими людьми. Межличностное общение включает в себя не только вербальную коммуникацию, то есть обмен словами и информацией, но и невербальные сигналы, такие как жесты, мимика, телодвижения, тон голоса и т. д. Невербальные сигналы могут передавать эмоции, настроение, отношение и помогать понять смысл сообщения.

Ключевые компоненты межличностного общения включают умение слушать и понимать других людей, выражать себя четко и ясно, адаптироваться к различным ситуациям и культурным контекстам, устанавливать контакт с собеседником, решать конфликтные ситуации и строить взаимоотношения.

Межличностное общение также включает в себя эмпатию — способность понимать и разделять чувства и переживания других людей. Эмпатия помогает

установить более глубокую и доверительную связь с собеседником и понять его потребности и ожидания.

Коммуникативная компетентность личности включает в себя не только умение правильно общаться с другими, но и умение адаптироваться к коммуникационной ситуации, управлять своими эмоциями, решать конфликтные ситуации и строить взаимоотношения на основе доверия и уважения.

Межличностное общение важно для достижения успеха во многих сферах жизни — на работе, в учебе, в личных отношениях и т. д. Оно помогает выстраивать эффективные коммуникационные процессы, решать проблемы совместной деятельности, поддерживать хорошие отношения и создавать благоприятный климат для сотрудничества и взаимодействия. Таким образом, межличностное общение играет важную роль в развитии коммуникативной компетентности личности.

Навыки межличностного общения зависят от умения личности поддерживать контакт. Формированию подобных навыков помогают умения слушать собеседника, быть эмпатичным (уметь сопереживать). Также важным условием является развитие не только вербальной (речевой) коммуникации, но и невербальной, поскольку невербальные сигналы (жесты, мимика, тон голоса) зачастую выражают большее количество информации, чем собеседник выражает вербально. Межличностному общению также способствует навыки нейтрализации конфликтов.

Таким образом, ИКК представляется сложным понятием, высокий уровень которого является важным условием для обеспечения информационной безопасности личности и противодействия преступности в сети Интернет. Основными методами формирования ИКК в офлайн-сфере является обучение навыкам профайлинга, межличностного общения и бесконфликтного поведения.

---

1. Вендиктов С. В., Яковчик Д. В. Структура информационно-коммуникативной компетентности личности // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сб. науч. тр. / Могилев. ин-т МВД. Могилев, 2023. Вып. 11. С. 120–125. [Вернуться к статье](#)

2. Профайлинг. Технологии предотвращения противоправных действий : учеб. пособие / Ю. М. Волынский-Басманов [и др.] ; под ред. Ю. М. Волынского-Басманова, Н. Д. Эриашвили. М., 2012. [Вернуться к статье](#)

3. Агейко О. В. Профайлинговая компетентность сотрудников МВД как составляющая успешной профессиональной деятельности // Повышение квалификации и переподготовка управленческих кадров: проблемы и решения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 6 нояб. 2015 г. Минск : Акаде. МВД Респ. Беларусь, 2015. С. 3–5. [Вернуться к статье](#)

4. Яковчик Д. В. Потенциал использования технологий профайлинга в отношении подростков [Электронный ресурс] // Психология: шаг в науку : сб. материалов

IX Респ. с междунар. участием науч.-практ. конф. студентов и магистрантов, Брест, 14 окт. 2022 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол. : А. В. Северин. Брест, 2022. С. 155–157. [Вернуться к статье](#)

5. Яковчик Д. В. Речевые способы нейтрализации конфликтов // Обеспечение безопасности жизнедеятельности: проблемы и перспективы : сб. материалов XV Междунар. науч.-практ. конфер. молодых ученых, Минск, 7–8 апр. 2021 г. : в 2 т. / УГЗ МЧС Республики Беларусь ; редкол.: В. А. Бирюк [и др.]. Минск, 2021. Т. 2. С. 282–284. [Вернуться к статье](#)

6. Коновалова О. А. Формирование навыков построения эффективных коммуникаций в ходе профессионального обучения сотрудников правоохранительных органов // Современные тенденции развития юридической науки : материалы междунар. науч.-теорет. конф. молодых ученых, г. Караганда. Караганда : Караганд. акад. МВД, 2020. С. 105–107. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.5

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В РОССИИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Т. В. Яловенко

Волгоградская академия МВД России,
заместитель начальника кафедры теории и истории права и государства,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** В статье рассматривается правовое воспитание в России и его значение в формировании правовой культуры. Автором рассмотрены понятия правового воспитания и правовой культуры, элементы правовой культуры, воспитательная функция как одна из функций правовой культуры. Автор акцентирует внимание на цели правового воспитания и приходит к выводу, что основным направлением в современный период является патриотическое воспитание личности.*

***Ключевые слова:** правовое воспитание, правосознание, правовая культура, патриотическое воспитание.*

***Annotation.** The article examines legal education in Russia and its importance in the formation of legal culture. The author presents the concept of legal education and legal culture, elements of legal culture, educational function as one of the functions of legal culture. The author focuses on the goals of legal education and comes to the conclusion that the main direction in the modern period is the patriotic education of the individual.*

***Keywords:** legal education, legal awareness, legal culture, patriotic education.*

Правовое воспитание — это процесс, в ходе которого осуществляется воздействие на личность с целью формирования правового сознания, установки уважительного отношения к праву, правовой культуры. Правовое воспитание можно рассматривать и как систему, как комплекс целенаправленных мер и средств воздействия на сознание личности.

К основным формам правового воспитания следует отнести правовое обучение, правовую пропаганду, самовоспитание, правовой опыт. Правовое воспитание, осуществляемое различными формами, должно сопровождаться созданием благоприятных условий для развития личной дисциплины, организованности и ответственности. К методам правового воспитания относят убеждение, пример, принуждение, поощрение. При всем многообразии методов нужно учитывать их совместимость с теми или иными формами и средствами правового воспитания.

В процессе правового воспитания передаются правовые знания, формируется личное убеждение соблюдать законодательство, а также умения применять полученные знания на практике при защите прав.

Правовая культура современного общества — часть культуры в целом, на нее действуют общекультурные закономерности и процессы. В правовой культуре отражены правовые ценности общества, прогрессивно реализуемые в сфере права; состояние качества правовой жизни страны, где право является социальной ценностью, своеобразным нравственным богатством.

По мнению Д. Шедова, понятие правовой культуры практически сводится «к знанию и пониманию норм позитивного права» [1, с. 465]. Право рассматривается как ядро, формирующее поведение и взаимоотношения людей посредством нормативно-правовых документов, издаваемых государством.

Элементы правовой культуры (материальные, организационные и духовные) находятся в тесной взаимосвязи и оказывают влияние на уровень правовой культуры в целом. Элементами правовой культуры могут быть обычаи, правовые нормы, правовые концепции, ценности и т. д. Как отмечают Е. Г. Шиханова, О. В. Кленкина, «в правовой доктрине выработана более ровная позиция: выделяются три-четыре компонента, в которых фундаментальное место занимают правовые знания» [2, с. 76]. Право выступает цементирующим элементом структуры правовой культуры.

Правосознание — элемент структуры правовой культуры. В самом общем виде правосознание — это отношение к праву. Оценка правосознания содержит такие явления, как правовой идеализм, правовой инфантилизм, правовой нигилизм, правовое перерождение, то, что принято именовать деформацией правосознания личности или социальной группы.

Правовой идеализм — это форма искажения правосознания, заключающаяся в том, что человек знает свои права и полагает, что реализовать их должны компетентные органы государственной и муниципальной власти и его участия не требуется.

Если правовой идеализм предполагает знание субъектом своих прав, то правовой инфантилизм, являясь также формой искажения правосознания, заключается в недостаточности правовых знаний.

Правовой нигилизм определяется в юридической науке как негативное отношение к праву, как антипод правовой культуры, как низкий уровень развития правового сознания, как одна из деформаций правосознания и т. д.

Так, по мнению А. А. Косенко, правовая антикультура (правовой нигилизм) личности — это «поверхностность, отрывочность правовых знаний, отрицательное отношение к правовому миру государства, правовая пассивность и негативное отношение к активистским движениям граждан» [3, с. 386]. Правовой нигилизм порождает негативное отношение и отрицание права как социального регулятора общественных отношений, ввиду чего формируется искаженное правосознание.

Крайняя степень искажения правосознания — правовое перерождение, то есть переход от правомерного к противоправному поведению.

Элементы правовой культуры, как уже отмечалось, находятся в тесном взаимодействии и включены в различные структуры. Например, право входит в систему социальных норм, правомерная деятельность — в систему социальной деятельности людей в юридической сфере, правопорядок — составная часть общественного порядка, правоотношения — разновидность общественных отношений, законность охватывает все явления общественной жизни.

К основным функциям правовой культуры относятся праворегулятивная, коммуникативная, познавательно-преобразовательная, ценностно-нормативная, правосоциализаторская, прогностическая, воспитательная. Важной функцией правовой культуры является воспитательная функция. Как замечает Н. А. Славова, она «направлена на формирование правовых мотивов, влияния на ценностные ориентиры, внутренние потребности. В целом данная функция связана с процессом и системой правового воспитания, с идеологической ролью права в обществе (она влияет на волю, мысли и чувства людей)» [4, с. 53].

Следует отметить, что для современного периода развития в России сформирован недостаточный уровень правосознания и правовой культуры. По результатам проведенного Аналитическим центром «НАФИ» опроса населения России, в котором приняли участие 1 600 человек, отмечается изменение Индекса правовой грамотности по сравнению с предыдущими годами. В Индекс правовой грамотности входит три показателя: знания, навыки, установки. По результатам последнего проведенного опроса, Индекс правовой грамотности россиян составил 54 п.п. из 100 % возможных. Для сравнения: в 2020 году Индекс правовой грамотности россиян составил 47 п.п. из 100 % возможных. В 2019 году Индекс правовой грамотности населения составил 48 п.п. из 100 % возможных (в 2018 году — 54). Проведенное исследование показало, что необходимо воспитание правовой культуры граждан со школы [5].

Цель правового воспитания — достичь высокого уровня правовой культуры, предполагающей, что человек знает и соблюдает закон, не нарушает права других людей. Высокий уровень правовой культуры способствует снижению правонарушений, формированию общества, в котором уважается закон.

Достижение высокого уровня правовой культуры граждан предполагает системность и целенаправленность применения возможных средств, форм, методов, а также активное участие всех субъектов правового воспитания.

Правовое воспитание предполагает активное участие всех институтов публичной власти и социальных структур общества — органов государственной власти и местного самоуправления; правоохранительных органов, профессиональных сообществ адвокатов, образовательных учреждений, общественных

объединений, средств массовой информации. Особое место среди субъектов правового воспитания принадлежит органам государственной власти, так как они наделены средствами воспитательного воздействия (организационно-юридическими, политико-правовыми и т. д.).

Реализация государственной политики, предусматривающей меры по повышению правовой культуры, правовой грамотности российских граждан, нацелена на построение высокоразвитого гражданского общества. В рамках реализации информационно-правовой политики государства был принят Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [6], который способствует решению проблемы правовой информированности граждан.

Основными проблемами оказания бесплатной юридической помощи являются:

- отсутствие у граждан единого источника информации, как поступить в той или иной жизненной ситуации;
- разный подход в субъектах Российской Федерации к информированию и оказанию гражданам бесплатной юридической помощи;
- низкая информированность граждан о порядке обращения за бесплатной помощью и условиях ее оказания и т. д.

Министр юстиции Российской Федерации отметил, что в России 30 млн граждан имеют право на получение бесплатной юридической помощи, но обращаются ежегодно 1–2 % граждан [7]. Следует отметить, что дополнительные права на получение бесплатной юридической помощи (на начало 2023 г.) установлены в 83 субъектах Российской Федерации.

В современный период следует особое внимание уделить именно патристическому воспитанию. Верно отмечают Ю. В. Кудашова, Т. А. Никитина: «В настоящий момент наблюдается обострение внешнеполитической ситуации, усиление конфронтации между государствами, стремление разрушить устоявшиеся ценности и искажение содержания мировой истории, а также роли России в ней. Наибольшее беспокойство вызывает разжигание межнациональной розни, активное распространение деструктивных идеологий и чуждых моделей поведения, реабилитация фашизма. Оперативно и адекватно ответить на все вышеперечисленные вызовы способна развитая система патристического воспитания. Приоритетными задачами данного направления является: консолидация общества, создание идеологической основы мощи России и укрепление ее государственности» [8, с. 58].

Таким образом, правовое воспитание представляет собой целенаправленный процесс, планируемым результатом которого является высокий уровень

правовой культуры личности, способной применять знания, уметь отстаивать свои законные права и интересы.

Значение правового воспитания в формировании правовой культуры личности заключается в гармоничном развитии личности, создании правовых ценностей, накоплении юридических знаний и опыта и т. д. С учетом внешних негативных факторов основным направлением развития правовой культуры в России должно стать патриотическое воспитание подрастающего поколения.

---

1. Шедов Д. Понимание правовой культуры: дискурсивные традиции и объяснительный потенциал // Журн. исслед. социальной политики. 2019. Т. 17. № 3. С. 465–469. [Вернуться к статье](#)

2. Шиханова Е. Г., Кленкина О. В. Содержание и структура правовой культуры личности // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 2 (79). С. 73–78. [Вернуться к статье](#)

3. Косенко А. А. Правовой нигилизм как антикультура личности // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2019. № 13. С. 385–387. [Вернуться к статье](#)

4. Славова Н. А. Правовая культура: понятие и функции // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 3. С. 48–55. [Вернуться к статье](#)

5. Правовая грамотность россиян. На пути к гражданскому обществу 2020 [Электронный ресурс] // Аналитический центр НАФИ. URL: <https://nafi.ru/projects/sotsialnoe-razvitie/pravovaya-gramotnost-rossiyan-na-puti-k-grazhdanskomu-obshchestvu-2020/> (дата обращения: 27.01.2024). [Перейти к источнику](#)
[Вернуться к статье](#)

6. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. Закон, 21 нояб. 2011 г. № 324-ФЗ : в ред. от 25.12.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. Министерство юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/> (дата обращения: 27.01.2024). [Перейти к источнику](#)
[Вернуться к статье](#)

8. Кудашова Ю. В., Никитина Т. А. Современное состояние патриотического воспитания молодежи в РФ: политико-правовой аспект // Тр. Оренбург. ин-та (фил.) Моск. гос. юрид. акад. 2023. № 2 (56). С. 57–62. [Вернуться к статье](#)

Трибуна молодых исследователей

УДК 343.976

Пьянство и наркотизм как детерминанты преступности в Республике Беларусь

М. А. Андреасян

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (Беларусь),
магистрант юридического факультета

В. Г. Стаценко

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (Беларусь),
доцент кафедры уголовного права и процесса,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Работа посвящена исследованию таких девиантных форм поведения, как пьянство и наркотизм, существенно детерминирующих криминогенные риски в Республике Беларусь. В статье проведен сравнительный анализ официальных статистических данных по исследуемой проблеме с целью выявления динамики и тенденций преступлений, совершаемых в алкогольном и наркотическом состояниях. Результатом исследования стал вывод о значительной криминогенной опасности рассмотренных деструктивных явлений и предложения по их превенции.

Ключевые слова: пьянство, алкоголизм, наркотизм, девиантное поведение, «пьяная преступность», «пьяный преступник».

Annotation. The work is devoted to the study of such deviant forms of behavior as drunkenness and drug abuse, which significantly determine criminogenic risks in the Republic of Belarus. The article provides a comparative analysis of official statistical data on the problem under study in order to identify the dynamics and trends of crimes committed under alcohol and drugs. The result of the study was the conclusion about the significant criminogenic danger of the considered destructive phenomena and proposals for their prevention.

Keywords: drunkenness, alcoholism, drug addiction, deviant behavior, «drunken crime», «drunken criminal».

В современных условиях достаточно непростой социально-экономической ситуации особое значение в качестве факторов социально негативной направленности приобретают такие девиантные формы поведения, как пьянство и наркотизм, значительно повышающие уровень криминогенности в стране.

Злободневность проблемы подтверждается тем фактом, что даже по сравнению с началом «лихих девяностых» минувшего столетия, когда на душу населения потреблялось 5,7 литра абсолютного алкоголя [1, с. 296],

по состоянию на 2022 год этот показатель существенно увеличился, составив 11,8 литра абсолютного алкоголя в год на одного человека в возрасте 15 лет и старше [2]. Цифра весомая, поскольку специалисты утверждают, что если потребление превысит 8 литров, то это неизбежно приведет к негативным генетическим заболеваниям [1, с. 296], а так как под пагубное влияние алкоголя попадает несовершеннолетняя часть населения, то это вызывает еще больший вопрос о будущем здоровье и благополучии нации.

Согласно данным о структуре потребления алкоголя в Республике Беларусь на 2023 год, водка по уровню потребления составляет более 55 % [2]. Стоит отметить, что 46 % «пьяных преступников» подвержено употреблению именно водки, а, по данным криминологических исследований, рост уровня продаж водки на 1 % сопровождается ростом уровня убийств — на 1,14 % или на 3,3 случая на 100 000 населения [3, с. 5, 8].

По данным Министерства здравоохранения Республики Беларусь, показатель случаев заболеваний алкоголизмом и алкогольными психозами (с впервые в жизни установленным диагнозом) на 100 000 человек населения составил в 2022 году — 154,9 случая, что существенно выше показателей 2020 и 2021 годов (138,8 и 136,9 — соответственно). Наиболее высокий показатель — по Витебской области (175,4). Та же динамика показателей заболеваний наркоманией и токсикоманией: 2020–2021 годы — 4,9 случая на 100 000 населения, 2022 год — 6,3 случая. Наивысший показатель — 7,7 случая — в Гомельской области [4, с. 162–163].

Согласно данным за 2023 год, число пациентов, наблюдающихся с хроническим алкоголизмом, составило 19 590 человек (2022 г. — 19 522) — рост на 1,9 % по относительному показателю [5, с. 3].

На диспансерном учете в 2023 году состояло 20 366 наркологических больных (2022 год — 20 240) [5, с. 3].

Значительные опасения вызывают статистические данные, свидетельствующие о тенденции роста количества лиц, совершающих преступления в состоянии алкогольного опьянения: если в 2018 году число их составляло 12 216 человек, то в 2022 году — возросло до 13 813 [6].

Каждый второй «пьяный преступник» проходил принудительный курс лечения от хронического алкоголизма [7, с. 16].

Что касается данных о количестве лиц, совершающих преступления в состоянии наркотического опьянения, можно отметить — согласно данным официальной статистики — тот же отрицательный тренд последних лет: если в 2018 году было зарегистрировано 1 073 человека, то в 2022 году — 1 307 [6].

Статистика общего числа преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, позволяет вместе с тем обнаружить благоприятную

тенденцию снижения уровня данной категории. Так, количество преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, по сравнению с 2010 годом (29 168), в 2022 году снизилось в два раза (до 15 841) [8, с. 143].

Следует отметить, что с состоянием алкогольного опьянения сопряжено совершение до 90 % убийств, свыше 60 % хулиганств, грабежей, разбоев и причинений тяжких телесных повреждений [7, с. 15].

Число преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, также сократилось (2015 год — 2 275; 2022 год — 1 490 [8, с. 143].

Представляет интерес разработанный белорусскими учеными криминологический портрет «пьяного преступника». Как правило, это мужчина среднего возраста (38,8 %), проживающий в городе (60 %), выходец из рабочей семьи (94,6 %), имеющий как минимум среднее образование (43,4 %) и трудовую занятость (72 %), холостой (32,5 %) либо разведенный (29,3 %), но при этом, следует обратить внимание, имеющий детей (65,4 %). Впервые данное лицо попробовало спиртное в 15–20 лет (40 %), ведет асоциальный образ жизни, употребляет алкоголь вечером в компании друзей (72 %) с целью ухода от жизненных проблем, отбывший наказание за кражу, совершенную с целью получения денежных средств (48,8 %). 84,7 % преступников из данной категории признают свою вину [7, с. 16].

Согласно дорожно-транспортной статистике правонарушений, по вине водителей, находившихся в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения, в 2022 году погиб 81 человек [8, с. 147]. Следует отметить, что число погибших в сравнении с предыдущим периодом существенно снизилось (2010 год — 206 человек) [8, с. 147]. Впрочем, поскольку речь идет о человеческой жизни, современное состояние с числом жертв ДТП по вине лиц, находившихся в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения, свидетельствует о необходимости ужесточить дорожно-транспортный контроль и ответственность за подобные нарушения.

Данные о числе раненых по вине «пьяных водителей» вызывают еще большие опасения. В 2022 году количество раненых составило 275 человек [8, с. 147]. Поскольку грань между ранением и смертью может быть очень тонка, а степень тяжести последствий может различаться от незначительных до фатальных, очевидно, что все это требует усиления внимания к данной проблеме.

Особо хотелось бы заострить внимание на удручающих данных, относящихся к молодой части населения. Так, в 2022 году было выявлено 849 детей, подверженных потреблению алкоголя и иных психоактивных веществ (425,81 на 100 000 детского населения). По сравнению с 2021 годом уровень выявляемости возрос на 8,7 % [5, с. 2]. Несколько обнадеживает тот факт, что

за 3 квартал 2023 года было выявлено всего 355 детей (178,05 на 100 000 детского населения), и выявляемость, соответственно, снизилась к уровню 2021 года на 7,9 % [5, с. 3].

Как свидетельствует вышеупомянутый криминологический портрет «пьяного преступника», большая часть представителей данной категории имеет на попечении детей, что позволяет сделать некоторые выводы.

Особое значение может иметь реализация следующих предложений, касающихся правовых мер воздействия на пьянство и наркотизм:

- проведение активной психологической и социальной работы по профилактике пьянства и наркомании в различных организациях, на предприятиях и, в особенности, в учреждениях образования в отношении работников и учащихся;

- проведение работниками правоохранительных органов публичных выступлений в различных учреждениях, направленных на предупреждение совершения преступлений в алкогольном и наркотическом состоянии и повышения тем самым общего уровня правосознания;

- ужесточение дорожно-транспортного контроля, совершенствование его методик с целью выявления лиц, находящихся за рулём в нетрезвом состоянии и обеспечения своевременного привлечения их к ответственности;

- проведение обследования условий проживания неполных и неблагополучных семей в целях выявления и привлечения к ответственности лиц, подверженных употреблению алкоголя либо наркотиков и тем самым оказывающих пагубное психофизиологическое влияние на несовершеннолетних детей, а также принятие мер по повышению уровня безопасности последних;

- вовлечение несовершеннолетних, наиболее подверженных риску алкогольной и наркотической зависимости, в оздоровительные и культурные мероприятия;

- совершенствование методик по комплексному лечению лиц, страдающих хроническим алкоголизмом либо наркологическими расстройствами.

Таким образом, анализ статистических данных свидетельствует о том, что, несмотря на общий спад «пьяных преступлений», в то же время наблюдается тенденция роста количества лиц, преступивших закон в подобном состоянии. Существенная латентность уровня потребления алкоголя и наркотиков только усиливает ее злободневное значение.

Задача осложняется тем, что универсальных средств полного искоренения подобных форм девиантного поведения не существует, а плодотворной почвой для их возникновения и развития являются экономические, генетические и социальные факторы.

Исторический опыт XX столетия лишь подтверждает, что запрет продажи алкоголя может, с одной стороны, способствовать росту здорового населения и минимизировать антисоциальные проявления, а с другой, привести к еще большим криминогенным рискам, росту организованной преступности и контрабандной деятельности.

Весьма удручает количество молодежи, употребляющее спиртные напитки и психоактивные вещества, так как в психофизиологическом плане они наиболее всего подвержены криминальным формам поведения. Впрочем, подобная тенденция не вызывает удивления, поскольку половина «отцов семейства» преступает закон в пьяном состоянии и тем самым подает отрицательный пример своим детям.

Семья — это основополагающая ячейка общества и государства, так как именно она формирует личность человека, от психобиологических, нравственных и социальных качеств которого зависит как его собственное будущее, так и будущее всего общества.

---

1. Стаценко В. Г. О криминогенном значении негативных девиантных форм поведения (пьянство, наркотизм) // Теория и практика современной юридической науки : материалы междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов, Смоленск, 25 нояб. 2016 г. Смоленск : Свиток, 2017. С. 295–300. [Вернуться к статье](#)

2. В РНПЦ психического здоровья рассказали, какой алкоголь и в каких количествах пьют белорусы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/society/view/v-rnpts-psihicheskogo-zdorovjja-rasskazali-kakoj-alkogol-i-v-kakih-kolichestvah-pjjut-belorusy-601443-2023/> (дата обращения: 05.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Разводовский Ю. Е. Взаимосвязь между потреблением алкоголя и убийствами [Электронный ресурс] // Социальная и клиническая психиатрия. 2006. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-mezhdu-potrebleniem-alkogolya-i-ubiystvami> (дата обращения: 05.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Социальное положение и уровень жизни населения. Статистический сборник. Минск : Нац. статист. ком. Респ. Беларусь, 2023. 220 с. [Вернуться к статье](#)

5. День профилактики алкоголизма 11 июля 2023 года [Электронный ресурс] // Витебский областной клинический кардиологический центр. URL: https://cardiovitebsk.by/wp-content/uploads/2023/07/vokczp-i-n-informaczionnyj-material-ko-dnyu-profilaktiki-alkogolizma_.pdf (дата обращения: 22.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Сведения о регистрации и предварительном расследовании преступлений (на основании единого государственного банка данных о правонарушениях). Республика Беларусь / Информационный центр МВД Республики Беларусь. Минск, 2019–2023. [Вернуться к статье](#)

7. Горбель А. Г. Пьянство и алкоголизм как фоновые явления преступности: характеристика, причины, предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук :

12.00.08 / Акад. М-ва внутр дел Респ. Беларусь. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2022. 24 с. [Вернуться к статье](#)

8. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2023 / редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2023. 322 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.983.7

О НЕКОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВ

Д. С. Батура

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (Беларусь),
магистрант юридического факультета

В. Г. Стаценко

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (Беларусь),
доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса,
кандидат исторических наук

***Аннотация.** Рассмотрены проблемные вопросы применения биологических экспертиз при расследовании особо тяжких насильственных преступлений. Отмечается, что при решении идентификационных задач, возникающих при расследовании убийств прошлых лет, особое место занимает установление посмертного интервала с приемлемой точностью. Сделан вывод, что судебно-геномное исследование биологических следов позволяет получить полноценный «генетический портрет» преступника, но в то же время требует легализации в соответствующем правовом акте.*

***Ключевые слова:** убийства, криминалистическая экспертиза, следы биологического происхождения, метод генотипоскопии, база данных ДНК, постмортальный период.*

***Annotation.** The problematic issues of using biological examinations in the investigation of particularly serious violent crimes are considered. It is noted that when solving identification problems that arise during the investigation of murders of past years, a special place is occupied by establishing the postmortem interval with acceptable accuracy. It is concluded that the forensic genomic study of biological traces allows us to obtain a complete «genetic portrait» of the criminal, but, at the same time, requires legalization in the relevant regulatory legal act.*

***Keywords:** murders, forensic examination, traces of biological origin, genotyping method, DNA database, postmortem period.*

Применение методов и средств экспертных исследований требуется при изучении следов преступления, которые невозможно обнаружить непосредственно на месте совершения преступления с использованием судебно-технических средств, находящихся в распоряжении следственной группы, а также опознать предмет по его следам в целях установления связи с событием преступления. Проводимые судебно-медицинскими экспертами исследования в этих целях принято называть судебно-медицинской экспертизой.

Проведение судебных (криминалистических) экспертиз в Республике Беларусь регулируется Законом Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г.

№ 281-3 «О судебно-экспертной деятельности», а также рядом подзаконных актов Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Предметом собственно биологических экспертиз является «исследование следов биологического происхождения, образованных кровью, спермой, потом, клетками эпителия и пр. в целях определения механизма образования следов и установления видовой и групповой принадлежности» [1].

Возможность «прочитать» эти следы позволяет детализировать картину преступления, реконструировать произошедшее даже при полном отсутствии какой-либо другой информации. Следы биологического происхождения дают возможность получить данные, которые в дальнейшем можно использовать для идентификации как преступников, так и их жертв.

Следы биологического происхождения в связи с этим приобретают важнейшее доказательное значение при расследовании преступлений.

Еще одна важнейшая особенность следов биологического происхождения заключается в том, что идентификация источника их происхождения основана на изучении компонентов, биологическая активность которых изменяется, а в ряде случаев утрачивается под влиянием времени и действием средовых факторов. В результате этих изменений изучаемые объекты часто теряют свои видовые, групповые или другие особенности, что крайне затрудняет их использование в целях идентификации. Последнее обстоятельство порождает ряд особенностей работы криминалистов со следами биологического происхождения при осмотре места убийства. Это проявляется в необходимости особо бережного и осторожного обращения с биологическими следами. Так, например, засохшая кровь может легко отделиться от предметов, на которых она находится, что может привести к потере следов.

Современные возможности биологических экспертиз уникальны тем, что при проведении экспертизы с любыми видами биологических следов будет предусмотрено несколько вариантов работы с ними для получения максимально высокого результата. Различные манипуляции проводятся со следами крови, мочи, эпителия, волосами, а также различными следами выделений человеческого организма.

Особое значение в криминалистических исследованиях убийств имеет установление с достаточной точностью продолжительности посмертного (постмортального) интервала, под которым подразумевается ранний посмертный период, продолжающийся примерно 2–3 дня с момента смерти.

Задача эта остается весьма актуальной и до сих пор не до конца решенной при проведении судебно-медицинской экспертизы.

Решение вопроса о времени наступления смерти — в случаях исследования измененного в результате процессов гниения трупа — принимает

судебно-медицинский эксперт весьма субъективно, как правило, на основании комплекса макроскопических признаков, оцениваемых визуально. При этом определенный таким образом посмертный интервал может различаться весьма значительно.

Инструментальных, биофизических методов диагностики, которые можно использовать на поздних этапах посмертного периода, сравнительно немного. Например, предложен метод исследования «электропроводящей способности стекловидного тела в позднем посмертном периоде и его оптической плотности на различных диапазонах длины воли в динамике посмертного периода». Предлагается также судебно-медицинская диагностика смерти методом «спиновых зондов с использованием стекловидного тела». Критерии определения срока наступления смерти разработаны также на основе исследования анатомо-топографических особенностей и по «электронно-парамагнитным спектрам языка при гнилостной трансформации» [2, с. 197].

Определить время наступления смерти при гнилостном изменении трупа можно также путем изучения бактериальных изменений, происходящих при разложении трупа в зависимости от комплекса факторов внешней среды. Считается, что, поскольку «обязательным условием процессов разложения органического вещества, а также мумификации и образования жировоска являются процессы предварительной деструкции органики в период стадии «плато», или «тления», за счет последовательной замены аэробных микроорганизмов на анаэробные, этот процесс можно классифицировать на стадии разложения трупа относительно этапов микробной деструкции органики» [3, с. 45].

Проблема определения продолжительности посмертного интервала на стадии разложения трупа еще далека от окончательного решения. Несмотря на наличие значительного количества публикаций, описывающих критерии установления продолжительности посмертного интервала в позднем посмертном периоде, разрабатывающих методы его исследования, на практике большинство судебно-медицинских экспертов ими не пользуются, определяя его субъективно — на основании результатов макроскопического метода.

Проведенный анализ свидетельствует о важности рассматриваемой проблемы и указывает на необходимость разработки новых методов решения вопроса о продолжительности посмертного интервала при исследованиях трупов, подвергающихся процессам гнилостного преобразования, в том числе с использованием биологических объектов.

Для решения идентификационных задач, возникающих при расследовании убийств прошлых лет, в современных условиях особое значение приобрел метод генотипоскопии, или, как это чаще определяется в современной литературе, «технологии экспертных исследований на основе анализа ДНК».

Судебно-геномное исследование биологических следов позволяет получить своего рода «генетический портрет» преступника, который можно использовать для установления личности человека не только в настоящем, но и в будущем, поскольку он не меняется на протяжении всей жизни.

База данных ДНК в настоящее время создана и продолжает пополняться в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь. Геномный учет включает в себя не только саму формулу ДНК, но и определенную информацию, например, о месте и обстоятельствах обнаружения того или иного образца. С помощью этой базы данных решаются многие задачи расследования, включая идентификацию неопознанных трупов, а также пропавших без вести лиц.

Анализ ДНК является важнейшим вкладом в криминалистику и одним из наиболее перспективных направлений ее развития. Результаты данных исследований являются неопровержимыми доказательствами причастности определенного лица к совершению преступления.

Генотипоскопия представляет собой очевидный шаг вперед в криминалистическом расследовании преступлений, в том числе убийств, и может существенно повысить качество и количество раскрытия преступлений. Идентификация человека, оставившего биологические следы, при использовании этих современных методик весьма высока.

Следует заметить, однако, что порядок назначения генетической экспертизы в настоящее время правовым образом не урегулирован. Следователи назначают генетическую экспертизу, руководствуясь собственными убеждениями, что не всегда рационально.

Необходимо иметь в виду также, что генетическая экспертиза — один из самых сложных и дорогих методов исследования, что требует особо выверенного подхода при принятии решения о его применении.

Объективно наступила необходимость, как уже отмечалось выше, разработки и принятия нормативного правового акта о назначении генетической экспертизы, аналогичного тому, который был принят в свое время о государственном дактилоскопическом учете граждан.

---

1. Судебно-биологическая экспертиза [Электронный ресурс] // Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь. URL: <https://sudexpert.gov.by/ru/bio.html> (дата обращения: 23.01.2024). [Перейти к источнику](#)
[Вернуться к статье](#)

2. Перепечина И. А. Проблема контаминации ДНК в свете судебно-медицинской экспертизы // Вестн. эконом. безопасности. М., 2020. № 2. С. 196–199.
[Вернуться к статье](#)

3. Культин А. Ю. Судебно-медицинское исследование STR-локусов ДНК костных останков человека с целью идентификации : метод. рекомендации. М. : Щербинская тип., 2004. 221 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 342.7

ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ

Р. Д. Бутонина

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант факультета милиции

И. А. Демидова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
профессор кафедры правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию конституционных ограничений с позиций общеправовой теории. Проводится анализ норм Советской Конституции и Конституции Беларуси 1994 года, которые провозгласили создание новых государств.*

***Ключевые слова:** государство, конституция, конституционные ограничения, конституционное развитие, социальный прогресс.*

***Annotation.** The article is devoted to the study of constitutional restrictions from the standpoint of general legal theory. The norms of the Soviet Constitution and the Constitution of Belarus of 1994, which proclaimed the creation of new states, are analysed. Constitutional restrictions are considered on the example of Soviet constitutions.*

***Keywords:** state, constitution, constitutional limitations, constitutional development, social progress.*

Конституция является одним из важнейших признаков суверенности и независимости государства. Именно в ней закреплены основные положения о государственном устройстве, правах и свободах человека, а также основания для их ограничения. Без знания истории и основных этапов конституционного становления на белорусских землях невозможно прийти к принятию Основного закона нашей страны. В новейшей истории Беларуси был достаточно продолжительный период, когда страна входила в состав такого многонационального государства, как Советский Союз. В этой связи для характеристики значения и сущности конституционных установлений суверенной Беларуси необходимо вспомнить Конституцию СССР 1924 года, юридически провозгласившую создание нового типа государства, а также принятые в советский период Конституции БССР.

Главным предназначением Конституции СССР 1924 г., помимо юридического закрепления и оформления создания нового государства, было также определение прав Союза и союзных республик. Так, данная Конституция установила государственный герб, флаг, а также столицу СССР. Сам документ

состоял из двух разделов: Декларации и Договора об образовании СССР. В Декларации были сформулированы принципы объединения республик, такие как добровольность и равноправие, установлен особый характер национальной политики советских государств. Во втором разделе содержались полномочия всех государственных органов, предметы их ведения, а также суверенные права союзных республик и государственные символы [1]. Уникальной чертой данной Конституции стало законодательное закрепление в качестве цели существования СССР добровольного объединения республик, их равноправие, суверенитет, права вступления в Союз и выхода из него.

Так как каждая Конституция определяет государственное устройство конкретного периода в истории того или иного государства, то Конституция 1924 года закрепила социалистический строй, что означало не только объявление нового набора прав, но и установление определенных ограничений прав и свобод личности. Это нашло отражение и в созданной на основе Основного Закона СССР Конституции БССР 1927 года. Несмотря на провозглашение широкого круга прав и свобод личности, в реальной жизни они фактически не реализовывались. Так, в соответствии со статьей 19, было законодательно закреплено, что «руководствуясь интересами рабочих, БССР избавляет некоторых лиц и групп лиц от прав, которыми они злоупотребляют, нанося вред интересам социалистической революции» [2, с. 159]. К их числу относились лица непролетарского происхождения, притом что это было вынужденной мерой в условиях обострения классовой борьбы. Так, избирательным правом наделялись все граждане республики независимо от расы, пола, национальности и образования, которым до дня выборов исполнилось 18 лет, за исключением так называемых кулаков, торговцев, лиц, которые жили на нетрудовые доходы, служащих религиозных культов и монахов, бывших служащих и агентов полиции, психически больных и осужденных за корыстные и иные преступления [2, с. 131]. То есть избирательное право, согласно статье 70 Конституции 1927 года, получали лица, добывающие средства для жизни производительным и общественно полезным трудом, а также занятые домашним хозяйством, обеспечивающие для первых возможность производительного труда. Лица, состоящие на службе в Красной Армии и Красном флоте, также не ограничивались в избирательных правах [3, с. 190–191]. Выборы в государственные органы проводились на основе всеобщего для трудоспособных граждан голосования, но не совсем равного для рабочих и крестьян при открытом голосовании.

В Конституции БССР 1927 года также говорилось о свободе выбора между четырьмя государственными языками (белорусским, русским, польским и еврейским), но признавался приоритет белорусского языка в отношениях с государственными, профессиональными и гражданскими организациями и

учреждениями. Кроме этого, в статье 2 Конституции 1927 года было закреплено положение о том, что БССР — страна диктатуры пролетариата, которая осуществляет свои задачи на основе союза рабочих и крестьян. Однако в реальности от имени пролетариата диктатуру осуществляла партия большевиков: все государственные органы руководствовались партийными установками и обязаны были выполнять директивы и распоряжения партийных съездов и конференций; все важнейшие места в государственном аппарате занимали коммунисты. Таким образом, произошло слияние партийного и государственного аппарата [4, с. 134–135].

Изменение социальной и политической ситуации в стране, а также обстановки в мире определило необходимость постановки вопроса о принятии изменений в Конституцию СССР 1924 года, что вылилось в утверждение Конституции СССР 1936 года, а затем и принятие Конституции БССР 1937 года, которая практически полностью соответствовала своей предшественнице. Несмотря на то, что в ней говорилось о добровольном выходе из Союза, суверенитет БССР был разграничен, в силу того что наиболее важные вопросы государственной жизни были отнесены к компетенции СССР. Многие нормы носили декларативный характер. Так, несмотря на широкий круг политических прав и свобод граждан, на практике подавлялось любое гражданское движение и настроение, противоречащее курсу партии и власти. Участвовать в выборах, согласно Конституции 1937 года, обязаны были все совершеннолетние граждане, так как отсутствие выборщика могло расцениваться как саботаж, что в период сталинского террора угрожало тяжелыми репрессиями [2, с. 192–193]. Несмотря на провозглашенные демократические права и свободы граждан, государственная власть носила административно-командный характер, что способствовало незаконному ограничению в некоторых случаях прав и свобод граждан, закрепленных конституционно.

Следующий этап в конституционном развитии связан с принятием в СССР Конституции 1977 года, а в БССР — Конституции 1978 года, соответственно. В данной Конституции провозглашалось, что БССР самостоятельно осуществляет государственную власть на своей территории. Однако решение вопросов национально-государственного управления сохранялось за СССР, в ведении которого были также хозяйственно-организационные вопросы, вопросы обороны страны и обеспечения государственной безопасности, а также представительство в международных организациях, вопросы формирования государственного бюджета, управления денежно-кредитной системой, вооруженными силами, вопросы войны и мира и т. д. [4, с. 175]. В данном случае государственный суверенитет носил формальный характер.

Конституция Республики Беларусь, принятая 15 марта 1994 года, которая действует с изменениями и дополнениями республиканского референдума 2022 года, впервые в истории белорусской государственности закрепила статус республики как независимого унитарного демократического социального правового государства [5], в то время как ее советские предшественницы фактически устанавливали тоталитарный режим с однопартийной системой. Еще одним важным отличием современной Конституции Республики Беларусь от советских конституций является тот факт, что в советский период отрасли народного хозяйства делились на две сферы: материальное производство и непродовольственная сфера, при том, что существование частной формы собственности запрещалось на конституционном уровне. В действующем Основном Законе Республики Беларусь экономическая жизнь построена на принципах многообразия и равноправия форм собственности, а в самой экономике гармонично сочетаются государственное управление и рыночное саморегулирование экономических процессов.

Конституцию СССР 1924 года и Конституцию Республики Беларусь 1994 года можно назвать революционными, поскольку с их принятием было связано образование новых государств, а также существенные изменения в жизни общества. Кроме этого, они закрепляли противоположный режим государственной власти, чем их предшественницы. Так, Конституция РСФСР 1918 года устанавливала более демократический режим, чем Конституция СССР 1924 года. В свою очередь, принципы и положения Конституции БССР 1978 года носили декларативный характер, поскольку фактической реализации в жизни они не имели, что отличается от действующего Основного Закона Республики Беларусь, в котором, кроме этого, впервые за всю историю конституционного развития страны был установлен институт президентской власти как гаранта конституции [6].

Отличие Конституций советского и современного периодов можно проследить по содержанию ряда норм, установленных в данных правовых документах. Так, согласно нормам Конституции БССР 1927 года, труд — единственный источник благосостояния человека, поэтому все трудоспособные граждане были обязаны заниматься не любым трудом, а «общественно полезным», тунеядство же наказывалось по закону. В современной Конституции Республики Беларусь право на труд является свободным: каждый человек имеет право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, уровнем профессиональной подготовки и с учетом общественных потребностей. Кроме этого, не существует деления вида и рода занятий на «общественно полезный» и «общественно бесполезный», каждый труд обладает равным статусом и ценностью. Безработных не

наказывают, а оказывают им социальную поддержку: выплачивают пособие по безработице, осуществляют постановку на учет в орган по труду, занятости и социальной защите населения.

В современных реалиях конституционно закреплено, что все граждане, обладающие избирательным правом, могут распоряжаться им на свободных началах: каждый гражданин решает самостоятельно, за кого ему голосовать и голосовать ли вообще, а отказ от голосования не расценивается как саботаж и не преследуется по закону. Избирательное право, согласно действующей Конституции Республики Беларусь, основано на принципе всеобщности, что означает, что все граждане Республики Беларусь, достигшие 18 лет, имеют право избирать и быть избранными, а круг лиц, не допускаемых к участию в выборах, также определен Основным Законом. В соответствии с ч. 2 ст. 64 Конституции Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями), в выборах не могут участвовать только две категории лиц: лица, признанные судом недееспособными; лица, содержащиеся по приговору суда в местах лишения свободы. Очевидно, что избирательным правом также не обладают иностранные граждане и лица без гражданства. Кроме этого, данный принцип означает, что в выборах принимают участие все социальные группы и слои граждан, независимо от профессиональной принадлежности, занимаемой должности, образования и вероисповедания.

В отличие от советских Конституций, современный Основной Закон Республики Беларусь определяет равный статус двух государственных языков — русского и белорусского — без дискриминации и принижения одного языка другим. Кроме этого, в действующей Конституции закреплена многопартийная система и политический плюрализм, а партийный аппарат отделен от государственной власти. Конституционно высшей ценностью объявлен человек и его жизнь, его права и свободы, которые в реальной жизни получают практическую реализацию посредством деятельности государственных органов. Принятие Конституции суверенной Республики Беларусь также означает ее независимость и самостоятельность в проведении государственной политики как внутри страны, так и при взаимодействии с другими странами и представление белорусского народа на международной арене [7, с. 60–62].

Таким образом, проведенный анализ конституционных норм позволяет сделать вывод о том, что конституционное развитие каждой страны имеет свою историю. Посредством проб и ошибок в действующей Конституции Республики Беларусь заложен прочный правовой фундамент независимости и суверенности, тем самым реализовано стремление белорусского народа быть полноправным хозяином на родной земле. Об этом говорит и тот факт, что 15 марта в Республике Беларусь объявлен государственным праздником — Днем

Конституции Республики Беларусь. И в обязанность каждого гражданина Республики Беларусь не случайно входит не только охрана государственного строя и соблюдение установленных конституционных принципов и норм, но и знание Основного Закона, поскольку оттого, насколько мы его знаем и следуем ему в реальной жизни, зависит наше будущее, будущее нашей страны.

---

1. Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс] : принят второй сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 года и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 года. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1924.htm>. (дата обращения: 20.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Круталевич В. А., Юхо И. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917–1945 гг.) : вучэб. дапам. 2-е выд. Мінск : Беларус. навука, 2000. 238 с. [Вернуться к статье](#)

3. Кузнецов И. Н., Шелкопляс В. А. История государства и права Беларуси : учеб. пособие. Минск : Дикта, 1999. 272 с. [Вернуться к статье](#)

4. Вишнеўскі А. Ф., Вішнеўская І. У. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. Минск : ТетраСистемс, 2005. 192 с. [Вернуться к статье](#)

5. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

6. Пугачев А. Н. Конституционные основы белорусской государственности [Электронный ресурс] // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. Д, Эконом. и юрид. науки. 2014. № 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osnovy-belorusskoj-gosudarstvennosti> (дата обращения: 18.02.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

7. Мисаревич Н. В. Исторический опыт конституционного развития в Республике Беларусь // Ценностная парадигма Основного Закона Республики Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 14 марта 2013 г. / редкол.: Г. А. Василевич [и др.]. Минск, 2013. С. 60–62. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.35:340.1(091)

**КАРУПЦЫЯ Ў ПАЛІТЫКА-ПРАВАВОЙ ДУМЦЫ:
АД СТАРАЖЫТНАСЦІ ДА НОВАГА ЧАСУ****А. Д. Воінава**Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт,
студэнт**В. М. Лянцэвіч**Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт,
дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі права,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Анотацыя. Артыкул прысвечаны даследаванню прыроды і сутнасці карупцыі як сацыяльнай з'явы ў працах выдатных мысляроў Старажытнасці, Сярэднявечча і Новага часу для выяўлення істотных яе ўласцівасцяў і ролі ў жыцці грамадства.

Ключавыя словы: карупцыя, сацыяльная прырода карупцыі, сутнасць карупцыі, палітыка-прававая думка.

Annotation: The article is dedicated to the study of the nature and essence of corruption as a social phenomenon in the works of outstanding thinkers of Antiquity, the Middle Ages and the Modern era in order to reveal its essential properties and role in the life of society.

Keywords: corruption, social nature of corruption, essence of corruption, political and legal thought.

Сацыяльна-прававая прырода сутнасці з'яўляецца адным з важнейшых крытэрыяў пры аналізе любога феномену, паколькі менавіта гэтая катэгорыя аказвае істотны ўплыў на фарміраванне прававой сістэмы, уключаючы распрацоўку і прыняцце заканадаўчых і іншых нарматыўных прававых актаў. Існуе некалькі значэнняў тэрміна «сутнасць». Па-першае, традыцыйная трактоўка разумее пад сабой «внутреннее содержание предмета, обнаруживающееся во внешних формах его существования» [1, с. 1963]. Па-другое, ужыванне дадзенага паняцця ў філасофіі адлюстроўвае «всеобщие формы объективного мира, его познания и практической деятельности людей... внутреннее содержание предмета, выражающееся в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия...» [2, с. 665]. Ва ўмовах эвалюцыі прававой сістэмы праблема інтэрпрэтацыі сутнасці і сацыяльнай прыроды праваадносін набывае празмерную значнасць, паколькі для рэфармавання прававой сістэмы неабходны новыя трактоўкі і падыходы.

Аналіз сутнасці і сацыяльна-прававой прыроды карупцыі ўяўляе сабой інтэрпрэтацыю, задача якой заключаецца ў выдзяленні элементаў, якія ўваходзяць у паняцце карупцыі: суб'ектны склад, аб'ект, змест карупцыйных адносін, сацыяльная, палітычная і эканамічная ацэнка гэтай з'явы, дактрынальнае

разуменне гэтага феномена, а таксама замацаванне адказнасці за карупцыю ў юрыдычнай форме ў кантэксце дзеючага заканадаўства.

Інтэрпрэтацыя карупцыі бачыць сваё значэнне ў неабходнасці фарміравання фундаментальных палажэнняў, замацаваных у заканадаўчых і іншых прававых актах, дзяржаўнай палітыцы ў гэтай сферы, якія пасадзейнічалі б процідзеянню дадзенай з'яве. Заканадаўства, якое замацоўвае меры па барацьбе з карупцыяй, з'яўляецца толькі знешнім выразам супрацьдзеяння дадзенаму феномену. Корань гэтай праблемы расце з сацыяльных працэсаў. Знешняе замацаванне не азначае эфектыўную барацьбу з такой негатыўнай з'явай у сярэдзіне сістэмы, таму прабелы ў прававым рэгуляванні вызначаных грамадскіх адносін, калізіі ў нормах права, а таксама адсутнасць канкрэтыкі або недастатковасць у тлумачэнні нормаў могуць паспрыяць развіццю карупцыі. Варта падкрэсліць, што заканадаўства здольна самастойна выкараняць сацыяльныя прычыны гэтай негатыўнай з'явы. Карупцыя — вынік працэсаў, якія адбываюцца ў грамадстве, сярод іх палітычная нестабільнасць, інфляцыя, эканамічная неплацежаздольнасць, паслабленне сістэмы сацыяльнага кантролю, адсутнасць маральных нормаў у адных і дэграцыя гэтых нормаў у іншых. Недахопы прававой сістэмы з'яўляюцца толькі адным з фактараў, якія садзейнічаюць росквіту карупцыі. Таму зразумела, што супрацьдзеянне карупцыі павінна ажыццяўляцца па волі палітычных і дамінуючых сіл у дзяржаве, пры ўздзеянні на свядомасць людзей, бо толькі такім шляхам яны змогуць зразумець неабходнасць у выкараненні гэтага сацыяльнага зла. У такім выпадку можам назваць гэта галоўнай умовай для фармавання сродкаў у правядзенні антыкарупцыйнай палітыкі дзяржавы.

Даследаванне сутнасці і сацыяльна-прававой прыроды карупцыі цесна звязана з аналізам этымалогіі дадзенага паняцця, найбольш значных элементаў, якія ўваходзяць у змест паняцця «карупцыя» [3, с. 175]. Калі зыходзіць з этымалагічнага аналізу тэрміна «карупцыя», то лацінскае «corruptio» абазначае знішчэнне, падкуп, спакушэнне, задорванне падарункамі. У рымскім праве дадзены тэрмін ужываўся ў адносінах да дзейнасці асоб, якія нейкім чынам скажалі судовы працэс або працэс кіравання справамі. Часам мае месца быць і іншы пункт гледжання ў вызначэнні паходжання паняцця «карупцыя»: тэрмін склаўся ад зліцця лацінскіх слоў «corruptio», якое азначае дачыненне некалькіх удзельнікаў аднаго з бакоў адносін, якія маюць абавязцельны характар, дзе прадметам выступае адзін аб'ект, а «corruptio» выступае ў якасці такіх дзеянняў як: ламаць, пашкодзваць, парушаць, адмяняць. У выніку зліцця двух слоў адбываецца новы тэрмін, які характарызуе дзейнасць дзвюх і больш асоб, здольных парушыць нармальны ход судавага працэсу [4, с. 93, 280].

Першую трактоўку паняцце «карупцыя» атрымала ад Платона (427–347 гг. да н. э.). Філософ пры пабудове канцэпцыі ідэальнай дзяржавы не даваў магчымасцяў кіраўнікам (філосафам) і воінам мець штосьці ў іх уласнасці: «Ведь только в таком государстве будут править те, кто на самом деле богат, — не золотом, а тем, чем должен быть богат счастливый: добродетельной и разумной жизнью. Если же бедные и неимущие добиваются доступа к общественным благам, рассчитывая урвать себе оттуда кусок, тогда не быть добру <...>» [5, с. 357]. Платон лічыў, што любы чалавек здольны несумленна паступіць у адносінах да дзяржавы і грамадства, калі даць яму на гэта волю, нават калі яго маральныя якасці былі на высокім узроўні.

Арыстоцель (384–322 гг. да н. э.) тэму карупцыі таксама не пакінуў незаўважанай і ў сваім творы «Палітыка» разгледзеў дадзенае паняцце як адну з магчымых дэтэрмінант гібелі дзяржавы. У працэсе пагібельнага ўздзеяння карупцыі на дзяржаву Арыстоцель адзначае пераход ад манархіі да тыраніі, гэта значыць ад здаровай формы кіравання да нездаровай, што прыводзіць да парушэння функцыянавання дзяржавы: «Самое главное при всяком государственном строе — это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться» [6, с. 547]. «Только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными» [6, с. 456]. І ў якасці пераадолення карупцыі старажытнагрэчаскі філосаф прапанаваў адзін са спосабаў — немагчымасць адной асобе сумяшчаць дзве або больш пасады.

Неабходна адзначыць, што паняцце «карупцыя» не адразу сцвярджалася як хабарніцтва, учыненне злачынства службовай асобай. У антычнасці дадзены тэрмін толькі характарызаваў маральны стан грамадства ў цэлым [7, с. 9]. У Сярэднявеччы сацыяльны феномен «карупцыя» ужо атрымаў рэлігійную афарбоўку і апраўдваўся недасканаласцю людзей. «Corruptibilitas» — слова, якое з лацінскай мовы перакладаецца як «тленнасць», мела на ўвазе схільнасць чалавека да разбурэння, але не здольнасць браць і даваць хабары [8, с. 20].

Падыход, бліжэйшы да сучаснай трактоўкі, вызначае карупцыю як неправамернае выкарыстанне людзей, якія знаходзяцца на дзяржаўнай службе, іх паўнамоцтваў у асабістых мэтах, з'явіўся ў XVII ст., у той час, калі адбывалася ўскладненне дзяржаўнага ладу еўрапейскіх краін. Погляд фармаваўся на фоне эканамічнага росквіту, развіцця капіталістычных адносін, павелічэння значнасці рашэнняў, якія прымаліся на дзяржаўным узроўні. Прадстаўнікі буржуазіі мелі дачыненне да карумпаванасці дзяржаўных службоўцаў, а таксама непасрэдную цікавасць да «набыцця» пасады, якія маглі б надзяліць іх уладай. Менавіта таму В. Вязломцаў сцвярджае з'яўленне ў Еўропе з канца XVII ст. «парламенцкай карупцыі» [9, с. 147].

Нікола Макіявелі — італьянскі мысляр, палітычны дзеяч, філосаф (1469–1527) — адным з першых узняў тэму маштаба карупцыі ў дзяржаве і параўноўваў яе з цяжкай невылечнай хваробай: «...врачи говорят, что в начале болезнь трудно распознать, но легко излечить; если же она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно. Так и в делах государства: если своевременно обнаружить зарождающийся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, но если он запущен так, что всякому виден, то никакое снадобье уже не поможет» [10, с. 14].

Томас Гобс (1588–1679) — філосаф часоў англійскай буржуазнай рэвалюцыі — адзначаў пагібельны ўплыў карупцыі, паколькі непрыняцце законаў вызначаецца карумпаванасцю дзяржаўнай улады: «Люди, кичащиеся своим богатством, смело совершают преступления в надежде, что им удастся избежать наказания путем коррумпирования государственной юстиции, или получить прощение за деньги или другие формы вознаграждения... Коррупция есть корень, из которого вытекает во все времена и при всяких соблазнах презрение ко всем законам» [11, с. 50].

Шарль Луі дэ Мантэск'ё — французскі пісьменнік, прававед і філосаф эпохі Асветніцтва (1689–1755) — лічыў верагодным дачыненне кожнага члена грамадства да злоўжывання ўладай для задавальнення сваіх уласных патрэбаў і вось што ён адзначаў з гэтай нагоды: «...всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела. А в пределе — кто бы это мог подумать! — нуждается и сама добродетель» [12, с. 98]. Мысляр называў самым эфектыўным спосабам у барацьбе з карупцыяй абмежаванне дзяржаўных служачых у кампетэнцыі ўладных паўнамоцтваў: «Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга» [12, с. 99]. Таму ў якасці рычага кіравання ў абмежаванні ўладнымі паўнамоцтвамі паслужыў прынцып строгага падзелу ўлад на заканадаўчую, выканаўчую, судовую.

Нікола Макіявелі, Томас Гобс, Шарль Луі дэ Мантэск'ё аказалі значны ўплыў на фарміраванне адзінага разумення карупцыі і адзначылі яе негатыўнае ўздзеянне на сацыяльныя працэсы. Пры выпрацоўцы сацыяльна-філасофскага падыходу мысляры абапіраліся на мараль як на аснову фармавання асобы і грамадскага ідэалу.

З канца XIX ст. пачынаецца новая «стадыя» фарміравання канцэпцыі карупцыі. Значна павялічыўся ўдзел дзяржавы ва ўрэгуляванні працэсаў, якія назіраліся ў грамадстве. Адбывалася зараджэнне буйнога капіталу, прадстаўнікі якога перайшлі да ідэі сістэматычнай сістэмы дачы хабару, бо так змагаліся за вялікія эканамічныя выгады; стала актуальнай схема прамога ўздзеяння

на дзейнасць элітных палітыкаў і вышэйшых чыноўнікаў, паставіўшы іх на службу сваім інтарэсам [13, с. 78]. Менавіта гэты час характарызаваўся павышанай увагай з боку гуманітарных навук да феномена карупцыі.

Асабліваю ўвагу звернем на функцыянальны падыход, распрацаваны нямецкім сацыёлагам, філосафам Максіміліянам Карлам Эмілем Вэберам (1864–1920). Макс Вэбер выступаў за прынцып выбару, які ўсталёўваў кірунак пошуку для прычыннага тлумачэння феноменаў, лічачы, што ў рэальнасці няма межаў, а даследчыкі цікавяцца толькі вызначанымі з’вамі і іх аспектамі. Феномен карупцыі патрапіў у поле зроку вучоных, паколькі нашы культурныя інтарэсы і наш імпульс арыентаваны на гэтую сферу рэальнасці. Вэбер палічыў карупцыю функцыянальнай і прымальнай, калі яна задавальняе ўмову ўзмацнення пазіцыі эліт, якія гарантуюць паскарэнне змен у грамадстве [14, с. 188]. Прыхільнікі дадзенага падыходу лічаць, што карупцыя спыняе сваё існаванне пры дасягненні эканамічнага і палітычнага прызначэння ў грамадстве.

Падводзячы вынік вышэйсказанаму, адзначым, што існуе ўзаемасувязь паміж аб’ёмам карупцыйных праяў і ўвагай да вывучэння дадзенага феномену. Асабліва гэта становіцца відавочным, калі праявы карупцыі аказваюць небяспечны ўплыў на нармальнае, здорае функцыянаванне грамадства. У такім выпадку карупцыя набывае форму вострай сацыяльнай праблемы. Грамадства накіроўвае сваю ўвагу на пошук дэтэрмінант эскалацыі карупцыі, шляхоў і спосабаў барацьбы.

-
1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1990. 2314 с. [Вернуться к статье](#)
  2. Губский Е. Ф. Философский энциклопедический словарь. М. : Совет. энцикл., 1983. 840 с. [Вернуться к статье](#)
  3. Шишкарёв С. Н. Сущность и социально-правовая природа коррупции // Вестн. Москов. ун-та МВД России. 2009. № 5. С. 174–179. [Вернуться к статье](#)
  4. Бартошек М. С. Римское право (понятия, термины, определения) : пер. с чеш. М. : Юрид. лит., 1989. 448 с. [Вернуться к статье](#)
  5. Платон. Сочинения : в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 3. Ч. 1. 752 с. [Вернуться к статье](#)
  6. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / редкол.: М. Б. Митин [и др.]. М. : Мысль, 1983. Т. 4. 832 с. [Вернуться к статье](#)
  7. Жилина И. Ю. Феномен коррупции: общие подходы к изучению // Экономические и социальные проблемы России. 1998. № 2. С. 9–28. [Вернуться к статье](#)
  8. Основы противодействия коррупции (системы общегосударственной этики поведения) / А. В. Вакурин [и др.]. М. : Спарк, 2000. 228 с. [Вернуться к статье](#)
  9. Везломцев В. Е. Осмысление коррупции в истории социально-философской мысли // Изв. вузов. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 7 (2). С. 146–149. [Вернуться к статье](#)

10. Макиавелли Н. Избранные сочинения / под ред. Н. Кулиш [и др.]. М. : Художеств. лит., 1982. 514 с. [Вернуться к статье](#)
11. Гоббс Т. Левиафан / пер. с англ. А. Гетерман. М. : АСТ, 2021. 800 с. [Вернуться к статье](#)
12. Монтескье Ш.-Л. О духе законов / пер. А. Матешук. М. : Мысль, 1999. 674 с. [Вернуться к статье](#)
13. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 480 с. [Вернуться к статье](#)
14. Вебер М. Избранные произведения / под общ. ред. Ю. Н. Давыдова [и др.]. М. : Прогресс, 1990. 808 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 343.4

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В БЫТУ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ

Я. Г. ГаневичАкадемия МВД Республики Беларусь,
магистрант**Т. Г. Терещенко**Академия МВД Республики Беларусь,
заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права
и криминологии уголовно-исполнительного факультета,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Рассматривается влияние алкоголя на совершение насильственных преступлений и правонарушений в быту; предлагаются некоторые средства криминологического и уголовного-правового характера, направленные на предупреждение преступности данного вида.

Ключевые слова: алкоголь, алкоголизация населения, насильственные преступления, профилактика преступлений.

Annotation: The article discusses the influence of alcohol on the commission of violent crimes and offenses in everyday life, proposes some means of criminological and criminal-legal nature aimed at preventing this type of crime.

Keywords: alcohol, alcoholization of the population, violent crimes, crime prevention.

Противодействие семейно-бытовым конфликтам, которые нередко перерастают и становятся причинами совершения насильственных преступлений в быту, — одно из важнейших направлений деятельности органов правоохранительного блока. Из года в год одной из главных причин, способствующих совершению преступлений в быту, особенно насильственных, является нахождение лиц в состоянии алкогольного опьянения. Употребление алкоголя, тем более длительное, способствует угасанию эмоциональных переживаний, ослаблению или потере самоконтроля, проявлению вспыльчивости, агрессивности, жестокости и грубости.

Состояние, вызванное употреблением спиртного, может резко обострять и другие отрицательные качества характера, чувства мести, ревности. Основные моменты, которые затрагивают вопросы предупреждения пьянства и алкоголизма, а также профилактику совершения правонарушений и преступлений в состоянии алкогольного опьянения, регламентированы отдельными нормативными правовыми и локальными правовыми актами.

Так, в Законе Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» регламентирован перечень профилактических мероприятий по предупреждению пьянства, алкоголизма и правонарушений, совершаемых гражданами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, а также субъекты профилактики с распределением сфер деятельности.

К примеру, за проведение информационно-просветительской работы по предупреждению распространения и употребления алкогольных, слабоалкогольных напитков и пива отвечают местные исполнительные и распорядительные органы во взаимодействии с органами внутренних дел, органами управления здравоохранением, государственными организациями здравоохранения, органами управления образованием, учреждениями образования, иными организациями. Также местные исполнительные и распорядительные органы, органы внутренних дел, учреждения образования в пределах своей компетенции проводят профилактические мероприятия с обучающимися по предупреждению правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения либо в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ [1].

В свою очередь, государственные организации здравоохранения в установленном порядке обеспечивают оказание медицинской помощи гражданам, страдающим психическими и (или) поведенческими расстройствами, вызванными употреблением, в том числе, алкоголя. Следует отметить, что органы правоохранительного блока в пределах своей компетенции занимаются выявлением мест незаконного производства и хранения алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции, этилового спирта, а непосредственно органы внутренних дел — подготавливают материалы для направления лиц в лечебно-трудовые профилактории. Органы по труду, занятости и социальной защите в порядке, установленном законодательством о занятости населения, оказывают содействие гражданам, прекратившим нахождение в лечебно-трудовых профилакториях, а также гражданам, к которым по решению суда применялись принудительные меры безопасности и лечения, в подборе работы и трудоустройстве [1].

Данным Законом также регламентирован порядок согласования режима работы торговых объектов и объектов общественного питания, осуществляющих реализацию алкогольных напитков, реализацию в ночное время слабоалкогольных напитков и пива.

Рассматривая далее правовую регламентацию, отметим, что Закон Республики Беларусь от 27 августа 2008 г. № 429-З «О государственном регулировании производства и оборота алкогольной, непивной спиртосодержащей

продукции и непищевого этилового спирта» устанавливает запреты и ограничения в сфере оборота алкогольных напитков, в частности, запрещается продажа алкогольных напитков лицам моложе 18 лет, а также розничная торговля алкоголем в помещениях, где расположены учреждения образования, организации здравоохранения (за исключением специально предусмотренных помещений в санаториях для взрослых, санаториях для взрослых и детей), детские театральные-зрелищные и культурно-просветительные учреждения.

Нормами данного Закона закреплено право органов местного управления принимать решения об ограничении на территории соответствующей административно-территориальной единицы времени продажи алкогольных напитков в дни проведения на этой территории выпускных вечеров в учреждениях общего среднего образования, а также мероприятий, направленных на пропаганду (популяризацию) здорового образа жизни, профилактики пьянства и алкоголизма, борьбу с ними [2].

Государством создаются различные условия на всех уровнях для улучшения качества жизни, пропагандируется здоровый образ жизни, о чем также свидетельствует принятая в 2021 году государственная программа от 19 января 2021 г. № 28 «Здоровье народа и демографическая безопасность», утвержденная Постановлением Совета Министров Республики Беларусь. В частности, одной из задач подпрограммы 3 «Предупреждение и преодоление пьянства и алкоголизма, охрана психического здоровья» является снижение уровня негативных социальных и экономических последствий пьянства и алкоголизма, потребления других психоактивных веществ [3].

Данная подпрограмма предусматривает также создание социальных и медицинских предпосылок для уменьшения потребления населением алкоголя, информационное воздействие на население в целях предоставления полной и исчерпывающей информации о вреде чрезмерного употребления алкоголя, формирования культуры потребления алкогольных напитков, но при этом конкретные формы и методы реализации перечисленных положений не указываются. Одним из ожидаемых результатов реализации данной подпрограммы является снижение потребления алкоголя до 9,8 литра на душу населения в возрасте 15 лет и старше. Вместе с тем, изучив статистические данные за 2018–2022 гг., следует отметить, что потребление зарегистрированного алкоголя в пересчете на абсолютный алкоголь на душу населения в возрасте 15 лет и старше составило 10,1, 10,6, 10,9, 11,2 и 11,1 литров соответственно [4].

В настоящее время отсутствуют показатели за 2023 год. До конца реализации данной программы осталось менее двух лет. Учитывая тенденции незначительного снижения, если сравнивать 2021 и 2022 годы (с 11,2 литра до 11,1 литра), в целом за пять лет наблюдается тенденция роста (с 10,1 литра

в 2018 году до 11,1 литра в 2022 году). Необходимо приложить значительные усилия, чтобы реализовать запланированные показатели и снизить уровень употребления алкоголя, указанный выше, до 9,8 литра. Вместе с тем необходимо учитывать, что статистические данные не в полной мере отражают действительную картину. Так как существует и нелегальный оборот алкоголя, который не включается в отчетность, реальная цифра может быть значительно больше.

Несмотря на предпринимаемые государством меры, регулирующие разные сферы жизни, в Республике Беларусь каждое третье преступление совершается в состоянии алкогольного опьянения. Если же рассматривать преступления, совершенные в быту, то данный показатель достигает 80–90 %.

Нахождение человека в состоянии алкогольного опьянения снижает его внимание, критику в действиях, делает человека уязвимым, а поведение неадекватным. Пребывая в нетрезвом состоянии, лицо может стать как преступником, так и жертвой, ввиду неадекватной оценки ситуации. К основным причинам совершения правонарушений в нетрезвом состоянии можно отнести следующие: ведение аморального образа жизни, отсутствие общественно полезной занятости, высокий уровень конфликтогенности и напряженности отдельных лиц. Условиями же, которые чаще всего способствуют совершению противоправных деяний в состоянии алкогольного опьянения, являются: профильная работа, не надлежаще организованная субъектами профилактики, отсутствие должного взаимодействия между ними и слаженного механизма реагирования на девиантное поведение граждан, доступность алкогольной продукции для населения, в том числе нелегальной, цена и количество реализуемого алкоголя.

Помимо упомянутых выше нормативных правовых актов, действуют и другие акты, которые в той или иной степени регулируют вопросы, связанные с алкоголем и профилактикой противоправных действий, совершаемых вследствие его употребления.

При этом алкоголизации населения, исходя из вышеизложенного, является одной из важных проблем государства, а также негативным фактором, влияющим на уровень правовой культуры и культуры общества. Как отмечалось выше, на законодательном уровне принимаются меры, направленные на борьбу с данным явлением, исходя из складывающейся обстановки. Но предпринимаемые меры не имеют гибкой системы, то есть имеет место реакция на изменения спустя некоторое время, а не сразу при выявлении проблемы, что усугубляет ситуацию и затрудняет борьбу с алкоголем, что и служит совершению большего количества преступлений в целом, а в частности — насильственной направленности в бытовой сфере.

Из вышеизложенного следует, что существующие меры противодействия алкоголизации населения не реализуются в полной мере и в некоторой степени недействительны ввиду значительных количественных показателей насильственных преступлений в быту в состоянии алкогольного опьянения. Нахождение лиц в состоянии алкогольного опьянения ежегодно становится причиной совершения подавляющего большинства тяжких и особо тяжких преступлений (убийств, причинения тяжких телесных повреждений, в том числе повлекших смерть, причинение смерти по неосторожности).

С целью противодействия пьянству и профилактики совершения бытовых насильственных преступлений, видится необходимым рассмотреть вопрос о разработке и принятии нормативного правового акта, который определял бы механизм реализации противоалкогольной политики в республике. В свою очередь, следует уделить более пристальное внимание моментам реализации алкоголя. В частности, предлагается увеличить его стоимость, а также размещать в отдельных торговых объектах, а не совместно с иными продовольственными товарами. Доступность алкоголя негативно сказывается на профилактической работе субъектов профилактики, не позволяет изменить поведение лиц, ведущих, в том числе, асоциальный образ жизни. Повысить уровень профилактики преступлений, совершенных в быту с применением насилия, возможно лишь при комплексном подходе в данном направлении, учитывая экономические, образовательные, культурные, социальные и иные аспекты.

---

1. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. О государственном регулировании производства и оборота алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции и непивного этилового спирта [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 27 авг. 2008 г., № 429-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. О Государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 янв. 2021 г., № 28 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 26.12.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Потребление зарегистрированного алкоголя в пересчете на абсолютный алкоголь на душу населения в возрасте 15 лет и старше [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=214124#> (дата обращения: 05.01.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

УДК 343.58

НАКАЗАНИЕ ЗА НАЛОГОВОЕ МОШЕННИЧЕСТВО ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В. И. Киселева

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант факультета милиции

Р. С. Вульвач

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики

Аннотация. В работе авторы рассматривают вопросы совершенствования наказания за совершение налогового мошенничества в рамках уголовного законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: налоговое мошенничество, категории преступлений, уголовная ответственность, санкция, виды наказаний, штраф, пределы размеров штрафа.

Annotation. In the work the authors consider the issues of improving punishment for committing tax fraud within the framework of the criminal legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: tax fraud, categories of crimes, criminal liability, sanctions, types of punishments, fines, fine limits.

Осуществление экономической деятельности в Республике Беларусь основывается на положениях, закрепленных в ст. 13 Конституции Республики Беларусь (далее — Конституция), где установлено, что белорусское государство при осуществлении как хозяйственной, так и любой другой деятельности, кроме той, которая запрещена законом, предоставляет всем лицам равные права, гарантируя им равную защиту [1]. При этом регулирование экономической деятельности государством осуществляется в интересах личности, общества и государства посредством в том числе и установления правоограничительных мер в рамках ее осуществления с целью достижения экономической безопасности Республики Беларусь.

Как следует из предусмотренного Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, в редакции Указа Президента Республики Беларусь от 24 января 2014 г. № 49 (далее — Концепция) направления деятельности, экономическая безопасность как одна из составляющих национальной безопасности отражает такое состояние экономики, при котором гарантированно обес-

печивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз [2]. Тем самым констатируется тот факт, что формирование и осуществление политики нашего государства, направленной на недопущение посягательств на установленный порядок осуществления экономической деятельности, базируется на конституционных положениях и находит свое воплощение в том числе и в законодательных запретах различного нормативно-правового характера, регламентирующих указанную сферу деятельности.

Наиболее строгим видом подобных ограничений выступает установление уголовной ответственности за деяния, совершаемые против определенного государством порядка осуществления экономической деятельности и в частности нормальной деятельности финансово-бюджетной системы нашей республики.

Так как основу финансово-бюджетной системы любого государства, в том числе и Республики Беларусь, составляют налоговые отчисления участников хозяйствования, посредством которых формируется доходная часть бюджетов всех уровней, то одним из способов противодействия возникающим угрозам экономической безопасности нашего государства в сфере налоговых обязательств, наряду с иными мерами, выступает и процесс постоянного реформирования действующего законодательства в данной сфере. Одним из векторов такого реформирования является совершенствование уголовной ответственности за совершение общественно опасных посягательств в области налоговых правоотношений. До 2021 года уголовной ответственности в указанной сфере подлежали только действия, связанные с уклонением от уплаты налогов и сборов, которые повлекли причинение ущерба государству в крупном размере, что образовывало основной состав преступления, либо в особо крупном, что было предусмотрено в квалифицированном составе данного преступления.

В мае 2021 года в силу вступил Закон Республики Беларусь № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» (далее — Закон), согласно принятым новациям в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК) была включена ст. 243², устанавливающая уголовную ответственность за налоговое мошенничество [3].

Правовая конструкция объективной стороны, закрепленная в ч. 1 ст. 243² УК, формулирует понятие налогового мошенничества через указание на совершение общественно опасного деяния в виде действия по предоставлению уполномоченному лицу либо документов, которые содержат заведомо ложную информацию, либо предоставление такому лицу заведомо ложных сведений любым иным способом. При этом следует обратить внимание на тот факт, что

налоговое мошенничество по законодательной конструкции является преступлением с материальным составом, предусматривая обязательным признаком объективной стороны наступление общественно опасных последствий в виде причинения ущерба в крупном размере. В силу того, что отсутствует примечание к данной статье, при определении понятия крупного размера следует исходить из положений, закрепленных в примечании к гл. 25 УК, где прописано, что крупным размером при совершении налогового мошенничества признается сумма ущерба, в тысячу и более раз превышающая размер базовой величины, установленной на день совершения преступления [4].

Исследуя проблематику сбалансированности понятия налогового мошенничества и устанавливаемой меры уголовно-правового наказания, стоит отметить, что санкция ч. 1 ст. 243² УК является альтернативной и включает в себя пять видов основного наказания, которые относятся как к наказаниям, не связанным с лишением и ограничением свободы (штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), так и к наказаниям в виде ареста, ограничения свободы и лишения свободы на определенный срок, карательное воздействие которых основано на применении ограничения и лишения виновного свободы. При этом заслуживает внимания и то обстоятельство, что исходя из субъективной стороны данного преступления, которая характеризуется умышленной формой вины, а также с учетом характера и степени общественной опасности совершаемых деяний, на законодательном уровне указанное преступление отнесено к категории менее тяжких.

В свою очередь, заслуживающим внимания является и то обстоятельство, что, реализуя принцип гуманизма и справедливости при назначении наказания, законодатель в ч. 2 примечания к главе 25 УК предусмотрел ограничения на применение такого наказания, как лишение свободы в отношении лиц, впервые осуждаемых за совершение преступлений против порядка осуществления экономической деятельности, отнесенных к категории не представляющих большой общественной опасности и менее тяжким преступлениям, каким и является налоговое мошенничество, предусмотренное ч. 1 ст. 243² УК.

В свою очередь, ч. 2 ст. 243² УК устанавливает ответственность за идентичные деяния, образующие объективную сторону квалифицированного состава данного преступления, однако для констатации оконченного преступления в данном случае предусмотрено причинение ущерба, который составляет особо крупный размер. На основании того же примечания к гл. 25 УК особо крупным признается ущерб, который в две тысячи и более раз превышает размер базовой величины, установленной на день совершения преступления.

Проводя дискуссию о возможных путях преобразования подходов в установлении наказаний за данные преступления и обращаясь к анализу санкции

квалифицированного состава указанной статьи уголовного закона, следует указать, что она также являясь альтернативной, в свою очередь, в отличие от санкции ч. 1 ст. 243² УК, включает в себя только два основных наказания: ограничение свободы и лишение свободы на определенный срок. При этом максимально возможный срок лишения свободы, указанный в санкции ч. 2 ст. 243² УК, свидетельствует об отнесении данного преступления к категории тяжких, поскольку субъективная сторона также характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла.

По мнению авторов, подобный подход при закреплении в санкции данной статьи указанных видов наказания за совершение квалифицированного налогового мошенничества не в полной мере соответствует принципу справедливости в уголовном праве, так как при осуждении за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 243² УК, иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих постоянно в Республике Беларусь и совершивших данное преступление, к ним может быть применен только один вид наказания — лишение свободы на определенный срок. Подобное утверждение вытекает из положений ч. 4 ст. 55 УК, согласно которым ограничение свободы к перечисленным лицам не применяется. Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что если налоговое мошенничество, указанное в ч. 2 ст. 243² УК, совершено гражданином Республики Беларусь или лицом без гражданства, постоянно проживающим в республике, то суд вправе назначить им любое из двух альтернативных наказаний, указанных в санкции статьи без ограничений, либо при соблюдении определенных законодательно предусмотренных условий применить к таким лицам иные меры уголовной ответственности, закрепленные в ст. 77, 78 УК, а именно: отсрочить исполнение наказания в виде лишения свободы, либо постановить приговор с условным неприменением такого наказания. В то же время, как уже было отмечено ранее, иностранным гражданам и лицам без гражданства, не проживающим постоянно в Республике Беларусь, возможно назначение наказания только в виде лишения свободы. Складывающаяся ситуация, по мнению авторов, требует корректировки уголовно-правовой нормы, связанной с установлением наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 243² УК, для достижения более полной реализации принципа справедливости как одного из основополагающих признаков уголовного права.

Возможным путем решения указанного несоответствия, по мнению авторов, может стать включение в санкцию данной уголовной нормы в качестве основного наказания штрафа, поскольку применение его не содержит никаких ограничений, относящихся к личности осуждаемых.

При этом представляется возможным обратить внимание и на тот факт, что действующее уголовное законодательство Республики Беларусь, закрепляя

в ст. 50 УК штраф как уголовное наказание, устанавливает особый подход при определении его размера в случае совершения преступлений, которые посягают на порядок осуществления экономической деятельности, к которым относится и налоговое мошенничество. В подобных случаях законодатель предусматривает возможность назначения штрафа не по общему правилу, а в пределах от трехсот до пяти тысяч базовых величин, установленных на день постановления приговора.

В то же время, предлагая к рассмотрению вопрос о введении в санкцию ч. 2 ст. 243² УК наказания в виде штрафа, представляется возможным вести речь о необходимости совершенствования, в том числе и подходов, связанных с законодательным закреплением учета не только вида совершенного преступления (преступление против порядка осуществления экономической деятельности), но и его категории в зависимости от характера и степени общественной опасности содеянного, так как ч. 1 ст. 243² УК, санкция которой содержит наказание в виде штрафа, предусматривает ответственность за менее тяжкое преступление, в то время как ч. 2 ст. 243² УК, в санкцию которой предлагается включение штрафа в качестве одного из видов основного наказания, устанавливает ответственность за тяжкое преступление.

Принимая во внимание системный подход при рассмотрении вопроса градации размеров штрафа с учетом категории преступления, имеет смысл исходить из уже законодательно закрепленных пределов штрафа для данного вида преступлений, поскольку нижний и верхний пределы данного вида наказания имеют весьма значительное расхождение: от трехсот до пяти тысяч базовых величин, что, в свою очередь, позволяет определить более соотносимые пределы штрафа отдельно для менее тяжких и тяжких преступлений.

Таким образом, очевидно, что введение в 2021 году в уголовное законодательство Республики Беларусь ст. 243² УК, устанавливающей уголовную ответственность за налоговое мошенничество, является актуальным и своевременным. Правовое воздействие указанного нововведения направлено на обеспечение защиты национальных экономических интересов Республики Беларусь в целом и на недопущение совершения общественно опасных деяний, подрывающих нормальную деятельность финансово-бюджетной системы нашей республики в частности. В то же время требующим проведения правовой дискуссии остается вопрос о необходимости совершенствования данной нормы в части расширения видов наказания, предусмотренных санкцией ч. 2 ст. 243² УК, в целях более полной реализации принципа справедливости при назначении наказания.

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Минск : Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2023. 62 с. [Вернуться к статье](#)
2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г. № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. № 49. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
3. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 мая 2021 г., № 112-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343

**ДОКУМЕНТЫ, СОДЕРЖАЩИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЕ СВЕДЕНИЯ,
ЛИБО ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЕ СВЕДЕНИЯ
КАК ПРЕДМЕТЫ НАЛОГОВОГО МОШЕННИЧЕСТВА****В. И. Киселева**Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант факультета милиции**Л. А. Рябцева**Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики

Аннотация. Авторы характеризуют предметы налогового мошенничества, анализируют их существующие формы с позиции уголовного и налогового законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: предметы налогового мошенничества; документы, содержащие заведомо ложные сведения; заведомо ложные сведения.

Annotation. The authors characterize the subjects of tax fraud, analyze their existing forms from the perspective of the criminal and tax legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: items of tax fraud; documents containing deliberately false information; knowingly false information.

Тотальная информатизация жизнедеятельности общества существенным образом увеличила активность человека как члена социума. Это, в свою очередь, привело к разнообразию форм его участия в общественных отношениях, что не всегда связывается с позитивным поведением самого лица. Так, введение электронного документооборота выступило благом для человечества, но вместе с тем открыло новые возможности для осуществления преступной деятельности в настоящей связи, например при совершении подделки иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей (согласно смыслу ст. 380 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), предметом которой может выступить в том числе электронный документ, отвечающий всем необходимым требованиям, предъявляемым к его форме и содержанию, и способный стать полноценной эквивалентной заменой бумажному аналогу.

Введение уголовной ответственности за деяния, ранее не признававшиеся преступлениями, также создает ситуацию, при которой на начальном этапе формирования правоприменительной практики представляется сложным предусмотреть (предугадать) все возможные варианты формы выражения преступного поведения лица, особенно если сама норма имеет признаки бланкетной и

требует обращения к нормативным правовым актам не уголовно-правового характера, что, в свою очередь, предполагает получение дополнительного знания из других нормативных правовых источников в части корректного применения уголовно-правовой нормы. Типичным примером в настоящей связи может выступить налоговое мошенничество, за которое сравнительно недавно Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» была введена уголовная ответственность.

Принимая во внимание факт того, что, согласно диспозиции ч. 1 ст. 243² УК, налоговое мошенничество есть «представление уполномоченному органу документов, содержащих заведомо ложные сведения, либо заведомо ложных сведений иным способом в целях необоснованного возврата налогов, сборов при отсутствии признаков более тяжкого преступления» [1], понимаем, что норма ввиду своего бланкетного характера требует обращения к налоговому законодательству, поскольку следует, согласно Налоговому кодексу Республики Беларусь (далее — НК), установить законодательно предусмотренные основания для возврата налогов, сборов и, соответственно, понимать, какие документы или сведения в настоящей связи могут составить содержание правового основания.

Анализ ст. 243² УК позволяет установить, что в качестве предметов налогового мошенничества выступают:

- документы, содержащие заведомо ложные сведения,
- собственно заведомо ложные сведения.

В этой связи следует внести некоторые пояснения, о каких документах идет речь и что понимается под сведениями, которые необходимо в них отражать или подавать.

Согласно ч. 5 ст. 66 НК, возврат излишне уплаченной суммы налогов и сборов производится на основании заявления плательщика. Обязательными условиями для такого возврата выступают «отсутствие у плательщика неисполненного налогового обязательства, неуплаченных пеней и штрафов»; наличие погашенной задолженности «по налогам, сборам, пеням по результатам проверки иного лица, в ходе которой установлена излишне уплаченная плательщиком сумма налога, сбора» [2]. Соответственно, если лицо представляет заведомо ложные документы или сведения, подтверждающие, что обозначенные условия им выполнены, а в действительности это не так, то возникают вопросы, связанные с необходимостью привлечения его к уголовной ответственности за налоговое мошенничество, если в наличии имеются иные признаки состава.

Так, под заведомо ложными сведениями следует понимать информацию, данные, не отвечающие действительности, которые преподносятся в искаженном (полностью или частично) виде, и настоящий факт осознается виновным.

В качестве документов, содержащих заведомо ложные сведения, могут выступать налоговые декларации, куда вносится информация, содержание которой в случае, если она является реальной, выступает достаточным правовым основанием для возврата налогов, сборов.

Вместе с тем такими документами могут являться не только налоговые декларации. Так, учитывая наличие признаков бланкетного характера нормы (в целом диспозиция является смешанной), следует, обратившись к положениям НК, установить, что, согласно ст. 119 НК, лицо в случаях, определенных законом, может быть освобождено от уплаты налога на добавленную стоимость (далее — НДС) при ввозе товаров на территорию республики. Основанием для освобождения в подобной ситуации должно выступить заключение соответствующего органа. Так, например, при ввозе семян, импортируемых на территорию белорусского государства для научных целей, лицо освобождается от уплаты НДС при наличии заключения Национальной академии наук Беларуси, подтверждающего научную цель ввоза (пп. 1.6, п. 1 ст. 119 НК) [2]. Соответственно, если такое заключение будет поддельным, то возникает основание для привлечения лица к уголовной ответственности при наличии остальных признаков, описанных в ст. 243² УК.

Аналогичная ситуация может возникать и в других подобных случаях. Так, например, ст. 122 НК предусматривает несколько размеров ставок НДС: 0 %, 10 %, 20 % и 25 %. Какая из ставок будет применяться, зависит от законодательно установленного основания, фактическим наличием которого определяется размер ставки НДС в каждом конкретном случае. В качестве примера можно рассмотреть ситуацию, при которой с целью последующей реализации на территории Республики Беларусь осуществляется ввоз фруктовых соков. Последние, согласно приложению 26 к НК, не являются продовольственным товаром, ввоз и (или) реализация которых на территории Республики Беларусь предполагает применение размера ставки НДС в размере 10 %, если настоящий продукт не является продуктом для детского питания. То есть, если лицо официально представило в уполномоченный орган информацию о том, что им был осуществлен ввоз соков для детского питания, что требует применения ставки НДС в размере 10 %, а в действительности импортированные в Республику Беларусь фруктовые соки не использовались в обозначенных целях, то в содеянном усматриваются признаки налогового мошенничества.

В качестве предмета налогового мошенничества могут выступать не только документы, содержащие заведомо ложные сведения на бумажном носителе, но и электронные документы с подобного рода информацией. Так, например, ст. 131 НК предусматривает случаи, при которых создание (включая заполнение) электронного счета-фактуры является обязательной процедурой

для ряда плательщиков НДС. Исходя из того, что электронный счет-фактура есть электронный документ (данный факт указан в самой ст. 131 НК), то он будет выступать официальным основанием «для принятия плательщиком к вычету сумм налога на добавленную стоимость», поскольку в нем содержатся сведения об исчисленных суммах НДС и (или) суммах НДС, подлежащих вычету, который предоставляется плательщику налоговыми органами [2]. То есть в случае, если с целью последующего необоснованного возврата НДС в налоговый орган был предоставлен электронный счет-фактура с внесенными заведомо ложными для плательщика сведениями, то в действиях такого лица усматривается состав оконченного налогового мошенничества. В этом случае правового значения не имеет факт того, удалось или нет лицу получить вычет.

Это лишь единичные примеры, расширяющие представление о предметах налогового мошенничества. Вместе с тем в ходе проведенного анализа, потребовавшего обращения не только к ст. 243² УК, предусматривающей уголовную ответственность за налоговое мошенничество, но и обращения к НК Республики Беларусь, нами было установлено, что предметами налогового мошенничества могут выступать документы, содержащие заведомо ложные сведения, либо заведомо ложные сведения, представляемые органу, уполномоченному на их принятие, в том числе в электронном формате.

Однако учитывая, что налоговое мошенничество есть преступление, производное от мошенничества как преступления против собственности, где в качестве одного из способов его совершения фигурирует обман, заключаем, что для него также характерно многообразие форм, посредством которых потерпевшее лицо вводится в заблуждение и осуществляет возврат налогов, сборов, полагая, что для этого у лица, обращающегося за ним, имеются законные основания. Ввиду чего требуется более тщательное изучение проблемы в части понимания, *какие еще* документы либо сведения в них могут стать основанием для неправомерного возврата налогов (сборов), а соответственно, причинения существенного вреда экономической безопасности белорусского государства совершением налогового мошенничества. В этой связи следует продолжать работу в указанном направлении.

---

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) [Электронный ресурс] : 19 дек. 2002 г., № 166-3 : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 дек. 2002 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 27.12.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 343.1

**К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ СПЕЦИАЛИСТА
В ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ
(ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ)
В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Н. А. Корнейчик

Академия МВД Республики Беларусь,
курсант факультета криминальной милиции

М. М. Якубель

Академия МВД Республики Беларусь,
начальник кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** Рассматриваются вопросы повышения эффективности использования систем видео-конференц-связи (веб-конференции) при производстве следственных действий. Обосновывается необходимость участия в них специалиста, обладающего знаниями в области информационно-коммуникационных компьютерных технологий. Формируются соответствующие предложения по изменению Уголовно-процессуального кодекса.*

***Ключевые слова:** видео-конференц-связь, веб-конференция, следственные действия, специалист, орган, ведущий уголовный процесс, информационно-коммуникационные компьютерные технологии.*

***Annotation.** The issues of increasing the efficiency of using video conferencing systems (web conferences) in investigative actions are considered. The necessity of participation in them by a specialist with knowledge in the field of information and communication computer technologies is substantiated. Relevant proposals to amend the Criminal Procedure Code are being formed.*

***Keywords:** video conferencing, web conference, investigative actions, specialist, body conducting criminal proceedings, information and communication computer technologies.*

В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство допускает возможность проведения отдельных процессуальных действий дистанционным способом. Так, Законом Республики Беларусь от 5 января 2016 № 356-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее — УПК) дополнен ст. 224¹ «Проведение допроса, очной ставки, предъявление для опознания с использованием систем видеоконференцсвязи» и ст. 343¹ «Проведение допроса, опознания с использованием систем видеоконференцсвязи» [1].

Спустя пять лет с момента закрепления в УПК возможности использования систем видео-конференц-связи Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» внесены существенные изменения в реализацию дистанционного способа проведения процессуальных действий, а именно упомянутые выше статьи дополнены институтом веб-конференции. Он выступает как альтернатива видео-конференц-связи [2]. Вместе с тем нормативного разъяснения понятий «видео-конференц-связь» и «веб-конференция» УПК не закрепил.

Ученые по-разному толкуют рассматриваемые категории. Так, А. В. Дашкин описывает видео-конференц-связь в уголовном процессе как технологию, которая позволяет его участникам видеть и слышать друг друга, подразумевает обмен сведениями и обработку их в интерактивных режимах, применяя возможность обычных компьютеров, приближая общение на дистанции к условиям живого реального общения [3, с. 201]. В. А. Терехин и А. Е. Федюнин рассматривают видео-конференц-связь в уголовном процессе как основанное на правовых нормах международного и отечественного уголовно-процессуального законодательства интерактивное взаимодействие участников уголовного процесса, в ходе которого осуществляется непрерывный и четкий информационный обмен изображением и звуком, имеющими значение для уголовного дела, в режиме реального времени посредством обособленной телекоммуникационной сети [4, с. 23]. Анализ содержания обозначенных выше понятий позволяет констатировать, что для проведения следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи (веб-конференции) необходимо следующее техническое оборудование: 1) видеоаппаратура для передачи и проектирования изображения; 2) микрофон и акустическая установка для передачи и воспроизведения звука; 3) телекоммуникационная сеть, представляющая собой изолированный канал связи (в случаях использования систем видео-конференц-связи) и сервер проводимого следственного действия, подключенного к сети Интернет, являющийся общедоступным каналом связи (в случаях использования систем веб-конференции).

Кроме того, представляется очевидным, что для применения систем видео-конференц-связи (веб-конференции) необходимы определенные знания, умения и навыки в области информационно-коммуникационных компьютерных технологий. В этой связи возникает вопрос о том, достаточно ли для успешного использования систем видео-конференц-связи (веб-конференции) знаний должностного лица органа, ведущего уголовный процесс, либо необходимо привлекать к проведению следственных действий иных лиц, обладающих специальными знаниями.

В уголовно-процессуальной сфере лицо, обладающее специальными знаниями, именуется специалистом. Указанный субъект относится к категории иных участников уголовного процесса. Его процессуальный статус закреплен в ст. 62 УПК, согласно которой специалистом является не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, вызванное органом, ведущим уголовный процесс, для участия и оказания содействия в производстве следственных и иных процессуальных действий [5].

УПК не дает разъяснений категории «специальные знания». Ученые по-разному толкуют ее содержание. Представляется, что подход к пониманию термина «специальные знания», сформулированный Е. В. Россинской, наиболее широко раскрывает содержание данной категории. Автор определяет специальные знания как систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства, ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки и профессионального опыта, необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе уголовного, гражданского производства, производства по делам об административных правонарушениях [6, с. 6].

Рассмотрение в совокупности понятия «специалист», закрепленного в ст. 62 УПК, оснований его привлечения к участию в следственных действиях, а также сущности института видео-конференц-связи (веб-конференции) позволяет сделать вывод о том, что при производстве следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи (веб-конференции) должно быть обеспечено участие лица, обладающего специальными знаниями в области информационно-коммуникационных компьютерных технологий, так как необходимо наладить устойчивый канал связи и надлежащую звуко-, видеозапись следственного действия, а также устранить ряд неполадок в случаях их возникновения. К таким неполадкам можно отнести:

- 1) искажение передаваемого или проектируемого изображения;
- 2) отсутствие передаваемого или воспроизводимого звука;
- 3) прерывание интернет-соединения и др.

Представляется, что даже при наличии необходимых технических знаний сотруднику органа предварительного расследования затруднительно будет их эффективно реализовать, так как на него возлагаются другие задачи, решение которых требует высокой концентрации и сосредоточенности. Отвлечение на обеспечение процесса налаживания и поддержания работы канала связи может негативно сказаться на результатах проводимого следственного действия. В этой связи представляется, что для организации и проведения следственного действия с использованием систем видео-конференц-связи (веб-конференции) по возможности должно обеспечиваться участие специалиста, обладающего

соответствующими навыками в области эксплуатации средств компьютерной техники.

Более того, при проведении следственного действия дистанционным способом необходимо обеспечить надлежащую работу систем видео-конференц-связи (веб-конференции) как по месту нахождения инициатора следственного действия, так и по месту нахождения лица, исполняющего поручение об оказании содействия. В этой связи для должного выполнения требований ч. 4 ст. 224¹ УПК (об обеспечении надлежащего качества изображения и звука при применении систем видео-конференц-связи (веб-конференции)) представляется возможным привлечение двух специалистов: одного — должностным лицом, инициировавшим проведение следственного действия, другого — должностным лицом, исполняющим поручение об оказании содействия в проведении следственного действия.

Привлекая специалиста к проведению следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи (веб-конференции), сотрудники органов предварительного расследования освобождают себя от решения задач, которые не являются приоритетными, а именно от технической организации производства следственных действий. Специалист, обладающий необходимыми знаниями в области информационно-коммуникационных компьютерных технологий, будет способствовать эффективному производству следственных действий дистанционным способом, оказывая тем самым содействие в решении задач уголовного процесса, связанных с быстрым и полным расследованием преступлений.

Вместе с тем представляется, что в уголовно-процессуальном законе не может быть закреплено императивное требование об участии специалиста в следственном действии, проводимом с использованием систем видео-конференц-связи (веб-конференции). Это связано с тем, что нельзя исключить случаи, когда имеющихся технических знаний у следователя и лица, исполняющего поручение об оказании содействия, будет достаточно для эффективной организации и проведения следственного действия.

В этой связи видится необходимым дополнить ст. 224¹ УПК частью 6, содержащей указание о целесообразности привлечения специалиста к производству следственных действий дистанционным способом, и изложить ч. 6 ст. 224¹ УПК в следующей редакции: «6. Допрос, очная ставка, предъявление для опознания лиц и (или) объектов с применением систем видео-конференц-связи (веб-конференции) по возможности проводятся с привлечением специалиста, обеспечивающего выполнение требований ч. 4 ст. 224¹ настоящего Кодекса».

Реализация предложенных изменений будет способствовать повышению эффективности проведения следственных действий с использованием систем

видео-конференц-связи (веб-конференции) путем конкретизации процессуальных функций отдельных участников уголовного процесса и совершенствования нормативной регламентации их деятельности.

1. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2016 г., № 356-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
2. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 мая 2021 г., № 112-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
3. Дашкин А. В. Использование систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2018. № 24 (210). С. 201–203. URL: moluch.ru/archive/210/51396 (дата обращения: 23.01.2024). [Перейти к источнику](#)
[Вернуться к статье](#)
4. Терехин В. А., Федюнин А. Е. Видеоконференцсвязь в современном российском судопроизводстве // Рос. юстиция. 2006. № 1. С. 22–24. [Вернуться к статье](#)
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. № 286-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
6. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М. : Норма, 2016. 656 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.2

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ИМУЩЕСТВО»
В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУТА СПЕЦИАЛЬНОЙ КОНФИСКАЦИИ****А. С. Костюк**Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
магистрант**Т. М. Халецкая**Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
доцент кафедры гражданского и хозяйственного права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье проанализировано понятие «имущество» в контексте специальной конфискации. Определены объекты, подлежащие конфискации. Предлагается новый подход к пониманию права собственности в рамках специальной конфискации имущества.

Ключевые слова: конфискация, имущество, право собственности, объекты права собственности, объекты конфискации.

Annotation. The article analyzes the concept of «property» in the context of special confiscation. Objects subject to confiscation have been identified. A new approach to understanding property rights within the framework of special confiscation of property is proposed.

Keywords: confiscation, property, property rights, objects of property rights, objects of confiscation.

Конфискация — явление, которое находится на стыке правового регулирования разных отраслей права, в ряде случаев с диаметрально противоположными подходами, что обуславливает сложности ее назначения и исполнения. К числу наиболее дискуссионных вопросов, связанных с институтом конфискации имущества, стоит отнести вопросы в части имущества, которое может подлежать конфискации. Данные вопросы порождены тем, что уголовное законодательство и практика порой не принимают во внимание важные и фундаментальные гражданско-правовые положения об имуществе, имущественных правах, объектах гражданских прав, вещах и др.

Так, одной из проблем выступает разрозненное толкование термина «имущество» и круга объектов, которые могут принадлежать на праве собственности. В ст. 244 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК) законодатель при определении конфискации использует термин «имущество» [1], а в ст. 46¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), помимо данного термина, используются такие понятия, как «доход», «предметы преступления», «орудия и средства совершения преступления», а также

«вещи, изъятые из оборота» [2]. Анализируемая уголовно-правовая норма, очевидно, говорит о том, что объектом конфискации выступают не только вещи, но и иные объекты гражданских прав. Также обращает на себя внимание расширительное толкование объекта права собственности в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 3 января 2023 г. № 240-З «Об изъятии имущества»: «вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, находящиеся на территории Республики Беларусь и принадлежащие на праве собственности субъектам изъятия» [3].

Соответственно, возникают закономерные вопросы: 1) охватываются ли перечисленные в ст. 46¹ УК Республики Беларусь предметы конфискации понятием «имущество» в его гражданско-правовом значении? 2) в случае, если полученный от преступной деятельности доход был направлен не на увеличение имущества в его классическом понимании, а, к примеру, на приобретение доли в уставном фонде (то есть на приобретение обязательственного права, а не права собственности), правомерна ли конфискация приобретенной доли?

Трудность ответа на данные вопросы обусловлена и тем, что до сих пор в доктрине гражданского права не утихают дискуссии в части определения единого понятия имущества, так как законодательно данный термин не определен, и его значение выводится из сущности конкретных гражданско-правовых отношений. Справедливости ради отметим, что и в уголовно-правовой науке также не сложилось единое понимание анализируемого понятия, несмотря на его важность для уголовного права, которое в числе прочих прав защищает и право собственности.

В настоящее время трактовка имущества только в качестве вещей не выдерживает критики, что, как нам представляется, вполне обоснованно, так как, во-первых, буквальное толкование ст. 128 ГК уже говорит о том, что помимо вещей в состав имущества должно входить «иное имущество, в том числе имущественные права», а во-вторых, развитие гражданского оборота обуславливает возникновение новых объектов гражданских прав, которые, несомненно, выступают «активом», обладающим ценностью, который возможно определить в денежном эквиваленте.

Обращаясь к положениям отечественного гражданского законодательства, можно заметить, что законодатель в термин «имущество» вкладывает различный смысл в зависимости от нормы, в которой данный термин используется. К примеру, в п. 1 ст. 241 ГК законодатель представляет достаточно широко объем имущества, которое может находиться на праве собственности у граждан и юридических лиц: «В собственности граждан и юридических лиц может находиться любое имущество, за исключением отдельных видов имущества, которое в соответствии с законом не может находиться в собственности

граждан или юридических лиц» [1]. В такой интерпретации к имуществу отнесены не только вещи, имеющие денежную оценку, но и имущественные права. В ст. 282 ГК («Истребование имущества из чужого незаконного владения» [1]), напротив, явно идет речь только о конкретной вещи, несмотря на то, что используется термин «имущество», так как невозможно представить действие данной нормы в отношении имущественных прав, являющихся, по утверждению отдельных авторов, составяющим элементом имущества [4].

Важно также обратить внимание на то, что законодатель не отказывается от идеи о том, что в состав имущества должен входить не только актив (вещи и имущественные права), но и пассив (обязательства). В отношении, к примеру, наследственного права данный подход представляется достаточно правильным, когда в состав имущества наследодателя включаются вещи, имущественные и обязательственные права.

Интерес представляет и позиция белорусского исследователя Н. Р. Марковника, который выступил с предложением о включении в понятие имущества всего того, что ценно для определенного лица, исключая любой «пассив», в том числе и обязанности лица. Правовед пришел к выводу, что в состав имущества входят вещи; право собственности на вещи, находящееся в неразрывной связи с вещами и определяющее их относимость к имуществу того или иного лица; ограниченные вещные права; обязательственные права; исключительные права [5, с. 98]. Мы согласны с отечественным правоведом в части того, что имущество по своей природе предполагает явление, которое обладает ценностью, в связи с чем оно не должно включать долговые обязательства. Однако относительно института конфискации имущества (равно как и в отношении приведенных примеров виндикации, наследственного имущества), такое широкое толкование категории имущества может породить трудности в практической плоскости при исполнении приговора.

Таким образом, применительно к институту конфискации имущества путем толкования норм права необходимо определить перечень объектов, включенных в понятие имущества, которое может быть конфисковано.

В ст. 244 ГК законодатель отмечает, что имущество обязательно изымается у собственника, соответственно, законодатель еще больше сужает границы допустимых к безвозмездному изъятию в собственность государства объектов. То есть из толкования ст. 244 ГК мы приходим к выводу, что объектом конфискации может выступать имущество, которое принадлежит лицу на праве собственности (при этом законодатель прямо не говорит о том, что такое имущество должно принадлежать именно лицу, которое совершило преступление). Соответственно, необходимо определить правовой режим такого имущества.

Вопрос заключается в том, что в законодательном понимании право собственности выражается в правах собственника владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом (ст. 210 ГК). Камнем преткновения в данной части выступает классическое понимание права владения как «физического господства над вещью». Соответственно, мы можем говорить о том, что «объекты права собственности» являются более узким понятием, нежели «объекты гражданских прав». К числу объектов права собственности относятся объекты материального мира, которые должны иметь определенную экономическую форму товара, так как вещи в некоторой степени представляются в виде конкретного результата человеческого труда, что наделяет их экономической и материальной ценностью. Однако цели и сущность конфискации в историческом своем развитии трансформировались настолько, что основополагающими больше не являются карательное составляющее и обогащение. То есть имущество, подлежащее конфискации, не обязательно должно обладать ценностью в рамках правового поля, оно просто должно быть определенным образом, предусмотренным ст. 46¹ УК, связано с преступлением. К примеру, главой 9 Указа Президента Республики Беларусь от 19 февраля 2016 г. № 63 «О совершенствовании работы с имуществом, изъятым, арестованным или обращенным в доход государства» предусмотрены случаи уничтожения конфискованного имущества. При этом в числе оснований для уничтожения названы экономическая нецелесообразность устранения недостатков или утилизации имущества, несоответствие имущества обязательным требованиям по показателям безопасности для жизни, здоровья и имущества людей, охраны окружающей среды и др. [6].

В то же время не можем не поднять в рамках нашего исследования достаточно актуальный и активно обсуждаемый в научных кругах вопрос: является ли институт права собственности в настоящее время исключительно вещно-правовым институтом или в нем присутствует обязательно-правовой элемент? Из данного вопроса вытекает и другой актуальный вопрос для исследования института права собственности, и в частности конфискации имущества: может ли быть объектом права собственности обязательственное право? Название раздела II ГК «Право собственности и другие вещные права» при буквальном его толковании говорит о том, что право собственности следует понимать не иначе как вещное право. Соответственно, исключительно вещи (материальная и осязаемая человеком субстанция, предметы материального мира) могут выступать объектами права собственности. Но в главе 13 раздела II ГК, посвященной общим положениям о праве собственности и других вещных правах, законодатель ни разу не использует термин «вещь», везде мы сталкиваемся с имуществом, в отличие от главы 14 названного раздела, которая регламентирует вопросы приобретения права собственности и в которой термин «вещь»

используется 63 раза, что практически в два раза чаще, чем использование термина «имущество» (35 раз). В главе 15 анализируемого раздела законодатель снова отдает приоритет в пользу употребления понятия «имущество», а не «вещи». Таким образом, мы наблюдаем искусственно созданную законодательную путаницу и непоследовательность использования разных по своей сущности понятий «имущество» и «вещь», что говорит в пользу того, что право собственности является не только вещным правом.

Обязательственные права в классическом понимании при узком толковании права собственности не могут выступать объектом права собственности. В то же время, на наш взгляд, развитие гражданского права и гражданско-правовых отношений свидетельствует о необходимости распространения на некоторые обязательственные отношения вещно-правового режима. Именно поэтому, как нам видится, в отношении конфискации имущества законодатель и правоприменители не могут отказаться от более широкого толкования как права собственности, так и имущества, включая в них определенные имущественные права или права требования, обладающие имущественной ценностью. Но здесь важно понимать, что нет необходимости в искусственном создании новых конструкций, позволяющих включать субъективные права в круг объектов права собственности. Правильным представляется в рамках конфискации имущества изменение подхода к широкому представлению об институте права собственности, когда данный институт перестает быть исключительно вещно-правовым.

Таким образом, считаем целесообразным предложение нового подхода к пониманию права собственности, который позволит исключить полемику среди правоприменителей в части объектов, подлежащих конфискации. Суть данного подхода можно представить следующим образом. Право собственности выражается в том, что собственник относится к имуществу как к своему. При этом право собственности закрепляет принадлежность как вещей, так и другого имущества, выступая в качестве наиболее полного абсолютного права. Вещное же право будет выступать в таком понимании разновидностью более общей категории.

---

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2024 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Об изъятии имущества [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 3 янв. 2023 г., № 240-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)
4. Лапач Л. В. Проблемы строения категории «имущество» в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 12.00.03 ; Юж. федер. ун-т. Ростов н/Д, 2007. 27 с. [Вернуться к статье](#)
5. Марковник Н. Р. К вопросу о понятии имущества в гражданском праве // Теория и практика совершенствования законодательства и правоприменения: традиции и новации : материалы междунар. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 30–31 окт. 2009 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Г. А. Шумак (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2010. С. 97–98. [Вернуться к статье](#)
6. О совершенствовании работы с имуществом, изъятым, арестованным или обращенным в доход государства [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 19 февр. 2016 г., № 63 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 07.03.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

УДК 330.81

**АНТИЧНЫЙ ИДЕАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ:
ДОСОКРАТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД****В. Ю. Пузако**Академия МВД Республики Беларусь,
курсант факультета криминальной милиции**И. А. Барсук**Академия МВД Республики Беларусь,
доцент кафедры философии и идеологической работы

Аннотация. В статье обосновывается, что благодаря досократическим мыслителям экономическое знание испытало в той или иной форме влияние норм рационально-теоретического мышления и морально-этических принципов для обоснования и ведения хозяйственной деятельности в рамках античного полиса и впоследствии оказало серьезное влияние на становление первых экономических программ в классический и эллинистический периоды развития античной философии.

Ключевые слова: этика, экономика, экономическая наука, протонаука; досократики, античность, античная философия, морально-этические принципы.

Annotation. The article substantiates that thanks to pre-Socratic thinkers economic knowledge was influenced in one form or another by the norms of rational theoretical thinking and moral and ethical principles for the justification and conduct of economic activities within the framework of the ancient polis, and subsequently had a serious influence on the formation of the first economic programs in the classical and Hellenistic periods of development of ancient philosophy.

Keywords: ethics, economy, economic science, protoscience; pre-Socratics, antiquity, ancient philosophy, moral and ethical principles.

Анализ практически необозримой литературы, посвященной истокам и генезису экономической науки, позволяет сделать вывод, что по данному вопросу нет единой общепринятой точки зрения, однако популярным является утверждение, что формирование экономической науки относится к периоду XVI–XVII вв. и связано с появлением меркантилизма как первого теоретического обоснования экономической политики государства периода первоначального накопления капитала. В 1615 г. французский экономист Антуан де Монкретьен (1576–1621 гг.) опубликовал «Трактат по политической экономии», где рассматривались вопросы активного участия государства в регулировании хозяйственных процессов [1]. Однако социокультурные обстоятельства, складывающиеся в середине I тыс. до н. э. в античной Греции, которую многие исследователи по праву считают подлинной «колыбелью» научного знания, способствовали оформлению первых научных программ в древнегреческой

культуре. Именно в античной культуре были впервые продемонстрированы и обоснованы принципы экономического знания, которые по праву оцениваются как исторически первые образцы формирования экономической науки.

Честь называться первым греческим мыслителем-экономистом принадлежит поэту Гесиоду, жившему в *конце VIII – начале VII вв. до н. э.* Наиболее известны его поэмы «Теогония (О происхождении богов)», в которой представлена первая попытка систематизации представлений древних греков о картине мира от Хаоса к Космосу, и «Труды и дни (Земледельческая поэма)», написанная с определенным замыслом — дать брату Персу этические наставления к земледельческому труду и мореходной торговле. Гесиод формулирует четкие условия здорового функционирования полиса: прежде всего, во взаимоотношениях между его жителями должна господствовать Dike (Справедливость), дочь самого Зевса (256); во-вторых, каждый член полиса обязан трудиться (299). Отсутствие этих условий означает плохое устройство полиса — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Гесиод не воспекает физический труд как таковой, труд — наказание для людей, ниспосланное им за Прометеев обман (47–49), но также и наилучшее средство к обретению богатства и положения в обществе (312–313). Труд — источник годового пропитания человека (44–46), основа достатка (299–301); благодаря систематическому труду люди становятся зажиточными, богатыми мелким рогатым скотом (308), а с богатством приходят и почет, и добрая слава (313) [2].

Следующим, кто сделал важный вклад в развитие экономической науки, был Демокрит (около 460–370 гг. до н. э.), обозначивший два ее важнейших направления. Во-первых, он заложил основы субъективной теории ценности. Демокрит учил, что моральные ценности являются абсолютными, а экономические ценности являются обязательно субъективными. Та же самая вещь, писал Демокрит, может быть «хорошей и правильной для всех людей, однако то, что приятно — для всех людей разное». Демокрит также увидел, что полезность блага падает до нуля и становится отрицательной, если его предложение сверхизбыточно. Во-вторых, Демокрит был первым, кто пришел к пониманию (еще в зачаточной его форме) временного предпочтения: люди предпочитают настоящее благо перспективе получения блага в будущем. Еще одним крупным вкладом Демокрита в экономическую науку стала его новаторская защита системы частной собственности. Демокрит, видя контраст между экономикой Афин, базирующейся на частной собственности, и олигархическим коллективизмом Спарты, пришел к выводу, что частная собственность является высшей формой экономической организации. В отличие от общественной собственности, частная собственность поощряет труд и усердие, поскольку «доход от общественной собственности доставляет меньше удовольствия и расходы менее

болезненны». «Труд, — заключает философ, — слаще безделья, когда люди получают то, ради чего они трудятся, или когда знают, что этим будут пользоваться они» [3, с. 9–10].

Таким образом, благодаря досократикам экономическое знание испытало в той или иной форме влияние норм рационально-теоретического мышления и морально-этических принципов для обоснования и ведения хозяйственной деятельности в рамках античного полиса и впоследствии оказало серьезное влияние на становление первых экономических программ в классический и эллинистический периоды развития античной философии в трудах Ксенофонта, Платона, Аристотеля и Катона, в результате деятельности которых обретает рационально-теоретическую форму экономическое знание и формируется этико-ориентированная традиция происхождения экономики как науки. Сегодня уже совершенно очевидно, что от Адама Смита и до начала XX в. господствовавший образ экономической науки как представление «о природе и причинах материального богатства» и «отношениях людей в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ», не вполне соответствовал самим истокам и генезису экономической науки [4; 5]. Современные школы экономической мысли в значительной степени основаны на античных идеалах, и влияние античной философии на экономику можно проследить сегодня в различных течениях мейнстрима.

---

1. Барсук И. А. У истоков экономической науки: французский меркантилизм и Антуан де Монкретьен // Философия и ценности современной культуры : материалы XIV Респ. междисциплинар. науч.-теорет. семинара студентов, аспирантов и молодых ученых «Инновационные стратегии в современной социальной философии», Минск, 26 марта 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. И. Зеленков (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2020. С. 37–41. [Вернуться к статье](#)

2. Гесиод. Труды и дни [Электронный ресурс] // Античная литература / отв. ред. М. Л. Гаспаров. М. : Ладомир, 1999. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1425407002> (дата обращения: 05.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Ротбард М. Первые философы-экономисты: древние греки // Экономическая мысль : в 2 т. М. ; Челябинск : Социум, 2000. Т. 1. От Античности до Адама Смита. 600 с. [Вернуться к статье](#)

4. Барсук И. А. Этико-ориентированная традиция становления экономического знания: натурфилософский период // Философия и экономика в эпоху цифровой трансформации : сб. докл. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 15 дек. 2020 г. / под ред. А. А. Головач [и др.] ; Белорус. гос. эконом. ун-т. Минск : БГЭУ, 2020. С. 188–191. [Вернуться к статье](#)

5. Барсук И. А. Этика и экономика: генезис и эволюция взаимосвязи и взаимозависимости // Теоретико-методологические и прикладные аспекты государственного управления : сб. материалов III Междунар. форума молодых управленцев,

---

25–26 марта 2021 г. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; редкол.: О. В. Агейко [и др.] ; под общ. ред. А. С. Лаптёнка. Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2021. С. 553–554. [Вернуться к статье](#)

УДК 316.334.4

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СОВРЕМЕННЫМ
КРИМИНАЛЬНЫМ ВЫЗОВАМ И УГРОЗАМ —
ЗАЛОГ УСТОЙЧИВОГО ПРАВОПОРЯДКА
И БЛАГОПОЛУЧИЯ В ОБЩЕСТВЕ**

Н. М. Саулов

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант факультета милиции

Т. И. Вишневская

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
начальник кафедры правовых дисциплин,
кандидат юридических наук

***Аннотация.** В статье рассматривается криминогенная ситуация в Республике Беларусь, отмечаются отдельные тенденции развития преступности с учетом актуальных реалий, предлагаются меры по противодействию современным криминальным вызовам и угрозам.*

***Ключевые слова:** криминальная ситуация, преступность, противодействие, Республика Беларусь, законность, правопорядок.*

***Annotation.** The article considers the criminogenic situation in the Republic of Belarus, points out certain trends of crime development taking into account current realities, proposes measures to counteract modern criminal challenges and threats.*

***Keywords:** criminal situation, crime, counteraction, Republic of Belarus, legality, law and order.*

Криминальная ситуация, складывающаяся в современном обществе, имеет неоднозначную характеристику. Различные кризисные явления, социальные противоречия приводят к трансформации и росту многих криминальных девиаций.

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в стране в 2022 г. было зарегистрировано 88 555 различных преступлений, в 2021 г. — 87 696 [1, с. 142]. Соответственно, наблюдается отрицательная тенденция роста преступности в 2022 г. по сравнению с 2021 г. на 0,98 %. Кроме того, уровень преступности в указанный период вырос на 1,8 %. Так, если в 2021 г. на 100 000 населения было зарегистрировано 943 преступления, то в 2022 г. — уже 960. В 2022 г. по сравнению с 2021 г. число выявленных случаев мошенничества возросло на 55,6 %, а взяточничества — на 40,7 %. По-прежнему высоким остается влияние алкоголя — более 32 % виновных в момент совершения преступления находились в состоянии опьянения.

Вместе с тем стоит отметить положительную тенденцию — преступность в Беларуси становится менее «насильственной». Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, за последние 5 лет на минимальном уровне оказалось количество убийств, причинения тяжких телесных повреждений, грабежей и хулиганств [2].

Необходимо обратить внимание на то, что с развитием технологий и глобализации, преступность приобретает трансграничный характер — преступники легко совершают преступления за пределами национальных границ, что затрудняет их преследование и наказание. Наблюдается виртуализация преступности, рост кибердевиантности [3, с. 52–53]. С увеличением числа собственников, у которых возрастает объем ценного имущества, происходит консьюмеризация общественного сознания, что способствует увеличению корыстных преступлений.

Назовем наиболее опасные современные виды преступности. Во-первых, следует выделить киберпреступность, которая становится все более распространенной. Сегодня она имеет различные проявления: хакерство, кибермошенничество, хищение имущества путем модификации компьютерной информации и другие виды преступлений, связанные с использованием компьютерной техники и сети Интернет.

Глобальной угрозой для человечества является терроризм. Террористические акты приобретают масштаб планетарного уровня, угрожают жизни человеческой цивилизации. Терроризм направлен на достижение определенных целей путем насилия над мирным населением. Как правило, терроризм проявляется в таких формах, как взрывы в общественных местах, захваты заложников, убийства отдельных людей.

Коррупционная преступность, легализация денежных средств, полученных преступным путем, также вызывают серьезную озабоченность.

Заметим, что это лишь часть преступлений, совершающихся в современном обществе, которые представляют серьезную угрозу для обеспечения правопорядка.

Вместе с тем правопорядок — такое состояние регулируемых правом общественных отношений, при котором оно соответствует правовым предписаниям вследствие строгого и неукоснительного их исполнения [4]. Неотъемлемым условием правопорядка выступает эффективное противодействие преступности. Учитывая закономерности и тенденции преступности, противодействие постоянно требует усовершенствования.

Для обеспечения режима законности и правопорядка в обществе целесообразно предложить следующие меры.

Исходя из учета транснациональной природы преступности, необходимо укреплять сотрудничество между странами для обмена информацией, экстрадиции преступников и совместного расследования. Это требует разработки международных соглашений, развития международного взаимодействия правоохранительных организаций. Только путем совместных усилий можно достичь эффективных результатов в борьбе с преступностью.

Необходимо улучшать нормативные правовые акты, усиливать правовую пропаганду среди населения, осведомленность общества о новых видах и способах противоправной деятельности, формировать высокий уровень правовой культуры. Кроме того, необходимо повышать качество и доступность юридической помощи, квалификацию сотрудников правоохранительных органов.

Принципиально важным является создание благоприятной социальной и экономической среды, которая снижает мотивацию для совершения преступлений.

Необходима активная вовлеченность общества в противодействие преступности. Целесообразно создавать партнерские отношения с гражданами, сообществами и неправительственными организациями, чтобы совместно осуществлять предупредительную деятельность. Кроме того, подчеркнем важность активного взаимодействия различных государственных органов, общественных организаций с академическим сообществом по вопросам противодействия современной преступности.

Особое место и роль приобретает активное использование современных технологий, таких как видеонаблюдение, биометрия, искусственный интеллект, которые являются эффективными инструментами в борьбе с преступностью. Внедрение этих технологий позволяет более быстро и качественно обнаруживать, предотвращать и расследовать преступления.

В целом современные методы борьбы должны постоянно адаптироваться и развиваться, чтобы справиться с новыми вызовами преступности и обеспечить безопасность в обществе. Устойчивость правопорядка в условиях современных вызовов зависит от успешной борьбы с преступностью и обеспечения достойного качества и комфорта жизни всех членов общества.

Трансформация преступности требует развития уголовной политики, непрерывного совершенствования форм и методов противодействия преступности. Прогрессивное развитие предупредительной деятельности — залог успеха в борьбе с новыми криминальными вызовами и угрозами, залог устойчивого правопорядка и благополучия в обществе.

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2023 / редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2023. 322 с. [Вернуться к статье](#)
2. В стране убийств меньше, мошенничеств больше. Как изменилась преступность в Беларуси за год [Электронный ресурс] // ИД «Проф-Пресс». URL: <https://1prof.by/news/v-strane/ubijstv-menshe-moshennichestv-bolshe-kak-izmenilas-prestupnost-v-belarusi-za-god/> (дата обращения: 07.03.2024). [Перейти к источнику](#)
[Вернуться к статье](#)
3. Гилинский Я. И. Человеческое, слишком человеческое. СПб. : Алтея, 2022. 204 с. [Вернуться к статье](#)
4. Вишневский А. Ф., Горбатов Н. А., Кучинский В. А. Общая теория государства и права : учеб. / учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». 3-е изд., пересмотр. Минск : Акад. МВД, 2017. 478 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.1

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ
В ОБЛАСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ
ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ
И РЕАЛИЗАЦИЯ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ПРАВОВЫХ НОРМ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ
(БЕЛОРУССКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)**

Е. Д. Седельник

Белорусский государственный университет,
студент 4 курса юридического факультета

А. В. Шидловский

Белорусский государственный университет,
доцент кафедры уголовного права юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент

***Аннотация.** Беспечное отношение лиц к персональным данным влечет негативные последствия, для недопущения которых требуется организовать меры по профилактике подобных посягательств.*

***Ключевые слова:** персональные данные, методы борьбы, профилактика, сравнение, посягательства.*

***Annotation.** The careless attitude of individuals towards personal data entails negative consequences, to prevent which it is necessary to organize measures to prevent such attacks.*

***Keywords:** personal data, methods of control, prevention, comparison, encroachments.*

Ключевые работы в аспектах применения мер ответственности за посягательства на персональные данные и информацию о частной жизни (к которой относятся личная и семейная тайны) в отечественной юридической науке запечатлены лишь в публикациях отдельного ряда авторов (в частности, таких как А. А. Шугай, Л. В. Павлова, Н. А. Саванович, В. В. Вабищев, М. А. Дубко, О. О. Топорикова и др.).

В то же время институт права на неприкосновенность частной жизни (своеобразный прототип тогда неизвестного понятия — «персональные данные») уже имел свое законодательное закрепление даже в те времена, когда наши земли еще находились под властью Российской империи. Примером чему служит то, что Телеграфный (1876 г.) и Почтовый (1857 г.) уставы вели речь о тайне корреспонденции, защита которой регламентировалась в соответствии с положениями Уголовного Уложения (1903 г.) и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.). Так, статьями 162–170 Уголовного Уложения запрещалось вмешательство должностных лиц в аспектах отправления правосудия в сферы личной и семейной жизни лица [1, с. 133]. Из истории

Советского Союза лишь приказ НКВД СССР от 29 декабря 1939 г. в рассматриваемом вопросе удостоен особого значения. Подобный акт гласит об уже тогдашней осведомленности законотворческих органов о специфической сущности и значении персональных данных. Актом устанавливалась обязанность в стенографировании абсолютно всех международных телефонных разговоров зарубежных корреспондентов с сотрудниками корпуса иностранных посольств. Органами, отвечающими за государственную безопасность, контроль осуществлялся и во внутренних делах государства, так «особая роль в контроле поведения граждан отводилась осведомителям». В дополнение, в соответствии с распорядительными актами органов директивного управления, вводилась цензура как исходящей, так и входящей корреспонденции международного характера [2, ст. 35]. Вышеназванные подходы со стороны властей характеризовались в качестве необходимости для поддержания безопасности, пусть и идущей вразрез с обеспечением права на неприкосновенность частной жизни.

В большинстве своем позиция законодателя на данный момент относительно введения ст. 203¹ и 203² Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) основывается на необходимости в сопоставимом и актуальном ответе на незаконные умышленные деяния в отношении информации, составляющей персональные данные, профилактики причинения вреда гражданам в период активного внедрения в жизнь общества информационно-коммуникационных технологий, широкого доступа в сеть Интернет.

В то же время представляемая нами попытка институционализации выступает в качестве закономерного и логического процесса. Не представляется возможным оказать влияние посредством норм уголовного закона на определенного рода сферы жизни в отрыве, без учета воздействия на иные грани жизни общества, где в данном вопросе могут принять участие совсем другие нормы. Положения уголовного кодекса способны эффективно выполнять свои задачи лишь в корреляции и взаимозависимости с иными нормами как соответствующей отрасли, так и смежных. По этой причине с самого начала между последними имеют место нормативные институциональные межотраслевые и внутриотраслевые связи. Для системной характеристики институтов права довольно весомым элементом выступают соответствующие нормативные связи. Ведь задачей уголовно-правовой институционализации норм по охране персональных данных в нашем случае выступает выявление и поддержание необходимых контактов содержательных элементов соответствующего института, то есть того, что поддерживает институциональный характер или институциональность социальных явлений.

В частности, по объекту преступлений мы и будем выявлять те самые нормативные связи среди норм института уголовно-правового института по охране персональных данных.

Так, незаконные действия в отношении информации о частной жизни и с персональными данными, выступающими в качестве компьютерной информации, по нашему мнению, квалифицируются как совокупность преступлений по недавно введенным ст. 203¹ либо 203² с соответствующими составами преступлений, указанными в главе 31 УК. Подобное мнение разделяет и М. А. Дубко [3, с. 64]. В то же время, если информация о частной жизни или персональные данные выступают как составной элемент иной информации, ограниченной в предоставлении и (или) в распространении (к примеру, материалы уголовного дела, государственные секреты, врачебная тайна и т. д.), в соответствии с направленностью умысла виновного подобное деяние влечет ответственность уже по специальной статье УК, предписывающей наказание за посягательство на указанную категорию информации, ограниченную в распространении (т. е. по одной из ст. 178, 254, 358, 373, 407 УК). Это связано с тем, что вышеназванные категории информации изначально характеризуются более строгим режимом защиты со стороны права, что коррелирует с дополнительными требованиями по работе с соответствующими данными, конструкцией статьи, а именно формальным составом преступления и санкциями за подобные деяния.

В случае наступления существенного вреда сбор персональных данных посредством хищения различного рода документов, содержащих сведения о гражданине, влечет совокупность преступлений, содержащихся в ст. 203¹ и 377 УК, когда же подобные действия имели место вследствие корыстных или иных личных побуждений, или ст. 378 УК — хищение личных документов. Касательно сведений о частной жизни сходную точку зрения поддерживает и О. О. Топорикова [4, с. 31].

Таким образом, в целях верной квалификации незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных в качестве деяний, караемых уголовным законом, прежде всего необходимо детальное понимание положений актуальных законодательных основ по защите персональных данных, что способствует выделению предметных и объектных границ действия уголовного закона, осведомленность о порядке получения согласия субъекта персональных данных на обработку соответствующей информации, знание общих требований к обработке персональных данных и меры обеспечения защиты последних.

С учетом некоторых отличительных черт режима охраны определенных видов информации, ограниченной в распространении, когда имеет место

совершение преступления, где персональные данные играют роль составных элементов информации иной категории, выступающей в качестве предмета специальных составов преступлений (государственные секреты, врачебная, банковская тайны, материалы уголовного дела и др.), в отношении которой установлены ограничения на ее распространение и (или) предоставление, квалифицировать деяние необходимо по умыслу виновного в соответствии с вышеназванными специальными составами статей УК. Ведь, как уже было упомянуто, в период трансформации информационного общества преступные посягательства на персональные данные часто взаимосвязаны с общественно-опасными деяниями против компьютерной безопасности (глава 31 УК), что в совокупности с необходимыми уголовно-правовыми признаками должно иметь место в момент квалификации подобных деяний, т. е. налицо — совокупность преступлений.

В Российской Федерации еще с 2006 года принят Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ, которым установлена обязанность для юридических лиц по принятию мер, направленных на защиту соответствующих данных физических лиц. С учетом положений данного закона подобные меры должны являться достаточными, чтобы не повлечь как случайный, так и неправомерный доступ к персональным данным, их изменение, распространение или уничтожение, а также другие неправомерные действия. Следовательно, по нашему мнению, данные меры можно разделить на следующие группы:

- правовые меры, под которыми понимается создание комплекта документов, которые являются необходимыми для защиты персональных данных;
- технические и организационные меры, под которыми имеются в виду действия, с помощью совершения которых осуществляется обеспечение безопасности. К примеру, обучение сотрудников, установление шифрования.

Кроме того, следует заметить, что российское законодательство содержит в себе ряд специальных требований, касающихся защиты персональных данных для отдельных категорий юридических лиц. В соответствии с чем в Российской Федерации имеет место специализированный Перечень мер для государственных органов. За нарушение законодательства по защите персональных данных граждан в государстве предусмотрена как административная, так и уголовная ответственность. Так, за нарушение правил обработки персональных данных наступает административная ответственность. Виновники незаконного сбора или распространения сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия, несут уголовную ответственность.

Исходя из характеристики рассматриваемых нами общественных отношений к институту уголовно-правовой охраны персональных данных предлагаем отнести: разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 177 УК), разглашение врачебной тайны (ст. 178 УК), нарушение законодательства о выборах, референдуме, об отзыве депутата и о реализации права законодательной инициативы граждан (нарушение тайны голосования) (ст. 192 УК), нарушение тайны переписки, телефонных разговоров, телеграфных и иных сообщений (ст. 203 УК), незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных (ст. 203¹ УК), несоблюдение мер обеспечения защиты персональных данных (ст. 203² УК), хищение путем использования компьютерной техники (ст. 212 УК), незаконное использование либо разглашение сведений, внесенных в реестр владельцев ценных бумаг, или информации о результатах финансово-хозяйственной деятельности эмитента ценных бумаг (ст. 226¹ УК), коммерческий шпионаж (ст. 254 УК), разглашение коммерческой тайны (ст. 255 УК), изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера (ст. 343 УК), изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего (ст. 343¹ УК), несанкционированный доступ к компьютерной информации (ст. 349 УК), уничтожение, блокирование или модификация компьютерной информации (ст. 350 УК), неправомерное завладение компьютерной информацией (ст. 352 УК), умышленное разглашение государственной тайны (ст. 373 УК), разглашение государственной тайны по неосторожности (ст. 374 УК), умышленное разглашение служебной тайны (ст. 375 УК), незаконное собирание либо получение сведений, составляющих государственные секреты (ст. 375¹ УК), незаконное изготовление, приобретение либо сбыт средств для негласного получения информации (ст. 376 УК), хищение либо уничтожение личных документов (ст. 378 УК), разглашение данных дознания, предварительного следствия или закрытого судебного заседания (ст. 407 УК), умышленное разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении защищаемого лица (ст. 408 УК).

---

1. Семенов Е. Е. Информационная глобализация и ее влияние на трансформацию социальных связей в современном мире // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2010. Т. 16, № 1. С. 133. [Вернуться к статье](#)

2. Дубко М. А. Подходы к определению существенного вреда в составе неправомерного завладения компьютерной информацией (ст. 352 Уголовного кодекса Республики Беларусь) (часть 1) [Электронный ресурс] : [по состоянию на 05.03.2024 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Топорикова О. О. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Особенная часть. Раздел VII. Преступления против человека. Глава 21. Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних (статьи 172–180) [Электронный ресурс] : [по состоянию на 05.03.2024 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Блоцкий В. Н. Конституционное обеспечение права человека на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М., 2001. С. 31. [Вернуться к статье](#)

УДК 340.115

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ
ПОЗНАНИЯ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ****В. А. Чернякова**Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
студент факультета экономики и права**И. И. Довыденко**Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
старший преподаватель кафедры юриспруденции

***Аннотация.** В современной правовой науке вопрос использования методов и форм познания, несмотря на его достаточно широкое изучение, стоит достаточно остро. В статье рассматриваются основные проблемы гносеологической методологии, возникшие в рамках нарастающих тенденций глобализма, активных процессов интеграции и развития многих сфер жизни общества.*

***Ключевые слова:** методология права, правовое явление, правопонимание, плюрализм правопонимания.*

***Annotation.** In modern legal science the question of the use of methods and forms of knowledge, despite its rather broad study, is quite acute. The article discusses the main epistemological problem of methodology raised in the emerging trends of globalization, active processes of integration and development of many sectors of society.*

***Keywords:** methodology of law, legal phenomenon, law understanding, pluralism of law understanding.*

Методология познания правовых явлений представляет собой сложную систему подходов, которые помогают ученым раскрывать суть и сущность законов и норм права. Важным аспектом методологии является умение анализировать и интерпретировать факты, данные источники информации, чтобы прийти к обоснованным выводам.

Одним из ключевых элементов методологии является умение проводить анализ различных теорий права, выявлять их сходства и различия, чтобы сделать выводы об их применимости в конкретных ситуациях. Также важно умение определять и классифицировать правовые явления, чтобы создать систему понимания и оценки правовых норм.

Изучение методологии познания права помогает не только понимать суть правовых явлений, но и развивать критическое мышление, логическое мышление и аналитические способности. Это позволяет ученым более глубоко и полно понимать и анализировать законы и нормы права, представлять их в новом свете и находить решения для сложных ситуаций.

Методология познания правовых явлений является важным инструментом для ученых и специалистов в области права, помогающим им раскрывать сущность и смысл законов и норм, а также применять их на практике для достижения справедливости и правопорядка в обществе.

Современная философская методология, несомненно, представляет собой важный компонент для понимания процессов познания реальности. Методология не только помогает анализировать условия и способы познания, но также является организатором мыследеятельности и жизни людей. Философское исследование отличается рефлексивностью, позволяющей раскрывать как структуру объекта, так и процесс его познания. Рефлексия также помогает определить степень объективности различных видов познавательной деятельности и ценностный характер познания. Философское знание способно определить истинность и значимость исследуемого объекта для познающего субъекта.

Поэтому важно развивать и усовершенствовать методологию путем интеграции различных подходов и принципов. Только таким образом можно добиться более глубокого и полного понимания объекта исследования, а также развить новые подходы к его изучению. В конечном итоге методология должна быть ориентирована на достижение цели научного исследования и обеспечение его уникальности и оригинальности.

Во избежание монистического взгляда на право, отмечается поиск и разработка новых правовых гипотез, что приводит к плюрализму в толковании права. Сложность методологии юридических наук проявляется в процессе развития социального знания и преобразования общей картины мира. Современные представления о праве требуют изучения правовых явлений, особенно в постсоветской юриспруденции начала 90-х годов XX века.

Анализируя различные исследования методологии права, можно отметить смену научной концепции в XXI веке после марксистского подхода, характерного для 80-х годов XX века. Этот разрыв отражает изменения в философской мысли XIX века и теориях диалектического материализма советского периода. Лидирующее положение в методологии права сохраняется у работ П. В. Копнина, В. А. Лекторского, Р. Лукича, А. П. Шептулина, В. А. Штоффа, М. С. Кагана и других, что позволяет лучше понимать и анализировать правовую реальность в современном мире [1, с. 244].

Методология марксистского периода все еще активно применяется в теории права. Ученые, такие как В. М. Сырых, А. И. Демидов и Н. Н. Тарасов, отмечают, что марксистская парадигма по-прежнему оказывает влияние на современную теоретическую и методологическую ситуацию в правовой науке. Однако с появлением неоклассического и постклассического подходов в науке,

методология научных исследований в области права начинает развиваться, открывая новые подходы в изучении этого широкого явления [2, с. 236].

Идея методологического плюрализма, предложенная Д. А. Керимовым, подчеркивает отсутствие универсального способа исследования права, что вызывает необходимость использовать различные методологические концепции. Это открывает путь к разнообразию методов научного познания, позволяя исследователям подойти к изучению права с разных сторон и открыть новые грани этого сложного явления [3, с. 95–96].

Таким образом, развитие методологии научных исследований в области права становится важной предпосылкой для получения достоверных знаний о правовой системе. Выбор языка научного исследования, поиск новых доказательств и разработка новых идей играют ключевую роль в процессе познания права. А методологический плюрализм открывает новые возможности для изучения правовых явлений с разных точек зрения, обогащая наше понимание этой области.

На данный момент наблюдается стабильная тенденция к исследованию новых методологических инструментов, которые способствуют улучшению знаний о праве. Каждая отрасль права имеет свой собственный набор методов познания. Следует признать, что методологический потенциал философии права или общей теории права гораздо более разнообразен, и поэтому их методы широко используются в различных отраслевых научных исследованиях.

Ученые, занимающиеся изучением права, стремятся расширить свои горизонты познания, исследуя новые подходы к пониманию права, его современные парадигмы и объясняя различные явления правовой действительности. Изучая различные аспекты юридической сферы и правовой практики, ученый всегда исходит из определенного взгляда на правовую систему. Такой подход позволяет синтезировать знания, систематизировать выводы и обеспечить достаточную последовательность и целостность исследования.

Рассмотрение современных подходов к пониманию права говорит о том, что методология исследования правовых вопросов тесно связана с выбранным типом правопонимания. В литературе выделяются различные типы правопонимания, такие как нормативное, естественно-правовое и социологическое. Особую популярность приобретают теории, посвященные таким типам правопонимания, как нормативное, социологическое и естественно-правовое.

Концепция интегрального правопонимания, предложенная Г. Берманом, представляет собой комплексный общеметодологический подход к анализу права на основе философской целостности и синтеза знаний. Эта концепция находит отклик и в работах российских ученых, которые рассматривают право как сложноорганизованный объект познания, находящийся в постоянной

динамике и обмене познавательными ракурсами между разными правоведческими подходами.

Е. Е. Жеребцова обобщает различные типы правопонимания и указывает на то, что в основе современной теории и философии права лежат два базовых типа правопонимания — позитивистское и непозитивистское [4, с. 32]. Многие исследователи соглашались с этой точкой зрения. В. Г. Графский призывает преодолеть дихотомию «позитивизм — непозитивизм» и создать новую доктрину, ориентированную как на узкодисциплинарное, так и на междисциплинарное научное исследование [5, с. 143].

Большинство авторов остро критикует современную методологическую ситуацию в правоведении, осуждает консервативные взгляды, необоснованные заимствования и предлагает способы усовершенствования методологии. Подчеркивается, что методология — это система определенных познавательных установок и механизмов, которые способствуют качественному изучению конкретного предмета научного исследования с учетом его специфики и целей познания.

С учетом диалектического материализма в советской правовой методологии В. П. Малахов выделяет различные виды методологии, такие как антропологическая, феноменологическая, формально-логическая, социологическая, культурологическая, историческая, системная и аксиологическая. Специфика каждого вида методологии зависит от области научных интересов и дополняется специальными подходами, разработанными в рамках конкретной области правоведения [6, с. 43–45].

Методология в правоведении подвергается критике из-за своей консервативности и отсутствия научной актуальности. Однако она является важной системой, обеспечивающей сочетание методов и их интерпретаций, унификацию и расширение границ рациональности. Таким образом, методология играет ключевую роль в познании и выводе научных результатов. В процессе исследования правовых вопросов активно используются выбор языка научного исследования, поиск доказательств истинности новых теорий и разработка уникальных идей. Правовая гносеология определяется особенностями процесса поиска новых знаний. Ученые стремятся расширить горизонты познания, разрабатывая новые подходы к пониманию правовой системы. Различные типы правопонимания играют важную роль в исследованиях, а методология как система определенных познавательных установок и механизмов способствует качественному исследованию правовых вопросов. Однако современная методологическая ситуация в правоведении подвергается критике, и исследователи предлагают новые подходы и способы усовершенствования методологии.

Методология, в отличие от метода или совокупности методов, является основным объединяющим понятием и всегда включает в себя мировоззрение исследователя. Таким образом, она является фундаментальной философской составляющей. Именно конкретная методология формирует «набор поисковых инструментов». Следует отметить, что методология, совокупность методов, способов и средств познания, постоянно развивается. Постоянное накопление знаний способствует разработке новых методов и средств познания. Цели и задачи науки определяют последующие пути ее познания.

Исследование современного состояния методологии познания права требует комплексного анализа, но даже краткий обзор показывает методологический плюрализм.

В современных условиях развития общественных сфер, глобализации и активного процесса интеграции необходимость в критическом осмыслении традиционных представлений о праве и его связи с государством становится все более актуальной. Это обусловлено как усложнением социальных связей и изменением конфигурации взаимодействия социальных регуляторов общества, так и влиянием национальных правовых систем на глобальном уровне.

Современные процессы стратификации в разных государствах, а также взаимодействие международных правовых систем вызывают вопросы о природе права и его национальности, что, в свою очередь, меняет роль законодательных и нормотворческих органов. Поэтому необходимо применять междисциплинарный подход в исследовании права, включающий в себя философию, историю, антропологию, социологию, психологию, культурологию, этику, политологию и другие гуманитарные науки. Только благодаря такому комплексному подходу можно разработать эффективный набор концепций и проводить исследования по гносеологической задаче в любой современной науке гуманитарного цикла.

В итоге понимание права в современном контексте становится плюралистическим, что стимулирует появление новых методологических парадигм в правовых исследованиях.

---

1. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. М. : Политиздат, 1985. 635 с. [Вернуться к статье](#)

2. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та, 2001. 264 с. [Вернуться к статье](#)

3. Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права : учеб. пособие. М. : Аванта+, 2000. 560 с. [Вернуться к статье](#)

4. Жеребцова Е. Е. К вопросу о понятии и структуре методологии исследования института судебного конституционного контроля // Право и государство: теория и практика. М. : Право и государство, 2010. № 4. С. 29–33. [Вернуться к статье](#)

5. Графский В. Г. Интегральная (общая, синтезированная) юриспруденция как теоретическое и практическое задание // Наш трудный путь к праву : материалы философско-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсесянца. М. : Норма, 2006. С. 140–165. [Вернуться к статье](#)

6. Малахов В. П. Многообразие методологий современной теории государства и права // История государства и права. 2010. № 6. С. 2–17. [Вернуться к статье](#)

УДК 347.635.3

СОГЛАШЕНИЕ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ КАК СПОСОБ УПЛАТЫ АЛИМЕНТОВ В ДОБРОВОЛЬНОМ ПОРЯДКЕ

А. К. Шведова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант факультета милиции

И. В. Данькова

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин

***Аннотация.** В статье проанализирована возможность родителей, обязанных уплачивать алименты на содержание детей, заключить Соглашение об уплате алиментов. Дается характеристика условий заключения данного соглашения.*

***Ключевые слова:** дети, родители, алименты, содержание ребенка, соглашение об уплате алиментов.*

***Annotation.** The article analyzes the possibility of parents obligated to pay child support to enter into an Agreement on the payment of child support. The conditions for concluding this agreement are described.*

***Keywords:** children, parents, alimony, child support, alimony payment agreement.*

Представление о счастливой семье, где все поддерживают друг друга и в горе, и в радости, прошло испытание временем и стало идеалом семейного уклада жизни. Однако современные реалии неутешительны: любовь проходит, семьи разрушаются, и только дети не могут стать бывшими детьми ни при каких обстоятельствах. Именно с распада семьи и начинают возникать спорные вопросы о дальнейшем воспитании и содержании детей, которые далеко не все родители могут решить цивилизованно и бесконфликтно, учитывая интересы каждого ребенка и не забывая о том, что ему необходимо воспитание, поддержка и материальное содержание со стороны обоих родителей.

Действующее законодательство Республики Беларусь предусматривает два порядка уплаты материального содержания на детей в виде алиментных выплат:

- добровольный (на основании соглашения сторон);
- принудительный (на основании судебного решения) [1].

Принимая во внимание, что судами общей юрисдикции Республики Беларусь ежегодно рассматривается и удовлетворяется около 9 000 исков по взысканию алиментов на несовершеннолетних детей, а именно: в 2021 году рассмотрено и удовлетворено 9 899 исков [2], в 2022 году — 9 694 иска [3], в 2023 году — 8 512 исков [4], учитывая повышенный интерес общественности

к спорам, связанным с неисполнением алиментных обязательств, одной из первостепенных задач государства по защите прав и законных интересов детей является не только обеспечение их всеми необходимыми условиями для благоприятного развития, но и предоставление возможности родителям бесконфликтного урегулирования вопроса по выплате алиментных обязательств.

Обращаясь к практике взыскания алиментных обязательств в ряде иностранных государств (Франция, Швейцария, Австрия и другие), можно констатировать, что при расторжении брака на супругов возлагается обязанность предоставить суду Соглашение об уплате алиментов с целью его рассмотрения и дальнейшего утверждения, что позволит в будущем взыскивать алименты, так как стороны самостоятельно пришли к соглашению относительно суммы выплат, порядка и срока уплаты и т. д. [5, с. 67].

В белорусском законодательстве также предусмотрена возможность заключения различных видов соглашений, которые помогают урегулировать спорные вопросы по родительским обязанностям и являются одним из способов уплаты алиментов в добровольном порядке. К числу таких соглашений относят Соглашение о содержании своих несовершеннолетних и (или) нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей, другими словами — Соглашение об уплате алиментов.

Соглашение об уплате алиментов представляет собой семейно-правовой договор, на основании которого родитель, обязанный уплачивать алименты, обязуется предоставить другому родителю — получателю алиментов — материальное содержание для ребенка на условиях, с которыми согласны обе стороны. Суть данного договора заключается в том, что родители получают возможность добровольно, без судебного разбирательства урегулировать вопрос об исполнении алиментного обязательства [6, с. 179].

В соответствии с Кодексом Республики Беларусь о браке и семье (далее — КоБС), Соглашение об уплате алиментов заключается как в интересах несовершеннолетних детей, не достигших на момент заключения договора восемнадцатилетнего возраста, так и в интересах нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей.

Как было сказано выше, Соглашение об уплате алиментов заключается между родителем, на которого возложена обязанность уплаты алиментов, и лицом, получающим материальное содержание для ребенка, а потому для заключения Соглашения об уплате алиментов необходимо предоставить следующие документы:

– паспорт (идентификационная карта) плательщика и получателя алиментов;

- свидетельство о рождении ребенка;
- документ, подтверждающий право собственности родителя на недвижимое имущество, если оно передается в собственность ребенку по условиям соглашения (например, свидетельство о праве собственности, договор дарения, свидетельство о праве на наследство);
- документы, подтверждающие право законного представителя заключать соглашение (в ситуации, когда соглашение заключается законным представителем родителя, признанного судом недееспособным);
- письменное согласие органа опеки и попечительства на заключение соглашения недееспособным родителем, у которого нет законных представителей.

Необходимо отметить, что Соглашение об уплате алиментов относится к категории документов, которые подлежат обязательному нотариальному удостоверению. Данный документ составляется в письменной форме, в нем указываются фамилия, собственное имя, отчество, дата рождения ребенка, алименты на которого являются предметом соглашения. Родители самостоятельно на основе обоюдного согласия определяют следующие условия:

- порядок выплат материального содержания для ребенка или, иными словами, их периодичность (каждую неделю, раз в месяц, каждый квартал и др.);
- форму выплат (наличные средства, безналичный расчет и др.);
- условия выплат (к примеру, дополнительные выплаты на образование, лечение, отдых и т. д.);
- размер выплат (необходимо помнить, что он не должен быть меньше установленного законом: 25 % от всех видов дохода на одного ребенка, 33 % — на двоих, 50 % — на троих и более детей или 50 %, 75 % и 100 % от бюджета прожиточного минимума соответственно);
- наиболее подходящий способ (либо сочетание нескольких способов) предоставления выплат и исполнения обязательства (в процентах относительно доходов родителя, обязанного уплачивать алименты, либо в твердой денежной сумме, которая может быть выплачена сразу либо постепенно за определенный период времени, либо передача имущества, недвижимости в собственность ребенка).

При этом необходимо помнить, что Соглашение об уплате алиментов не может быть заключено, если вопросы уплаты алиментов уже разрешены заключенными ранее Брачным договором или Соглашением о детях, а также вступившим в законную силу судебным постановлением.

Одним из основных отличий Соглашения об уплате алиментов по отношению к другим способам добровольного исполнения алиментного

обязательства является возможность передачи в собственность ребенка недвижимого имущества с последующей его государственной регистрацией. Именно с момента регистрации Соглашение вступит в законную силу и будет являться основанием для государственной регистрации перехода права собственности к ребенку на такое недвижимое имущество.

Стоит отметить, что Соглашение об уплате алиментов может быть изменено или расторгнуто в любое время по соглашению сторон, в том числе и после расторжения брака. А вот односторонний отказ от исполнения его условий или одностороннее их изменение не допускаются.

На практике одним из важнейших аспектов Соглашения об уплате алиментов является тот факт, что нотариальное удостоверение данного договора делает возможным осуществление принудительного исполнения алиментных обязательств без дополнительных процессуальных сложностей, т. е. по своей юридической силе Соглашение об уплате алиментов приравнивается к исполнительному листу, выдаваемому на основании решения суда, и подлежит принудительному исполнению.

Таким образом, заключение Соглашения об уплате алиментов является одним из наиболее эффективных инструментов механизма разрешения споров, связанных с исполнением алиментных обязательств. Данная процедура предусматривает цивилизованный подход обоих родителей при решении вопроса об алиментных выплатах, а также их обоюдное желание обеспечить своему ребенку наиболее комфортные и благоприятные условия дальнейшего воспитания. А потому, на наш взгляд, исходя из положительной практики иностранных государств, в качестве правовой меры по взысканию алиментных выплат будет целесообразным на законодательном уровне закрепить обязательное составление проекта Соглашения об уплате алиментов, которое будет утверждаться судом при расторжении брака. Если же супруги не придут к обоюдному согласию по условиям Соглашения, то предлагается каждому из них предоставить свой проект данного договора, окончательный вариант которого путем мирного урегулирования спорных вопросов предложит и утвердит суд. При этом не стоит забывать, что каждому ребенку важна поддержка и забота со стороны обоих родителей.

---

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2021 год [Электронный ресурс]. URL:

https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/baa6161e8d3941a1.html (дата обращения: 15.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2022 год [Электронный ресурс]. URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/5b82abc416a342a7.html (дата обращения: 15.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2023 год [Электронный ресурс]. URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/69694c4d3e774d6e.html (дата обращения: 15.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Убалехт О. В. Правовые проблемы взыскания и уплаты алиментов в России и странах континентальной семьи права // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2010. № 19. С. 66–69. [Вернуться к статье](#)

6. Данькова И. В., Лазутина Л. Ф. Семейное право : учеб. пособие. Минск : РИВШ, 2020. 324 с. [Вернуться к статье](#)

УДК 342

ЦИФРОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ НОРМ

А. А. Яценко

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
курсант факультета милиции

Д. В. Яковчик

Могилевский институт МВД Республики Беларусь,
преподаватель кафедры правовых дисциплин

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации конституционно-правовых норм с учетом развития информационно-коммуникативных технологий, делается прогноз развития рассматриваемых положений.

Ключевые слова: цифровая среда, конституционно-правовые нормы, информационно-коммуникативные технологии.

Annotation. The article examines the specifics of the implementation of constitutional and legal norms, taking into account the development of information and communication technologies, and makes a forecast about the development of the provisions under consideration.

Keywords: digital environment, constitutional and legal norms, information and communication technologies.

Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко отметил, что «...широкое применение информационных технологий во всех областях жизнедеятельности человека существенно влияет на мировое развитие, создает важные предпосылки для крупных экономических и социальных преобразований, ведет к формированию передового общества. На любом этапе информатизации особое значение приобретают процессы правовой информированности граждан, что является одним из приоритетных факторов динамичного развития цивилизованного государства...» [1]. Заявление Главы Государства точно передает тенденции современного общества: трансформация всех сфер жизнедеятельности в цифровую среду, переход к информационному обществу. Для достижения благосостояния общества требуется соответствие норм Конституции духу времени, построению эффективной модели закрепления и реализации правовых норм в цифровой среде.

Цифровизации в настоящий момент подвержены все процессы жизнедеятельности общества Республики Беларусь, во все сферы включаются процессы использования информационно-коммуникативных технологий (далее — ИКТ), без которых функционирование цифровой среды немыслимо. Это объяснимо динамикой современного общества: оно существует в состоянии постоянного научно-технического и информационного прогресса и для соответствия ему

государство вынуждено вступать в процесс цифровизации, в том числе реализации правовых норм, — рассматривать существующие и создавать новые правовые нормы с учетом возможности их реализации при использовании ИКТ. Целью данной работы является анализ возможности реализации конституционных норм с использованием средств ИКТ.

Точного определения понятию «цифровизация» не существует. Наиболее детально, по мнению авторов, описывают данный процесс Я. В. Гайворонская и О. И. Мирошниченко, которые выделяют три понятийных значения термина «цифровизация», а именно:

- 1) «переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую»;
- 2) «оцифровывание информации», перевод информации в цифровой формат для последующего хранения, распространения и использования;
- 3) «широкий комплекс экономических, управленческих, социальных процессов, связанных с использованием и широким распространением собственно цифровых, компьютерных, информационных, электронных и сетевых (телекоммуникационных) технологий, систем искусственного интеллекта в современной жизни» [2, с. 28].

К рассматриваемым в статье вопросам более применимо третье определение, несколько видоизмененное и примененное к конкретной отрасли. Таким образом, авторами предлагается рассматривать цифровую реализацию конституционных положений как процесс исполнения предписаний юридических норм, связанный с использованием ИКТ.

Конституция является основным законом государства. Конституционно-правовые нормы затрагивают все сферы общественной жизни, что обуславливает их государственную значимость. С учетом этого авторы полагают, что для формирования цифровой модели права, которое обязано произойти для построения цифровой модели государства в целом, изначально требуется развитие сферы реализации норм права с использованием ИКТ.

Стоит отметить, что в Конституции Республики Беларусь на данный момент уже имеются нормы, реализуемые в цифровой среде. Так, ст. 28 Конституции Республики Беларусь гарантирует право на защиту тайны корреспонденции, телефонных и иных сообщений [3]. Поскольку в настоящее время корреспонденция переходит в цифровое пространство (корреспонденцией здесь можно считать сообщения в электронной почте, социальных сетях, мессенджерах и т. д.), логично считать, что и реализация данного права должна осуществляться с использованием ИКТ. Так, например, раскрытие преступлений, связанных с несанкционированным доступом к личным сведениям и тайне корреспонденции, связано с использованием средств информатизации на стадии собирания информации, проведения оперативно-розыскных мероприятий и

т. д. Помимо этого, изменениями республиканского референдума 2022 года в данную норму внесены изменения, говорящие об обязанности государства создать условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании. Внесение данного изменения объясняется важностью обеспечения защиты персональных данных, основные угрозы которым находятся в сети Интернет. Государство к уже имеющимся экономическим и техническим мерам защиты прав человека создает меры правовые, и данный комплекс мер позволяет более эффективно предупреждать киберпреступления.

Принцип гласной деятельности государственных органов установлен ст. 34 Конституции Республики Беларусь, которая закрепляет право гражданина на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов. Средства ИКТ позволяют получать информацию о деятельности органов государства с их информационных сайтов, хранить путем копирования данных сведений на своем средстве ИКТ, распространять эти сведения через глобальную сеть Интернет.

Статьей 40 Конституции Республики Беларусь установлено право гражданина на обращение в государственные органы, что также возможно с применением средств ИКТ. Данная возможность закреплена Законом Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц», где в ходе изменений от 28 июня 2022 г. установлена форма реализации права на обращение путем подачи электронных обращений в государственные органы и иные государственные организации через информационную систему «Государственная единая (интегрированная) республиканская информационная система учета и обработки обращений граждан и юридических лиц» [4].

Использование ИКТ также позволяет видоизменить реализацию права на образование, указанное ст. 49 Конституции Республики Беларусь. Возможным вариантом получения образования видится дистанционное обучение, которое также получило свое отражение в измененной редакции Кодекса Республики Беларусь об образовании.

Создание виртуальных экспозиций на веб-страницах музеев Беларуси [5] является формой реализации права граждан на участие в культурной жизни, прописанного статьей 51 Конституции Республики Беларусь. Следует отметить, что законодателем в самом тексте статьи прописаны способы реализации этого права в цифровой среде. Текстом статьи установлено, что это право обеспечивается общедоступностью ценностей отечественной и мировой культуры, находящихся в государственных и общественных фондах, развитием сети культурно-просветительных учреждений.

Следует отметить, что несмотря на уже большой перечень прав, реализацию которых возможно рассмотреть с учетом процесса цифровизации, данный

список прав может быть расширен. Рядом стран, например, создана возможность электронного голосования (например, в Бельгии, Эстонии и Индии). В конституциях некоторых государств закреплены права, относящиеся к группе цифровых и не имеющих в настоящий момент отражения в Конституции Республики Беларусь (например, право на доступ в Интернет в Конституции Непала). Авторы полагают, что введение новых и более детальное редактирование имеющихся прав должно являться процессом постепенным, эволюционным, а не революционным. Например, при создании возможности электронного голосования необходимо изначально создавать голосование гибридное: электронное и традиционное. Более того, данный процесс имеет определенные сложности, и логично сначала найти варианты решения возможных проблем, и лишь затем создавать вышеуказанные положения.

На основании вышеизложенного, авторы делают вывод о необходимости переосмысления конституционно-правовых норм с учетом возможности их реализации в цифровой среде. Авторы полагают, что существующие тенденции в изменении нормативных правовых актов в ближайшее время будут сохраняться для приведения их в соответствие с современными средствами ИКТ.

---

1. Правовая информатизация [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravovaya-informatizatsiya/> (дата обращения: 15.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Гайворонская Я. В., Мирошниченко О. И. Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект // Правовая парадигма. 2019. № 18 (4). С. 27–34. [Вернуться к статье](#)

3. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

4. Об обращениях граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2011 г., № 300-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.06.2022 г. № 176-З. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

5. Музеи Республики Беларусь, имеющие виртуальные экспозиции на своих веб-ресурсах [Электронный ресурс] // М-во культуры Респ. Беларусь. URL: <http://www.kultura.by/actual/muzei-respubliki-belarus-imejuschie-virtualnye-ekspozitsii-na-svoix-veb-resursax-4198-2020/> (дата обращения: 15.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

[Вернуться к началу издания](#)

СОДЕРЖАНИЕ**РАЗВИТИЕ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ.
ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ
ПОЗНАНИЯ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ**

Афонченко Т. П. О ВЛИЯНИИ НОРМ УГОЛОВНОГО ПРАВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ.....	7
Бредихин А. Л. ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА: ГРАНИ СОПРЯЖЕНИЯ.....	11
Вершок И. Л. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЯ К СОБСТВЕННОСТИ.....	15
Вишневская Т. И., Григорьев А. В. СОСТОЯНИЕ ПРАВОПОРЯДКА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА.....	21
Ворошкевич С. А. РОЛЬ НАУЧНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ.....	25
Голод Е. П. ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ И ДОВЕРИЕ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ.....	31
Демидова И. А. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА: К ВОПРОСУ СООТНОШЕНИЯ (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ).....	36
Денисов Ю. П. ФЕНОМЕН ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	41
Зайцева Е. С. ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	46
Зорченко Е. А. ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И ПРАВОВОЙ СУЩНОСТИ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.....	51
Иванцова Ю. Г. РЕГУЛЯТОРЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ.....	56
Кордобовская К. Е. ЦЕННОСТИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ.....	60
Костян И. И. О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	66

Лапина А. А. КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ	72
Лебедев С. Я. ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУР В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭПОХИ 6-ГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА.....	77
Ломакина И. Б. ПРАВОВАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ДОМИНАНТА РАЗВИТИЯ ПРАВА.....	83
Ломова Т. В. В. ИВАНОВСКИЙ О ВКЛАДЕ В РАЗВИТИЕ НАУКИ ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРАВА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ПОЛИЦЕИСТОВ XIX ВЕКА.....	86
Матарас В. Н. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И ПРАВОВОЙ НАУКИ.....	94
Минько Н. С. СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НАУЧНЫЙ ДИСКУРС ПО ПРОБЛЕМАТИКЕ)	100
Москаленко Г. Е. БАЛАНС ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.....	108
Нижник Н. С. ПРАВОВОЙ ИНФАНТИЛИЗМ КАК ВИД ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ: АТРИБУТИВНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ	113
Пушкарев Е. А. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	123
Стабровский Е. И. ЧЕЛОВЕК В ПРАВЕ: АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	128
Хомич В. М. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИСГАРМОНИЯ КАК СОЦИОГЕННЫЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ.....	133
Честнов И. Л. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА С ПОЗИЦИЙ ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ.....	139
Шестакова С. Д. КОМПАРАТИВИСТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЗНАНИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА	142
Шестаков Д. А. ДУХОВНОСТЬ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОМУ ЗЛУ	148

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ОТРАСЛЕВОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ
И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ
(БЕЛОРУССКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)**

Амельченя Ю. А. ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПРАВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ГОСУДАРСТВЕННЫЕ (МУНИЦИПАЛЬНЫЕ) ЗАКУПКИ, КАК ПРЕДПОСЫЛКИ К РАЗВИТИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ О ЗАКУПКАХ.....	152
Андрианова А. С. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА И ФОРМ УЧАСТИЯ В КОММЕРЧЕСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.....	158
Андрощук С. В. ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ТЕХНИЧЕСКИХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ.....	163
Астраханцев И. В. ТРАНСПОРТНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ — СФЕРА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ФУНКЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА	168
Блинников А. С. К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ АВТОРСКОГО ПРАВА И СМЕЖНЫХ ПРАВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	175
Бородулькина Е. С. К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ УГОЛОВНО- ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ	179
Веремеенко В. М., Кравец В. В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕСТРУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	185
Вовна В. И. О МОНИТОРИНГЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ.....	190
Головко И. И. ИНИЦИИРОВАНИЕ ПРОКУРОРОМ МЕР ОТВЕТСТВЕННОСТИ И МЕР ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕХАНИЗМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ	194
Григорович В. Л., Ходасевич А. В. ДОПРОС ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ МОДИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	200
Джуманбетова А. А., Орехова Е. П. О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВАХ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА.....	206
Дрозд А. Н. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЩЕНИЯ МУХОМОРОВ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	212

Ефременко Е. М. О ЗНАЧЕНИИ И НОРМАТИВНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ПРИНЦИПА ПРИОРИТЕТА ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА.....	217
Журова Ю. А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАНЯТОСТИ И ТРУДОУСТРОЙСТВА ОБЯЗАННЫХ ЛИЦ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ...	220
Иванченко Е. А. ЭТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРЕДЕЛОВ УСМОТРЕНИЯ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	224
Кийко Н. В. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОРЯДКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ	228
Ковалёв О. Н. ГЕНЕЗИС ПРАВОВЫХ НОРМ В СФЕРЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.....	232
Корень Т. А. О СТАТУСЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РАБОТНИКОВ ДОЛЖНИКА В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ИЛИ БАНКРОТСТВЕ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	237
Меняйло Д. В., Меняйло Л. Н. К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ И СТОРОНАХ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В ТРУДОВОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	241
Муравьев И. В. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛИЦ, ИЩУЩИХ УБЕЖИЩЕ, ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	246
Набатова А. Э., Горошко Е. Ю. К ВОПРОСУ ОБ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ).....	250
Пушко Н. В. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ «НЕПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТЬ» И «НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ» В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О БАНКРОТСТВЕ.....	256
Раюшкин В. К. О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА	261
Сапонов Н. А. СПОСОБЫ СОКРЫТИЯ СБЫТА НАРКОТИКОВ	266
Стаценко В. Г. СОСТОЯНИЕ, ДИНАМИКА И ОСОБЕННОСТИ МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	270
Терещенко Т. Г. О НЕКОТОРЫХ НОВЕЛЛАХ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ.....	276
Тулебаев М. С. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕЖИМА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ	281
Ховратова С. Н. ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ	287

Цыкунова И. Н. ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	294
Шеставин Д. А. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	300
Шнейдерова Д. И. ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ ОБСТАНОВКИ СОВЕРШЕНИЯ ХИЩЕНИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	306
Шурпаев Ш. М. ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА СОСТОЯНИЕ ПРАВОНАРУШАЕМОСТИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК	312
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	
Бойко О. А. ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СТРАНАХ СНГ И БАЛТИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	316
Галынскі Р. Д. ГІСТАРЫЧНАЯ ПАМЯЦЬ: ЗАХАВАЦЬ І АБАРАНІЦЬ (НАПЯРЭДАДНІ 80-ГОДДЗЯ ВЫЗВАЛЕННЯ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ АД НЯМЕЦКА-ФАШЫСЦКІХ ЗАХОПНІКАЎ)	324
Денисенко Н. В. ЛИЧНЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX В.)	328
Ігнатовіч А. Я. РОЛЯ НАРКАМА С. С. БЕЛЬЧАНКІ Ў БАРАЦЬБЕ З НЯМЕЦКА-ФАШЫСЦКІМІ ЗАХОПНІКАМІ І ПАСЛЯВАЕННЫМ АДНАЎЛЕННІ БЕЛАРУСІ	334
Корабава Г. А. СУВЯЗЬ СУДОВАЙ УЛАДЫ І ГРАМАДСКАСЦІ Ў САВЕЦКІ ПЕРЫЯД РАЗВІЦЦА БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ	338
Пушкін І. А. ГРАМАДСКАСЦЬ У БАРАЦЬБЕ СА ЗЛАЧЫННАСЦЮ І ЗА ЎМАЦАВАННЕ ПРАЦОЎНАЙ ДЫСЦЫПЛІНЫ СЯРОД РАБОТНІКАЎ ПРАМЫСЛОВАСЦІ БССР У 1970–1980-Я ГГ.	344
Чайкин С. Н. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	350

**ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ
ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА**

Агеевец А. В., Пучкова М. В. АКТУАЛЬНОСТЬ ВКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО РАЗДЕЛА В ДИСЦИПЛИНЫ ФИЗКУЛЬТУРНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ДЛЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	355
Бучакова М. А. ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕСТВА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ.....	359
Воспякова О. Ф. ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРОТИВОПРАВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	363
Григорьева Е. Н. ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА.....	368
Данькова И. В. МЕРЫ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ И ИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ.....	371
Дроздова А. М. ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ УСЛОВИЙ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ И УРОВНЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ	377
Дыжова А. А., Демидова А. В. РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ И РОССИИ	383
Зубрик Д. А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ INSTAGRAM ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРАВОВОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ ГРАЖДАН.....	389
Карнаушенко Л. В. ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА.....	393
Катушонок О. В. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРИЗИСНЫХ КОМНАТ	398
Корнилова И. В. ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ.....	404
Красильникова Т. К. ФОРМИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ВУЗЕ.....	408
Кулешов М. И. РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК В РАЗВИТИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ.....	413

Лапова Е. С. ГЛОБАЛЬНОЕ СЕТЕВОЕ ПРОСТРАНСТВО — СРЕДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛУЖБЫ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	417
Лихачева С. Н. СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖИ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ....	425
Лобанов К. Н., Медведев А. В. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ КАК ФОРМА РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ У ОБУЧАЮЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ	429
Непомнящих И. А. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ ЮРИСТОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ.....	433
Пашкевич Д. А. ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ	438
Савлукова Е. В. ПРИНЦИП ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ	442
Синица И. М. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА КАК МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ.....	445
Степанов М. М. ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ	452
Терешенко Е. Г. НИЗКИЙ УРОВЕНЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ПРИЧИНА ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СРЕДЕ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ.....	457
Терещенко Е. А. ЗАДАЧИ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ И ПОРЯДОК ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	461
Хлус А. М. АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	467
Шаркова Е. А. ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ПРАВОСОЗНАНИЯ.....	473
Яковчик Д. В. МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ОФЛАЙН-ФОРМАТЕ.....	478
Яловенко Т. В. ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В РОССИИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ	484

Трибуна молодых исследователей

- Андреасян М. А., Стаценко В. Г. ПЬЯНСТВО И НАРКОТИЗМ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 489
- Батура Д. С., Стаценко В. Г. О НЕКОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВ 495
- Бутонина Р. Д., Демидова И. А. ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ 500
- Воінава А. Д., Лянецвіч В. М. КАРУПЦЫЯ Ў ПАЛІТЫКА-ПРАВАВОЙ ДУМЦЫ: АД СТАРАЖЫТНАСЦІ ДА НОВАГА ЧАСУ 506
- Ганевич Я. Г., Терещенко Т. Г. О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В БЫТУ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ 512
- Киселева В. И., Вульвач Р. С. НАКАЗАНИЕ ЗА НАЛОГОВОЕ МОШЕННИЧЕСТВО ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ 517
- Киселева В. И., Рябцева Л. А. ДОКУМЕНТЫ, СОДЕРЖАЩИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЕ СВЕДЕНИЯ, ЛИБО ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЕ СВЕДЕНИЯ КАК ПРЕДМЕТЫ НАЛОГОВОГО МОШЕННИЧЕСТВА 523
- Корнейчик Н. А., Якубель М. М. К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ СПЕЦИАЛИСТА В ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ (ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ) В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ 527
- Костюк А. С., Халецкая Т. М. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ИМУЩЕСТВО» В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУТА СПЕЦИАЛЬНОЙ КОНФИСКАЦИИ 532
- Пузако В. Ю., Барсук И. А. АНТИЧНЫЙ ИДЕАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: ДОСОКРАТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД 538
- Саулов Н. М., Вишневская Т. И. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СОВРЕМЕННЫМ КРИМИНАЛЬНЫМ ВЫЗОВАМ И УГРОЗАМ — ЗАЛОГ УСТОЙЧИВОГО ПРАВОПОРЯДКА И БЛАГОПОЛУЧИЯ В ОБЩЕСТВЕ 542
- Седельник Е. Д., Шидловский А. В. АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ОБЛАСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И РЕАЛИЗАЦИЯ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ПРАВОВЫХ НОРМ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ (БЕЛОРУССКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ) 546

Чернякова В. А., Довыденко И. И. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ	552
Шведова А. К., Данькова И. В. СОГЛАШЕНИЕ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ КАК СПОСОБ УПЛАТЫ АЛИМЕНТОВ В ДОБРОВОЛЬНОМ ПОРЯДКЕ	558
Ященко А. А., Яковчик Д. В. ЦИФРОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ НОРМ	563

[Вернуться к началу издания](#)